СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ив. Ив. ПАНАЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ив. Ив. ПАНАЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

Ив. Ив. Панаевъ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

1840—1844.

МОСКВА.—1912.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

.... О немъ твердили цѣлый вѣкъ:
«N. N. прекрасный человѣкъ!

Пушкинъ.

ГЛАВА I,

служащая вступленіемъ; въ ней разсказывается о томъ, въ какую счастливую минуту родился прекрасный человѣкъ.

— Тс! тс! шш! шш! Экой народецъ какой! Васька, да что же это такое? развѣ ты не можешь пройти, не задѣвъ за что-нибудь? Мало бьютъ васъ, бестіи... Нечаянно? нечаянно! Да еще бы нарочно? Шшш! Шш! Шш!.. О, Господи Боже мой! чувства никакого нѣтъ въ этомъ народѣ, рѣшительно никакого.

Такъ, качая головою, шепталъ человѣкъ низенькаго роста, толстенькій, съ крошечными глазками, съ огромной лысиной, прохаживаясь на цыпочкахъ взадъ и впередъ по комнатѣ. На этомъ человѣкѣ былъ надѣтъ пестрый бухарскій халатъ, и маленькая шея его была опутана бѣлымъ платкомъ, который почти совершенно закрывается широкою орденскою лентой краснаго цвѣта съ желтой каемкой...

Хотя этому человѣку было только сорокъ лѣтъ, но на его кругломъ и полномъ лицѣ рѣзко обозначались морщины, — можетъ быть, слѣдствіе усиленныхъ трудовъ, и, несмотря на полноту, лицо его было болѣзненно-блѣдно—можетъ быть отъ сидячей жизни. Глазки его, совершенно заплывшіе, будто нехотя, будто съ трудомъ глядѣли на Божій свѣтъ; къ тому же, въ эту минуту онъ моргалъ вѣками, лишенными рѣс-

ницъ, обыкновеннаго ихъ украшенія. Но да не подумаетъ читатель, чтобъ этотъ почтенный человѣкъ моргалъ по привычкѣ, — совсѣмъ нѣтъ, онъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ привычекъ, рѣшительнаго ничего особеннаго: какое-то торжественное спокойствіе, ненарушимая безмятежность всегда царствовали на его полной физіономіи — и онъ моргалъ вѣками только въ самыя критическія минуты своей жизни, когда душа его бывала сильно взволнована и когда онъ сильно былъ недоволенъ или пораженъ чѣмъ-нибудь. Въ первомъ случаѣ онъ безпрерывно моргалъ обоими глазами, во второмъ только изрѣдка подергивалъ правымъ глазомъ.

— Шш! шш! — продолжалъ онъ, обращаясь къ удалявшемуся въ переднюю лакею, который стучалъ своими каблуками... — Ради же самого Бога, Васька, шш!.. Какъ же ты не возьмешь, братецъ, въ расчетъ, что ходить тебѣ взадъ и впередъ совершенно незачѣмъ? Сидѣлъ бы въ передней да тачалъ бы сапоги, а то нѣтъ...

Лакей остановился, обернулся лицомъ къ барину и разинулъ ротъ, но тотъ въ страшномъ испугѣ замоталъ своими коротенькими ручками, заморгалъ глазками и снова, но выразительнѣе прежняго, прошепталъ: шш!

Когда лакей вышелъ изъ комнаты, баринъ приложилъ руку къ правому уху и, казалось, сталъ къ чему-то внимательно прислушиваться... Но кругомъ была тишина ненарушимая; нагорѣвшая сальная свѣча издавала слабый свѣтъ, едва освѣщая комнату средней величины о трехъ окнахъ, уставленную красными рѣшетчатыми стульями, украшенную двумя ломберными столами и двумя зеркалами.

Черезъ минуту послышалось слабое стенаніе, какъ будто изъ другихъ сосѣднихъ комнатъ: при этихъ звукахъ человѣкъ въ халатѣ заморгалъ, почти не переводя дыханіе, опустился на стулъ, какъ бы ожидая еще что-то, но опять все попрежнему сдѣлалось тихо и, казалось, долго удерживаемый вздохъ вырвался изъ груди низенькаго и толстенькаго человѣчка и облегчилъ его. Губы его зашевелились; онъ забормоталъ что-то невнятно, но, черезъ минуту, приподнявшись со стула и заложивъ за спину свои коротенькія руки, кото-

рыя едва сходились назади, онъ снова сталъ прохаживаться по комнатѣ на цыпочкахъ и говорить довольно ясно, впрочемъ, шопотомъ:

— Десять лѣтъ! десять!.. Истинно неисповѣдимы судьбы твои, Господи! Все это какъ будто сонъ... И зналъ, и видѣлъ, кажется, собственными глазами, а какъ-то не вѣрилось. Надо взять въ расчетъ, что въ наше время десять лѣтъ очень много времени, очень! Однако такое странное происшествіе долженъ считать я не иначе, какъ милостію Божіею; только если бы все благополучно кончилось! а то вѣдь десять лѣтъ, десять!..—И повторяя безпрестанно это роковое число, онъ моргалъ обоими глазами.

Голова низенькаго человѣка опустилась на грудь, такъ что онъ подбородкомъ уперся въ самую середину ордена, висѣвшаго у него на шеѣ.

Въ это самое мгновеніе кто-то чуть слышно полурастворилъ дверь комнаты, противоположной передней, и чья-то голова выглянула изъ двери; но свѣча такъ нагорѣла, что невозможно было разсмотрѣть, кому принадлежала эта голова. Низенькій человѣкъ приподнялся и вздрогнулъ.

— Кто тутъ?—произнесъ онъ вполголоса, и, вдругъ, какъ будто испугавшись, что проговорилъ слишкомъ громко, повторилъ едва слышно:—кто тутъ?

— Это я, батюшка Матвѣй Егорычъ,—отвѣчала голова, высунувшаяся изъ двери, такъ же шопотомъ.

— Я! я! кто же я?—бормоталъ себѣ подъ носъ Матвѣй Егорычъ.—Сколько разъ говорилъ я, что на вопросъ «кто?» должно всегда сказывать имя и отчество, или просто имя, а то я—ну что такое я?

Разсуждая такимъ образомъ, Матвѣй Егорычъ подошелъ къ столу, на которомъ стояла свѣча, и хотѣлъ сощипнуть съ нея, но рука измѣнила ему, обнаруживая его внутреннее волненіе; однако онъ продолжалъ мыслить вслухъ:

— Вишь, какъ нагорѣла! а я совсѣмъ этого и не замѣтилъ. И оплываютъ какъ! Обманулъ меня этотъ плутъ Прохоровъ, а еще знакомый человѣкъ, еще говоритъ: отличныя свѣчи, Матвѣй Егорычъ...

— Матвѣй Егорычъ!

— Кто тамъ?

Послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ попытокъ, онъ снялъ со свѣчи, взялъ ее со стола и подошелъ къ двери, изъ которой выглядывала голова. Но подсвѣчникъ дрожалъ въ рукѣ его.

— Это ты, Василиса? Ради Бога, скажи, что такое? не случилось ли чего?

Въ самомъ дѣлѣ, морщинистая голова, повязанная платкомъ и выглядывавшая изъ двери, принадлежала Василисѣ, домоправительницѣ Матвѣя Егорыча.

— Ничего, батюшка, не случилось, благодареніе Богу.

— Ничего? То-то же... Да я хотѣлъ тебѣ сказать, Василиса,—продолжалъ Матвѣй Егорычъ:—если тебя спрашиваютъ: кто тутъ? то слѣдуетъ взять въ расчетъ, что желаютъ узнать, кто именно вошелъ:—Петръ, Иванъ, Егоръ, Алена, Домна или... или... но *я* не можетъ служить отвѣтомъ, *я* неопредѣленно; а всегда и на все должно отвѣчать опредѣленно.

— И! до того ли теперь, Матвѣй Егорычъ!

— Что? а развѣ что-нибудь было?..—И правый глазъ Матвѣя Егорыча началъ словно подергиваться, и онъ не могъ докончить начатой рѣчи.

— Нѣтъ, все слава Богу, батюшка, ничего не было; все идетъ какъ должно; извѣстное дѣло, что не легко...

— То-то же.

Матвѣй Егорычъ покачалъ головой.

— Поди сюда, Василиса.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ и снова заложилъ руки за спину, остановившись посрединѣ комнаты противъ домоправительницы.

— Я очень боюсь, Василиса, очень, потому что...

— Батюшка, Матвѣй Егорычъ, чего же бояться? это дѣло обыкновенное...

— Оно конечно; но надо взять въ расчетъ десять лѣтъ, Василиса,—вотъ что главное...

— Вѣдь у Бога все возможно, Матвѣй Егорычъ.

— Такъ, такъ: но сама ты знаешь, иногда бываютъ случаи...

— Точно, сударь, не ровёнъ бываетъ часъ.

Матвѣй Егорычъ заморгалъ обоими глазами.

— Но ты говоришь, что ничего, слава Богу?

— Въ добрый часъ сказать, батюшка.

Матвѣй Егорычъ опустилъ руку въ широкій карманъ своего жилета и вынулъ оттуда табакерку, любимую свою табакерку, съ изображеніемъ дѣвицы, стоящей передъ трюмо, въ шнуровкѣ. Онъ взялъ щепотку табаку и съ разстановкой три раза медленно провелъ два пальца съ табакомъ подъ носомъ: такъ обыкновенно нюхивалъ Матвѣй Егорычъ; потомъ протянулъ руку съ табакеркой къ домоправительницѣ.

— Возьми-ка щепотку, другую, Василиса Ивановна.

Василиса взялась было за табакъ, но въ эту самую минуту опять послышался стонъ и гораздо сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Табакерка выпала изъ руки Матвѣя Егорыча, вѣки его захлопали.

— Бѣги туда, Василиса, бѣги скорѣй, брось все это! Что-то будетъ! Боже мой! брось это, Василиса, брось...

— Ничего, батюшка, не безпокойся, все дастъ Богъ, будетъ хорошо.

И между тѣмъ она собирала съ пола на ладонь просыпанный табакъ.

— Брось все, ну чортъ съ нимъ, и съ табакомъ, бѣги скорѣй...

— А вы, батюшка, не взойдете туда? вѣдь я за тѣмъ и пришла, чтобы спросить васъ, Матвѣй Егорычъ, не зайдете ли къ намъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ей Богу не могу, Василиса. Бѣги же скорѣй. Ужъ я лучше здѣсь побуду. Вѣдь, можетъ быть, ничего, — продолжалъ онъ дребезжащимъ голосомъ, смотря ей прямо въ лицо: — такъ все слава Богу и кончится? Можетъ быть, не правда ли, а?—И на глазахъ его показались слезы.

— Ничего, батюшка, ничего...—И Василиса отдала таба-

керку Матвѣю Егорычу и вышла, или, лучше сказать, выбѣжала изъ комнаты съ подобраннымъ табакомъ.

— Ничего, ничего! — шепталъ Матвѣй Егорычъ, оставшись одинъ. Ничего... Конечно, оно дѣло самое простое; это случается всякій день, а въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, и въ день-то, я думаю, по нѣскольку разъ; однако надо взять въ расчетъ десять лѣтъ, десять!..

Онъ провелъ рукою по лицу, отирая слезы, и еще разъ повторилъ:—«Десять!»

Три раза онъ прошелся по комнатѣ, три раза принимался осматривать у свѣчи, не повредился ли шалнеръ въ его любимой табакеркѣ, не попортилась ли дама, стоявшая передъ трюмо; но все это онъ дѣлалъ почти машинально: мысли его заняты были чѣмъ-то важнѣйшимъ, что можно было сейчасъ замѣтить по учащенному миганью вѣкъ.

Вдругъ въ передней раздался звонъ колокольчика; по звону можно было догадаться, что какая-то могучая рука привела его въ движеніе. Матвѣй Егорычъ вздрогнулъ.— Какой это дуракъ такъ дергаетъ за ручку колокольчика?— прошепталъ онъ, подходя на цыпочкахъ къ двери передней. Звонъ раздался въ другой разъ и еще сильнѣе...

— Шш! шш!.. Васька! Васька!

Но Васька ничего не слыхалъ: онъ, сидя, спалъ на прилавкѣ въ передней; на колѣняхъ его лежалъ сапогъ; съ боку, на этомъ же прилавкѣ, въ грудѣ кожи, колодокъ и сапожныхъ щетокъ, стояла оплывшая и нагорѣвшая свѣча... Видно, сонъ его былъ глубокъ и пріятенъ, если и колокольчикъ, висѣвшій надъ самою его головою, не могъ разбудить его.

Матвѣй Егорычъ подошелъ къ нему и началъ расталкивать.

— Экой народецъ! — шепталъ онъ:—и утромъ спитъ, и вечеромъ спитъ, и ночью спитъ, всегда спитъ и ничего не хочетъ взять въ разсужденіе. Да развѣ жизнь-то дана намъ, для сна? Ему, дураку, что хочешь толкуй, ничего не возьметъ въ голову. Васька!

Лакей, ворча и протирая глаза, началъ приподниматься.

— Ну же, братецъ, проснись! Посмотри, свѣча-то какъ оплыла; вѣдь ты, безчувственное животное, пожаръ въ казенномъ домѣ сдѣлаешь. Ну, за что я тебя буду кормить, если ты все спишь?

— Я не спалъ, Матвѣй Егорычъ, ей Богу не спалъ. Зачѣмъ, сударь, спать.

— И божится! Хоть ты тутъ, что хочешь, а онъ свое. Безчувственный народъ!

Звонокъ раздался въ третій разъ.

Матвѣй Егорычъ зажалъ уши и закрылъ глаза; потомъ съ силою, которую ему придалъ гнѣвъ, толкнулъ лакея къ двери.

— Гостей не принимать... Слышишь ли? Меня нѣтъ дома, нѣтъ дома...

И, повторяя послѣднія слова, онъ вышелъ изъ передней, немного притворилъ дверь залы и въ щелочку сталъ смотрѣть, кто войдетъ.

Когда Матвѣй Егорычъ увидѣлъ вошедшаго, онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства приподнялъ голову, поправилъ крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, отворилъ дверь и остановился противъ вошедшаго. Во всей фигурѣ его было что-то торжественное; онъ принялъ на себя ту величавую осанку начальника, когда тотъ становился лицомъ къ лицу съ подчиненнымъ.

Вошедшій былъ департаментскій курьеръ.

— Что же это ты, братецъ, такъ стучишь? — сказалъ Матвѣй Егорычъ: — поднялъ звонъ на весь домъ. Ты этакъ можешь и жену мою перепугать, и звонокъ оборвать; надо звонить осторожно. Эхъ, Афанасьевъ! а я думалъ, что ты деликатнѣе всѣхъ.

— Отъ его превосходительства, — сказалъ курьеръ, подавая Матвѣю Егорычу огромный пакетъ.

Матвѣй Егорычъ, взявъ пакетъ, вышелъ изъ передней и почувствовалъ, что въ пакетѣ лежитъ что-то необыкновенно крѣпкое, тяжелое, и правый глазъ его тотчасъ началъ значительно подергиваться. Онъ улыбнулся, улыбнулся съ такою пріятностію и добродушіемъ, что описать этого рѣши-

тельно невозможно. Подошедши къ столу, на которомъ стояла свѣча, онъ ощупалъ пакетъ и потомъ распечаталъ его и вынулъ изъ него письмо. Въ письмѣ, обернутый въ темнокрасную ленту съ черными полосами, покоился орденъ св. Владиміра 3-й степени. Матвѣй Егорычъ тщательно развернулъ [illegible], въ которой скрывался орденъ, и потомъ, держа ленту за кончики, началъ любоваться и орденомъ и лентой на нѣкоторомъ разстояніи. Орденъ живописно качался на лентѣ, потому что руки Матвѣя Егорыча дрожали отъ душевнаго волненія. Такъ прошло нѣсколько минутъ.—«Спасибо его превосходительству, ей Богу спасибо... — шепталъ Матвѣй Егорычъ:—внимательность дороже всего въ начальствѣ, а орденокъ красивъ, весьма красивъ... Посмотримъ, однакожъ, что пишетъ его превосходительство».

Вытеревъ пыль со стола и положивъ орденъ на столъ, Матвѣй Егорычъ развернулъ письмо, поднесъ къ свѣчѣ и вполголоса, съ разстановками, прочелъ слѣдующее:

«Любезный Матвѣй Егорычъ! Спѣшу препроводить къ вамъ знаки ордена Владиміра 3-й степени. Поздравляю васъ съ этою Монаршею милостью, которую вы вполнѣ заслужили вашей ревностной и полезной службой. Указъ Капитулу только вчера подписанъ; но мнѣ хотѣлось поскорѣе видѣть на васъ этотъ орденъ, и я велѣлъ купить его для васъ. Примите отъ меня этотъ подарокъ, какъ свидѣтельство моего къ вамъ уваженія, съ коимъ имѣю честь быть»...

— И прочее, и прочее,—произнесъ Матвѣй Егорычъ, складывая письмо и улыбаясь съ тою же невыразимою пріятностью.—И прочее... То-то я смотрю, что крестъ-то больно красивъ... Ай да его превосходительство! спасибо ему, ей Богу спасибо!.. Афанасьевъ! поди же сюда, дружокъ,—закричалъ онъ курьеру, опуская руку въ карманъ своихъ панталонъ и вынимая оттуда два цѣлковыхъ.

— Имѣю честь поздравить, ваше высокородіе!

— Спасибо тебѣ, спасибо, вотъ возьми.

Курьеръ взялъ два цѣлковыхъ, поклонился и вышелъ.

Тогда Матвѣй Егорычъ взялъ со стула свѣчку и перенесъ ее на другой столъ, къ зеркалу; потомъ, опустивъ ниже

на грудь орденъ св. Анны, онъ сверху св. Анны возложилъ на себя вновь пожалованный ему орденъ и началъ смотрѣться въ зеркало.

— Вотъ это орденъ! — говорилъ онъ самъ съ собою, поправляя Владиміра.—Слава Богу—вотъ дослужился до какой награды...

Вдругъ пронзительный младенческій крикъ прервалъ размышленія Матвѣя Егорыча: онъ заморгалъ вѣками, вздрогнулъ и въ совершенномъ остолбенѣніи опустился на стулъ, только изрѣдка робко поглядывая на дверь, противоположную передней, какъ бы кого-то ожидая оттуда.

Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ эта дверь отворилась, и Василиса, остановившись передъ Матвѣемъ Егорычемъ, поклонилась ему въ поясъ.

— Матвѣй Егорычъ! имѣю честь поздравить васъ, батюшка, съ сынкомъ. Намъ сынка Богъ далъ...

— Сынка?.. Сынка?—повторилъ онъ, не двигаясь со стула, на которомъ сидѣлъ.—Сынка?..—Матвѣй Егорычъ перенесъ столько сильныхъ потрясеній въ продолженіе послѣдняго часа, что въ эту минуту онъ совершенно смутился... Жена, Владиміръ 3-й степени, сынокъ... все перемѣшалось и спуталось въ головѣ его. Онъ подумалъ, что это сонъ, одинъ только соблазнительный сонъ. Не шутя, сомнѣніе въ дѣйствительности всего происшедшаго дошло въ немъ до такой степени, что онъ началъ ощупывать, точно ли у него на груди виситъ владимірскій крестъ... Увѣрясь въ послѣднемъ, онъ протеръ глаза и уже съ большимъ сознаніемъ повторилъ:—сынка?..

— Сынка, Матвѣй Егорычъ, сынка! да и какой мальчикъ-то! весь, кажется, въ васъ, батюшка.

— Въ меня?.. Ну... а что Настасья Львовна?

— Ничего, батюшка, все благополучно.

— Благополучно? Что же она...

— Ничего, батюшка, лежитъ, лежитъ... Пожалуйте къ намъ, она васъ спрашивала. Гдѣ, говоритъ, Матвѣй Егорычъ; что онъ не придетъ ко мнѣ? Да и сынишку-то своего посмотрите. Славный мальчикъ, славный!

Матвѣй Егорычъ приподнялся со стула, потеръ лобъ и пошелъ на цыпочкахъ вслѣдъ за Василисой.

Настасья Львовна лежала на широкой постели за перегородкой, а возлѣ нея младенецъ.

Матвѣй Егорычъ подошелъ къ постели.

Настасья Львовна устремила на него томные глаза и вздохнула.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, дружокъ?

— Благодаря Бога,—проговорила она едва слышно.

— А я за васъ порядочно струхнулъ; думаю себѣ, надо взять въ расчетъ десять лѣтъ... Ну, поздравляю съ сыномъ... Поздравьте же и меня, душечка, кромѣ сынка, и еще кое-съ чѣмъ...

— Съ чѣмъ же, другъ мой?

— Не говорите много, не говорите, это не хорошо... а вотъ я вамъ сейчасъ покажу.

Матвѣй Егорычъ отвязалъ назади шеи тесемочку, снялъ крестъ и, держа орденскую ленту двумя пальцами, поднесъ крестъ къ Настасьѣ Львовнѣ.

— Вдругъ двѣ радости...—прошептала она.

— Не говорите, душечка, не говорите; теперь мы за васъ будемъ говорить. А! Настасья Львовна! вѣдь въ счастливую минуту родился ребенокъ? Что скажете? Только что я подвязалъ крестъ на шею, какъ и слышу его крикъ... Счастливый будетъ ребенокъ, Настасья Львовна, ей Богу, счастливый! Да гдѣ же онъ, мальга?.. А! мое почтеніе!— Да мы его назовемъ Владиміромъ, непремѣнно Владиміромъ, въ честь пожалованнаго мнѣ ордена, который я возложилъ на себя въ самую минуту его рожденія. Какъ вы думаете, душечка?.. Вѣдь это надо взять въ расчетъ... Не говорите, не говорите, вамъ говорить не хорошо, а такъ только улыбнитесь... Да онъ у насъ, посмотрите, самъ со временемъ дослужится до такой же пріятной награды... а? пузырь! не правда ли? Вѣдь выдумалъ же родиться именно въ такую счастливую минуту, скажите пожалуйста!.. Душечка, а знаете, вѣдь это не капитульскій крестъ: самъ его превосходительство купилъ и прислалъ мнѣ въ подарокъ.

Онъ снова поднесъ орденъ къ самымъ глазамъ супруги.

Съ минуту она любовалась имъ; но уже слабость одолѣвала ее, уже орденъ представлялся ей въ туманѣ—и она заснула нечувствительно.

Матвѣй Егорычъ на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни.... Онъ все улыбается,—такъ ему было весело. Это была самая свѣтлая минута въ его службѣ, потому что вся жизнь представлялась ему въ формѣ департаментской службы...

«По всѣмъ признакамъ, — думалъ онъ: — этотъ ребенокъ будетъ счастливый, если взять въ расчетъ минуту его рожденія...»

ГЛАВА II,

изъ которой можно вывесть заключеніе, какъ важно родиться въ счастливую минуту, а равно и то, что благонравіе, прилежаніе и другія похвальныя качества никогда не остаются безъ награды.

Матвѣй Егорычъ былъ истинно счастливъ... Что ни говорите, а въ 45 лѣтъ чинъ статскаго совѣтника и Владиміръ на шеѣ, и почетное мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, съ квартирой, съ освѣщеніемъ и отопленіемъ,—да это блаженство! И ко всему этому сынокъ Володя—заглядѣнье: такой полненькій, такой румяненькій, какъ яблочко, онъ такъ мило и звучно кричалъ, такъ царапалъ маменьку и папеньку, хватая ихъ своей ручонкой за лицо... Родители уже видѣли въ немъ будущую подпору своей старости, замѣчали въ немъ каждый день какія-нибудь необыкновенныя способности, всѣмъ знакомымъ своимъ прокричали про его понятливость и умъ, хотя онъ не умѣлъ еще не только ходить, но и ползать. Много значитъ родиться въ счастливую минуту: люди, рождающіеся въ такія минуты, отъ колыбели до гроба обыкновенно катаются, какъ сыръ въ маслѣ. Статская совѣтница безпрестанно цѣловала своего сынка и звала его Вольдемарчикомъ; статскій совѣтникъ, каждый разъ, возвращаясь изъ присутствія, хлопалъ его по щекѣ и говорилъ самымъ ласковымъ голосомъ: «смотри ты у меня, плутъ Володька,

вотъ я тебя!» И каждый разъ послѣ этого у супруга съ супругой происходила небольшая размолвка.

— Въ васъ нѣтъ никакой нѣжности,—говаривала обыкновенно Настасья Львовна Матвѣю Егорычу: — такъ не обращаются съ деликатнымъ ребенкомъ.

— Да почему же, Настенька? — возражалъ Матвѣй Егорычъ: — вѣдь онъ у насъ не хрустальный.

— Почему? почему?.. Ну, что, если вы такъ станете ласкать его при комъ-нибудь чужомъ и называть Володькой— позвольте спросить, что станутъ объ васъ говорить въ свѣтѣ?

— А что же такое станутъ говорить?..

И правый глазъ Матвѣя Егорыча обыкновенно начиналъ моргать, и онъ тотчасъ принимался ходить по комнатѣ, заложивъ руки назадъ.

— Что же могутъ сказать дурного? Да и развѣ мнѣ указъ, какъ другіе обращаются съ дѣтьми?.. Ужъ мнѣ и сына родного приласкать нельзя, какъ я хочу? Да что же послѣ этого...

— Полно-те, полно-те, Матвѣй Егорычъ... Ужъ и разворчались.

Матвѣй Егорычъ немного поморщивался, но уже ничего не возражалъ и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія обыкновенно обращался къ своей супругѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А что, не пора ли водочки, душечка?

Неописанна была радость родителей, когда Володя сталъ ходить и издавать какіе-то нестройные звуки... Какое прекрасное платьице купила ему Настасья Львовна! какого безподобнаго солдата подарилъ ему Матвѣй Егорычъ!

И что за умница былъ Володя! онъ не ломалъ и не рвалъ своихъ игрушекъ, какъ другія дѣти; онъ даже и мало обращалъ вниманія на своего солдата, хотя у этого солдата былъ отличный красный мундиръ и безподобные усы изъ настоящаго волоса... Володя чувствовалъ болѣе наклонность къ съѣстнымъ игрушкамъ, и преимущественно къ сахарнымъ и пряничнымъ кукламъ: первыя онъ обсасывалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, вторыя грызъ (зубки у него вышли

очень легко) съ проворствомъ и легкостью изумительными. Онъ не пренебрегалъ также и сдобными булками. Бывало, цѣлый день, съ утра до вечера, онъ или грызетъ, или жуетъ, или сосетъ, а потому въ домѣ было совсѣмъ его не слышно. Многіе упрекали Матвѣя Егорыча и Настасью Львовну за то, что они баловали Володю; но вѣдь онъ у нихъ былъ одинъ, одно сокровище, одно утѣшеніе, одна надежда. Сынъ, родившійся у нихъ въ первый годъ брака, черезъ два мѣсяца умеръ, и послѣ этого десять лѣтъ жили они бездѣтно и уже совершенно отчаялись имѣть подпору подъ старость дней своихъ, какъ вдругъ, неожиданно, черезъ десять лѣтъ Богъ послалъ имъ такую радость, а ровно черезъ два года послѣ рожденія Володи, еще неожиданнѣе, другую, — именно дочь, которую они нарекли Маріей, въ честь бабушки Настасьи Львовны.

— Поздравляю тебя, Матвѣй Егорычъ! — говорилъ ему въ департаментѣ одинъ его сослуживецъ, также статскій совѣтникъ, но только съ парикомъ и крашеными бакенбардами, ударяя его дружески по плечу и улыбаясь: — поздравляю, братецъ, съ дочкой; ты подъ старость-то видно не на шутку пошаливать начинаешь, а?.. Молодецъ! молодецъ! мы, братецъ, и помоложе тебя, кажется, да за тобой — куда! не угоняешься.

Но дочка Матвѣя Егорыча была прехилая и претщедушная, а потому ни онъ, ни Настасья Львовна не обращали на нее особеннаго вниманія и почти вовсе не ласкали ее. Она даже и не показывалась въ парадныя комнаты, то - есть въ залу и гостиную, гдѣ почти безвыходно былъ Володя. Настасья Львовна всѣмъ гостямъ своимъ, цѣлуя Володю, говорила:

— Это мой фаворитъ! это милый, ласковый ребенокъ!

Время шло, и какъ-то очень незамѣтно: Володѣ уже было 10 лѣтъ, Машѣ 8... Володю попрежнему наряжали, дарили, кормили; у него успѣли даже подгнить и попортиться зубки отъ сахара; онъ расхаживалъ поднявъ вверхъ головку и смотрѣлъ на всѣхъ смѣло. Маша была робка и застѣнчива: она все жалась въ уголокъ; она была нехороша, но у нея были живые и умные глазки, хотя Настасья Львовна и сестра

ея, дѣвица Анна Львовна, жившая у нея въ домѣ, называли ее глупенькою. Машу ничѣмъ не дарили; она ходила въ заштопанныхъ чулкахъ и въ старомъ платьѣ. По крайней мѣрѣ, разъ десять въ день повторяли ей:

— Маша, посмотри на Вольдемарчика: какъ онъ держитъ себя, какъ онъ говоритъ, какъ онъ глядитъ, — а ты вѣдь ни на что не похожа.

Всего болѣе доставалось Машѣ лѣтомъ на дачѣ. Сзади дома тянулась большая и густая роща. Маша очень любила эту рощу и все бѣгала туда, и часто заманивала съ собою Володю. Ей было тамъ хорошо на свободѣ; она рѣзвилась, бѣгала, рвала цвѣты; ей не хотѣлось итти домой, а Володя все звалъ ее въ садъ...

— Здѣсь гадко, сестрица, — говорилъ онъ: — лучше станемъ играть въ садикѣ противъ маменькиныхъ окошекъ; тамъ чистыя дорожки, а здѣсь все соръ.

Но Маша не соглашалась ни за что промѣнять свою рощу на крошечный садикъ, гдѣ она не смѣла дотронуться до цвѣтка, гдѣ она боялась измять траву. Володя жаловался за то на нее маменькѣ, и та больше драла ее за уши, а потомъ совсѣмъ запретила ей бѣгать въ рощу; но Маша не слушалась маменьки и все-таки бѣгала туда потихоньку.

Не таковъ былъ Володя; онъ ничего не дѣлалъ, не спросясь прежде у маменьки. Самое любимое препровожденіе времени была игра въ чиновники: бывало лишь только вскочитъ съ постельки и умоется, сейчасъ посадитъ за столъ мальчика, который былъ нарочно приставленъ къ нему для забавы, положитъ передъ нимъ клочокъ бумаги, дастъ ему въ руки перо и заставитъ его чертить на бумагѣ разныя каракульки, а самъ съ важностью расхаживаетъ по комнатѣ, изрѣдка подходя къ столу съ нахмуреннымъ личикомъ и сердито повторяя:

— Ну, какой ты чиновникъ, коли порядочно строки написать не умѣешь? Дрянь, а не чиновникъ!

Все это папенька Володи дѣлалъ съ господиномъ, который часто по вечерамъ сидѣлъ у него въ кабинетѣ, а Володя все это и подсмотрѣлъ въ щелку. Матвѣй Егорычъ, увидѣвъ такія

забавы своего сына, пришелъ въ совершенный восторгъ, съ чувствомъ посмотрѣлъ на него и сказалъ Настасьѣ Львовнѣ:

— О-о-о! да этотъ мальчикъ пойдетъ далеко!

Успѣхи Володи въ различныхъ наукахъ и преимущественно въ каллиграфіи превзошли и маменькины и папенькины ожиданія. Заглавныя буквы писалъ онъ съ такими вычурами и завитками, что нельзя было достаточно насмотрѣться на его рукописи. Матвѣй Егорычъ со слезами на глазахъ показывалъ эти рукописи своимъ знакомымъ, которые отъ удивленія только пожимали плечами. Добрый и счастливый отецъ говорилъ, ходя по комнатѣ и качая головою:

— Первый писецъ будетъ, первый въ нашемъ департаментѣ! Ужъ на что Савельевъ, такого писца и въ военномъ министерствѣ нѣтъ, а онъ перещеголяетъ со временемъ и его, непремѣнно перещеголяетъ!

Настасья Львовна, поправляя свой новый чепецъ передъ зеркаломъ, сказала съ разстановкою:

— Очень рада способности Вольдемарчика къ каллиграфіи: онъ будетъ снимать сестрицѣ Аннѣ Львовнѣ канвовые узоры!

По тринадцатому году Володю отдали въ общественное заведеніе, гдѣ онъ вскорѣ и отличился благонравіемъ и прилежаніемъ. У него всѣ тетрадки содержались въ необыкновенной чистотѣ и переписаны были съ величайшимъ тщаніемъ: особенно красиво и вычурно были написаны имъ заглавные листы. Въ рекреаціонное время, когда другіе рѣзвились и бѣгали на дворѣ, Володя оставался въ классѣ и приготовлялся къ урокамъ; онъ все заучивалъ наизусть, не исключая даже ариѳметики, а впослѣдствіи алгебры и геометріи; форменный сюртучокъ его былъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы, а воротникъ на всѣ крючки, отчего у него подъ подбородкомъ сдѣлался даже очень замѣтный рубецъ; учебныя книги его въ шкапу были разставлены въ величайшемъ порядкѣ, а у старыхъ книгъ перемаранные ихъ прежними владѣльцами листы, на оборотѣ переплета, Володя заклеилъ новыми, чистыми бумажками; перочинный ножичекъ, грифель и карандашъ носилъ онъ всегда въ мѣшечкѣ, который сшила ему Василиса, по его просьбѣ. Ножичкомъ онъ

дорожилъ болѣе всего, не давалъ его никому, а если и давалъ, что случалось очень рѣдко, то, какъ Иванъ Ѳедоробичъ Шпонька, всегда просилъ, чтобы не скоблить пера остріемъ. По воскресеньямъ изъ дома онъ привозилъ различныя лакомства, какъ-то: изюмъ, миндаль, черносливъ и сладкіе пирожки, и кушалъ всегда потихоньку отъ всѣхъ своихъ товарищей; съѣдалъ же помаленьку, раскладывая аккуратно все привезенное ровно на недѣлю.

Статскій совѣтникъ давно замѣчалъ въ сынѣ аккуратность, бережливость и другія похвальныя качества; онъ, какъ добрый и нѣжный отецъ, не могъ имъ не радоваться.

— А знаете ли что, душечка, — сказалъ онъ однажды своей супругѣ: — вѣдь Володя-то наше истинное утѣшеніе. Начальство о немъ говоритъ, что онъ смиренъ, какъ красная дѣвушка, съ шалунами не связывается, сидитъ себѣ все да учится.

— Безподобное дитя! — возразила статская совѣтница. — Какая разница между нимъ и Машей! Куда ей до него! да онъ противъ нея баринъ, — и манеры и все этакое, а она ни на что не похожа, и держать себя не умѣетъ, вся выпятится впередъ: безобразіе просто!

— Впрочемъ, и Маша добрая дѣвочка, душечка. Дай срокъ, и она выравняется.

— Я ничего особенно добраго въ ней не вижу. У васъ, Матвѣй Егорычъ, всѣ добрые.

— Но что мнѣ особенно нравится въ Володѣ, душенька, знаете ли что?

— Какъ же я могу знать, что?

— Безотвѣтность, дружочекъ. Когда ему толкуешь что-нибудь, онъ не вертится на мѣстѣ, какъ другія дѣти, а почтительно, чиннехонько слушаетъ и никогда рта не разинетъ. Рѣдкій, благонравный мальчикъ и трудолюбивый!

Володя точно былъ изъ первыхъ по трудолюбію и благонравію; правда, многіе имѣли способности гораздо лучше его, но тѣ, видно, слишкомъ надѣялись на себя и многимъ занимались небрежно, посвящая себя только исключительно любимымъ своимъ предметамъ; Володя же занимался съ оди-

наковымъ стараніемъ вообще всѣмъ, потому что ни одному предмету не отдавалъ предпочтенія передъ другимъ. Хронологическую часть исторіи онъ зналъ чудесно, и нечего грѣха таить, любилъ при случаѣ блеснуть своими знаніями передъ товарищами. Кто-то замѣтилъ, будто онъ имѣетъ небольшое пристрастіе къ математикѣ; но врядъ ли это замѣчаніе имѣло какое-нибудь основаніе, потому что онъ занимался всѣмъ въ извѣстные часы, и словеснымъ наукамъ удѣлялъ столько же времени, сколько и математическимъ. Переводы его съ французскаго на русскій языкъ были очень удачны: онъ прилагалъ все стараніе, чтобъ обработать свой слогъ, и достигъ этого. За полгода до выпуска онъ подалъ учителю словесности сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Поѣздка въ Парголово*», которымъ учитель былъ необыкновенно доволенъ и сказалъ ему:

— У васъ, другъ мой, есть вкусъ; со временемъ вы можете сдѣлаться сочинителемъ; только обращайте болѣе вниманія на словосочетаніе и избѣгайте какофоніи. Это главное.

Двадцати лѣтъ Володя окончилъ курсъ ученія и вышелъ вторымъ по списку, а на публичномъ актѣ произнесъ рѣчь: *О русской словесности вообще* (сочиненную, впрочемъ, не имъ, а учителемъ), въ которой чрезвычайно убѣдительно доказывалось, что русская словесность началась съ Игоря и Олега и потомъ быстрыми шагами все шла къ совершенству, и что мы имѣемъ нынѣ писателей во всѣхъ родахъ, не уступающихъ иноземнымъ писателямъ, а именно по части сатирической — Кантемира, по драматической — Сумарокова, Княжнина и Озерова, по эпической — Державина. Рѣчь эта произвела значительное впечатлѣніе на многихъ почтенныхъ слушателей, которымъ особенно понравилось заключеніе, написанное точно трогательно и прочитанное съ большимъ чувствомъ.

Матвѣй Егорычъ былъ, разумѣется, въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ. Когда сынъ его вышелъ на каѳедру, у него очень замѣтно заморгали оба глаза и очень сильно забилось сердце. Онъ слушалъ его съ напряженіемъ, не проронилъ ни одного слова изъ Володенькиной рѣчи, хотя и не совсѣмъ

ясно понималъ ея содержаніе. Когда же Володя кончилъ и когда отецъ увидѣлъ и услышалъ вокругъ себя одобрительные знаки и слова, у него слезы покатились по лицу градомъ; онъ, всхлипывая, бросился навстрѣчу къ сыну, обнялъ его и повторялъ прерывающимся голосомъ: «я счастливый отецъ, счастливый!.. спасибо тебѣ, Володя!»

Черезъ два мѣсяца послѣ акта Матвѣй Егоровичъ опредѣлилъ Володю въ тотъ департаментъ, гдѣ служилъ самъ, на 800 рублей ассигнаціями жалованья. Володя усердно принялся переписывать различныя отношенія, такъ бѣгло и вмѣстѣ такимъ правильнымъ почеркомъ, что въ самое короткое время снискалъ необыкновенное уваженіе всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ въ департаментѣ.

— Мастакъ, братъ, писать, — говорилъ одинъ изъ такихъ своему товарищу, разсматривая бумагу, переписанную новымъ его сослуживцемъ: — право, мастакъ, нѐчего сказать! Закорючки-то онъ злодѣйски выдѣлываетъ. Савельевъ не хуже его пишетъ, да нѣтъ, заглавныя-то у него все не такъ выходятъ.

Почеркъ Володи бросился въ глаза и самому директору департамента.

— Ба! да кто это такъ хорошо пишетъ? точно жемчугомъ написано: красиво и четко! кто это? — спросилъ директоръ у Матвѣя Егорыча.

Правый глазъ у Матвѣя Егорыча подернулся.

— Сынишка мой, ваше превосходительство, котораго вы изволили недавно опредѣлить, — отвѣчалъ онъ.

— Прекрасная рука! А гдѣ воспитывался?

— Въ гимназіи, ваше превосходительство.

— Пусть онъ переписываетъ только министерскія бумаги. Слышите, Матвѣй Егорычъ?

— Слушаю, ваше превосходительство.

Выходя отъ директора, Матвѣй Егорычъ шепталъ, моргая:

— Счастливый отецъ! счастливый!

ГЛАВА III.

О томъ, какъ прекрасные люди любятъ во всемъ порядокъ и какое обаятельное вліяніе имѣетъ свѣтская дѣвушка на всѣхъ ее окружающихъ.

Володѣ... но теперь намъ ужъ слѣдуетъ, я думаю, звать его Владиміромъ Матвѣичемъ... Владиміру Матвѣичу назначили папенька и маменька особенную комнату, въ одно окошко, очень узенькую, но довольно длинную, въ которой, впрочемъ, удобно могли уставиться кушетка, столъ, шкапъ и нѣсколько стульевъ. Онъ имѣлъ въ полномъ распоряженіи шестьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ; впрочемъ, Матвѣй Егорычъ совѣщался сначала объ этомъ пунктѣ съ Настасьей Львовной.

— Не много ли молодому человѣку оставить вдругъ въ распоряженіе такую сумму? Какъ вы объ этомъ думаете, душенька?

— Отчего же много? Вольдемаръ, вы сами говорите, аккуратенъ и бережливъ.

— Конечно, противъ этого ни слова; но все-таки надо взять въ расчетъ, что еще молодо-зелено; мало ли какая блажь можетъ войти въ голову... Кто молодъ не бывалъ...— При этомъ Матвѣй Егорычъ улыбнулся еще пріятнѣе и выразительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. — А знаешь ли, Настенька, сколько я получалъ въ его лѣта?

— Вы мнѣ объ этомъ разъ пятьдесятъ говорили.

— Ну, а сколько? вы и не знаете...

— Очень мнѣ нужно этакіе пустяки помнить.

— Вотъ то-то же. Семь рублей въ мѣсяцъ. Правда, тогда и деньги были почти что вдвое дороже, — да, именно, вдвое: все-таки 14 рублей, а вѣдь ему придется по 65 рублей въ мѣсяцъ.

— Да вы не себѣ ли хотите отбирать его деньги, которыя онъ, голубчикъ, будетъ пріобрѣтать собственными трудами? Ужъ не имѣете ли вы намѣренія откладывать ихъ себѣ на вистикъ, Матвѣй Егорычъ?

Настасья Львовна иронически улыбнулась.

Правый глазъ Матвѣя Егорыча заморгалъ:

— Вы никогда не хотите понять меня и всѣ мои слова перетолковываете Богъ знаетъ въ какую дурную сторону...

Онъ прошелся по комнатѣ и вдругъ остановился.

— Настасья Львовна, кажется, я не подалъ вамъ повода думать о себѣ такъ дурно...

Онъ еще разъ прошелся по комнатѣ и еще разъ остановился.

— Чтобы я у родного своего сына отнималъ деньги для собственной забавы! Я только имѣлъ въ виду его нравственность, болѣе ничего... Впрочемъ, ему можно, я полагаю, безопасно позволить распоряжаться такою суммою: онъ малый разсудительный; я хотѣлъ объ этомъ прежде все-таки спросить у васъ, — думаю себѣ — все лучше посовѣтоваться съ женою, а вы...

Итакъ, Владиміръ Матвѣичъ имѣлъ въ полномъ распоряженіи 65 рублей въ мѣсяцъ и вполнѣ оправдалъ довѣренность, оказанную ему родителями. Въ первый мѣсяцъ онъ издержалъ не болѣе 55 рублей. Сюда входили обыкновенныя, ежедневныя издержки по мелочамъ, какъ напримѣръ на извозчика, — и на эти же деньги онъ запасся духами, помадою, перчатками, купилъ счеты; для записыванія прихода и расхода — маленькую тетрадку; для украшенія своей комнаты — литографированный портретъ директора, подъ начальствомъ котораго находился, и цвѣтной бумаги для рамки этого портрета... Владиміръ Матвѣичъ былъ, между прочимъ, большой мастеръ клеить изъ цвѣтной бумаги разные коробочки и футлярчики, а также и дѣлать рамки для картинокъ, которыя ни мало не уступали рамкамъ работы Юнкера. Въ число этихъ же 55 рублей онъ былъ одинъ разъ въ театрѣ. Остальные за расходомъ 10 рублей, — ассигнацію новенькую, отличнаго розоваго цвѣта, онъ спряталъ въ коробочку, нарочно устроенную имъ для денегъ. Онъ предположилъ заранѣе непремѣнно каждый мѣсяцъ откладывать отъ жалованья хоть понемногу въ эту коробочку.

Рамка на портретъ директора, свѣтло-голубая съ золотомъ,

вышла очень красива, и портретъ онъ повѣсилъ надъ кушеткою. Кушетка же украсилась прекрасно вышитою подушкою, подаренною ему сестрою. Письменный столъ его былъ въ величайшемъ порядкѣ. Сургучъ, карандаши, ножикъ, ножницы и проч. разложены были будто на показъ, и Владиміръ Матвѣичъ самъ ежедневно со всѣхъ вещей въ своей комнатѣ, а также и съ мебели вытиралъ пыль, не довѣряя этого дѣла человѣку.

Собою онъ занимался такъ же тщательно, какъ и своею комнатой. На его фракѣ никогда нельзя было увидѣть пылинки; на головѣ его былъ всегда прибранъ волосокъ къ волоску, и притомъ каждое утро онъ завивался и помадился.

Петербургскія дѣвицы и дамы должны были обращать особенное вниманіе на Владиміра Матвѣича, потому что у него было лицо полное, бѣлое и румяное; къ тому же, ростъ его былъ немножко побольше средняго, а таліи его могъ позавидовать всякій гвардейскій офицеръ, затягивающійся въ рюмочку.

Въ одно прекрасное утро, за чаемъ, Настасья Львовна сказала своему мужу:

— Вѣдь Вольдемаръ-то нашъ бель-омъ, Матвѣй Егорычъ.

— Молодчикъ!

— Я увѣрена, что онъ въ свѣтѣ выиграетъ.

— Я тоже полагаю, душечка.

— Надобно свезти его на вечеръ къ Николаю Петровичу. Пусть онъ потрется въ солидныхъ семейныхъ домахъ и привыкнетъ къ свѣтскимъ пріемамъ.

— Это хорошее дѣло, душечка.

— Я замѣтила, — продолжала Настасья Львовна, — что у него не такъ хорошъ входъ: правую ногу онъ выставляетъ слишкомъ впередъ, когда кланяется. Не взять ли ему, другъ мой, нѣсколько уроковъ у танцмейстера, особенно для входа, потому что танцуетъ-то онъ прекрасно?

— Гм! Зачѣмъ бы, кажется, душечка? Это, по моему мнѣнію, просто утонченность. Я и безъ танцовальныхъ учителей вышелъ въ люди.

— Вы? — да что вы вѣчно себя въ примѣръ ставите? — мало ли что́ было прежде!..

Въ эту минуту вошла Анна Львовна, сестрица Настасьи Львовны по отцѣ. Настасья Львовна чрезвычайно уважала ее и руководствовалась ея совѣтами, несмотря на то, что та была моложе ея девятнадцатью годами. Анна Львовна имѣла 10,000 рублей, которые отдавала въ проценты, и получала съ нихъ по 800 рублей ежегоднаго дохода. Она была модница, все говорила о томъ, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ, прекрасно вышивала шерстью, читала французскіе романы и съ одной дамой, у которой жила прежде, выѣзжала на балы въ танцъ-классы къ Квитковскому и Марцынкевичу.

Матвѣй Егоровичъ и Настасья Львовна, до переселенія къ нимъ въ домъ Анны Львовны, жили безъ всякихъ затѣй, какъ еще и теперь живутъ очень многіе коллежскіе и даже статскіе совѣтники, пріобрѣтающіе деньги своими трудами. Они проживали только то, что получали, и этихъ денегъ имъ было слишкомъ достаточно. У нихъ всегда былъ хорошій и сытный столъ, бутылка ординарнаго вина, а по воскресеньямъ кондитерскіе пирожки. На окнахъ въ гостиной у нихъ не было занавѣсокъ, но зато стояли два или три горшка ераней; мебель вся краснаго дерева, обитая баркaномъ подъ штофъ, а на столѣ, у зеркала, подъ колпакомъ, алебастровая ваза съ запыленными цвѣтами. Анна Львовна очень легко внесла духъ реформы въ домъ сестры своей: черезъ три мѣсяца послѣ ея перемѣщенія въ этотъ домъ окна гостиной Настасьи Львовны красовались кисейными занавѣсками, а сама она стала все говорить о свѣтѣ и свѣтскихъ удовольствіяхъ, — купила себѣ новый чепецъ съ цвѣтами и бантами и сшила новое шелковое платье. Наружность ея также значительно измѣнилась: лицо сдѣлалось гораздо бѣлѣе и румянѣе, и двѣ или три морщины будто какимъ-то чудомъ совершенно сгладились. Люди, привыкшіе къ злорѣчью, говорили, будто Анна Львовна бѣлилась и румянилась и присовѣтовала дѣлать то же сестрѣ своей. Расходы Настасьи Львовны ежедневно стали увеличиваться; потребности ея непримѣтно становились шире и шире; Анна Львовна усерд-

но старалась развивать вкусъ и понятія своей сестры — и Настасья Львовна дѣлалась все болѣе и болѣе свѣтскою, даже нѣсколько вѣтреною, хотя ей было уже 47 лѣтъ. Послѣ полугода своей новой жизни она увидѣла, что у нея не достаетъ денегъ на расходы, и принуждена была занять тысячу рублей тихонько отъ мужа.

— Здравствуй, Анета! — сказала Настасья Львовна, увидѣвъ входящую сестру и не докончивъ своего возраженія мужу.

— Здравствуйте, Анна Львовна, — сказалъ Матвѣй Егорычъ, привставъ съ своего мѣста: — хорошо ли почивали-съ?

Анна Львовна очень громко произнесла: — бон-журъ и сѣла къ чайному столу.

— Что это у тебя шевё-лисъ? развѣ ужъ такъ носятъ? — спросила Настасья Львовна у сестры, глядя пристально на ея прическу.

— Да... развѣ вы не замѣтили на послѣдней картинкѣ? Пожалуйста, сестрица, не наливайте мнѣ такъ сладко. Мари, потрудитесь принести мой платокъ... Здѣсь что-то холодно, — продолжала она, оборачиваясь къ своей племянницѣ, которая до сей минуты сидѣла никѣмъ незамѣченная.

Бѣлокурая, блѣдная, но очень стройная дѣвушка встала и вышла изъ комнаты.

Анна Львовна немного прищурилась и посмотрѣла ей вслѣдъ, едва замѣтно улыбаясь.

— А что, мы поѣдемъ, сестрица, въ четвергъ къ Николаю Петровичу?

— Непремѣнно поѣдемъ. Я сейчасъ только объ этомъ говорила съ Матвѣемъ Егорычемъ. Я хочу взять съ собою Володю, — пора же ему начать выѣзжать въ свѣтъ. Ну да и Машѣ надо бывать въ этихъ обществахъ, хоть я заранѣе знаю, что изъ нея ничего не сдѣлаешь. Все-таки я исполню свой долгъ...

— Эге-ге-ге! — сказалъ Матвѣй Егорычъ, смотря на свои часы: — да ужъ десять часовъ. Пора и на службу царскую; а Володя-то, Настасья Львовна, каковъ? — въ восемь часовъ сегодня въ департаментъ ушелъ.

— Я его и не видала, голубчика. Вы его тамъ совсѣмъ замучите своими дѣлами.

— Ничего, ничего; пусть себѣ привыкаетъ къ дѣлу...— возразилъ Матвѣй Егорычъ, пріятно усмѣхаясь:—молодому человѣку надо думать о карьерѣ.

Когда Матвѣй Егорычъ ушелъ, Анна Львовна обратилась къ сестрѣ.

— А какое вы платье одѣнете въ четвергъ? лиловое гроденаплевое или пунсовое?

— Вотъ я ужъ объ этомъ хотѣла съ тобою посовѣтоваться, Анюточка. Какъ ты думаешь?

— Надѣньте, ма шеръ, лиловое и свой новый чепчикъ съ розовыми лентами.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я тебѣ очень благодарна за этотъ чепчикъ: онъ мнѣ такъ къ лицу.

— Вамъ бы надо купить блондовую косынку; нынче это въ большой модѣ. На послѣднемъ балѣ у французскаго посланника всѣ были въ блондовыхъ косынкахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? да вѣдь блондовыя-то косынки дороги!

— И, полно-те! Какъ будто вы бѣдная! На васъ всѣ обращаютъ вниманіе; вы въ такомъ чинѣ, вамъ нельзя же хуже всѣхъ одѣться,—вы живете въ свѣтѣ.

— Да, это правда. Мы вмѣстѣ съ тобой поѣдемъ въ гостиный дворъ? Ты сама выберешь мнѣ косынку?

— Это надо купить въ англійскомъ магазинѣ.

— Въ англійскомъ!.. а развѣ въ гостиномъ дворѣ нѣтъ такихъ?

— Какъ же можно! Ужъ если имѣть вещь, такъ вещь хорошую.

— Въ самомъ дѣлѣ. А что, я думаю, надо будетъ надѣть брилліанты?

— Непремѣнно. Нынче всѣ и на простые вечера выѣзжаютъ въ брилліантахъ.

— Я пошлю Палашку къ Носковой завтра же. У нея чудо какіе брилліанты... всѣ Брейтфусъ отдѣлывалъ,—съ боль-

шимъ вкусомъ, потому что мой-то фермуаръ уже слишкомъ простъ.

— Попросите у нея, сестрица, кстати два фермуара — и для меня тоже.

ГЛАВА IV.

О томъ, какъ иногда много зависитъ отъ соло во французскомъ кадрилѣ и какимъ образомъ въ обществѣ ведутъ себя сочинители.

Въ четвергъ, въ семь часовъ вечера, Настасья Львовна стояла въ полномъ блескѣ и даже въ блондовой косынкѣ, передъ туалетнымъ зеркаломъ и поправляла на шеѣ большой изумрудный фермуаръ, осыпанный брилліантами, любуясь ихъ блескомъ.

— Ну, что, Анюточка, хорошо я одѣта?

— Премило,—отвѣтила Анна Львовна, натягивая перчатки и входя въ спальню.—Анна Львовна была разряжена блистательно: платье ея, дымчатаго цвѣта, живописно спускалось съ плечъ, вполнѣ обнаруживая ея худощавую, ослѣпительной бѣлизны грудь и длинную шею; румянецъ ярко горѣлъ на щекахъ, которыя картинно раздѣлялъ длинный горбатый носъ. Она была вся смочена духами и пропитана самолюбивыми надеждами.

Вслѣдъ за Анной Львовной вошла дочь Настасьи Львовны, въ простомъ бѣломъ платьѣ и въ бѣломъ газовомъ вуалѣ, Она была блѣдна сравнительно съ своей маменькой и тетенькой. Казалось, предстоящее удовольствіе ни мало не радовало ея. Она, однако, съ любопытствомъ посмотрѣла на фермуаръ, горѣвшій на груди ея матери—и отошла въ сторону.

— А! и вы готовы?—сказала Настасья Львовна, все еще стоявшая у зеркала, небрежно взглянувъ на свою дочь.— Отчего же это вы такую плачевную роль на себя взяли? Кажется мы не на похороны ѣдемъ. Анюточка,—продолжала она, обращаясь къ сестрѣ:—осмотри *ее* хорошенько: она и платья-то порядочно на себя надѣть не умѣетъ.

Анна Львовна подвинулась немного къ своей племянницѣ

и въ двойной вызолоченный лорнетъ начала ее критически осматривать съ ногъ до головы.

— Что-то у васъ мѣшковато сзади сидитъ платье,—произнесла она съ выразительною разстановкою, окончивъ осмотръ.

— Не знаю, отчего это; я не замѣтила, — отвѣчала дѣвушка, краснѣя.

— Не знаете?—сказала Настасья Львовна, все продолжая смотрѣться въ зеркало.—Что же вы знаете? Вмѣсто того, чтобъ вздоры-то читать,—вы бы лучше, сударыня, позанялись собою.

— Готовы ли, готовы ли, душечка? Ужъ пора: скоро восемь часовъ; покуда еще доѣдемъ!—говорилъ Матвѣй Егорычъ, входя въ спальню въ новомъ вицъ-мундирѣ, съ грудью, завѣшаниою орденскими лентами. Въ одно съ нимъ время вошелъ и Владиміръ Матвѣичъ, тщательно завитой, въ коричневомъ фракѣ съ блестящими пуговицами, держа въ рукѣ бѣлыя лайковыя перчатки.

— За мной дѣло не стоитъ. Я готова, Матвѣй Егорычъ... Палашка, зашпиль у манишки булавку съ правой-то стороны. Да ну же, дура, поворачивайся...

— У! да какая вы, мамаша, нарядная!—сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, подходя къ матери и цѣлуя ей ручку.

Настасья Львовна улыбнулась съ примѣтнымъ удовольствіемъ.

— И ты сегодня преавантажный, дружочекъ,—возразила она.—Какія прелестныя пуговицы на фракѣ! Посмотрите, Матвѣй Егорычъ, какъ у него все мило... Вотъ вамъ бы, сударыня, почаще посматривать на брата да перенимать у него порядокъ и чистоту. Палашка, салопъ... Полюбуйтесь-ка, какъ онъ одѣтъ и какое у него всегда довольное, веселое лицо... Ну, я готова; поѣдемте...

Четвероместная ямская карета парой давно стояла у того подъѣзда, гдѣ жилъ статскій совѣтникъ. Въ эту четвероместную карету первая вошла Настасья Львовна, за нею Анна Львовна; онѣ заняли первыя мѣста; напротивъ нихъ сѣли Матвѣй Егорычъ съ сыномъ и дочерью.

— На Васильевскій, въ 14-ю!—закричалъ лакей, захлопнувъ дверцы.

Ровно въ девять часовъ карета остановилась у одного изъ деревянныхъ домовъ въ 14-й линіи. Семейство Матвѣя Егорыча, подъ предводительствомъ его, вошло въ узкую и коротенькую переднюю, освѣщенную двумя сальными свѣчами, въ которой была нестерпимая духота отъ множества находившихся тамъ лакеевъ. Шубы и салопы грудами лежали на прилавкѣ. Музыка гремѣла. Балъ уже былъ въ полномъ разгарѣ...

— Вѣдь я говорила, ма-шеръ, что мы поздно выѣхали; отъ насъ сюда такъ далеко...—сказала Настасья Львовна, обращаясь къ своей сестрѣ съ ласковымъ упрекомъ:—а все ты, моя милая копунья!

На лицѣ Настасьи Львовны выражалось полное предчувствіе предстоявшаго ей наслажденія.

— Ахъ, Боже мой! кто же ѣздитъ на вечера ранѣе девяти часовъ?—возразила Анна Львовна, поправляя свои волосы.

Владиміръ Матвѣичъ обчистилъ рукой своей фракъ и надѣлъ бѣлыя перчатки.

Дверь изъ передней въ залу отворилась. Хозяинъ и хозяйка встрѣтили новопріѣзжихъ гостей у самаго входа. Хозяйка — женщина пожилая, съ незначительнымъ лицомъ, въ чепцѣ съ цвѣткомъ; хозяинъ средняго роста, съ огромнымъ животомъ, съ Владиміромъ въ петлицѣ, съ круглымъ и краснымъ лицомъ, по которому расходились въ разныя стороны пурпуровыя жилки.

— Очень рада, Настасья Львовна... Анна Львовна,—сказала хозяйка:—ахъ, и Марья Матвѣевна... очень рада, очень.

— Рекомендую вамъ моего сына Вольдемара.

— Очень рада...

Владиміръ Матвѣичъ выступилъ немного впередъ и расклանялся.

— Это по нашей части,—закричалъ хозяинъ, протягивая ему руку...—Пожалуйте-ка, молодой человѣкъ, пожалуйте... Мы васъ сейчасъ въ дѣло пустимъ, сейчасъ за работу. У меня покорно прошу отъ танцевъ не отговариваться... Вѣдь

вы, я надѣюсь, не философъ... Ангажируйте-ка даму, выбирайте любой цвѣточекъ... Этотъ кадриль сейчасъ кончится... Я хоть и старикъ, у меня хоть ноги и въ подагрѣ,—да я вамъ сейчасъ покажу примѣръ... я самъ... вы увидите, не хуже васъ отдерну кадриль, да и провальсирую, пожалуй...

Такъ говоря, человѣкъ съ огромнымъ животомъ тащилъ за руку нашего героя. Владиміръ Матвѣичъ еще не успѣлъ опомниться отъ такого добродушнаго пріема, какъ уже очутился по срединѣ залы.

— Александра Осиповна! матушка, Александра Осиповна! — продолжалъ хозяинъ дома, обращаясь къ одной пожилой дамѣ, сидѣвшей у стѣны:—вотъ я еще молодчика завербовалъ въ танцоры, да у самого что-то стариковская кровь разыгралась, и подагры не чувствую: хочу пуститься съ какой-нибудь хорошенькой... не говорите только женѣ...—При этомъ Николай Петровичъ подмигнулъ.

— Проказникъ!—замѣтила дама, качая головою.

— Я покажу всей молодежи, что и въ наши лѣта можно не ударить себя лицомъ въ грязь. Хотите быть моимъ *визави*, Владиміръ Матвѣичъ? а? хотите?

— Очень хорошо-съ.

— Дѣвицы-то знакомыя есть ли у васъ тутъ... Что, нѣтъ?—ну такъ вонъ ангажируйте ту, которая сидитъ третья отъ угла-то, такая смазливенькая, съ розаномъ на головѣ, чернобровая, кровь съ молокомъ. Ухъ, я вамъ скажу, бой дѣвка! о чемъ хотите заговорите съ ней, не сконфузится, небось.

— Пермете муа де ву зангаже,—сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, немного робкимъ голосомъ, подходя къ ней.

— Oui, m-r, — отвѣчала дѣвушка съ розаномъ.

Музыка, на минуту смолкнувшая, снова загремѣла. Они стали въ ряды танцующихъ.

— Какъ хочется затянуться! въ горлѣ, братъ, совсѣмъ пересохло! — сказалъ одинъ инженерный офицеръ съ завитымъ хохломъ, стоявшій сзади Владиміра Матвѣича.

— Тамъ внизу есть каморка, я провожу тебя. Коля на

всякій случай взялъ съ собою четверку Жукова,—отвѣчалъ чиновникъ военнаго министерства, въ мундирѣ, со шпорами и съ отличной таліей.

Владиміръ Матвѣичъ обернулся, услышавъ знакомый ему голосъ. Чиновникъ военнаго министерства былъ его товарищъ по училищу. Увидѣвъ Владиміра Матвѣича, онъ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Здравствуй, мон-шеръ! какъ кончишь кадриль, приходи внизъ. Мы будемъ внизу; затянемся,—послѣ затяжки какъ-то лучше.

Окончивъ первую фигуру, герой нашъ обратился къ своей дамѣ:

— Вы любите танцовать?

— Очень-съ. А вы?

— И я люблю.

Послѣ второй фигуры онъ заговорилъ съ нею снова:

— Здѣсь очень жарко.

— Очень-съ.

Послѣ третьей онъ спросилъ у нея:

— Вы часто ѣздите въ театръ?

— Нѣтъ-съ, но я очень люблю театръ: это лучше всякаго удовольствія, даже лучше танцевъ.—А вы любите?

— Люблю-съ.

Между тѣмъ хозяинъ дома, vis-a-vis Владиміра Матвѣича, мастерски выдѣлывалъ *па*, острилъ, любезничалъ; потъ лился съ него градомъ. Дамы, глядя на него, отъ души смѣялись; дѣвицы скромно улыбались, закусивъ нижнюю губу; одна только Анна Львовна смотрѣла на него саркастически. Когда же дѣло дошло до соло, тогда и всѣ прочіе гости, игравшіе въ другихъ комнатахъ въ бостончикъ и въ вистикъ, и услышавшіе о подвигахъ Николая Петровича, съ картами въ рукахъ изо всѣхъ дверей высыпали глядѣть на него. Несмотря на сильное утомленіе, онъ очень искусно выставилъ правую ногу впередъ и немножко поболталъ ею, потомъ обернулся кругомъ, стоя на одномъ мѣстѣ—и пустился на середину круга. На серединѣ онъ снова поболталъ правою ногою и прискакнулъ; но скачокъ былъ не совсѣмъ

удаченъ, потому что онъ почувствовалъ сильную боль въ ногахъ и застоналъ;—однако сила воли побѣдила эту боль; онъ не хотѣлъ уронить себя въ глазахъ такого многочисленнаго собранія, и пріободрившись, граціозно протянулъ руку своей дамѣ... Всѣ старички, смѣясь, захлопали въ ладоши.

— Браво! Браво!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Послѣ Николая Петровича настала очередь Владиміра Матвѣича. Еще зрители не разошлись и продолжали любоваться танцующими. Владиміръ Матвѣичъ съ небольшимъ батистовымъ платочкомъ въ рукѣ, чуть-чуть нагнувъ голову на лѣвую сторону, мастерски скользнулъ по лакированному полу, взявъ немного вправо, и сдѣлалъ антраша, такъ, что завитки на головѣ его пришли въ движеніе.

Сердце матери забилось отъ удовольствія, а у Матвѣя Егорыча захлопали оба глаза.

— Мило танцуетъ,—замѣтило нѣсколько дамъ почти въ одинъ голосъ.

Соло, протанцованное Владиміромъ Матвѣичемъ, сдѣлало такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ дамъ, что онъ получилъ въ этотъ вечеръ восемь приглашеній.

Восхищенный своими успѣхами, онъ сошелъ внизъ, въ комнату, гдѣ курили и куда приглашалъ его чиновникъ военнаго министерства. Но, отворивъ дверь въ эту комнату, онъ невольно отшатнулся и закашлялся. Табачный дымъ волнами ходилъ въ небольшомъ четвероугольномъ пространствѣ, — и въ этихъ волнахъ мерцалъ слабый огонекъ нагорѣвшей, засыпанной табакомъ свѣчи, мелькали какія-то лица, и раздавался нестройный, оглушительный говоръ курящихъ.

Вдругъ чья-то рука съ краснымъ обшлагомъ протянулась къ Владиміру Матвѣичу изъ облаковъ дыма и втащила его въ комнату. Эта рука принадлежала уже извѣстному читателямъ чиновнику военнаго министерства.

Минуты черезъ три герой нашъ началъ понемногу приглядываться и открылъ въ этомъ чаду многихъ своихъ знакомыхъ, и между прочими одного измайловскаго офицера. Онъ подсѣлъ къ послѣднему. Предметомъ разговора былъ Александринскій театръ. Инженерный офицеръ, которому хотѣ-

лось затянуться и у котораго новыя эполеты были сняты для того, чтобъ они не закоптились отъ дыма, волочился за одной актрисой безъ рѣчей, поэтому зналъ въ подробности всѣ закулисныя тайны этого театра и разсказывалъ различные занимательные театральные анекдоты. Но болѣе всѣхъ занималъ общество, заключенное въ этой табачной атмосферѣ, одинъ штатскій небольшого роста, очень худощавый, бѣлокурый, съ маленькими сѣрыми глазками. Только что онъ разинетъ ротъ, тотчасъ замолчатъ и начнутъ слушать со вниманіемъ. Казалось, все находившееся тутъ общество, не выключая и двухъ офицеровъ, измайловскаго и инженернаго, питало къ этому господину особенное уваженіе и безпрекословно вѣрило всѣмъ его разсказамъ. Онъ говорилъ о разныхъ предметахъ: о томъ, что капельдинеры во всѣхъ театрахъ знаютъ его имя и отчество, что онъ знакомъ со всѣми актерами, что актеры послѣ спектакля потчуютъ его ужиномъ въ «Фениксѣ», потому что боятся его, а актрисы безпрестанно приглашаютъ его къ себѣ; что онъ все читаетъ иностранныя книги, а русскихъ не читаетъ; что онъ пишетъ статью, въ которой уничтожитъ одного актера, и водевиль, въ которомъ уничтожитъ одного сочинителя...

— Скажите, кто же это такой!—шопотомъ спросилъ Владиміръ Матвѣичъ, пораженный такими рѣчами, у своего сосѣда, измайловскаго офицера.

— Будто вы не знаете его?—возразилъ измайловскій офицеръ.

Владиміръ Матвѣичъ смѣшался и покраснѣлъ.

— Нѣтъ-съ, не знаю.

— Это *Зетъ-Зетъ*...

— Тотъ, что въ газетѣ-то, братецъ, пишетъ! Это тотъ самый!—замѣтилъ чиновникъ военнаго министерства.

— Неужели?

У героя нашего стукнуло сердце. Онъ въ первый разъ находился въ присутствіи такой особы; ему очень любопытно было посмотрѣть, какъ ведутъ себя сочинители въ обществѣ, какъ говорятъ они, нѣтъ ли у нихъ на лицахъ чего-нибудь

особеннаго,—и онъ началъ внимательно разсматривать господина Зетъ-Зета.

— Хотите, я васъ познакомлю съ нимъ?—спросилъ у Владиміра Матвѣича измайловскій офицеръ.

— Мнѣ... мнѣ бы очень пріятно.

— Петръ Васильевичъ,—сказалъ измайловскій офицеръ, обращаясь къ Зету-Зету:—вотъ г. Завьяловъ желаетъ съ вами познакомиться.

Владиміръ Матвѣичъ всталъ со своего стула и началъ раскланиваться.

Зетъ-Зетъ взялъ его за руку и произнесъ скороговоркою:

— Очень радъ. Милости прошу ко мнѣ: я живу на Лиговкѣ, въ домѣ Михѣева, № 2345.

Потомъ онъ началъ разсказывать съ эффектомъ и съ жестами сюжетъ своей новой большой драмы съ куплетами, подъ заглавіемъ *Давидъ Теньеръ, или фламандскіе нравы.*

— Тѣ водевили, которые написаны мною,—говорилъ Зетъ-Зетъ:—это такъ, мелочь, маленькія штучки,—а это ужъ вещь обдѣланная, обработанная: въ моихъ водевиляхъ только эскизы, очерки, а это ужъ драма, тутъ созданіе. Извѣстно, что Теньеръ въ молодости своей былъ только подражателемъ и подражалъ всѣмъ, не только фламандскимъ, но итальянскимъ живописцамъ,—впослѣдствіи же удалился въ деревню, долго изучалъ природу и деревенскую жизнь и потомъ уже сдѣлался великимъ творцомъ и обезсмертилъ свое имя. Это, вотъ видите ли, одинъ только сухой фактъ изъ его жизни, а остальное все я добавилъ воображеніемъ—и это мнѣ очень, очень удалось.

«У, какъ говоритъ!» подумалъ Владиміръ Матвѣичъ.

— Въ первомъ актѣ я представилъ Теньера, списывающаго копіи съ Тинторета и Рубенса: онъ живетъ совершенно обезпеченный и, повидимому, счастливый, но геній его не даетъ ему покоя: онъ мучится, самъ не зная отчего, худѣетъ, блѣднѣетъ... ужъ если человѣкъ боленъ душевно, то замѣтьте, непремѣнно и лицо его измѣняется. Къ нему приходитъ заказывать одинъ вельможа копію: онъ берется окончить ее въ два дня; но душевная болѣзнь его въ эти дни

увеличивается, и онъ не можетъ приняться за кисть. На третій день вельможа является за картиной, узнаетъ, что Теньеръ еще не начиналъ заказанной ему копіи, кричитъ, сердится. Теньеръ говоритъ: «Такъ ждите же здѣсь, копія ваша черезъ часъ будетъ готова!»—и съ дикимъ вдохновеніемъ схватываетъ кисть. Изумленный вельможа остается. Ровно черезъ часъ копія, не уступающая оригиналу, готова. Вельможа осыпаетъ Теньера похвалами и золотомъ и хочетъ взять копію, но Теньеръ въ бѣшенствѣ выхватываетъ ее у него изъ рукъ, рѣжетъ ножомъ и съ дикимъ хохотомъ выбѣгаетъ изъ мастерской. Этимъ я кончилъ первый актъ.

— Чортъ знаетъ, какъ это должно быть хорошо на сценѣ!— закричалъ инженерный офицеръ.

— Во второмъ актѣ,—продолжалъ Зетъ-Зетъ: — Теньеръ уже въ деревнѣ... Тутъ представлена картина фламандской жизни, — для этой сцены я много изучалъ, рылся въ книгахъ...

— Рылся въ книгахъ! Все это вздоръ!—вдругъ раздался пронзительный голосъ:—да наплевать и на книги-то ваши, когда тутъ дѣло идетъ о танцахъ... Господа кавалеры! этакъ-то вы оставляете дамъ?.. Славно! ну, что вы тутъ разсѣлись слушать этого молодца?.. а вотъ я велю запереть эту комнату, что тогда скажете? Затянулся да и маршъ наверхъ... Ужъ эти мнѣ сочинители! мало имъ того, что обираютъ съ насъ деньги за книги, нѣтъ, еще слушай ихъ... Петръ Васильевичъ, дайте-ка мнѣ вашу руку; ну, теперь налѣво кругомъ, да наверхъ,—проповѣдуйте тамъ о вашей учености старухамъ... Господа, всѣ за мною—маршъ!

И Николай Петровичъ потащилъ за собою господина Зетъ-Зета, и вслѣдъ за ними отправились всѣ остальные.

Владиміру Матвѣичу было ужасно досадно, что хозяинъ дома такъ насильственно поступилъ съ г. Зетъ-Зетомъ: ему чрезвычайно хотѣлось дослушать сюжетъ драмы-водевиля.

Когда Николай Петровичъ оставилъ сочинителя, сочинитель на свободѣ началъ прохаживаться медленно и задумчиво въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ были карточные столы, потомъ пришелъ въ танцовальную залу, облокотился о косякъ двери.

скрестилъ руки и наблюдательнымъ взоромъ сталъ слѣдить за пестрымъ движеніемъ бала...

Чиновникъ военнаго министерства, указывая на него головой, сказалъ одному изъ своихъ пріятелей:

— Вишь, какъ смотритъ? Какъ разъ спишетъ кого-нибудь: вѣдь у него перо пребойкое.

Между тѣмъ, герой нашъ не пропускалъ ни одного кадриля, онъ такъ же усердно выполнялъ бальную, какъ и департаментскую службу. Послѣдній кадриль передъ мазуркой онъ танцовалъ съ своей теткой, Анной Львовной.

— Сегодня здѣсь довольно скучно,—сказала она, немного подвинувъ нижнюю губу впередъ, въ знакъ неудовольствія.

Аннѣ Львовнѣ потому казалось скучно, что ее мало ангажировали и что измайловскій офицеръ три раза танцовалъ съ ея племянницей и только одинъ разъ съ нею.

Едва она успѣла произнести «скучно», какъ табачная струя пронеслась въ душномъ бальномъ воздухѣ, возвѣщая о приближеніи этого офицера. Офицеръ былъ весь пропитанъ жуковскимъ вакштафомъ.

— Какъ я люблю табачный запахъ!—сказала она съ замѣтнымъ волненіемъ и, играя лорнетомъ, обратилась къ пришедшему.

— Вы не ангажированы на мазурку?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

Когда этотъ офицеръ говорилъ съ Анной Львовной, она немного пришепетывала на букву *т*. Выраженіе глазъ ея при вопросѣ офицера тотчасъ измѣнилось: они подернулись легкимъ туманомъ.

— Такъ позвольте мнѣ танцовать съ вами? — продолжалъ онъ.

Анна Львовна выразительно посмотрѣла на него и кивнула ему дружески головой.

Когда офицеръ отошелъ отъ нея, какой-то знакомый его, штатскій, сказалъ ему:

— Неужели ты хочешь танцовать съ этой размалеванной шкурой?

— Да что же дѣлать, братецъ? Всѣ хорошенькія ангажированы, а Николай Петровичъ пристаетъ: танцуй да танцуй; такъ поневолѣ пустишься и съ этакой...

Разставляя стулья для мазурки, Владиміръ Матвѣичъ поставилъ стулъ для той, которую ангажировалъ. Это была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, полная, круглая, курносенькая, съ тремя бантами на платьѣ и съ брилліантами на шеѣ.

Лишь только сѣла она на приготовленное ей мѣсто, и лишь только Владиміръ Матвѣичъ придумалъ, съ чего начать разговоръ, какъ къ ней подошелъ Зетъ-Зетъ.

Нечего дѣлать, Владиміръ Матвѣичъ опустился на свой стулъ и проглотилъ придуманныя имъ рѣчи.

Мазурка началась. Зетъ-Зетъ удалился.

Владиміръ Матвѣичъ вступилъ въ свои права и употребилъ въ дѣло придуманную имъ фразу, которая на дѣвицу съ тремя бантами произвела довольно пріятное впечатлѣніе. Мазурка длилась болѣе часа, но этотъ часъ показался для него двумя минутами.

Передъ ужиномъ Зетъ-Зетъ подошелъ къ Владиміру Матвѣичу. Владиміръ Матвѣичъ немного смутился.

— Вы знакомы съ этой дѣвицей, съ которой танцовали мазурку?

— Нѣтъ-съ; я только въ первый разъ имѣлъ удовольствіе...

— А-а! Не правда ли, мила?

— Чудо! — такая любезная, воспитанная...

— У нихъ очень пріятный домъ; по понедѣльникамъ съѣзды, познакомьтесь съ ними — она одна дочь у отца, за нею тысячекъ около двадцати доходу, но доходъ что! главное — образованіе.

«Двадцать тысячъ доходу!» подумалъ Владиміръ Матвѣичъ — и мурашки пробѣжали по всему его тѣлу.

— А какъ ея фамилія?

— Рожкова.

— А гдѣ служитъ ихъ батюшка? — спросилъ подбѣжавшій въ эту минуту чиновникъ военнаго министерства.

— Она изъ купеческаго званія; впрочемъ, отецъ ея почетный гражданинъ...

— Насилу-то вы кончили вашъ вистъ, Матвѣй Егорычъ, говорила Настасья Львовна, подходя къ карточному столу, исписанному мѣломъ: — вѣдь, я думаю, часовъ шесть сряду сидѣли... Что же вы сдѣлали?

— Восемь съ полтиной зашибъ, душечка, — да, восемь съ полтинкой... Рубль съ четвертью, четыре рубля семьдесять-пять, два... да, ровно... такъ...

За ужиномъ дамы, старики и молодежь разсѣлись отдѣльно за особыми столами. Во главѣ молодежи былъ Зетъ-Зетъ. Онъ снова завелъ рѣчь о своей драмѣ съ куплетами.

— Такъ я сказалъ, — началъ онъ, — что во второмъ актѣ представленъ у меня Теньеръ въ деревнѣ... Онъ бродитъ между деревенскими жителями, вмѣшивается въ ихъ игры, пляшетъ съ ними на лугу, а между тѣмъ изучаетъ нравы и природу, и уже нѣсколько чудесныхъ картинъ написано имъ; вдругъ въ толпѣ дѣвушекъ онъ встрѣчаетъ одну, въ которую страстно влюбляется... вѣдь это очень натурально, все это могло случиться... Дѣвушка также полюбила его... Теньеръ счастливъ вполнѣ, какъ человѣкъ и какъ художникъ... Онъ сидитъ на берегу ручья и разговариваетъ съ своей любезной объ ожидающемъ ихъ счастьи. Этимъ кончается второй актъ. Въ третьемъ все перемѣняется... Теньеръ въ своей мастерской съ поникшею головою. Кругомъ его нѣсколько начатыхъ и оконченныхъ имъ картинъ... Минуты двѣ послѣ поднятія занавѣса молчаніе; потомъ онъ приподнимаетъ голову, обводитъ блуждающіе взоры кругомъ — и говоритъ монологъ о ничтожности жизни, сомнѣвается въ своемъ призваніи, вскакиваетъ со стула и въ волненіи прохаживается по сценѣ. Дверь отворяется, входитъ старичокъ — отецъ его невѣсты — со слезами на глазахъ... Теньеръ обнимаетъ его, и они плачутъ въ объятіяхъ другъ друга... Зрители еще въ ожиданіи, что такое случилось... Въ эту минуту раздается погребальная музыка. — «Иди за мною», — говоритъ Теньеру старецъ, вырываясь изъ его объятій. Они уходятъ... декорація перемѣняется... Погребальная процессія; несутъ

гробъ дѣвушки, убранный цвѣтами; въ этомъ гробѣ невѣста Теньера... Неутѣшный отецъ и женихъ идутъ за гробомъ... Музыка смолкаетъ въ отдаленіи... Теньеръ является сначала мрачный, но лицо его проясняется, и онъ говоритъ вдохновенный: «Но я еще не совсѣмъ несчастенъ. Еще осталось ты для меня, святое искусство»!.. Произнеся это, онъ упадаетъ на колѣни, воздѣвая руки къ небу — и занавѣсъ опускается.

— Прекрасно!.. Превосходно! Я воображаю, какъ это будетъ на сценѣ!.. Чудо какъ хорошо! — раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

Сочинитель продолжалъ, разрѣзывая жаркое:

— Я хотѣлъ изобразить въ этой пьесѣ, какъ сила генія торжествуетъ надъ всѣмъ.

— А скоро ваша пьеса будетъ играна на сценѣ? — спросилъ измайловскій офицеръ.

— Недѣли черезъ три. Теперь разучиваютъ роли.

— Коля! надо будетъ его вызвать, — шепнулъ чиновникъ военнаго министерства другому чиновнику, сидѣвшему рядомъ съ нимъ...

— Господа, за бокалы! — закричалъ хозяинъ дома. Въ рукѣ онъ держалъ бутылку полушампанскаго... Пробка щелкнула въ потолокъ. — Шипучка, шипучка важнѣйшая! Это вамъ за сегодняшнюю работу!

И полушампанское заиграло въ бокалахъ...

— Молодца выростили! ей Богу молодца! да онъ у насъ сегодня просто очаровалъ всѣхъ, — говорилъ на крыльцѣ хозяинъ дома, провожая Матвѣя Егорыча съ Настасьей Львовной и ударяя Владиміра Матвѣича по плечу: — вотъ будетъ тебѣ, Матвѣй Егорычъ, кормилецъ подъ старость... Да укутайся, братъ, хорошенько... вотъ такъ... безподобно. Прощайте, матушка Настасья Львовна... прощайте...

Николай Петровичъ говорилъ правду. Владиміръ Матвѣичъ на этомъ балѣ всѣмъ необыкновенно понравился, особенно послѣ соло, и почти всѣ единогласно говорили про него: «Ахъ, какой прекрасный молодой человѣкъ!»

Въ четыре часа все семейство Матвѣя Егорыча, утомленное послѣ бала, начинало засыпать.

Матвѣй Егорычъ, засыпая, думалъ: «Ну, я провелъ вечеръ все-таки не даромъ и выигралъ хоть немного, а все-таки выигралъ...»

Настасья Львовна, засыпая, думала: «Теперь всѣ въ Петербургѣ будутъ говорить о томъ, что у меня отличные бриллiанты, потому что всѣ дамы не могли налюбоваться фермуаромъ, который я брала у Носковой. Пусть себѣ думаютъ, что это мой...»

Анна Львовна, засыпая, думала: «Вѣрно *онъ* (подъ этимъ мѣстоименiемъ она разумѣла измайловскаго офицера) имѣетъ на меня виды: не даромъ же онъ танцовалъ со мною мазурку и говорилъ такъ двусмысленно... Ахъ, если бы...»

Владимiръ Матвѣичъ, засыпая, думалъ: «Какая миленькая... какiе глазки... и какъ говоритъ!.. Что жъ такое, что купеческая дочка?.. Вѣдь отецъ-то ея почетный гражданинъ... двадцать тысячъ дохода!.. Больше тысячи пятисотъ въ мѣсяцъ... Славно, чортъ возьми!..»

Одна Маша очень крѣпко заснула отъ усталости и ни о чемъ не думала.

ГЛАВА V.

О томъ, какимъ страшнымъ соблазнамъ подвергается молодой человѣкъ, вступающiй въ свѣтъ.

Всю ночь Владимiру Матвѣичу снилась дочь почетнаго гражданина Рожкова, что будто бы онъ женихъ ея и за ней даютъ сто тысячъ приданаго, кромѣ ежегоднаго дохода; что будто бы онъ уже мужъ ея — и передъ нимъ анфилада комнатъ и длинныя зеркала, и онъ глядится въ эти зеркала, и у него Станиславъ на шеѣ.

Владимiръ Матвѣичъ проснулся получасомъ позже обыкновеннаго, напился чаю, выкурилъ трубку «жукова», и, мечтая о дѣвицѣ Рожковой, отправился въ департаментъ.

Въ департаментѣ онъ получилъ отъ одного изъ своихъ товарищей — человѣка съ хорошимъ состоянiемъ, записку слѣдующаго содержанiя:

«Любезный другъ Володя. Въ воскресенье мы собираемся покутить; надѣюсь, что и ты не откажешься быть въ числѣ нашихъ. Приходи ко мнѣ съ утра; мы прогуляемся по Невскому, а потомъ отправимся къ Фельету. Съ нами, между прочимъ, будутъ кое-кто изъ литераторовъ: TZ, T* и K* и еще одинъ славный малый, съ которымъ я тебя познакомлю.

Твой Р—въ.»

Въ воскресенье утромъ на Невскомъ проспектѣ народа не перечесть! — Скромныя нѣмочки, «Маргариты» молочнаго цвѣта, съ молитвенниками въ рукахъ, только что изъ церкви; дородныя русскія купчихи въ дорогихъ мѣхахъ, съ улыбкой, съ черными зубами и съ толстыми мужьями, только что отъ самовара — въ дорогихъ шубахъ; молодые и старые, величественные и поджарые, испитые и жирные чиновники разныхъ сортовъ: и тѣ, которые не снимаютъ съ своихъ плечъ вицъ-мундира, и тѣ, которые отзываются о вицъ-мундирѣ съ презрительной улыбкой, и тѣ, которые не имѣютъ еще орденовъ и потому закутываются, и тѣ, которые отважно выставляютъ на морозъ грудь свою, увѣшанную орденскими знаками; дамы и дѣвицы средняго сословія съ гордыми взорами, а сзади ихъ лакеи съ аксельбантами и съ заплатами на ливреяхъ. И много, много еще разныхъ лицъ... И среди этой разнообразной и разноцвѣтной толпы — усы, прелестные усы, завитые въ кольца... И надъ этой разнообразной и разноцвѣтной толпой роскошно колеблющіеся бѣлые и черные султаны, отъ которыхъ замираютъ и трепещутъ сердца барышенъ... Очаровательный Петербургъ! гранитный и чиновный городъ! нѣтъ подобнаго тебѣ города на земномъ шарѣ... по холоду, сырости и скукѣ.

Владиміру Матвѣичу, несмотря на тѣсноту, было очень пріятно гулять по Невскому проспекту... Глаза его разбѣгались отъ предмета къ предмету... Бобровые воротники съ просѣдью, сани подъ орѣховое дерево, рысаки, барышни, малахиты, имбирное варенье, бронзы, страсбургскіе пироги, картины въ окнахъ, устричныя раковины, прибитыя къ дверямъ и валяющіяся у дверей, — повсюду роскошь, растра-

вляющая страсти, повсюду блескъ, ослѣпляющій глаза, и къ тому же солнце... Владиміръ Матвѣичъ чувствовалъ, что жизнь блаженство, если есть средства пользоваться жизнію. За день до этого онъ воображалъ себя богачомъ, потому что въ ящичкѣ, въ которомъ онъ хранилъ накопленныя деньги, лежало 25 рублей ассигнаціями, — теперь, глядя па все это, онъ показался самому себѣ нищимъ... Уже легкая тѣнь неудовольствія готова была мелькнуть на лицѣ его, по онъ подумалъ: «что жъ такое? не всѣ родились богачами: трудись, хлопочи, пробивай себѣ дорогу! употребляй всѣ средства... и у тебя со временемъ будутъ бронзы, малахиты и рысаки, барышни, имбирное варенье и страсбургскіе пироги...»—Онъ обтеръ губы при этой мысли и улыбнулся... Образъ дочери почетнаго гражданина Рожкова снова мелькнулъ передъ нимъ.

Вдругъ въ эту минуту, вдали, показалось ему кругленькое, курносенькое, разрумяненное морозомъ личико, въ шляпкѣ съ цвѣткомъ и блондой; потомъ открылась и фигурка, принадлежащая этому личику, въ салопѣ темнобурой лисицы съ собольимъ воротникомъ, — и возлѣ этой фигурки фигура въ енотовой шубѣ. У Владиміра Матвѣича захлебнулось дыханіе: — это *она!..* Онъ поравнялся съ нею и снялъ шляпу. Она отвѣчала на этотъ поклонъ мило и привѣтливо, а папенька ея въ енотовой шубѣ приподнялъ сзади свою шляпу, потеръ рукой свой подбородокъ, впрочемъ, безъ бороды, и сказалъ:—«мое почтеніе-съ». Владиміръ Матвѣичъ былъ въ восторгѣ отъ такого впиманія и даже рѣшилъ въ эту минуту въ случаѣ нужды спросить за обѣдомъ бутылку шампанскаго на свой счетъ.

По слѣдамъ дочери почетнаго гражданина Рожкова шелъ господинъ Зетъ-Зетъ. На немъ былъ сюртучокъ на ватѣ, фіолетоваго цвѣта, съ брандебурами и таліею, очень хорошо принаровлепною портнымъ; шея его опутывалась краснымъ шерстянымъ вязанымъ шарфомъ съ зелеными каймами и кисточкою; шелковая шляпа его пріятно лоснилась, а на ногахъ блестѣли калоши съ резиновыми застежками — довольно остроумная выдумка какого-то сапожника.

— Здравствуй, душа моя, — сказалъ онъ, положивъ руку на плечо товарища Владиміра Матвѣича.

— Je vous salue, m-r! — сказалъ онъ, обращаясь къ Владиміру Матвѣичу.

— Браво, да ты такимъ франтомъ! что за сюртучокъ— чудо! — замѣтилъ ему товарищъ Владиміра Матвѣича, останавливаясь: — обернись-ка назадъ.

Господинъ Зетъ-Зетъ замѣтно смѣшался.

— Ничего нѣтъ особеннаго... что ты находишь... сюртукъ какъ сюртукъ... Еще обѣдать рано; можно еще разъ повернуть отъ Полицейскаго моста. Какъ ты думаешь, душа моя?

— Ну, разумѣется.

И съ новымъ спутникомъ они отправились далѣе.

Въ этотъ разъ господинъ Зетъ-Зетъ показался Владиміру Матвѣичу немного страннымъ: онъ не нашелъ въ немъ той литературной самоувѣренности, которая проявлялась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи его на балѣ у Николая Петровича. Впрочемъ, лишь только они пришли въ трактиръ и лишь только г. Зетъ-Зетъ снялъ съ себя фіолетовый сюртукъ, то сдѣлался гораздо развязнѣе и тотчасъ же заговорилъ о томъ, что онъ пишетъ нравоописательную статейку подъ заглавіемъ: «*Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту, или отъ сотворенія міра и до нашихъ временъ люди не измѣнились*».

Въ четыре часа собралось все общество; въ этомъ обществѣ были два новыя лица для Владиміра Матвѣича: одинъ молодой литераторъ, полный и чрезвычайно красивой наружности, говорившій горячо, съ жаромъ, и размахивавшій руками... Онъ принадлежалъ не къ той партіи, въ которой находился Зетъ-Зетъ, и потому они обошлись между собой довольно холодно. Новоприбывшій литераторъ смотрѣлъ даже на Зетъ-Зета съ нѣкоторой ироніей, потому что занимался высшимъ родомъ литературы. Другое новое лицо для Владиміра Матвѣича было существо низенькаго роста съ черными масляннистыми глазами, съ щеками малиноваго цвѣта и съ брилліантовымъ перстнемъ на пальцѣ—существо до-

вольно загадочное. Оно служило въ какомъ-то департаментѣ, «въ должность ходило» рѣдко и получало только 450 рублей жалованья въ годъ; въ формулярномъ спискѣ его не значилось за нимъ никакого состоянія; но это существо нанимало квартиру въ 2.500 р., меблированную превосходно, съ канделябрами, зеркалами и бронзами, имѣло двухъ рысаковъ, круглыя дрожки и карету.

— Кто этотъ господинъ? — спросилъ Владиміръ Матвѣичъ на ухо у своего товарища, указывая на человѣка съ малиповыми щеками, стоявшаго къ нимъ спиною.

— Это—Шнейдъ, любезный другъ, славный малый: ростовщикъ, онъ беретъ по 50, по 60 процентовъ, иногда капиталъ на капиталъ, да еще съ залогомъ. Въ Петербургѣ, говорятъ, процентщикамъ раздолье. Онъ изъ жидовъ, а ты знаешь, что жиды и армяне любятъ денежки... Онъ мнѣ иногда даетъ въ займы, но съ меня беретъ только 20 процентовъ, по знакомству; онъ былъ обязанъ многимъ моему отцу. Я и вчера еще занялъ у него 500 рублей.

«По 20, по 50, по 60 процентовъ!..—подумалъ Владиміръ Матвѣичъ: — стало быть, надобно только имѣть небольшой капиталецъ...»

Столъ былъ накрытъ въ особой комнатѣ. Чиновникъ военнаго министерства и инженерный офицеръ, ранѣе всѣхъ явившіеся въ трактиръ, успѣли уже передъ обѣдомъ надымить всю комнату: они затянулись разъ шесть или семь.

Въ половинѣ обѣда Владиміръ Матвѣичъ познакомился и съ литераторомъ красивой наружности и съ ростовщикомъ. Литераторъ красивой наружности и Зетъ-Зетъ все кричали, спорили и пили.

— Водевиль, что такое? игрушка, шалость, — говорилъ литераторъ красивой наружности, прихлебывая портеръ и обращаясь къ Зетъ-Зету и къ Владиміру Матвѣичу съ улыбкою: — водевиль, — острота, каламбуръ, пѣна шампанскаго, литературныя брызги. Въ водевилѣ только куплеты; тутъ не требуется ни характеровъ, ни ситуацій, словомъ, никакой обдуманности, вовсе не нужно *этого*, какъ говоритъ Кукольникъ...

— Позвольте! — перебилъ его Зетъ-Зетъ, немного обидясь: — водевиль водевилю рознь. Я не спорю; есть водевили, и по большей части, пустые, вздорные, но могутъ быть и такіе, что...

— Согласитесь въ одномъ: вѣдь въ водевилѣ осмѣиваютъ только современные нравы, по большей части нападаютъ на бѣдныхъ чиновниковъ, и я не понимаю за что... Въ этомъ предметѣ нѣтъ никакой поэзіи...

— Ахъ! я вамъ скажу, — воскликнулъ вдругъ товарищъ Владиміра Матвѣича, глядя на Зетъ-Зета: — у насъ есть два чиновника въ нашемъ отдѣленіи, то-есть просто смѣхъ; вотъ бы вамъ описать ихъ.

— Шампанскаго! — закричалъ угощавшій, обращаясь къ Зетъ-Зету: — за успѣхъ твоего Теньера.

— Ахъ жаль, что нѣтъ здѣсь Кукольника, — сказалъ повѣствователь: — вотъ душа-то холостыхъ сходокъ. Съ нимъ выпьешь всегда втрое больше. Да, полно-те, господа, перестанемте говорить объ литературѣ, чортъ съ ней! она намъ и безъ того надоѣла; поговоримте лучше о чемъ-нибудь поумнѣе.

Владиміръ Матвѣичъ захохоталъ: такъ ему показалось мило и остроумно послѣднее замѣчаніе. Въ другое время онъ не рѣшился бы, можетъ быть, и улыбнуться, по чувству приличія, но въ эту минуту онъ былъ въ такомъ невообразимо-пріятномъ состояніи, ему было и легко, и вольно, и тепло, и весело; никогда еще онъ не ощущалъ ничего подобнаго. Дѣвица Рожкова опять предстала его разыгравшемуся воображенію — и еще въ какомъ-то идеальномъ свѣтѣ, а шампанское при свѣтѣ лампъ пѣнилось и звѣздилось въ его бокалѣ... голова его немножко начинала кружиться...

— Бутылку шампанскаго! — закричалъ онъ.

— Вотъ это умная рѣчь! — замѣтилъ повѣствователь.

Водевилистъ насмѣшливо улыбнулся.

Ужъ кутить, такъ кутить.
Я женюсь, такъ и быть...

запѣлъ чиновникъ военнаго министерства хриплымъ голосомъ.

— Жукова! — закричалъ инженерный офицеръ и крякнулъ, выпивъ залпомъ свой бокалъ; потомъ, когда трубка была принесена, затянулся и выпустилъ изо рта страшное облако дыма.

Бутылка за бутылкой откупоривались; ростовщикъ задремалъ; Владиміръ Матвѣичъ, шевеля губами, разсчитывалъ: на сколько выпито шампанскаго, и никакъ не могъ разсчитать, потому что цифры у него перепутывались въ головѣ...

Былъ часъ десятый.

— Не поѣхать ли *туда*, господа? — закричалъ угощающій! — какъ вы думаете?..

— Браво! — закричалъ повѣствователь: — туда!

— Туда! — повторилъ инженерный офицеръ басомъ и снова затянулся, прищелкнувъ пальцемъ.

— Куда это? — спросилъ Владиміръ Матвѣичъ.

— Въ одинъ знакомый намъ домъ, — отвѣчалъ его товарищъ. — Мы и тебя кстати представимъ... Ты еще пе знакомъ въ этомъ домѣ.

— А что, тамъ есть дамы?

— Есть, какъ же!

— Пожалуй, — прошепталъ Владиміръ Матвѣичъ, — хорошо, что я во фракѣ, а то къ дамамъ неловко въ сюртукѣ, еще въ первый разъ... И онъ началъ шарить въ карманахъ, ища свои бѣлыя перчатки, которыя у него всегда были въ запасѣ.

Когда принесли счетъ и когда угощавшій началъ расплачиваться, Владиміръ Матвѣичъ закричалъ:

— Вотъ за мою бутылку! — и протянулъ руку съ десятирублевой ассигнаціей.

— Какъ твоя бутылка? за все заплачено.

— Ну, пожалуй! — сказалъ Владиміръ Матвѣичъ и спокойно положилъ ассигнацію въ карманъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, господа!

И всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и начали искать шляпы.

Владиміръ Матвѣичъ сѣлъ въ сани съ своимъ товарищемъ, который угостилъ ихъ обѣдомъ. Сани помчались, но

онъ никакъ не могъ разобрать, по какимъ улицамъ; наконецъ, въ какомъ-то узенькомъ переулкѣ, у воротъ деревяннаго одноэтажнаго домика, кучеръ сдержалъ лошадь.

Они черезъ калитку вошли на дворъ и очутились у подъѣзда деревяннаго домика. Товарищъ Владиміра Матвѣича позвонилъ, дверь отворилась, человѣкъ снялъ съ нихъ шубы. Они вошли въ слѣдующую комнату. У самаго порога встрѣтила ихъ хозяйка дома — старушка лѣтъ семидесяти-пяти, сгорбленная, худощавая, морщиноватая, въ чепцѣ, изъ-подъ котораго торчали сѣдые волосы, съ небольшими сѣдыми усиками и бородкой, которая безпрестанно шевелилась отъ движенія ея нижней губы.

— Здравствуйте, мой миленькій!—сказала она, протягивая руку къ товарищу Владиміра Матвѣича:—охъ, охъ, охъ!..

— Рекомендую вамъ моего товарища, Завьялова.

— Очень рада, миленькій, очень... Охъ-охъ! Пожалуйте сюда...

И старушка, кряхтя и охая, повела ихъ въ слѣдующую комнату.

Владиміръ Матвѣичъ до сихъ поръ былъ какъ во снѣ. И только когда товарищъ его подвелъ къ старушкѣ, онъ очнулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ себя...

Комната, въ которую ввела ихъ старушка, была такая же маленькая, какъ и первая. У передней стѣны ея стоялъ широкій диванъ, а передъ диваномъ — овальный столъ... По обѣимъ сторонамъ этого дивана разставлены были кресла, и на этихъ креслахъ сидѣли «племянницы старушки», барышни очень нарядно одѣтыя. Онѣ скромно взглянули на вошедшаго незнакомца и потомъ, когда онъ учтиво раскланялся имъ, улыбнулись и посмотрѣли другъ на друга.

— Милости прошу садиться... Что вы, миленькій, у меня давно не были?.. Охъ-охъ!..

Старушка сама сѣла на диванъ и начала раскладывать гран-пасьянсъ, исподлобья поглядывая на Владиміра Матвѣича и шевеля бородкой... Товарищъ Владиміра Матвѣича былъ совершенно какъ у себя въ этомъ домѣ; онъ безъ церемоніи подсѣлъ къ одной изъ «племянницъ», которую на-

звалъ Катериной Яковлевной, и началъ съ нею любезничать... Онъ что-то говорилъ ей очень долго и много, а она все улыбалась и повторяла ему:

— Да полноте? Что это вы? Какой, право!..

— У меня Катенька умница,—ворчала старушка:—у нея...

Рѣчь старушки была прервана звонкомъ.

— Это *онъ!* — сказала одна изъ барышень.

— А нѣтъ, не онъ, — отвѣчала другая.

— Ну, побьемся объ закладъ...

Старушка сердито взглянула на спорящихъ, и онѣ замолчали.

Владиміръ Матвѣичъ не постигалъ, что съ нимъ дѣлается; у него сердце такъ и замирало; ему какъ-то было страшно и дико, несмотря на гостепріимство почтенной старушки съ бородкой и простое, радушное обращеніе барышень, особенно Катерины Яковлевны, которая очень понравилась ему. Онъ обрадовался, когда вошли въ комнату наши знакомцы: два литератора, инженерный офицеръ, чиновникъ военнаго министерства и ростовщикъ... Владиміръ Матвѣичъ вмѣшался въ толпу.

— Какъ похожа Даша на граведоновскую Лауру! — сказалъ повѣствователь, обращаясь къ нашему герою и указывая на одну изъ барышень: — двѣ капли воды. Не правда ли?

Владиміръ Матвѣичъ подпялъ голову и увидѣлъ живой портретъ своей тетки, Анны Львовны — барышню съ такимъ же большимъ носомъ и съ напудреннымъ лицомъ.

— Да, есть сходство, — отвѣчалъ Владиміръ Матвѣичъ, посматривая на часы.

— Лаура! настоящая Лаура! — воскликнулъ повѣствователь: — я хоть и не похожъ на Петрарку, — продолжалъ онъ, самодовольно улыбаясь, — однако, пожалуй, стану отъ нечего дѣлать разыгрывать его роль.

И онъ уже сдѣлалъ шагъ, подвигаясь къ Лаурѣ, какъ увидѣлъ въ другой комнатѣ, на стѣнѣ, длинную тѣнь человѣка въ длинномъ сюртукѣ... И, лукаво улыбнувшись, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и побѣжалъ за этою тѣнью.

Черезъ пять минутъ незамѣтно всѣ исчезли. Въ гостиной

осталась только старушка, ростовщикъ и Владиміръ Матвѣичъ. Старушка дружески разговаривала о чемъ-то съ ростовщикомъ и, окончивъ разговоръ, снова сѣла на диванъ, принялась за карты и посмотрѣла на Владиміра Матвѣича, у котораго замеръ духъ.

— Не родня ли вамъ Завьяловъ, въ комиссаріатѣ служитъ? Охъ, охъ!..

Владиміръ Матвѣичъ покраснѣлъ.

— Это мой дядя, — отвѣчалъ онъ вполголоса.

— Кто, дядюшка? охъ-охъ... славный былъ человѣкъ, любилъ меня, часто ѣздилъ. Охъ... А гдѣ же онъ теперь?

— Въ Одессѣ.

— Жаль, жаль... онъ бы и теперь все ѣздилъ ко мнѣ... а какая у него была славная супруга... belle-femme. Такая полная... онъ вдовцомъ-то ужъ лѣтъ двадцать... Охъ-охъ...

Ростовщикъ подошелъ къ Владиміру Матвѣичу.

— Не угодно ли вамъ со мной ѣхать? Позвольте, я васъ довезу до дому.

Владиміръ Матвѣичъ обрадовался и схватилъ шляпу. Онъ, кажется, ожидалъ появленія Катерины Яковлевны и потому не рѣшался уйти; но время летѣло, и она не появлялась — нечего было дѣлать, а сидѣть со старушкой ему было какъ-то неловко.

— Милости просимъ ко мнѣ... всегда... охъ!.. Я очень рада... ворчала старушка, провожая ихъ.

Выходя, Владиміръ Матвѣичъ увидѣлъ изъ какихъ-то боковыхъ дверей высунувшуюся фигуру инженернаго офицера, пускавшаго изо рта тучу дыма.

— Куда вы, господа? — закричалъ онъ басомъ: — бѣжать!..

Владиміръ Матвѣичъ схватилъ свою шубу и выбѣжалъ на улицу, не оглядываясь. Ростовщикъ насилу догналъ его.

— Не угодно ли садиться? — вотъ сани, — сказалъ онъ улыбаясь: — старушка-то эта добрая, только, признаюсь, я не охотникъ бывать у нея. Вѣдь вы въ Садовой изволите жить? Намъ по дорогѣ, кажется. Я вашъ сосѣдъ. Прошу о продолженіи знакомства.

Мысли Владиміра Матвѣича начали немного проясняться: онъ облегчилъ себя вздохомъ.

— Покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ онъ: — милости прошу ко мнѣ, я очень радъ...

Рысакъ ростовщика быстро домчалъ Владиміра Матвѣича до дома.

— До пріятнаго свиданія, — проговорилъ ростовщикъ.

— Покорно васъ благодарю; прощайте...

Старушка сдѣлала такое сильное впечатлѣніе на Владиміра Матвѣича, что недѣли полторы послѣ этого вечера ему все мерещилась она и ея шевелящаяся бородка. Изрѣдка также сильно смущала его мысль о черноглазой Катеринѣ Яковлевнѣ.

ГЛАВА VI,

изъ которой, между прочимъ, можно усмотрѣть, что у благонадежныхъ чиновниковъ служба никогда не выходитъ изъ головы и сердца—и что самыя неожиданныя обстоятельства покровительствуютъ прекраснымъ людямъ.

Дня черезъ два послѣ этого замѣчательнаго для Владиміра Матвѣича вечера отецъ его пришелъ изъ департамента въ особенно пріятномъ расположеніи духа. Онъ все ходилъ по залѣ, загнувъ руки назадъ и моргая глазами. Когда же Настасья Львовна вошла въ залу, онъ подошелъ къ ней и съ особеннымъ выраженіемъ поцѣловалъ ея руку.

— Поздравьте меня, душечка.

У Настасьи Львовны засверкали глаза.

— Что... денежное награжденіе?

— Нѣтъ, Настасья Львовна, дороже всякаго денежнаго награжденья, ей Богу, дороже... Сегодня я въ присутствіи разрюмился, какъ дуракъ! И столоначальникъ, и начальникъ отдѣленія Володеньки, и даже самъ директоръ такія разсыпали похвалы Володѣ... Говорятъ: «прекраснѣйшій молодой человѣкъ, старательный, ученый, такая сметка у него во всемъ»; а его превосходительство прибавилъ: «воспитаніе его дѣлаетъ

вамъ честь; я назначилъ его старшимъ помощникомъ столоначальника». Вотъ что, Настасья Львовна!..

— Да я не понимаю, съ чѣмъ же *васъ-то* поздравлять?

— Какъ съ чѣмъ?—да вѣдь я думаю, я отецъ его; развѣ отцу не награда, когда хвалятъ его дитя?—развѣ у меня каменное сердце, Настасья Львовна?..

И Матвѣй Егорычъ снова заходилъ по комнатѣ. На глазахъ его дрожали слезы, а лицо сіяло улыбкой.

— Богъ съ ними совсѣмъ, денежное награжденіе,—продолжалъ онъ. — Я становлюсь старъ и слабъ, а надо взять въ расчетъ, что онъ замѣнитъ вамъ меня, когда я умру. Надо подумать о смертномъ часѣ!

— Слава Богу! я рада за Вольдемара, — сказала Настасья Львовна: — а сколько онъ будетъ получать жалованья?

— Тысячу шестьсотъ рублей... Это для такого молодого человѣка чудесно; я въ его лѣта...

Настасья Львовна пошла сообщить объ этой радости сестрицѣ, а Маша подошла къ отцу поздороваться съ нимъ.

— Здравствуй, Маша, — сказалъ Матвѣй Егорычъ, гладя ее по головѣ: — здравствуй. И ты у меня доброе дитя... Маша, поди сюда.

Матвѣй Егорычъ отвелъ ее въ уголъ комнаты и, озираясь во всѣ стороны, съ нѣкоторою боязнью, но переполненный чувствомъ, вынулъ изъ кармана бумажникъ и досталъ изъ него пятнадцать рублей.

— Маша, вотъ тебѣ... купи, другъ мой, себѣ платочекъ, или что тебѣ нужно... да не говори объ этомъ матери... Возьми, Маша...

Маша поцѣловала руку отца и сказала ему робкимъ голосомъ.

— Я люблю васъ, папенька, очень люблю.

— Хорошо, Маша, хорошо, я вѣрю. Смотри же, чтобъ мать не знала о моемъ подаркѣ...

Скоро явился и Владиміръ Матвѣичъ — виновникъ общей радости. Настасья Львовна обнимала его, а онъ поперемѣнно цѣловалъ ручки то у нея, то у отца и говорилъ:

— Мой долгъ утѣшать васъ.

Анна Львовна при его входѣ сказала:

— Же ву фелиситъ.

По случаю полученія Владиміромъ Матвѣичемъ мѣста старшаго помощника столоначальника Анна Львовна присовѣтовала сестрѣ дать парадный званый вечеръ: ей смертельно хотѣлось потанцовать, и особенно съ офицеромъ, который былъ пропитанъ «жуковымъ». (Говорятъ, будто всѣ пожилыя дѣвушки очень любятъ табачный запахъ.) Она также увѣрила Настасью Львовну, что ей необходимо сшить къ этому вечеру новое платье и купить новый чепецъ, потому что всѣ другіе чепцы на ней уже видѣли. У Настасьи Львовны не было денегъ; но она черезъ свою торговку достала нѣсколько сотъ рублей, подъ залогъ фермуара, у того самаго ростовщика, съ которымъ такъ нечаянно сошелся Владиміръ Матвѣичъ.

Между тѣмъ, герой нашъ познакомился съ Рожковыми и былъ приглашенъ къ нимъ по понедѣльникамъ на танцы.

Настасья Львовна, узнавъ о новомъ знакомствѣ сына, тотчасъ догадалась, что онъ неравнодушенъ къ дочери почетнаго гражданина, и обрадовалась этой догадкѣ. «Онъ женится,—подумала она,—и будетъ жить вмѣстѣ съ нами, или мы переѣдемъ къ нему, я буду управлять всѣмъ... буду ѣздить въ каретѣ четверней... заказывать все мадамъ Сихлеръ... въ свѣтѣ будутъ говорить обо мнѣ... я заплачу всѣ долги свои...»

Розовая будущность открывалась пятидесятидвухлѣтнему воображенію статской совѣтницы, и очарованная мечтами, полная надеждъ, она ни въ чемъ не отказывала ни себѣ, ни Аннѣ Львовнѣ.

Въ понедѣльникъ, раздушенный и распомаженный болѣе обыкновеннаго, Владиміръ Матвѣичъ отправился на извозчикѣ въ Болотную улицу, что близъ Ямской. Дорогой онъ все думалъ о томъ, какъ хорошо имѣть двадцать тысячъ дохода и какъ можно различными оборотами къ двадцати прибавить, по крайней мѣрѣ, десять... Черные глаза соблазнительной Катерины Яковлевны мелькнули передъ нимъ въ туманѣ, какъ двѣ звѣздочки.

Пріятно мечтая, онъ катился въ саняхъ незамѣтно, и уже извозчикъ его поворотилъ въ Болотную улицу, какъ вдругъ мурашки пробѣжали по всему тѣлу Владиміра Матвѣича; онъ схватилъ извозчика за руку въ испугѣ и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Стой!

Извозчикъ остановился.

— Назадъ, назадъ! — поворачивай... въ Садовую! — продолжалъ кричать Владиміръ Матвѣичъ, совершенно разстроенный. — Пошелъ скорѣй, скорѣй!..

Но я долженъ объяснить причину такого внезапнаго испуга. Утромъ этого дня онъ сочинялъ и потомъ переписывалъ одну министерскую бумагу, въ которой безпрестанно должно было повторяться: «вашимъ сіятельствомъ», «вашего сіятельства», «вашему сіятельству». Владиміру Матвѣичу вдругъ, уже при самомъ поворотѣ въ Болотную улицу, показалось, что онъ, вмѣсто «сіятельства», вездѣ написалъ — «превосходительство», и эта-то бумага, вѣроятно, не замѣченная ни начальникомъ отдѣленія, ни директоромъ, съ такой страшной, неизвинительной ошибкой, отослана вмѣстѣ съ другими къ министру для подписанія!.. «Боже мой,—думалъ Владиміръ Матвѣичъ, — моя репутація, моя трехгодовая репутація! И въ то время, когда я получилъ мѣсто старшаго помощника столоначальника мимо младшаго! И что скажетъ министръ?..» Сердце его стонало и разрывалось... Онъ воротился назадъ, въ департаментъ, чтобы взглянуть на отпускъ и на черновую бумагу, въ которой было слишкомъ много помарокъ и которую онъ поэтому, разодравъ пополамъ, бросилъ въ ящикъ, находящійся подъ столомъ... А у Рожковой теперь танцуютъ... и, можетъ быть, въ эту минуту, кто-нибудь волочится за Любовью Васильевной (такъ звали дѣвицу Рожкову) и можетъ быть...

Тутъ мысли Владиміра Матвѣича совершенно смѣшались... ему вдругъ сдѣлалось жарко, нестерпимо жарко, хотя въ этотъ вечеръ было 12 градусовъ мороза.

Вбѣгая по лѣстницѣ департамента, онъ два раза спотыкнулся, туманъ застилалъ глаза ему.

Въ дежурной комнатѣ, въ одномъ углу, храпѣлъ сторожъ, а въ другомъ, у печки, канцелярскій чиновникъ, присвистывая, читалъ «Три водевиля», изданные Песоцкимъ.

Увидѣвъ Владиміра Матвѣича, внезапно явившагося въ шубѣ, осыпанной инеемъ, дико озирвшагося кругомъ, канцелярскій чиновникъ вскочилъ со стула и подбѣжалъ къ нему съ вопросомъ:

— Какими судьбами-съ, Владиміръ Матвѣичъ-съ?

— Мнѣ нужно здѣсь бумаги, — отвѣчалъ сухо Владиміръ Матвѣичъ.

И началъ будить сторожа:

— Брызгаловъ! Брызгаловъ!

— Чего изволите, ваше благородіе?

Брызгаловъ вскочилъ, вытаращивъ глаза.

— Ты не выбрасывалъ бумаги изъ ящика, который подъ нашимъ столомъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Свѣчку!..

Владиміръ Матвѣичъ съ нетерпѣніемъ бросился къ ящику и принялся въ немъ шарить. Найдя разодранную черновую бумагу и сложивъ ее на столѣ, онъ быстро сталъ пробѣгать ее глазами... Краска постепенно возвращалась на его щеки, глаза его принимали постепенно выраженіе тихое, веселое... Онъ улыбнулся и, бросая бумагу опять въ ящикъ, сказалъ вполголоса:

— Съ чего же мнѣ это пришло въ голову?.. Случаются же этакія странности!..

И Владиміръ Матвѣичъ выбѣжалъ изъ департамента, вскочилъ въ сани и закричалъ:

— Пошелъ, пошелъ туда же!

«Эхъ, досадно, что попусту ворочался,—думалъ онъ:— теперь, вѣрно, всѣ духи выдохлись изъ платья и отъ меня ничѣмъ не будетъ пахнуть. Да и на извозчика, чортъ знаетъ для чего, проѣздилъ лишнія».

Вечеръ у Рожкова онъ провелъ не совсѣмъ пріятно, хотя и танцовалъ много. Любовь Васильевна нѣсколько разъ смотрѣла на него томно, но она еще томнѣе смотрѣла на Зеть-

Зета и съ Зетъ-Зетомъ танцовала мазурку. Явно было, что водевилистъ мѣшалъ старшему помощнику столоначальника и не на шутку увивался за прелестной дочкой почетнаго гражданина. Это начало сильно безпокоить нашего героя, тѣмъ облѣе, что онъ зналъ, какимъ необыкновеннымъ даромъ слова владѣетъ Зетъ-Зетъ. Ко всему этому, почетный гражданинъ, казалось, гордился тѣмъ, что у него въ домѣ «сочинитель», и угощалъ его болѣе другихъ, особенно малагой. Зетъ-Зетъ прихлебывалъ малагу, поданную вскорѣ послѣ чая, разсказывалъ о своей дружбѣ съ какимъ-то княземъ, о томъ, что его сочиненія переводятъ на нѣмецкій языкъ, что всѣ актеры въ восторгѣ отъ его драмы съ куплетами и что хоть остался еще одинъ день до представленія, но въ кассѣ Александринскаго театра только шесть креселъ и нѣсколько ложъ не проданныхъ; остальное все расхватано. При этомъ Зетъ-Зетъ предложилъ почетному гражданину ложу въ первомъ ярусѣ.

Почетный гражданинъ потеръ отъ удовольствія подбородокъ и закричалъ женѣ, поднявъ руку съ билетомъ:

— Надежда Мосевна, видишь что̀! поблагодари благодѣтеля-то.

Такого рода происшествія совсѣмъ было опечалили Владиміра Матвѣича, и если бы не томные взгляды, брошенные на него украдкою, онъ потерялъ бы всѣ свои надежды... Однако при разъѣздѣ онъ все-таки грустно взялся за свою шляпу...

— Владиміръ Матвѣичъ, вы будете послѣ завтра въ театрѣ?

Голосъ, произнесшій слова эти, показался ему небеснымъ голосомъ...

— Ахъ, это вы, Любовь Васильевна?

— Я-съ. Что же, вы будете въ театрѣ?

— Не знаю, можетъ быть...

— Почему же не знаете? Пріѣзжайте пожалуйста, пріѣзжайте, хоть для меня.

— Въ такомъ случаѣ, я непремѣнно буду, — значительно сказалъ Владиміръ Матвѣичъ.

Любовь Васильевна наградила его пріятнѣйшей улыбкой и граціознымъ наклоненіемъ головы.

Это неожиданное привѣтствіе ободрило Владиміра Матвѣича; онъ возвратится домой въ веселомъ расположеніи и приказалъ человѣку чѣмъ свѣтъ отправиться въ кассу Александринскаго театра и взять билетъ на представленіе «Теньера».

Утромъ, когда человѣкъ отдавалъ ему билетъ, онъ спросилъ у него:

— Что, я думаю, у кассы-то драка?

— Какая драка, сударь?

— Ну, много народа приходило за билетами?

— Нѣтъ-съ, я одинъ былъ.

— Какъ, развѣ всѣ билеты распроданы?

— Да тамъ говорятъ, что совсѣмъ мало берутъ-съ.

Владиміръ Матвѣичъ прищелкнулъ языкомъ и подумалъ: — «эге! да сочинителямъ-то не всегда вѣрить можно; они, видно, такъ же, какъ наша братія чиновники, любятъ прихвастнуть»...

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Владиміръ Матвѣичъ семи часовъ слѣдующаго дня... Еще съ самаго утра онъ тщательно вырѣзалъ афишку и въ половинѣ седьмого отправился въ театръ.

Владиміръ Матвѣичъ пріѣхалъ за десять минутъ до поднятія занавѣса; человѣкъ не обманулъ его; много ложъ, много креселъ было пустыхъ. Въ двойную трубку Владиміръ Матвѣичъ началъ обозрѣвать ложи перваго яруса. Семейство Рожковыхъ было ужъ тутъ. Зетъ-Зетъ сидѣлъ сзади въ ихъ ложѣ, а всѣ знакомые его въ партерѣ, какъ-то: инженерный и измайловскій офицеры, литераторъ пріятной наружности и другіе. Любовь Васильевна, нарядно одѣтая и въ брилліантахъ, улыбаясь, разговаривала съ Зетъ-Зетомъ. Владиміръ Матвѣичъ три раза принимался ей кланяться, но она не замѣчала; почетный же гражданинъ и супруга его очень дружески отвѣчали на его поклоны. Огорченный невниманіемъ Любови Васильевны, Владиміръ Матвѣичъ сѣлъ въ кресла.

Музыка прогремѣла. Занавѣсъ поднялся. Во время пред-

ставленія перваго акта ничего сверхъестественнаго не случилось, кромѣ того, что послѣ словъ Теньера: «Жизнь—это море страданій... поверхность ея гладка, привлекательна, а на днѣ—гады!»—какой-то господинъ во все горло воскликнулъ:—Прекрасно сказано!.. Два раза заставили повторить куплетъ:

Изящнаго толпа не понимаетъ,
Высокаго чуждается душой
И генію ни въ чемъ не сострадаетъ.
Не дорожитъ избранника слезой...
Пустая чернь, глупцы и лицемѣры!
Въ васъ ничего возвышеннаго нѣтъ:
Вы знаете ль, что Рубенсы, Теньеры
Являются лишь изрѣдка на свѣтъ?

Очень много аплодировали также, когда Теньеръ, въ концѣ акта, съ дикимъ хохотомъ убѣгаетъ со сцены, при этомъ голосъ инженернаго офицера возвышался надъ всѣми голосами, а чиновникъ военнаго министерства хлопалъ всѣхъ сильнѣе и даже стучалъ кресломъ. Зетъ-Зетъ торжествовалъ. Владиміръ Матвѣичъ и въ междудѣйствіи еще разъ поклонился Любови Васильевнѣ, — она хотя въ этотъ разъ и отвѣчала ему на поклонъ, но холодно, и онъ, вмѣсто того, чтобъ итти къ ней въ ложу, отправился въ буфетъ выпить чаю. Въ буфетѣ ораторствовалъ литераторъ пріятной наружности.

— Какъ это глупо и пошло выставлять художниковъ какими-то неземными существами!.. Повѣрьте, что и Байроны, и Шиллеры, и Рафаэли были такіе же люди, какъ и мы грѣшные, такъ же ѣли ростбифъ, пили пиво, спали. Давайте намъ человѣка, какой онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками. Надобно, чтобъ лица въ драмѣ были выпуклы, полны, чтобъ на нихъ видна была наша кожа, наши кости, чтобъ виденъ былъ этотъ зондъ, который авторъ впускаетъ въ сердце человѣческое... Да, впрочемъ, господа, чего же путнаго ждать отъ водевилиста?

Всѣ слушавшіе литератора пріятной наружности захохотали.

— Но эти аплодисменты, — продолжалъ литераторъ съ

презрительной улыбкой — явная кабала: весь партеръ набитъ его знакомыми; онъ, говорятъ, всѣмъ имъ развезъ даромъ кресла...

Владиміръ Матвѣичъ, докушавшій въ эту минуту свой чай, хотѣлъ итти; но инженерный и измайловскій офицеры, предшествуемые и сопровождаемые тучами табачнаго дыма, заградили ему дорогу.

— Послушайте, почтеннѣйшій, — говорилъ инженерный офицеръ басомъ,—надо хлопать больше; автора непремѣнно надо вызвать... Посмотрите, вотъ я ужъ послѣ перваго акта отбилъ себѣ всѣ ладони и охрипъ совсѣмъ.

— Пожалуйста, вызывайте автора,—замѣтилъ измайловскій офицеръ.

— Очень хорошо, непремѣнно,—отвѣчалъ Владиміръ Матвѣичъ и сошелъ внизъ.

Во второмъ актѣ партеръ замѣтно раздѣлился на двѣ партіи. Инженерный и измайловскій офицеры, чиновникъ военнаго министерства и нѣсколько ихъ пріятелей кстати или не кстати хлопали изо всѣхъ силъ. Другая, многочисленнѣйшая партія, подъ предводительствомъ литератора пріятной наружности, шикала немилосердно. Владиміръ Матвѣичъ присоединился къ послѣднимъ, хотя они и не просили его объ этомъ, и потихоньку принялся усердно имъ вторить. Партія шикающихъ уничтожила бы тотчасъ партію хлопающихъ, если бы не инженерный офицеръ, который поддерживалъ энтузіазмъ страшными, нечеловѣческими звуками, исходившими изъ его гортани. Но всѣ усилія его были тщетны. По окончаніи второго акта онъ закричалъ дикимъ, неистовымъ голосомъ: «*автора!*» Это было послѣднее его усиліе: одинокій и хриплый голосъ его, не найдя отголосковъ, замеръ въ пространствѣ залы. Владиміръ Матвѣичъ ожилъ; онъ взглянулъ на ложу почетнаго гражданина: Зетъ-Зета уже не было въ ложѣ и—герой нашъ рѣшился туда отправиться. Онъ былъ принятъ семействомъ Рожкова превосходно, ласковѣе, чѣмъ когда-нибудь. Любовь Васильевна смотрѣла на него не просто томно, но даже съ нѣжною том-

ностію. Владиміръ Матвѣичъ, какъ человѣкъ тонкій, спросилъ о Зеть-Зетѣ.

— Не удалось малому-то!—отвѣчалъ почетный гражданинъ улыбаясь:—больно много шикали и совсѣмъ оконфузили пьесу, да и пьеса-то не важная, а онъ намъ нахвасталъ объ ней съ три короба.

— Въ первомъ актѣ точно много прелестнаго,—сказала Любовь Васильевна:—но второй актъ скученъ.

Любовь Васильевна съ раннихъ лѣтъ читала романы, и это чтеніе сдѣлало ее очень чувствительною; на всѣхъ купцовъ она смотрѣла съ пренебреженіемъ, и сдѣлаться женою сочинителя, но, разумѣется, сочинителя торжествующаго, а не ошиканнаго,—это была любимая мечта ея. Слѣдовательно, успѣхъ Зеть-Зета могъ быть пагубнымъ для Владиміра Матвѣича; но Владиміръ Матвѣичъ родился въ счастливую минуту, и судьба при самомъ рожденіи его дала самой себѣ слово быть его тайной покровительницей.

Она-то вѣроятно устроила такъ, что драма «Давидъ Теньеръ съ куплетами, фламандскими танцами и проч. и проч.», несмотря на свое достоинство, окончена была при торжественномъ шиканьѣ — и ни одинъ актеръ не былъ вызванъ, чего почти еще не случалось на Александринскомъ театрѣ съ самаго его основанія.

Владиміръ Матвѣичъ весь послѣдній актъ просидѣлъ въ ложѣ почетнаго гражданина и при выходѣ изъ ложи былъ осчастливленъ такимъ взглядомъ, въ которомъ прочиталъ и гибель своего опаснаго соперника, и собственный успѣхъ. Этотъ взглядъ открылъ передъ нимъ безконечную перспективу...

ГЛАВА VII,

представляющая неопровержимыя доказательства, что въ Петербургѣ всѣ добродѣтельные и прекрасные люди всегда имѣютъ успѣхи и награждаются.

Уже таинственная завѣса, сначала скрывавшая отъ глазъ Владиміра Матвѣича нѣкоторыя стороны жизни, мало-по-малу начала приподниматься; жизнь переставала быть для него загадкою. Говоря о «жизни», я разумѣю здѣсь только «петербургскую жизнь», потому что насчетъ существованія другой какой-либо жизни Владиміръ Матвѣичъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы на свѣтѣ было что-нибудь лучше Петербурга. Одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, говоря о Петербургѣ, остроумно замѣтилъ, что это такой «городокъ, въ которомъ есть все, что угодно, кромѣ птичьяго молока».—А я такъ полагаю, ваше превосходительство, — возразилъ Владиміръ Матвѣичъ, — что съ деньгами въ Петербургѣ легко достанешь и птичье молоко.

И Владиміръ Матвѣичъ тщательно хлопоталъ объ умноженіи своихъ доходовъ; онъ выручилъ капиталъ своей тетушки по ея порученію отъ того лица, у котораго онъ находился, и отдалъ этотъ капиталъ ростовщику съ малиновыми щеками и съ масляными глазами, на 18 процентовъ, изъ которыхъ отдавалъ тетушкѣ 10, а себѣ удерживалъ 8. Онъ сошелся съ этимъ ростовщикомъ какъ нельзя короче и просилъ его, стороной и подробнѣе, развѣдать о приданомъ Любови Васильевны.

Между тѣмъ, постоянно въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, считая со дня представленія «Давида Теньера», разъ въ недѣлю онъ посѣщалъ домъ Рожковыхъ—и сдѣлался почти необходимымъ лицомъ въ этомъ домѣ. Почетному гражданину онъ разсказывалъ о своей службѣ, о директорахъ, министрахъ, статсъ-секретаряхъ... Почетный гражданинъ слушалъ его почти не переводя духъ и не могъ наслушаться. Супругѣ

почетнаго гражданина онъ привозилъ поваренныя книги, потому что она была большая охотница до кухни; Любови Васильевнѣ—романы французскіе и русскіе; читалъ съ нею различные стишки, большею частію любовные, и говорилъ, что «на землѣ высочайшее блаженство — взаимная любовь».

Онъ угождалъ также и тетушкамъ и бабушкамъ Любови Васильевны;—все семейство почетнаго гражданина было отъ него въ восторгѣ; но для Любови Васильевны онъ сдѣлался «кумиромъ»; она чувствовала къ нему влеченіе самое пылкое, самое нѣжное. Надъ Зетъ-Зетомъ же, который почти совсѣмъ перестамъ ходить къ нимъ, она смѣялась самымъ колкимъ образомъ и иначе не называла его, какъ «освистаннымъ сочинителемъ».

Семейство почетнаго гражданина познакомилось съ семействомъ статскаго совѣтника вскорѣ послѣ этого знаменитаго представленія «Теньера», которое имѣло такое важное вліяніе на жизнь нашего героя—и Любовь Васильевна украсила собой балъ, данный Настасьей Львовной въ честь сына. На этомъ балѣ дочь почетнаго гражданина была осыпана жемчугами и брилліантами съ ногъ до головы, и статская совѣтница была въ такомъ отъ нея восторгѣ, что безпрестанно повторяла почти со слезами на глазахъ: «Какая душка! Вотъ, можно сказать, дѣвица комъ-иль-фо... Какъ мило танцуетъ— и какое обращеніе! она, я думаю, нигдѣ не ударитъ себя лицомъ въ грязь!» Съ этого вечера Настасья Львовна начала ухаживать за нею, какъ за будущей своей невѣсткой—и заняла у почетной гражданки пятьсотъ рублей ассигнаціями. Анна Львовна употребляла также всѣ средства, чтобъ понравиться Любови Васильевнѣ: сшила ей собственноручно двѣ манишки и подарила ихъ въ день рожденія, называла ее «монъ-ами», «монъ анжъ», восхищалась съ ней вмѣстѣ романами и цѣловала ее. Такія ласкательства не могли не обаять юной души дочери почетнаго гражданина, и она вскорѣ сдѣлала Анну Львовну повѣренною своихъ сокровенныхъ мыслей.

Въ продолженіе этого времени Владиміръ Матвѣичъ познакомился со многими чиновными людьми, которые ему были нужны, выучился играть въ вистъ и упрочилъ дѣловую

славу свою въ департаментѣ, исправляя за болѣзнію столоначальника его должность. Когда Матвѣй Егорычъ, по своему отдѣленію, явился въ послѣднее время съ докладомъ къ директору, его превосходительство, подписывая бумаги, говорилъ ему съ разстановкою:

— Ну, вашъ сынъ,—признаюсь—дѣлецъ... и какой умный, здравомыслящій малый... я съ нимъ много говорилъ... и въ вистикъ начинаетъ поигрывать... и ужъ лучше васъ играетъ, Матвѣй Егорычъ,.. козырей не забываетъ... прекрасный человѣкъ! я *себѣ* сына лучше не желаю имѣть...

— Слава Богу, ваше превосходительство; кромѣ утѣшенія, отъ него ничего не видалъ.

— Если онъ будетъ продолжать такъ, то пойдетъ далеко... А какъ ваше здоровье, Матвѣй Егорычъ?

— Плохо, ваше превосходительство... хилѣть начинаю. Ну, да что дѣлать! надо лѣта взять въ расчетъ.

— Не хорошо... не хорошо...

Почти въ ту самую минуту, какъ директоръ имѣлъ этотъ интересный разговоръ съ Матвѣемъ Егорычемъ, сынъ его, въ пустой комнатѣ, передъ департаментскимъ архивомъ, велъ разговоръ не менѣе интересный съ ростовщикомъ. Главнымъ предметомъ этого разговора была Любовь Васильевна, или, лучше сказать, ея приданое. По свѣдѣніямъ, которыя собралъ ростовщикъ, оказалось, что почетный гражданинъ Рожковъ велъ превосходно всѣ свои торговыя дѣла и имѣлъ значительный капиталъ; у одной же извѣстной петербургской свахи ростовщикъ досталъ полную опись приданаго Любови Васильевны, а изъ этой описи явствовало, что Рожковъ обязуется дать за дочерью единовременно, при выдачѣ ея мужу, кромѣ всякихъ вещей, 60.000, и выдавать зятю ежегодно по 20,000 впередъ за годъ, или по третямъ, или помѣсячно.

— Дѣло ваше, кажется, ладно,—замѣтилъ ростовщикъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, пожавъ ростовщику руку.

— За хлопоты-то вы бы мнѣ прислали хоть дюжину шампанскаго, а? Да, кстати, Владиміръ Матвѣичъ, я съ васъ

вычту двѣсти пятьдесятъ рублей,—сваха не хотѣла съ меня меньше взять за опись...

Владиміръ Матвѣичъ немного поморщился, однако сказалъ: «хорошо».

— Послушайте-ка,—продолжалъ ростовщикъ:—я давно хотѣлъ поговорить съ вами,—вѣдь вы этого не знаете: ваша матушка надавала векселей, заложила всѣ свои вещи—и батюшка вашъ тоже ничего не знаетъ; все это она дѣлала потихоньку, вѣрно насчетъ будущей невѣстушки.

И ростовщикъ дружески потрепалъ Владиміра Матвѣича по плечу.

Владиміръ Матвѣичъ закусилъ нижнюю губу и казался удивленнымъ.

— Черезъ одну женщину она занимала у меня нѣсколько разъ,—продолжалъ ростовщикъ:—вотъ и заемныя письма.— Ростовщикъ вынулъ ихъ изъ портфеля и показалъ Владиміру Матвѣичу.

Владиміръ Матвѣичъ и не взглянулъ на нихъ.

— Любезнѣйшій мой,—сказалъ онъ ростовщику, — мнѣ очень жаль, что она такъ нерасчетливо ведетъ свои дѣла, но они до меня не касаются, и я не отвѣчаю по законамъ за ея обязательства...

— Гм! — перебилъ ростовщикъ: знаю, знаю, Владиміръ Матвѣичъ, вы не бросите и копейки туда, куда не слѣдуетъ ..

Ростовщикъ засмѣялся.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Владиміръ Матвѣичъ объявилъ отцу и матери о своемъ намѣреніи жениться на дѣвицѣ Рожковой и спросилъ у нихъ благословенія.

— Благословеніе наше всегда надъ тобою, дружокъ,—сказала статская совѣтница, поднося платокъ къ глазамъ. — Ты такъ уменъ и благоразуменъ, что никогда ложнаго шага въ жизни не сдѣлаешь. Твой выборъ самый благородный во всѣхъ отношеніяхъ: она предостойная, премилая дѣвушка.

Матвѣй Егорычъ перекрестилъ сына, поцѣловалъ его и заплакалъ.

— Богъ да благословитъ тебя!—сказалъ онъ.

— Но... другъ мой,—продолжала Настасья Львовна измѣ-

няющимся голосомъ...—Ты знаешь, какъ я тебя люблю, ты знаешь, что ты для меня дороже всего на свѣтѣ...—Она начала всхлипывать...—Неужели мы съ тобой должны будемъ разстаться? Эта мысль сведетъ меня въ могилу.

— Какъ разстаться, маменька? Я не понимаю васъ.

— Мнѣ и жизнь безъ тебя не въ жизнь. Ахъ, Боже мой, и подумать страшно... Неужели мы будемъ жить розно?

— Да какъ же намъ жить вмѣстѣ? Это невозможно. Домъ казенный, квартира небольшая. Мы будемъ всякій день видѣться, маменька, — и онъ поцѣловалъ ручку Настасьи Львовны.

— Такъ ты не хочешь жить съ нами?—воскликнула Настасья Львовна, въ сильномъ нервическомъ разстройствѣ.— Это убьетъ меня! я заранѣе знаю, что убьетъ. Ой... ой...—И она упала безъ чувствъ въ судорогахъ на диванъ, на которомъ сидѣла.

Матвѣй Егорычъ поблѣднѣлъ.

— Побѣги за уксусомъ,—сказалъ онъ сыну.

— Маша, Маша!.. Сюда, скорѣй...

Маша прибѣжала и испуганная бросилась къ матери. Анна Львовна также явилась; она осторожно оттолкнула Машу и сказала ей тихонько: «вы не умѣете обращаться съ больными», и начала примачивать виски сестры своей уксусомъ.

Матвѣй Егорычъ взялъ за руку сына.

— Ничего, Володя, ничего; это пройдетъ, не безпокойся. Что дѣлать! Она тебя очень любитъ, и мысль, что должна разстаться съ тобой, показалась ей съ перваго раза страшною... Натурально, материнскія чувства... и вѣдь женщины дуры: ничего не хотятъ взять въ расчетъ... требуетъ невозможнаго... Что̀, Анна Львовна? все такъ же... Трите виски-то ей сильнѣе.

Предложеніе Владиміра Матвѣича принято было въ домѣ почетнаго гражданина съ всеобщею радостію, и свадьба назначена черезъ два мѣсяца. Недѣли три Настасья Львовна металась въ нервическихъ припадкахъ и нѣсколько разъ падала въ обморокъ; на четвертой недѣлѣ она, однако, почувствовала облегченіе, занялась приготовленіями для себя раз-

личныхъ нарядовъ къ свадьбѣ и приказала сшить новое бальное платье для дочери.

За двѣ недѣли до свадьбы Владиміра Матвѣича директоръ департамента, въ которомъ служили отецъ и сынъ, получилъ другое назначеніе—и доставилъ Владиміру Матвѣичу мѣсто столоначальника въ подвѣдомственномъ ему департаментѣ.

Свадьба нашего героя совершалась очень парадно и сопровождалась обѣдами и балами, на которыхъ отличались Настасья Львовна и Анна Львовна, всякій разъ появлявшіяся въ новыхъ платьяхъ. На балѣ Анна Львовна попрежнему занималась измайловскимъ офицеромъ, пронитаннымъ табакомъ, и попрежнему надѣялась плѣнить его сердце. Скоро, по просьбѣ Любови Васильевны, она переѣхала жить къ ней; но цѣль ея наряжаться на счетъ своей новой племянницы не осуществилась, потому что Владиміръ Матвѣичъ велъ аккуратно счетъ не только своимъ деньгамъ, но даже и тѣмъ, которыя онъ давалъ женѣ своей.

Нечего было дѣлать въ такихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ: Анна Львовна рѣшилась тронуть свой капиталъ.

Квартира Владиміра Матвѣича была небольшая, но меблированная прекрасно, даже съ небольшими прихотями; онъ завелъ пару лошадей, карету и дрожки, впрочемъ вседневный столъ имѣлъ самый умѣренный и вообще зажилъ гораздо скромнѣе, чѣмъ позволяли ему новыя средства.

Настасья Львовна, видя вдругъ планы свои разрушенными, неожиданно покинутая сестрою, сдѣлалась нестерпимо тяжела въ домашнемъ быту и безпрестанно ворчала на дочь и на мужа. Долги начинали сильно безпокоить ее, однако она еще не теряла надежды, что сынъ возьметъ на себя уплату по ея заемнымъ письмамъ. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, до какой степени осуществились эти надежды.

ГЛАВА VIII.

располагающая къ размышленію о томъ, что жизнь человѣческая преисполнена горестей, бѣдъ, различныхъ золъ, лишеній, болѣзней, и проч., и проч.

Уже болѣе двухъ лѣтъ Владиміръ Матвѣичъ наслаждался супружескою жизнью; у него былъ капиталъ въ шестьдесятъ тысячъ, который онъ пустилъ въ оборотъ, получалъ отъ тестя двадцать тысячъ ежегодно впередъ, вмѣстѣ съ ростовщикомъ скупилъ по двадцати пяти копеекъ за рубль всѣ почти векселя своего товарища, который нѣкогда угощалъ его у Фёльета, и черезъ полтора года, по продажѣ имѣнія заемщика, получилъ рубль за рубль. Но жилъ онъ все такъ же скромно, какъ и при началѣ женитьбы; только въ мѣсяцъ два раза у него обѣдали и послѣ обѣда играли въ вистъ—его директоръ и еще нѣсколько значительныхъ чиновниковъ, и въ эти дни за столомъ его показывалась даже роскошь; вина изъ англійскаго магазина и шампанское Креманъ, которое въ то время было въ большой модѣ. Съ женой онъ обращался почтительно и ласково, изрѣдка вывозилъ ее въ театръ и на балы, и по большей части къ такимъ людямъ, на которыхъ онъ имѣлъ какіе-нибудь виды... Словомъ, поведеніе Владиміра Матвѣича было въ высшей степени благоразумно и безукоризненно. Въ короткое время во всѣхъ чиновныхъ домахъ Петербурга онъ умѣлъ снискать лестную извѣстность; отцы и матери петербургскіе ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ и хоромъ повторяли о немъ: «ахъ, какой *прекрасный человѣкъ!*»

Но злословіе не щадитъ никого: оно подкрадывается, тайное и ядовитое, къ репутаціямъ самымъ чистымъ и непорочнымъ и старается впустить въ нихъ свое жало и облить ихъ своимъ ядомъ. Владиміръ Матвѣичъ не избѣгъ этой общей участи прекрасныхъ людей...

Инженерный офицеръ, однажды гуляя по Невскому проспекту съ чиновникомъ военнаго министерства, сказалъ чи-

новнику, указывая пальцемъ на черноглазую даму, отлично разряженную, катавшуюся въ прекрасной ямской коляскѣ:

— Посмотри-ка, братъ, Катерина-то Яковлевна какъ нынче «финтитъ», будто «гранъ-дамъ» какая. Вотъ плутъ-то, этотъ Владиміръ Матвѣичъ! прикидывается невиннымъ, воды съ виду не замутитъ, а на женины-то денежки изволитъ себѣ тайкомъ покучивать.

Между тѣмъ какъ счастливый Владиміръ Матвѣичъ наслаждался жизнію въ цвѣтѣ лѣтъ и возбуждалъ къ себѣ зависть менѣе счастливыхъ, отецъ его очень перемѣнился: старость видимо начала отягчать его; онъ безпрестанно жаловался на болѣзни и наконецъ долженъ былъ подать въ отставку. Къ этому понудила его еще болѣе перемѣна начальника. Прежніе директоры, особенно послѣдній, были необыкновенно благосклонны къ Матвѣю Егоровичу, и онъ ни разу, занимая должность начальника отдѣленія, не имѣлъ ни отъ одного изъ нихъ никакой непріятности, даже ни малѣйшаго выговора. Новый же директоръ — человѣкъ заносчивый, съ современными идеями, съ головою, загнутою назадъ, казался недоступнымъ для своихъ подчиненныхъ.

Матвѣя Егорыча отставили съ полнымъ пенсіономъ, потому что онъ пятьдесятъ лѣтъ сряду находился непрерывно на службѣ, начавъ ее съ шестнадцатилѣтняго возраста. Двадцать пять лѣтъ занималъ онъ мѣсто начальника отдѣленія и былъ такъ доволенъ своею участью, что никогда не желалъ себѣ никакой перемѣны: «Что жъ? слава Богу,—говорилъ онъ впослѣдствіи:—я дослужился до почетнаго чина, имѣю ордена, пряжку за сорокъ пять лѣтъ, да и то надо взять въ расчетъ, что почти что ежегодно, кромѣ оклада, получалъ награжденія. Чего же было мнѣ больше? Если бы его превосходительство, Антонъ Мартынычъ, оставался еще у насъ директоромъ, я бы и не подумалъ оставлять службы, несмотря на болѣзни и старость; я бы попросилъ, чтобы онъ мнѣ позволилъ и умереть на этомъ мѣстѣ».

Когда Матвѣй Егорычъ переѣхалъ съ казенной квартиры на наемную, ему сдѣлалось очень грустно. Сложивъ руки назадъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ новымъ

комнатамъ, которыя были нисколько не хуже прежнихъ, и говорилъ про себя: «нѣтъ, не то, совсѣмъ не то!». Всего тяжелѣе ему было по утрамъ, въ то время, когда онъ прежде обыкновенно сиживалъ въ департаментѣ;—утромъ онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать: то посидитъ, то походитъ, то развернетъ календарь, то опять закроетъ его. «Ухъ, какъ скучна праздная жизнь!—повторялъ онъ,—да и на этой квартирѣ мнѣ все что-то неловко».

Онъ перестаъ играть въ вистъ, но всякій день, умывшись и одѣвшись, по привычкѣ надѣвалъ еще свои ордена, хотя никуда не выходилъ изъ дома, и послѣ обѣда снималъ ихъ Здоровье его со дня на день становилось хуже, лицо покрылось безчисленными морщинами и совершенно осунулось. Онъ былъ похожъ на старое пересаженное дерево, которое не могло уже приняться на новой почвѣ и доживало еще немногіе дни прежнею жизнію, постепенно болѣе и болѣе обнажая свои вѣтви.

Но страшно было посмотрѣть на бѣднаго Матвѣя Егорыча, когда онъ узналъ о долгахъ жены своей. Съ тѣхъ поръ онъ по цѣлымъ днямъ иногда не выходилъ изъ своей комнаты и, лежа на кушеткѣ, моргалъ правымъ глазомъ, охалъ и шевелилъ губами, будто говоря съ самимъ собою, или писалъ на бумажкѣ карандашомъ какія-то цифры. Сынъ посѣщалъ его рѣдко, отзываясь занятіями по службѣ—и Матвѣй Егорычъ не только не сердился на него за это, а напротивъ, хвалилъ. «Служба должна быть выше всего, — толковалъ онъ: — это первая обязанность человѣка. Я по себѣ знаю, какъ втягиваешься въ службу. Владиміръ мой хорошій служака— и я еще больше люблю его за это. Много ли такихъ молодыхъ людей, которые бы въ его лѣта проложили себѣ такую карьеру, какъ онъ?»

Одна только Маша не оставляла Матвѣя Егорыча: она подавала ему лекарство во время его болѣзни; читала ему «Санкпетербургскія Вѣдомости», когда онъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ,—или занималась возлѣ него своимъ шитьемъ. Часто въ эти минуты Матвѣй Егорычъ пристально глядѣлъ на нее — и Богъ знаетъ, почему, — вдругъ глаза его напол-

нялись слезами, и онъ закрывалъ лицо рукою и поворачивался къ стѣнѣ.

Настасья Львовна, которой уже не на что было покупать ни чепцовъ, ни платьевъ, которая заложила все, что могла заложить изъ своихъ вещей — начала безпрестанно жаловаться на судьбу и обвинять мужа въ томъ, что въ продолженіе пятидесятилѣтней службы онъ не могъ нажить себѣ никакого состоянія, чтобъ обезпечить семейство. Наконецъ, преслѣдуемая кредиторами, она рѣшилась написать къ сыну письмо, въ которомъ просила его самымъ нѣжнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ объ одолженіи ей восьми тысячъ для уплаты тѣхъ изъ долговъ ея, которые не терпѣли отлагательства.

Пославъ это письмо, она нѣсколько часовъ пробыла въ волненіи и безпокойствѣ, ожидая отвѣта.

Отвѣтъ былъ полученъ въ тотъ же день.

Она распечатала письмо и прочитала съ замираніемъ сердца:

«Милостивая государыня,

Почтеннѣйшая матушка!

Письмо ваше, полученное мною сейчасъ, до глубины сердца растрогало меня и поразило. Я не могъ никогда представить себѣ, что вы находитесь въ такомъ положеніи. О, чѣмъ бы не пожертвовалъ я въ сію минуту, чтобъ имѣть только возможность удовлетворить вашу просьбу и успокоить васъ! Вы пишете, что занимали деньги не на собственныя прихоти, а на мое воспитаніе и на самые необходимые, по вашему мнѣнію, расходы, чтобы не уронить себя въ мнѣніи свѣта и вести домъ свой, какъ слѣдуетъ, по-барски, а что денегъ, получаемыхъ батюшкою, было бы для этого вамъ недостаточно. Я вѣрю, почтеннѣйшая матушка, очень вѣрю, ибо самъ живу теперь своимъ домомъ и при всей экономіи едва свожу концы съ концами. Деньги уходятъ такъ, что и не замѣчаешь, особенно при нынѣшней страшной дороговизнѣ; къ тому же, можетъ быть, скоро я буду отцомъ семей-

ства.—Вы изволите также писать, что для меня пожертвовали всею вашею жизнію и ничего не щадили на мое воспитаніе... Чувствую, безпредѣльно чувствую, какъ много я обязанъ вамъ, и моя благодарность за всѣ ваши обо мнѣ попеченія искоренится развѣ только съ моею жизнью. Если бы у меня были просимыя вами, почтеннѣйшая матушка, восемь тысячъ рублей, я почелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ,—представьте же себѣ, что у насъ во всемъ домѣ теперь только четыреста рублей, а полученія не предвидится скоро. Я самъ бы пріѣхалъ къ вамъ, чтобъ лично объяснить вамъ все это, но цѣлую недѣлю съ утра до ночи занимаюсь однимъ важнымъ дѣломъ, по порученію начальства.—Жена моя и я цѣлуемъ руки ваши и батюшкины. Любонька спѣшитъ окончить вышиваемый ею для васъ модный ридикюль и на-дняхъ сама привезетъ его къ вамъ. Сестрицѣ нашей поклонъ.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ сыномъ —

В. Завьяловъ».

Къ концу письма руки Настасьи Львовны опустились, голова ея упала на грудь — и въ такомъ положеніи минутъ пять она пробыла неподвижна; потомъ рука ея, державшая письмо, судорожно сжала его въ комокъ; Настасья Львовна вдругъ вскочила со стула, бросила письмо на полъ, подбѣжала къ своему туалету, открыла нѣсколько ящиковъ и начала рыться въ грудѣ разныхъ лоскутьевъ... Лицо ея, въ этотъ разъ не натертое пудрой, побагровѣло; въ неподвижныхъ и сверкающихъ глазахъ выразился безсильный гнѣвъ и безумное отчаяніе... Она раскидала лоскутки, сама не зная зачѣмъ, на туалетѣ и на полу, подняла письмо и побѣжала къ мужу...

Матвѣй Егорычъ лежалъ на кушеткѣ въ своемъ кабинетѣ и дремалъ отъ слабости. Возлѣ него сидѣла Маша. Настасья Львовна вбѣжала въ комнату и громко захлопнула за собой дверь.

Старикъ вздрогнулъ и старался приподняться.

— Вотъ до чего мы дожили, Матвѣй Егорычъ!—закричала она, кидая письмо, свернутое въ комокъ, на столъ, стоявшій у кушетки. — Прочтите это письмо. Онъ мягко стелетъ, да жестко спать... И это наши дѣти, дѣти!—продолжала она громче и громче, смотря на дочь:—дѣти, на которыхъ мы издерживали послѣднія свои крохи, о которыхъ думали день и ночь... Поди прочь съ глазъ моихъ, поди! вы всѣ неблагодарныя отродья, я не могу васъ видѣть. Мы нищіе—и они не хотятъ подать намъ гроша...

Маша въ испугѣ вскочила со стула и прислонилась къ стѣнѣ.

Матвѣй Егорычъ, не говоря ни слова, взялъ письмо со стола и, расправивъ его, поднесъ къ глазамъ,—но зрѣніе измѣняло ему, онъ началъ шарить рукой по столу, ища футляра съ очками... Съ трудомъ надѣвъ очки дрожащими руками, онъ прочелъ письмо, сложилъ его, спряталъ въ карманъ своего сюртука и взглянулъ на жену.

— За что же вы такъ сердитесь на дѣтей, Настасья Львовна?—спросилъ онъ ее тихо и спокойно, — намъ грѣхъ жаловаться на нашихъ дѣтей: Маша благонравная, добрая дѣвочка; Владиміръ — прекрасный человѣкъ, съ этимъ и вы всегда соглашались; о немъ всѣ одинаковаго мнѣнія: начальство имъ не нахвалится, большая часть нашихъ знакомыхъ ставятъ его въ примѣръ своимъ дѣтямъ... Письмо это написано имъ почтительно, съ сыновнею любовію... Гдѣ же ему взять такую сумму, какъ вы требуете, если у него нѣтъ ея? Ахъ, зачѣмъ дѣлали вы эти долги, Настасья Львовна? зачѣмъ вы скрывали ихъ отъ меня?

— Такъ, такъ, я знала, что я одна останусь во всемъ виновата, что все это падетъ на меня одну! У него нѣтъ денегъ? говорите вы. Нѣтъ? вы глупый, слабый отецъ, — вы готовы всему повѣрить; онъ скоро подавится деньгами, а знаете ли вы, что у насъ не остается ни копейки, что мы умремъ съ голода, что всѣ вещи мои продадутъ за неплатежъ долга?.. А невѣстка, видите ли, вышиваетъ мнѣ ридикюль!.. Да я ее выгоню изъ моего дома вмѣстѣ и съ ридикюлемъ-то...

Изъ груди старика вырвался болѣзненный стонъ. — Маша бросилась къ отцу.

— О, ради Бога, — сказала она, обнявъ отца и обращаясь къ матери, — ради Бога, папенька нездоровъ.

Матвѣй Егорычъ, гладя Машу по головѣ, — это была любимая его ласка, — сказалъ женѣ прерывающимся голосомъ:

— Настасья Львовна, мнѣ ужъ немного остается жить: я не обременю собой никого; но если бы Богъ опредѣлилъ мнѣ еще прожить, то Маша моя накормила бы больного старика своего, она не допустила бы его до голодной смерти... Нѣтъ... мы виноваты противъ нея, Настасья Львовна, очень виноваты. Дѣти наши любятъ насъ. Посмотрите на Машу,—и онъ опустилъ свою голову на грудь дочери.

— Я несчастная, несчастная! всѣ противъ меня!

И съ ужаснымъ крикомъ Настасья Львовна выбѣжала изъ кабинета мужа.

Прошло полгода послѣ этой сцены... Всѣ заложенныя въ разное время Настасьею Львовною вещи и серебро были удержаны ростовщикомъ съ малиновыми щечками за неплатежъ ему долга; отдавая мелочные долги изъ расходныхъ денегъ, она дошла до того, что для ежедневнаго содержанія своего семейства должна была закладывать въ ломбардъ столовыя ложки... Она перестала жаловаться на сына и въ безмолвной боязни ожидала рѣшенія своей участи. Въ эти полгода она такъ постарѣла, что на ея лицо было страшно взглянуть. Матвѣй Егорычъ лежалъ больной; у него не было денегъ на лекарства, — онъ послалъ за сыномъ.

Въ вицъ-мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, какъ всегда скромный и почтительный, какъ всегда румяный,— только нѣсколько возмужавшій, — явился Владиміръ Матвѣичъ къ отцу и сѣлъ возлѣ его постели.

— Каковы вы? Получше ли вамъ, батюшка? — спросилъ онъ у отца, цѣлуя его руку.

Матвѣй Егорычъ вмѣсто отвѣта печально покачалъ головой.

— Какъ идетъ твоя служба, Володя?

— Слава Богу, помаленьку, батюшка. Занятій столько, что не имѣю минуты свободнаго времени.

— Что дѣлать? за то тебя награждають, дорожать тобой... Когда есть занятія, тогда веселѣе, мой другъ, это я по себѣ знаю... Ну, а какова жена твоя?

— Немножко прихварываетъ, батюшка; впрочемъ, въ ея положеніи это натурально.

— Да, ужъ, кажется, Богу не угодно, чтобъ я дожилъ до вичучатъ...

— Помилуйте... почему же, батюшка? еще здоровье ваше поправится.

— Нѣтъ, другъ Володя, не надо, чтобъ оно поправилось, не надо... Мои дѣла очень разстроены, — ты это знаешь: что жъ будетъ хорошаго, если я поправлюсь?.. Не думалъ я, Володя, дожить до такой нужды... Ну, да что жъ дѣлать?— видно такъ Богу угодно... Я просилъ тебя къ себѣ... мнѣ надобно поговорить съ тобой.

— Что̀ прикажете?

— У меня до тебя просьба, — и Матвѣй Егорычъ взялъ сына за руку: — не оставь мать и сестру; у нихъ нѣтъ никого, кромѣ тебя. Надо взять въ расчетъ, что безъ тебя они пойдутъ по міру...—произнесъ онъ, глотая слезы и задыхаясь слезами.

— Помилуйте, это мой долгъ, — сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, разстегивая нижнюю пуговицу своего вицъ-мундира и потупляя глаза. — Но къ чему такія мысли, батюшка? вы себя этимъ разстраиваете.

— Такъ ты не оставишь ихъ? — продолжалъ отецъ, все еще держа сына за руку и пристально смотря на него.

— Полно-те, батюшка, лучше перемѣнимте разговоръ.

— Зачѣмъ перемѣнять? Отвѣчай мнѣ, скажи мнѣ, Володя...

— Можете ли вы сомнѣваться?

— Нѣтъ, до сихъ поръ я не сомнѣвался въ тебѣ, — видитъ Богъ не сомнѣвался; но что же ты не посмотришь на меня? отчего же ты говоришь со мной такъ сухо? Я васъ очень

люблю, и тебя, и сестру твою, очень, — намъ не долго быть вмѣстѣ.

Владиміръ Матвѣичъ поцѣловалъ руку отца.

— Лучше поцѣлуй меня... вотъ такъ... Ты много мнѣ доставлялъ въ жизни утѣшенія... Будь ко мнѣ поласковѣе... мнѣ все кажется, что я помѣшалъ тебѣ; можетъ, тебѣ нужно куда-нибудь... у тебя дѣла...

— Нѣтъ-съ, я совершенно свободенъ... мнѣ пріятно провести съ вами время.

Правый глазъ Матвѣя Егорыча заморгалъ, и что-то похожее на безпокойство и недоумѣніе изобразилось на лицѣ его. Этотъ полуживой, боязливый, изсохшій старичокъ ничего уже не имѣлъ общаго съ тѣмъ самодовольнымъ человѣкомъ, который нѣкогда, улыбаясь, любовался Владиміромъ 3-й степени.

— Вотъ еще что я хотѣлъ сказать тебѣ, — говорилъ онъ сыну въ свою очередь, потупляя глаза: — мнѣ совѣстно, Володя, обирать тебя, — я и безъ того это время перебралъ у тебя, я думаю, рублей до двухсотъ... только у насъ нѣтъ ни полушки... мнѣ не на что послать за лекарствомъ... вонъ на столѣ лежитъ рецептъ... я бы не безпокоилъ тебя... Если можешь помочь намъ, если только это не разстроитъ тебя, одолжи намъ еще... рублей хоть двѣсти.

Матвѣй Егорычъ едва договорилъ это; слова насилу сходили съ языка его; онъ какъ будто ждалъ, не прерветъ ли Володя его затруднительной рѣчи; но Владиміръ Матвѣичъ не прерывалъ его, и когда отецъ замолчалъ, ожидая отвѣта, — онъ, смутясь и запинаясь, объявилъ, что самъ очень нуждается въ деньгахъ и что болѣе пятидесяти рублей; къ сожалѣнію, никакъ не можетъ удѣлить отъ себя.

Вынувъ изъ кармана пятидесятирублевую ассигнацію, будто нарочно заготовленную имъ для этого случая, Владиміръ Матвѣичъ положилъ ее на столъ.

Голова Матвѣя Егорыча опустилась на подушку, и вѣрно онъ почувствовалъ въ эту минуту какую-нибудь боль, потому что лицо его болѣзненно сморщилось.

— Прости меня, Володя, — сказалъ онъ едва слышно: —

я боюсь, не обременяю ли я тебя нашими нуждами,—и онъ закрылъ глаза, будто засыпая.

Владиміръ Матвѣичъ осторожно, потихоньку, хотѣлъ выйти изъ комнаты, но едва онъ приподнялся, какъ старикъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

— Куда ты, Володя?—спросилъ онъ.

— Я думалъ, что вы заснули, батюшка.

— Нѣтъ, я такъ только начиналъ забываться. Тебѣ, можетъ быть, пора куда-нибудь... поѣзжай съ Богомъ... Навѣсти меня еще...

Владиміръ Матвѣичъ взялъ шляпу и хотѣлъ подойти къ рукѣ отца; но старикъ, замѣтивъ его движеніе, отдернулъ руку и, приподнимаясь съ подушки, обнялъ сына костлявою, морщинистою рукою и снова пристально посмотрѣлъ на него мутными, болѣзненными глазами, какъ бы непреодолимо желая на лицѣ его прочитать тайну его сердца.

— Любишь ли ты меня?

— Какъ же мнѣ не любить васъ, батюшка?

— Ну, хорошо... Прощай же, Володя, прощай. Меня въ самомъ дѣлѣ что-то сонъ начинаетъ клонить...

Маша, сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ, почти отъ слова до слова слышала весь этотъ разговоръ. Когда Владиміръ Матвѣичъ вышелъ изъ отцовскаго кабинета, она пошла къ нему навстрѣчу.

— Послушай,—сказала она брату рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ:—вотъ ужъ болѣе недѣли матушка не знаетъ, что дѣлать, она кое-какъ еще перебивается; но къ ней безпрестанно приходятъ за деньгами,—нельзя же все забирать въ долгъ. Она очень страдаетъ, она можетъ занемочь, а лекарства не отпустятъ въ долгъ; ты видѣлъ, въ какомъ состояніи батюшка... Ты долженъ помочь имъ.

Владиміръ Матвѣичъ перебиралъ шляпу въ рукахъ.

— Сестрица, все, что могъ, я сдѣлалъ—и сейчасъ отдалъ батюшкѣ почти послѣдніе пятьдесятъ рублей,—кромѣ того, въ разное время я передавалъ ему очень много денегъ.

— Этихъ пятидесяти рублей мало,—продолжала она такъ же твердо и рѣшительно:—надобно же имъ чѣмъ-нибудь жить.

Ты долженъ дать ему по крайней мѣрѣ столько, сколько онъ проситъ у тебя.

— Ахъ, сестрица!—ты право не знаешь, что говоришь; вѣдь деньги, милая, нельзя дѣлать: откуда же мнѣ ихъ взять?

— Какъ? развѣ у тебя деиегъ нѣтъ? — спросила она: — ты живешь такъ богато... у тебя въ домѣ такая дорогая мебель, такія прекрасныя вещи...

— Съ чего ты это взяла, что я живу богато? — перебилъ ее Владиміръ Матвѣичъ, будто немного испугавшись: — мебель! вѣдь надобно же имѣть мебель, чтобъ сидѣть на чемънибудь. Я пріобрѣтаю деньги своими трудами, со стороны получаю немного; мнѣ каждая копейка дѣлаетъ счетъ.

— Ну, такъ если у тебя нѣтъ денегъ, ты вѣрно продашь какую-нибудь изъ твоихъ вещей и пришлешь батюшкѣ столько, сколько онъ просилъ у тебя?

Владиміръ Матвѣичъ съ выраженіемъ величайшаго удивленія посмотрѣлъ на сестру.

— Продавать вещи! Какъ это тебѣ пришло въ голову?

— Отчего же? — спросила она, посмотрѣвъ на брата съ такимъ же удивленіемъ, съ какимъ онъ смотрѣлъ на нее:— чтобъ избавить отъ горя умирающаго отца, который такъ любитъ тебя, развѣ ты не рѣшился бы отдать послѣднее?

Владиміръ Матвѣичъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— А кто виноватъ, что они дошли до такой нужды? — говорилъ онъ, будто съ самимъ собою: — вольно было матушкѣ такъ много издерживать на свои наряды; надобно жить по состоянію.

— Что говорить о томъ, чего нельзя поправить! И чѣмъ же виноватъ батюшка? Зачѣмъ *онъ* долженъ страдать теперь? Я предчувствую, что онъ не проживетъ долго; по крайней мѣрѣ, мы будемъ стараться, чтобы послѣдніе дни свои онъ провелъ спокойно и не нуждался.

— Ей Богу, у меня нѣтъ денегъ, сестрица! я душевно бы радъ...

Маша опустила голову на грудь. Съ минуту она пробыла въ такомъ положеніи, потомъ, не произнося ни слова, по-

смотрѣла на брата умоляющими глазами, полными слезъ, и вдругъ упала передъ нимъ на колѣни...

— Сестрица, сестрица!.. Помилуйте, что это вы...—Владиміръ Матвѣичъ бросился поднимать ее; но она тотчасъ сама встала, подавивъ въ себѣ внутреннюю боль, и вытерла слезы.

— Я хотѣлъ давно сказать тебѣ, сестрица,—говорилъ ей Владиміръ Матвѣичъ съ разстановкою и замѣшательствомъ:— я не знаю только, какъ ты это примешь,—можетъ быть тебѣ покажется нѣсколько странно... ты можешь и батюшку и матушку избавить отъ затруднительныхъ обстоятельствъ...

— Какимъ образомъ?—спросила она съ живостью.

— Вотъ видишь ли, есть одинъ человѣкъ—ты его нѣсколько разъ видѣла у меня—онъ говорилъ мнѣ, что сочтетъ за честь, если ты согласишься выйти за него замужъ, а онъ человѣкъ очень богатый.

— Кто это?—спросила Маша, горько и насмѣшливо улыбнувшись.

— Шнейдъ. Ты, можетъ быть, замѣтила его у меня: небольшого роста, съ такимъ густымъ румянцемъ на щекахъ... Онъ, правда, не важнаго чина, еще только титулярный совѣтникъ, но живетъ разными благородными оборотами и этимъ скопилъ себѣ значительный капиталъ; въ семейной жизни онъ долженъ быть человѣкъ очень хорошій. Если ты рѣшишься выйти за него, то будешь въ состояніи обезпечить по смерть и батюшку и матушку.

Блѣдное лицо Маши вспыхнуло.

— Можетъ быть, я не стою твоего участія, но вѣрно не заслуживаю и твоихъ оскорбленій,—сказала она брату и, не дождавшись его возраженій, вышла въ другую комнату, упала на диванъ и рыдая могла только проговорить: «несчастный батюшка, несчастный!»

Владиміръ Матвѣичъ, возвращаясь домой, разсуждалъ самъ съ собою.

— Добрая, а престранная дѣвушка!.. Другая на ея мѣстѣ еще бы была благодарна мнѣ за мое предложеніе. Пренебрегать денежнымъ человѣкомъ!.. Она видно не знаетъ, что

на нищихъ невѣстъ въ наше время не слишкомъ обращаютъ вниманія... Вѣдь засидится же въ дѣвкахъ!

Матвѣй Егорычъ послѣ свиданія съ сыномъ не заснулъ ни на одну минуту, хоть и сказалъ, будто хочетъ спать. Онъ долго сидѣлъ на постели, сложа руки на колѣняхъ и однообразно качая головою.

«Неужели, — думалъ онъ, — неужели ему жаль помочь старому, больному отцу? Володя! Володя! Но, можетъ быть, у него точно нѣтъ денегъ? Онъ такъ сухо отвѣчалъ на мои ласки; — но, можетъ быть, мнѣ это показалось?.. Нѣтъ, когда я ласкаю Машу, то мнѣ всегда легко; мнѣ представляется, что и она чувствуетъ точно то же, что я чувствую въ эти минуты. Ему грѣхъ было бы не любить меня... Надо взять въ расчетъ, что сынъ, который отказываетъ въ помощи бѣдному отцу, — дурной сынъ; но развѣ Володя можетъ быть дурнымъ сыномъ? Онъ, кажется, до сихъ поръ исполнялъ какъ нельзя лучше всѣ сыновнія обязанности; я не замѣчалъ въ немъ никакихъ дурныхъ наклонностей, никакихъ: службой онъ занимался и занимается отлично; начальство ставитъ его въ примѣръ другимъ; всѣ говорятъ, что онъ *прекрасный человѣкъ*; всѣ любятъ и хвалятъ его. Какъ же ему быть дурнымъ сыномъ? Непостижимо... Однако онъ ни разу не вызвался самъ помочь мнѣ, а онъ имѣетъ къ тому всѣ средства...»

И бѣдный Матвѣй Егорычъ, думая о сынѣ, переходилъ отъ догадки къ догадкѣ, отъ сомнѣнія къ сомнѣнію. Онъ силился разрѣшить рѣзкія противорѣчія, безпрестанно представлявшіяся уму его, и оставался при одномъ недоумѣніи... Это мучило его; даже во снѣ часто вырывались у него отрывочныя, несвязныя восклицанія: «Прекрасный человѣкъ!.. Неужели ему жаль?.. Отчего это?..»

Настасья Львовна иногда по цѣлымъ днямъ плакала, а иногда лежала въ какомъ-то странномъ, безчувственномъ состояніи, хотя не жаловалась ни на какую болѣзнь... И Маша должна была сидѣть у нея и у отца и еще заниматься домашними хлопотами.

Къ счастью, на другой день послѣ посѣщенія Владиміра

Матвѣича Матвѣй Егорычъ получилъ совершенно неожиданно письмо и при немъ пятьсотъ рублей отъ старушки княгини Л..., у которой онъ исправлялъ нѣкогда должность стряпчаго. Княгиня, узнавъ о его болѣзни и о томъ, какъ онъ нуждался, просила Матвѣя Егорыча принять эти деньги, очень радушно разспрашивала у него о дочери, изъявляла желаніе взять ее въ число своихъ воспитанницъ и обѣщала хлопотать объ устройствѣ ея участи. Но Маша отказалась отъ этихъ предложеній.

ГЛАВА IX.

Заключительная, изъ которой каждый читатель можетъ вывести нравоученіе, какое ему заблагоразсудится.

25 сентября, наканунѣ праздника Іоанна Богослова, Матвѣй Егорычъ съ самаго утра почувствовалъ себя дурно... Утромъ онъ разобралъ однако всѣ свои патенты и аккуратно по порядку снова уложилъ ихъ; потомъ спросилъ коробочку съ своими орденами: вынулъ ихъ, пересмотрѣлъ, перетеръ и спряталъ... Отдавая назадъ Машѣ эту коробочку, онъ сказалъ: «Видно, мнѣ больше ужъ не надѣвать ихъ, Маша». Потомъ онъ все жаловался на слабость, нѣсколько разъ повторялъ: «загостился я у васъ, пора домой» — и около полудня причастился святыхъ тайнъ. «Теперь мнѣ стало полегче», — сказалъ онъ женѣ, почти не отходившей въ этотъ день отъ его постели. Когда онъ замѣтилъ, что глаза Маши покраснѣли и распухли отъ слезъ, онъ старался улыбнуться и прошепталъ сквозь слезы. «Полно, Машенька, о чемъ плакать; лучше помолись обо мнѣ». Часу въ третьемъ онъ началъ стонать, жаловаться на боль въ груди и просилъ, чтобъ послали за Володей. Нѣсколько разъ и до этого онъ вспоминалъ о немъ и все съ какимъ-то безпокойствомъ. Въ три часа Владиміръ Матвѣичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Анной Львовной. Настасья Львовна и его и сестру свою приняла очень сухо. Владиміръ Матвѣичъ казался раз-

строеннымъ; Анна Львовна, у которой въ послѣднее время, отъ худобы лицо сдѣлалось еще длиннѣе прежняго и подъ глазами образовались синія пятна, — все вздыхала и повторяла: «ахъ, сестрица!» или «охъ, милая сестрица!» Но эти вздохи и восклицанія не производили никакого впечатлѣнія на Настасью Львовну. За обѣдомъ почти никто не прикасался къ кушанью, и всѣ молчали. Докторъ, заѣхавшій послѣ обѣда, объявилъ, что врядъ ли Матвѣй Егорычъ проживетъ до утра.

Скоро всѣ одинъ за однимъ на цыпочкахъ собрались къ постели умирающаго. Онъ лежалъ, закрывъ глаза; дыханіе его было тяжело и неровно. Маша стояла у его изголовья, прислонивъ голову къ кроватной спинкѣ; Владиміръ Матвѣичъ сидѣлъ на стулѣ у его ногъ съ наклоненной головой, заложивъ пальцы за пуговицы вицъ-мундира; Настасья Львовна перевертывала въ рукѣ пустую лекарственную банку и глядѣла куда-то неопредѣленно; Анна Львовна подносила ежеминутно платокъ къ глазамъ и шептала: «ахъ, какое несчастіе!» Осеннее солнце освѣщало эту картину.

— Маша! — сказалъ больной, приподнимая отяжелѣвшія вѣки.

Всѣ вздрогнули при этомъ голосѣ.

Маша подошла къ изголовью.

— Мнѣ тяжело дышать, Маша, — продолжалъ онъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ: — положи руку мнѣ къ головѣ, да не отходи отъ меня...

Послѣ минуты молчанія онъ спросилъ:

— А Владиміръ здѣсь?

— Здѣсь, батюшка, — сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, вставая со стула.

Старикъ началъ приподниматься, держась за Машу, и открылъ глаза свои, ища сына:

— А! это ты?—поди ко мнѣ...

Онъ началъ пристально смотрѣть на него. Казалось, опять страшное сомнѣніе начинало мучить его.

— Вотъ и мой часъ пришелъ, Володя... А ты мнѣ дашь умереть спокойно?

— Что прикажете, батюшка? — у Владиміра Матвѣича навернулись на глазахъ слезы.

— Я прошу тебя... у меня одна просьба... не оставь мою Машу; не оставь свою мать... онѣ безъ куска хлѣба... не оставь ихъ...

Маша дрожала всѣмъ тѣломъ; она не могла поддерживать отца, и Анна Львовна подбѣжала къ ней на помощь.

Вдругъ банка выпала изъ руки Настасьи Львовны и разбилась въ дребезги; лицо ея судорожно подернулось, и съ страшнымъ крикомъ: «Матвѣй Егорычъ, прости меня! прости меня... я много передъ тобою виновата!»—она почти безчувственная упала къ его постели.

— Поднимите ее! — сказалъ Матвѣй Егорычъ.

Ее подняли и подвели къ нему. Онъ пожалъ ей руку.

— Я давно простилъ всѣмъ, Настасья Львовна,—прости и ты меня.

— Ты ни въ чемъ не виноватъ передо мной! — простонала она.

— Какъ ни въ чемъ? Всѣ мы люди. Оба мы виноваты передъ Машей, очень виноваты... береги ее... Поправьте мнѣ сзади подушки... Маша, Маша... поди ко мнѣ...—Онъ протянулъ къ ней руки и прижалъ ее къ груди...—Ну, прощай, моя Маша, прощай, дитя мое, родное мое дитя... Когда я буду отходить, читай надо мною молитвы, — я хочу, чтобъ *ты* читала. Дай мнѣ перекрестить тебя... Надъ тобой всегда, всегда мое благословеніе... Господи, услыши молитву мою... Ослабѣвающею рукою онъ осѣнилъ ее крестомъ и произнесъ довольно твердымъ голосомъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»;—потомъ онъ благословилъ и перекрестилъ Владиміра Матвѣича.—«Не оставь Машу», сказалъ онъ ему. Это были послѣднія слова его: утомленный, онъ опустился на подушки... Черезъ полчаса раздался голосъ Маши, заглушаемый рыданіями: она читала отходныя молитвы.

Въ день похоронъ, по обыкновенію, съѣхались гости. Владиміръ Матвѣичъ хлопоталъ, бѣгалъ, отдавалъ приказанія, плакалъ — и всѣ гости смотрѣли на него съ особеннымъ чувствомъ и говорили: «Вотъ ужъ истинно *прекрасный человѣкъ!*»

Отъ самаго дома до Волкова кладбища Владиміръ Матвѣичъ шелъ за гробомъ отца пѣшкомъ и безъ шляпы, несмотря на сырую осеннюю погоду.

Гробъ опустили въ могилу и засыпали землею; Владиміръ Матвѣичъ, Настасья Львовна, родственники и гости разговаривали въ церкви съ священникомъ и занимались кутьею.

Одна Маша сидѣла у могилы отца... Она не плакала,— въ эту минуту она была спокойна, — грустное, но святое и безконечное чувство наполняло грудь ея... Небо застилали сѣренькія тучки, желтые листья падали съ деревьевъ кругомъ нея — и передъ нею тянулся безконечный рядъ могилъ...

— Маша, пора домой!—сказала ей мать, подходя къ ней.

Онѣ сѣли въ наемную карету, запряженную двумя клячами, и шагъ за шагомъ поплелись въ городъ. Скоро карета исчезла въ туманѣ...

ОНАГРЪ.

„*Онагръ* находится нынѣ особливо въ Татаріи, откуда онъ многочисленными стадами заходитъ къ Индіи и Персіи. Животное сіе бѣгаетъ чрезвычайно прытко, довольствуется негодною для корма другихъ животныхъ травою; отъ него происходитъ ручной или домашній оселъ. Вывозъ на племя ословъ въ Испаніи запрещенъ подъ смертною казнью.

(*Руководство къ Естественной Исторіи Блуменбаха, переведенное географіи учителями Петромъ Наумовымъ и Андреемъ Теряевымъ.*)

ГЛАВА I.

Утро онагра.—Любопытный разговоръ въ кондитерской.—Удивительный человѣкъ и очаровательная женщина.

— Разъ, два, три... chassé en avant...

Скрипка завизжала.

Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-шести, средняго роста, худощавый, съ большими глазами на выкатѣ, цвѣта потускнѣвшаго олова, съ свѣтлыми и рѣдкими волосами до плечъ, въ плисовомъ сюртучкѣ, въ шолковыхъ полосатыхъ чулкахъ и лакированныхъ башмакахъ, — выставилъ правую ногу и двинулся впередъ, тряхнувъ плечами...

Танцовальный учитель улыбнулся нѣжно, подошелъ къ своему ученику съ граціею, взялъ его за обѣ руки, носкомъ своего башмака началъ расправлять его ноги и заставилъ его снова повторить *шассе*. И скрипка снова завизжала...

Стѣнные часы въ комнатѣ молодого человѣка пробили одиннадцать; скрипка спряталась въ футляръ, танцовальный учитель сдѣлалъ три *шассе* впередъ, раскланялся, принялъ отъ своего ученика карточный билетикъ, съ достоинствомъ балетнаго героя, и на цыпочкахъ выскользнулъ въ переднюю.

— Гришка, завиваться! — закричалъ молодой человѣкъ.

Черезъ пять минутъ Гришка, въ засаленномъ сюртукѣ, съ сережкой въ ухѣ, съ гребенкой въ масляныхъ волосахъ и съ круглыми щипцами въ рукѣ, явился передъ бариномъ. Гришка воспитывался въ цирюльнѣ на Гороховой, въ той самой цирюльнѣ, на окнѣ которой золотыми буквами начертано: «Зало для стришки и завифки волосъ цѣна 20. ко. се. И выбрить».

Баринъ развалился на стулъ передъ зеркаломъ, замурлыкалъ что-то изъ «Фенеллы», закинулъ назадъ растрепанную голову, и Гришка приступилъ къ своей должности. Три раза охлаждались и три раза раскалялись щипцы; голова барина покрывалась завитками; баринъ только изрѣдка поморщивался и вскрикивалъ: «больно, болванъ!»

По окончаніи завивки Гришка отворотилъ безконечные рукава сюртука своего, подшитые посконной холстиной, растеръ на грязныхъ ладоняхъ пятирублевую помаду Violette и принялся отдѣлывать голову барина.

— Гришка! помадь пожирнѣе, да виски фиксатуаромъ натри, — говорилъ баринъ.

Весь въ завиткахъ, смотрясь въ зеркало и прищуриваясь, баринъ началъ прохаживаться въ своемъ кабинетѣ между стульевъ и пощелкивать языкомъ.

Комната эта не большая и не маленькая: ярко-пунцовыя занавѣски на окнахъ, небольшое зеркало на ножкахъ въ видѣ трюмо, мебель двадцатыхъ годовъ, но разставленная въ современномъ безпорядкѣ; на стѣнахъ соблазнительныя картинки, дурно литографированныя и еще хуже раскрашенныя, въ пестрыхъ рамкахъ... Вездѣ торчатъ чубуки, на полу — табачный пепелъ, на письменномъ столѣ — вторая часть какого-то французскаго романа.

Барину наскучило ходить; онъ зѣвнулъ, протянулся на диванѣ и закричалъ:

— Гришка!

Гришка явился.

— Трубку!

Баринъ сталъ пускать дымъ кольцами. Это заняло его на нѣсколько минутъ.

— Гришка!

— Чего-съ?

— Тепло сегодня?

— Средственная погода-съ.

— Я надѣну пальто съ бобровымъ воротникомъ. Слышишь?

— Слушаю-съ...

Баринъ всталъ съ дивана и подошелъ къ окну. Онъ потянулся и подумалъ: «Куда бы ѣхать?» — Потомъ онъ началъ опять щелкать языкомъ.

— Гришка, афишку!

Въ четвертый разъ баринъ принялся перечитывать афишку.

«Какой бы жилетъ мнѣ надѣть сегодня, — думалъ баринъ, — пестрый полосатый, или черный съ лиловыми разводами? Вчера я надѣвалъ желтый съ бронзовыми пуговицами...»

— Гришка, который часъ?

— Половина второго-съ.

— Врешь. Можетъ ли быть только половина второго?

Баринъ пошелъ въ залу и самъ посмотрѣлъ на часы.

— Чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ еще только половина второго. Гришка!

— Чего-съ?

— Заложить въ санки гнѣдую. — Куда бы съѣздить?.. Гришка!

— Что-съ?

— Послушай, вели лучше запрячь саврасую.

Баринъ снова подошелъ къ окну и началъ барабанить по стеклу пальцами.

— Гришка, одѣваться!..

И вотъ баринъ одѣлся. Его сюртукъ превосходно обри-

совываетъ его талію: правда, онъ немножко узокъ ему и жметъ подъ мышками, но, говорятъ, модные сюртуки всѣ таковы; булавка съ огромнымъ камнемъ зашпиливаетъ длинные концы его узорчатаго галстука; на бархатномъ жилетѣ, испещренномъ шелковыми цвѣтами, виситъ золотая цѣпь съ змѣей, у которой красный глазъ подъ яхонтъ... Кругомъ его на десять шаговъ воздухъ напитанъ благоуханіемъ жасминныхъ духовъ въ соединеніи съ фіалковой помадой. Сверхъ сюртука онъ надѣваетъ пальто, кончикъ краснаго фуляра выпускаетъ изъ грудного кармана.

Онъ два раза проѣхалъ отъ Аничкова моста до Адмиралтейства и приказалъ остановиться у кондитерской... Онъ очень доволенъ собой; только одно ему досадно, что черепаховый лорнетъ никакъ не держится въ его глазѣ...

«Отчего же онъ у другихъ держится?..»—подумалъ молодой человѣкъ, вбѣгая на лѣстницу кондитерской.

Въ кондитерскихъ, которыя на правой сторонѣ Невскаго проспекта, проводятъ время очень весело. Туда господа чиновники изъ молодыхъ, занимающіеся политикой, оторвавшись отъ дѣлъ, забѣгаютъ прочитать «Пчелку», залитую шоколадомъ, и искоса посмотрѣть на груды слоеныхъ пирожковъ; тамъ господа офицеры, перевертывая «Инвалидъ», пьютъ ликеръ, затягиваются и гремятъ шпорами; тамъ скромный негоціантъ съ Васильевскаго острова, обстриженный подъ гребенку, лицо безсмѣнное, съ изумительнымъ терпѣніемъ, не развлекаясь ничѣмъ, прочитываетъ отъ начала до конца неизмѣримые столбцы иностранной газеты, выпиваетъ свой обычный стаканъ кофе и уходитъ, не удостоивъ никого взглядомъ; тамъ много и такихъ господъ, которые осматриваютъ васъ съ ногъ до головы, и только ищутъ случая, Богъ ихъ знаетъ для чего, какъ бы заговорить съ вами, и въ ожиданіи этого случая любуются потолкомъ, расписаннымъ въ помпеевскомъ вкусѣ; тамъ есть и такіе, которые совершенно на дружеской ногѣ съ содержателями кондитерскихъ, знаютъ всѣ ихъ семейныя тайны, называютъ по именамъ всѣхъ мальчиковъ, бѣгающихъ съ подносами, улыбаются Францу, дружески дерутъ за ухо Карла и кушаютъ

пирожки въ долгъ; тамъ бархатныя мебели въ грязи и въ пятнахъ, зеркала въ пыли и въ копоти; тамъ бронза безъ блеска, цвѣты безъ запаха; тамъ чадъ кухонный, смѣшанный съ чадомъ табачиымъ...

Войдя въ кондитерскую, молодой человѣкъ прежде всего посмотрѣлся въ зеркало и поправилъ свои волосы; потомъ спросилъ себѣ шоколаду, потомъ сѣлъ на стулъ, придвинулъ къ себѣ «Journal des Débats», оттолкнулъ отъ себя «Санктпетербургскія Вѣдомости», потомъ онъ ужъ и не зналъ, что ему дѣлать.

Къ счастію въ эту самую минуту въ ближайшей комнатѣ послышался рѣзкій свистъ. Молодой человѣкъ приподнялся, чтобъ посмотрѣть, кто свиститъ.

Передъ нимъ стоялъ тоненькій улыбающійся офицеръ въ очкахъ, съ бѣлыми эполетами

— А, мон-шеръ! — закричалъ офицеръ во все горло, такъ что всѣ читающіе невольно вздрогнули: — бон-журъ... Какое на тебѣ чудесное пальто! и боберъ славный! ты мастеръ одѣваться. Вчера мы все объ тебѣ говорили съ Базилемъ; онъ ужасно тебя любитъ. Какой, братецъ, славный малый Базиль! Мы съ нимъ третьяго дня въ Екатерингофъ на тройкѣ ѣздили.

— На тройкѣ! — возразилъ молодой человѣкъ: — неужто? я на тройкѣ смертельно люблю ѣздить... Выпьемъ-ка шоколаду.

— Гарсонъ! еще чашку шоколада, — закричалъ офицеръ... — Какія, мон-шеръ, политическія интересныя новости... вѣдь я всѣ французскія газеты читаю... Тьера смѣнили, Гизо все такія рѣчи говоритъ... Ну, а ты не былъ вчера въ театрѣ... Ахъ, какъ Андреянова протанцовала, мон-шеръ, сальтарелло съ Гредлю, — прелесть, просто! А-га! да вотъ и наши *театралы* собираются.

Офицеръ обратился къ двумъ вошедшимъ: статскому маленькаго роста, блѣдному, одѣтому съ изысканной простотой, съ сморщеннымъ лицомъ ребенка въ англійской болѣзни, съ движеніями старой кокетки средняго сословія, —

и къ офицеру съ золотыми эполетами, довольно плотному и румяному.

— Здравствуйте, господа, — сказали офицеръ и статскій въ одно время, одинъ голосомъ мужественнымъ и твердымъ, другой немного въ носъ, протяжно и съ какою-то изнѣженностью, не совсѣмъ понятною въ мужчинѣ.

— Отчего же вы *меня* причисляете къ театраламъ? — спросилъ послѣдній, обращаясь къ офицеру съ серебряными эполетами, — я въ театрѣ не бываю такъ часто и, кажется, не волочусь ни за кѣмъ. Мнѣ театры наскучили, — я слишкомъ много насмотрѣлся на парижскіе и вѣнскіе театры...

Говоря это, онъ растиралъ рукою грудь, какъ будто чувствовалъ боль въ груди.

— Нѣтъ-съ, да это я не про васъ сказалъ, — отвѣчалъ офицеръ съ серебряными эполетами; — я...

— А! это на *нашъ* счетъ, — перебилъ офицеръ съ золотыми эполетами, — а! понимаемъ!..

— Ужъ, конечно, послѣ парижскихъ театровъ на здѣшніе смотрѣть не захочется, — продолжалъ офицеръ съ серебряными эполетами, — я вѣдь будущей весною поѣду и въ Парижъ, и въ Лондонъ, и въ Мадридъ, вездѣ: меня на казенный счетъ посылаютъ; ну, а если не пошлютъ на казенный счетъ, такъ я на свой поѣду. Что жъ! я, слава Богу, имѣю состояніе хорошее.

— Горькой водки и пирожокъ! — закричалъ офицеръ съ золотыми эполетами...

— Сахарной воды! — сказалъ статскій.

Мальчикъ явился съ подносами.

Статскій взялъ стаканъ съ водою, отпилъ немного, поставилъ его на столъ и посмотрѣлъ въ лорнетъ на мальчика.

— Какой хорошенькій мальчикъ, — прошепталъ онъ, поправляя свой шейный платокъ, — какое у него пріятное выраженіе въ глазахъ!

— Сядемте, господа, вонъ къ тому столу, — сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами.

Всѣ усѣлись у стола.

— А знаете ли? сегодня «Сильфида»,—продолжалъ онъ,—сегодня всѣ *наши* въ Большомъ театрѣ.

— А ты ужъ взялъ себѣ билетъ? — спросилъ офицеръ съ серебряными эполетами.

— Мнѣ нечего, братецъ, хлопотать о билетѣ. У насъ у всѣхъ билеты всегда одни и тѣ же... въ первомъ ряду, съ правой стороны. Намъ нельзя мѣнять кресла.

— Гм! *сакристи!*.. — значительно воскликнулъ молодой человѣкъ въ завиткахъ и въ пальто, герой этого разсказа, — у васъ Большой театръ на откупу. Вы тамъ славно распоряжаетесь.

— Признаюсь вамъ, господа, — сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами, — я желалъ бы, чтобъ спектакль продолжался съ утра до ночи, только, разумѣется, балетъ, а не другая какая пьеса, — мнѣ это не могло бы наскучить: а то отъ семи до одиннадцати не увидишь, какъ и время пролетитъ.

— Что жъ, вы не захотѣли бы и обѣдать? — замѣтилъ изнѣженный статскій.

— Почти что такъ... разумѣется, забѣжалъ бы въ кондитерскую или трактиръ перекусить чего-нибудь, да тотчасъ бы опять направо кругомъ и назадъ.

— Это для меня непонятно, — сказалъ статскій, прихлебывая сахарную воду, — здѣшнія танцовщицы... онѣ, я думаю, совсѣмъ необразованы?

Офицеръ съ золотыми эполетами нѣсколько обидѣлся и пожалъ плечами.

— Позвольте васъ спросить, что вы называете образованіемъ? По-моему, образованіе — это вещь такая... о которой всякій... всякій судитъ по-своему...

— То-есть, конечно, всѣ почти онѣ премиленькія, — перебилъ герой разсказа, — но вѣдь ни одна изъ нихъ, вѣрно, не говоритъ по-французски, особенно фигурантки...

— Фигурантки-то еще поумнѣе, братецъ, солистокъ. Я тебѣ откровенно скажу, что моя Маша заткнетъ за поясъ всѣхъ солистокъ, сколько ихъ ни есть. Это не дѣвочка, а золото; она почти и не румянится на сценѣ... У нея чудо

какой цвѣтъ лица. Въ «Робертѣ», въ третьемъ дѣйствіи, когда онѣ встаютъ изъ гробовъ, она ужъ бѣлится, бѣлится, чтобъ казаться блѣднѣе, — нѣтъ, кровь у нея такъ и проступаетъ сквозь бѣлила.

— Все это хорошо; я самъ иногда съ удовольствіемъ смотрю на танцовщицъ, — продолжалъ герой разсказа, — соблазнительнаго въ нихъ много; зато ужъ ничего болѣе. Съ фигуранткой невозможно думать о возвышенной любви; иное дѣло женщина въ обществѣ, умная, милая вертушка... тутъ за ней волочишься; ей во французскомъ кадрилѣ или въ мазуркѣ немножко пожмешь руку, у нея глаза тотчасъ разгораются, она отвѣчаетъ тѣмъ же. Съ женщинами, я вамъ скажу, надобно имѣть только дерзость, — это главное: съ дерзостью навѣрное выиграешь. Вѣдь я испыталъ все это...

Офицеръ съ золотыми эполетами всталъ со стула, прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Актрисы, братецъ, по-моему, лучше всѣхъ вашихъ свѣтскихъ дамъ; въ актрисахъ есть что-то такое... особенная какая-то прелесть... Къ тому же, по-моему, въ общество часто выѣзжать опасно: и самъ не замѣтишь, какъ очутишься женатымъ. Я, господа, ѣзжу на балы къ ужину: порядочно поужинаешь, поговоришь съ пріятелями—да и давай Богъ ноги. Одинъ разъ я, однакожъ, у Дмитрія Васильевича Бобынина далъ промахъ: только что встали изъ-за стола, я было за шляпу, а Катерина Ивановна и увидала—и пошла потѣха! Я, говоритъ, не пущу васъ, ни за что не пущу, и начала отнимать у меня шляпу; — вы, говоритъ, должны танцовать грос-фатеръ, надобно побѣситься послѣ ужина... Нечего дѣлать,—поневолѣ пустился въ плясъ; зато на другой день Маша задала мнѣ такую гонку, что до сихъ поръ забыть не могу: она у меня прериревнивая.

— Кто много въ свѣтъ выѣзжаетъ, — сказалъ офицеръ съ серебряными эполетами,—тому бѣда быть влюбчивымъ. Я ужасно влюбчивъ. А Катерина Ивановна это замѣтила... Въ прошедшій понедѣльникъ она мнѣ сказала: «О, я про васъ все знаю!»—и погрозила пальцемъ...

— Катерина Ивановна любезная женщина,—прошепталъ

статскій, разсматривая съ большимъ вниманіемъ свои блѣдные и тонкіе пальцы.

— А что? за ней, я думаю, можно приволокнуться?— спросилъ офицеръ съ серебряными эполетами.

Герой разсказа проглотилъ бисквитъ и подумалъ:

«Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Она очень не дурна: такая кругленькая; мужъ у нея все въ карты играетъ, волосы у него съ просѣдью, одѣвается онъ не по модѣ. Не съѣздить ли мнѣ сегодня къ нимъ съ визитомъ?..»

— У Катерины Ивановны, надо отдать ей справедливость, прекрасныя плечи,—сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами:—но ужъ все не то, что у Маши... у Маши всѣ жилки на шеѣ видны, такая нѣжность!

— Господа, посмотрите вонъ тамъ у окна какой жалкій чиновникъ сидитъ,—сказалъ офицеръ съ серебряными эполетами: — какой смѣшной народъ эти чиновники!

Офицеръ началъ свистѣть и, насмѣшливо улыбаясь, нѣсколько разъ прошелся мимо чиновника, осматривая его съ ногъ до головы...

Герой разсказа засмѣялся.

— А ты чего смѣешься? — сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами:—развѣ ты не чиновникъ.

— Какой же я, мон-шеръ, чиновникъ? я и въ департаментъ никогда не ѣзжу, я только числюсь...

— Четвертый въ началѣ,—сказалъ статскій:—мнѣ пора..— Онъ закашлялся, допилъ свою сахарную воду и ушелъ.

— Терпѣть не могу этого пискуна! — произнесъ офицеръ съ золотыми эполетами, провожая глазами статскаго: — съ нимъ какъ-то и разговоровъ не находишь. Все ему не нравится, все не по немъ...

— Нѣтъ, мон-шеръ,—замѣтилъ герой разсказа, смотрясь въ зеркало: — онъ немножко чудакъ; но, говорятъ, вездѣ путешествовалъ; онъ здѣсь вездѣ принятъ въ лучшихъ домахъ и одѣвается недурно... Пройдемся-ка по Невскому...

— Пожалуй, братецъ.

— И я пойду съ вами!—закричалъ офицеръ съ серебряными эполетами.

Дойдя до Адмиралтейской площади, герой разсказа простился съ офицерами, сѣлъ въ сани и поѣхалъ къ Бобынинымъ. Дорогой онъ все мечталъ о Катеринѣ Ивановнѣ и окончательно рѣшился волочиться за нею. — «Съ нынѣшняго же дня приступлю,—думалъ онъ:—кто знаетъ, можетъ быть... Ненавижу ухаживать за дѣвицами... Нынче въ большомъ свѣтѣ все волочатся за дамами, на дѣвицъ никто и смотрѣть не хочетъ... Я прежде не такъ хорошо мазурку танцовалъ... ну, а теперь, послѣ десятаго урока, совсѣмъ не то... Много значитъ хорошо танцовать мазурку!»

Когда онъ вошелъ въ переднюю къ Бобынинымъ, было безъ пяти минутъ четыре часа,—въ самую пору: въ большомъ свѣтѣ всегда ѣздятъ съ визитами въ четыре часа...

— Дома Дмитрій Васильичъ?

— Сейчасъ пріѣхали.

— А Катерина Ивановна?

— Дома-съ.

Онъ сбросилъ съ себя пальто, отряхнулся, натянулъ на руку желтую перчатку и, принявъ видъ разсѣянный и беззаботный, вошелъ въ залу.

Въ залѣ никого нѣтъ. Зала недурная: четыре кадрили сряду могутъ установиться; паркетъ прескользкій; зеркала до потолка; на стѣнахъ большіе портреты хозяина и хозяйки въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ...

И ея портретъ!.. Она изображена почти во весь ростъ, въ саду, съ открытой грудью, въ лиловомъ платьѣ, съ фероньеркой на лбу и въ малиновомъ беретѣ съ перомъ; возлѣ нея двухлѣтняя дочь, на которую она смотритъ съ нѣжностію.

Молодой человѣкъ, въ ожиданіи оригинала, занялся разсматриваніемъ портрета.

Какое сходство!.. каріе глаза такъ и горятъ, черные волосы мелкими кудрями выбиваются изъ-подъ берета и упадаютъ до плечъ,—грудь полная, роскошная, а ротикъ маленькій...

— Счастливецъ этотъ Дмитрій Васильичъ! Нѣтъ, впрочемъ, что за радость быть мужемъ? гораздо пріятнѣе...

На этомъ словѣ Дмиртій Васильичъ прервалъ размышленія молодого человѣка. Онъ вошелъ въ залу.

Дмитрій Васильичъ десять лѣтъ передъ этимъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, кажется въ Моршанскѣ; все его богатство заключалось, кромѣ мундира и сюртука, въ парѣ сапогъ, въ черешневомъ коротенькомъ чубукѣ да въ чемоданѣ изъ желтой кожи; онъ считался въ полку умнымъ человѣкомъ: ему полковой командиръ всегда протягивалъ руку и говорилъ *ты* съ особенною нѣжностью. Дмитрій Васильичъ носилъ очки и читалъ русскія газеты. Дослужившись до капитанскаго чина, онъ вышелъ въ отставку и прямо въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ познакомился прежде всего съ начальниками отдѣленія; начальники отдѣленія приняли его прекрасно: съ ними онъ началъ играть въ вистъ по десяти рублей роберъ; потомъ перешелъ къ директорамъ,—важный шагъ; прошелъ мѣсяцъ, имъ довольны и директоры и жены директорскія; прошелъ другой—онъ необходимое лицо въ директорскомъ вистѣ, а вистъ по двадцати пяти рублей роберъ и больше; прошелъ третій мѣсяцъ—директоры мигнули другъ другу, указывая на него, посмотрѣли другъ на друга и сказали: «э-ге!» Послѣ этого *э-ге*, его опредѣлили на очень выгодное, хоть и не видное мѣсто. Года черезъ четыре онъ женился на генеральской дочкѣ, за которой ничего не взялъ. Теперь у него есть до милліона, по увѣренію многихъ; у него въ квартирѣ дорогія мебели и бронзы; у него щегольскія лошади; онъ даетъ щегольскіе вечера и обѣды, онъ ведетъ большую игру; онъ важное лицо въ благородномъ собраніи, и ему хочется попасть въ англійскій клубъ; его вы встрѣтите на всѣхъ торгахъ и аукціонахъ; къ нему ѣздитъ генералитетъ, съ нимъ подъ ручку прогуливаются капиталисты. Вы подумаете, взглянувъ на него, что онъ генералъ, а въ самомъ-то дѣлѣ онъ только надворный совѣтникъ; вы вообразите, что у него по крайней мѣрѣ Владиміръ на шеѣ, а у него Анна третьей степени... Въ задушевномъ словарѣ этого человѣка немного словъ. Вотъ почти всѣ они: *купилъ*, *перекупилъ*, *продалъ*, *запродалъ*, *обработалъ*; но онъ любилъ разсуждать о литературѣ и политикѣ,

о высокомъ и прекрасномъ, о суетѣ и ничтожествѣ жизни. Онъ дѣйствительно очень умный человѣкъ.

— А!—сказалъ протяжно Дмитрій Васильичъ молодому человѣку, который раскланялся ему очень ловко, нисколько не хуже своего танцовальнаго учителя, выставивъ, будто нечаянно, свою руку въ желтой перчаткѣ.

Дмитрій Васильичъ не пожалъ его руки, а прикоснулся чуть-чуть къ его перчаткѣ двумя пальцами.

— Очень радъ васъ видѣть. Что? получаете ли письма отъ матушки? Здорова ли она?.. .

— Покорно васъ благодарю. Она, слава Богу, здорова...

— Что? какъ вы находите, похожъ портретъ жены?

— Чрезвычайно.

— Я писалъ къ вашей матушкѣ, не хочетъ ли она продать мнѣ свою деревню. Я даю ей хорошую цѣну. Что ей жить въ провинціи, право? Она пріѣхала бы къ вамъ, жить бы вмѣстѣ съ вами... Вамъ, я думаю, скучно безъ нея?

Молодой человѣкъ расправлялъ пальцы перчатки.

— Конечно-съ.

— Катенька!—закричалъ Дмитрій Васильичъ, входя въ гостиную. — Милости прошу къ женѣ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку.

— Что, мой дружочекъ?—послышался откуда-то звучный и томный голосъ.

«Точно соловей поетъ,—подумалъ молодой человѣкъ; — я и не замѣтилъ, что у нея такой пріятный органъ».

Дмитрій Васильичъ ушелъ, герой разсказа остался одинъ.

Дверь изъ будуара въ гостиную отворилась неслышно. Катерина Ивановна остановилась въ дверяхъ и увидѣла гостя.

— Ахъ!..—Она какъ будто удивилась и присѣла...

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ у нея молодой человѣкъ по-французски, подходя къ ней.

— Я и не узнала васъ,—сказала она съ пріятною улыбкою, сдѣлавъ два шага впередъ и поправляя брилліантовый крестикъ, который висѣлъ у нея на груди. — Гдѣ это вы были все время? Васъ что-то не видно.

— Я очень виноватъ передъ вами. Я ѣздилъ на охоту

съ княземъ...—Онъ запнулся, въ эту минуту какъ нарочно ни одна княжеская фамилія не приходила ему въ голову, хоть онъ всѣхъ почти князей, гуляющихъ по Невскому проспекту, зналъ въ лицо. — Сегодня прекрасная погода... Вы не изволили гулять?

— Нѣтъ.

Она бросилась въ кресло съ кокетствомъ и небрежно опустила на колѣни свои руки, разукрашенныя богатыми кольцами.

— Меня измучили балы. Четыре дня сряду я возвращалась домой въ шесть часовъ утра. Вы не повѣрите, какъ это тяжело и скучно.

Молодой человѣкъ сѣлъ подлѣ нея.

— По лицу вашему однако не замѣтно, чтобъ вы были утомлены балами. Вашъ цвѣтъ лица...

«Начало, кажется не дурно»,—подумалъ онъ.

— Вашъ цвѣтъ лица...

— Что же мой цвѣтъ лица?

— Такъ свѣжъ, такъ...

— Это комплименты...

— Я никогда не говорю и не умѣю говорить комплиментовъ, я...

— Катенька! пора обѣдать,—сказалъ Дмитрій Васильичъ, входя и поглядывая на часы.—Вы обѣдаете съ нами?..

— Нѣтъ-съ.

Молодой человѣкъ вскочилъ со стула.

— Я только хотѣлъ узнать о вашемъ здоровьѣ... мнѣ еще надо заѣхать въ два дома...

— Да помилуйте! кто же такъ поздно ѣздитъ съ визитами? Останьтесь-ка съ нами. Кушанье сейчасъ подадутъ.

— Нѣтъ-съ, я никакъ не могу...

Молодой человѣкъ началъ раскланиваться.

— Ну, какъ хотите! Когда будете писать къ матушкѣ, кланяйтесь отъ меня... А что? какъ идетъ ваша служба?

— Ничего, хорошо.

— Не забывайте насъ, — сказала Катерина Ивановна.—

Пріѣзжайте къ намъ когда-нибудь запросто, вечеромъ. Я хочу отдохнуть нѣсколько дней дома отъ шумной жизни...

«Очаровательная женщина!—подумалъ молодой человѣкъ, выходя въ переднюю.—И какъ она смотрѣла на меня! И какая у нея ножка!.. Отчего это мнѣ давно не пришло въ голову. Что жъ! все равно, и теперь еще можно... Она обращаетъ на меня особенное вниманіе... Не дурно, чортъ возьми! Пріѣзжайте запросто вечеромъ! Это много значитъ, это не всякому говорится; а мужъ пресмѣшной! Что за вопросы предлагаетъ — о маменькѣ, о службѣ! Развѣ я мальчикъ, только что вышедшій изъ школы! И удивляется, что поздно съ визитами ѣзжу,—а еще живетъ въ свѣтѣ. Не въ первомъ же часу дѣлать визиты!.. Хорошо, что я не остался обѣдать: какъ можно остаться обѣдать въ сюртукѣ. Въ сюртукѣ только выѣзжаютъ по утрамъ, а къ обѣду надѣваютъ фраки...»

Какъ истинный онагръ, молодой человѣкъ превосходно зналъ всѣ обычаи, переходящіе изъ большого въ маленькій свѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ уклоняться отъ нихъ. Съ благоговѣніемъ неизобразимымъ, съ чувствомъ робкимъ и трепетнымъ смотрѣлъ онъ на львовъ, съ которыми встрѣчался на улицахъ и въ трактирахъ, и усиливался рабски подражать имъ во всемъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что цари высшаго парижскаго общества, нѣкогда называющіеся: *hommes à bonnes fortunes*, *incroyables*, *dandy*, *fashionables*, и такъ далѣе, теперь носятъ страшныя имена львовъ. Всѣмъ также извѣстно, что мы русскіе имѣемъ претензію на европейскую внѣшность, что мы съ изумительною быстротою перенимаемъ всѣ парижскія и лондонскія странности и прихоти. Вслѣдствіе этого у насъ были нѣкогда денди и фешенебли, теперь у насъ есть и «львы». Съ санктпетербургскимъ «львомъ» вы уже знакомы; но дѣло не въ томъ. Я не знаю, слышали ль вы очень любопытную новость!? Недавно какой-то остроумный господинъ въ Парижѣ изобрѣлъ названіе для тамошнихъ царьковъ средняго общества. Это названіе прекрасное и звучное: *онагръ*! Оно было принято парижанами съ восторгомъ и тотчасъ вошло во всеобщее употребленіе. Оно,—въ этомъ почти нельзя

сомнѣваться,—перейдетъ и къ намъ, и мы скоро привыкнемъ къ нему, какъ привыкли къ страннымъ прозваніямъ «львовъ».

Въ Петербургѣ очень много «онагровъ», несравненно болѣе, чѣмъ «львовъ».

Санктпетербургскіе онагры, по-моему, гораздо любопытнѣе санктпетербургскихъ «львовъ». Не знаю, дастъ ли этотъ слабый очеркъ хоть небольшое понятіе о томъ, что̀ такое санктпетербургскій *онагръ*.

ГЛАВА II.

Деревенскія мысли и столичныя мечты.—Вечеръ онагра.

Онагръ отъ Бобыниныхъ пріѣхалъ домой, бросился на диванъ и, полный любовнаго волненія и таинственныхъ предчувствій, съ большимъ восторгомъ пропѣлъ куплетъ изъ какого-то водевиля:

И съ страстью чистою, сердечной
Я буду вѣкъ ее любить,
А безъ любви взаимной, вѣчной
Я не могу счастливымъ быть.

Онъ повторилъ: «я не могу счастливымъ быть!» и закричалъ:

— Гришка!

— Что-съ?

— Сбѣгай поскорѣй въ трактиръ за обѣдомъ. Я что-то проголодался. Возьми также въ погребѣ бутылку краснаго вина. Теперь я безъ вина рѣшительно не могу обѣдать. Если бы деньги, всякій день пилъ бы шампанское. Ахъ, если бы деньги!.. Ну, что̀ жъ ты, уродъ, стоишь?

— Я забылъ вамъ доложить,—сказалъ Гришка, почесывая въ затылкѣ:—къ вамъ письмо, сударь, съ почты принесли.

— Письмо, а не посылку? отъ кого же письмо?

— Не знаю-съ; кажется, отъ маменьки-съ.

— Ну, подай же его, да принеси свѣчку и пошелъ за обѣдомъ.

— Пожалуйте деньги-съ.

— Возьми въ кошелькѣ, болванъ; вонъ кошелекъ на столѣ.

Гришка подалъ барину письмо и свѣчу, взялъ деньги, отложилъ изъ нихъ двугривенный въ свой карманъ и ушелъ.

Баринъ распечаталъ письмо и прочелъ:

«Другъ мой безцѣнный Петенька. Благодарю тебя, мой ангелъ, за то, что не забываешь меня: три письма твои одно за другимъ вскорѣ я получила и цѣлую тебя заочно. Ты знаешь, что у меня не осталось другого сокровища на землѣ, кромѣ тебя, послѣ кончины незабвеннаго моего мужа, потерю котораго я и до могилы не забуду. Письма твои единственная моя отрада въ жизни. Не жили бы мы въ разлукѣ съ тобой, голубчикъ, если бъ Богу угодно было продлить дни Александра Ермолаича. Онъ теперь вѣрно имѣлъ бы генеральскій чинъ и получалъ бы большіе оклады, а я за нимъ не знала бы никакихъ хлопотъ, и всѣ бы жили въ Петербургѣ. И я провела бы старость спокойно! Впрочемъ, на все воля Божія: кому опредѣлена смерть, тотъ непремѣнно умретъ. Совѣсть моя въ отношеніи къ тебѣ, дружочекъ, спокойна; я пожертвовала для тебя всею моею жизнію. По смерти отца твоего за меня сватались хорошіе женихи, съ чинами и съ состояніемъ: я отказала имъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть о тебѣ попеченіе и сохранить для тебя небольшое имѣньице, полученное мною въ приданое. Сколько лѣтъ уже я живу въ деревнѣ и забилась въ глушь, чтобы скопить тебѣ хоть немного деньжонокъ, да неурожаи послѣднихъ годовъ уничтожили всѣ мои планы. Нечего дѣлать, надо покориться всемогущей волѣ и переносить все безъ ропота...»

Молодой человѣкъ немного нахмурился; рука его, державшая письмо, опустилась, и онъ подумалъ:

«Гм!.. Ужъ эти проклятые неурожаи! И отчего они? Когда я выросъ и когда мнѣ нужны деньги—такъ тутъ, нарочно, неурожаи! И пришла же маменькѣ мысль копить деньги... Лучше бы присылала мнѣ больше. Здѣсь нельзя жить въ свѣтѣ безъ денегъ. Сунься-ка попросить въ долгъ! подъ залогъ, говорятъ, пожалуйте... А что я дамъ подъ

залогъ? У меня и теперь ни гроша нѣтъ: что жъ я буду дѣлать?»

Послѣ этого размышленія онъ опять принялся за чтеніе письма:

«Тяжела деревенская жизнь: вездѣ надо свой глазъ, на старосту надежда плохая. У меня недавно поставленъ новый староста Ильюшка, братъ Ваньки—Григорьева сына; Мирошку же я смѣнила за грубость. Признаюсь, и силъ не достаетъ мнѣ, слабой женщинѣ, управляться съ крестьянами: такая вольница, всѣ перебаловались, только по вечерамъ отдыхаю. Спасибо сосѣдямъ, не забываютъ; всѣхъ чаще у меня бываетъ Ѳекла Ниловна,—ты ее знаешь, прелюбезная дама, образованная, и жила въ Петербургѣ, всѣхъ знаетъ, презабавные анекдоты разсказываетъ; съ нею не соскучишься... Она вспоминаетъ о тебѣ, говоритъ, что любитъ тебя душевно: тотъ же, кто любитъ тебя, милъ всегда моему сердцу. Если бы, по милости Божіей, ты получилъ хорошее и прочное мѣсто по службѣ, это меня утѣшило бы. Съ удовольствіемъ вижу, по письмамъ твоимъ, что тебя начальники отличаютъ отъ другихъ; такъ и должно было ожидать: ты воспитанъ, какъ немногіе, въ лучшей петербургской гимназіи, гдѣ воспитываются все дѣти извѣстныхъ благородныхъ фамилій. Для того, чтобъ сдѣлать тебя человѣкомъ, я не щадила денегъ и лишала себя необходимаго. Ты, кромѣ обыкновеннаго ученья, и приватные уроки бралъ и нынче берешь уроки у танцовальнаго учителя. Это хорошо, другъ мой; въ свѣтѣ надо быть ловкимъ. Пожалуйста, сердце мое, будь всегда на глазахъ у начальства, угождай всѣмъ, не забывай именинъ и рожденья своего директора и директорши, ласкайся ко всѣмъ; этимъ ты ничего не проиграешь; повѣрь мнѣ, ищи въ людяхъ,—люди нужны. Особенно не забывай Дмитрія Васильевича Бобынина; говорятъ, онъ въ большой силѣ у васъ въ Петербургѣ и живетъ, какъ вельможа. Съѣзди къ нему нарочно по полученіи сего письма и поклонись отъ меня; скажи ему, что все люблю его попрежнему, какъ родного брата. Онъ писалъ ко мнѣ, что хочетъ купить мою деревню съ переводомъ долга, но предлагаетъ за нее самую ничтожную сумму. Объ

этомъ ему ни слова не говори, будто ничего не знаешь, а я не замедлю отвѣчать ему сама... Правду говорятъ, что чѣмъ люди богаче, тѣмъ скупѣе. Супруги его не имѣю удовольствія знать, а говорятъ прелестная, самаго лучшаго тона дама...»

Герой нашъ при этихъ словахъ протянулся на диванѣ съ выраженіемъ самодовольствія и нѣги, снялъ со свѣчи и сказалъ:

— Прелестная... мало этого—просто душка!.. Да что жъ маменька объ деньгахъ-то ничего не пишетъ? Посмотримъ далѣе.

...«Я Дмитрія Васильича помню, какъ онъ еще былъ офицеромъ и не имѣлъ ничего. Ужъ и тогда многіе почему-то пророчили, что онъ пойдетъ далеко. Слухи носятся, что онъ нажилъ свое богатство не честно, да ты этому не вѣрь, это говорятъ вольнодумцы, другъ мой, и никогда объ этомъ ни съ кѣмъ не говори. Если бы и точно слухи эти были справедливы, то намъ до этого дѣла нѣтъ: съ нимъ знаются люди и повыше насъ, и уважаютъ его, такъ мы не должны умничать; къ тому же Дмитрій Васильичъ тебѣ всегда пригодится, какъ человѣкъ съ связями. Пріятно мнѣ было между прочимъ читать въ письмѣ твоемъ, что ты находишься въ самомъ лучшемъ обществѣ и въ короткихъ отношеніяхъ съ князьями и графами; только, глядя на нихъ, не кидай, Бога ради, деньги и помни, что у нихъ у всѣхъ золотые рудники, а у насъ съ тобой только четыреста душъ, и тѣ заложенныя. Правда, у тебя есть, какъ ты пишешь, дядюшка, отъ котораго послѣ смерти достанется тебѣ тысяча восемьсотъ душъ, но въ животѣ и смерти Богъ воленъ: мы видимъ ежедневно примѣры, что молодые умираютъ, а старые живутъ... Да продлитъ Богъ дни твои, голубчикъ, къ моему утѣшенію; я это говорю только къ тому, что, надѣясь на чужое невѣрное, нельзя проживать свое вѣрное. Братцу еще только пятьдесятъ семь лѣтъ; онъ очень крѣпокъ въ своемъ здоровьѣ. Онъ далъ мнѣ за мою Агашку шестьсотъ рублей. Теперь за мной ходитъ Лизка, дочь Евграшки повара: дѣвка

добрая, старательная и безотвѣтная. Знаешь, что̀ мнѣ пришло въ голову: не послужитъ ли твое знакомство съ дѣтьми вельможъ въ твою пользу? нельзя ли тебѣ черезъ нихъ какъ-нибудь постараться, чтобъ тебя произвели въ камеръ-юнкеры? А деньги на мундиръ я какъ-нибудь сколочу. Тогда бы твой карьеръ былъ сдѣланъ и дядюшка смотрѣлъ бы на тебя другими глазами. (Пиши къ нему чаще и понѣжнѣе). Что̀ заговорили бы у насъ въ губерніи, если бъ это случилось! Мысль, что сынъ мой достигъ до такой высоты, сдѣлала бы меня вполнѣ счастливою. Стану молиться объ этомъ Богу: авось Создатель услышитъ мои грѣшныя молитвы...»

«Что, въ самомъ дѣлѣ?—подумалъ молодой человѣкъ:—у маменьки не дурна мысль! Ахъ, если бъ въ камеръ-юнкеры! У! Я сталъ бы тотчасъ выѣзжать въ первые дома, все къ князьямъ и посланникамъ, на Англійскую набережную. Вотъ тогда бы пройтись по Невскому-то! Я началъ бы непремѣнно ухаживать за княгинею Е**: она прехорошенькая. И какая у нея походка!.. Она гуляетъ по набережной, такъ, едва-едва прикасаясь ножками къ плитамъ, а слѣдокъ у нея узенькій и ножка крошечная!.. Я познакомился бы со всѣми здѣшними львами... Тогда ужъ не я волочился бы за Катериной Ивановной, а она волочилась бы за мною... Вхожу въ мраморную или атласную залу; тамъ кипитъ народъ... Я пробираюсь между генералами...»

— Кушать, сударь, готово!—сказалъ Гришка:—я взялъ двухрублевый обѣдъ.

— Въ какомъ трактирѣ?

— Въ «Неаполѣ»-съ.

— Вотъ мерзость! Я такого трактира и не слыхивалъ. Я думаю, ѣсть ничего нельзя.

— Отчего-съ? обѣдъ какъ слѣдуетъ. Посмотрите.

Баринъ отправился въ столовую.

Онъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ и продолжалъ думать:

«Черезъ кого, впрочемъ, попадешь въ камеръ-юнкеры?

директоръ нашъ не представитъ меня: онъ, говорятъ, на меня сердится за то, что я рѣдко хожу въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія тоже что-то посматриваетъ на меня косо... Князья и графы! Хорошо, если бъ я не шутя былъ знакомъ съ ними, а то я только такъ написалъ объ этомъ маменькѣ, чтобъ она деньги скорѣе выслала... Но я уже по тону ея письма вижу, что отказъ... Надо все-таки прочесть до конца.

«...Ты пишешь во всѣхъ трехъ письмахъ, сердце мое, о своихъ крайнихъ надобностяхъ и о скорѣйшей высылкѣ денегъ... Милый другъ мой, нечего говорить тебѣ, что я рада отдать послѣдній платокъ съ себя для твоего спокойствія; я не разъ доказывала это, удовлетворяя твои просьбы, и теперь готова была бы доказать, если бъ не бѣдственное положенія всего нашего края. Рожь послѣдніе три года сряду совсѣмъ была плохая, такъ что и на посѣвъ зеренъ не доставало; овсы еще туда - сюда, даже конопля нынѣшній годъ не уродилась, и. крестьяне, за неимѣніемъ ржи, кормятся лебедою. Проценты же въ ломбардъ слѣдуетъ платить аккуратно. Что станешь дѣлать? Тяжело, мой другъ, быть хозяйкой при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Вы же, молодые люди, неопытны и ничего не берете въ расчетъ, и думаете, что деньги у насъ въ деревняхъ изъ земли выростаютъ. Умоляю тебя, дружочекъ, если не хочешь огорчить свою мамашу, будь побережливѣе. Что-то Богъ дастъ на слѣдующій годъ, а съ осени всходы были нехороши...»

— Вотъ тебѣ и еще утѣшеніе! Всходы! Въ Петербургѣ не станешь разсказывать, что всходы нехороши. Здѣсь и не знаютъ, что такое всходы, а кричатъ «подавайте денегъ!»

Молодой человѣкъ началъ грызть ногти отъ досады.

«... Куда же такъ скоро ты прожилъ тѣ двѣ тысячи рублей, что я четыре мѣсяца назадъ прислала тебѣ? Еще кромѣ четырехъ тысячъ рублей, которыя высылаю тебѣ ежегодно, ты получаешь двѣ тысячи пятьсотъ рублей жалованья въ такомъ маленькомъ чинѣ;—трудись, можетъ быть тебѣ и еще прибавятъ, когда повысятъ. Безъ трудовъ, другъ мой, жить нельзя. Ты увѣдомляешь, что завелъ лошадку,—это ничего;

при твоемъ знакомствѣ нельзя точно быть безъ лошадки, да не обманываетъ ли тебя кучеръ? знаешь ли ты цѣны овса и сѣна?..»

«Двѣ тысячи пятьсотъ рублей жалованья!.. Охота же мнѣ было нахвастать,—думалъ молодой человѣкъ:—я ни копейки не получаю. Лошадку! У меня не одна, а двѣ лошадки, да объ другой-то я не хотѣлъ написать...»

«...Сколько ты платишь кучеру въ мѣсяцъ? Не лучше ли будетъ, если я вышлю тебѣ старика Ермолая: онъ ужъ ничего барскаго не украдетъ, а напротивъ, будетъ все беречь и соблюдать во всемъ экономію. Наемному же человѣку что за охота беречь господское добро? Крѣпостной всегда лучше, потому что онъ въ отвѣтѣ. Ермолай ѣздитъ хорошо, онъ былъ кучеромъ при отцѣ твоемъ...»

— Нѣтъ, покорно благодарю; я срамиться не намѣренъ, не хочу, чтобъ на меня пальцами указывали, когда я буду кататься по Невскому или по Англійской набережной.

«... Доволенъ ли ты Гришкой? Не давай ему много воли и не балуй его; пуще всего, чтобъ у него не были въ рукахъ деньги. Тысячу пятьсотъ рублей, по просьбѣ твоей, я выслать тебѣ никакъ не могу, а восемьсотъ рублей пришлю съ первою почтою: себѣ оставлю только сто рублей; триста же рублей далъ мнѣ взаймы добрый и милый сосѣдъ нашъ Семенъ Никифорычъ Колпаковъ... Онъ только узналъ, что тебѣ нужны деньги, сейчасъ вызывался ссудить меня послѣдними тремя стами, которые у него были. Напиши къ нему письмо поласковѣе и поблагодари его за это и за участіе, которое онъ принимаетъ во мнѣ; также купи самую модную жилетку, которую и вышли немедленно: я хочу подарить ему. Надо быть благодарнымъ, дружочекъ;—благодарность выше всего. Семенъ Никифоровичъ человѣкъ рѣдкій: онъ угождаетъ мнѣ и ухаживаетъ за мною, какъ родной. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ чужіе, право, лучше родныхъ. У меня что-то глаза становятся слабы, съ трудомъ веду хозяйственныя книги: видно, старость приходитъ; въ мартѣ мнѣ сорокъ шестой годъ пойдетъ. Сходи ко Всѣхъ Скорбящихъ Божіей

Матери и помолись за меня. Цѣлую тебя, мой ангелъ Петенька, безъ счету и обнимаю тебя. Береги свое здоровье, драгоцѣнное для меня, и не бросай попусту деньги.

«Остаюсь твоя мать и другъ
Прасковья Разнатовская».

Петръ Александровичъ окончилъ письмо, проглотилъ засушенное миндальное колечко, выпилъ стаканъ краснаго, зѣвнулъ, сказалъ самому себѣ: «ну, по крайней мѣрѣ, хоть восемьсотъ!» и задремалъ.

Гришка собралъ со стола, докушалъ барскіе остатки, снялъ со стѣны семиструнную гитару и принялся наигрывать «барыню».

Петръ Александровичъ въ просонкахъ услышалъ эти звуки, разсердился и закричалъ.

— Гришка!

— Чего-съ?—отозвался Гришка изъ своего чулана.

— Ты музыкой забавляешься?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— И отпираешься еще, дуракъ! Кто жъ это бренчитъ? Ты, кажется, помѣшался. Баринъ почиваетъ, а ты изволишь шумѣть.

Послѣ этого Петръ Александрычъ снова погрузился въ дремоту, и въ квартирѣ его воцарилось безмолвіе. Минутъ черезъ десять громкое и неровное храпѣніе слуги слилось съ тихимъ и однозвучнымъ храпѣніемъ барина.

Въ восьмомъ часу баринъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ нѣсколько разъ потянулся.

— Какой пріятный сонъ! Я видѣлъ Катерину Ивановну, точно наяву, будто я цѣлую у нея руку,—а она мнѣ говоритъ: «Шалунъ! что вы дѣлаете? перестаньте», а я и не слушаю ее и... и... все это очень можетъ случиться!

Мечты его были прерваны звономъ колокольчика въ передней. Въ комнату вбѣжалъ офицеръ съ серебряными эполетами...

— А я къ тебѣ, мон-шеръ. Что ты дѣлаешь?

— Ничего.

— И я ничего... Что это ты сидишь въ потемкахъ?

— Да такъ, заснулъ, братецъ... Гришка! свѣчей.

Свѣчи принесли.

— Куда ты вечеромъ, мон-шеръ?

— Не знаю; а ты?

— Не знаю. Въ «Сильфиду» не поѣдешь?

— Нѣтъ, братецъ, надоѣла.

— И мнѣ, мон-шеръ, надоѣла: я десять разъ сряду ее видѣлъ.

— Я сегодня былъ у Бобыниныхъ съ визитомъ.

Минуты двѣ молчанія. Офицеръ прошелся по комнатѣ и запѣлъ:—Тра-ла-ла, тра-ла-ла!..

— А вѣдь *она* хорошенькая, — сказалъ Петръ Александрычъ.

— Кто?

— Катишь Бобынина

— Да! Ахъ, я тебѣ не говорилъ: мы вчера вечеромъ съ Митей таскались, таскались по Невскому, да и вздумали вдругъ зайти къ Доминику поужинать... Двѣ бутылки шампанскаго выпили.

— Катишь мнѣ говорила сегодня—мы съ ней долго сидѣли вдвоемъ,—что ей скучно, что ей надоѣли балы. Все говоритъ, это вздоръ, сердце ищетъ чего-то, и она такъ страстно посмотрѣла на меня, и потомъ сказала: пріѣзжайте ко мнѣ на-дняхъ вечеромъ; я буду одна. Это не дурно, братецъ?..

— Гм!. Не сыграть ли намъ въ банчикъ?..

— Пожалуй... У меня теперь денегъ нѣтъ; впрочемъ, я сейчасъ получилъ письмо отъ матери изъ деревни: она пишетъ, что высылаетъ мнѣ четыре тысячи. Нѣтъ ли у тебя рублей двадцати пяти? мнѣ только на нѣсколько дней.

— Съ удовольствіемъ, мон-шеръ, съ удовольствіемъ.

Офицеръ схватился за боковой карманъ.

— Ахъ, канальство! бумажникъ-то я свой позабылъ дома! У меня деньги есть: я на прошедшей недѣлѣ получилъ отъ отца пятьсотъ рублей карманныхъ... Сыграемъ же въ бан-

чикъ; если проиграешь, отдашь мнѣ послѣ, если я проиграю, то завтра пришлю. Что время попусту терять? а?

— Разумѣется... Гришка, мѣлки и карты!

— Неиграиыхъ картъ нѣтъ-съ, надо сходить въ лавочку.

— Ну, подай играныя. Не все ли равно?

Игра началась. Мѣлки пришли въ дѣйствіе, карты загибались и отгибались. Ни Петръ Александрычъ, ни офицеръ не замѣтили, какъ пролетѣло время. Ихъ ужъ и ко сну клопитъ. Петръ Александрычъ въ выигрышѣ.

— Который часъ?

Офицеръ посмотрѣлъ на часы.

— Вообрази, мон-шеръ, три часа.

— О-го! Не перестать ли?

— Какъ хочешь, сколько я проигралъ тебѣ?

Петръ Александрычъ принялся считать.

— Сто одинъ рубль.

— Только? я полагалъ больше. Адьё.

«Славно! право славно! — подумалъ Петръ Александрычъ, провожая офицера:—мнѣ и въ любви и въ картахъ начинаетъ везти!»

ГЛАВА III.

Кучеръ въ васильковой шубѣ и глазетовомъ кушакѣ.—Будуаръ госпожи средняго сословія.—Добродѣтельный человѣкъ съ огромнымъ ртомъ.

Прошелъ день, другой, третій; офицеръ съ серебряными эполетами не является и не шлетъ денегъ. По прошествіи четырехъ дней Петръ Александрычъ написалъ письмо къ офицеру:

«Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ, а изъ деревни я еще не получилъ. Сдѣлай одолженіе, mon cher ami, пришли сто рублей, которые ты намедни проигралъ мнѣ. Что новенькаго? Вчера я былъ у Бобыниныхъ. Молодецки иду на приступъ, все говорилъ съ ней о любви. Ахъ, женщины!

женщины! что, если бъ не было на свѣтѣ женщинъ? Моя Катишь меня съ ума сводитъ. Въ ожиданіи ста рублей.

Tout à vous
П. Р.»

Петръ Александрычъ запечаталъ письмо и написалъ на конвертѣ:

Monsieur
Monsieur
de Anisieff.

— Кучеру новую шубу принесли-съ,—сказалъ Гришка.

— Принесли?

Петръ Александрычъ вдругъ оживился и вскочилъ со стула.

— Вели же ему поскорѣй одѣться и притти сюда.

Кучеръ явился въ свѣтловасильковой шубѣ, отороченной кошкой. Его сопровождалъ портной съ яркопунцовой шапкой въ рукѣ: на шапкѣ лежали глазетовые и парчевые кушаки.

У Петра Александровича разбѣжались глаза. Прежде онъ бросился къ кучеру, потомъ къ портному, и шуба хороша, а шапка прелесть, и кушаки блестящіе!

Шуба сшита удивительно.

— Застегни-ка, Васька, ее на всѣ пуговицы да надѣнь шапку.

Петръ Александрычъ обошелъ кругомъ кучера.

— Славно!..

— Какой бы только кушакъ выбрать? (его взяло раздумье) парчевый ли съ цвѣтами, или просто глазетовый золотой?

— А кушаки, любезный, какіе моднѣе?—спросилъ онъ у портного въ нерѣшительности.

— Это ужъ, батюшка, всѣ самые княжескіе, самые послѣдніе. Какой вамъ приглянется; по-нашему, все единственно, что тотъ, что другой.

— Ну, я возьму глазетовый; только знаешь, любезный, надобно его сложить пошире, на два пальца еще прибавить, такъ онъ будетъ виднѣе. Сложи-ка теперь... Вотъ такъ...

Портной подалъ счетъ барину и началъ повязывать кучеру кушакъ.

Баринъ, не смотря, бросилъ счетъ на столъ и подумалъ: «Блесну же я теперь передъ Катериной Ивановной! Пущу же я ей пыль въ глаза! Кучера не у многихъ и аристократовъ такъ одѣты».

— Васька, смотри же, беречь платье. Я сейчасъ поѣду: поди поскорѣй, заложи, да все новое и сбрую новую...

Кучеръ ушелъ...

— А касательно счетца-то-съ?—замѣтилъ портной.

— Да! да!

Петръ Александрычъ взялъ счетъ со стола и началъ его внимательно разсматривать...

— Двѣсти девяносто пять рублей?

— Точно такъ-съ.

— Хорошо, любезный, хорошо...

— Сейчасъ пожалуете?

— Нѣтъ... то-есть... не сейчасъ... у меня, вотъ видишь ли, и есть деньги, но одинъ пріятель взялъ до вечера. Завтра пришлю... на-дняхъ непремѣнно....

«Охотничій кафтанъ!» подумалъ Петръ Александрычъ, садясь въ сани съ сіяющимъ лицомъ.

У тротуара на Англійской набережной онъ вышелъ, а санямъ приказалъ ѣхать за нимъ, не отставая.

Прогуливаясь, онъ безпрестанно оглядывался назадъ.

— Васька, держись прямѣе! у тебя какая-то странная посадка.

Кучеръ выпрямился.

— Послушай, братецъ, спусти кушакъ немного пониже...

Навстрѣчу онагру попался Дмитрій Васильичъ.

Дмитрій Васильичъ шелъ съ Владиміромъ Матвѣичемъ Завьяловымъ, съ тѣмъ самымъ, который извѣстенъ былъ въ нѣкоторыхъ среднихъ кружкахъ петербургскаго общества подъ именемъ *прекраснаго человѣка*. Они съ жаромъ о чемъ-то разсуждали.

— Мое почтеніе, Дмитрій Васильичъ!—сказалъ онагръ.

— А! это вы, гуляете?

— Гуляю-съ.

— Это не вашъ ли такой блестящій кучеръ!

— Мой-съ.

— Мотаете, молодой человѣкъ, мотаете! А маменька жалуется на неурожаи... До свиданья!

Петръ Александрычъ поморщился.

— Что ему за дѣло, мотаю я или нѣтъ? Однако кучера-то онъ не могъ не замѣтить; видно эффектно одѣтъ. Не съѣздить ли мнѣ къ Катеринѣ Ивановнѣ? теперь вѣрно у нея никого нѣтъ. Поѣду!..

Въ дверяхъ будуара Катерины Ивановны онъ встрѣтился съ господиномъ очень высокаго роста, плечистымъ, худощавымъ, но крѣпкаго сложенія, съ лицомъ смуглымъ и съ черными усами. На этомъ господинѣ былъ темный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, крѣпкій, волосяной галстукъ и казацкія широкія шаровары.

Этотъ господинъ посмотрѣлъ на онагра, подернулъ бровями и расправилъ усъ.

Онагръ съ чувствомъ собственнаго достоинства застегнулъ пуговицу своей желтой лакированной перчатки и отвѣтствовалъ усачу величавымъ взоромъ, въ которомъ выразилась вся безконечность свѣтской гордости.

«Что это за человѣкъ?—подумалъ онъ:—я его встрѣчаю въ третій разъ у Катерины Ивановны; какъ можно принимать *такихъ?*

Въ будуарѣ г-жи Бобыниной царствовалъ полусвѣтъ. Цвѣтныя стекла въ половину закрывали окна; между оконъ стояла массивная горка съ амурами, огонекъ тлѣлъ въ каминѣ.

Она, въ широкомъ пеньюарѣ, сидѣла на штофномъ диванѣ, въ одномъ изъ тѣхъ граціозныхъ положеній, о которыхъ такъ хорошо разсказываютъ русскіе свѣтскіе повѣствователи.

Она одна!

Медленно, неохотно приподнялась она отъ эластической спинки дивана, увидѣвъ онагра...

— Pardon!—сказала она молодому человѣку, прикоснув-

шись двумя пальчиками къ пеньюару:—что я такъ принимаю васъ; я не совсѣмъ здорова, но для короткихъ знакомыхъ можно позволить себѣ, я думаю, эту небольшую вольность.

Онагръ поправилъ свою голубую жилетку и нодумалъ:

«Браво! да она, кажется, очень неравнодушна ко мнѣ!»

Онъ отвѣчалъ:

— Помилуйте, мнѣ гораздо пріятнѣе, что вы... только не обезпокоилъ ли я васъ!.. Сейчасъ на Англійской набережной видѣлъ Дмитрія Васильича....

— Право?

— А какъ вѣтрено сегодня, вы не можете себѣ представить,—такой рѣзкій вѣтеръ съ моря.

— Неужели?

— Вотъ у насъ очень тепло: безподобное изобрѣтеніе каминъ. Не будете ли вы въ среду у Калпинской?.. Тамъ иногда бываетъ пріятно.

— Въ среду... что у насъ сегодня?

— Суббота.

— Да, я непремѣнно у нея буду...

«Какъ бы придраться, чтобъ поговорить о любви?»—подумалъ онагръ, перевертывая шляпу.

— Вашъ будуаръ,—началъ онъ, осматривая потолокъ и стѣны:—убранъ съ большимъ вкусомъ; это маленькій храмъ... Изъ него выйти не хочется.

Онагръ пристально посмотрѣлъ на свою богиню.

— И этотъ полусвѣтъ,—продолжалъ онъ,—такъ располагаетъ къ мечаніямъ, къ лю...

— Господинъ Иконинъ,—сказалъ слуга.

«Чортъ возьми!—подумалъ онагръ:—я только было расходился, чудесныя фразы пришли въ голову, а тутъ кого-то нелегкое принесло, какъ нарочно».

— Проси,—сказала Катерина Ивановна слугѣ, накидывая на себя шаль и поправляя волосы.

— Кто это такой Иконинъ?

— Одинъ отличный старичокъ, добродѣтельной жизни, немножко странный, впрочемъ,- онъ имѣетъ важное мѣсто на службѣ.

Въ комнатѣ показался человѣкъ небольшого роста, пожилой, съ коротко подстриженными волосами, съ большими карими глазами и съ огромнымъ ртомъ, въ вицъ-мундирѣ, съ пуфами на рукавахъ. Онъ молча подошелъ къ ручкѣ Катерины Ивановны, потомъ голова его покачнулась на неподвижномъ туловищѣ, какъ у автомата; потомъ ротъ раздвинулся до ушей, а вѣки захлопали—это была улыбка.

— Какъ я рада васъ видѣть, Филиппъ Иванычъ!—сказала ему хозяйка.

— Покорно благодарю-съ.

— Милости прошу садиться.

Катерина Ивановна придвинула для него стулъ къ дивану.

При взглядѣ на онагра голова добродѣтельнаго старичка съ огромнымъ ртомъ снова покачнулась. Онъ сѣлъ.

Полминуты безмолвія.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ-съ?

— Слава Богу!

— А супругъ вашъ-съ?

— И онъ слава Богу; его нѣтъ дома.

— На службѣ-съ?

— Кажется.

— Много, я полагаю, занятій-съ у Дмитрія Васильича?

— Очень много.

За симъ послѣдовала минута молчанія, послѣ которой добродѣтельный старичокъ съ огромнымъ ртомъ вынулъ изъ кармана двѣ тоненькія брошюрки нравственнаго содержанія.

— Вотъ-съ я вамъ принесъ-съ. Прекрасныя рѣчи-съ, весьма краснорѣчиво написанныя. Не угодно ли-съ я вамъ прочту.

— Сдѣлайте милость, Филиппъ Иванычъ; вы знаете, что я люблю все нравственное.

Онъ развернулъ одну брошюрку и началъ читать...

Чтеніе продолжалось три четверти часа. Онагръ повертывался на стулѣ и, кусая губы, смотрѣлъ на свою желтую перчатку.

— Что вы никогда не пріѣдете къ намъ на вечеръ, Фи-

липпъ Ивановичъ? — сказала Катерина Ивановна послѣ чтенія.

— Покорно благодарю-съ; я на вечера не ѣзжу-съ...

— Правда, вамъ наши свѣтскія собранія кажутся тягостными и ничтожными...

Катерина Ивановна вздохнула.

— Счастливъ, кто можетъ вести такую добродѣтельную жизнь, какъ вы!

Филиппъ Иванычъ покачнулъ голову.

Вслѣдъ за этимъ онъ завелъ рѣчь о производствѣ одного начальника отдѣленія въ вице-директоры, одного коллежскаго совѣтника въ статскіе совѣтники, о любви къ ближнему и о безнравственности современной литературы. Потомъ онъ приподнялся, совершилъ свой обычный обрядъ приложенія къ ручкѣ и ушелъ. Катерина Ивановна провожала его до дверей залы.

— Вотъ человѣкъ!—сказала она онагру, возвратясь въ будуаръ:—такихъ людей мало; что за умъ, что за ученость! и притомъ это истинно-добродѣтельный человѣкъ.

— Да, это сейчасъ видно,—отвѣчалъ онагръ.

«Терпѣть не могу «этакихъ»,—подумалъ онъ:—только мѣшаютъ волочиться; очень пріятно слушать ихъ проповѣди!»

Вошелъ слуга.

— Баринъ васъ проситъ къ себѣ, сударыня; онъ сейчасъ пріѣхалъ.

Катерина Ивановна сказала онагру:

— Извините, до свиданія, — и выпорхнула изъ комнаты, какъ птичка.

«Если бы не этотъ проклятый чтецъ, можетъ быть, сегодня», подумалъ онагръ...

— Васька! пошелъ куда-нибудь... ну, хоть на Дворцовую набережную, а тамъ на Невскій—и домой... Васька, что, я думаю, другіе кучера теперь смотрятъ на тебя?

— Какъ же-съ! сейчасъ, Пётръ Александрычъ, два господина спрашивали, чьи сани.

— Хорошо одѣтые?

— Да-съ. Должно быть важные господа.

Онагръ улыбнулся.

ГЛАВА IV.

Петербургскія увеселенія. — Ростовщикъ. — Любовь онагра. — Кредиторы. — Письмо.

— Въ Петербургѣ очень весело!—сказалъ Петръ Александрычъ, пересчитывая восемьсотъ рублей, присланные ему изъ деревни:—да надолго ли здѣсь этихъ денегъ? Посмотримъ, надолго ли?

Онъ положилъ деньги въ карманъ и поѣхалъ завтракать къ Доминику, обѣдать къ Дюме; послѣ обѣда сѣлъ играть въ домино на шампанское, потомъ въ Большой театръ.

Въ театрѣ онъ въ ложѣ у Катерины Ивановны... Она разодѣта, какъ на балъ: руки ея закованы въ браслеты, грудь открыта, на головѣ чалма съ золотыми кистями. Возлѣ нея сидитъ Анна Львовна, сестра Настасьи Львовны *), которая иногда гоститъ въ домѣ Бобыниныхъ и разливаетъ чай для гостей и которую иногда Катерина Ивановна удостоиваетъ чести брать съ собою въ театръ. Анна Львовна въ ложѣ у Бобыниной точно въ раю: это для нея рѣдкій праздникъ! все, что есть у нея лучшаго, она надѣла на себя... И лорнетъ въ ея рукѣ, и пудра сыплется съ лица...

Петръ Александрычъ навелъ зрительную трубку на какую-то танцовщицу и сказалъ Катеринѣ Ивановнѣ:

— *Ма фуа! эль не дансъ па маль!..*

Катерина Ивановна обратилась къ нему и отвѣчала:

— Oui.

Онъ посмотрѣлъ на нее страстно, онъ глазами заговорилъ ей о любви своей... А въ глубинѣ ложи сидѣлъ безмолвно господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, улыбался самъ съ собой, поводилъ усами и расправлялъ усы.

---

*) См. повѣсть „Прекрасный человѣкъ“.

А въ первомъ ряду креселъ съ правой стороны счастливый офицеръ съ золотыми эполетами, вооруженный телескопомъ, рукоплескалъ фигуранткамъ, упивался взглядами своей толстой Маши и восхищался легкостью ея ногъ, которыя онъ, для поддержанія собственнаго достоинства, называлъ ножками.

А офицеръ съ серебряными эполетами бѣгалъ между креселъ по ногамъ и бормоталъ: «пардонъ» и «пермете».

— Извини, мон-шеръ,—говорилъ онъ Петру Александрычу, столкнувшись съ нимъ въ буфетѣ: — что я не прислалъ тебѣ ста рублей, которые проигралъ; вообрази, меня обокралъ лакей: всѣ пятьсотъ рублей унесъ и много золотыхъ вещей... Я на-дняхъ тебѣ пришлю, честное слово.

Спектакль кончился. За ужиномъ у Леграна Петръ Александрычъ разсказывалъ офицеру съ золотыми эполетами о томъ, какъ офицеръ съ серебряными эполетами проигралъ ему триста рублей и не платитъ.

— Не понимаю, — прибавилъ онъ: — какъ можно играть, когда нѣтъ денегъ!..

Черезъ двѣ недѣли, считая съ этого ужина, изъ восьмисотъ рублей, присланныхъ маменькой, въ кошелькѣ у онагра осталось только одинъ рубль семьдесятъ-пять копеекъ.

Грустно посмотрѣлъ онъ на свою единственную монету, пощелкалъ языкомъ и подумалъ: «надо занять хоть тысячи двѣ... только дастъ ли этотъ проклятый Шнейдъ? Я и безъ того ему долженъ. Загадаю».

Онъ пустилъ монету по столу.

— Если ляжетъ орломъ, такъ дастъ, а если рѣшеткой, такъ нѣтъ.

— Орелъ! орелъ!.. А если не дастъ? что будешь дѣлать?

Онъ принудилъ себя выкурить сигару,—трубка ему опротивѣла, потому что у Дюме онъ не видалъ ни одного льва съ трубкой, прошелся по комнатѣ, свистнулъ раза два или три и отправился къ Шнейду... Голова у него кружилась отъ сигары, но онъ сказалъ самому себѣ:

— Что за бѣда! привыкну; трубку курить—*mauvais genre*!

У воротъ ростовщика онъ повстрѣчался съ тѣмъ статскимъ, у котораго было сморщенное лицо и изнѣженныя движенія.

— Мосье Разнатовскій, куда вы?—спросилъ онъ, по своему обыкновенію, въ носъ.

Онагръ немного смутился.

— Я... такъ... нужно къ одному знакомому... а вы?

— Я отъ Шнейда—моего повѣреннаго. Au plaisir...

«Та-та-та! — подумалъ Петръ Александрычъ: — повѣренный! знаемъ мы эти штуки: просто, братъ, занималъ деньги...»

Ростовщикъ прохаживался по своей залѣ, уставленной бронзой и дорогими мебелями.

Онъ самъ отворилъ дверь.

— Здравствуйте, Адамъ Иванычъ, — сказалъ онагръ съ непринужденною улыбкою, сбрасывая съ себя шинель, а между тѣмъ сердце у него такъ и билось.

— Мое почтеніе, — сухо отвѣчалъ ростовщикъ.

— Что, любезный Адамъ Иванычъ, какъ вы поживаете?

— Помаленьку.

— А я встрѣтилъ у вашихъ воротъ моего пріятеля... штатскій, какъ бишь его фамилія... всегда позабываю... у него такое сморщенное лицо... онъ отъ васъ сейчасъ вышелъ.

— Анинъ?

— Да, да... Что, вѣрно, къ вамъ за деньгами пріѣзжалъ?

— Нѣтъ, ему не надо занимать; у него много денегъ.

— А зачѣмъ же онъ былъ у васъ?

— Онъ нанимаетъ форейтора черезъ одного моего знакомаго.

— А-а-а! У меня до васъ...—Петръ Александрычъ закашлялся...—Какія у васъ прекрасныя бронзы, Адамъ Иванычъ, я думаю, дороги? Пріятно украсить комнаты такими вещами.

— Да, вещи недурныя: канделябры рококо стоятъ двѣ тысячи, а часы въ послѣднемъ вкусѣ,—они называются какъ-то мудрено,—четыре тысячи рублей. Я, пожалуй, продамъ ихъ, если сыщутся охотники... Не знаете ли вы кого? У меня нѣтъ ничего завѣтнаго: эти продамъ, другіе достану.

— Конечно... Гм...—Петръ Александрычъ снова закашлялся.—Я... къ вамъ... съ маленькой просьбой.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ нужна... не... небольшая сумма на полгода...

— Вы мнѣ еще должны. Черезъ мѣсяцъ срокъ вашему заемному письму,—сказалъ ростовщикъ, понюхавъ изъ золотой табакерки.

— Я знаю... но я хотѣлъ просить васъ отсрочить и переписать заемное письмо, вмѣстѣ съ тѣми, которыя я хочу занять теперь.

— Нѣтъ, прежде старый долгъ отдайте.

— Я съ большимъ бы удовольствіемъ, но маменька мнѣ тысячъ пять пришлетъ только тогда, когда продастъ хлѣбъ... а теперь... Я не знаю, будутъ ли у меня деньги черезъ мѣсяцъ.

— Мнѣ-то что за дѣло, когда ваша маменька продастъ хлѣбъ? Зачѣмъ же вы занимали? Если вы черезъ мѣсяцъ не заплатите, я представлю заемное письмо ко взысканію.

— Помилуйте, Адамъ Иванычъ! я, клянусь вамъ, веду свои дѣла аккуратно, только неурожаи... У меня имѣніе прекрасное: четыреста душъ.

— Это имѣніе вашей маменьки, а не ваше.

— Ей Богу, мое... все мое...

— У васъ есть документы?

— Какіе документы?

— На это имѣніе, что оно принадлежитъ вамъ?

— Всѣ бумаги въ деревнѣ у маменьки; я, если хотите, выпишу ихъ.

— Зачѣмъ? Не безпокойтесь: у меня нѣтъ денегъ. Я не могу дать вамъ ни гроша.

У онагра замерло сердце.

— Ради Бога, Адамъ Иванычъ, возьмите съ меня какіе хотите проценты... Мнѣ только на полгода: вы меня этимъ вполнѣ обяжете; я... мнѣ крайняя нужда...

— Извините, не могу.

Ростовщикъ подошелъ къ двухтысячнымъ канделябрамъ,

стряхнулъ съ нихъ пыль своимъ носовымъ платкомъ и потомъ обратился къ онагру.

— У васъ нѣтъ залога?

— Нѣтъ.

— Кто же вамъ дастъ въ займы такъ?

— Отчего? У меня есть дядя, у котораго двѣ тысячи восемьсотъ душъ: я его единственный наслѣдникъ, и маменька пишетъ, что копитъ мнѣ деньги.

Ростовщикъ улыбнулся.

— Когда вашъ дядюшка и ваша маменька скончаются, тогда я вамъ и дамъ взаймы.

Петръ Александрычъ нѣсколько обидѣлся и хотѣлъ итти.

Ростовщикъ остановилъ его.

— А сколько вамъ нужно?

Петръ Александрычъ встрепенулся.

— Двѣ тысячи.

— Это много, не могу.

— Ну, хоть полторы?

— И этого много. Я, такъ и быть, на рискъ дамъ тысячу двѣсти, не больше только какъ на шесть мѣсяцевъ....

— Честное слово, я еще, можетъ быть, прежде срока отдамъ;—я не знаю, какъ благодарить васъ, любезный Адамъ Иванычъ.

— Погодите; вѣдь я еще вамъ ихъ не далъ.

— Полноте шутить, Адамъ Иванычъ.

— Вы у меня брали пятьсотъ рублей; процентовъ на нихъ за полгода приписано триста рублей, всего вы мнѣ должны девятьсотъ двадцать пять рублей. Такъ?

— Такъ-съ.

— Вы не можете мнѣ заплатить теперь проценты?

— Теперь нѣтъ...

— Хорошо. Нечего съ вами дѣлать, я подожду еще полгода: на девятьсотъ двадцать пять рублей я менѣе семисотъ пятидесяти рублей взять не могу, какъ хотите.

— Я сказалъ, Адамъ Иванычъ, возьмите какіе хотите проценты.

— Менѣе я ни съ кого не беру безъ залога. Тысяча

шестьсотъ семьдесятъ пять рублей, да на тысячу двѣсти рублей за полгода процентовъ шестьсотъ тридцать рублей, а на шестьсотъ тридцать процентовъ триста двадцать... Всего придется вамъ отдать мнѣ черезъ полгода три тысячи... три тысячи... семь... восемьсотъ... двадцать пять рублей. Согласны?

— Согласенъ...

— Такъ напишите мнѣ сегодня заемное письмо на эту сумму, а старое я вамъ возвращу...

Черезъ часъ заемное письмо было написано, деньги получены, и онагръ сдѣлался попрежнему беззаботенъ и счастливъ, и попрежнему у него только одна мысль о соблазнительной красотѣ Катерины Ивановны и объ интригѣ съ свѣтской дамой.

Онъ вездѣ за нею—и въ театрѣ, и на гуляньѣ, и въ концертѣ, и у нея дома, и на балѣ у Горбачевыхъ, и на вечеринкѣ у вдовы Калпинской. Играетъ ли прекрасная на роялѣ, онъ, облокотившись на рояль, смотритъ на нее, томится и бормочетъ: charmant! Танцуетъ ли она съ другимъ, онъ непремѣнно около нея и безпрестанно съ нею заговариваетъ о томъ, что «сердце, полюбя однажды, не властно разлюбить». На эту тему настроены всѣ его разговоры съ нею. Дмитрія Васильича онъ нисколько не боится, хотя и не чувствуетъ въ себѣ особенной храбрости. Правда, Дмитрій Васильичъ очень нѣженъ съ своей супругой и не отказываетъ ей ни въ чемъ, но онъ рѣдко видится съ нею: у него столько занятій! Онъ или на службѣ, или на биржѣ, или играетъ въ вистъ съ генералитетомъ и толкуетъ о разныхъ коммерческихъ оборотахъ съ своимъ искреннимъ пріятелемъ, *прекраснымъ человѣкомъ*. На Петра Александрыча онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Все бы, кажется, хорошо, и Катерина Ивановна смотритъ на него довольно благосклонно, только рѣшительнаго объясненія между ними не было. Онъ ждетъ, чтобы она начала,—а она не начинаетъ: можетъ быть, и онъ рѣшился бы начать, да ему никакъ не удается застать ее наединѣ. Утромъ у нея сидитъ добродѣтельный старичокъ съ огромнымъ ртомъ, читаетъ ей свои

нравственныя сочиненія и толкуетъ о тлѣнности земныхъ благъ и о прочемъ; вечеромъ у нея безвыходно господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія... Несносный человѣкъ! сидитъ и молчитъ или вдругъ заговоритъ совсѣмъ не кстати: когда, бывало, у насъ въ полку, или когда, бывало, у насъ въ эскадронѣ; потомъ третъ свой подбородокъ о волосяной галстукъ, расправляетъ усы и,—о дерзость!—иногда даже въ присутствіи ея куритъ трубку... А мѣсяцъ уходитъ за мѣсяцемъ...

Впрочемъ Петръ Александрычъ не слишкомъ безпокоится о своей неудачѣ. У него воображеніе замѣняетъ дѣйствительность. Онъ необыкновенно живописно разсказываетъ своимъ друзьямъ-офицерамъ, и даже статскому съ изнѣженными движеніями, о своихъ короткихъ отношеніяхъ съ Катериной Ивановной, которую онъ называетъ то Катенькой, то Катишь. Для того же, чтобъ придать бóльшую вѣроятность своимъ разсказамъ, часто съ ранняго утра отправляетъ свои сани съ блестящимъ кучеромъ къ подъѣзду г-жи Бобыниной, съ приказаніемъ кучеру стоять тамъ до вечера. «Это хорошо,— думаетъ онъ;—пусть всѣ полагаютъ, что я у нея безвыходно!»

Офицеръ съ серебряными эполетами мучительно завидуетъ Петру Александрычу и, воспламененный его разсказами о Катеринѣ Ивановнѣ, начинаетъ также чувствовать къ ней нѣкоторое влеченіе и дѣлаетъ ей глазки сквозь очки.

Такъ проходитъ около года. Между тѣмъ долги онагра растутъ. Ему нѣтъ спасенья отъ кредиторовъ; онъ просыпается часу въ одиннадцатомъ, и хочетъ выбѣжать изъ дома,—но его передняя уже взята приступомъ. Въ передней страшный шумъ; голосъ Гришки заглушается нѣсколькими голосами. Петръ Александрычъ завертываетъ голову въ одѣяло и боится пошевельнуться. Къ тому же страшный ростовщикъ вооружилъ противъ него кварталъ—и образъ слѣдственнаго пристава сталъ являться предъ нимъ, какъ тѣнь Банко.

Однажды, въ самую отчаянную минуту для Петра Александрыча, когда онъ, блѣдный и совершенно потерянный,

стоялъ среди шорника, портного, золотыхъ дѣлъ мастера и сапожника, которые поочередно приступали къ нему съ угрозами,—Гришка, въ оборванномъ сюртукѣ, подалъ ему письмо.

— Отъ кого еще?.. Не напоминаетъ ли кто-нибудь о долгѣ? Почеркъ на конвертѣ незнакомый.

Съ трепетомъ распечаталъ онъ конвертъ...

— Это отъ маменьки!.. Извините, господа,—сказалъ онъ шорнику, портному, золотыхъ дѣлъ мастеру и сапожнику: — я сейчасъ только прочту это письмо и поговорю съ вами... Я заплачу вамъ всѣ деньги, ей Богу, всѣ черезъ недѣлю, черезъ нѣсколько дней... Посидите здѣсь...

Онъ вышелъ въ другую комнату и началъ читать письмо:

«Спѣшу увѣдомить тебя, другъ мой милый, Петенька, о несчастіи, постигшемъ насъ...»

У Петра Александрыча потемнѣло въ глазахъ.

— Несчастіе! А шорникъ, портной, золотыхъ дѣлъ мастеръ и сапожникъ сердито перешептываются между собою... Они, жестокосердые, не тронутся никакимъ несчастіемъ... А ростовщикъ и управа благочинія?..

«...Въ ночи съ 8 на 9 ноября волею Божіею скоропостижно скончался отъ удара братецъ Викторъ Яковлевичъ. Антошка, камердинеръ его, сказывалъ мнѣ, что наканунѣ за обѣдомъ братецъ слишкомъ много кушалъ буженины, которою онъ лакомился всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, и послѣ обѣда тотчасъ разсердился на буфетчика Прошку и побилъ его: еще, говорятъ, онъ никогда такъ не сердился. Натурально вся кровь бросилась въ голову, а желудокъ не успѣлъ сварить, отъ того и сдѣлался ударъ. То же думаетъ и уѣздный лекарь нашъ, а онъ въ своемъ дѣлѣ преискусный. Мнѣ къ утру дали знать объ этомъ горестномъ происшествіи. Я, въ чемъ была, сѣла въ коляску и, сама не помня какъ, доѣхала часамъ къ тремъ. Когда я увидѣла моего голубчика на столѣ, такъ и зарыдала и упала безъ памяти. Исправникъ нашъ, спасибо ему, поднялъ меня и далъ мнѣ понюхать спирту, потомъ, какъ слѣдуетъ, въ присутствіи его и другихъ земскихъ чиновниковъ, всѣ комоды и сундуки покойнаго опечатали. Деньгами нашли сто семьдесятъ пять

тысячъ ассигнаціями, серебряною и золотою монетою. Вчера только предали тѣло погребенію. Все было устроено прилично, и обѣдъ былъ хорошій и сытный; нарочно для сего вынули изъ погреба бутылокъ двадцать вина самаго лучшаго. Больше писать не въ силахъ, еще не могу оправиться отъ горести. Думаю, дружочекъ, что ты самъ не пріѣдешь сюда, а пришлешь на все мнѣ довѣренность. Зачѣмъ тебѣ забираться въ глушь отъ столичныхъ увеселеній?.. Цѣлую тебя, безцѣнное мое сокровище, и поздравляю съ наслѣдствомъ. Теперь ты сдѣлался богачомъ и можешь играть большую роль въ свѣтѣ, а мое материнское сердце, глядя на тебя, будетъ только радоваться... Не забудь отслужить по дяденькѣ панихиду».

Петръ Александрычъ прочелъ письмо, схватилъ себя за голову, осмотрѣлся кругомъ и сказалъ вполголоса:

— Что такое... это сонъ, или маменька шутитъ?

На лицѣ его выступили красныя пятна.

Онъ прочелъ письмо въ другой разъ, въ третій, схватилъ сигару и бросилъ ее, схватилъ шейный платокъ и сталъ повязывать его сверхъ галстука, потомъ снялъ и бросилъ.

— Такъ дяденька умеръ, въ самомъ дѣлѣ умеръ! У меня тысяча восемьсотъ душъ и сто... Сколько?—онъ посмотрѣлъ въ письмо:—сто семьдесятъ пять тысячъ денегъ!..

Въ ближней комнатѣ послышались голоса шорника, портного, золотыхъ дѣлъ мастера и сапожника...

Онагръ пришелъ наконецъ въ себя, значительно прищелкнулъ языкомъ и съ чувствомъ собственнаго величія, хоть еще съ мыслями не совсѣмъ ясными и съ растрепанной головой, вышелъ къ своимъ кредиторамъ.

— Вонъ всѣ, сейчасъ же всѣ!—сказалъ онъ повелительно:—деньги вамъ будутъ заплачены моимъ управляющимъ. Я получилъ тысячу восемьсотъ душъ и сто... шесть... семьдесятъ пять тысячъ денегъ...

Кредиторы сомнительно посмотрѣли другъ на друга.

Шорникъ шепнулъ нѣмцу-сапожнику:

— Извѣстно, хвастаетъ!

Нѣмецъ-сапожникъ возразилъ:

— Йа! Квастунъ! квастунъ!

Петръ Александрычъ, услышавъ это обидное слово, въ ужасномъ негодованіи затопалъ ногами и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Вонъ, всѣ вонъ!

Шорникъ прошепталъ:

— Ахъ, батюшки, помѣшался, помѣшался!—растолкалъ кулакомъ нѣмцевъ, толпившихся у двери, и первый выбѣжалъ на улицу.

Испуганные нѣмцы послѣдовали его примѣру.

ГЛАВА V.

Обаятельная оила денегъ.—Отрывокъ изъ петербургской философіи.—Маскарадъ въ Большомъ театрѣ.

Богъ знаетъ почему многіе изъ насъ пренебрегаютъ словомъ: *человѣкъ*. Это слово прекрасное и глубоко знаменательное, а оно, не имѣя никакого смысла отдѣльно, только съ тремя прибавленіями,—получаетъ въ нашемъ обществѣ важный смыслъ: человѣкъ *съ именемъ*, человѣкъ *съ чиномъ*, человѣкъ *съ деньгами*.

Имя, чинъ и деньги—великія три слова! Передъ ними открыты всѣ двери, имъ вездѣ поклонъ съ улыбкой, почетъ и привѣтъ, имъ—крѣпкое рукопожатіе, для нихъ незванная пламенная любовь и непрошенная искренняя дружба!

Укажите же, читатель мой, мѣсто среди насъ просто человѣку?

— *Человѣкъ!*—закричалъ онагръ, лежа въ неописанной нѣгѣ на вычурномъ и рѣзномъ диванѣ.

Гришка,—тотъ самый Гришка, который ходилъ въ засаленномъ и оборванномъ сюртукѣ, теперь завитой какъ баранъ, во фракѣ тонкаго сукна и съ аксельбантомъ, очень безпокоившимъ его, — явился предъ Петромъ Александрычемъ...

— Что, еще пе принесли вазы отъ Модерни?

— Нѣтъ, сударь.

— Хорошо, пошелъ!

«Гостиная у меня, кажется, не дурна,—подумалъ Петръ Александрычъ:—диванъ отъ Гамбса, бронзовые часы изъ англійскаго магазина, обои отъ Шефера... Ваза будетъ очень кстати... Всѣ любуются моей гостиной,—это очень пріятно! А какой фракъ сшилъ мнѣ Ручъ — у! какой фракъ!..»

Онагръ поднялся съ дивана. На немъ былъ красивый шелковый халатъ, малиновая бархатная шапочка съ золотою огромною кистью, болтавшеюся по глазамъ, и азіатскія туфли, безпрестанно сваливавшіяся съ ногъ.

Онагръ подошелъ къ окну... Снѣгъ падалъ на улицѣ хлопьями, вода съ шумомъ стекала на тротуаръ изъ желѣзныхъ жолобовъ. Барыня, приподнявъ салопъ, отважно переходила черезъ улицу, утопая въ грязи и въ снѣгѣ; коллежскій регистраторъ въ свѣтлосѣрой шинели съ кошачьимъ воротникомъ тащился, отряхиваясь и протирая глаза, залѣпленные снѣгомъ; горничная съ платкомъ на головѣ и въ кацавейкѣ бѣжала въ мелочную лавку; мастеровой, завернувшись въ свою синюю сибирку, исполински шагалъ чрезъ грязь и лужи...

— Бѣдные! и не боятся простуды! имъ ничего—грубый народъ! Я такъ выѣду сегодня въ каретѣ, иначе невозможно! А сильно таетъ; впрочемъ скоро весна; ужъ февраль на исходѣ.

Онагръ опять легъ на диванъ.

— Какія Гамбсъ славныя пружины дѣлаетъ. Мастеръ на это, нечего сказать. На другихъ мебеляхъ мнѣ что-то и сидѣть неловко... За кѣмъ бы приволокнуться? Знаю я одну премиленькую дѣвочку... впрочемъ и Катерину Ивановну не оставлю, ни за что не оставлю... Теперь она не уйдетъ отъ меня.

Такія мечты толпились въ головѣ онагра, и, убаюканный ими, онъ не слыхалъ, какъ очутился передъ нимъ Дмитрій Васильичъ Бобынинъ.

Онагръ немножко удивился этому неожиданному посѣ-

щенію. Онъ видѣлъ у себя въ первый разъ Дмитрія Васильича.

— Я давно къ вамъ собирался, милый мой Петръ Александрычъ,—сказалъ Дмитрій Васильичъ, пожавъ руку его съ особеннымъ чувствомъ:—да мои дѣла, хлопоты... Служба отнимаетъ у меня все время, такъ что я не могу посвятить его немногимъ искреннимъ пріятелямъ...

— Какъ въ своемъ здоровьѣ Катери́на Ивановна?

— Покорно васъ благодарю. Она здорова: маленькая у насъ что-то было прихворнула, теперь однако поправилась... Вы какъ поживаете?.. Кончены всѣ ваши хлопоты? вы ужъ введены во владѣніе?

— Введенъ...

— Ну и слава Богу... Maman-то вашей бѣдной сколько было дѣла! Прекрасное вамъ имѣньице досталось, прекрасное... Викторъ Яковличъ былъ хозяинъ,—вѣдь я его коротко зналъ. Село Долговка лучшее село въ губерніи: въ немъ 800 душъ, да земли—позвольте—земли... да... вѣрно около 9.000 десятинъ. Кажется, такъ?

— Право не знаю.

— Вамъ надо имѣть хорошаго управляющаго... у меня есть въ виду человѣкъ... мы объ этомъ когда-нибудь поговоримъ съ вами посерьезнѣе... отличный, надежный человѣкъ. Послушайте-ка, Петръ Александрычъ...

Бобынинъ взялъ онагра за руку и началъ прохаживаться съ нимъ по комнатѣ.

— Я душевно люблю и васъ и вашу маменьку и отъ всего сердца желаю вамъ добра... Позвольте мнѣ дать вамъ небольшой совѣтъ.

— Что такое-съ?

— Видите ли: теперь вы человѣкъ съ большимъ состояніемъ, всѣ невольно обращаютъ на васъ вниманіе... третьяго дня спрашивалъ о васъ одинъ директоръ—мой знакомый... вамъ бы хлопотать о хорошенькомъ мѣстечкѣ по службѣ; теперь для васъ это легко,—а то вы служите безъ жалованья, пештатное мѣсто...

— Помилуйте,—перебилъ онагръ наморщась:—Ѣздить всякій день въ департаментъ,—это смертная тоска.

— Кто жъ вамъ объ этомъ говоритъ? Сохрани Богъ! съ какой вамъ стати мучить себя!.. Вы теперь должны служить собственно только для блеска, гдѣ-нибудь по особымъ порученіямъ; честолюбіе будетъ удовлетворено,—и прекрасно.

— Это не дурно, Дмитрій Васильичъ!—сказалъ онагръ.— Какъ же бы это устроить?

— Ничего нѣтъ легче, и это намъ не Богъ знаетъ чего будетъ стоить; я переговорю съ директоромъ, мы это дѣльце и обработаемъ. Тогда я васъ увѣдомлю о подробностяхъ. Вамъ теперь можно устроить превосходно свою карьеру: о бѣдномъ хлопотать не станутъ; бѣдный самъ пробивается.

— Разумѣется для бѣдныхъ есть чернорабочія должности... Покорно васъ благодарю, Дмитрій Васильичъ; мнѣ безъ васъ это не пришло бы въ голову.

— Я всегда радъ вамъ служить, и маменька ваша будетъ этимъ довольна.

— Ужъ конечно!

Дмитрій Васильичъ посмотрѣлъ на часы.

— Ай-ай! Какъ я у васъ засидѣлся: четверть второго. Отъ васъ мнѣ еще нужно заѣхать на аукціонъ.

Дмитрій Васильичъ взялся за шляпу.

— Да!.. какъ вы думаете устроить вашъ капиталъ?

— Я какъ-нибудь... и самъ не знаю.

— Въ ломбардъ отдавать не сто́итъ... что́ четыре процента?.. Позвольте... ахъ! я и эту статью могу вамъ выгодно обработать. Безъ меня только не предпринимайте ничего рѣшительнаго, а то обманутъ. Прощайте, мой милый Петръ Александрычъ, не забывайте насъ,—до свиданія. Да безъ церемоніи являйтесь къ намъ, мы всегда вамъ рады, какъ родному. Не безпокойтесь: въ передней у васъ немного холодно, простудиться можно.

«Чудесный человѣкъ этотъ Бобынинъ! — подумалъ онагръ:—отчего же онъ мнѣ прежде не совсѣмъ нравился?»

Лишь только вышелъ Дмитрій Васильичъ, какъ дверь изъ передней съ шумомъ отворилась и въ залу онагра вбѣ-

жали офицеръ съ золотыми эполетами и офицеръ съ серебряными эполетами.

— А, друзья! откуда?

— Я объявлю тебѣ новость, братецъ,—сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами, бросаясь на стулъ:—я съ Машей совсѣмъ покончилъ, рѣшительно поссорились; надоѣла, все ревнуетъ. Знаешь фигурантку Лизу? такая быстроглазенькая, съ лѣвой стороны, во второй парѣ третья съ края; я началъ волочиться за нею,—вчера получилъ отъ нея записочку. Хочешь покажу?

Офицеръ съ серебряными эполетами ходилъ по комнатѣ и разсматривалъ новыя мебели и вещи въ гостиной онагра.

— Славные часы! что́ ты, мон-шеръ, заплатилъ за часы?

— Не знаю, не дорого; кажется, рублей тысячу.

— Гм!.. И диванъ прелестный, а что за диванъ заплатилъ?

— Четыреста.

— Гм!.. Надо мнѣ купить себѣ этакій. А эти кресла съ желѣзной спинкой?

— Сто съ чѣмъ-то, съ какой-то бездѣлицей.

— Гм!.. цвѣтъ сукна, мон-шеръ, мнѣ не нравится: напрасно ты не взялъ вер-де-помъ, у всѣхъ вер-де-по́мъ.

— Посмотри, братецъ,—сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами онагру, вынимая изъ кармана сафьянную коробочку и открывая ее:—купилъ для Лизы гранатовую браслетку. Не дурна? какъ ты находишь?.. Что́ твоя Катишь подѣлываетъ? Вы съ ней все попрежнему?

— Попрежнему? Чего! съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывается ко мнѣ. Не знаю, чѣмъ это кончится!

— А Дмитрій Васильичъ?

— Онъ у меня сейчасъ былъ.

— Мы его встрѣтили. Мастерски ты, Петя, ведешь себя: и съ мужемъ пріятель, и съ женой... Богатые дядюшки у тебя умираютъ...

— И мнѣ, можетъ быть, скоро достанется 500 душъ,—замѣтилъ офицеръ съ серебряными эполетами.

— Полно, братецъ, сочинять: я шестой годъ слышу отъ тебя это всякій день.

— Что жъ шестой годъ! я не сочиняю...

— Не хотите ли завтракать, господа?—сказалъ онагръ.

— Пожалуй, я отъ завтрака никогда не отказываюсь.

Офицеръ съ золотыми эполетами взялъ онагра за талію, приподнялъ его и произнесъ съ особеннымъ чувствомъ, которое передать невозможно:

— Ахъ, душечка, если бъ ты увидѣлъ Лизу!

Завтракъ былъ на славу; однако всѣ трое болѣе пили, чѣмъ кушали.

— Въ воскресенье, messieurs, маскарадъ въ Большомъ театрѣ. Страсть моя маскарады: я все хожу въ маскарадахъ съ французскими актрисами,—сказалъ офицеръ съ серебряными эполетами.

— Въ самомъ дѣлѣ, маскарадъ? Я и забылъ! Лиза непремѣнно тамъ, и я буду. А ты, Петя, поѣдешь?

— Какъ же не ѣхать?

Маскарадъ въ Большомъ театрѣ! Какъ весело, подъ громъ музыки, прохаживаются оба пола: женскій полъ въ маскахъ и въ черныхъ домино, а мужской — безъ масокъ: женскій полъ самъ по себѣ, а мужской—самъ по себѣ. Тишина и просторъ царятъ въ огромной залѣ; только слышится однообразный шумъ шаговъ, шелестъ шелковыхъ домино да бряцанье шпоръ. Живописно колышутся въ залѣ бѣлые и черные султаны: ярко горятъ, при усиленномъ освѣщеніи, золотые и серебряные эполеты и аксельбанты. Львы въ темныхъ фракахъ и въ узкихъ желтыхъ перчаткахъ; онагры въ свѣтлыхъ фракахъ съ блестящими пуговицами; какіе-то два господина въ сюртукахъ и въ маскахъ; чиновникъ съ разряженной, какъ на балъ, супругой подъ ручку, и оба безъ масокъ; испанецъ въ плисовой мантіи, взятой на прокатъ за два съ полтиной; пастушка претолстая, въ корсетѣ, который у нея сзади не сходится, и съ пречудовищными ногами въ башмакахъ съ бантиками... Этой картиной любуются сверху дамы и барыни, образующія своими отдѣльными группами цвѣтущіе оазисы среди пустыни ложъ... Маскарадъ еще не расходился. Слышите ли? начинается шушуканье, глухой говоръ... нѣсколько женщинъ изъ этой толпы уже объ

руку съ мужчинами; нѣсколько паръ пронеслось мимо васъ; раздался пронзительный женскій пискъ; проскользнула ножка, плѣнительно выставившаяся изъ-подъ распахнувшагося домино, промелькнула чудесная талія... вотъ и знакомецъ нашъ, господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Онъ ведетъ даму въ коричневомъ домино, съ голубыми бантиками, потираетъ свой подбородокъ о крѣпкій волосяной галстукъ и подергиваетъ усами, а сзади этой пары — онагръ. Онъ идетъ и думаетъ:

«Неужели это Катерина Ивановна? Кажется, что она?.. Охота же ей ходить съ этимъ усачомъ. Развѣ не нашлись бы для нея кавалеры?..»

— *Бо-маскъ*, я васъ узналъ,—сказалъ онагръ, подойдя къ коричневому домино.

Господинъ высокаго роста шевельнулъ усомъ, а его дама обернулась къ онагру и запищала по-французски:

— Не правда, вы ошибаетесь...

«Шутки!—подумалъ онагръ:—это точно она».

— Вы не умѣете скрыть своего голоса, — продолжалъ онъ: — но я и безъ того узнаю васъ, какъ бы вы ни замаскировались...

Въ эту минуту мимо онагра прошелъ левъ. Левъ говорилъ своей маскѣ: *ты*. Это *ты* немного смутило онагра.

Коричневое домино оставило своего усача и взяло за руку онагра.

— За кого вы меня принимаете?

— Твое имя начинается съ буквы...

На мѣстоименіе *твое* онъ сдѣлалъ сильное удареніе.

— Съ какой?

— Съ буквы К...

Коричневое домино засмѣялось.

— Потому что у меня коричневое домино?.. Угадали!

— Полноте притворяться... Васъ... *тебя* можно узнать по твоему кавалеру...

Она вздрогнула.

— Отчего по моему кавалеру?.. Я его не знаю, я первый разъ встрѣтила его здѣсь.

Онагръ началъ колебаться.

«А можетъ быть, это и не Катерина Ивановна? Кто ее знаетъ?..»

— Тебѣ весело здѣсь, бо маскъ?

— Весело...

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

«Неловко какъ-то говорить съ этими масками! Ничего въ голову нейдетъ...»

Навстрѣчу имъ попалось черное домино съ чернымъ шишакомъ на головѣ... Это домино подошло къ той, съ которою прохаживался онагръ, и сказало:

— Катишь, я тебя давно ищу. Я потеряла Дмитрія Васильича...

— А, Катерина Ивановна! Теперь вамъ нечего скрываться. Видите ли, я узналъ васъ...

— Не стыдно ли тебѣ, ма-шеръ, измѣнить мнѣ? — съ упрекомъ произнесла Катерина Ивановна, обращаясь къ своей пріятельницѣ съ шишакомъ и качая головой.—Вотъ Дмитрій Васильичъ, поди къ нему, а я немного пройду съ Петромъ Александрычемъ и буду васъ ждать съ лѣвой стороны у перваго бенуара.

«Она хочетъ пройтись со мною: это не даромъ!»—подумалъ онагръ.

— Мнѣ сердце сказало, что это вы,—началъ онъ, прижимая какъ бы нечаянно локоть ея къ своему боку.

— Сердце? Вы мнѣ сказали, что узнали меня по моему кавалеру?

— Онъ могъ итти и не съ вами, а сердце мнѣ...

Офицеръ съ серебряными эполетами подбѣжалъ къ онагру и шепнулъ ему на ухо:

— Съ кѣмъ это ты идешь, мон-шеръ? Кажется, хорошенькая! О чемъ вы говорите?—потомъ онъ закричалъ:—я сейчасъ ходилъ съ какой-то аристократкой. Она говорила мнѣ разныя нѣжности: у нихъ пресвободное обращеніе, мон-шеръ.

— Не мѣшай мнѣ, пожалуйста... Мнѣ надо поговорить съ моей дамой.

Офицеръ улыбнулся, присвистнулъ, осмотрѣлъ съ ногъ до головы коричневое домино и исчезъ.

Онагръ продолжалъ.

— Сердце никогда не обманываетъ... оно... оно...

— Пріѣзжайте послѣ завтра обѣдать къ намъ, — сказала Катерина Ивановна, разсѣяннѣе, чѣмъ обыкновенно и, говоря это, она какъ будто искала кого-то въ толпѣ:—пріѣдете?

— Непремѣнно.

— Я давно хотѣла говорить съ вами, хотѣла... Вы знаете этого адъютанта, вотъ, что стоитъ одинъ, съ бѣлымъ султаномъ?

— Знаю, а что?

— Такъ... объ немъ я много слышала отъ одной моей пріятельницы... Она... Ахъ... я и позабыла... Завтра большой балъ у Горбачевой. Вы будете?

— Буду.

— Я съ вами танцую четвертую и шестую кадрили... Слышите? Мнѣ надо поговорить съ вами о многомъ.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ. Назначьте часъ, минуту, секунду...

Онагръ былъ счастливъ; онъ весь превратился въ улыбку самодовольствія, онъ думалъ:

«Я на одну черту отъ блаженства».

— Подойдемте къ адъютанту, я буду его мистифицировать...

Она оставила онагра и шепнула ему:

— Помните, до завтра.

— До завтра! — повторилъ онъ выразительно.

Господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, слѣдившій за коричневымъ домино, мрачно взглянулъ на адъютанта и на онагра; усы его пошевельнулись съ какою-то торжественностію, а губы сдѣлали такое движеніе, какъ будто онъ затягивался...

Долго прохаживался онагръ по заламъ, поглядывая на маски въ золотой лорнетъ, но онѣ не обращали на него вниманія; одна только мимоходомъ пропищала ему: «Bon soir!» а другая, у которой на рукахъ были широкія темно-

бурыя перчатки, погрозила пальцемъ. Онъ искалъ Катерину Ивановну и адъютанта—и не находилъ ихъ.

— Странно! — говорилъ онъ самъ себѣ: — маски сами должны бы подходить ко мнѣ; теперь, вѣрно, ужъ всему Петербургу извѣстно, что у меня тысяча восемьсотъ душъ и сто семьдесятъ пять тысячъ...

Онъ остановился... легкій трепетъ пробѣжалъ по его членамъ: въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ левъ, противъ котораго два раза удалось ему обѣдать за общимъ столомъ у Дюме...

— Comment votre santé?—сказалъ ему онагръ робкимъ голосомъ, краснѣя и прикладывая дрожащую руку къ шляпѣ.

Левъ едва замѣтно пошевельнулся и съ величіемъ львинымъ произнесъ:

— Здравствуйте.

Это «здравствуйте», переведенное съ львинаго на человѣческій языкъ, означало: «что тебѣ надобно отъ меня? Зачѣмъ ты мнѣ кланяешься?»

— Сегодня въ маскарадѣ много публики,—продолжалъ онагръ еще съ большею робостью.

Левъ пробормоталъ «да» и отодвинулся отъ онагра.

Онагръ запѣлъ про себя какую-то пѣсенку, споткнулся, поправилъ шляпу и виски и подскочилъ къ толстой госпожѣ въ бѣломъ кисейномъ платьѣ.

— Бо-маскъ! Отчего вы одни? Тебя не занимаетъ маскарадъ?

Кисейное платье молчало.

— Ты не хочешь говорить со мной?

Кисейное платье повернуло голову къ стѣнѣ.

— Зачѣмъ вы отвертываетесь?

— Отстаньте!—закричало кисейное платье.—Что вы пристали-то?

— Зачѣмъ вы сидите однѣ? Пройдемтесь со мною.

— Не на такую напали: у меня есть свой кавалеръ. Прошу не безпокоиться.

Нечего было дѣлать. Онагръ отошелъ отъ грознаго кисейнаго платья и принужденъ былъ прогуливаться одинъ.

Ему становилось скучно, онъ уже зѣвнулъ раза два и посмотрѣлъ на часы. Къ счастію, въ эту минуту окружили его нѣсколько пріятелей, извѣстныхъ танцоровъ и любезниковъ средняго круга. Онъ сдѣлался центромъ этого избраннаго кружка, и между ними тотчасъ завязался живой разговоръ. Вдругъ, въ самомъ пылу разговора, онагръ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своему плечу, онъ обернулся: возлѣ него стояла въ театральной позѣ женщина въ черномъ и коротенькомъ домино.

— Я васъ знаю,—сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Онагръ предложилъ ей свою руку и отправился съ нею.

— У вашего кучера свѣтлоголубая шуба и глазетовый кушакъ,—продолжала она.

— Точно. Ты говоришь правду, бо-маскъ.

— Вы недавно получили большое наслѣдство.

— И то правда; впрочемъ, я всегда былъ богатъ.

— Вы все ходите по Невскому.

— Хорошо. Еще что?

— Вы влюблены въ одну даму, которую зовутъ Катериной Ивановной, и она отвѣчаетъ вамъ.

— Diable, бо-маскъ! Все вѣрно, какъ нельзя больше! Почему же ты это знаешь?

— Скоро состарѣетесь, не скажу. Вы всѣ мужчины прелюбопытные.

— Нѣтъ, женщины гораздо любопытнѣе.

— Извините. А сказать вамъ какъ васъ зовутъ?

— Скажи.

— Петръ Александрычъ.

Онагръ сталъ заглядывать подъ маску.

— Полноте, что это вы?

— Снимите маску.

— Что вы, съ ума сошли?

— Отчего?

— Вы часто мимо нашихъ оконъ ѣздите.

— А гдѣ ты живешь?

— Отгадайте.

— Я отгадывать не умѣю.

Онагръ снова заглянулъ подъ маску и пожалъ таинственной незнакомкѣ руку.

— Зачѣмъ вы со мной ходите? На васъ разсердится Катерина Ивановна.

— Пусть ее сердится.

— Какъ же: вѣдь вы влюблены въ нее? Вамъ другими нельзя заниматься.

— Очень можно.

— Стало быть, вы вѣтреникъ?

— Хочешь испытать мое постоянство?

— Я васъ боюсь... Какая у васъ миленькая цѣпочка!

— Тебѣ нравится? Хочешь, я прикую тебя къ моему сердцу этой цѣпочкой?

Однако, въ припадкѣ нѣжностей и въ жару объясненій, онагръ почувствовалъ аппетитъ.

— Бо-маскъ, хочешь со мною ужинать?

— Пожалуй.

— Ты любишь трюфели, бо-маскъ?

— Мнѣ все равно.

И они начали взбираться по лѣстницѣ въ верхнія залы.

На половинѣ лѣстницы маска сказала онагру:

— Вернемтесь.

— Зачѣмъ?

— Такъ.

Передъ онагромъ и его невѣдомой спутницей очутился офицеръ съ золотыми эполетами. Онъ пристально посмотрѣлъ на послѣднюю.

— Поздравляю тебя, братецъ,—шепнулъ онъ онагру.

— Съ чѣмъ?

— Да знаешь ли, кто твоя дама?

— Нѣтъ.

— Это Маша, моя старая пріятельница. Посмотри, она на меня сердится, отворачивается отъ меня,—а славная, братецъ, дѣвочка. Конечно, далеко не то, что Лиза... Мы съ Лизой выдумали сейчасъ свой языкъ,—она будетъ вести со мною разговоры со сцены.

— Такъ это Маша? Вотъ что!.. Ты ей разсказалъ всѣ мои секреты?

— Что жъ за бѣда?

— Нѣтъ, ничего... Гм!—подумалъ онагръ: «очень кстати: у меня будетъ связь въ обществѣ и связь на сценѣ: это необходимо для настоящаго свѣтскаго человѣка; объ этомъ и Бальзакъ пишетъ и вся петербургская молодежь большого свѣта придерживается этой моды. Я буду кататься, какъ сыръ въ маслѣ».

За ужиномъ Маша совершенно подружилась съ онагромъ. Она развязала на минуту свою маску и вскользь показала ему свое личико. Онъ былъ въ восторгѣ и отъ ея красоты и отъ ея любезности. Она кушала съ аппетитомъ и довольно часто прикладывала бокалъ къ своимъ губамъ, граціозно поддерживая кружевную бородку своей маски. Послѣ ужина онагръ, проходя мимо офицера съ золотыми эполетами, сказалъ ему:

— Рѣшено, душа! какую я квартиру найму для нея, какъ одѣну ее,—точно куколку...

Было около трехъ часовъ. Залы пустѣли; отчаянные гуляки допивали послѣдніе бокалы и, покачиваясь, сходили внизъ... Въ ложахъ давнымъ-давно никого. Какой-то пьяный франтъ, въ свѣтлосиней венгеркѣ съ черными шнурками, причесанный à la moujik, кричалъ музыкантамъ: «довольно!.. Я васъ не хочу больше слушать!» Какія-то сомнительныя физіономіи ходили взадъ и впередъ, съ неудовольствіемъ посматривая на крикуна; квартальный надзиратель стоялъ посреди залы, величественно подбочась; капельдинеръ дремалъ у боковой двери, да штатскій съ изнѣженными движеніями сидѣлъ у самаго оркестра и не сводилъ глазъ съ музыкантовъ, потому что былъ меломанъ.

Скоро и музыканты начали собираться домой.

Всѣ разошлись и разъѣхались... Всѣ...

Нѣтъ, не всѣ еще: облокотясь на прилавокъ, гдѣ разбираютъ шинели и шубы, стоялъ офицеръ съ серебряными эполетами и страстно смотрѣлъ сквозь очки на толстую пастушку, у которой сзади не сходился корсетъ. Пастушка

была уже безъ маски: потъ градомъ катился по ея воспаленному лицу, и она обвѣвала его носовымъ платочкомъ.

Огни потухали въ окнахъ театра..

ГЛАВА VI.

Балъ.

Праздникъ за праздникомъ: сегодня маскарадъ, завтра балъ.

Одиннадцать часовъ вечера. У подъѣзда дома, гдѣ живетъ г-жа Горбачева, три кареты четвернями, каретъ шесть парами и нѣсколько саней въ одиночку... Какъ свѣтло въ окнахъ бельэтажа! Сколько на окнахъ треугольныхъ шляпъ съ султанами!.. Балъ, балъ!

Двери изъ танцовальной залы въ переднюю открыты, музыканты занимаютъ половину передней, за ними лакеи и шубы. Гришка съ аксельбантами снимаетъ шинель съ своего барина. На онагрѣ бѣлый атласный жилетъ съ цвѣтами, синій фракъ только что съ иголочки, украшенный бронзовыми пуговицами, величиной съ пятакъ; золотыя цѣпи отъ часовъ и отъ лорнета; изумрудныя запонки на рубашкѣ; голова онагра въ завиткахъ; онъ весь пропитанъ духами...

Музыка гремитъ!.. Онагръ входилъ въ залу. У самыхъ дверей офицеръ съ серебряными эполетами хохочетъ и танцуетъ съ m-lle Неврёзовой...

— Бон-суаръ, мон-шеръ!—закричалъ офицеръ, увидя онагра.—Что, изъ театра? Бурбьè хорошо играла? Какое на ней было платье?.. Отчего ты такъ поздно?

— Какъ поздно?..—Онагръ испугался.—Который это кадриль танцуютъ?..

— Третій; мон-шеръ.

— Слава Богу!—подумалъ онагръ.—Что, если бъ я опоздалъ? Бѣда! Вѣдь на четвертый кадриль меня ангажировала сама Катерина Ивановна.

— Славная, мон-шеръ, на тебѣ жилетка, — продолжалъ офицеръ:—самая модная. А мы сейчасъ все объ тебѣ говорили.

Онъ посмотрѣлъ на свою даму.

Онагръ поклонился m-lle Неврёзовой и сказалъ ей:

— И я такъ счастливъ, что вы вспомнили обо мнѣ?

M-lle Неврёзова—дѣвица среднихъ лѣтъ, съ черными выпуклыми глазами, съ вѣнкомъ на головѣ и съ перетянутой таліей, играя небрежно двойнымъ лорнетомъ, отвѣчала съ разстановкою, придавая своимъ словамъ таинственность:

— Мы... да, мы говорили объ васъ...

— Что же вы говорили обо мнѣ?

— А съ чего вы взяли, что я вамъ открою это?

— Если вы не скажете мнѣ, такъ онъ разскажетъ,—замѣтилъ онагръ, указывая на офицера.

— Вы думаете? Вѣрно m-r Анисьевъ не будетъ такъ нескроменъ.

Офицеръ громко засмѣялся, посмотрѣлъ съ чувствомъ на свою даму и закричалъ:

— Не скажу, мон-шеръ, не скажу ни за что; это секретъ! Вѣдь вы не прикажете сказывать?.. Намъ начинать... Перметe.

Офицеръ подалъ руку своей дамѣ.

Онагръ началъ пробираться между танцующихъ, раскланивался направо и налѣво и высматривалъ хозяйку дома.

Г-жа Горбачева была въ страшныхъ суетахъ: она порхала отъ одного къ другому, отъ одной гостьи къ другой; она каждому и каждой находила сказать что-нибудь пріятное, и эти пріятности сопровождала обязательной улыбкой.

Онагръ поймалъ ее въ комнатѣ за гостиной, гдѣ Дмитрій Васильичъ Бобынинъ игралъ въ вистъ съ *прекраснымъ человѣкомъ* и съ двумя генералами.

— Же-ву-салю, мадамъ,—сказалъ онагръ, натягивая на руку желтую перчатку.

— Отчего такъ поздно, Петръ Александрычъ? Мы васъ давно ждемъ.

— Я прямо къ вамъ изъ французскаго спектакля; впро-

чемъ я долго ждалъ своей кареты: эти разъѣзды, знаете; пренепріятные.

— Vous avez raison! Какъ вы еще поспѣваете вездѣ? я удивляюсь вамъ: вы можете служить образцомъ свѣтскаго человѣка: право, это врожденное, я васъ всегда ставлю въ примѣръ моему мужу: онъ у меня такой бирюкъ...

Онагръ самодовольно пожимался.

— Надѣюсь, Петръ Александрычъ, что вы не станете отказываться отъ танцевъ. Пожалуйста, одушевите всѣхъ кавалеровъ своимъ примѣромъ. Распоряжайтесь всѣмъ; я вамъ даю право: ангажируйте поскорѣе даму на слѣдующій кадриль.

Онагръ кивнулъ головой и хотѣлъ отправиться въ залу къ Катеринѣ Ивановнѣ, но Дмитрій Васильичъ остановилъ его.

— Какъ вы поживаете, мой любезный Петръ Александрычъ?—сказалъ онъ, протягивая ему руку:—наклонитесь-ка на два слова. Директоръ, о которомъ я говорилъ вамъ, здѣсь, и я сегодня же представлю васъ ему... Ваше превосходительство, вашъ ходъ...

Онагръ отошелъ отъ карточнаго стола и попалъ прямо на хозяина дома — человѣка лѣтъ 28, у котораго глаза цвѣта вареннаго крахмала.

— *Шарме де ву вуаръ*,—сказалъ хозяинъ дома.—Вы сейчасъ только пріѣхали? ну, очень радъ. *Дансе, же ву при.* Сегодня собралось у насъ много, и столько генераловъ, что я не ожидалъ даже. Жаль только, что княгиня Елена Васильевна не будетъ: занемогла, а то бы она непремѣнно была; ей очень весело у насъ,—она мнѣ сама говорила это.

«Оно и лучше, что не будетъ,—подумалъ онагръ—а то за нею вѣчно кавалергарды и эти львы; а при нихъ что-то не совсѣмъ свободно».

— Такъ княгини не будетъ? Ахъ, какъ досадно!—закричалъ онъ:—вообразите, послѣдній разъ здѣсь она дала мнѣ слово танцовать со мною кадриль... Можетъ быть она еще пріѣдетъ?

— Нѣтъ, я ужъ два раза ѣздилъ сегодня просить князя...

Князь мнѣ сказалъ, что у нея флюсъ и что при всемъ желаніи она никакъ не можетъ быть.

Въ эту минуту музыка умолкла, третій кадриль кончился.

Онагръ пустился отыскивать Катерину Ивановну.

Катерина Ивановна, вся въ брилліантахъ, вся въ цвѣтахъ и блондахъ, сіяющая и великолѣпная, сидѣла въ залѣ, обмахиваясь вѣеромъ и разговаривая съ тѣмъ самымъ адъютантомъ, о которомъ она спрашивала въ маскарадѣ. Она обращала на себя всеобщее вниманіе: толстыя маменьки, не игравшія въ карты и размѣстившіяся около стѣнъ залы, отирая потъ съ лица, искоса на нее поглядывали и разсуждали о томъ, сколько тысячъ стóитъ ея фермуаръ, и собственный ли онъ ея, или взятъ у кого-нибудь для бала; тоненькія дочки, ослѣпленныя ея туалетомъ, находили, что она одѣта вовсе не къ лицу; а фраки и мундиры, какъ нарочно, въ опроверженіе этого, толпились около нея и ей посвящали отборныя фразы и свое остроуміе.

Онагръ подошелъ къ ней, взглянулъ на нее и подумалъ: —«Она царица бала. Меня здѣсь многіе называютъ счастливцемъ, глядя на нее, потому что я увѣрилъ... Впрочемъ, сегодня должно рѣшиться все... Какая ручка пухленькая, бѣленькая, такъ бы и цѣловалъ ее!»

— Четвертый кадриль сейчасъ начинается,—сказалъ онъ ей, кланяясь и закладывая палецъ за жилетъ. Эту львиную привычку онъ не такъ давно перенялъ.

Она подняла на него свои глазки и опустила ихъ, потомъ опять подняла и опять опустила, поправила свой фермуаръ и произнесла немного нараспѣвъ:

— А я думала, что васъ нѣтъ.

— Меня не было: я пріѣхалъ къ четвертому кадрилю.

— Д-а-а?

Она приподнялась со стула и уронила вѣеръ. Адъютантъ и онагръ бросились поднимать его, но онъ достался въ руки адъютанта, и адъютантъ, подавая его Катеринѣ Ивановнѣ, былъ награжденъ за свою ловкость многозначительной улыбкой.

Онагръ покраснѣлъ и занялся поправленіемъ своего галстука. Между тѣмъ они стали въ ряды танцующихъ.

— Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой минуты,— сказалъ онагръ:—сегодня цѣлый день для меня тянется такъ долго... я васъ видѣлъ во снѣ.

— Какой скучный сонъ!

Она то складывала, то развертывала свой вѣеръ.

— Напротивъ...

— Вы долго оставались вчера въ маскарадѣ?

— Нѣтъ... а вы исполните вчерашнее обѣщаніе?

— Какое? развѣ я что-нибудь обѣщала вамъ?

— Вы хотѣли говорить со мною.

— О чемъ?

— Вы сказали мнѣ, что вамъ надобно объясниться со мной о многомъ.

Катерина Ивановна начала бить тактъ вѣеромъ по своей ручкѣ и какъ будто задумалась.

«Женщинѣ не легко открывать свои чувства,—подумалъ онагръ:—это натурально... она не знаетъ, какъ приступить къ такому щекотливому разговору».

— О чемъ же вы задумались?

— Какая у меня слабая память! Что бишь такое я хотѣла сказать вамъ?

«Притворяется, будто не помнитъ».

— Вспомнила! вспомнила!

Она подняла глаза къ потолку.

Онагръ сдѣлалъ три шассе впередъ, три шассе назадъ, взялъ ее за руки, повернулся съ нею и бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, для которыхъ нѣтъ выраженія.

— Вспомнили? скажите поскорѣй, не мучьте меня.

— Нѣтъ, я раздумала, не хочу говорить.

. . . .

— Ахъ, мои батюшки! да что это такое?—закричала сзади танцующихъ генеральша Питковская, отскакивая отъ лампы:—да на что это похоже, масло съ лампъ каплетъ!.. посмотрите. Бога ради, матушка Анна Ильинишна, что ман-

тилья-то моя, я думаю, совсѣмъ испорчена? Да сюда нельзя, я вамъ скажу, хорошихъ вещей надѣвать.

Анна Ильинишна смотрѣла на мантилью и покачала головой:

— Жаль, вещица-то прекрасная! Большія два пятна, Пелагея Ивановна!

Генеральша Питковская побагровѣла, сдернула съ себя мантилью и съ ужасомъ увидѣла пятна. Около нея собрались пожилыя и толстыя дамы... Онѣ всѣ закивали и замотали головами.

Вдова Калпинская, vis-à-vis Катерины Ивановны, во время соло, иронически улыбаясь, сказала ей:—Какая забавная сцена! Не-спа?

Катерина Ивановна смѣялась и закрывалась вѣеромъ.

— Что же? вы не сдержите своего слова, не скажете мнѣ...—шепталъ онагръ, наклонясь къ плечу Катерины Ивановны.

— Не скажу, не скажу и не скажу.

— Къ чему же такое упрямство?

— О, я очень упряма! вы меня не знаете...

Она прищурилась и вздохнула. Грудь ея роскошно поднялась какъ волна и опустилась.

Боже, какая грудь! Мурашки пробѣжали во внутренности онагра.

— О чемъ вы вздохнули?

— Такъ. Хотите, чтобъ я была съ вами откровенна?

— Я объ этомъ только и прошу васъ.

— Мое упрямство теперь происходитъ оттого, что мнѣ нечего сказать вамъ. Въ маскарадѣ всегда мистифицируютъ, и мнѣ вчера захотѣлось васъ помистифицировать. Вотъ и все.

Кадриль кончился.

Мечты онагра вдругъ развѣялись, онъ упалъ съ неба на землю, онъ былъ ужасно недоволенъ такой поразительной развязкой.

— А шестую кадриль вы танцуете со мною?—спросилъ онъ у Катерины Ивановны, не глядя на нее.

— Шестую? Нѣтъ, я дала слово.

— Какъ! это тоже была маскарадная мистифпкація?

— Развѣ я обѣщала танцовать съ вами шестую кадриль?

— Обѣщали.

— Неужели? Ахъ, простите меня, пожалуйста! Теперь нечего дѣлать: я скорѣй рѣшусь быть виноватой передъ вами, чѣмъ передъ человѣкомъ, котораго не такъ знаю.

Онагръ холодно поклонился Катеринѣ Ивановнѣ и хотѣлъ итти.

— Вы не сердитесь на меня?

— Нѣтъ, помилуйте!

«Она заважничала,—думалъ онъ,—отъ того, что я за ней слишкомъ ухаживаю. Хорошо же! Я стану волочиться за всѣми, кромѣ нея; надобно показать, что я не дорожу ею, что для меня все равно, она или другая. Посмотримъ, кому она дала слово на шестую кадриль!»

Проходя мимо стульевъ, гдѣ сидѣли маменьки, онагръ долженъ былъ безпрестанно останавливаться, потому что маменьки на перерывъ одна передъ другою старались очаровать его своею привѣтливостью.

Особенно нѣжно смотрѣла на него одна дѣйствительная статская совѣтница лѣтъ пятидесяти четырехъ, которая сидѣла, вытянутая какъ струнка, моргала вѣками, повертывалась будто на пружинахъ и необыкновенно мило и искусно шевелила своими губками. У этой дѣйствительной статской совѣтницы была рыжая дочка лѣтъ двадцати шести...

— Я все смотрю на васъ, мсье Разнатовскій,—сказала она нашему герою, съ тою умилительною жеманностью, которая называется обыкновенно свѣтскостью:—какъ вы всегда со вкусомъ одѣты.

Онагръ поклонился съ чувствомъ полнаго удовольствія.

— Признаюсь, мнѣ нравится, когда молодые люди обращаютъ вниманіе на свой туалетъ. А что, вы достали для моей Нади ноты, послѣдній романсъ Глинки? Это немножко не деликатно, что я напоминаю.

— Привезу вамъ на-дняхъ.

— Надя, Надя! поди сюда, мой другъ. Вотъ Петръ Александрычъ такъ добръ, что привезетъ намъ романсъ Глинки...

Она поправила брошку на груди дочери.

— Merci, m-r, — сказала рыжая дочка.

— Вы не ангажированы на этотъ кадриль? — спросилъ у нея онагръ.

— Non, m-r.

— Позвольте мнѣ танцовать съ вами?

— Avec plaisir, m-r.

Статскій съ изнѣженными движеніями не танцовалъ; онъ кочевалъ изъ комнаты въ комнату, повертывая своей шляпою и поглядывая на все и на всѣхъ насмѣшливо.

— Здѣсь очень скучно, — сказалъ онъ Петру Александрычу; — я здѣсь никого не знаю, кромѣ madame Бобыниной. И какъ душно! меня сегодня звалъ князь Петръ Иванычъ на вечеръ, но мнѣ совѣстно было отказать Горбачеву.

— Да, прескучно, — закричалъ подбѣгая офицеръ съ серебряными эполетами, — а вы никогда не танцуете?

— Рѣдко.

— Хочешь быть, мон-шеръ, моимъ *визави*? — продолжалъ офицеръ, обращаясь къ онагру, — я танцую съ премиленькой; она недавно показалась въ свѣтѣ, только что изъ Москвы или изъ деревни откуда-то пріѣхала; я люблю все новенькое. Жаль, не такъ молода — лѣтъ двадцати слишкомъ, дочь полковника, отлично воспитана. Что же, мон-шеръ, будешь моимъ *визави*?

— Изволь, братецъ.

Онагръ ангажировалъ хозяйку дома и избралъ для своего поприща самое видное мѣсто.

Офицеръ съ серебряными эполетами сталъ напротивъ съ своею дамою. Онагръ съ высоты величія взглянулъ на провинціалку.

— Ай, ай! какая странная, а вѣдь хорошенькая!

Въ самомъ дѣлѣ она была недурна. Черные волосы, густыми локанами спускавшіеся до плечъ, длинныя, полуопущенныя рѣсницы, черты лица тонкія и нѣжныя, прозрачность кожи, станъ высокій и стройный, простота убора, — все это показалось необыкновеннымъ онагру, и какъ-то не

совсѣмъ сходилось съ его понятіями о красотѣ и свѣтскости.... А хорошенькая!..

Офицеръ никакъ не могъ ходить; онъ бѣгалъ, прыгалъ, суетился около нея, кричалъ ей на ухо, и она едва поспѣвала за нимъ слѣдовать и рѣшительно не поспѣвала отвѣчать на его вопросы... Въ этой парѣ было что-то комическое.

— Не правда ли, мон-шеръ, порядочное личико? — бормоталъ офицеръ, дѣлая фигуру и подскакивая къ онагру,— только робка черезчуръ, мало говоритъ, это ничего — пообботрется.

— Конечно... — Онагръ однако думалъ совсѣмъ не о ней, а о Катеринѣ Ивановнѣ, которая танцовала и кокетничала съ адъютантомъ.

Изнѣженный статскій подошелъ къ хозяйкѣ дома.

— Знаете ли, Елена Сергѣевна, — сказалъ онъ, обращаясь къ ней и къ онагру, — эта дѣвица, которая танцуетъ съ г. Анисьевымъ, точно интересна, она очень похожа на княжну Б...

— Неужели? — воскликнулъ онагръ, внимательно посмотрѣвъ на дѣвушку.

— Что вы думаете? именно похожа! — произнесла хозяйка дома, также взглянувъ на нее.

— Даже и въ манерѣ ея есть какъ будто сходство съ княжной...

— Неужели и въ манерѣ?

Онагръ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на дѣвушку. Изнѣженный статскій былъ для него авторитетомъ.

— Мнѣ чрезвычайно нравится ея отецъ, — сказала г-жа Горбачева, — такой балагуръ, шутникъ, и съ такими здравыми понятіями обо всемъ. Онъ прежде командовалъ полкомъ и никакъ не могъ сойтись съ своимъ бригаднымъ генераломъ, отъ того и вышелъ въ отставку. Прежде онъ съ семействомъ жилъ въ Москвѣ, а потомъ въ своей тверской деревнѣ. Въ Петербургѣ они не болѣе мѣсяца.

— Шармантъ персонь, — сказалъ онагръ.

— Меня что удивляетъ, — продолжала г-жа Горбачева,—

вѣдь она почти не была въ свѣтѣ, а несмотря на это, *тре-жантиль!*

Черезъ четверть часа дѣвица съ черными локонами сдѣлалась вдругъ предметомъ всеобщаго вниманія.

Онагръ спѣшилъ ангажировать ее на мазурку.

Господа офицеры и статскіе франты стекались изо всѣхъ комнатъ въ залу смотрѣть на дѣвицу съ черными локонами.

— Она похожа на княжну! — слышалось повсюду.

— Какъ двѣ капли! — кричалъ офицеръ съ серебряными эполетами, бѣгая по залѣ, — я первый замѣтилъ это сходство. И говоритъ точно княжна; я съ княжной нѣсколько разъ танцовалъ, — и напрыскана духами hèliotrope, какъ княжна; только вальсируетъ неловко, руку не умѣетъ держать, оттого она и мало вальсируетъ. Я люблю вальсировать съ m-lle Неврёзовой, — та ловкая!

Мазурка! мазурка!

Онагръ поставилъ стулъ для своей дамы. Катерина Ивановна въ первой парѣ уже летитъ съ адъютантомъ. Адъютантъ разсыпается передъ Катериной Ивановной и выдумываетъ безпрестанно какія-то новыя, трудныя фигуры. Онагръ разсердился на адъютанта; а на Катерину Ивановну, — о! на нее онъ и смотрѣть не хочетъ. Его начинаетъ сильно занимать дѣвица, похожая на княжну. Онъ любезничаетъ съ нею изо всѣхъ силъ, говоритъ безъ умолку, а она только слушаетъ, она кажется утомленною... Но вотъ музыка смолкла, усталые и тяжело дышащіе кавалеры и дамы разбрелись по разнымъ комнатамъ въ ожиданіи ужина...

«Нечего сказать, прелесть, какъ хороша, а не разговорчива!—подумалъ онагръ, разставаясь съ дѣвицей, похожей на княжну, — будь она немножко повеселѣе и поживѣе, да понарядиѣе; тогда бы просто свела съ ума».

Офицеръ съ золотыми эполетами, по своему обыкновенію, явился послѣ мазурки.

— Я, братецъ, кажется, въ самую пору, — сказалъ онъ онагру. — Что̀, накрываютъ ужинать? Сядемъ за ужиномъ вмѣстѣ. Ну, что, весело было?

— Да. Съ какой душечкой я танцовалъ мазурку! Постой, я тебѣ покажу ее.

Онагръ схватилъ офицера за руку. Они обѣжали всѣ комнаты, но нигдѣ не нашли ее.

— Видно, уѣхала.

— Брюнетка или блондинка?

— Брюнетка.

— Лучше Лизы, братецъ, брюнетокъ я и не видалъ, признаюсь тебѣ. А что твоя Катерина Ивановна?

— Ничего! надоѣла, братецъ, я съ ней разсорился; хочу какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея.

Дмитрій Васильичъ сыгралъ пятнадцать роберовъ въ вистъ, расправилъ свои одеревенѣвшіе члены, пройдясь раза два по комнатѣ, и подвелъ онагра къ директору.

— Вотъ, ваше превосходительство, г. Разнатовскій, о которомъ я говорилъ вамъ.

— Очень пріятно познакомиться, — сказалъ директоръ, протягивая руку, — что, я думаю, устали, много танцовали?

— Да-съ.

— Я говорю, ваше превосходительство, что надобно служить молодому человѣку, — замѣтилъ Дмитрій Васильичъ, — не правда ли?

— Какъ же не служить? А вы, вѣрно, боитесь службы? Служба не такъ страшна, какъ вы думаете; не бойтесь. Мы васъ не замучимъ.

Онагръ поклонился.

— Пріѣзжайте, когда вамъ можно будетъ, ко мнѣ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Васильичемъ. Я радъ всегда видѣть васъ у себя, мы потолкуемъ съ вами.

— Чѣмъ, ваше превосходительство, изволили кончить вистъ? — сказалъ подошедшій въ эту минуту хозяинъ дома, съ чувствомъ смотря на директора.

— Выигралъ, выигралъ!

— Мнѣ весело, ваше превосходительство, что вы у меня въ домѣ изволите, кажется, выигрывать по большей части.

— Да, да, странно! у васъ мнѣ какое-то особенное счастье. Я къ вамъ буду чаще ѣздить.

Директоръ благосклонно захохоталъ.

— Милости прошу, ваше превосходительство; такіе гости, какъ вы...

Хозяинъ дома не прибралъ окончательной фразы, низко поклонился и потомъ еще съ бо̀льшимъ чувствомъ посмотрѣлъ на директора.

Послѣ этого въ залѣ началась кутерьма; лакеи носили плитки съ одеколономъ, раздвигали столы, откупоривали бутылки, гремѣли тарелками и стаканами.

Ужинъ готовъ.

Дамы сѣли за особеннымъ столомъ; около нихъ помѣстились только два или три записные любезника, и между прочимъ адъютантъ возлѣ Катерины Ивановны.

— Холодная, бездушная кокетка! — сказалъ онагръ самому себѣ, покосясь на нее, — и нашла по себѣ молодца: этотъ адъютантъ глупъ, пусть его вздыхаетъ. Она меня не завлечетъ теперь въ свои сѣти! Послѣ и станетъ раскаиваться, да поздно...

Утѣшивъ себя этою мыслію, онагръ наложилъ полную тарелку чего-то въ родѣ майонеза и налилъ полный стаканъ вина.

Офицеръ съ серебряными эполетами былъ чрезвычайно доволенъ ужиномъ: онъ пилъ болѣе всѣхъ и все говорилъ, что послѣ ужина надобно затѣять непремѣнно грос-фатеръ.

Онагръ не дождался грос-фатера и уѣхалъ.

Онъ лежалъ въ каретѣ; ему мерещилась дѣвица съ черными локонами, похожая на княжну...

Какой ростъ и какая талія, чудо! Что, если бы надѣть на нее бархатный капотъ и пройтись съ нею по Невскому? всѣ бы останавливались и смотрѣли..

Глаза его слипались.

— А что, не жениться ли мнѣ?

При этой блестящей мысли онъ заснулъ.

ГЛАВА VII.

Старый кавалеристъ и его семейство. — Успѣхи онагра.

На другой день послѣ бала г-жи Горбачевой онагръ проснулся часа въ два, одѣлся и поѣхалъ къ Машѣ; однако лицо и станъ дѣвушки съ черными локонами все мелькали передъ нимъ. Машей онъ былъ доволенъ и тотчасъ же приказалъ нанять для нея квартиру, самъ выбралъ ей мебель и записался, по ея просьбѣ, въ библіотеку для чтенія Смирдина, потому что она охотница до романовъ. Маша завелась своимъ хозяйствомъ; онагръ всякій день у нея, и часто по вечерамъ они ѣздятъ въ саняхъ тройкой въ Екатерингофъ или на Крестовскій островъ. Эти поѣздки особенно веселы... Жаль только, что зима проходитъ и дорога портится.

Однажды (это было въ первыхъ числахъ марта) онагръ ѣхалъ по Гороховой улицѣ, а офицеръ съ серебряными эполетами перебѣгалъ улицу...

— Пади! — закричалъ ему кучеръ онагра.

Офицеръ обернулся.

— А, мон-шеръ, это ты! Же-ву-салю. Чуть не задавилъ меня... Постой на минутку...

— Куда, мон-шеръ? Слякоть ужасная; къ Святой, вѣрно, не высохнетъ, подъ качелями будетъ грязно; жаль!

— А ты куда? Что̀ подѣлываешь? — спросилъ онагръ.

— Былъ съ визитомъ у Змѣевыхъ, мон-шеръ.

— Кто это, Змѣевы?

— Будто ты не знакомъ съ ними? Пріятный домъ, мон-шеръ, — отецъ славный малый и мать добрая старушка, а о дочкѣ и говорить нечего, — знаешь, что̀ на княжну похожа... Ты съ ней у Горбачевыхъ танцовалъ. Я съ ними познакомился сейчасъ послѣ бала.

— Ахъ, братецъ, представь меня къ нимъ! Ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе.

Дѣвица съ черными локонами явилась онагру опять во

всей красѣ своей; опять пришла ему въ голову мысль, какъ бы хорошо надѣть на нее бархатный капотъ и пройтись съ нею по Невскому.

— Изволь, мон-шеръ, представлю, когда хочешь; я у нихъ почти свой въ домѣ, на короткой ногѣ, меня всѣ любятъ; завтра же скажу имъ о тебѣ; отецъ охотникъ до лошадей, а у тебя славныя лошади... Прощай.

— Смотри же, представь.

— *Конте - сюръ - муа*, мон-шеръ.

Дня черезъ три онагръ съ офицеромъ явились къ Змѣевымъ.

Отставной полковникъ - кавалеристъ, средняго роста, полный, съ большими черными усами, съ просѣдью, въ венгеркѣ съ кистями, прохаживался въ своемъ кабинетѣ и пробовалъ хлыстикъ. Кабинетъ украшался токарнымъ станкомъ, двумя черкесскими кинжалами, винтовкой, коллекціею черешневыхъ чубуковъ и двумя гипсовыми лошадьми.

Офицеръ представилъ онагра полковнику.

Полковникъ пожалъ ему руку—и такъ крѣпко, что онагръ едва не вскрикнулъ.

— Безъ церемоній, господа, я привыкъ по - военному; прошу садиться, — диванъ не мягкій, а сидѣть можно.

— Какъ въ своемъ здоровьѣ Дарья Николаевна и Ольга Михайловна? — спросилъ офицеръ.

— Здоровы, здоровы; спасибо: у жены сидитъ Иконинъ, нравоучительныя книжки ей читаетъ: она любительница проповѣдей: старухѣ, впрочемъ, больше нечего и дѣлать. Мы же, кавалеристы, не слишкомъ жалуемъ краснорѣчіе. Намъ подавай коня, пороху, дыму, стишковъ Дениса Васильевича...

Полковникъ носовымъ платкомъ разгладилъ усы и захохоталъ.

— Да, Михайло Андреичъ, мы, военные, совсѣмъ не то, что эти статскіе. (Офицеръ съ серебряными эполетами указалъ на онагра).

— Вы военные? Съ какой стороны вы военные? Съ чего вы это взяли? Вы, сударь, не военные, а такъ, ни то, ни

се, ни рыба, ни мясо, — вы, я думаю, и пули-то не отличите отъ мячика; у васъ и усовъ нѣтъ!

Полковникъ засмѣялся и обратился къ онагру.

— А я слышалъ, что вы охотникъ до лошадей. Что, у васъ хорошія лошади?

— Всѣ заводскія, дорогія лошади.

— Рысаки-съ?

— Рысистыя, особенно одинъ гнѣдой жеребчикъ.

— Орловскій?

— Конечно, настоящій орловскій.

— Это хорошо, это я люблю. Нынѣшніе вольнодумцы все толкуютъ о скаковыхъ лошадяхъ; все, видишь, подавай отъ *Эклипса*. Вздоръ! скакуны ни къ чорту не годятся... Отъ *Сметанки* или отъ *Безыменнаго* — почище будутъ. Бывало, я вамъ скажу, какъ *Проворный* побѣжитъ, весь на воздухѣ, — такъ, глядя на него, духъ занимается. Любопытно посмотрѣть вашихъ лошадокъ. Я вамъ имѣю честь рекомендоваться, милостивый государь, я знатокъ въ лошадяхъ, старый кавалеристъ, чрезъ мои руки прошло ихъ довольно.

Полковникъ разсѣкъ воздухъ хлыстикомъ.

— Очень довольно! И чего я не испыталъ на своемъ вѣку! Сквозь огонь и воду прошелъ... Пойдемте, я васъ моей старушкѣ отрекомендую.

Онъ бросилъ хлыстикъ на столъ.

Жена полковника, худая, желтая, сгорбленная, въ чепцѣ, сидѣла противъ добродѣтельнаго старичка съ огромнымъ ртомъ и благоговѣйно слушала его проповѣди, которыя онъ читалъ съ чувствомъ и съ разстановкой.

Дочь полковника вышивала у окна. Голова ея наклонилась къ самой канвѣ, и длинные черные локоны почти закрывали лицо.

— А вы еще все читаете, — сказалъ полковникъ, войдя въ гостиную, — извините, что помѣшалъ; нельзя, гостей веду.

— Вотъ моя жена, а вотъ дочь, — продолжалъ полковникъ, смотря на онагра, — я третій, и все семейство налицо. Прошу насъ любить да жаловать.

Онагръ расшаркался передъ полковницей, потомъ передъ ея дочерью и заложилъ палецъ за жилетъ.

Дѣвушка подняла голову, откинула отъ лица свои локоны, посмотрѣла на офицера и на онагра, привстала едва замѣтно, потомъ снова наклонилась къ канвѣ.

Полковница сказала онагру:

— Я ужъ, кажется, имѣла удовольствіе видѣть васъ у Елены Сергѣевны Горбачевой.

— Да-съ, я былъ у нея на балѣ.

— Садитесь, господа, безъ церемоніи, и поболтайте о чемъ-нибудь.

Полковникъ сѣлъ первый, откинувъ назадъ кисть своей венгерки.

— Милая дама Елена Сергѣевна; она мнѣ чрезвычайно нравится, — сказала полковница.

— И какъ одушевлены ея вечера! — закричалъ офицеръ съ серебряными эполетами, — не видишь, какъ время летитъ.

— Это правда.

Онагръ подошелъ къ пяльцамъ, за которыми сидѣла дочь полковника.

— Вы изволите вышивать?

— Да, вышиваю.

Она отвѣчала, не отводя глазъ отъ канвы.

— Прекрасный узоръ!.. Вы прошедшій разъ уѣхали съ бала тотчасъ послѣ мазурки?

— Кажется.

Онагръ повертѣлся около пяльцевъ и отошелъ въ сторону.

Добродѣтельный старичокъ съ огромнымъ ртомъ взялъ шляпу и подошелъ къ ручкѣ полковницы.

— Филиппъ Иванычъ, что это значитъ? Куда вы? Пожалуйте сюда вашу шляпу: я ее арестую, я дѣйствую по-кавалерійски; отъ старыхъ привычекъ отстать трудно, — какъ хотите, а вы съ нами обѣдаете, — и не думайте уходить, — не пущу, ей Богу, не пущу!

Голова добродѣтельнаго человѣка покачнулась на его недвижномъ туловищѣ, и онъ подалъ шляпу полковнику.

— А вы, господа?

Полковникъ обратился къ офицеру и къ онагру:

— Надѣюсь, что вы не откажетесь отъ моей лагерной кухни.

Дѣвушка взглянула па отца, какъ будто хотѣла спросить: «къ чему это?»

Офицеръ съ серебряными эполетами закричалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ! Я званъ сегодня па два обѣда, — ну, да не поѣду туда.

Онагръ хотѣлъ было отказаться.

Полковникъ подошелъ къ нему.

— Хотите быть со мной по-пріятельски, по-военному?

— Если вы позволите.

Онагръ оборотился къ окну, гдѣ стояли пяльцы.

— Въ такомъ случаѣ: слушай! скорымъ шагомъ маршъ въ залу, шляпу оставить тамъ, — налѣво кругомъ — и назадъ. Вольно!.. Такъ, славно, — люблю за это. Мы, батюшка, попросту, какъ видите, по-военному, прошу не взыскать.

— Шутникъ! — сказала полковница про своего мужа, обращаясь къ добродѣтельному человѣку.

Добродѣтельный человѣкъ открылъ ротъ до ушей, то-есть улыбнулся, и произнесъ:

— Такъ требуетъ военная дисциплина-съ.

Дѣвушка встала изъ-за пялецъ и вышла изъ комнаты.

«Слишкомъ робка, — подумалъ онагръ, — а талія загляденье и ростъ отличный; отецъ немного смѣшонъ, а добрякъ!»

За обѣдомъ полковникъ разсказывалъ о своей храбрости, о генералахъ, съ которыми служилъ, о лошадяхъ, на которыхъ ѣздилъ, критиковалъ планы Наполеона, доказывалъ его ошибки, толковалъ, какъ и что ему надлежало дѣлать, и безпрестанио повторялъ: «мы старые кавалеристы» и «у насъ у старыхъ кавалеристовъ». Военные анекдоты полковника были очень забавны. Всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и смѣялись; одна дочь его, казалось, не принимала участія въ этихъ разсказахъ...

Съ этого дня онагръ сталъ безпрестанно ѣздить къ полковнику и безпрестанно поглядывать на его дочь, а полковникъ довольно часто началъ посѣщать онагра и погля-

дывать на его лошадей. Въ домѣ полковника не произошло никакихъ перемѣнъ: дочь его была робка попрежнему; въ конюшнѣ онагра дѣлались улучшенія съ каждымъ пріѣздомъ полковника.

Люди онагра громко начинали поговаривать, что баринъ ихъ женится на дочери полковника. И для самого барина эта мысль незамѣтно становилась доступнѣе и правдоподобнѣе... Бархатный капотъ, Невскій проспектъ и дѣвица съ черными локонами, — эти три предмета составляли что-то нераздѣльное въ его воображеніи. Ему смутно представлялся иногда рядъ прекрасно меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ онъ и супруга его принимаютъ господъ въ звѣздахъ и орденахъ и госпожъ въ нарядныхъ чепцахъ и мантильяхъ; онъ видѣлъ иногда двухъ лакеевъ съ гербами сзади своей кареты; ему казалось иногда, что онъ сидитъ возлѣ супруги своей, цѣлуетъ ей ручку и играетъ ея черными локонами...

— Робость ея пройдетъ; это вздоръ, — говорилъ онъ самому себѣ. Къ тому же, я ее буду безпрестанно вывозить... Въ свѣтѣ заговорятъ о моей квартирѣ, о моихъ балахъ, о моей женѣ, о моемъ экипажѣ. Весело быть женатымъ! А Маша? и она мила и влюблена въ меня по уши. Что за бѣда? я буду ѣздить и къ Машѣ...

Онагръ заѣхалъ въ магазинъ и купилъ Машѣ золотую брошку.

Возвратясь отъ нея поздно вечеромъ, онъ былъ обрадованъ запиской Дмитрія Васильича:

«Дѣло слажено, любезнѣйшій Петръ Александрычъ. Поздравляю васъ: его превосходительство Илья Иванычъ объявилъ мнѣ сегодня, что вы опредѣлены чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ съ двумя тысячами рублей оклада. Вы очень понравились его превосходительству. Онъ говоритъ, что у васъ много пріятности въ манерахъ. Чиновникъ, мною рекомендованный вамъ въ управляющіе надъ деревнями вашими, согласенъ на условія, которыя я предложилъ ему отъ имени вашего. Вы будете имъ довольны, въ этомъ я увѣренъ. Послѣ завтра онъ будетъ у васъ, а я приготовлю ему инструкцію. Отправится же онъ въ деревню черезъ не-

дѣлю. Капиталъ вашъ наконецъ я устроилъ: вы будете аккуратно получать отъ меня по пяти процентовъ. И это выгодно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Сколько хлопотъ мнѣ было съ этими деньгами! Одно расположеніе къ вамъ заставило меня взяться за такое дѣло. Что вы насъ совсѣмъ забыли?»

На другой день онагръ разсказывалъ всѣмъ своимъ пріятелямъ, что онъ по особымъ порученіямъ при министрѣ и что ему назначено шесть тысячъ рублей жалованья. Офицеръ съ золотыми эполетами, выслушавъ это, плюнулъ и сказалъ:

— Чортъ тебя возьми, братецъ! да ты видно въ сорочкѣ родился! Богачъ — и еще такое жалованье.

Онагръ блаженствовалъ; онъ дѣлался идоломъ петербургской молодежи средней руки, которая съ него начинала снимать моды, и преувеличенные слухи о его богатствѣ и счастіи перелетали съ быстротою невѣроятною изъ Коломны на островъ въ четырнадцатую линію, изъ Грязной къ Смольному монастырю. О немъ стали даже разсуждать на Петербургской сторонѣ и на Выборгской...

Къ довершенію всего онъ далъ великолѣпный обѣдъ почетнымъ своимъ знакомымъ, во главѣ которыхъ находились: его новый директоръ, полковникъ и Дмитрій Васильичъ Бобынинъ. Этотъ обѣдъ, какъ и должно было ожидать, произвелъ на всѣхъ гостей глубочайшее впечатлѣніе.

Прошелъ мѣсяцъ... Дочь полковника не переставала рисоваться фантазіи онагра, и въ одно прекрасное апрѣльское утро, когда солнце показалось на свѣтлосѣромъ петербургскомъ небосклонѣ для обсушки, вѣроятно, грязныхъ петербургскихъ улицъ, — онъ ударилъ себя въ лобъ очень рѣшительно, сѣлъ въ коляску и отправился къ полковнику.

Никогда еще такъ рано не выѣзжалъ онагръ изъ дома.

Въ кабинетѣ полковника онъ пробылъ около часа и вышелъ оттуда свѣтлый и радостный.

Полковникъ три раза поцѣловалъ онагра и произнесъ съ особеннымъ выраженіемъ, провожая его:

— *Мое слово важнѣе.* Я старый кавалеристъ. У меня въ домѣ заведена дисциплина, какъ въ полку... Прощай, другъ

любезный, будь покоенъ; да накажи кучеру-то, чтобъ берегъ «Красавца» и хорошенько чистилъ его. Васька твой большой лѣнтяй! Ты, братъ, съ нимъ дѣйствуй по-нашему по-военному...

Онагръ прискакалъ домой и прямо къ письменному столу; онъ написалъ:

«Любезнѣйшая маменька!

«Я давно хотѣлъ увѣдомить васъ о моихъ чувствахъ къ дочери генерала Змѣева, но откладывалъ, потому что самъ желалъ въ нихъ удостовѣриться. Теперь вижу, что люблю ее страстно и что безъ нея для меня жизнь ничтожна. Она также влюблена въ меня и говоритъ, что съ самой первой минуты, какъ увидѣла меня, участь ея была рѣшена. Сейчасъ получилъ согласіе на бракъ съ нею отъ ея родителей. Черезъ этотъ бракъ я породнюсь со многими самыми знатными лицами въ Петербургѣ. Милая, любезнѣйшая маменька, цѣлую ваши ручки, па колѣняхъ прошу вашего благословенія и жду съ нетерпѣніемъ отвѣта... Вашу будущую дочку зовутъ Ольгой Михайловной; она брюнетка и красавица. О мѣстѣ, которое я получилъ, и объ обѣдѣ, который былъ у меня, я уже писалъ вамъ. Свадьбу не хочу откладывать: чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Не пріѣдете ли вы, неоцѣненная маменька, сами въ Петербургъ? Еще разъ цѣлую ваши ручки. Остаюсь

«Вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій сынъ Петръ Разнатовскій».

ГЛАВА VIII.

Семейныя сцены.—Доказательство, что добродѣтельные люди очень полезны. — Женихъ и невѣста.

Полковница вязала чулокъ; дочь ея занималась какимъ-то шитьемъ. Полковникъ вошелъ къ нимъ. Онъ посмотрѣлъ на дочь съ улыбкою, расправилъ усы носовымъ платкомъ и два раза молча прошелся по комнатѣ.

— А у меня новость, — сказалъ полковникъ, остановясь торжественно по срединѣ комнаты и сложивъ руки на груди по-наполеоновски.

Мать и дочь взглянули на него. На лицѣ матери выражалась робость и покорность, на лицѣ дочери безпокойство.

— Важная новость! продолжалъ полковникъ, — тебѣ, старухѣ, не отгадать; ну, а ты не отгадаешь ли, Оленька?

— Что̀ такое, батюшка? — Она положила свою работу въ сторону.

— Отгадай.

— Вы знаете, что я до сихъ поръ не умѣла отгадать ни одной вашей загадки.

— Гм! эту загадку тебѣ легче всего отгадать, дурочка. Вы, дѣвушки, мастерицы разбирать такого рода загадки. Моя новость касается до тебя.

— До меня?

Она вздрогнула.

— И очень... Поздравляю тебя съ женихомъ, а тебя (онъ оборотился къ женѣ) съ дочерью-невѣстой.

— Ка̀къ это, Михайло Андреичъ? — спросила полковница, вытаращивъ глаза.

Краска вдругъ исчезла съ лица дѣвушки.

— Батюшка, вы шутите?

— Какія шутки! тутъ не до шутокъ: женихъ твой только съ полчаса отъ меня вышелъ.

— Мой женихъ?

Она разсмѣялась.

— Что ты притворяешься, или въ самомъ дѣлѣ не вѣришь? Я далъ за тебя слово (полковникъ сдѣлалъ удареніе на *слово*) Петру Александрычу. Будто ты и не замѣтила, что онъ давно тебѣ строитъ куры? Охъ, ужъ вы мнѣ скромницы!

Дѣвушка сомнительно посмотрѣла на отца и на мать.

— Что̀ же вы обѣ смотрите на меня, какъ на сумасшедшаго? Порастряхни-ка, голубушка, изъ сундуковъ дочернее приданое. Въ солнечные-то дни его и провѣтрить бы не дурно... Ну, поди ко мнѣ, Оленька, поцѣлуй меня... Ты одер-

жала побѣду, и славную, чортъ возьми! А послѣ побѣды мы затѣемъ праздникъ — свадебку... Поди же ко мнѣ.

Она молчала.

Лицо полковника хмурилось; онъ заложилъ руки назадъ и билъ тактъ ногою.

— Подойди же къ папенькѣ, — сказала полковница, качая головою: — поцѣлуй его... Я еще и сама образумиться не могу... Онъ сейчасъ пріѣзжалъ къ тебѣ, Михайло Андреичъ, съ предложеніемъ?

— Сейчасъ, сейчасъ, — говорятъ вамъ сейчасъ, и я далъ слово, слышите ли? Лучше этой партіи желать ей нечего: онъ малый добрый, собой не дуренъ, съ большимъ состояніемъ, любитъ ее, — да это кладъ для насъ; ты знаешь, Дарья Николаевна, какіе у насъ нынче доходы-то: — пять, шесть, семь тысячъ, да и обчелся; попробуй-ка прожить съ этимъ въ столицѣ.

— Правда твоя, правда... — Полковница вздохнула.

— Конечно, я желалъ бы ей мужа военнаго, кавалериста, но гдѣ теперь взять военныхъ? Чтò такое нынѣшніе военные? «Жомини да Жомини, а объ водкѣ ни полслова». Полковникъ махнулъ съ огорченіемъ рукой.

— Поздравляю тебя, другъ мой милый, Оленька, — сказала полковница, подходя къ дочери съ распростертыми объятіями и со слезами на глазахъ.

Дѣвушка отшатнулась отъ нея.

— Чтó это значитъ? — закричалъ полковникъ.

— Чтó это значитъ? — повторилъ онъ.

Полковница пришла въ величайшее замѣшательство.

— Батюшка, — сказала дѣвушка неровнымъ голосомъ: — вы напрасно давали за меня слово. Я не могу выйти за него замужъ.

— Не можешь? Я *напрасно* давалъ слово?.. Съ кѣмъ вы говорите, сударыня?.. Вы забыли, что передъ вами стоитъ отецъ. Знайте, что слово мое — слово стараго кавалериста. Мы никогда не измѣняемъ ему. Капризъ дѣвочки не заставитъ меня сдѣлаться безчестнымъ человѣкомъ на старости лѣтъ.

Испуганная полковница дѣлала какіе-то знаки дочери, но она не замѣчала ихъ и повторяла твердо и рѣшительно: — Я не могу выйти за него замужъ.

— А почему бы это такъ?

— Потому что я не люблю его и не могу любить.

— Вы еще сами, сударыня, не знаете, кого вамъ надо любить и кого не надо; объ этомъ вы лучше бы спросили отца и мать: они поопытнѣе васъ, и подальновиднѣе, и людей могутъ оцѣнять повѣрнѣе...

Полковникъ сердито повертывалъ кисти своей венгерки.

— Ужъ не пришелъ ли вамъ въ голову опять этотъ щелкопёръ, который было повадился ходить къ намъ въ Москвѣ съ книжками подъ мышкой?

Болѣзненное движеніе показалось на лицѣ дѣвушки.

— Вы, кажется, забываете, что вы дочь заслуженнаго отца, дочь стараго полковника, стараго кавалериста, коренного русскаго дворянина, что вамъ неприлично и стыдно амуриться съ семинаристами... что...

— Батюшка! — произнесла она умоляющимъ голосомъ.

Полковникъ большими шагами сталъ измѣрять комнату.

— Вотъ тетушкино воспитаніе! — спасибо покойницѣ, спасибо! есть чѣмъ помянуть...

Онъ потиралъ руки.

— Модная, умная, ученая женщина была, внушала покорность родителямъ!.. Что, по вашему, по нынѣшнему образованію, родители ничего не значатъ?

Полковникъ остановился передъ дочерью и ожидалъ отвѣта.

Она молчала.

— Завтра послѣ обѣда Петръ Александрычъ пріѣдетъ сюда. Онъ станетъ говорить съ тобой, ты должна ему объявить свое согласіе. Слышишь ли? Всю дурь изъ головы выкинь, помолись Богу да подумай, онъ вразумитъ тебя... Слезъ чтобъ я не видѣлъ; женскія слезы — вода...

Полковникъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты, поправляя усы носовымъ платкомъ и ворча сквозь зубы:

— У меня цѣлый полкъ по стрункѣ ходилъ, я съ цѣлымъ полкомъ справлялся, передо мною полслова никто не смѣлъ пикнуть, а теперь родная дочь... покорно прошу!..

Долго послѣ ухода полковника мать и дочь не могли выговорить ни слова...

Полковница сидѣла не шевелясь, поддерживая рукою свой подбородокъ; потомъ банты на чепцѣ ея пришли въ движеніе, и она обернулась къ дочери.

— Такъ онъ тебѣ не нравится, Оленька?

Дѣвушка не отвѣчала.

— Оленька?

Она подняла голову и тихо отвела отъ лица волосы.

— Не дурно ли тебѣ, другъ мой, Оленька? Ты совсѣмъ поблѣднѣла.

Глаза дѣвушки съ минуту были недвижимо устремлены на мать; вдругъ она залилась слезами и бросилась на грудь ея.

— Вѣдь онъ добрый и хорошій человѣкъ, — говорила мать, глотая слезы,—его всѣ хвалятъ... Ты привыкнешь къ нему.

Она покачала головой...

— А развѣ онъ вамъ нравится?

— Что жъ, мой другъ! въ немъ нѣтъ ничего дурного.

— Можетъ быть, но мнѣ такъ тяжело и непріятно, когда онъ и этотъ офицеръ съ очками бываютъ у насъ.

— Отчего же?

— Не знаю. Да какъ же онъ можетъ любить меня?.. Онъ меня не знаетъ...

— Какъ же не знаетъ, Оленька? Послѣднее время онъ очень часто бывалъ у насъ и все смотрѣлъ на тебя: это и я замѣтила... Полно! перестань плакать, мой другъ.

Полковница поцѣловала ее въ лобъ и пошла къ полковнику.

«Нѣтъ,—думала она,—я не могу ее утѣшить, а ей надобно утѣшеніе; такъ нельзя оставить ее».

Робко подошла она къ мужу.

Онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ и задумчиво крутилъ усы.

— Что? образумилась ли она, Дарья Николавна?

— Плачетъ. Знаете ли, Михайло Андреичъ, я все думаю, не послать ли намъ за Филиппомъ Иванычемъ: онъ человѣкъ добродѣтельный. Пусть онъ подастъ ей совѣты и утѣшитъ ее.

— Это не мое дѣло, это ваше бабье дѣло: что̀ хотите дѣлайте, только завтрашній день она должна объявить жениху согласіе. Я далъ слово, — а я старый кавалеристъ... Ну, да что̀ толковать объ этомъ... Я думалъ, что обрадую ее моею новостью. Я не зналъ, что она такая взбалмошная, избалованная. Скажи ей, чтобъ она помнила мое приказаніе!

Полковница написала къ Филиппу Иванычу записку, въ которой убѣдительно приглашала его пріѣхать къ нимъ.

Добродѣтельный человѣкъ тотчасъ послѣ обѣда явился.

— На васъ вся моя надежда, Филиппъ Иванычъ,—начала полковница, встрѣчая его:—у насъ въ домѣ большое горе.

— Что такое? Помилуйте-съ, если я могу чѣмъ помочь, то сочту себя счастливымъ: это долгъ-съ христіанскій.

Полковница объяснила ему все и умоляла его принять участіе въ ихъ положеніи и уговорить дочь не противиться отцовской волѣ.

Филиппъ Иванычъ провелъ рукою по лицу.

— Это обстоятельство важное-съ. По вашему желанію-съ, я постараюсь, какъ умѣю-съ, объяснить ей положеніе ея и подать ей совѣты-съ. Позвольте-съ мнѣ поблагодарить васъ за вашу довѣренность ко мнѣ.

— Къ кому же, Филиппъ Иванычъ, какъ не къ вамъ, обращаться въ такомъ случаѣ!

— А гдѣ же Ольга Михайловна-съ?

— Пойдемте къ ней. Я предупредила ее о вашемъ посѣщеніи.

Добродѣтельный человѣкъ подсѣлъ къ дѣвушкѣ и цѣлый часъ безъ остановки говорилъ ей о покорности, о смиреніи, о томъ, какая награда ожидаетъ послушныхъ дѣтей въ бу-

дущемъ мірѣ и какое наказаніе готовится неповинующимся волѣ родительской, о томъ, что родители всегда желаютъ дѣтямъ своимъ счастія, что намъ дана воля для того, чтобъ мы обуздывали наши желанія и безпрекословно повиновались во всемъ старшимъ.

Когда онъ ушелъ, бѣдная дѣвушка упала на диванъ безъ памяти.

Полковникъ весь вечеръ не выходилъ изъ своего кабинета.

На другой день она пришла къ отцу, объявила, что повинуется его волѣ, зашаталась и упала. Ее подняли, оттерли и посадили въ кресла. Полковникъ пожалъ ей руку и сказалъ:

— Полно, полно дурачиться, Оленька! Ничего; все обойдется; ты его полюбишь, я знаю. Мы съ женой останемся жить въ Петербургѣ, будемъ къ вамъ безпрестанно ѣздить... Поцѣлуй меня; я человѣкъ военный, старый кавалеристъ, привыкъ къ дисциплинѣ, къ порядку, отъ того строгъ немножко... что дѣлать? ужъ наша служба такая. Поѣзжай-ка съ матерью въ магазины, поразсѣйся немножко, да къ вечеру будь повеселѣе.

Вечеромъ пріѣхалъ онагръ. Онъ былъ нарядиѣе, чѣмъ когда-нибудь: въ новомъ гластукѣ, въ новой жилеткѣ, съ новой шляпой, весь пропитанный духами. Его оставили одного съ невѣстой. Нѣсколько запинаясь, объявилъ онъ ей о своихъ чувствахъ и ожидалъ ея рѣшенія.

Она отвѣчала, что не противится волѣ своего отца.

Онъ поцѣловалъ ея ручку и хотѣлъ ей говорить еще что-то, но она встала со стула и вышла изъ комнаты.

Онагръ поправилъ свои волосы, посмотрѣлъ въ зеркало и, любуясь таліей своей невѣсты, послѣдовалъ за нею.

Госпожа Бобынина какимъ-то образомъ въ этотъ же вечеръ подробно, впрочемъ, съ небольшими прибавленіями и измѣненіями, узнала объ удачномъ сватовствѣ своего бывшаго обожателя и нарочно поѣхала сообщить это важное событіе госпожѣ Горбачевой; госпожа Горбачева на слѣ-

дующее утро чѣмъ свѣтъ отправилась съ новостію къ вдовѣ Калпинской; госпожа Неврёзова... и такъ далѣе.

Офицеръ съ серебряными эполетами прибѣжалъ къ онагру:

— Ты женишься, мон-шеръ?

— Женюсь.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Да такъ, братецъ; признаться, надоѣла холостая жизнь.

— И прекрасно, мон-шеръ; а знаешь ли, этимъ ты мнѣ обязанъ: я тебя представилъ въ домъ; безъ меня, можетъ быть, ты и не женился бы. Поздравляю, мон-шеръ, поздравляю, очень радъ; возьми меня въ шафера: я люблю, когда женятся... Я и самъ хочу жениться.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Онагръ, въ отвѣтъ на свое посланіе къ маменькѣ, получилъ отъ нея письмо слѣдующаго содержанія:

«Милый сердцу моему сынъ, неоцѣненное сокровище мое. Нѣтъ силъ для выраженія того, какъ сильно подѣйствовали на меня послѣднія милыя строки твои ко мнѣ, гдѣ ты говоришь о своихъ чувствахъ и просишь моего благословенія на бракъ. Я заливалась слезами, читая твое письмо, и цѣловала его; выборъ, сдѣланный тобою, приноситъ тебѣ честь; благословляю тебя отъ всего моего сердца и желаю тебѣ счастія, коего ты вполнѣ достоинъ, какъ прекрасный сынъ, и я всю жизнь мою должна гордиться моимъ рожденіемъ. Милую невѣстку мою обнимаю заочно, прошу ея любви и цѣлую ее, моего ангела. Скажи ей, что я уже нѣсколько разъ видѣла ее во снѣ, будто я сижу у васъ въ гостяхъ, а она, моя родная, наливаетъ кофе и подаетъ мнѣ чашку. Свекровь— имя страшное, но жена твоя, другъ мой Петенька, говорю тебѣ заранѣе, будетъ для меня не невѣсткой, а родной дочерью, еще милѣе. Я, не зная ее, ужъ люблю не менѣе тебя—

что же будетъ, когда я ее узнаю?.. Прошу тебя, сердце мое, отрекомендовать меня ихъ превосходительствамъ ея папенькѣ и маменькѣ и попроси ихъ, чтобъ они приняли меня въ свое родственное расположеніе. Я все не очень здорова; къ свадьбѣ не ждите меня; сыграйте свадьбу безъ меня, увѣдомь только, котораго числа она будетъ, въ этотъ день я стану молиться за васъ, мои голубчики. Мѣсяца черезъ полтора я надѣюсь лично обнять васъ, и тогда посмотрю на ваше счастіе.

«Управляющій, рекомендованный тебѣ Дмитріемъ Васильичемъ, еще не прибылъ въ твою деревню. Бога ради, не полагайся слишкомъ на Дмитрія Васильича: онъ себѣ на умѣ и можетъ воспользоваться твоею неопытностію. Не опрометчиво ли поступилъ ты, отдавъ свой капиталъ въ его руки? а попусту убытчиться и нанимать управляющаго также, по моему мнѣнію, тебѣ не слѣдовало: сосѣдъ мой, Семенъ Никифорычъ Колпаковъ, съ удовольствіемъ бы взялся управлять твоимъ имѣніемъ и безъ всякаго возмездія: онъ извѣстенъ у насъ своимъ благородствомъ и примѣрною честностію; а этотъ еще каковъ будетъ. Подумай объ этомъ, дружочекъ, нельзя ли это дѣло поправить? Вторично благословляю тебя, а милую мою Ольгу Михайловну обнимаю».

Около половины мая квартира онагра, нанятая имъ за пять тысячъ рублей въ годъ, была окончательно омеблирована Туромъ; дача пріискана; парадная карета съ гербами готова. Незадолго до свадьбы къ нему явился ростовщикъ Шнейдъ съ различными предложеніями; ростовщикъ въ этотъ разъ кланялся и изгибался передъ Петромъ Александрычемъ, а Петръ Александрычъ очень холодно и гордо обращался съ нимъ; однако визитъ ростовщика не обошелся онагру даромъ: онъ купилъ у него двухтысячныя канделябры.

Наступилъ и день свадьбы...

Часу въ девятомъ вечера на паперти одной изъ старинныхъ петербургскихъ церквей толпился народъ, и экипажъ за экипажемъ подъѣзжалъ къ церкви.

Женихъ, окруженный своими гостями, въ мундирѣ чиновника особыхъ порученій, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башма-

кахъ съ блестящими пряжками и въ бѣломъ накрахмаленномъ галстукѣ ожидалъ невѣсту. Возлѣ него величаво стоялъ посаженный отецъ, его директоръ, также въ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо и со звѣздой, а позади директора Дмитрій Васильичъ Бобынинъ... Офицеръ съ золотыми эполетами и офицеръ съ серебряными эполетами, шафера онагра, бѣгали по церкви, наполненной любопытными, и высматривали хорошенькихъ.

Церковь была въ полномъ освѣщеніи.

— Невѣста! невѣста!—вдругъ раздался шопотъ, и все пришло въ движеніе, всѣ головы заколебались...

Дорога отъ дверей къ алтарю очистилась... Появился бѣлокурый мальчикъ, кудрявый и румяный, съ образомъ... За нимъ она, а за нею разряженныя дѣвицы и дамы, и добродѣтельный человѣкъ съ огромнымъ ртомъ, въ мундирѣ, въ лентѣ и со звѣздою.

Ее поставили на атласъ, рядомъ съ женихомъ, и дали имъ въ руки вѣнчальныя свѣчи.

Когда церемонія кончилась, священникъ приказалъ поцѣловаться молодымъ; затѣмъ они приложились къ образамъ Начались поздравленія. Цвѣты и брилліанты, румяна и бѣлила двинулись къ молодой: и Катерина Ивановна Бобынина, и Елена Сергѣевна Горбачева, и вдова Калпинская, и всѣ, и всѣ... Наконецъ молодую повели къ каретѣ.

Молодой улыбался и перешоптывался съ своими шаферами...

— Что это, какъ Ольга Михайловна блѣдна, монъ-шеръ?—говорилъ офицеръ съ серебряными эполетами при разъѣздѣ.

— Здорова ли она?

— Слава Богу, братецъ—отвѣчалъ молодой,—она у меня скоро поправится. Ничего! и румянецъ на щечкахъ заиграетъ...

Офицеры перемигнулись между собою и сказали почти въ одно слово:

— Счастливецъ, мон-шеръ, счастливецъ!—и погрозили молодому, улыбаясь выразительно.

Гулъ кареты замеръ въ отдаленіи.

Толпа разбрелась въ разныя стороны.

У церковной ограды стояли только двѣ женщины въ салопахъ, одна молодая, другая пожилая.

— Знаете ли, Матрена Петровна, вѣдь свадьба-то была скучная? — сказала молодая.

— Ужъ не говори, Настенька. Признаюсь! нечего было и смотрѣть, — возразила пожилая. —Сказали, что невѣста красавица, а она просто выглядитъ, какъ мертвецъ въ гробу.

— Замѣтили вы, Матрена Петровна, что она, садясь въ карету, оступилась?

— Да, да! скажите, пожалуйста! вѣдь это предурная примѣта, Настенька? я видѣла, что и свѣча-то ея гораздо короче жениховой.

— Прощайте, Матрена Петровна, заходите къ намъ.

— Прощай, Настя.

Онѣ поцѣловались...

Начиналъ накрапывать мелкій весенній дождикъ; распустившіеся листочки на деревьяхъ, окружавшихъ ограду, разливали въ тепломъ воздухѣ благоуханіе, и огненныя полосы, тянувшіяся по небу отъ запада, потухали.

АКТЕОНЪ.

Actaeon Rhinoceros принадлежитъ къ насѣкомымъ жесткокрылымъ (coleoptera). Имѣетъ голову немного сплющенную и украшенную однозубчатымъ рогомъ съ раздвоеннымъ концомъ, а брюшко полное. Какъ и всѣ совершенныя насѣкомыя (insectum declaratum), онъ не имѣетъ красной крови въ своемъ тѣлѣ, замѣсто оной снабженъ бѣловатымъ сокомъ; вмѣсто же сердца длиннымъ, неровной величины проходомъ. Сей актеонъ, подобно прочимъ своей породы, приготовляетъ себѣ логовища для своего продолжительнаго засыпанія; любитъ водиться на скотопаствахъ, а особливо въ коровьемъ навозѣ. Какъ и всѣ насѣкомыя, онъ необычайно плодовитъ; отъ преслѣдованія своихъ непріятелей защищается смрадомъ, который въ случаѣ нужды отъ себя распространяетъ».

(Руководство къ Естественной Исторіи *Блуменбаха,* переведенное исторіи гражданской и географіи учителями *Петромъ Наумовымъ* и *Андреемъ Теряевымъ*).

ГЛАВА I.

Село *Долговка,* ***ской губерніи, ** уѣзда выстроено на отлогой возвышенности по лѣвую сторону рѣчки Брысы, которая, красиво извиваясь, образуетъ своимъ прихотливымъ теченіемъ небольшіе островки. Эти островки, обсаженные густо разросшимися ивами, служатъ любимымъ пріютомъ для барскихъ гусей и утокъ, и потому почва ихъ обыкновенно покрыта въ лѣтнюю пору гусиными и утиными перьями. Напротивъ островковъ, саженяхъ въ двухстахъ отъ берега Брысы, стоитъ своеобразной архитектуры деревянный двухъэтажный барскій домъ, съ мезониномъ и съ огромнымъ подъѣздомъ, ме-

жду полусгнившими ступеньками котораго уже прорывается мѣстами трава. По обѣимъ сторонамъ дома образуютъ полукругъ одноэтажные флигеля, гдѣ помѣщаются: двория, прачечныя, ткацкія, столярныя и прочее. Среди широкаго и заросшаго травой двора красуется деревянная раскрашенная статуя. Направо возвышается старинная пятиглавая церковь, въ родѣ Успенскаго собора; налѣво мелькаютъ крылья вѣтряной мельницы. За барскимъ домомъ большой темный садъ, заросшій крапивою, огородъ съ капустою, прудъ съ тиною, развалившаяся оранжерея съ безплодными персиковыми деревьями, нѣсколько десятковъ яблонь и вишень, нѣсколько кустовъ малины, смородины и крыжовника. Въ концѣ сада баня, необшитая тесомъ, ветхая и однимъ бокомъ прислонившаяся къ высокой рябинѣ; за садомъ различныя хозяйственныя заведенія, какъ-то: кладовыя, амбары и псарня — зданіе величественное, занимающее довольно большое пространство; а далѣе крестьянскія избы, или покачнувшіяся на сторону, или вросшія въ землю, почти всѣ крытыя соломой, почернѣвшей отъ дождей и дыма. При въѣздѣ въ село и при выѣздѣ изъ него торчатъ по два бревна, воткнутыя въ землю, съ перекладиной наверху, называющіяся воротами, которыя, впрочемъ, никогда не запираются, и плетень, замѣняющій заборъ, черезъ который впрочемъ, можетъ перелѣзть четырехлѣтній младенецъ. У этого плетня пестрые столбы съ дощечками, на которыхъ начертано: *Село Долговка *** губерніи, ** уѣзда. Помощника титулярнаго совѣтника Петра Александровича Разнатовскаго, душъ мужеска пола 810, дворовъ 102.*

Но всего лучше въ селѣ Долговкѣ то мѣсто, гдѣ Брыса за островками круто поворачиваетъ свое теченіе. У этого поворота устроена водяная мельница, и смиренная, тихая рѣчка, по которой въ жаркій лѣтній день въ иныхъ мѣстахъ проходятъ въ бродъ ребятишки и куры, широко и красиво разливается у мельницы. Противъ самой мельницы, на противоположномъ берегу, растутъ, наклоняясь другъ къ другу, дубъ и береза, соприкасаясь своими вершинами, а у корней ихъ лежитъ большой булыжникъ, какъ нарочно устроенная скамей-

ка, покрытый мохомъ, точно бархатомъ. Хорошо въ удушливый іюньскій день разлечься на этомъ камнѣ въ тѣни дружныхъ деревьевъ, прислушиваясь къ ропоту воды и глядя на необозримыя поля, дышащія колосьями! Но всего замѣчательнѣе и удивительнѣе въ Долговкѣ мостъ черезъ рѣчку Брысу, при въѣздѣ въ село. Онъ, кажется, едва держится на двухъ сваяхъ, такъ, что неопытный городской житель при всей отвагѣ не рѣшится пройти по немъ не перекрестясь,— а вотъ уже 10 лѣтъ какъ по этому мосту беззаботно проѣзжаютъ крестьяне съ возами, тяжело пагруженными сѣномъ или хлѣбомъ, и помѣщики въ своихъ колымагахъ, набитыхъ перинами и подушками.

Въ одно майское праздничное утро 183* года въ селѣ Долговкѣ было необычайное движеніе. Всѣ обоего пола ревизскія души находились въ величайшемъ волненіи. На главной улицѣ села, которая отъ удивительнаго моста черезъ рѣку Брысу шла прямо до самаго выѣзда, — на этой улицѣ пошире и покрасивѣе другихъ (ибо здѣсь находилась двухъэтажная изба старосты съ подзорами, крытая досками), молодые парни стояли вооруженные метлами, а бабы въ кумачныхъ сарафанахъ группами сидѣли на завалинахъ избъ своихъ съ младенцами на рукахъ; мальчишки и дѣвчонки, подросточки, бѣгали съ крикомъ между поросятами и свиньями или валялись въ мелкой пыли, которую парни сметали на сторону. Во внутренности избъ оставались однѣ еле движущіяся старухи, или, лучше сказать только ихъ туловища, головы же ихъ, впрочемъ, болѣе походившія на грибные наросты у гнилыхъ заборовъ, чѣмъ на головы,—торчали изъ щелей, т.-е. изъ оконъ. «Что? еще пе видать кормильца-то?» спрашивали опѣ у молодицъ. «Гдѣ-ста, еще рано!» отвѣчали молодицы.

Но самое большое стеченіе народа было у моста. Тамъ стоялъ управитель села, Назаръ Яковличъ, чиновникъ 12 класса, выключенный за взятки изъ коронной службы и рекомендованный помѣщику села Долговки г. Бобынинымъ,— человѣкъ средняго роста, плотный, съ полнымъ лицомъ и съ сиповатымъ голосомъ.

— А что, Андрюха, — говорилъ онъ, сомнительно посматривая на удивительный мостъ и обращаясь прямо къ старостѣ, — мостъ-то плоховатъ, братецъ; ну, какъ онъ провалится... а?..

Староста, въ красной рубахѣ, мужикъ здоровый и толстый, съ бѣлокурыми густыми волосами въ формѣ шапки, съ рыжеватою бородою, почесалъ въ затылкѣ и отвѣчалъ съ тою милою беззаботностью, которая такъ идетъ къ русскому человѣку:

— А пожалуй, что и провалится!

— То-то же провалится! — продолжалъ управляющій, — осмотри-ка его хорошенько; долго ли до бѣды, Андрюха!

Староста началъ внимательно осматривать мостъ.

— А что, батюшка, Назаръ Яковличъ, — сказалъ онъ, кончивъ осмотръ и почесываясь, — развѣ что перемѣнить эти двѣ доски... вишь онѣ больно ужъ подгнили, а мостъ нешто себѣ: еще здоровъ.

Когда доски были перемѣнены, управляющій оборотился къ толпѣ крестьянъ, окружавшей его.

— Слышите же вы!.. сора изъ избы не выносить! — воскликнулъ онъ торжественно и поднявъ надъ головой сжатый кулакъ, — до барина никакихъ дрязговъ не доводить, не смѣть безпокоить его ни жалобами, ни просьбами, а не то я по свойски развѣдаюсь съ вами...

— Зачѣмъ жаловаться, Назаръ Яковличъ? Чтó прикажетъ твоя милость, то и будемъ дѣлать. На то ты поставленъ надъ нами набольшій, — раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

— То-то же! — говорилъ управляющій, — а въ особенности ты, Еремка...—Управляющій обратился къ мужику высокаго роста, очень дородному, съ густой черной бородой и съ растрепанными волосами. — Ты всегда всѣхъ мутишь... учишь всему скверному... смотри, берегись у меня... тебѣ бы все въ кабакъ ходить да на печкѣ лежать.

— Было бы на что еще въ кабакъ-то ходить, — проворчалъ Еремка.

Управляющій сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этого ворчанія, и продолжалъ:

— Если баринъ, примѣрно, спроситъ васъ: «Ну, а довольны ли вы управляющимъ?» отвѣчать: «довольны, батюшка, Петръ Александрычъ, довольны, благодаримъ тебя, отецъ нашъ, за него». Слышите?

— Слушаемъ, Назаръ Яковличъ.

Крестьяне поклонились управляющему въ поясъ.

— Какъ только покажется вдали пыль и какъ махальный дастъ знать о томъ, что ѣдетъ, вы сейчасъ и идите навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Андрюха, а кто у тебя махальные-то?

Управляющій обратился къ старостѣ.

— Кондрашка Лысый, — отвѣчалъ староста; — да еще Флегошка, Ермолаевъ сынъ.

— Ладно. Они, кажись, не зѣваки?

— Ужъ сохрани Господи своего барина прозѣвать, батюшка, Назаръ Яковличъ.

Управляющій вынулъ изъ кармана серебряные часы, величиною съ добрую рѣпу, приложилъ ихъ сначала къ уху, потомъ посмотрѣлъ на нихъ.

— Э-ге! сорокъ минутъ девятаго. Надо быть, братцы, наготовѣ.

Въ эту минуту солнце, скрывавшееся за грядою легкихъ облаковъ, торжественно выглянуло, и блистательные лучи его весело заиграли на клеенчатомъ картузѣ управляющаго.

— Кажется, и солнышко-то, — сказалъ онъ, значительно улыбаясь, — хочетъ вмѣстѣ съ нами радоваться и встрѣчать Петра Александрыча.

Управляющій отошелъ въ сторону отъ толпы крестьянъ и остановился на берегу немного лѣвѣе моста. Тамъ черпала воду въ ведро дѣвка лѣтъ восемнадцати, толстая, дородная и румяная, въ новомъ сарафанѣ.

— Здравствуй, Настя, — сказалъ ей управляющій. Глаза его подернулись масломъ, и ротъ образовалъ гримасу.

Дѣвка, не приподнимаясь, обернулась къ нему и отвѣчала протяжно:

— Здорово, Назаръ Яковличъ! — и потомъ равнодушно продолжала свое занятіе.

— Что-то больно давно тебя не видно, Настя?

Дородная дѣвка зачерпнула два полныя ведра воды, положила на плечо коромысло и, казалось, не чувствуя ни малѣйшей тяжести, поднялась на берегъ.

— Право что-то тебя не видно, Настя? — продолжалъ управляющій, подходя къ ней, — а? — Онъ лукаво улыбнулся.

— Коли не видно, — отвѣчала Настя, — а на гумнѣ-то?

— Да, въ самомъ дѣлѣ! А я вотъ какъ только удосужусь послѣ пріѣзда Петра Александрыча, сейчасъ же съѣзжу въ городъ, куплю тебѣ подвѣски...

Управляющій хотѣлъ еще продолжать разговоръ съ Настей, но сзади его кто-то произнесъ голосомъ стентора:

— Наше почтеніе Назару Яковличу.

Передъ Назаромъ Яковличемъ предсталъ человѣкъ лѣтъ 55, роста исполинскаго, въ длинномъ сюртукѣ травяного цвѣта изъ деревенскаго сукна и въ широкихъ лазурнаго цвѣта кумачныхъ панталонахъ, съ лицомъ небритымъ и съ грязными руками.

— А, Наумычъ, какъ, братъ, поживаешь? — спросилъ управляющій.

— Какое наше житье! Какъ вы, сударь, можете?... Что дѣтки ваши? супруга?..—Антонъ искоса посмотрѣлъ па удалявшуюся Настю.

— Хоть бы вы, Назаръ Яковличъ,—продолжалъ Антонъ:— мѣсячины намъ прибавили... Вѣдь тридцать лѣтъ, сударь, служу! что, право! Сами знаете, батюшка, у меня этакая обуза дѣтей, всѣ ѣсть требуютъ, чтó съ ними будешь дѣлать?

Управляющій нѣсколько нахмурился.

— Грѣхъ сказать, Наумычъ; у тебя мѣсячина хорошая; зачѣмъ напрасно Бога гнѣвить? Живешь ты спокойно, какъ у Христа за пазухой; дѣла никакого нѣтъ.

— Да какая это мѣсячина?—возразилъ Антоиъ, наморщивая лобъ,—при покойникѣ я какія можно сказать должности пе произошелъ: и буфетчика, и камердена... ну, разумѣется, перепадала копейка, а теперь откуда возьмешь? По міру итти не приходится. Хоть бы вы дѣткамъ синяго су-

конца на платье пожаловали; совсѣмъ, ей Богу, обносились.

— Хорошо, хорошо, Наумычъ.

— Ну, и за то дай Богъ вамъ здоровья! Антонъ вынулъ изъ кармана тавлинку и понюхалъ приговаривая:

— И табачишка-то иной разъ не на что купить... А сколько я на свой вѣкъ барскаго-то добра сохранилъ. Вотъ, хоть бы по воскресеньямъ: у насъ обѣдали и исправникъ, и засѣдатель, и всѣ эти, знаете, изъ города. Шампанское всегда изъ Москвы выписывали; бывало, кричитъ:—«Антонъ, шампанскаго!» — а у меня всегда наготовѣ двѣ бутылки—кто получше, ну тому шампанскаго, а остальные, думаю себѣ, и цимлянскимъ довольствуются, да еще губы оближутъ; не по коню кормъ, сударь. То, думаю себѣ, для хорошихъ господъ.

Управляющій засмѣялся.

— Оно, конечно,—продолжалъ Антонъ,—молодые господа — это совсѣмъ не то; а мнѣ старику что за дѣло! Я тридцать лѣтъ ихнему дяденькѣ служилъ. Да вонъ, анамеднясь, засѣдателя въ городѣ встрѣчаю. «А!» говоритъ: «Антонъ Наумычъ, старый знакомый, здравствуй!»—Здравствуйте, Ѳедоръ Иванычъ.—«Что, братъ» говоритъ: «худо безъ стараго барина?»—Гм! разумѣется, не то, что бывало, что̀ толковать! Оно, конечно, еще по милости Назара Яковлича живемъ-таки; что-то будетъ, какъ новый баринъ пріѣдетъ. «Жаль» говоритъ: «старичка, жаль!..» Не прикажете ли, батюшка Назаръ Яковличъ, табачку?

Управляющій взялъ щепотку табаку и потрепалъ Антона по спинѣ.

— Старые слуги, Наумычъ, ей Богу, лучше новыхъ, — это мое правило. Я объ тебѣ поговорю Петру Александрычу, непремѣнно поговорю.

— Дай вамъ Богъ здоровья, Назаръ Яковличъ... Мы всѣ довольны вами, а на мужичье-то нечего смотрѣть. Извѣстное дѣло — козлиныя бороды, лѣнтяи... Вотъ, правда, изъ нихъ Максимъ, Настинъ отецъ, мужикъ добрый, нечего ска-

зать, и работящій... Не забудьте же, батюшка, суконца-то деткамъ на платьишко...

Рѣчь Антона была прервана крикомъ оторопѣвшаго старосты:

— Его милость ѣдетъ, ѣдетъ!.. Махальный далъ знакъ...

Всѣ пришли въ движеніе. Крестьяне и крестьянки перешли за мостъ и остановились. Лица добрыхъ крестьянъ и крестьянокъ обыкновенно вытянулись отъ любопытства и нетерпѣнія; большая часть ртовъ раскрылась, всѣ глаза устремились на дорогу—однако по дорогѣ еще ничего не было видно. Узенькая дорога, извиваясь между засѣянными полями, исчезала за оврагомъ, потомъ снова виднѣлась иа горѣ и наконецъ совсѣмъ пропадала за мелкимъ лѣсомъ, который окаймлялъ горизонтъ. Управляющій бѣгалъ изъ стороны въ сторону, подергивая свой жилетъ. Его щеки замѣтно поблѣднѣли; съ поднятымъ вверхъ кулакомъ онъ нѣсколько разъ обращался къ крестьянамъ, повторяя:—смотрите же вы у меня!—Антонъ проворчалъ:—пойду-ка, обрадую барыню,— и направилъ свои исполинскіе шаги къ барскому дому. Вѣсть о томъ, что «его милость ѣдетъ», распространилась въ одно мгновеніе по всей деревнѣ, и въ то время, какъ Антонъ входилъ на крыльцо барскаго дома, пономарь бѣжалъ уже изо всѣхъ силъ къ колокольнѣ. Безконечныя фалды сюртука понамарскаго, развѣваемаго вѣтромъ, уподоблялись крыльямъ летучей мыши, и длинная заплетенная коса, выпущенная понамаремъ сверхъ сюртука, болталась, ударяла его по спинѣ.

Антонъ произвелъ величайшее волненіе въ барскомъ домѣ. Въ этомъ домѣ съ нѣкотораго времени поселилась мать помѣщика—Прасковья Павловна, переѣхавшая изъ своей деревни, чтобъ собственными руками приготовить все нужное къ пріѣзду сына, нѣжно любимаго ею. Злые языки *** губерніи утверждали, однако, будто она переѣхала въ сыновнее имѣніе потому, что совершенно прожила свое собственное. Какъ бы то ни было, достовѣрно только, что въ продолженіе двухнедѣльнаго своего пребыванія въ селѣ Долговкѣ Прасковья Павловна постоянно вмѣшивалась во всѣ хозяйственныя

распоряженія по женской части и совершенно поссорилась съ женою управляющаго Назара Яковлича. «Ей, бестіи»— замѣчала Прасковья Павловна: «хорошо чужимъ добромъ распоряжаться, ей что̀ беречь чужое добро! Вишь, какъ ее раздуло на чужомъ-то хлѣбѣ, — а онъ мой сынъ; мнѣ его копейка такъ же дорога, какъ своя собственная, еще дороже!» Вскорѣ послѣ пріѣзда Прасковьи Павловны произошелъ еще совершенный разрывъ между попадьей и дьяконицей, но это не относится къ моему разсказу. Дѣло въ томъ, что Прасковья Павловна, услышавъ отъ Антона радостную вѣсть о приближеніи своего сына, котораго она не видала лѣтъ восемь, едва не упала въ обморокъ. Она начала порываться къ дверямъ и всхлипывать, приговаривая: «голубчикъ мой, ангелъ мой! наконецъ дождалась я этой минуты... Благодарю моего Бога!..» Волненіе Прасковьи Павловны было такъ велико, что находившаяся при ней, съ незапамятнаго времени, дѣвушка-сирота, лѣтъ тридцати шести, *дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей*, въ испугѣ бросилась къ Антону и закричала:

— Ахъ, какой ты неосторожный, Антонъ! тебѣ слѣдовало прежде меня предувѣдомить, а то вдругъ, какъ можно?.. Ну кабы что случилось.

— А чему случиться-то?—возразилъ Антонъ съ неудовольствіемъ, отходя въ сторону.—Не знаю я, что ли, какъ съ господами говорить? Я при покойникѣ-то тридцать лѣтъ прослужилъ, слава Богу; вишь учить... вздумала... случится!..

— Анеточка!—сказала Прасковья Павловна, обращаясь къ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей,—пойдемъ, душенька, къ нему, къ голубчику моему навстрѣчу... Нѣтъ, ужъ я не могу здѣсь дожидаться, какъ хочешь—не могу.

Прасковья Павловна тяжело дышала и безпрестанно подносила платокъ къ глазамъ... Милый другъ мой, Петенька! Милый другъ мой! — восклицала она отъ времени до времени, въ порывѣ материнскаго восторга.

— Подай мнѣ, Анеточка, мой платокъ, желтый турецкій... Такъ вотъ, не повѣришь, даже колѣни дрожатъ.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей принесла желтый платокъ.

Прасковья Павловна подошла къ зеркалу и, несмотря на свое внутреннее волненіе, стала поправлять передъ зеркаломъ свой чепчикъ и надѣвать платокъ. Прасковьѣ Павловнѣ казалось лѣтъ подъ пятьдесятъ; она была очень дородна, имѣла ростъ среднiй, выщипывала слишкомъ густыя брови, подкрашивала сѣдые волосы и, вообще, кажется, желала еще нравиться.

Она вышла на крыльцо, сопровождаемая дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Тамъ толпилась уже вся многочисленная дворня: псари, столяры, ткачи и проч., съ женами и дѣтьми. Антонъ переходилъ отъ одного къ другому, отъ одной къ другой и, нахмуривъ брови, разсказывалъ имъ о чемъ-то съ важностью, усиливая свои разсказы выразительными жестами. У самаго крыльца стояло человѣкъ до десяти исполиновъ, еще десять Антоновъ, которые, однако, назывались не Антонами, а Фильками, Ѳомками, Васьками, Ѳедьками, Яшками и Дормидошками. Всѣ они, впрочемъ, имѣли одно общее названіе *малый*. Эти «малые» были небриты и облечены въ сюртуки до пятъ. Съ перваго взгляда ихъ невозможно было отличить другъ отъ друга; но глазъ зоркій и наблюдательный, по заплатамъ, оборваннымъ локтямъ и пятнамъ па сюртукахъ ихъ, вѣроятно, успѣлъ бы подмѣтить, чѣмъ Филька разнился отъ Васьки, а Васька отъ Ѳедьки, и такъ далѣе.

Прасковья Павловна на послѣдней ступенькѣ крыльца была на минуту остановлена высокой и худощавой старухой, одѣтой нѣсколько поопрятнѣе и получше другихъ дворовыхъ женщинъ. На этой старухѣ было надѣто ситцевое платье полурусскаго, полунѣмецкаго покроя, до половины закрытое тѣлогрѣйкою; голова ея тщательно была повязана шелковымъ платкомъ, съ бантикомъ на темени, а изъ-подъ платка торчали сѣдые волосы. Она бросилась къ Прасковьѣ Павловнѣ съ криками:

— Матушка, сударыня... Сподобилъ-таки меня Господь окаянную дожить до такой радости!.. Говорятъ, соколъ-то

мой ясный, красное-то мое солнышко, ужъ близехонько отъ насъ!

Голова старухи тряслась, и слезы катились ручьемъ по ея морщинистымъ щекамъ.

— Да, Ильинишна,—отвѣчала Прасковья Павловна, поднося платокъ къ глазамъ,—ахъ, батюшки мои! не знаю, что со мной будетъ отъ радости... Не перенесу этого, не перенесу!.. Пойдемъ къ нему навстрѣчу, няня.

Но няня не слыхала словъ своей барыни: она была уже далеко. Мысль о свиданіи съ тѣмъ, кого она вырастила и кого столько лѣтъ не видала, придала ей силу и бодрость изумительную. Семидесятилѣтняя старуха бѣжала съ скоростью пятнадцатилѣтней дѣвочки къ знаменитому мосту, у котораго мы оставили управляющаго и крестьянъ съ хлѣбомъ-солью.

Прасковья Павловна, съ дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, послѣдовала за нею, а за ними двинулась вся дворня.

— Вотъ увидишь, Анеточка,—говорила дорогою Прасковья Павловна дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей,—вотъ теперь сама увидишь, душа моя, каковъ мой Петенька; онъ совершенный бельомъ; брови, знаешь, этакъ дугой, немного похожи на мои; глаза голубые, бирюзоваго цвѣта,—не знаю, можетъ быть теперь перемѣнились,—вѣдь ты знаешь, душечка, какъ непрочны голубые глаза, сейчасъ посѣрѣютъ. А ужъ какъ любитъ меня!.. И на воспитаніе, можно сказать, я ничего не жалѣла для него... Какихъ учителей у него ни было! По-французски такъ и рѣжетъ; ужъ на что, бывало, французъ у насъ въ домѣ и тотъ заслушается его, какъ онъ, бывало, заговоритъ по-французски, ей Богу...

— А я горю нетерпѣніемъ познакомиться съ Ольгой Михайловной,—замѣтила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, жеманно поправляя платочекъ, накинутый на ея головѣ,—натурально, у нея должно быть все особенное: столичная жизнь не то, что наша деревенская...

— О, что касается до моей Оленьки,—съ жаромъ перебила Прасковья Павловна,—мнѣ писали объ ней изъ Петербурга,

что она ужъ такая модница... такая... и красавица: черная бровь и римскій носъ. Самая, говорятъ, бонтонная дама... Это очень натурально: генеральская дочь. Кому же и быть на виду, какъ не генеральской дочери?

При этихъ словахъ на лицѣ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей обнаружилось судорожное движеніе, и она начала кусать нижнюю губу.

— Ахъ, милая Анеточка, ты не испытала еще материнскаго чувства,—продолжала Прасковья Павловна,—и не можешь представить себѣ, дружочекъ, вполнѣ моего положенія...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей поблѣднѣла. Она никогда не могла равнодушно слушать о *материнскихъ чувствахъ* и перемѣнила разговоръ.

Между тѣмъ, онѣ подошли къ мосту. Управляющій, увидѣвъ Прасковью Павловну, подбѣжалъ къ ней. Онъ началъ изгибаться передъ нею, кланяться, разсказывать о своихъ распоряженіяхъ.

Но Прасковья Павловна равнодушно слушала его, изрѣдка кивая головою и принужденно улыбаясь. Вдругъ рѣчь словоохотливаго управляющаго прервалась. Онъ запкнулся на полсловѣ...

— Пыль! пыль!—кричала няня,—видите ли пыль?.. Это онъ, родимый мой, онъ!

Старуха стояла за мостомъ впереди всѣхъ и не сводила глазъ съ дороги. Ея сгорбленный станъ выпрямился. Ея сѣдые волосы, торчавшіе изъ-подъ платка, развѣвалъ вѣтеръ; руки ея были протянуты къ лѣску, изъ-за котораго въ самомъ дѣлѣ подымался столбъ пыли, и глаза ея, всегда мутные и неподвижные, засверкали въ эту минуту.

— Онъ! онъ!—повторила Прасковья Павловна, побѣжавъ на мостъ и таща за собою дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Они! они-съ!—кричалъ управляющій, слѣдуя за Прасковьей Павловной.

Большая дорожная четырехмѣстная карета, запряженная

шестернею, выѣхала въ эту минуту изъ-за лѣска и начала осторожно спускаться въ оврагъ.

— Эй, вы, голубчики, пошевеливайтесь! — кричалъ сѣдобородый кучеръ, махая кнутомъ, когда лошади стали подниматься изъ оврага.

— Вытягивай, вытягивай постромки-то!

Карета выѣхала на ровное мѣсто, и въ эту самую минуту раздался благовѣстъ, призывавшій прихожанъ церкви села Долговки къ обѣднѣ. Кучеръ снялъ шляпу и перекрестился. Изъ окна кареты выглянуло круглое лицо мужчины. Этотъ мужчина закричалъ кучеру:

— Стой, стой!..

Карета остановилась.

Лакей, съ сережкой въ ухѣ, сидѣвшій съ ямщикомъ на козлахъ, съ столичною ловкостью подбѣжалъ къ дверцамъ и схватился было за ручку, какъ вдругъ могучая рука Антона невѣжливо оттолкнула его и отворила дверцы.

Лакей съ сережкой въ ухѣ презрительно улыбнулся, посмотрѣлъ на Антона, а Антонъ, нахмуривъ брови, измѣрилъ его съ ногъ до головы и проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Намъ-ста не въ диковинку, братъ, этакіе. Видали всякихъ!

Изъ кареты выскочилъ человѣкъ лѣтъ двадцати девяти, полный, бѣлокурый, въ камлотовомъ пальто, съ черепаховымъ лорнетомъ на шнуркѣ и въ дорожной фуражкѣ, съ длинною шелковою кистью.

Едва онъ успѣлъ коснуться одною ногою земли, какъ уже почувствовалъ себя въ горячихъ материнскихъ объятіяхъ. Прасковья Павловна прижимала его къ груди, стонала, охала и кричала раздирающимъ душу голосомъ:

— Петенька... Петенька... голубчикъ мой... Ты ли это, другъ мой милый?.. Не во снѣ ли я?.. Узнаешь ли ты меня, батюшка мой?.. Дай посмотрѣть на себя...

Петръ Александрычъ, — тотъ самый, который былъ извѣстенъ читателю подъ именемъ онагра, задыхаясь отъ поцѣлуевъ и ласкъ, не могъ ни говорить, ни шевелиться. Такъ прошло минутъ пять. Наконецъ онъ освободился отъ объя-

тій, перевелъ дыханіе, отряхнулся, прокашлянулъ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, маменька, представить вамъ жену мою.

Онъ оборотился назадъ и указалъ рукой на даму лѣтъ двадцати четырехъ, высокую и стройную, одѣтую просто, по-дорожному.

Лицо ея было блѣдно, большіе черные глаза выражали утомленіе (очень натуральное послѣ двухнедѣльной ѣзды), густые волосы, нѣкогда разсыпавшіеся локонами до плечъ (и обратившіе на себя вниманіе офицера съ серебряными эполетами на балѣ госпожи Горбачевой), были зачесаны гладко.

Прасковья Павловна окинула свою невѣстку взглядомъ быстрымъ, проницательнымъ, — и ринулась на нее съ крикомъ:

— Ангелъ мой!.. сокровище мое!.. Ольга Михайловна!.. Другъ ты мой!.. Прошу полюбить меня... А я за васъ молилась всякій день, ангелъ мой, ночи не спала, все думала, когда-то увижу моихъ родныхъ дѣточекъ... Дай обнять тебя, сердце мое!.. Дай посмотрѣть на себя... Здоровы ли ваша маменька, папенька, мой дружочекъ?

Прасковья Павловна, не выпуская ее изъ объятій, отодвинула свою голову немного назадъ и посмотрѣла на невѣстку съ выраженіемъ безконечнаго умиленія.

— Красавица! просто красавица! Ну, ни дать, ни взять, какъ я видѣла васъ, мое сердце, во снѣ. Я и Петенькѣ объ этомъ писала: брюнетка, глаза на выкатѣ, двѣ капли воды... Поцѣлуйте меня, другъ мой, милая дочь моя...

Та, къ которой относились эти восторженныя рѣчи и восклицанія, стояла нѣсколько секундъ съ потупленными глазами, — и едва замѣтный румянецъ показался на щекахъ ея: потомъ она наклонилась, чтобъ поцѣловать руку свекрови.

— Что это вы, мой ангелъ! — закричала Прасковья Павловна, — какъ это можно! Стою ли я того, чтобы вы цѣловали мою руку?.. Лучше поцѣлуйте меня, моя родная... Вотъ это другое дѣло. Ну, не ошиблась я въ Петенькиномъ вкусѣ! Ужъ я въ немъ была увѣреиа заранѣе... Такой выборъ дѣлаетъ ему честь, а я, можно сказать, должна гордиться, что имѣю та-

кую невѣстку... Батюшка!.. вотъ онъ, а я и не вижу его!.. Прасковья Павловна отъ невѣстки бросилась къ внучку.

Пожилая женщина въ чепцѣ держала на рукахъ дитя, которому казалось лѣтъ около двухъ.

Прасковья Павловна начала цѣловать внучка, а внучекъ началъ ревѣть.

— Не плачь, Сашенька, — приговаривала Прасковья Павловна, — не плачь, херувимъ мой... Съ тобой говоритъ бабушка... Слышишь, другъ мой, бабушка... Скажи: ба-ба! ба-ба!.. Вылитый отецъ, ей Богу!.. И глаза совершенно его, и ротъ... Вотъ и пересталъ плакать... умница!.. Онъ будетъ любить бабушку... Вѣдь даромъ, что младенецъ, а понимаетъ, что я ему не чужая; и въ этакихъ крошкахъ есть чувство...

— Скажите же, Александръ Петровичъ: *баба*, — замѣтила нянюшка, — онъ у насъ говоритъ, сударыня, мама, и папа, и баба...

— Ахъ, мой милый Сашурочка!.. Счастливый день для твоей бабушки, подлинно счастливый... А я для тебя, ангелъ мой, гостинцу приготовила... Бабушка объ тебѣ, и не зная тебя, заботилась... варенье ли варю или что этакое, все думаю: это моему Сашенькѣ...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, остававшаяся въ продолженіе этихъ родственныхъ сценъ на второмъ планѣ, начинала уже явно тяготиться неловкостью своего положенія. Она искоса посматривала на столичную даму и никакъ не рѣшалась поступить противъ этикета, чтобъ заговорить съ ней, не будучи сначала ей представлена. Для этого она рѣшилась деликатно напомнить о себѣ Прасковьѣ Павловнѣ. Она подошла къ ея внучку и сказала съ пріятнымъ выраженіемъ, закативъ нѣсколько глаза подъ лобъ:

— Ахъ, какой прелестный ребенокъ!

— Анеточка, ты здѣсь, мой другъ?—возразила Прасковья Павловна. — Боже мой, я тебя до сихъ поръ не представила моимъ дѣткамъ... Ольга Михайловна, другъ мой, — Петенька, позвольте мнѣ отрекомендовать вамъ эту дѣвицу... Она у меня взята вмѣсто дочери... Я дала ея родителямъ слово на смертномъ одрѣ не оставлять ее. Она круглая сирота, думаю себѣ,

исполню священный долгъ, можетъ быть, за это меня Богъ и не оставитъ... Полюбите ее, родная моя; я увѣрена, что вы съ ней сойдетесь... Она у меня такая охотница до книгъ... все читаетъ... у сосѣда нашего всю библіотеку прочла... романы страсть ея... вотъ вы вмѣстѣ читать будете, гулять, — и подружитесь.

Между тѣмъ, какъ Прасковья Павловна занималась невѣсткою, внучкомъ и дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, къ Петру Александрычу подошла старушка-няня, все время не спускавшая съ него глазъ и заливавшаяся слезами.

— Узнаешь ли меня, красное солнышко, батюшка мой?— произнесла она дрожащимъ голосомъ, утирая кулакомъ слезы и кланяясь въ поясъ, — кормилецъ мой, узнаешь ли ты меня? Какъ ты перемѣнился, другъ мой сердечный, какой молодецъ сталъ!.. Дай мнѣ твою ручку...

Она схватила его руку и поцѣловала ее, заливаясь слезами.

— А ты мало перемѣнилась, няня! все такая же. Право.

— Какъ не перемѣниться, кормилецъ?.. Совсѣмъ стара стала... И глухота-то одолѣла меня, почитай что ужъ годъ,— съ Петрова дня, на правое ухо совсѣмъ не слышу,—и ноги-то ужъ не такъ ходятъ... Думала, что Господь и не сподобитъ меня увидѣть моего сокола яснаго. Боже мой, Боже мой!

Няня качала головой и вздыхала.

— Давно ли, кажется, я носила тебя на рукахъ? а вотъ ужъ у тебя и у самого дѣтки. Бывало, я ѣмъ кислую капусту, а ты, голубчикъ мой, кричишь: няня, дай капусты!.. ей Богу. Ты ужъ, я думаю, позабылъ объ этомъ? А вѣдь маленькій какой былъ охотникъ до капусты!.. Кушаешь ли теперь ее, батюшка? Гдѣ, я чай! Теперь не до того. Покажи же мнѣ. кормилецъ мой, барыню-то свою и сынка-то твоего.

— Изволь, изволь, няня... А что, скучно, я думаю, въ деревнѣ? — спросилъ улыбаясь Петръ Александрычъ, обращаясь къ управляющему.

Управляющій, стоявшій все время въ почтительномъ отдаленіи отъ владѣльца, подбѣжалъ къ нему, снялъ картузъ и отвѣтилъ:

— Это какъ кому-съ, Петръ Александрычъ. Я, признательно вамъ скажу, не замѣтилъ, какъ и время прошло въ постоянныхъ заботахъ и въ попеченіи о благоустройствѣ.

— Я вѣдь только на время пріѣхалъ сюда, — замѣтилъ Петръ Александрычъ, — надоѣло немножко въ столицѣ, хотѣлъ, знаете, такъ, провѣтриться... Эй, Гришка!

— Чего изволите-съ?

— Дай кучеру... какъ бишь его зовутъ... на водку цѣлковый или пять рублей.

— Не извольте безпокоиться, — сказалъ управляющій, — я сейчасъ самъ пойду, отдамъ ему цѣлковый и скажу, чтобъ выпилъ за ваше здоровье.

Управляющій поклонился Петру Александрычу и побѣжалъ къ сѣдобородому кучеру. Петръ Александрычъ обратился къ нянѣ.

— Няня, пойдемъ же къ женѣ моей!

— Пойдемъ, батюшка, пойдемъ, красное мое солнышко.

— Ольга Михайловна, рекомендую мою няню.

Няня поклонилась въ поясъ.

— Дай, матушка, мнѣ ручку твою.

Ольга Михайловна вся вспыхнула, спрятала свою руку и поцѣловала старуху.

— Вотъ, матушка, какого молодца вынянчила для тебя, — говорила ей няня, — слава Богу, меня переросъ, красавецъ мой... Позволь мнѣ, сударыня, теперь твоего сынка понянчить хоть немножко. Прости меня, деревенскую дуру, что я безпокою тебя.

— Ничего, изволь няня, — сказала Ольга Михайловна и, взявъ сына къ себѣ на руки, передала его старухѣ.

Старуха была внѣ себя отъ радости: она смѣялась и плакала и цѣловала дитя, которое, увидѣвъ себя на рукахъ незнакомой женщины, вдругъ закричало изо всей мочи.

— Ничего, матушка, ничего, — проговорила няня, качая дитя и приподнимая его, — не безпокойся: ужъ я знаю, какъ съ дѣтьми обращаться: не первый, слава Богу, у меня на рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ дитя перестало кричать и осталось на рукахъ у торжествовавшей старухи.

— Пойдемте же теперь къ крестьянамъ, голубчики мои,— сказала Прасковья Павловна, обращаясь къ сыну и невѣсткѣ,— они ожидаютъ васъ съ хлѣбомъ-солью; а тамъ, какъ водится, пройдемъ въ церковь возблагодарить Господа Бога за ваше счастливое путешествіе, да зайдемте, мои родные, на могилу дядюшки, поклониться ему: нечего сказать, есть чѣмъ помянуть: оставилъ вамъ состояніе богатѣйшее...

— Да, разумѣется, — замѣтилъ Петръ Александрычъ,— эй, Гришка! пусть карета ѣдетъ; мы пойдемъ пѣшкомъ.

Петръ Александрычъ подошелъ къ толпѣ крестьянъ, ожидавшей его. За нимъ двинулись всѣ, исключая Филекъ, Ѳомокъ, Дормидошекъ съ ихъ женами и дѣтьми, которые окружили карету своего барина и съ дикимъ любопытствомъ разсматривали прибывшихъ изъ столицы горничную и лакеевъ.

Петръ Александрычъ вставилъ въ глазъ лорнетъ и началъ осматривать крестьянъ своихъ.

Староста подошелъ къ Петру Александрычу съ хлѣбомъ и солью, низко кланяясь. А за нимъ также поклонились всѣ крестьяне.

— Эй, любезнѣйшій! — закричалъ Петръ Александрычъ управляющему, — возьмите-ка у него хлѣбъ.

Староста отдалъ хлѣбъ управляющему и поклонился барину своему въ ноги.

— *Кель табло! Сэ тушанъ. Не-спа ма-шеръ?*—произнесъ Петръ Александрычъ.

За симъ господа, въ сопровожденіи крестьянъ и дворовыхъ людей, торжественно отправились къ церкви. Управляющій, съ открытой головой, шелъ рядомъ съ Петромъ Александрычемъ. Нѣсколько крестьянскихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, съ растрепанными волосами льняного цвѣта, бѣжали передъ господами задомъ, выпучивъ на нихъ глаза, — и Антонъ, желавшій обратить на себя вниманіе своего новаго барина и слѣдовавшій тотчасъ за нимъ, поймалъ двухъ или трехъ мальчишекъ за ухо, оттолкнулъ ихъ въ сторону и произнесъ, нахмуривъ брови:

— Прочь вы съ дороги, замарашки скверные! Господа изволятъ итти, а они тутъ подъ ногами шмыгаютъ.

Прасковья Павловна, шедшая возлѣ своей невѣстки, вдругъ посмотрѣла на нее съ выраженіемъ самой искренней нѣжности, протянула ей руку и сказала:

— Такъ-то, мой ангелъ, Ольга Михайловна!

Потомъ, спустя минуты двѣ, опять обратилась къ ней.

— Знаете ли, душенька моя, что у меня въ умѣ вертится?.. Ужъ вы на меня сердитесь или нѣтъ, какъ хотите, а я не могу. Я буду называть васъ, другъ мой, просто Оленькой, если вы позволите мнѣ; буду говорить вамъ *ты*, — воля твоя, не могу — вѣришь ли, къ кому у меня сердце лежитъ, такъ языкъ какъ-то не поворачивается сказать тому человѣку *вы*. У меня, родная моя, сердце открытое, — что на умѣ, то и на языкѣ, терпѣть не могу скрытныхъ. Ужъ какъ ты хочешь, милая, а я тебя буду называть *ты*...

— Мнѣ очень пріятно... я васъ прошу объ этомъ, — отвѣчала Ольга Михайловна.

— Спасибо, мой другъ, спасибо тебѣ, — перебила Прасковья Павловна, — я буду умѣть цѣнить твое расположеніе, повѣрь мнѣ: я буду тебѣ какъ родная мать, а не какъ свекровь. У тебя чувства прекрасныя, это сейчасъ видно. Что у тебя будетъ на сердцѣ — горе или радость, прямо иди къ своей маменькѣ: я раздѣлю все съ тобой, мой другъ!.. Вотъ она мнѣ и чужая... — Прасковья Павловна указала на дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей,—а она тебѣ скажетъ, умѣю ли я чувствовать... Я всю жизнь свою...

Прасковья Павловна вдругъ замолчала и перекрестилась, потому что они подошли уже къ самой церковной паперти, гдѣ ожидалъ ихъ священникъ и дьяконъ.

Приложась къ кресту, господа отправились на ограду, къ могилѣ бывшаго владѣльца села Долговки.

На этой могилѣ возвышался памятникъ изъ дикаго камня съ мраморнымъ крестомъ наверху. Онъ былъ сооруженъ по рисунку, присланному Петромъ Александрычемъ изъ Петербурга. На двухъ мраморныхъ доскахъ его было вырѣзано золотыми буквами, — съ одной стороны:

Отъ признательнаго племянника — дядѣ. Здѣсь покоится тѣло раба Божія, отставного майора Виктора Яковлевича Требушова, родившагося въ 1779 году, февраля 8, скончавшагося внезапно отъ удара 1834 года ноября 9. Всего житія его было: 55 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 1 день.

Съ другой стороны:

Отъ насъ сокрылся ты, увы! и такъ поспѣшно,
Оставивъ насъ страдать въ юдоли грустной сей.
Въ знакъ благодарности, племянникъ неутѣшный
Надъ прахомъ родственнымъ воздвигнулъ мавзолей!

Петръ Александрычъ преклонилъ колѣно передъ этимъ памятникомъ, Прасковья Павловна положила передъ нимъ три земные поклона и потомъ, прослезясь, облобызала мраморную доску съ надписью. Вслѣдъ за этимъ она обернулась къ своему внучку и сказала:

— Сашурочка, душенька, вотъ здѣсь похороненъ твой дѣдушка. Онъ нашъ всеобщій благодѣтель, мы всѣмъ ему обязаны.

Внучекъ, въ отвѣтъ на эту бабушкину рѣчь, промычалъ что-то такое... Бабушка поцѣловала внучка, приговаривая:

— Сокровище мое милое, понятливое дитя, — и повела новопріѣзжающихъ въ церковь, а оттуда къ дому.

— Довольны ли вы своимъ наслѣдіемъ, мои милые?—спрашивала Прасковья Павловна у дѣтей своихъ.

— Очень, — отвѣчалъ Петръ Александрычъ, вставляя лорнетъ въ глазъ и озираясь кругомъ, — пріятное мѣстоположеніе.

— Ты, кажется, утомилась, другъ мой Оленька? Такая что-то блѣдная? Это очень натурально съ дороги... Тебѣ бы виски потереть одеколончикомъ: это бы сейчасъ тебя освѣжило...

— Она всегда такая блѣдная, — замѣтилъ Петръ Александрычъ, — впрочемъ блѣдность, маменька, въ модѣ.

— Именно такъ, — сказала Прасковья Павловна, — блѣдность придаетъ интересность. Признаться, я терпѣть не могу красныхъ щекъ... Ты совершенно, Оленька, въ моемъ вкусѣ.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей въ свою очередь сказала Ольгѣ Михайловнѣ нѣсколько очень ловкихъ комплиментовъ, и такимъ образомъ разговаривая, они подошли почти къ самому дому.

Петръ Александрычъ первый ступилъ на крыльцо... На крыльцѣ ожидали его Дормидошки, Фильки, Ѳомки и проч. Они отвѣсили барину низкій поклонъ.

— Вотъ это твои дворовые, голубчикъ, — закричала Прасковья Павловна, указывая на грязныхъ исполиновъ — прислуга у покойника была большая, онъ любилъ жить побарски.

Антонъ отворилъ Петру Александрычу дверь въ сѣни.

— А вотъ этотъ, Петенька, — продолжала Прасковья Павловна, указывая иа мрачнаго Антона, — былъ камердинеромъ при братцѣ.

— И буфетчикомъ, сударыня,—возразилъ Антонъ,—и главный надсмотръ имѣлъ надо всѣмъ. Слава Богу, таки послужилъ, матушка!

Управляющій забѣжалъ впередъ.

— Не будетъ ли угодно чего приказать, Петръ Александрычъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, спасибо, покуда ничего.

— Ну вотъ, хозяюшка моя дорогая, — сказала Прасковья Павловна, цѣлуя свою невѣстку, — поздравляю тебя; ты теперь у себя въ домѣ, а мы гости твои. Прошу насъ любить да жаловать.

— Милая Ольга Михайловна! — произнесла дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, закатывая глаза подъ лобъ.

Ольга Михайловна только улыбнулась на эти привѣтствія.

— Сюда, сюда, Оленька!

Прасковья Павловна схватила ее за руку и ввела въ сѣни... За ними послѣдовала дочь бѣдныхъ родителей, обѣ няни и Гришка съ чемоданомъ на головѣ.

Антонъ проводилъ Гришку глазами и, обращаясь къ Дормидошкѣ, сказалъ:

— Вишь, молокососъ, а какое тончайшее сукно на сюртукѣ! Спроси-ка, почемъ аршинъ этакого сукна! А мы вотъ и

до сѣдыхъ волосъ дожили, служили не хуже его, а цѣлый вѣкъ проходили въ этой дерюгѣ.

Антонъ плюнулъ.

— Ахъ ты жисть проклятая!

ГЛАВА II.

Только что Петръ Александрычъ и жена его вошли въ первую комнату, Прасковья Павловна остановила ихъ, ушла, и минуты черезъ двѣ воротилась съ образомъ въ вызолоченной ризѣ.

— Наклонитесь, друзья мои, — сказала она сыну и невѣсткѣ, — дайте мнѣ благословить васъ. Вотъ такъ... Этотъ образъ ты особенно долженъ уважать, другъ мой Петенька; онъ переходилъ у насъ изъ рода въ родъ, и кого ни благословляли имъ, всѣ жили необыкновенно счастливо, и покойница маменька, и я; только Богу не угодно было продлить къ моему счастію дней моего голубчика Александра Ермолаевича.

При семъ Прасковья Павловна заплакала.

— Какъ мнѣ ни тяжело было, а я перенесла это испытаніе. Чего, подумаешь, человѣкъ не въ состояніи перенести!.. Желаю вамъ, милые, чтобъ вы всегда такъ же согласно жили, какъ я жила съ моимъ голубчикомъ. Болѣе этого я ничего не умѣю пожелать вамъ.

Послѣ благословленія подали кофе, и потомъ всѣ занялись разбираніемъ чемодановъ. Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, послѣдовали за Ольгой Михайловной въ ея комнату.

— Мнѣ хотѣлось бы, — сказала дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, подходя къ Ольгѣ Михайловнѣ, — быть вамъ чѣмъ-нибудь полезной; позвольте помочь вамъ разобрать ваши вещи...

Ей смертельно хотѣлось посмотрѣть гардеробъ столичной дамы.

Ольга Михайловна отвѣчала на это обязательное предложеніе наклоненіемъ головы и пожатіемъ руки...

Каждую ленточку, каждую манишку, каждый платокъ, каждое платье, вынимаемое изъ чемодановъ, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей пожирала жадными глазами. Она и Прасковья Павловна безпрестанно повторяли:

— Ахъ, какъ это мило! какъ это прелестно! ахъ, съ какимъ это вкусомъ!

Время до обѣда пролетѣло незамѣтно. Въ два часа доложили, что кушанье подано.

Въ столовой вокругъ стола за каждымъ стуломъ стоялъ тяжело дышащій исполинъ; Антонъ былъ тутъ же. Несмотря па такое количество прислуги, кушанье подавалось медленно, потому что каждый изъ исполиновъ имѣлъ привычку, перемѣнивъ тарелку, удаляться съ нею прежде въ буфетъ и тамъ долизывать барскіе остатки.

Петръ Александрычъ, садясь за столъ, посмотрѣлъ на часы.

— Еще только два часа, — сказалъ онъ потягиваясь, — а мы въ Петербургѣ ранѣе шестого часу никогда не садились обѣдать.

— Наше дѣло деревенское, — замѣтила Прасковья Павловна.

— А это, маменька, что за вино?

— Не могу тебѣ сказать, дружочекъ; это ужъ не по моей части.

Петръ Александрычъ налилъ вино въ рюмку, поднялъ ее къ свѣту, отпилъ немного, поморщился и выплюнулъ.

— Что это за гадость! сладкое какое-то... Вѣдь у дядюшки, говорятъ, былъ славный погребъ, и послѣ него осталось много винъ.

— Это виссантъ-съ, — отвѣчалъ Антонъ, — дядюшка всегда изволили его кушать въ будничные дни-съ, когда гостей не было.

Петръ Александрычъ захохоталъ.

Прасковья Павловна сдѣлала гримасу неудовольствія...

— Антонъ, у кого ключи отъ погреба?

— У кого-съ? Извѣстно, у кого, — у управляющаго. Погребъ припечатанъ его печатью.

— Бѣги же къ нему, да скорѣй, принеси сейчасъ ключи ко мнѣ, — сказалъ Петръ Александрычъ.

Антонъ мигнулъ Филькѣ, и Филька побѣжалъ исполнить приказаніе барина.

— И хорошо сдѣлаешь, голубчикъ, если ключи отъ погреба припрячешь къ себѣ, — произнесла умилительнымъ голосомъ Прасковья Павловна, — а то на этого управляющаго, — можетъ быть онъ человѣкъ и хорошій, я не знаю, — не слѣдуетъ, кажется, совершенно полагаться...

Ключи были принесены. Петръ Александрычъ самъ досталъ бутылку лафита и велѣлъ согрѣть ее.

Послѣ пирожнаго, которое было десятымъ кушаньемъ, исключая супа, подали различныхъ сортовъ наливки.

Лицо Прасковьи Павловны просіяло.

— Вотъ это ужъ по моей части, — сказала она. — Ты, Петонька, вѣрно не пивалъ этакихъ наливокъ... Этимъ я могу похвастаться. Попробуй вишневки-то, милый мой... Что, какова?

— Чудесная!

— Лучше меня, могу сказать, никто въ цѣлой губерніи не дѣлаетъ вишневки; всѣ сосѣди это знаютъ, и Оленьку мою ужъ я научу, какъ дѣлать наливки, непремѣнно научу. Хорошей хозяйкѣ все знать слѣдуетъ, а въ женщинѣ главное — хозяйство... Вотъ примѣрно жена вашего управляющаго, что въ ней? ничего не знаетъ, экономіи ни въ чемъ не соблюдаетъ... Ея бы, казалось, дѣло присмотрѣть за бабами, все наблюсти, — ничего не бывало. Она сидитъ себѣ сложа ручки, да только умничаетъ... Въ эти двѣ недѣли я-таки насмотрѣлась на нее: у меня все сердце переболѣло, глядя на ея хозяйство; конечно, мое дѣло сторона...

Прасковья Павловна обратилась къ своей невѣсткѣ.

— Вотъ, когда ты воійдешь душенька, сама въ хозяйственную часть, увидишь, правду ли я говорю. Сосѣдка моя, Ѳекла Ниловна, — ты не знаешь, Петенька, — она, пріѣхала въ деревню, ничего не знала, а тамъ помаленечку начала пригля-

дываться какъ и что: у меня, у другой спрашивала совѣты; никогда это не мѣшаетъ, — и теперь любо-дорого смотрѣть: у нея вся деревня по стрункѣ ходитъ, въ такомъ страхѣ всѣхъ держитъ. Какія у нея полотна ткутъ, салфетки — настоящія камчатныя — прелесть...

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ.

Послѣ обѣда всѣ отправились въ диванную; такъ называлась небольшая комната, уставленная кругомъ высокими и узкими диванами. Стѣны ея были украшены тремя большими картинами въ великолѣпныхъ рамахъ. Картины эти, писанныя масляными красками и отличавшіяся необыкновенною яркостью колорита, привлекали нѣкогда просвѣщениое любопытство многихъ помѣщиковъ, и слава творца ихъ Пантелея, — крѣпостного живописца помѣщика села Долговки, — прогремѣла по цѣлой губерніи. На двухъ картиiахъ живописецъ изобразилъ своего барина, по его приказаiію, въ разныхъ моментахъ его дѣятельности. На одной картинѣ, занимавшей почти всю стѣну, баринъ представленъ былъ величественно сидящимъ на конѣ, въ охотничьемъ платьѣ и картузѣ, спускающій со своры двухъ любимыхъ собакъ своихъ, *Зацѣпу и Занозу*, на матераго русака, только что выгнаниаго гончими изъ острова... На другой онъ являлся въ архалукѣ и съ нагайкою въ рукѣ, любующимся на одѣтаго по-рыцарски шута, своего любимца, котораго конюхъ сажалъ на лошадь. Предметомъ третьей картины была жирпая нифма, покоящаяся въ лѣсу, списанная съ дворовой дѣвки Палашки, и сатиръ, смотрящій на нее изъ-за кустовъ.

Петръ Александрычъ занялся разсматриваніемъ этихъ картинъ въ ту минуту, какъ Прасковья Павловна разговаривала о чемъ-то съ своей невѣсткою. Послѣдняя картина въ особенности привлекла его вниманіе.

Нифма Палашка, по странной прихоти природы, какъ двѣ капли воды походила на горничную Прасковьи Павловны Агашку, которая въ эту минуту выглядывала изъ полурастворенной двери на пріѣзжихъ господъ. Это сходство не ускользнуло отъ любознательнаго Петра Алексаидрыча. Замѣтивъ Агашку, онъ улыбнулся про себя съ пріятностью.

Между тѣмъ Прасковья Павловна привѣтливо обратилась къ своей невѣсткѣ.

— А что, Оленька, — сказала она, — я слышала, что ты удивительная музыкантша?

— Еще бы! — воскликнулъ Петръ Александрычъ, — ее въ Петербургѣ ставили на ряду съ первыми піанистками. Не даромъ же я прислалъ сюда рояль... я за него заплатилъ тысячу восемьсотъ рублей. Къ тому же, она еще пѣвица; у нея прелестный голосъ!

— Пріятно имѣть такіе таланты, моя душенька, очень пріятно. Ужъ я воображаю, какъ ты блестѣла въ свѣтѣ и какъ мой Петенька, глядя на тебя, радовался. Вѣдь ты, я думаю, безпрестанно была на балахъ, дружочекъ?

— Нѣтъ, я выѣзжала мало, только къ самымъ близкимъ знакомымъ, — отвѣчала Ольга Михайловна.

— Мало? Отчего же мало, мое сердце? Почему же молодой женщинѣ не выѣзжать?

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей улыбнулась и возразила:

— Вѣроятно, вы шутите?

— Совсѣмъ не шучу, — сказала Ольга Михайловна улыбаясь, — отчего же это васъ такъ удивляетъ?

— Ахъ помилуйте, какъ же не выѣзжать на балы!

— Она у меня такая странная, — замѣтилъ Петръ Александрычъ, потягиваясь на диванѣ: — я хотѣлъ ввести ее въ высшій кругъ, а она и слышать не хотѣла. Она наклонна къ меланхоліи, — это болѣзнь; я всѣмъ говорю, что ей надо лечиться. Я предлагалъ ей самыхъ первыхъ докторовъ, которымъ у насъ платятъ обыкновенно рублей по двадцати пяти, даже по пятидесяти за визитъ, — да она не хочетъ.

— Олечка, ангелъ мой! Правда ли это?

— Нѣтъ, вы не вѣрьте ему; онъ обыкновенно все преувеличиваетъ, — я совершенно здорова.

Въ эту минуту Петръ Александрычъ смотрѣлъ на дверь, откуда выглядывала Агашка.

— Деревенскій воздухъ поможетъ тебѣ, моя душенька. Не дурно бы тебѣ декохту попить...

— Выборничиха къ вамъ пришла, — пробасилъ вошедшій Антонъ.

— Къ кому «къ вамъ»? — возразила Прасковья Павловна, — это, вѣрно, не ко мнѣ, а къ Оленькѣ.

— Ну, да, къ нимъ-съ.

— Зачѣмъ же ко мнѣ? — спросила Ольга Михайловна.

— Вѣрно, она тебѣ, душенька, нашего деревенскаго гостинца принесла.

Прасковья Павловна не ошиблась; выборничиха стояла въ передней съ сотовымъ медомъ. Ольга Михайловна вышла къ ней.

— Матушка наша, кормилица! — говорила выборничиха, кланяясь и подавая медъ: — прими, голубушка, медку-то моего, кушай его на здоровье.

Выборничиха поклонилась ей въ ноги.

— Не нужно, не нужно, не кланяйтесь въ ноги, я прошу васъ, — замѣтила смущенная Ольга Михайловна.

— Не прогнѣвайся, матушка наша, — отвѣчала выборничиха, — ужъ у насъ такое заведеніе.

— Подожди меня немного, я сейчасъ приду, — сказала Ольга Михайловна.

Она ушла и минуты черезъ двѣ воротилась.

— Спасибо тебѣ за твой медъ. Вотъ, возьми себѣ.

Ольга Михайловна вложила въ руку выборничихи пятирублевую ассигнацію.

Выборничиха остолбенѣла.

— Что это, кормилица? — на что мнѣ это, матушка ты наша?

Выборничиха низко поклонилась. Но Ольги Михайловны уже не было въ комнатѣ. Антонъ, свидѣтель этой сцены, подошелъ къ выборничихѣ.

— А что, много ли дала? — спросилъ онъ у нея.

Выборничиха показала ему синюю ассигнацію. Антонъ нахмурился, взялъ ассигнацію, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее разгорѣвшимися глазами, поднесъ къ свѣту и потомъ, возвращая ее выборничихѣ, — проворчалъ недовольнымъ голосомъ:

— Пятирублевая! Вишь, какая щедрая! По-питерски, видно, денежками-то соритъ.

— Ахъ, Антонъ Наумычъ, — замѣтила выборничиха, все еще не сводя глазъ съ ассигнаціи, — она что-то, родимый, и на барыню-то не похожа, — такая добрая!

Антонъ отошелъ отъ выборничихи, ворча:

— Нашла кому деньги дарить. Добро бы человѣку понимающему, а то дурѣ этакой. Она не разумѣетъ что и деньги-то. Вотъ и служи тутъ 30 лѣтъ...

Антонъ махнулъ рукой.

Ольга Михайловна возвратилась въ диванную въ то время, какъ Петръ Александрычъ описывалъ свое петербургское житье. Его описаніе, повидимому, производило сильное впечатлѣніе на Прасковью Павловну и на дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Меня всѣ знали въ Петербургѣ, — говорилъ Петръ Александрычъ,—рѣшительно всѣ. Если бъ я продолжалъ службу, я имѣлъ бы ужъ большой чинъ.—Говорятъ, что я велъ большую игру... Да какъ же было не вести большой игры? Это было необходимо для поддержанія связей... Со всѣми этими господами нельзя же играть по 10 рублей робберъ. Дмитрій Васильичъ чѣмъ выигрывалъ въ свѣтѣ? — картами. И согласитесь, наконецъ, что̀ же дѣлать безъ картъ? ну холостой я танцовалъ; положимъ, это холостому прилично, а женатому неловко, да и что танцами возьмешь? И что за важность, что я немного проигрался? Для человѣка, у котораго такое состояніе, какъ у меня, это не бѣда. Вышелъ въ отставку, пожилъ въ деревнѣ, расплатилъ долги, накопилъ немножко — да и опять маршъ въ Петербургъ. Проиграть 180.000—экая важность! я иногда въ вечеръ по 30.000 выигрывалъ — что такое? Заложишь имѣніе, а тамъ сдѣлаешь оборотъ — и опять пошелъ себѣ... Можно увеличить оброкъ... А что, маменька, каковы наши сосѣди? Чудаки, я думаю, пресмѣшные должны быть.

— Сосѣди у насъ очень хорошіе, прекрасные, нигдѣ не ударятъ себя лицомъ въ грязь. Вотъ, напримѣръ, Семенъ

Никифорычъ Колпаковъ... я ему еще выписала черезъ тебя жилетную матерію, помнишь?..

— А! — Гришка, сигару!

Гришка принесъ ящикъ съ сигарами. Прасковья Павловна осмотрѣла Гришку съ ногъ до головы и всплеснула руками.

— Неужто это твой Гришка? Экъ выросъ-то! молодецъ сталъ, право, молодецъ! А давно ли, кажется, бѣгалъ по двору такъ, мальчишка крошечный? Господи! время-то, подумаешь, какъ идетъ!

Гришка подошелъ къ Прасковьѣ Павловнѣ и поцѣловалъ ей руку.

— Молодецъ! Тетку-то свою видѣлъ, Палагею?

— Какъ же-съ.

— То-то же. Она тебя какъ сына родного любитъ... Нѣтъ, Петенька, насчетъ нашихъ сосѣдей — грѣхъ сказать. Семенъ Никифорычъ рѣдкій, отличныхъ свойствъ человѣкъ. Обращайтесь съ нимъ, мои милые, поласковѣе, покажите ему свое вниманіе, я прошу тебя объ этомъ, Петенька, и тебя, другъ мой, Оленька. У кого родится самъ-пятъ, самъ-шостъ, а у него все самъ-семъ да самъ-восемь. Прошлый годъ какая у него гречиха была, просто на диво цѣлому уѣзду. На немъ особое, можно сказать, Божіе благословеніе.

— А что, онъ играетъ въ карты, маменька?

— Играетъ; конечно, не по большой, душа моя, не по-вашему, по-петербургскому, а до картъ охотникъ; и въ вистъ, и въ бостонъ, и въ преферансъ — во что угодно.

— И въ преферансъ? браво! Такъ здѣсь и въ преферансъ умѣютъ играть?

— Ужъ ты насъ, провинціаловъ, голубчикъ, такъ ни во что и не ставишь?.. Ну, вотъ еще у тебя самый ближайшій сосѣдъ, въ двухъ верстахъ отъ тебя, нашъ уѣздный предводитель, Боровиковъ Андрей Петровичъ, и съ большимъ состояніемъ человѣкъ, вдовецъ; отъ покойницы жены у него два сына остались. Онъ все, бывало, съ покойникомъ братцемъ на охоту ѣздилъ и въ билліардъ игралъ.

— У Андрея Петровича, — продолжала Прасковья Павлов-

на, — есть меньшой братецъ, Илья Петровичъ, холостой. Онъ сдѣланъ опекуномъ надъ малолѣтними Свищовыми — пребогомольный, претихаго нрава, съ бѣльмомъ на правомъ глазу. Они, послѣ раздѣла, съ братомъ поссорились и не видятся другъ съ другомъ. Такъ, право, жалко. Еще человѣкъ безподобный исправникъ нашъ...

Прасковья Павловна долго описывала сосѣдей села Долговки, и затѣмъ всѣ отправились гулять въ садъ.

Петръ Александрычъ, привыкшій къ столичной чистотѣ и роскоши, былъ недоволенъ своимъ деревенскимъ запущеннымъ садомъ и повторялъ ежеминутно, что надобно вычистить дорожки и посыпать ихъ пескомъ, смѣшаннымъ съ толченымъ кирпичомъ.

Пріѣзжіе отказались отъ ужина. Они чувствовали необходимость въ отдохновеніи. Часовъ въ девять всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Прасковья Павловна, прощаясь съ сыномъ и невѣсткою, обнимала, цѣловала и крестила ихъ: потомъ отправилась въ дѣтскую, посмотрѣла нѣсколько минутъ съ умиленіемъ на спящаго внучка, также перекрестила его, приговаривая: — «милое дитя, ангелъ» — и проч., и поговорила съ столичною нянюшкой, обѣщая ей подарить обнову.

Этотъ торжественный день, полный хлопотъ, тревогъ и разнообразныхъ впечатлѣній, обитатели села Долговки и новопріѣзжіе окончили различнымъ образомъ.

Управляющій, выпивая ерофеичу на сонъ грядущій, думалъ:

«А славно все сошло, право! Петръ-то Александрычъ ничего не смыслитъ, и его можно надувать сколько душѣ угодно».

Прасковья Павловна, раздѣваясь, разсуждала съ дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей о своемъ сынѣ и невѣсткѣ.

— Она, — сказала Прасковья Павловна, — очень мила, но есть что-то въ ней странное,—этого нельзя не замѣтить,— и притомъ молчаливая какая-то.

— Я, по правдѣ сказать, — возразила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, снимая платочекъ съ своей гусиной шеи, — совсѣмъ отъ нея не того ждала. И манеры у нея самыя обыкновенныя. Я не знаю, чему приписать ея неразговорчивость — или она горда, или, можетъ быть... А Петръ Александрычъ премилый! Я, просто, имъ очарована. Что за ловкость, какія манеры, и долженъ быть большой *зоилъ*.

— Я тебѣ говорила, милая, заранѣе. Въ немъ такое благородство, такимъ вельможей смотритъ!

Петръ Александрычъ, потягиваясь на постели, думалъ:

«Право, и въ деревнѣ можно найти нѣкоторыя удовольствія... Карты, бильярдъ, охота... у меня же чудесный погребъ, по милости дядюшки»...

Петръ Александрычъ начиналъ засыпать.

«Лафитъ рублей по восьми бутылка... Агашка не дурна»...

Когда Ольга Михайловна осталась одна въ комнатѣ, она отворила окно. Это окно выходило въ садъ. На нее пахнулъ свѣжій, душистый воздухъ распускающейся зелени; вѣковые дубы отбрасывали отъ себя исполинскія тѣни на широкій лугъ передъ домомъ, облитый серебрянымъ свѣтомъ: паръ подымался отъ пруда, и сквозь просѣку сада виднѣлись безконечныя поля въ синеватомъ ночномъ туманѣ.

ГЛАВА III.

Петръ Александрычъ первые два дня послѣ пріѣзда осматривалъ свои хозяйственныя заведенія съ сигарою во рту, съ лорнетомъ въ правомъ глазѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Все вниманіе обратилъ онъ на псарню, которая была въ самомъ дѣлѣ устроена превосходно покойнымъ дядюшкою, величайшимъ любителемъ псовой охоты. И хотя содержаніе ея требовало значительныхъ расходовъ, но она поддерживалась и послѣ смерти его какъ при немъ, по приказу новаго владѣльца. Молодой баринъ долго простоялъ на псо-

вомъ дворѣ, забавляясь съ собаками. Изъ всѣхъ собакъ особенно обратила его вниманіе одна лягавая.

— А какъ ея кличка?

Управляющій, сопровождавшій Петра Александрыча, запнулся.

Вдругъ исполинъ Антонъ очутился передъ Петромъ Александрычемъ и пробасилъ:

— Тритонъ-съ, любимая была дядюшкина собака; верхочуй.

Петръ Александрычъ занялся съ Тритономъ.

Антонъ подошелъ къ управляющему и прошепталъ, почесывая затылокъ:

— А что, батюшка Назаръ Яковличъ, поговорите-ка барину-то о прибавкѣ мнѣ мѣсячины... Ей Богу, иной разъ ребятишкамъ ѣсть нечего. Ужъ когда этакъ, знаете, что случится, такъ я готовъ съ моей стороны всякое уваженіе вамъ сдѣлать.

Антонъ искоса и значительно посмотрѣлъ на управляющаго.

— Хорошо, Наумычъ, хорошо, — отвѣчалъ управляющій тихимъ голосомъ. — Ты знаешь, когда я что́ сказалъ, то свято; я, дружокъ, и безъ барина могу тебѣ это сдѣлать, изволь... Баринъ — человѣкъ молодой, онъ и не станетъ входить во всѣ эти мелочи.

— Да именно, что такъ. Ей Богу, Назаръ Яковличъ! Вы всегда обо всемъ справедливое разсужденіе имѣете.

Антонъ понюхалъ табаку.

— Спасибо вамъ за суконцо; только ужъ не прибавитъ ли ваша милость еще два аршинчика...

— Изволь, изволь...

Изъ псарни Петръ Александрычъ отправился на конскій дворъ; какъ лошадиный знатокъ, у каждаго стойла онъ разсѣкалъ воздухъ хлыстикомъ и, окритиковавъ дядюшкиныхъ кобылъ и жеребцовъ, захотѣлъ взглянуть на водяную мельницу. Управляющій, показывая ему устройство мельницы, объяснилъ, сколько на ней ежегодно вымалывается хлѣба и какіе помѣщики имѣютъ въ ней участіе по своимъ куп-

чимъ. Эти объясненія и разсказы совсѣмъ не интересовали Петра Александрыча. За мельницей находилась довольно большая роща, и онъ пошелъ къ этой рощѣ, насвистывая и напѣвая какой-то водевильный куплетъ. Окрестности села Долговки впервые огласились петербургскими звуками, и куплетъ Александринскаго театра смѣшался съ пѣніемъ и чириканьемъ Божьихъ птицъ... Помѣщикъ прошелся по рощѣ и, обратясь къ управляющему, сказалъ:

— Знаете, какая у меня блеснула мысль? Изъ этой рощи не дурно бы сдѣлать паркъ, какъ въ Царскомъ Селѣ или Петергофѣ. Право! Тогда бы славно кататься въ немъ.

— Конечно, это было бы безподобно, да дорогонько станетъ, — замѣтилъ управляющій почтительно.

— Отчего жъ дорогонько? А крестьяне-то на что жъ? Нанимать людей, кажется, незачѣмъ.

— А кто же барщину-то будетъ исправлять, Петръ Александрычъ?

— Барщину? Да, правда.

Петръ Александрычъ засвисталъ...

Возвращаясь къ обѣду, на дворѣ у самаго дома онъ встрѣтилъ Агашку. Агашка была одѣта несравненно чище другихъ дворовыхъ дѣвокъ, и даже обута, тогда какъ всѣ другія ходили обыкновенно на босую ногу.

Поравнявшись съ молодымъ бариномъ, Агашка кокетливо опустила глаза и поклонилась ему. Петръ Александрычъ отвѣчалъ на этотъ поклонъ съ большою привѣтливостью и даже обернулся назадъ, съ минуту провожая ее взорами. Антонъ не могъ не замѣтить барскаго взгляда. Онъ былъ одаренъ большою сметкою и, оставивъ барина, тотчасъ отправился за горничной и догналъ ее у прачечной.

— Агаѳья Васильевна, наше почтеніе! — Агашка не обертывалась. — Агаѳья Васильевна, что больно заспесивилась? — Онъ ущипнулъ ее.

— Ахъ ты, проклятый чортъ! какъ испугалъ меня, — вскрикнула Агашка. — Фу! такъ вотъ сердце и бьется.

— Ну, вотъ, слава-те Господи! чего пужаться?

Антонъ потрепалъ ее по шеѣ своею грязной лапой.

Агашка вывернулась изъ-подъ этой лапы.

— Нельзя ли подальше? — сказала она. — Смерть не люблю этихъ шутокъ.

— Вотъ ужъ и осерчала. Ахъ ты барскій кусочекъ! Недотрога королевна!.. А замѣтила ли ты, какъ *нашъ*-то на тебя поглядываетъ... Можетъ, скоро и опять будетъ масляница, Агаѳья Васильевна...

— Масляница? Пьяница проклятый! у тебя, видно, съ пьяну-то все въ глазахъ масляница...

Первые дни для новопріѣзжихъ проходили довольно однообразно, особенно для Ольги Михайловны. Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей не давали ей ни минуты покоя: первая преслѣдовала ее неистощимыми ласками и безпрестанно изъяснялась ей въ своихъ нѣжныхъ, материнскихъ чувствахъ; вторая — для того, чтобъ блеснуть своею свѣтскостію, говорила ей все комплименты. Онѣ вмѣстѣ продолжали занимать ее наперерывъ различными, очень забавными деревенскими приключеніями.

На седьмой или на восьмой день пребыванія Петра Александрыча въ своей резиденціи, въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ псарни, слухъ его былъ пораженъ сначала бренчаньемъ экипажа, потомъ криками. Петръ Александрычъ вышелъ на главную деревенскую улицу и увидѣлъ въ концѣ ея при самомъ въѣздѣ остановившуюся коляску

— Кто это? — спросилъ Петръ Александрычъ у своего управляющаго. — Чья это коляска?

— Это должно быть, Петръ Александрычъ, кто-нибудь изъ сосѣдей, — сказалъ управляющій.

Петръ Александрычъ прищурился, обдернулъ пальто, вставилъ лорнетъ въ глазъ и, насвистывая, отправился навстрѣчу къ пріѣзжему.

Взорамъ его представилось великолѣпное зрѣлище. Въ коляскѣ, которая, впрочемъ, походила не на коляску, а на челнокъ, высоко колыхавшійся на безобразно торчавшихъ рессорахъ, стоялъ баринъ роста средняго, толстый, съ рѣзкими чертами лица, въ картузѣ, въ синей венгеркѣ съ кистями и кнутомъ въ рукѣ. Черные большіе глаза этого

барина гнѣвно вращались изъ стороны въ сторону... Онъ размахивалъ кнутомъ и кричалъ:

— Эй, вы!.. но... но... фю... фю... ну... ну... Оло-ло-ло!..

Эти увѣщательныя междометія явно относились къ лошадямъ; но лошади также явно не хотѣли повиноваться и не двигались съ мѣста. Все это произошло оттого, что лѣвая пристяжная (коляска запряжена была четвернею въ рядъ) задѣла постромкой за столбъ въ воротахъ и, испугавшись, заупрямилась и поднялась на дыбы. Баринъ выходилъ изъ себя и обратился отъ лошадей къ кучеру:

— Я-те выучу ѣздить, олухъ! Затянулъ лошадей... Соколикъ-то весь въ мылѣ...

Кучеръ сидѣлъ на превысочайшихъ козлахъ ни живъ, ни мертвъ.

— Антипка! — баринъ обратился къ своему лакею, который имѣлъ поразительное сходство съ Антономъ...—Антипка! тебѣ говорятъ, вислоухой оселъ... вишь пасть-то разинулъ... возьми ее за узду да проведи... Ну же... что стоишь... чего боишься..

Лакей, несмотря на свои атлетическія формы, точно боялся подступиться къ заупрямившейся лошади.

— Брыкается, сударь, — отвѣчалъ онъ.

— Брыкается! а вотъ какъ я начну брыкаться, тогда ты что́ заговоришь? Отвори дверцы!

Лакей бросился къ дверцамъ; баринъ вылѣзъ изъ коляски и погрозилъ лакею и кучеру кнутомъ.

Въ это мгновеніе Петръ Александрычъ, окруженный своею свитою, долженъ былъ остановиться, потому что подошелъ уже очень близко къ мѣсту описаннаго мною приключенія. Пріѣзжій баринъ приказалъ распрячь лошадей и, увидѣвъ Петра Александрыча, пошелъ прямо къ нему.

— А не вы ли, милостивый государь, — закричалъ баринъ, еще не дойдя шаговъ на десять до Петра Александрыча, — не вы ли, позвольте спросить, здѣшній помѣщикъ?

— Я, къ вашимъ услугамъ.

Петръ Александрычъ расшаркался.

— Очень радъ. — Баринъ приподнялъ картузъ. Петръ

Александрычъ протянулъ было къ нему руку, но баринъ обнялъ Петра Александрыча, поцѣловалъ его три раза и закричалъ:

— Я, батюшка, придерживаюсь старинки, извините. Можетъ у васъ такъ это по-столичному и не слѣдуетъ, да мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Намъ ужъ куда до этихъ этикетовъ! Я деревенскій дуракъ, деликатностей вашихъ не знаю. Позвольте еще разъ васъ обнять. Вотъ такъ... Ну, теперь имѣю честь рекомендоваться... Я Андрей Петровичъ Боровиковъ — можетъ быть, слыхали про меня? Мое сельцо Покровка, Новоселовка тожъ, въ двухъ верстахъ отъ васъ. Милости прошу ко мнѣ. Я, сударь, вдовецъ, имѣю двухъ дѣтей. Мы хоть и деревенскіе, а живемъ такъ себѣ изряднехонько и не лѣвой полой носъ сморкаемъ.

— Очень радъ познакомиться...

— Да ужъ рады или не рады, милостивый государь, тамъ вы какъ себѣ хотите, а мы ваши гости. Назаръ Яковличъ! здравствуй, милый... — Андрей Петровичъ обратился къ управляющему, который отвѣсилъ ему низкій поклонъ.

— Что такое случилось съ вашими лошадьми? — спросилъ Петръ Александрычъ у помѣщика, играя лорнетомъ.

— Что случилось? Это все анаѳемская рожа Антипка — мой кучеръ, ѣздить не умѣетъ, сноровки никакой не знаетъ... Пристяжная постромкой задѣла за столбъ, лошадь горячая, а онъ еще затянулъ ее.

Андрей Петровичъ обратился къ управляющему:

— Распорядись-ка, Назаръ Яковличъ, сдѣлай одолженіе, чтобъ лошадкамъ-то моимъ овсеца дали... Да, сударь, Петръ Александрычъ... вѣдь васъ Петромъ Александрычемъ зовутъ, если не ошибаюсь?..

Петръ Александрычъ утвердительно кивнулъ головой.

— Да... такъ я вамъ началъ говорить, что мы хоть и простые люди, хоть по-французски и не болтаемъ, — бонжуръ и бон-тонъ, — а кое-что смыслимъ, — прошу извинить... Ну, пойдемте-ка.

Толстый помѣщикъ схватилъ за руку Петра Александрыча и повлекъ его къ дому.

— А какъ надолго сюда пріѣхали?

— Право не знаю... смотря какъ поживется...

— Что тутъ «какъ поживется?» живите себѣ, да и баста... Здѣсь житье, слава Богу, хорошее, люди есть всякіе—и умные и глупые, ну, да вѣдь и въ Петербургѣ-то, я полагаю, то же самое: безъ дураковъ, милостивый государь, нигдѣ не обходится; зато здѣсь, по крайней мѣрѣ, скопишь себѣ и дѣтямъ что-нибудь, а у васъ тамъ въ модномъ-то вашемъ свѣтѣ...—Андрей Петровичъ вытянулъ губы и засвисталъ,—весь, съ позволенья сказать, просвищешься.

— А я,—сказалъ Петръ Александрычъ, посматривая безпечно на стороны,—я не проживалъ и того, что получалъ, хотя жилъ на самую роскошную ногу.

— Не вѣрю, милостивый государь, не вѣрю!—закричалъ Андрей Петровичъ.

Петръ Александрычъ, ожидавшій, что всѣ въ провинціи будутъ смотрѣть на него съ тѣмъ почтительнымъ благоговѣніемъ, съ какимъ въ Петербургѣ смотрятъ мелкіе чиновники на крупныхъ, былъ изумленъ, и можетъ быть не совсѣмъ пріятно, откровеннымъ обращеніемъ своего сосѣда.

Андрей Петровичъ продолжалъ:

— Не вѣрю, быть не можетъ... Я хоть самъ и никогда не бывалъ въ Петербургѣ, а жена моя покойница была петербургская, хорошаго отца дочь... А что это такое у васъ болтается на ниточкѣ, позвольте спросить?

— Лорнетъ.

Андрей Петровичъ взялъ лорнетъ, поднесъ его къ глазу и потомъ, выпустивъ изъ руки, закачалъ головой.

— Извините мою откровенность; я, батюшка, деревенскій дуракъ; у меня что́ на умѣ, то и на языкѣ, и дядюшкѣ вашему всегда говорилъ правду въ глаза; по мнѣ это не лорнетъ, а просто балаболка: ничего въ нее не увидишь. Мода, что ли, это у васъ такая? ужъ по-моему, коли близорукъ, такъ очки лучше носи.

Петръ Александрычъ засмѣялся нѣсколько принужденно.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ насмѣшливо,—у насъ въ Пе-

тербургѣ ни одинъ порядочный человѣкъ не носитъ очковъ, всѣ съ такими лорнетами.

— Господи помилуй!.. — Андрей Петровичъ перекрестился и потомъ растаращилъ руки, — да что мнѣ за указъ всѣ? Ужъ будто тотъ только и человѣкъ, кто вашей моды придерживается!

Такимъ образомъ, разсуждая и разговаривая, владѣлецъ села Долговки и гость его непримѣтно очутились у дома. Въ грязной передней, гдѣ обыкновенно Филька шилъ сапоги, Дормидошка чистилъ мѣдные подсвѣчники и самоваръ, Ѳомки, Ѳедьки, Яшки и другіе храпѣли и дремали, лежа и сидя на деревянныхъ истертыхъ и запачканныхъ лавкахъ, Петръ Александрычъ закричалъ:

— Эй вы, сони! я всѣхъ разбужу васъ...

Исполины вскочили съ своихъ мѣстъ, вытянулись и устремили безсмысленные и заспанные глаза на барина. Баринъ бросилъ на нихъ строгій взглядъ и прошелъ въ другія комнаты.

Въ дверяхъ гостиной Прасковья Павловна встрѣтила сына и гостя...

— Андрей Петровичъ! дорогой нашъ гость! — воскликнула она.

Андрей Петровичъ хотѣлъ подойти къ рукѣ ея, но Прасковья Павловна не допустила его до этого.

— Что это вы, Андрей Петровичъ, чтобъ я стала на порогѣ съ вами здороваться! Сохрани меня Боже!

Она попятилась назадъ.

— Точно, матушка, точно, на порогѣ нехорошо! — прохрипѣлъ помѣщикъ, — я самъ не люблю этого... Ну, а теперь пожалуйте-ка вашу ручку...

Андрей Петровичъ поцѣловалъ протянутую ему ручку и, продолжая держать ее въ своей рукѣ, обратился къ Петру Александрычу.

— Вотъ ручка-то была въ свое время, — сказалъ онъ, — чортъ возьми! пухленькая, бѣленькая... да еще и теперь прелесть, ей Богу... Надобно вамъ знать, сударь, что я волочусь за вашей маменькой, просто волочусь...

Эти слова очень пріятно подѣйствовали на Прасковью Павловну. Она нѣжно и съ улыбкой посмотрѣла на деревенскаго любезника.

Отъ Прасковьи Павловны Андрей Петровичъ обратился къ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей и подошелъ также къ ея рукѣ.

— Аннѣ Ивановнѣ мое нижайшее почтеніе. Какъ поживать изволите?

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, украсившая себя мелкими сырцовыми буклями, бросила на вдовца-помѣщика взглядъ чувствительный и потомъ, закативъ, по своему обыкновенію, глаза подъ лобъ, отвѣчала нѣсколько нараспѣвъ и въ носъ:

— Благодарю васъ, слава Богу.

— Мы все съ Анеточкой хозяйствомъ занимаемся, — замѣтила Прасковья Павловна. — Она, это можно смѣло сказать, отличнѣйшая хозяйка. (Прасковья Павловна вздохнула). Ну, Андрей Петровичъ, какъ я была обрадована пріѣздомъ моихъ милыхъ дѣточекъ — и сказать не могу...

— Поздравляю васъ, поздравляю, — перебилъ Андрей Петровичъ, — я съ почтеннѣйшимъ-то (помѣщикъ ткнулъ пальцемъ на Петра Александрыча) имѣлъ уже удовольствіе познакомиться. А гдѣ же ваша хозяюшка-то, Петръ Александрычъ? познакомьте меня, милостивый государь, съ нею.

— Она у себя въ комнатѣ, — сказала Прасковья Павловна, — вѣрно сейчасъ къ намъ выйдетъ... Теперь я, Андрей Петровичъ, самая счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Невѣстка моя, Оленька — милая, скромная; внучекъ мой — настоящій херувимчикъ... Теперь мнѣ остается только благодарить Бога, порадоваться на ихнее счастіе и потомъ умереть спокойно. Я увѣрена, что они не оставятъ мою сиротку... (Прасковья Павловна указала на дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей).

— Умирать! Зачѣмъ же умирать, матушка? Это вы говорите вздоръ.

Помѣщикъ потеръ ладонью желудокъ.

— А что, который-то часъ?.. Какъ будто этакъ время и травничку выпить.

Онъ обратился къ Петру Александрычу:

— Можетъ у васъ тамъ по-столичному и не слѣдуетъ этого говорить: но мы вѣдь деревенскіе дураки, все рубимъ спроста. Вы сами-то употребляете ли травничокъ?

— Нѣтъ.

— Отчего?—травничокъ вещь цѣлительная для желудка: а ваши ликеры и разныя эти разности ни къ чорту не годятся!

Закуска и травникъ были принесены.

Помѣщикъ налилъ рюмку травника и поднесъ ее Петру Александрычу.

— Отвѣдайте, каково? — а?

Петръ Александрычъ выпилъ рюмку, поморщиваясь.

— Не дурно! — сказалъ онъ.

— То - то же! надо войти во вкусъ... Поживите-ка съ нами немного, да мы васъ по-своему передѣлаемъ, почтеннѣйшій.

Говоря это, Андрей Петровичъ наливалъ травникъ... Онъ поднесъ рюмку къ своимъ толстымъ губамъ, высосалъ изъ нея цѣлительный напитокъ, пополоскалъ имъ во рту, а потомъ проглотилъ его, крякнувъ раза два или три.

Въ эту минуту Ольга Михайловна вошла въ комнату.

Прасковья Павловна, увидѣвъ ее, вскочила со стула и закричала:

— Оленька, мое сердце, представляю тебѣ добраго нашего сосѣда, Андрея Петровича Боровикова.

Потомъ она обратилась къ Андрею Петровичу:

— А вамъ, Андрей Петровичъ, представляю мою милую невѣстку. Ну, какова моя Оленька, что скажете?

Андрей Петровичъ, занимавшійся разжевываньемъ колбасы, съ замѣтнымъ усиліемъ проглотилъ ее, вытаращивъ глаза на Ольгу Михайловну, и съ масляными губами бросился къ рукѣ ея.

— Съ нетерпѣніемъ желалъ съ вами познакомиться, сударыня. Прошу извинить; мы здѣсь въ ожиданіи васъ занялись существеннымъ, по желудочной части.

Ольга Михайловна ничего не нашлась сказать на эту рѣчь

помѣщика и ограничилась только однимъ безмолвнымъ привѣтствіемъ. Вслѣдъ затѣмъ начался общій разговоръ о причинахъ неурожая и урожая, о соленіи грибовъ и дѣланіи наливокъ; Прасковья Павловна заливалась какъ соловей, когда дѣло дошло до приготовленія послѣднихъ. Андрей Петровичъ, въ жару разговора, потягивалъ травничокъ; Петръ Александрычъ зѣвалъ растянувшись въ креслѣ; дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, вздыхала, поглядывая на вдовца, и то поднимала глаза къ потолку, то опускала ихъ къ полу; Ольга Михайловна глядѣла въ окно... Вдругъ послышался шумъ въ передней, — громкое восклицаніе: э-ге! и стукъ подкованныхъ каблуковъ.

— Ужъ никакъ это Семенъ Никифорычъ... Вотъ сколько нежданныхъ гостей у насъ сегодня!

И съ этими словами Прасковья Павловна бросилась въ залу. Она не обманулась: передъ нею стоялъ Семенъ Никифорычъ, сухощавый помѣщикъ съ необыкновенно длиннымъ носомъ и съ необыкновенно короткимъ лбомъ. Онъ былъ не первой молодости, но силенъ и крѣпокъ; у него висѣла серёжка въ ухѣ, какъ онъ говорилъ, отъ грыжи; его верхняя губа покрывалась черными усами; на немъ былъ военный сюртукъ на бѣлой подкладкѣ, какъ доказательство, что онъ служилъ нѣкогда въ конницѣ и вышелъ въ отставку съ мундиромъ. Къ пуговицѣ этого сюртука былъ привѣшенъ кожаный кисетъ съ табакомъ, а изъ кисета торчалъ коротенькій чубукъ. Къ довершенію всего, Семенъ Никифорычъ заикался.

Увидѣвъ Прасковью Павловну, онъ воскликнулъ: — Э-ге?

Потомъ они поздоровались и обмѣнялись значительными взглядами... Семенъ Никифорычъ отстегнулъ кисетъ, положилъ его на столъ и, предшествуемый Прасковьею Павловною, явился въ гостиную. Она представила его сыну и невѣсткѣ... Андрей Петровичъ, ударивъ по спинѣ Семена Никифорыча, прохрипѣлъ: — здорово, дружище! и, подмигнувъ, указалъ ему на завтракъ.

— Э-ге! за...куска до...брое дѣло, — возразилъ Семенъ Никифорычъ... Вотъ, когда мы соберемся, бы... бы... бывало, я,

эскадронный командиръ, еще два, три на...а...ашего эскадрона, бывало, я и говорю: э-ге!..

— Прополощи-ка, братъ, ротъ травничкомъ, — перебилъ Андрей Петровичъ.

Семенъ Никифорычъ налилъ травнику и, обратясь къ Петру Александровичу, сказалъ:

— За здоровье но...но...о...овопріѣзжихъ!—и выпивъ залпомъ.

— По-военному, дружище, по-военному!—вскрикнулъ Андрей Петровичъ: а мы, гражданскіе, любимъ посмаковать прежде...

Выпивъ травничку, Семенъ Никифорычъ вышелъ въ залу, набилъ методически, съ ученымъ видомъ знатока, свою трубку и сѣлъ возлѣ Петра Александрыча.

Онъ посмотрѣлъ на него и, пустивъ дымъ изъ носа, — сказалъ:

— Вы табакъ не ку...у...у...рите-съ?

— Нѣтъ, я курю сигары.

— Э-ге! это все нѣмцы ввели въ моду цыгарки, а у насъ зна...ете въ полку и не зна...а...ли, что такое цыгарки, а ужъ курилы-мученики были... А что, я думаю, хороши лошади-съ въ конной гвардіи?

— Чудесны, мастерски подобраны, какъ смоль черныя, ни одного пятнышка нѣтъ, — отвѣчалъ Петръ Александрычъ.

— Э-ге! — Семенъ Никифорычъ выпустилъ опять дымъ изъ носу.

Прасковья Павловна, казалось, была очень довольна, что у Семена Никифорыча съ сыномъ ея завязался разговоръ, и она не сводила съ нихъ глазъ.

— А гдѣ же Оленька? — спросила она вполголоса у дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Она, кажется, въ садъ пошла.

— Въ садъ?..—Прасковья Павловна сдѣлала невольную гримасу.—Очень странно! кажется, ей слѣдовало бы гостей занимать; я полагаю, что это дѣло хозяйки. Стало-быть, душенька, мы деревенскіе лучше столичныхъ приличіе знаемъ.

— Она вѣрно ищетъ уединенія!..—Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей иронически улыбнулась.

— Что, милостивый государь, — сказалъ Андрей Петровичъ, подойдя къ Петру Александрычу и подбоченившись фертомъ: — играете ли вы въ билліардъ?

— И очень.—Петръ Александрычъ приложилъ голову къ спинкѣ дивана.—Я въ Петербургѣ всегда игралъ въ клубѣ; тамъ первый билліардъ...

— Безподобно! безподобно!.. Не угодно ли со мною сразиться? а? Ну конечно, куда жъ намъ деревенскимъ за вами... вы вѣдь уничтожите насъ.

Петръ Александрычъ принялъ не безъ удовольствія предложеніе толстаго помѣщика, и всѣ отправились въ билліардную. Исполинъ Ѳедька, бывшій маркеромъ при старомъ баринѣ, явился къ исполненію своей должности, и мрачный, прислонился къ засаленной стѣнкѣ.

— Ничего и никого! — прокричалъ онъ страшнымъ голосомъ.

— Этотъ билліардъ, я вамъ скажу, скуповатъ, — замѣтилъ Андрей Петровичъ, подтачивая кій: — дьявольски скуповатъ. Онъ выставилъ шаръ.

— Малый! считай вѣрнѣе, да подмели-ка мнѣ кій хорошенько, или ужъ перемѣни его... этотъ что-то легокъ, канальство! Нѣтъ ли потяжеле?

Между тѣмъ Петръ Александрычъ срѣзалъ желтаго въ среднюю лузу.

— Э-ге! — сказалъ Семенъ Никифорычъ, не выпускавшій изо рта своего коротенькаго чубука...

Игра завязалась интересная. Андрей Петровичъ горячился и, несмотря иа всѣ свои усилія, проигралъ сряду двѣ партіи.

— Вотъ какъ насъ деревенскихъ дураковъ столичные-то изволятъ обыгрывать! — сказалъ Андрей Петровичъ, прищелкивая языкомъ. — Впрочемъ, милостивый государь, надо вамъ сказать, что я сегодня не въ ударѣ; вы мастеръ играть, — а я все-таки не уступлю вамъ, воля ваша! Иной разъ какъ и нашъ братъ пойдетъ записывать, такъ только лузы трещатъ.

Побѣдитель, улыбаясь, посмотрѣлъ на побѣжденнаго и сказалъ зѣвая:

— Такъ скучно. Не хотите ли играть въ деньги? Въ Петербургѣ я игралъ рублей по 100 à la guerre, а такъ обыкновенную игру — рублей по 200 и больше.

У Андрея Петровича запрыгали глаза. Онъ положилъ кій на билліардъ съ особенною торжественностію и обратился къ Петру Александрычу, сложивъ свои коротенькія ручки по-наполеоновски.

— Конечно! куда же намъ, дуракамъ-провинціаламъ, гоняться за столичными! — сказалъ онъ, потряхивая ногою, — впрочемъ, и мы за себя постоимъ. Я, милостивый государь, игрывалъ тоже въ свой вѣкъ и не на изюмчикъ, смѣю увѣрить васъ...

Андрей Петровичъ вынулъ изъ-за пазухи огромный красный засалившійся портфель, туго набитый ассигнаціями, и бросилъ его на билліардъ.

— Я не прочь сдѣлать вамъ, милостивый государь, удовольствіе и не только 200, но и 500 выставляю чистоганомъ, хоть сію минуту... Почему разокъ не пошалить? Я не скопидомъ какой — нѣтъ, прошу извинить, — я не похожъ на любезнѣйшаго моего брата, Илью Петровича, не стану дрожать надъ каждой полушкой. Деньги — нажитое дѣло, а вотъ умъ — это другая статья.

Андрей Петровичъ посмотрѣлъ самодовольно на всѣхъ и положилъ портфель въ карманъ.

Его энергическая выходка произвела сильное впечатлѣніе на Петра Александрыча. Петръ Александрычъ сдѣлался къ нему послѣ этого несравненно внимательнѣе, посадилъ его возлѣ себя и безпрестанно подливалъ ему въ стаканъ мадеру. И Андрей Петровичъ, во время стола, повидимому, совершенно примирился съ Петромъ Александрычемъ.

— Чокнемся, любезный сосѣдъ, — говорилъ онъ, поднимая кверху свой стаканъ, — чокнемся; сосѣди должны жить дружно, мирно, на охоту вмѣстѣ ходить, и все заодно! Теперь гордиться нечего, — Андрей Петровичъ обратился къ Ольгѣ Михайловнѣ, — не правда ли, сударыня? Вѣдь онъ — вашъ

муженекъ-то, — былъ столичный, а теперь сталъ нашъ братъ деревенскій!

Андрей Петровичъ въ продолженіе цѣлаго обѣда говорилъ безъ умолку, а Семенъ Никифорычъ все кушалъ и только два раза произнесъ: «э-ге!»... Когда Прасковья Павловна начала объясняться о томъ, какъ она обожаетъ дѣтей и какое утѣшеніе доставляетъ ей внучекъ, Андрей Петровичъ перебилъ ее:

— Дѣти! гм! — конечно, оно весело, когда они болтаются, покуда такъ до ученья, а тамъ какъ до этого пункта дойдетъ, такъ и почешешь въ затылкѣ. Хорошо, коли наскочишь на хорошаго учителя, какъ я. А молодецъ у меня учитель, могу сказать, молодецъ! Недѣли двѣ какъ я его выписалъ изъ Москвы черезъ одного пріятеля и еще, признаюсь, ничего дурного за нимъ до сихъ поръ не замѣтилъ, — и долженъ быть — у-у! голова. Серьезный такой, мало говоритъ и чортъ знаетъ какъ у него терпѣнія достаетъ; цѣлый день читаетъ или на фортепьянахъ брянчитъ. Изъ себя красавчикъ, бѣлокурый, курчавый, лѣтъ двадцати семи, въ университетѣ обучался и изъ благородныхъ: отецъ его былъ дворянинъ... А когда же вы ко мнѣ, любезный сосѣдушка, а? Сами-то вы пріѣдете, — это не въ счетъ, нѣтъ — съ супругою, съ матушкой, съ Анной Ивановной...

На длинномъ лицѣ Анны Ивановны блеснула свѣтлая улыбка надежды, и она скромно потупила взоръ, когда Прасковья Павловна взглянула на нее значительно.

— Я даромъ что вдовецъ, а ко мнѣ-таки жалуютъ и дѣвицы и дамы... спросите у Прасковьи Павловны... Прасковья Павловна, что, вѣдь угощать умѣю, кажется?

— Ужъ мастеръ, мастеръ на угощеніе, что и говорить! — сказала Прасковья Ивановна.

— Мой поваръ, Игнашка, милостивый государь (Андрей Петровичъ потрепалъ по плечу Петра Александрыча), въ Москвѣ на первой кухнѣ обучался, кулебяки и растегаи такъ дѣлаетъ, что просто сами во рту таютъ. Я люблю хорошо поѣсть; желудочная часть, по-моему, дѣло важное въ жизни, что ни говорите... А моя Степанида Алексѣевна не дожда-

лась Игнашки! Онъ еще былъ при ней въ ученьи, а то бы она на него порадовалась... Такой хозяйки ужъ не наживешь — нѣтъ! варенье ли варить, грибы ли солить, за дѣвками ли присмотрѣть — на все была мастерица... Бывало, при ней домъ какъ заведенная машина.

Андрей Петровичъ тяжело вздохнулъ и махнулъ рукой. На глазахъ его показались слезы.

— Что, впрочемъ, говорить объ этомъ!.. Видно такъ нужно. Богъ лучше насъ знаетъ, что дѣлаетъ... Когда же вы ко мнѣ, Прасковья Павловна, съ невѣстушкой? Вотъ, въ слѣдующую пятницу бы... на цѣлый денекъ, съ утра... И ты, Семенъ Никифорычъ, изволь-ка являться. Вѣдь я думаю, съ недѣлю-то проживешь еще здѣсь?

Семенъ Никифорычъ разинулъ ротъ, чтобъ отвѣчать, но Прасковья Павловна предупредила его.

— Разумѣется, проживетъ; что ему дома дѣлать?

— Ко мнѣ еще,—продолжалъ Андрей Петровичъ,—кое-кто изъ сосѣдей обѣщался быть — и славно промаячимъ день. Билліардъ же у меня, Петръ Александрычъ, важнѣйшій; а ужъ на своемъ билліардѣ я вамъ не позволю обыграть себя, милостивый государь, нѣтъ! Еще, коли хотите, десять очковъ впередъ дамъ... По рукамъ же, въ пятницу?

— Непремѣнно!

— Чокнемся же, любезнѣйшій! — закричалъ Андрей Петровичъ, — а я, можетъ статься, для новопріѣзжающихъ-то небольшой сюрпризецъ устрою. Понимаете, Прасковья Павловна?

Андрей Петровичъ мигнулъ лѣвымъ глазомъ.

Прасковья Павловна улыбнулась и кивнула головой.

— Да смотрите же, матушка Прасковья Павловна, ни гугу о томъ...

По окончаніи стола Андрей Петровичъ, опускаясь на диванъ съ полузакрытыми глазами, прохрипѣлъ: «Нѣтъ, чортъ возьми! русскому человѣку тяжело послѣ обѣда» — и, по его собственному выраженію, всхрапнулъ изряднехонько. Петръ Александрычъ также предался искусительному сну; Семенъ

Никифорычъ, позѣвывая и покуривая изъ своего коротенькаго чубучка, разговаривалъ съ Прасковьей Павловной.

Такъ прошло около полутора часа; потомъ сѣли играть въ вистъ и проиграли до поздняго вечера. Андрей Петровичъ, уѣзжая домой и садясь въ свою висящую лодку, кричалъ стоявшему на крыльцѣ Петру Александрычу, — смотрите же, я васъ жду къ себѣ, любезный сосѣдушка,—да ну же, скотъ, Антипка! и подсадить-то не умѣетъ... Не забудьте, милостивый государь, пятницы; супругу-то непремѣнно привезите... слышите?.. А ты, олухъ, опять не задѣнь за столбъ въ воротахъ. А въ пятницу кулебяка будетъ такая, мой любезнѣйшій, что пальчики оближете, — отвѣчаю вамъ.

Андрей Петровичъ бухнулся въ коляску...

Коляска двинулась.

— До свиданья! — закричалъ Петръ Александрычъ.

— Прощайте, любезнѣйшій!

«Славный малый этотъ толстякъ, подумалъ Петръ Александрычъ, вернувшись въ комнаты; — и какое ему счастье въ карты везетъ, если бъ этакъ по большой играть!.. Ну, а все-таки деревенщина».

Въ то время, какъ Петръ Александрычъ, Прасковья Павловна и гости занимались вистомъ, Ольга Михайловна сидѣла у окна въ своей комнатѣ, выходившей въ садъ. Вечеръ былъ прекрасный; потухавшій закатъ обливалъ розовымъ свѣтомъ ея комнату. Душа ея была полна звуковъ. Они пробуждали въ ней святыя воспоминанія, и передъ нею являлся знакомый образъ въ заманчивой отдаленности. Она подошла къ роялю и, послушная вдохновенной настроенности своего духа, запѣла серенаду Шуберта *):

Пѣснь моя летитъ съ мольбою—
Тихо въ часъ ночной.
Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой!

---

*) Leise gehen meine Lieder и пр.

При лунѣ шумятъ уныло
Листья въ поздній часъ—
И никто, о, другъ мой милый,
Не увидитъ насъ.

Слышишь?—въ рощѣ зазвучали
Пѣсни соловья;
Звуки ихъ полны печали,
Молятъ за меня.

Въ нихъ понятно все томленье,
Вся тоска любви.
И наводятъ умиленье
На душу они.

Дай же доступъ ихъ признанью
Ты въ душѣ своей—
И на тайное свиданье
Приходи скорѣй...

Вдругъ она вздрогнула, голосъ ея прервался. дверь со скрипомъ повернулась на заржавленныхъ петляхъ, и... дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, въ сырцовыхъ букляхъ, вошла въ комнату.

— Ахъ, вы какъ мило поете! прелесть!—сказала она.— Какой безподобный романсъ! Онъ вѣрно въ модѣ... Какая у васъ прелестная метода въ пѣніи!

— Вы находите?—сказала Ольга Михайловна.

— Я хоть и не музыкантша, а, когда вы поете, нельзя не чувствовать; но простите меня, я помѣшала вамъ. Мнѣ, право, такъ совѣстно...—Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, расправивъ свое платье, расположилась на стулѣ.

— Я совсѣмъ не во-время вошла къ вамъ, — продолжала она. — Тамъ внизу такая скука, и признаюсь вамъ, я ужасно не люблю этого Семена Никифорыча; онъ безъ всякаго образованія,—а ваше общество мнѣ такъ пріятно. Вы такая образованная.

И, безъ умолку разговаривая, она болѣе часу просидѣла у Ольги Михайловны. Ольга Михайловна вовсе не была намѣреиа поддерживать разговоръ, и почти все молчала или

отвѣчала по необходимости на вопросы очень коротко и неудовлетворительно. Наконецъ, почувствовавъ неловкость своего положенія, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей отправилась къ Прасковьѣ Павловнѣ.

Она со слезами на глазахъ объяснила своей покровительницѣ, что, исполняя ея волю, она употребила всѣ старанія, чтобъ сблизиться съ Ольгой Михайловной, но что Ольга Михайловна будто бы обращается съ ней постоянно сухо и холодно, смѣется надъ провинціею, называетъ Семена Никифорыча необразованнымъ, и проч. Въ заключеніе своей жалобы она принялась цѣловать руки своей благодѣтельницы.

Прасковья Павловна, надѣленная отъ природы чувствительнымъ сердцемъ, не могла никогда видѣть равнодушно слезы, по ея собственному признанію.

— Бѣдная моя Анеточка!—сказала она, цѣлуя дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей,—полно, милая... Какъ тебѣ не стыдно огорчаться такими пустяками; что тебѣ на нее смотрѣть. Ну, Богъ съ ней, коли она важничаетъ! Оставь ее въ покоѣ. Ужъ я давно замѣчаю, что ее какъ ни ласкаешь, а она все въ лѣсъ смотритъ... И про Семена Никифорыча сказала, что онъ необразованный!

Прасковья Павловна въ волненіи начала прохаживаться по комнатѣ и заговорила прерывающимся отъ досады голосомъ:

— Видите, образованная какая!.. А и съ гостями заняться не умѣетъ... Слова не можетъ сказать... Экое прекрасное образованіе! Да и отецъ-то ея, говорятъ, не генералъ, а полковникъ... Ну, обманулась я въ ней, нечего сказать, обманулась!.. И замѣтила ли ты, дружочекъ, какъ она холодна съ мужемъ? Я не видала ни разу, чтобъ она его приласкала и поцѣловала... Нищую взялъ,—а она этакъ важничаетъ! Она и волоска-то Петинькинова не стоитъ... и онъ, кажется, ужъ понимаетъ ее... я это замѣтила по многому...

Прасковья Павловна проницательно улыбнулась.

На слѣдующее утро, за чаемъ, она встрѣтила свою невѣстку съ холодною вѣжливостью, отпустила нѣсколько колкостей насчетъ воспитанія столичныхъ дѣвицъ и очень

тонко замѣтила, что ничего нѣтъ хуже, когда молодые, богатые люди женятся на бѣдныхъ.

Ольга Михайловна была отчасти рада внезапной перемѣнѣ въ обращеніи съ нею, потому что она не могла отвѣчать на безпрестанную ласку—ласкою, на безпрестанную любезность — любезностью. Она большую часть дня проводила одна—или въ саду съ книгою, или въ своей комнатѣ за роялемъ, или у кровати своего малютки вмѣстѣ съ старухою-нянею, которая почти не выходила изъ дѣтской. Ильинишна вязала чулокъ, посматривая въ очки на столичную нянюшку, качала головой и ворчала:

— Охъ-охъ-охъ! то-то вы модницы и за ребенкомъ хорошенько присмотрѣть не умѣете... За вами надо глаза да и глаза... Экій грѣхъ, вотъ и петлю спустила!

— Позвольте, я подниму, Настасья Ильинишна,—восклицала столичная нянюшка.

— Подними, подними, родная; у тебя глаза-то молодые...

Ольга Михайловна всегда съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣла на старуху-няню, когда она ласкала ея сына.

— Ты его очень любишь?—однажды спросила у нея Ольга Михайловна.

— Ахъ, ты, проказница-барыня!—отвѣчала смѣясь Ильинишна,—да какъ же мнѣ не любить его, моего крошечку? Развѣ онъ мнѣ чужой...

При этомъ отвѣтѣ Ольга Михайловна вздрогнула. Она ухаживала за своимъ дитятею со всею заботливостью матери; по цѣлымъ часамъ проводила у его кровати: но и здѣсь не оставляло ее то грустное чувство, которое выражалось въ каждомъ ея движеніи... Она иногда взглядывала на спящаго малютку, и вдругъ, какъ будто пораженная какою-то мыслію, вся измѣнялась въ лицѣ.

Петръ Александрычъ видѣлся съ женою только во время завтрака, обѣда, чая и ужина... Остальное время онъ стрѣлялъ на гумнѣ воробьевъ вмѣстѣ съ Семеномъ Никифорычемъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, отъ нечего дѣлать расхаживалъ на псовомъ дворѣ, изрѣдка появлялся

въ прачечной и непремѣнно раза три въ день посѣщалъ конюшню.

— Красавецъ-то нашъ во все самъ вникать изволитъ,— говорила няня.—Ну, барское ли это дѣло? Слава Богу, кажется, есть кому служить... Да и то сказать (няня вздыхала), нынче деревня-то безъ стараго барина ужъ совсѣмъ перебаловалась...

ГЛАВА IV.

Въ пятницу, съ ранняго утра, къ Андрею Петровичу начинали съѣзжаться гости. Солнце сіяло во всемъ блескѣ, Андрей Петровичъ сидѣлъ на галлереѣ, выходившей въ садъ, и съ спокойнымъ веселіемъ смотрѣлъ на своихъ слугъ, посыпавшихъ пескомъ дорожки сада. Возлѣ него по правую сторону сидѣлъ лысый старичокъ небольшого роста, опершись подбородкомъ на серебряный набалдашникъ старинной трости. Онъ смотрѣлъ исподлобья, кашлялъ и всякій разъ, когда съ нимъ заговаривалъ Андрей Петровичъ, отвѣчалъ ему съ величайшимъ подобострастіемъ. На старичкѣ былъ потертый фракъ покроя семидесятыхъ годовъ, застегивавшійся спереди двумя пуговицами величиною со старинный пятакъ, а на фракѣ длинная владимірская лента съ дворянскою медалью; сухощавыя ножки его въ черныхъ атласныхъ панталонахъ, съ стразовыми пряжками у колѣнъ, воткнуты были въ широкіе гусарскіе сапоги грубой работы. Этотъ старичокъ-холостякъ, одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ помѣщиковъ ***ской губерніи, неистощимый предметъ губернскихъ анекдотовъ,—былъ необходимое лицо на всѣхъ помѣщичьихъ праздникахъ. Ему всѣ оказывали по-своему особенное вниманіе, не исключая и самого губернатора, и всѣ, начиная съ губернатора, исподтишка подсмѣивались надъ нимъ. Но такое вниманіе къ нему цѣлой губерніи не возбуждало ни малѣйшей гордости въ богатомъ старичкѣ. Однажды онъ давалъ обѣдъ губернатору, и несмотря на убѣдительнѣйшія просьбы его превосходительства, ни за

что не рѣшился сѣсть въ его присутствіи и кушалъ въ этотъ день за другимъ столомъ стоя.

— Однако, отчего же вы не хотите сѣсть съ нами, любезнѣйшій мой Прокофій Евдокимычъ?—сказалъ ему губернаторъ, улыбаясь и посматривая на гостей, которые также рѣшились улыбаться, поощряемые его превосходствомъ.

— Приличіе не дозволяетъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ старикъ съ благоговѣйно-потупленными глазами и низко кланяясь.

Носились также слухи, что у Прокофья Евдокимыча зарыты были въ землю двѣсти тысячъ ассигнаціями прежней формы, и когда онъ рѣшился вырыть ихъ, для перемѣны въ казначействѣ на новыя,—онѣ отъ прикосновенія обратились въ пыль...

— А что, каковъ у меня, смѣю спросить, садикъ, Прокофій Евдокимычъ? — воскликнулъ вдругъ Андрей Петровичъ.—А? что скажете, милостивый государь?

— Кому же имѣть все, какъ не вамъ, Андрей Петровичъ?—почтительно замѣтилъ старичокъ, отдѣляя свой подбородокъ отъ набалдашника трости:—васъ Богъ благословилъ всѣмъ...

— Такого сада нѣтъ во всей губерніи,—пропищалъ господинъ, сидѣвшій по лѣвую руку отъ хозяина дома:—у васъ въ оранжереѣ персики совершенно необыкновеннаго вкуса-съ...

Андрей Петровичъ захохоталъ.

— Вотъ вретъ-то чепуху,—закричалъ онъ.—Ну, какого же вкуса? Персики, какъ персики.

— Нѣтъ, право, этакъ, не то слаще, не то...

— Не то горче? Ахъ ты, шутъ гороховый!..

Тотъ, къ кому относились эти слова, былъ помѣщикъ семи душъ, Илья Иванычъ Сурковъ, отецъ многочисленнаго семейства, пользовавшійся нѣкоторое время милостями Андрея Петровича.

Андрей Петровичъ назначилъ бѣдняку отъ себя небольшое содержаніе. Вслѣдствіе этого, какъ благодѣтель, онъ началъ обращаться съ облагодѣтельствованнымъ безъ всякой

церемоніи и скоро обратилъ его въ своего домашняго шута.

— Да,—продолжалъ Андрей Петровичъ, смотря на бѣднаго помѣщика:—шутъ ты гороховый, что не скажешь, такъ вотъ какъ обухомъ, братецъ, по лбу.... Да что наши гости не собираются... Кажется бы, чортъ возьми, пора... Петербургскій сосѣдушка-то мой не думаетъ ли пріѣхать посвоему, по-столичному... Кажется, я ему строго наказывалъ, чтобъ онъ съ ранняго утра явился ко мнѣ.

— А кто это, смѣю спросить, петербургскій?—спросилъ старичокъ.

— Петръ Александрычъ Разнатовскій, новопріѣзжій, долговскій помѣщикъ.

— Да, да, да! такъ это о нихъ вы изволите говорить? А какого они чина?

— Чина-то, кажется, онъ не важнаго, а лихой малый; есть въ немъ немножко столичной дури, да это пройдетъ со временемъ...

— Что они, смѣю спросить, женатые или холостые?

— Женатъ, женатъ, да еще, говорятъ, на генеральской дочкѣ.

При словѣ «генеральская» старичокъ повернулся на своемъ стулѣ.

— Вотъ что-съ,—сказалъ онъ, подумавъ нѣсколько.—Генеральская дочка... Имѣніе богатѣйшее... Чего же еще въ этой жизни? Слава Богу, слава Богу... И дяденька ихній прекрасный человѣкъ былъ. Сколько онъ изволилъ тратить на одни обѣды... Впрочемъ, коли есть изъ чего, почему же и не тратить?

— Ну, любезный Прокофій Евдокимычъ, вѣдь и васъ не обидѣлъ Господь состояніемъ-то, а вѣдь ужъ не поистратится, знаю... Вѣдь у васъ денегъ-то, я чай, только куры не клюютъ...

Андрей Петровичъ засмѣялся.

На лицѣ старика обнаружилось судорожное движеніе.

— Куры не клюютъ!—повторилъ онъ, тяжело вздыхая.—Эхъ, почтенный Андрей Петровичъ! чужая душа и чужой карманъ потемки.

Онъ отеръ губы пестрымъ бумажнымъ платкомъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, произнесъ:

— Съ собой въ могилу ничего не возьмешь! ничего!

— Кажется, что такъ,—возразилъ Андрей Петровичъ.— Охъ, Прокофій Евдокимычъ, много, батюшка, за вами грѣшковъ водится. Я правду люблю говорить въ глаза, вы это знаете. «Помни часъ смертный», сказано въ писаніи; пора покаяться; тамъ вѣдь насъ всѣхъ на чистую выведутъ, ей-Богу такъ. Передъ Богомъ запираться не будешь...

Старичокъ закашлялся.

— Всѣ мы грѣшны...—отвѣчалъ онъ.—Охъ, грѣшны! Я другое воскресенье сряду у обѣдни не былъ... Захирѣлъ, совсѣмъ захирѣлъ...

Андрей Петровичъ приготовился сдѣлать еще какое-то возраженіе Прокофію Евдокимычу: онъ уже разинулъ ротъ, но вдругъ въ комнатѣ, сосѣдней съ галлереею, раздался страшный крикъ.

— Гдѣ? что?.. вишь какой! На галлереѣ?.. а? Хорошъ хозяинъ! Погоди, вотъ я его! Кто съ нимъ? Прасковья Павловна здѣсь? Что? Да говори громче... а? нѣту?

— Ѳекла Ниловна! матушка, Ѳекла Ниловна!..—воскликнулъ Андрей Петровичъ, бросившись навстрѣчу къ новопріѣзжей барынѣ.

— Хорошъ, хорошъ, сударь, нечего сказать!.. Этакъ-то гостей принимаешь?.. Забился самъ Богъ знаетъ куда... Что?.. Не оправдывайся, кругомъ виноватъ.

— Да, какъ же вы это такъ подъѣхали, матушка, что мы не слыхали?.. Эй, Антипка! Васька!.. Дармоѣды проклятые! никто мнѣ и сказать не пришелъ!

Андрей Петровичъ обратился къ помѣщику семи душъ.

— Ну, и ты хорошъ, Илья Иванычъ! Просилъ тебя, братецъ, дать знать, кто пріѣдетъ, а ты тутъ, разиня ротъ, слушаешь наши разговоры съ Прокофіемъ Евдокимычемъ... Это, братецъ, совсѣмъ не твое дѣло... Виноватъ, матушка, Ѳекла Ниловна... Ручку: не сердитесь! впредь этого не случится... Оплошалъ, что дѣлать!

— Что винишься? То-то же! Прокофій Евдокимычъ...

здравствуйте! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались... Знать меня совсѣмъ не хочетъ, забылъ совсѣмъ. Здравствуй, Илья Иванычъ? что дѣтки?.. а? Сколько у тебя лѣтъ большенькому-то?.. а?

— Тринадцатый годокъ пошелъ-съ; вотъ ужъ крестницѣ-то вашей пятый съ Ильина дня пойдетъ.

— Что? Пятый? Наська! Наська! подай картонку-то!.. Слышишь!.. Извините, мой батюшка! сейчасъ приду къ вамъ, вотъ только чепецъ надѣну!.. Наська! Вели, Илья Иванычъ, послать ко мнѣ мою Наську... Вѣдь у тебя, Андрей Петровичъ, будетъ петербургская модница, такъ надо же немножко принарядиться; а то, вѣдь еще, пожалуй, осмѣетъ, чего добраго... Да что Прасковьи-то Павловны до сихъ поръ нѣтъ? Наська! Наська! Гдѣ ты, бестія, была?.. Знаешь, что барынѣ надо одѣваться!..

Ѳекла Ниловна отправилась съ своей горничной въ гостиную, и минутъ черезъ десять явилась во всей красѣ, въ чепцѣ съ крылышками и съ бантикомъ. Ѳекла Ниловна была женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, плотная, съ пріемами мужественными, повелительными, съ голосомъ пронзительнымъ. Она обладала большими хозяйственными дарованіями и страдала золотухой, отчего была нѣсколько глуховата на правое ухо.

— Что, Андрей Петровичъ, много ли нынѣшній годъ яблонь купилъ?—сказала она, садясь въ кресло, поставленное ей Ильей Иванычемъ.—А? сколько?

— Да штукъ до пятидесяти, матушка: теперь у меня фруктовый-то садикъ будетъ—я вамъ скажу!..

— Что, почемъ? Бѣлый наливъ? Садовникъ-то у тебя пересталъ пить?.. а? Сердита, батюшка, на твоего брата; ужасно сердита... Перекупилъ у меня лѣсъ... Я торговала у Ивана Астафьича; бревна толстыя, задаромъ почти отдавали, хотѣла баню у себя новую выстроить, а онъ и подсунься тутъ: хоть бы предувѣдомилъ... О, плутъ какой!.. Что?.. Плутъ! такъ на даровщинку и лѣзетъ. И на что ему лѣсъ? чего ему строить? Завидливые глаза: только бы дешевенькое другому не досталось...

— А, да что объ немъ говорить?—съ досадой замѣтилъ Андрей Петровичъ:—онъ надоѣлъ мнѣ, чтобъ ему...

— Надоѣлъ? что? А знаешь ли, батюшка, что онъ на прошедшей недѣлѣ, кажется, въ четвертокъ,—да такъ и есть, въ четвертокъ,—въ твои Холмищи заѣзжалъ, и старосту вызывалъ, долго говорилъ съ нимъ... Ужъ я это навѣрно знаю.

— Какъ?..

Андрей Петровичъ вскочилъ со стула, глаза его налились кровью, и онъ топнулъ ногой.

— Что такое? Съ моимъ старостой говорилъ? Полноте, матушка, Өекла Ниловна, этого быть не можетъ!..

— Что жъ я лгунья какая, что ли? У меня, кажется, языкъ-то все одинъ: что въ будни, что въ праздникъ, лгать не привыкла. Быть не можетъ? Съ дѣтства не лгала, батюшка; извини, и сплетокъ смерть не люблю, а ссорить васъ еще пуще мнѣ нѣтъ никакой надобности: я христіанка... Даромъ, что братецъ твой плутъ, а мнѣ обоихъ васъ жалко... Изъ одной утробы вышли, а живете хуже, чѣмъ кошка съ собакой... А? не правда ли? Я бы рада была помирить васъ.

Андрей Петровичъ сталъ передъ Өеклой Ниловной, заложивъ руки назадъ и нахмуривъ брови.

— Помирить?—закричалъ онъ.—Чтобъ я съ нимъ помирился? Я, съ этимъ Іудой Искаріотскимъ?.. Въ своемъ ли вы умѣ, матушка Өекла Ниловна?

— Что? Въ своемъ ли умѣ? Я? Спасибо тебѣ, батюшка, сумасшедшую изъ меня хочешь сдѣлать?.. а? Съ вами не сговоришь! Какъ хотите, такъ и живите... Лучше скажи-ка мнѣ о петебургской-то, о женѣ сосѣда-то своего. Какова?.. а? Носъ-то, я чай, подымаетъ? важничаетъ?.. а? Бѣлокурая или черноволосая? Что? одѣта какъ-нибудь особенно?.. а?

— Сосѣди пріѣхали-съ, господа изъ Долговки! — проревѣлъ вошедшій Антипка.

Андрей Петровичъ произнесъ длинное *а!* и пошелъ навстрѣчу къ гостямъ. Өекла Ниловна вся впилась въ дверь, въ которую должны были войти гости, и безпрестанно повертывалась на стулѣ отъ нетерпѣливаго ожиданія.

Черезъ минуту Прасковья Павловна бросилась въ объятія

Ѳеклы Ниловны и потомъ подвела въ ней свою милую невѣстку.

— Имѣю честь рекомендовать себя!—закричала Ѳекла Ниловна, пожирая глазами Ольгу Михайловну.—Прошу любить меня. Я, по правдѣ сказать, тоже петербургская, я вѣдь родилась въ Петербургѣ, матушка.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, нѣжно посматривала то на богатаго старичка, то на хозяина дома.

— Батюшка, Петръ Александрычъ! узнаешь ли меня?—продолжала Ѳекла Ниловна, бросаясь отъ Ольги Михайловны къ ея мужу.—Еще маленькаго васъ знала, вотъ такого... а? что? Помните, я васъ на рукахъ носила?

Петръ Александрычъ улыбался и раскланивался.

Среди этой суматохи пріѣхало еще нѣсколько гостей: барыня съ четырьмя дородными воспитанницами въ вѣнкахъ на головѣ и въ бѣлыхъ платьяхъ съ розовыми поясами; помѣщикъ въ милиціонномъ камлотовомъ сюртукѣ; засѣдатель, лекарь и еще два-три безмолвныя лица.

Петръ Александрычъ познакомился со всѣми. Ему было очень пріятно, что онъ и жена его сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Развалясь на диванѣ, разсказывалъ онъ о своихъ петербургскихъ подвигахъ, о своихъ друзьяхъ, князьяхъ, графахъ и генералахъ. Около него составился кружокъ слушателей. Илья Иванычъ и засѣдатель молча и значительно поглядывали другъ на друга при каждомъ его словѣ, а богатый старичокъ каждый разъ привставалъ, когда Петръ Александрычъ обращался къ нему.

Хозяинъ суетился и бѣгалъ, угощалъ гостей завтракомъ, кричалъ на своихъ лакеевъ, бранилъ Илью Иваныча и потягивалъ помаленьку травничокъ.

Въ половинѣ второго обѣдъ былъ готовъ.

Едва гости усѣлись за столъ, какъ крѣпостные музыканты Андрея Петровича, скрытые въ сосѣдней комнатѣ, заиграли увертюру изъ «Калифа Богдадскаго». Андрей Петровичъ, разливавшій супъ, взглянулъ торжественно на Петра Александрыча и его супругу.

— Что скажете, сударыня?—закричалъ онъ.—Признай-

тесь, вы не ожидали, я думаю, чтобъ у насъ, у деревенскихъ дураковъ, могли быть сюрпризы такого рода? Я зналъ, что для васъ ужъ лучше такого сюрприза не выдумать. Вѣдь вы сами славно, говорятъ, на фортепьянахъ играете... Послушайте-ка, послушайте; вотъ пассажъ чудесный...

— Ну, матушка!—продолжалъ Андрей Петровичъ, обращаясь къ Прасковьѣ Павловнѣ:—невѣстушка ваша точно должна быть дока въ музыкѣ: посмотри, вся измѣнилась въ лицѣ, какъ мои молодцы-то грянули.

Въ самомъ дѣлѣ, на блѣдномъ лицѣ Ольги Михайловны кровь вдругъ выступила пятнами, но совсѣмъ не отъ знаменитой увертюры «Калифа Багдадскаго». Въ концѣ стола, между засѣдателемъ и Ильею Иванычемъ, она увидала молодого человѣка, давно знакомаго ей; но теперь я долженъ на минуту обратиться къ прошедшему.

Этотъ молодой человѣкъ, еще будучи студентомъ университета въ Москвѣ, довольно часто ходилъ въ домъ тетки Ольги Михайловны, у которой она воспитывалась, и даже нѣкоторое время преподавалъ Ольгѣ Михайловнѣ уроки россійской словесности. Тетушка ласкала студента и, любя музыку, ободряла его музыкальныя дарованія. Онъ имѣлъ довольно пріятный голосъ, и она часто просила его пѣть, заставляя свою племянницу аккомпанировать ему на фортепіано. Отецъ Ольги Михайловны, добрый кавалерійскій полковникъ, со всѣми претензіями стариннаго русскаго дворянина, былъ, впрочемъ, гораздо проницательнѣе тетушки. Онъ объявилъ наотрѣзъ, что всѣ высшія науки, къ которымъ онъ причислялъ и россійскую словесность, считаетъ совершенно безполезными для своей Оленьки, что она должна быть не гувернанткой, а доброй послушной дочерью, хорошей хозяйкой и женою. Вслѣдствіе этого онъ запретилъ ей не только брать уроки у студента и аккомпанировать ему на фортепіано, но даже говорить съ нимъ. «Терпѣть не люблю этихъ семинаристовъ,—повторялъ полковникъ,—и считаю неприличнымъ, чортъ возьми! чтобъ дочь стараго рубаки имѣла какія-нибудь фамильярныя сношенія съ этимъ народомъ!» Напрасно тетушка увѣряла полковника, что молодой чело-

вѣкъ, читавшій лекціи его Оленькѣ, совсѣмъ не семинаристъ, а студентъ, что отецъ его былъ бѣдный дворянинъ и хорошо знакомый ей человѣкъ. Полковникъ ничего не хотѣлъ слушать. Несмотря на это, тетушка Ольги Михайловны попрежнему принимала молодого человѣка въ своемъ домѣ. Онъ иногда приносилъ Ольгѣ Михайловнѣ ноты и книги. Ему обязана она была своимъ музыкальнымъ развитіемъ. Онъ познакомилъ ее съ Шубертомъ. Для нея онъ перевелъ его «Серенаду», для нея набросалъ онъ свои мысли о немъ, и даже однажды, пересиливъ свою робость, рѣшился все это отдать ей. Этотъ любопытный документъ, случайно потомъ доставшійся мнѣ, я кстати приведу здѣсь, не измѣняя ни единого слова, чтобы ближе познакомить читателя съ бывшимъ учителемъ Ольги Михайловны, котораго она встрѣтила такъ неожиданно. Прочтя его строки, я невольно повторялъ про себя:

Такъ онъ писалъ темно и вяло,
Что романтизмомъ мы зовемъ...
— и проч.

«Давно,—писалъ онъ ей,—давно я хотѣлъ передать вамъ нѣсколько словъ о Шубертѣ; но, при воспоминаніи о гармоническихъ мелодіяхъ его такъ переполняется все внутри, что мысли и слова теряются въ хаосѣ невыразимыхъ ощущеній. Шубертъ геніальный художникъ нашего времени; имъ нѣкогда станетъ гордиться XIX вѣкъ. И однакожъ Шубертъ не писалъ ничего, кромѣ пѣсенъ. Но здѣсь-то и проявилась геніальность его. Онъ вывелъ этотъ родъ музыкальныхъ произведеній изъ его прежней тѣсной сферы: онъ возвысилъ простыя пѣсни до той высочайшей художественности, которая не зависитъ отъ духа времени, ни отъ мѣстности, ни отъ направленія, вѣка,—которая равна для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ образованныхъ народовъ. Онѣ,—эти пѣсни его,—полны проявленья той глубочайшей, сокровенной внутренности души человѣческой, которая невыговариваема. Онъ воплотилъ въ звуки то невыразимое состояніе души, когда она, погруженная въ полноту своего чувства, разливается

во что-то таинственное, безконечное, неопредѣленное и съ невыразимой отрадой тонетъ въ глубинѣ ощущеній и упивается ими. Такое состояніе души можно только назвать музыкальнымъ. И оно, какъ вдохновеніе, не зависитъ отъ воли нашей. Благодатное, неожиданно сходитъ оно на человѣка, озаритъ душу его и исчезнетъ, ничѣмъ не удержимое, ничѣмъ невыразимое. И это-то таинственное чувство Шубертъ уловилъ въ его бездонныхъ глубинахъ, извлекъ его изъ его священнаго сумрака, окристаллизовалъ и явилъ свѣту. Да, самая музыка,—вы понимаете это,—есть только форма, тѣло того невыразимаго состоянія души, когда она, переполнившись, охватываетъ весь организмъ человѣка и преображаетъ его въ одно чувство, блаженное въ самой скорби своей. Если созданія Бетховена можно уподобить тѣмъ великимъ явленіямъ историческаго духа, въ которыхъ онъ выходитъ изъ своей внутренности чувства и предстоитъ уже словомъ и дѣломъ,—то пѣсни Шуберта исчерпываютъ ту таинственную сторону духа человѣческаго, которая остается скрытою для исторіи. Бетховенъ всегда торжествуетъ, какъ побѣдитель; его творенія — пѣснь вѣчной радости и могущества, свѣтлая, праздничная сторона жизни, неотразимая побѣдоносность идеи, торжество свѣта надъ мракомъ. Въ Шубертѣ выразилась трагическая сторона жизни человѣческой, міръ ея сокровенной, внутренней сердечности. Если, наконецъ, симфоніи Бетховена можно сравнить съ гимномъ преображеннаго и вдохновеннаго человѣчества, то въ пѣсняхъ Шуберта предстоитъ не только человѣкъ со всею своею уединенною жизнію сердца, подверженный ударамъ судьбы и случайности, скорбящій, полный неудовлетворенныхъ стремленій, любви, одинокихъ, тихихъ печалей, горькихъ укоровъ и утратъ,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глубочайшій внутренній міръ съ его священными видѣніями.

«Впрочемъ, это лишь одна изъ сторонъ генія Шубертова. Преобладающій характеръ его пѣсенъ почерпнутъ изъ того состоянія души, которое я не сумѣлъ назвать иначе, какъ музыкальнымъ состояніемъ. Это ощущеніе всегда слито съ меланхоліею. Чувство радостное, пронесшись по душѣ чело-

вѣка, не погружаетъ его въ себя; оно имѣетъ всегда внѣшнее выраженіе и улетучивается въ немъ. Оно, кажется, не столько сродно душѣ человѣка, чтобъ могло долго оставаться въ ней: душа выбрасываетъ изъ себя эти яркіе, но минутные цвѣты и съ любовію хранитъ въ себѣ цвѣты туманные, блѣдные, болѣе сродные ея влажной почвѣ,—цвѣты меланхоліи. Чувство радостное всегда ищетъ мѣста и воздуха. Въ немъ есть всегда какое-то самозабвеніе; но съ полнотою охватывая человѣка и быстро потрясая всѣ струны души, оно извлекаетъ изъ нихъ не гармоническій аккордъ, а унисонъ. Радость исключительна — радость любитъ только радость. Грусть, напротивъ, растетъ во внутрь своей почвы: это—подземный міръ. Питаясь струями Стикса, она любитъ безпрестанно орошать себя его тихими струями. Это та влажная почва духа, изъ которой подымаются безконечныя стремленія и порыванія души, на которой возстаютъ лучшіе, благороднѣйшіе идеалы человѣка... Въ грусти человѣкъ всегда сильнѣе и глубже все ощущаетъ, живѣе всему сочувствуетъ; въ грусти онъ все благословляетъ... Вы, вѣрно, помните глубокій смыслъ Гётева «Теките, теките, слезы вѣчной любви» и слова безумной Офеліи, что «горе есть праздникъ человѣку». Меланхолія есть высшая, идеальная сторона грусти,—это грусть, лишенная уже всего жгучаго, тяжелаго и темнаго,—а преобразившаяся въ одно благоуханіе. Меланхолія—это эоиръ, внутренній элементъ музыкальнаго состоянія души. И всѣ созданія Шуберта дышатъ меланхоліею. Рѣдко отдается онъ яснымъ, наивнымъ ощущеніямъ, какъ въ «Alinde», или блаженствующему порыву сердца, какъ въ «Серенадѣ». Онъ рѣдко симпатизируетъ съ стремленіями счастливой любви. Онъ любитъ погружаться въ тѣ туманныя нѣдра духа человѣческаго, гдѣ цвѣтетъ память объ исчезнувшемъ счастіи, о потерѣ людей, сросшихся съ сердцемъ, гдѣ накопляется скорбь отъ противорѣчій жизни; онъ нисходитъ въ тѣ тайники, гдѣ разражается трагическая судьба, постигающая человѣка, гдѣ лежатъ печальныя развалины существованія, потрясеннаго горькимъ жребіемъ...» и проч. и проч.

Такъ онъ писалъ темно и вяло, а Ольга Михайловна жадно

перечитывала эти строки, пропитанныя туманностію, въ которой ей грезилось что-то поэтическое... Но міръ скорби и страданія таинственно, еще какъ предчувствіе, начиналъ уже развертывается передъ нею... И въ эти-то минуты Шубертъ звуками своими открывалъ для нея сокровенную внутренность души человѣческой, невыговариваемую словами... Эти звуки сливались съ настроеніемъ ея духа,—и что-то родственное чувствовала она къ человѣку, который, объясняя ей Шуберта, объяснилъ ей многое въ ней самой. Съ этихъ поръ между имъ и ею уже существовала неразрывная духовная связь...

Тяжелыя предчувствія ея начинали сбываться: тетка ея умерла; отецъ увезъ ее въ Петербургъ, говоря, что «Оленькѣ пора пристроиться», и что въ Москвѣ «на жениховъ плоха надежда». Съ тѣхъ поръ она не видала своего учителя, но какъ святыню берегла воспоминанія минувшаго и это письмо о Шубертѣ.

Неожиданная встрѣча съ нимъ, котораго она, можетъ быть, никогда уже не надѣялась встрѣтить, заставила кровь выступить пятнами на лицѣ ея, но она тотчасъ же затушила въ себѣ это внутреннее волненіе и съ лицомъ спокойнымъ обратилась къ Андрею Петровичу, предложившему ей какой-то вопросъ по хозяйственной части. Появленіе стараго знакомаго Ольги Михайловны въ домѣ помѣщика Боровикова не было ни мало удивительно. Лишась единственной своей покровительницы, онъ года четыре провелъ въ Москвѣ въ званіи учителя, перенося всевозможныя муки. Съ утра до вечера бѣгалъ онъ изъ одного конца Москвы въ другой для добыванія себѣ насущнаго хлѣба и не видалъ конца этой мучительной жизни. Силы его ослабѣвали въ тяжкой и безплодной борьбѣ съ внѣшними обстоятельствами; духъ упадалъ; измученный своими уроками, къ которымъ онъ начиналъ чувствовать отвращеніе, оскорбляемый на каждомъ шагу барскою спѣсью и невѣжествомъ — не имѣя ни часа времени для себя, онъ иногда былъ близокъ къ отчаянію. Мѣра терпѣнія его переполнилась; онъ рѣшился, во что бы ни стало, бросить Москву, и тотчасъ воспользовавшись пред-

ложеніемъ своего знакомаго, отправился въ учителя къ дѣтямъ Андрея Петровича за весьма ничтожную цѣну, съ тою мыслію, что въ деревнѣ онъ будетъ имѣть хоть нѣсколько свободныхъ часовъ въ день. Объ Ольгѣ Михайловнѣ онъ почти ничего не слышалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кромѣ того, что она въ Петербургѣ и замужемъ.

Онъ сначала долго вглядывался въ нее, какъ бы не узнавая ее,—такъ несбыточна показалась ему мысль встрѣтиться съ нею въ сельцѣ Покровкѣ, Новоселовкѣ тожъ; но когда онъ услышалъ ея голосъ, тогда уже не оставалось для него ни малѣйшаго сомнѣнія. Эти тихіе звуки были такъ знакомы его сердцу!..

Послѣ обѣда музыканты перешли на галлерею, выходившую въ садъ. Андрей Петровичъ приказалъ имъ грянуть плясовую, усадилъ гостей въ комнатѣ близъ галлереи и торжественно вывелъ на середину комнаты Илью Иваныча, который былъ уже немножко подъ хмелькомъ.

— Ну-ка, сердечный, позабавь гостей!—вскрикнулъ ему Андрей Петровичъ повелительнымъ голосомъ.

Илья Иванычъ пустился въ присядку. Андрей Петровичъ стоялъ, подбочась фертомъ, и хохоталъ дикимъ голосомъ, глядя на своего забавника; ему вторила большая часть гостей; отъ поры до времени онъ приговаривалъ: «молодчина!» Вслѣдъ за пляской одна изъ четырехъ воспитанницъ съ вѣнкомъ, по просьбѣ хозяина дома, жеманясь и отнѣкиваясь, сѣла за фортепіано и пропищала «*Соловья*». Андрей Петровичъ началъ ей аплодировать. Барыня воспитанницы вскрикнула:

— Вѣдь Раисочка-то у меня самоучкой дошла до этого; никто ей не показывалъ, какъ пѣть!

— Что, матушка?—сказала Ѳекла Ниловна.—Я на это ухо, вы знаете, не дослышу... Что?.. а?.. самоучкой? голосокъ хоть куда...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, насмѣшливо улыбаясь, взглянула на Ольгу Михайловну.

Затѣмъ музыканты заиграли русскую, и два сына Андрея Петровича въ красныхъ рубашкахъ явились на сцену. Ихъ

встрѣтилъ въ залѣ пріемъ оглушительный... По окончаніи пляски гости обнимали, цѣловали и гладили ихъ по головкѣ.

Андрей Петровичъ повелъ своихъ гостей въ новоразведенный имъ садъ, образовавшій правильный четвероугольникъ, раздѣленный дорожками на квадраты. Въ этомъ саду липы и березки были разсажены симметрически и чрезвычайно хитро подстрижены шапками, вазами и другими формами, а на самой срединѣ его, на каменномъ пьедесталѣ, поставлены были солнечные часы. Къ этому саду примыкалъ другой фруктовый съ оранжереями, которыми въ особенности гордился Андрей Петровичъ. Дамы остались въ фруктовомъ саду, а хозяинъ дома съ Петромъ Александрычемъ отправился играть въ билліардъ. Въ этотъ разъ Петръ Александрычъ остался побѣжденнымъ, и Андрей Петровичъ, восхищенный своею побѣдою, потирая руки, безпрестанно повторялъ:

— Что, батюшка, Петръ Александрычъ, и мы, деревенскіе дураки, дали себя почувствовать! Каковъ былъ послѣдній-то ударецъ, какъ я желтаго-то въ угольную записалъ съ трескомъ?.. а?..

Учитель послѣ сцены съ Ильею Иванычемъ не показывался; остальной вечеръ былъ проведенъ за картами... Играли на двухъ столахъ: дамы составляли свою партію, мужчины свою... Ольга Михайловна, какъ неиграющая, осталась въ обществѣ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей и четырехъ дѣвицъ съ вѣнками на головѣ. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей занимала всѣхъ своими разговорами. Ольга Михайловна и четыре дѣвицы съ вѣнками молчали... Ѳекла Ниловна проигрывала и очень сердилась...

— Ну, матушка, — говорила она Прасковьѣ Павловнѣ, вытирая потъ съ лица и оканчивая игру,—экая игрица къ тебѣ сегодня шла... а? что? признаюсь, съ тобой играть нельзя—и все жлуди на вскрышѣ!..—Ѳекла Ниловна отвела Прасковью Павловну къ сторонѣ:—Я отъ невѣстки твоей совсѣмъ другое ожидала... Да что она, матушка, ничего не говоритъ, а коли заговоритъ, такъ ничего не слышишь... что?.. Это въ модѣ, что ли, подъ носъ себѣ говорить?..

а?.. Ты знаешь, что я люблю откровенность, родная... Мы съ тобой свои люди, говорить все можемъ...

Прасковья Павловна вздохнула.

— Ахъ, другъ мой Ѳекла Ниловна,—ужъ, между нами сказать, и я ожидала отъ нея совсѣмъ другого... Говорили Богъ знаетъ что... и въ столицѣ воспитывалась, и генеральская дочка, а этого совсѣмъ ничего и не видно...

— А? что? не видно... Правда... Жаль сынка-то твоего: могъ бы сдѣлать лучше партію... а? Онъ такой изъ себя видный... Жаль.. жаль...

— Ѳекла Ниловна, надо намъ расчесться,— сказала одна изъ игравшихъ барынь.

— Что, матушка? а? Не дослышу... что такое?

— Расчесться надо,—закричала барыня.

— Ахъ, матушка, что это вы такъ кричите надъ самымъ ухомъ.

При расчетѣ барыни начали спорить и горячиться. Расчетъ продолжался съ полчаса и окончился только съ помощью хозяина дома... Оказалось, что Ѳекла Ниловна проиграла два рубля двадцать пять копеекъ.

— Андрей Петровичъ,—закричала Ѳекла Ниловна,— заплати, батюшка, за меня Прасковьѣ Павловнѣ эти деньги... а? что? Заплатишь? Позабыла положить въ ридикюль деньги... запиши на меня... а? Я, матушка, Прасковья Павловна, еще, кажется, тебѣ должна что-то?.. а?.. Сколько? Ну, послѣ сочтемся.

Передъ ужиномъ Андрей Петровичъ подошелъ къ Ольгѣ Михайловнѣ и просилъ ее пропѣть какой-нибудь романсикъ; но она отговорилась тѣмъ, что чувствуетъ себя нездоровою

Помѣщица, привезшая съ собою четырехъ воспитанницъ, сказала Ѳеклѣ Павловнѣ:

— Вишь какая важная!.. Считаетъ насъ, видно, незнающими въ музыкѣ, а Раисочка вѣрно не хуже ея поетъ, — изволите видѣть! не хочетъ, ломается...

— Браво!—воскликнулъ вдругъ Андрей Петровичъ, какъ бы озаренный внезапнымъ вдохновеніемъ и ударяя себя въ лобъ.—Да я васъ удивлю сейчасъ... отличнаго музыканта вамъ

выпишу... Мой дѣтскій учитель на всѣ руки, просто кладъ!.. играетъ и поетъ мастерски, дѣтей моихъ взялся добровольно учить музыкѣ безъ всякой прибавки...

Андрей Петровичъ обвелъ глазами комнату.

— Да гдѣ онъ?.. Антипка! эй, малый! попроси сюда учителя.

Учитель явился.

— Ну-ка, любезный,—сказалъ Андрей Петровичъ, ударяя его по плечу,—утѣшьте-ка публику-то, покажите-ка свой талантецъ, сыграйте намъ этакую какую-нибудь штучку, да и спойте ужъ кстати.

Учитель покраснѣлъ и приготовлялся, кажется, отговариваться. Онъ поднялъ голову и взглянулъ на гостей, ожидавшихъ отъ него отвѣта... Глаза его встрѣтились съ глазами Ольги Михайловны... Ему показалось, что и она проситъ его... Сердце его сильно забилось... Домъ на Арбатѣ, его первое свиданіе съ нею, музыкальные вечера, Шубертъ, его серенада,— все это промелькнуло въ головѣ молодого человѣка; онъ, не произнося ни слова, сѣлъ за фортепіано и запѣлъ:

Пѣснь моя летитъ съ мольбою
Тихо въ часъ ночной,
Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой...

Ольга Михайловна неслышно встала со стула и отошла къ окну... На дворѣ было темно; облака быстро неслись по небу; мѣсяцъ изрѣдка проглядывалъ изъ-за облаковъ, бросая мгновенный, фантастическій свѣтъ на предметы... Она приклонилась головой къ стеклу, и долго удерживаемыя слезы хлынули горячимъ потокомъ изъ глазъ ея...

При окончаніи послѣдняго куплета серенады Андрей Петровичъ закричалъ:

— Славно, славно,—только, чортъ возьми, печально немножко.

— Очень недурно,—замѣтилъ Петръ Александрычъ тономъ знатока. Онъ подошелъ къ учителю.

— У васъ чрезвычайно пріятный голосъ,— продолжалъ

онъ,—и, знаете, это любимый романсъ моей жены; она его поетъ безпрестанно... Olga, Olga! гдѣ ты? *У-э-тель!..*

Но Ольги Михайловны уже не было въ комнатѣ.

Послѣ ужина ближайшіе сосѣди Андрея Петровича собирались домой, остальные гости расположились ночевать у него и провести еще нѣсколько дней. Начались сборы... Экипажи стояли у подъѣзда; нетерпѣливые и раскормленные деревенскіе кони рыли копытами землю. Лакеи Андрея Петровича обступили одного кучера, внезапно свалившагося съ козелъ и оказавшагося мертвецки пьянымъ... Его должны были замѣнить другимъ... На дворѣ были крикъ, шумъ, ругательства, споры, смѣхъ.

Ольга Михайловна собралась въ путь прежде всѣхъ... Въ ожиданіи своего мужа, который потягивалъ мадеру съ Андреемъ Петровичемъ, и Прасковьи Павловны, которая, одѣваясь, разговаривала съ своей пріятельницей Θеклой Ниловной, Ольга Михайловна въ салопѣ и шляпкѣ вышла на галлерею, изъ которой былъ спускъ въ садъ... Она прислонилась къ колоннѣ. Съ этой стороны дома было все тихо; только вѣтеръ шумѣлъ, качая вѣтви деревьевъ... Ей послышались чьи-то шаги въ саду у самой галлереи... Она уже сдѣлала шагъ, чтобъ войти въ комнату—и вдругъ остановилась, какъ приросшая къ мѣсту.

Передъ нею стоялъ учитель.

Онъ робко поклонился ей; она, въ отвѣтъ на его поклонъ, наклонила голову. Они долго стояли другъ противъ друга, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова.

— Я никогда бы не думала увидѣть васъ здѣсь,—наконецъ сказала она.

— Моя встрѣча съ вами также неожиданна,—отвѣчалъ онъ.

— А вы не забыли стариннаго нашего друга Шуберта?—снова заговорила она.

— И вы,—говорятъ... говорятъ, будто и вы иногда вспоминаете его!

Она вздрогнула.

— Кто вамъ сказалъ это?

— Вашъ мужъ...

Голова ея упала на грудь; и длинные волосы, выходившіе

изъ-подъ шляпки и совершенно развившіеся отъ сырости, скатились на блѣдное лицо, полуосвѣщенное свѣтомъ изъ оконъ, выходившихъ на галлерею.

— Вы очень измѣнились! — произнесъ онъ голосомъ болѣе смѣлымъ и глядя па нее.

Она ничего не отвѣчала: но изъ груди ея вырвался звукъ тихій, едва слышный, что-то похожее на подавленный вздохъ...

— Здѣсь сыро... — сказала она: — меня ждутъ... — Она отвела отъ лица волосы, и рука ея замѣтно дрожала.

Въ эту минуту дверь изъ комнаты на галлерею отворилась... Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей высунула свою голову въ дверь и закричала:

— Ахъ, ма-шеръ Ольга Михайловна, вы здѣсь, а мы васъ ищемъ вездѣ. Прасковья Павловна ужъ совсѣмъ готова и только ждетъ васъ.

Сказавъ это, она искоса взглянула на учителя...

Ольга Михайловна разсказала дорогой своему мужу и Прасковьѣ Павловнѣ о неожиданной встрѣчѣ съ своимъ старымъ знакомцемъ. На Петра Александрыча этотъ разсказъ не произвелъ никакого впечатлѣнія, а Прасковья Павловна воскликнула:

— Что жъ, матушка, мудренаго? гора съ горой только не сходится, а человѣку съ человѣкомъ всегда можно сойтись.

— Онъ такой интересный, — замѣтила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— А я, признаюсь, и не обратила на него вниманія, — сказала Прасковья Павловна.

— О... онъ мило по...етъ, — проговорилъ Семенъ Никифорычъ, — то...олько заунывное, а вотъ у насъ въ полку былъ о...офицеръ, то... онъ все пѣлъ: «Бра...а-атцы, дружно веселую».

Послѣ этого замѣчанія водворилась тишина, прерывавшаяся только порой храпѣніемъ Петра Александрыча. Ольга Михайловна прислонилась въ уголъ кареты и закрыла глаза. И во всю дорогу молчаніе было нарушено только однажды вопросомъ Прасковьи Павловны:

— А что, покойно ли вамъ сидѣть, Семенъ Никифорычъ?..

ГЛАВА V.

Превращеніе Петра Александрыча изъ петербургскаго франта въ помѣщика совершилось очень скоро, какъ и должно было ожидать. Переходъ отъ безтолковой суеты, отъ внѣшней, одуряющей дѣятельности столичной къ животной нѣгѣ и къ блаженству бездѣйствія необыкновенно легокъ. Деревенская жизнь, надъ которою онъ забавлялся и на балѣ г-жи Горбачевой, и въ кондитерской Амбіеля, и въ залѣ Дюме, теперь ни мало не казалась ему смѣшною. Онъ началъ вполнѣ понимать различныя удобства этой жизни и хотя еще не причислялъ себя къ провинціаламъ, но, между тѣмъ, день отъ дня все болѣе пристращался къ провинціальной жизни. Онъ сталъ пить вмѣсто ликёра — травникъ и ерофеичъ; кушалъ послѣ обѣда вмѣсто желе и фруктовъ аладьи, блины, ватрушки и драчону; пересталъ носить черепаховый лорнетъ на ниточкѣ; отростилъ себѣ брюшко, отчего модные и узкіе сюртучки свои и фраки приказалъ перешить губернскому портному; нѣсколько отекъ въ лицѣ, сдѣлался немного сутуловатъ, почему казался ростомъ ниже прежняго и, прикрывая лысину, которая начинала сіять на головѣ его, сталъ зачесывать свои рѣдкіе волосы кверху въ видѣ небольшого рожка. Все это дѣлало его удивительно похожимъ на жучка, называющагося *актеономъ*, подробное описаніе котораго заимствовано мною изъ русскаго перевода Блуменбаха и выставлено эпиграфомъ къ этой повѣсти. Актеонъ (я буду его иногда называть этимъ именемъ для сокращенія) началъ нешутя входить въ домашнее хозяйство. Онъ ужъ по цѣлымъ часамъ проводилъ на псовомъ дворѣ и въ конюшняхъ; даже самъ вздумалъ лѣчить своихъ лошадей по «Конскому Лѣчебнику», найденному имъ въ небольшой библіотекѣ почтеннаго своего дяденьки, и очень сердился на старшаго своего конюха за то, что четыре лучшія лошади его околѣли одна вслѣдъ за другою.

День въ деревнѣ проходилъ для Петра Александрыча незамѣтнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что онъ почти все кушалъ, а ѣда, какъ извѣстно, чрезвычайно сокращаетъ время.

Погребъ дядюшкинъ служилъ для него также большою утѣхою. Въ управленіе своими деревнями онъ вмѣшивался только такъ, какъ обыкновенно вмѣшиваются настоящіе господа, то-есть требовалъ доходовъ отъ управляющаго. Назаръ Яковличъ велъ себя въ отношеніи къ нему довольно искусно и всегда льстилъ его маленькимъ слабостямъ. Узнавъ, напримѣръ, что Петръ Александрычъ пристрастился къ новенькимъ, цвѣтнымъ ассигнаціямъ и блестящимъ монетамъ, которыя хранились у него въ особомъ ящикѣ съ прехитрымъ замкомъ, Назаръ Яковличъ безпрестанно доставлялъ ему такія ассигнаціи и монеты; когда же владѣлецъ заводилъ рѣчь о счетахъ по имѣнію, спрашивая объ употребленіи доходныхъ суммъ, управляющій отдѣлывался общими мѣстами, заговаривалъ о планахъ своихъ касательно увеличенія доходовъ, о надеждахъ на будущее, о томъ, что подъ его управленіемъ мужички начинаютъ поправляться и проч. Послѣднее, впрочемъ, было несправедливо. Неурожаи, продолжавшіеся нѣсколько годовъ сряду, и, главное, двухлѣтнее управленіе Назара Яковлича, какъ замѣчали окружные помѣщики, довели долговскихъ крестьянъ до жалкаго состоянія. Назаръ Яковличъ, видя, что Прасковья Павловна имѣетъ большое вліяніе надъ своимъ сыномъ и намѣрена навсегда поселиться въ его домѣ, уладилъ такъ, что она приняла на себя бразды правленія надъ женскимъ поломъ и надъ ткачами въ селѣ Долговкѣ. Управляющій низко кланялся ей и говорилъ:

— Ахъ, сударыня, съ тѣхъ поръ, какъ вы изволите хозяйничать, ей Богу, любо-дорого смотрѣть на нашихъ бабъ и на ткачей... такъ все идетъ безподобно... Ну, куда жъ было моей женѣ соваться не въ свое дѣло? Она дура, просто дура, сударыня!

Такимъ образомъ управляющій вошелъ въ милость къ Прасковьѣ Павловнѣ и въ лицѣ ея пріобрѣлъ для себя значительную покровительницу. Но всесильный и самый надежный покровитель управляющаго былъ Дмитрій Васильичъ Бобынинъ, опутывавшій невидимыми, неразрываемыми сѣтями долговскаго помѣщика. Въ рукахъ у Дмитрія Васильича находилась довѣренность Петра Александрыча на залогъ его дере-

вень и всѣ его заемныя письма. Дмитрій Васильичъ писалъ къ нему:

«Любезнѣйшій другъ, — будьте совершенно спокойны касательно вашихъ долговъ. Я почти всѣ ваши заемныя письма скупилъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ избавить васъ отъ докучныхъ кредиторовъ. Теперь вы будете имѣть дѣло съ человѣкомъ, душевно вамъ преданнымъ, а не съ ростовщиками. Напрасно, живя въ Петербургѣ, вы не были со мной откровенны и таили отъ меня нѣкоторые долги ваши. Признаюсь вамъ, непонятно, какъ въ такое короткое время вы успѣли сдѣлать столько долговъ. Главною причиною этого — конечно, карты. Большія игры надо вести осторожно и умѣючи. Впрочемъ вашъ долгъ мнѣ,—ибо вы уже никому кромѣ меня не должны,—отчасти можетъ быть уплаченъ тою суммою, которая досталась вамъ послѣ покойнаго вашего дядюшки. Сумма сія отдана мною по желанію вашему въ вѣрныя руки, и я могу, когда захочу, взять ее. Прилагаю при семъ записку онаго долга мнѣ съ расчисленіемъ процентовъ. Положитесь на меня, почтеннѣйшій Петръ Александрычъ: я устрою ваши дѣла самымъ выгоднѣйшимъ для васъ образомъ. Я съ дѣтства привыкъ любить васъ какъ родного, и потому какъ мнѣ не принять участія въ васъ? Я странный человѣкъ; всегда дѣла близкихъ мнѣ людей озабочиваютъ меня болѣе, нежели мои собственныя. Для своихъ дѣлъ я какъ-то лѣнивъ и неповоротливъ; все собираюсь купить небольшое имѣньице въ вашихъ мѣстахъ и до сихъ поръ не соберусь, а хорошо припасти себѣ уголокъ, чтобъ со временемъ успокоиться отъ служебныхъ трудовъ и пожить на свободѣ въ свое удовольствіе. Я завидую здѣсь вашей деревенской жизни. Истинно хорошо вы сдѣлали, что рѣшились ѣхать въ деревню. Третьяго дня заходилъ ко мнѣ его превосходительство, Антонъ Сергѣичъ. Мы разговорились о томъ, о семъ: зашла рѣчь о сельскихъ удовольствіяхъ. Онъ вздохнулъ и сказалъ: «Эхъ, Дмитрій Васильичъ, лучше не говори объ этомъ. Что наша за жизнь здѣсь? иной разъ и въ картишки некогда перекинуть: такъ заваленъ бумагами! Кабы начальство не имѣло ко мнѣ особой атенціи, словомъ сказать, кабы такъ не везло мнѣ по службѣ, да кто,

скажи на милость, принудилъ бы меня жить здѣсь? Деревня — это, братецъ, рай земной, тамъ и воздухъ другой, да и люди совсѣмъ не тѣ, патріархальность такая во всемъ»... Это совершенно справедливо. Кстати о деревнѣ: прекрасно сдѣлали вы, что прислали мнѣ довѣренность на залогъ вашихъ имѣній. Съ большими деньгами можно въ сію минуту сдѣлать превосходнѣйшій оборотъ. Одинъ опытный фабрикантъ, Карлъ Карлычъ Гольцъ, устраиваетъ на берегу Невы въ огромныхъ размѣрахъ бумагопрядильную фабрику на акціяхъ. По самому вѣрному расчисленію фабрика эта должна приносить огромный доходъ: двадцать и двадцать пять процентовъ. Прилагаю у сего расчисленіе: разсмотрите его внимательнѣе. За честность, благородство и знаніе дѣла фабриканта я ручаюсь. Капиталъ на учрежденіе этой фабрики почти собранъ; не достаетъ только 600,000. Вы знаете, какъ его превосходительство, Антонъ Сергѣичъ, остороженъ: вслѣдъ за нимъ закрывъ глаза можно пускаться во всѣ предпріятія, а онъ, когда узналъ о намѣреніи Карла Карлыча, тотчасъ же выложилъ на столъ 200,000 руб. и сказалъ: «Вотъ вамъ, батюшка, Карлъ Карлычъ, возьмите 200 тысячъ чистоганомъ, прибавлю къ этому, что въ ваши руки я милліона не побоялся бы отдать, если бъ имѣлъ». Заложивъ 1800 душъ, вы получите 380,000 (считая по 200 руб. на душу). Я за васъ почти обѣщалъ эти деньги; поспѣшите же подтвердить вашимъ согласіемъ мое обѣщаніе, — иначе вы упустите превосходный случай — улучшить свое дѣло, а это будетъ грѣхъ и стыдно. Вы отецъ семейства. Нашъ вѣкъ положительный, мануфактурный, такъ сказать. Только тѣ и получаютъ деньги, у кого есть фабрики или заводы. Надо сдѣлаться производителемъ, а потребителей, слава Богу, много и безъ насъ. Съ имѣнія же, вы сами знаете, какіе нынче доходы: годъ отъ года хуже. Хорошо еще, что у васъ управитель малый честный и знающій. Я его всегда имѣлъ въ виду для себя, это не человѣкъ, а кладъ, и я ни за что не уступилъ бы его никому, если бъ у меня было большое имѣніе. Придержитесь его: онъ вамъ будетъ полезенъ. Бога ради отвѣчайте мнѣ поскорѣй на это письмо, а то, чего добраго, если позамѣшкаетесь рѣшеніемъ, будетъ поздно...

Въ Петербургѣ много охотниковъ наживать деньги, и всѣ они такъ и сторожатъ выгоднаго случая для помѣщенія своихъ капиталовъ. Нынче всѣ помѣшались на спекуляціяхъ...

«Новостей у насъ много... объ нихъ когда-нибудь послѣ. Максимъ Иванычъ получилъ еще чинъ. Невѣроятное счастье! Впрочемъ онъ человѣкъ вполнѣ достойный... дай Богъ ему и еще больше. Вообразите, онъ на прошедшей недѣлѣ задалъ намъ шлемъ. Я игралъ съ Ѳедоромъ Маркычемъ, а онъ съ генераломъ Косолаповымъ... У Косолапова была игра посредственная, а у него просто неслыханная: тузъ, король, дама, валетъ, десятка (пять онеровъ), восьмерка, семерка козырей, тузъ, король червей, а остальное все старшія пиковки Жена моя и я свидѣтельствуемъ наше искреннее почтеніе вашей матушкѣ и супругѣ. Еще разъ прошу о скорѣйшемъ отвѣтѣ и остаюсь

неизмѣнно преданнымъ вамъ

Дм. Бобынинъ».

Актеонъ былъ очень доволенъ этимъ письмомъ. «Дмитрій Васильичъ славнѣйшій человѣкъ, — думалъ онъ, перечитывая письмо, —чудесная душа!.. Бумагопрядильная фабрика, да это безподобно!.. — Онъ зѣвнулъ и подумалъ.— Вотъ тогда у меня будетъ новенькихъ-то ассигнацій синенькихъ и красненькихъ... У!»

Онъ подошелъ къ окну.

Поперекъ двора протянуты были на козлахъ веревки, а на веревкахъ было развѣшано бѣлье, которое вѣтеръ срывалъ и разносилъ по двору... Дворовыя дѣвки безпрестанно бѣгали изъ одного конца двора въ другой, поднимая его и снова развѣшивая. Между ними прохаживалась и Агашка. На Агашкѣ было прекрасное ситцевое платье; талія ея стягивалась шнуровкой; ноги украшались тонкими чулками и козловыми башмаками. Она кричала на дѣвокъ. Дѣвки величали ее Агаѳьей Васильевной и поглядывали на нее съ подобострастіемъ; Антонъ, прислонясь къ крыльцу людской и пощелкивая по тавлинкѣ, вздыхалъ.

— Чего такъ разохался? — спросила его Агашка.

— Разохался! Ахъ, Агаѳья Васильевна!.. Ужъ вы знаете, что я имѣю къ вамъ всякое уваженіе...—Антонъ почесалъ въ головѣ... — Кабы вы попросили у старой барыни холстинки для моей старушонки и для дѣтокъ. Совсѣмъ обносились, ей Богу. А вамъ барыня не откажетъ.

Агашка посмотрѣла на Антона улыбаясь...

— Пожалуй, Наумычъ,—отвѣчала она,—пусть Настасьюшка придетъ завтра ко мнѣ. Я дамъ ей холстины, сколько она хочетъ.

— Ай да Агаѳья Васильевна! вотъ душа, можно сказать! На васъ и смотрѣть-то любо, точно червонная краля.

Этотъ комплиментъ былъ заглушенъ крикомъ гусей, которые поднялись съ мѣстъ своихъ, хлопая крыльями.

Петръ Александрычъ долго стоялъ у окна и смотрѣлъ на эту картину. Онъ продолжалъ думать.

«Очень милая талія у Агаши... Сегодня же напишу отвѣтъ Дмитрію Васильичу... и у Маши глаза не дурны... Непремѣнно надо отдать капиталъ на филатуру... Андрей Петровичъ хорошій человѣкъ и живетъ такъ себѣ, ничего—бариномъ... Илья Иванычъ презабавный... когда мнѣ будетъ скучно, я пошлю за нимъ... Выпишу «Земледѣльческую газету» и «Журналъ для овцеводовъ»...

Онъ отошелъ отъ окна и засвисталъ, — но это уже не былъ свистъ долгій и пронзительный, какимъ онъ оглашалъ свою холостую квартиру въ Петербургѣ... Голосъ его потерялъ звонкость, движенія потеряли рѣзкость.

— Другъ мой, — сказала ему Прасковья Павловна, входя въ комнату... — Я хочу поговорить съ тобой.

— Поговорить? Хорошо, маменька.

— Сядемъ сюда на диванъ.

Сынъ повиновался.

— Другъ мой, ты знаешь, что вся моя жизнь въ тебѣ, мой ангелъ.

— Знаю-съ.

— Ну, поцѣлуй же меня... Давно я собиралась поговорить съ тобой о женѣ твоей... Она добрая, тихая... но... позволь мнѣ сказать тебѣ, мое сердце, что ты имѣешь надъ нею мало

вліянія... Посмотри на нее, что́ у нея за манеры — ни малѣйшей привѣтливости... такая неласковая... Мнѣ, напримѣръ, хотѣлось, чтобъ она подружилась съ Анеточкой, а Анеточка моя преумная и преобразованная дѣвушка, ты самъ видишь... Что жъ? Ольга Михайловна совершенно оттолкнула ее отъ себя своею холодностью... Кажется, въ столицѣ получила образованіе, такого отца дочь, а не знаетъ первыхъ приличій... Гости пріѣзжаютъ, она вмѣсто того, чтобъ занять гостей, бѣжитъ отъ нихъ... Помнишь, когда ты въ первый разъ обѣдалъ у Андрея Петровича? Ѳекла Ниловна такъ интересовалась ею, подсѣла къ ней, завела съ ней разговоръ. — А она, повѣришь ли? — я сама была свидѣтельница (другимъ бы я не повѣрила) — хоть бы какое-нибудь вниманіе показала ей. Ну, все-таки она старшая лѣтами и къ тому же уважаемая у насъ цѣлой губерніей. Та спрашиваетъ ее о чемъ-то, а она едва отвѣчаетъ; потомъ сбираемся ѣхать домой, ищемъ ее, а она на галлереѣ съ учителемъ...

Прасковья Павловна остановилась на секунду и внимательно посмотрѣла на сына.

— Прилично ли это, мой другъ, я тебя спрашиваю? Она говоритъ, что онъ училъ ее тамъ чему-то, ходилъ въ домъ ея тетки, прекрасно: такъ со всѣми учителями послѣ этого и позволять себѣ фамильярное обращеніе; не нашла она что ли равныхъ себѣ, съ кѣмъ разговаривать? Вотъ Семенъ Никифорычъ, напримѣръ, гостилъ здѣсь, во все это время хоть бы она малѣйшее привѣтствіе ему оказала... Я знаю, онъ бы и дольше прогостилъ, да говоритъ: что жъ? я вижу, что хозяйкѣ дома непріятно мое присутствіе, и уѣхалъ... Если она будетъ такъ отталкивать хорошихъ людей и знаться съ какими-нибудь учителями, Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ...

Петръ Александрычъ слушалъ свою маменьку довольно равнодушно. На лицѣ его не замѣтно было ни малѣйшаго волненія; оловянные глаза его безсмысленно упирались въ стѣну. Беззлобный и тихій, онъ инстинктивно понималъ превосходство жены своей надъ собою, предоставляя ей всегда полную свободу. Онъ былъ очень доволенъ ею, потому что она также нисколько не вмѣшивалась въ его времяпровожденіе; без-

боязненно проигрывалъ онъ въ карты, волочился и хвасталъ. Въ первые мѣсяцы брака многое, впрочемъ, казалось ему страннымъ въ ней: онъ не понималъ, отчего не отвѣчала она на его ласки и какъ будто старалась избѣгать ихъ; отчего, живя въ полномъ довольствѣ, скучала и не хотѣла выѣзжать, отчего не гуляла съ нимъ по Невскому въ отличномъ бархатномъ капотѣ, который, по мнѣнію его, долженствовалъ произвести величайшій эффектъ. Но впослѣдствіи онъ привыкъ ко всему этому. Въ Петербургѣ никто не вмѣшивался въ семейныя дѣла ихъ: отецъ Ольги Михайловны, казалось, начинавшій раскаиваться въ томъ, что выдалъ дочь свою противъ ея воли, щадилъ ея грусть. И тоскливая тишина постоянно царствовала въ домѣ Петра Александрыча до пріѣзда его въ деревню.

Но уже не трудно было предвидѣть, какая участь ожидала здѣсь Ольгу Михайловну. Она должна была возбудить противъ себя и сплетни, и клеветы, и оскорбленія, и участіе — всѣ эти орудія раздражительнаго и злобнаго невѣжества, которое тяжко и безпощадно мститъ тѣмъ, кто выходитъ изъ-подъ его уровня...

Прасковья Павловна была поражена спокойствіемъ, съ какимъ Петръ Александрычъ выслушалъ ея рѣчь.

— Что жъ ты, Петенька, молчишь?—снова начала она измѣняющимся голосомъ, — или, можетъ быть, ты недоволенъ, что я начала съ тобой разговоръ объ этомъ предметѣ? По крайней мѣрѣ, я считала долгомъ, любя тебя, посовѣтовать...

— Да я, признаюсь вамъ, маменька, — перебилъ Петръ Александрычъ, — не понимаю, какъ же вы говорите, что жена моя не знаетъ приличія... Она получила отличное воспитаніе, это въ Петербургѣ всѣ находили. Одному музыкальному учителю ея платили, кажется, рублей двадцать за урокъ... ей Богу. А у нея ужъ такой характеръ, знаете, мрачный. Это ничего; что жъ!

Прасковья Павловна измѣнилась въ лицѣ.

— Другъ мой, я не стану говорить тебѣ, какъ я тебя люблю... сколько жертвъ я принесла для тебя въ жизни...

На глазахъ Прасковьи Павловны показались слезы...

— Я до сихъ поръ молчала объ этомъ... (Это не совсѣмъ справедливо, потому что о своихъ жертвахъ Прасковья Павловна непремѣнно упоминала въ каждомъ письмѣ своемъ къ сыну). Любовью своей къ тебѣ я не хвастаю: смѣшно было бы мнѣ не любить единственное мое сокровище, оставшееся мнѣ послѣ покойнаго... дитя, которое я носила подъ сердцемъ...

Прасковья Павловна зарыдала.

— Но если, милый мой, я не заслужила любви твоей, если я не стою твоего вниманія, если ты промѣнялъ меня на жену свою, если она дороже тебѣ, Богъ съ тобой... Я покорюсь своей горькой участи, уѣду отсюда, найму себѣ маленькую избушечку возлѣ Воздвиженскаго монастыря... мнѣ ни прислуги не нужно — никого, никого, кромѣ дѣвки—безъ дѣвки ужъ я не могу... надо же будетъ кому-нибудь накормить меня, питье подать... посвящу себя Богу, — это, впрочемъ, мое давнишнее намѣреніе... тамъ же живетъ одна моя знакомая старушка — истинно добродѣтельной жизни, — она закроетъ мнѣ глаза.

На лицѣ Петра Александрыча показалось безпокойство.

— Помилуйте, маменька, да что это значитъ? что это съ вами сегодня?

Прасковья Павловна тяжело вздохнула и закачала головой.

— Не сегодня, мой ангелъ, — нѣтъ; ты только ничего не замѣчаешь, а я многое, къ сожалѣнію, вижу...

Прасковья Павловна махнула съ огорченіемъ рукой.

— Ну, да что говорить!.. Я далека отъ того, чтобъ заводить въ домѣ непріятности, ссору... Это не въ моемъ характерѣ, сохрани Господи! Но Ольга Михайловна явно не взлюбила меня — и не понимаю, не могу себѣ отдать отчета — за что. Я, ты знаешь, умѣю любить; ты самъ видѣлъ, какъ я за ней ухаживала, просто, можно сказать, въ глаза ей смотрѣла, какъ будто я невѣстка, а она свекровь... И какая же мнѣ награда за это? Видно ужъ моя доля такая!.. Кому ни оказывала въ своей жизни вниманія, кому ни дѣлала благодѣянія, никто не чувствовалъ этого. Вотъ, слава

Богу, вы здѣсь, кажется, болѣе трехъ мѣсяцевъ, — ласковаго взгляда отъ нея не видала, повѣришь ли? А по всему, кажется, она бы должна была во мнѣ искать, а не я въ пей: — такъ по крайней мѣрѣ я разсуждаю по-деревенски. Что дѣлать? Я не получила моднаго воспитанія, моимъ учителямъ не давали по двадцати рублей за урокъ, а слава Богу, до сихъ поръ не уронила себя нигдѣ, умѣла всегда чувствовать свое достоинство.

Прасковья Павловна встала съ дивана и остановилась противъ сына.

— У меня есть до тебя просьба, мое сердце, — увѣрена, что ты мнѣ въ ней не откажешь, успокой меня, ради Бога, успокой!.. Можетъ быть, послѣ этого я ужъ не стану ничѣмъ тревожить тебя. Кажется, жена твоя сердита на меня за то, что я взяла на себя хозяйство въ твоемъ домѣ, а можетъ и за другое за что-нибудь... до поры, до времени я молчу. Можетъ, она хочетъ сама всѣмъ распоряжаться — и прекрасно, очень рада, — отдай ей все, пусть ее будетъ полной хозяйкой въ домѣ... Мнѣ бы и не слѣдовало вмѣшиваться не въ свое дѣло—глупо поступила, признаюсь. Я, впрочемъ, думала, что она еще женщина неопытная, не привыкла къ деревенскому хозяйству; что я, взявъ всѣ заботы на себя, помаленьку буду пріучать ее ко всему; что она ко мнѣ, какъ къ матери, будетъ приходить во всемъ спрашивать совѣтовъ... Ошиблась сама, винюсь, что дѣлать!.. Такъ ты избавишь меня, другъ мой, отъ всякихъ хлопотъ, не правда ли?

— Помилуйте, маменька: какъ это можно? — возразилъ Петръ Александрычъ, — ни за что въ свѣтѣ... Я очень радъ, что вы взяли на себя хозяйство. Вы на это мастерица, и управляющій говорилъ мнѣ, что ужъ такой хозяйки трудно сыскать, какъ вы...

— Нѣтъ, нѣтъ — и не говори лучше объ этомъ, и не проси... Я, чтобъ избѣгнуть всѣхъ сплетенъ, твердо рѣшилась предоставить все Ольгѣ Михайловнѣ. Пусть она какъ хочетъ, такъ и распоряжается. А мнѣ ужъ трудно на старости переносить огорченія — да еще при моемъ слабомъ здоровьѣ! Мнѣ немного и жить остается. Назначу Анеточкѣ въ духовномъ

завѣщанiи двадцать тысячъ, она за мной и за больной ходила какъ дочка, и всегда была при мнѣ, — ты вѣрно противъ этого ничего не скажешь... Остальное, голубчикъ, вѣдь все тебѣ достанется, съ собой въ гробъ ничего не возьму. Поплачешь и объ матери, когда она на столѣ будетъ лежать; узнаешь тогда и мнѣ цѣну!

Слезы катились по щекамъ Прасковьи Павловны, и голосъ ея дрожалъ, когда она произносила послѣднiя слова. Петръ Александрычъ также прослезился. Ему стало жаль ее, и въ первый разъ неудовольствiе и подозрѣнiя зародились въ немъ противъ жены. Онъ поцѣловалъ ручку Прасковьи Павловны и сказалъ:

— Успокойтесь, маменька; ужъ я васъ ни на кого не промѣняю.

Она крѣпко прижала его къ своему сердцу. И такимъ образомъ минуты съ четыре мать и сынъ пробыли въ объятiяхъ другъ друга. Прасковья Павловна, послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ его, рѣшилась оставить подъ своимъ завѣдыванiемъ хозяйство и вышла отъ него торжествующая.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей ожидала ее въ своей комнатѣ.

— Ну, что, Прасковья Павловна?..—спрашивала она, бросаясь къ ней навстрѣчу, — ахъ, какъ вы разстроены, вы плакали... Не хотите ли помочить виски одеколономъ?

Она сдѣлала жалостную гримасу.

— Ничего не нужно, мой другъ... Благодарю моего Бога, я еще не потеряла сына. Она еще не успѣла искоренить въ немъ чувства, а ужъ старалась, какъ старалась! Сначала онъ очень непрiятно выслушалъ, когда я заговорила объ ней, потомъ немного тронулся моимъ горемъ и слезами... Ну, Ольга Михайловна! признаюсь, — хороша штучка!.. Ты проницательнѣе меня, Анеточка! Ты ее угадала съ перваго раза... Вотъ въ тихомъ-то омутѣ черти водятся, правду говоритъ пословица. Я ему ничего не говорила, знаешь, о томъ, что ты мнѣ разсказала... Погожу еще немножко; посмотрю, что будетъ; да и къ чему теперь говорить? можетъ, еще и по-

лучше что-нибудь узнаемъ... Перехитрить думаетъ насъ, столичная барыня! Нѣтъ, мы хоть и деревенскія, а не поддадимся въ обманъ.

Съ этого дня Прасковья Павловна начала рѣшительнѣе обнаруживать власть свою въ домѣ сына. Она выписала изъ своей деревни нѣсколько дворовыхъ семействъ, и этимъ еще болѣе увеличила и безъ того многочисленную долговскую дворню; уговорила сына, чтобъ онъ цѣлое семейство подарилъ Семену Никифорычу, и ему же въ подарокъ приказала выткать шесть дюжинъ тонкихъ салфетокъ и четыре скатерти. Звонкій голосъ Прасковьи Павловны раздавался по всему дому. Она цѣлый день была въ хлопотахъ и занятіяхъ, мѣрила холстину, надзирала за дѣвками, сама изволила ходить за грибами съ Анеточкой; сердилась, кричала на неповоротливую прислугу; для возбужденія ея дѣятельности употребляла иногда мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ брань и крики; по вечерамъ же посылала для своего развлеченія за попадьей. Дьяконицу она не любила и называла «сплетницей». Съ Ольгой Михайловной видѣлась только во время чая, обѣда и ужина; говорила ей *вы*, и нарочно при ней еще болѣе обыкновеннаго оказывала нѣжности своей Анеточкѣ. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей вела себя довольно хитро и осторожно. Она, какъ всегда, оказывала всевозможное вниманіе Ольгѣ Михайловнѣ, старалась даже угождать ей, и между тѣмъ была душою заговора, составившагося противъ нея. Прасковья Павловна играла въ немъ роль второстепенную и руководствовалась во всемъ совѣтами своей Анеточки. Въ тайны этого заговора были допущены—Агашка, Антонъ и Гришка, которые должны были слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ Ольги Михайловны и обо всемъ доносить Прасковьѣ Павловнѣ. Антонъ, питавшій прежде зависть къ своему собрату, пріѣхавшему изъ столицы, у котораго все платье было изъ тонкаго сукна, совершенно примирился съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ Агашка приняла Гришку подъ свое покровительство. Прасковья Павловна, деспотически обращавшаяся со всѣми дворовыми бабами и дѣвками, — оказывала безпредѣльную благосклонность одной Агашкѣ.

ГЛАВА VI.

Однако ни Прасковья Павловна, ни дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей (при всей проницательности) не могли замѣтить перемѣны, совершившейся въ Ольгѣ Михайловнѣ съ того дня, въ который Андрей Петровичъ угощалъ своихъ новыхъ сосѣдей обѣдомъ и увертюрой изъ «Калифа Багдадскаго». Эта перемѣна въ ней не могла быть уловима для ихъ глазъ: она совершалась внутри ея. Ольга Михайловна рѣже ощущала эту страшную пустоту, это безпредѣльное, мучительное сознаніе одиночества, которое три безконечные года не оставляло ее. И хотя она послѣ еще видѣла *его* только одинъ разъ и въ этотъ разъ не помѣнялась съ нимъ ни однимъ словомъ, но мысль, что недалеко отъ нея есть человѣкъ, понимавшій ее, близкій ея сердцу, — эта мысль дѣйствовала на нее успокоительно. Ея страданія иногда утишались и переходили въ тихую грусть, — въ то ѳеирное чувство меланхоліи, о которомъ *онъ* писалъ ей нѣкогда, объясняя Шуберта. Душа ея чаще открывалась для звуковъ великаго композитора, и она глубже воспринимала ихъ въ себя и отраднѣе упивалась ими. Подъ вліяніемъ этого вдохновеннаго музыкальнаго состоянія души она смотрѣла и на природу, окружавшую ее. И тогда все представлялось ей въ другомъ свѣтѣ, все получало для нея жизнь и значеніе — листы, падающіе съ деревьевъ, озеро, лѣниво приподнимавшее свою свинцовую грудь, надъ которымъ лентою тянулось стадо дикихъ утокъ, необозримыя нивы, щетинившіяся жнивою, и огонекъ отдаленной деревни, то ярко вспыхивавшій, то потухавшій... Она терпѣливо сносила насмѣшливые взгляды Прасковьи Павловны, разсѣянно выслушивала ея колкости, вполовину понимала ея тонкіе намеки; не видѣла перемѣны въ обращеніи съ нею мужа и не подозрѣвала, какими сѣтями приготовлялись опутывать ее. Она какъ будто забылась на минуту въ уединенной жизни сердца. А отношенія къ ней Прасковьи Павловны и Петра Александрыча дѣлались такъ очевидны, что скоро вся дворня перестала смотрѣть на свою

молодую барыню съ тою робкою боязнію, съ какою обыкновенно смотрятъ лакеи на своихъ господъ. Всѣ наперерывъ старались оказывать свои услуги барину, старой барынѣ и дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, а объ Ольгѣ Михайловнѣ никто не думалъ и не заботился. Только изъ всей дворни одна старуха няня своимъ безсознательнымъ, но сильнымъ чувствомъ привязалась къ ней: няня по-своему понимала ея тоску — и какъ умѣла, старалась оказать ей свое участіе.

— Полно тебѣ скучать, моя родимая,—говорила она ей, устремляя на нее свои глаза, помутившіеся отъ старости, и сжимая ея руку своей костлявой и дрожащей рукой,— полно, моя матушка... Богъ дастъ, все пройдетъ, все перемѣнится. Вотъ здѣсь твое сокровище (она указывала на спящаго малютку),—посмотри на него, поразсѣйся немножко, авось у тебя будетъ на сердцѣ полегче. Охъ-охъ, моя сердечная! и я потерпѣла много горя на свой вѣкъ,—а вотъ дожила себѣ до старости.

Однажды послѣ обѣда (это было въ исходѣ сентября) Ольга Михайловна собралась гулять. Она гуляла всегда одна и отходила довольно далеко отъ деревни, невольно возбуждая этимъ подозрѣнія Прасковьи Павловны и тайныя насмѣшки дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Въ этотъ разъ Ольга Михайловна вздумала итти по дорогѣ, которая вела къ сельцу Андрея Петровича. Дорога эта была несравненно живописнѣе другихъ: она шла извилинами, то возвышаясь, то понижаясь. Съ правой стороны далеко раскидывались пажити, и только у самаго горизонта виднѣлись горы, издали болѣе походившія на облака. Съ лѣвой нѣкогда поднимался большой лѣсъ, принадлежавшій къ селу Долговкѣ и вырубленный въ разныя времена и на разныя потребности его владѣльцами. Остатки этого лѣса замѣтны были и теперь; еще кое-гдѣ торчали огромные пни, и чернѣли остовы столѣтнихъ деревьевъ, а около нихъ начинала подниматься роща дубковъ и кленовъ... Между селомъ Долговкою и деревней Новоселовкой, ровно на полдорогѣ, находился глубокій оврагъ, поросшій кустарниками, всегда

полный водою и пересыхавшій только въ самое жаркое лѣто, а за нимъ возвышался холмъ, съ вершины котораго представлялся отличный видъ на окрестности.

Ольга Михайловна незамѣтно дошла до оврага и поднялась на холмъ. Воздухъ дышалъ осеннею свѣжестію, гряды облаковъ тянулись отъ запада, постепенно блѣднѣя; роща была облита багрянцемъ и золотомъ; вода глухо журчала, лѣниво перебираясь между каменьями на днѣ оврага. Деревенская кляча едва тащила возъ, тяжело нагруженный хворостомъ, взбираясь на гору. Близъ воза шелъ мужичокъ и затягивалъ унылую пѣсню... Она вспомнила такой же осенній вечеръ въ подмосковной деревнѣ своей тетки, вспомнила мысли и надежды, одушевлявшія ее тогда.

Она остановилась на холмѣ, любуясь прощальной красотой природы, великолѣпнымъ убранствомъ ея наканунѣ смерти... Пѣсня мужика замирала въ отдаленіи, все стихало: огонь въ облакахъ потухалъ; всѣ предметы синѣли и становились неопредѣленнѣе... Ей стало страшно одной... Она сбѣжала съ холма, и скорыми шагами пошла по знакомой ей тропинкѣ домой. Въ эту самую минуту изъ рощи вышелъ человѣкъ средняго роста съ ружьемъ на плечѣ. Дорога отдѣлялась отъ рощи небольшой канавкой, прорытой для стока дождевой воды. Онъ перескочилъ эту канавку и остановился передъ Ольгой Михайловной, которая отъ испуга отшатнулась назадъ.

— Простите меня,—сказалъ онъ ей,—я испугалъ васъ. Это былъ учитель.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчала она улыбаясь и смотря на него, — вы испугали меня... Вы съ ружьемъ? Давно ли сдѣлались охотникомъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда. Но отчего,—продолжалъ онъ, нѣсколько понижая голосъ,—отчего вы здѣсь— и однѣ... Не случилось ли чего съ вами?

— Ничего. Я гуляла и слишкомъ далеко отошла отъ деревни...

— Но прежде, чѣмъ вы дойдете до нея, смеркнется... Въ

сумеркахъ васъ можетъ испугать все — и листъ, падающій съ дерева... Позвольте мнѣ проводить васъ до вашей деревни.

Она отвѣчала ему наклоненіемъ головы, ускорила шаги и закуталась въ свою теплую мантилью, потому что воздухъ становился рѣзокъ.

Нѣсколько минутъ они шли, не говоря ни слова.

— Я столько лѣтъ не видалась съ вами,—сказала она, выходя изъ задумчивости,—съ тѣхъ поръ измѣнилось какъ многое... Зачѣмъ вы оставили Москву? зачѣмъ вы здѣсь?

— Ради Бога, не спрашивайте меня о моей жизни,—отвѣчалъ грустно онъ.

Разговоръ прекратился. На его и на ея лицѣ выражалось сильное волненіе. Вдругъ она остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивалась роща. Они были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни... Наступили сумерки... Въ избахъ замелькали огни... Въ рѣчкѣ заблестѣли лунные лучи...

— Благодарю васъ,—сказала она,—я теперь почти дома; но можетъ быть вы сдѣлаете намъ удовольствіе—зайдете къ намъ... Мой мужъ...

— Мнѣ очень жаль,—отвѣчалъ онъ,—что я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ... Я и безъ того немножко запоздалъ. Я думаю, Андрей Петровичъ разослалъ всѣхъ своихъ гончихъ для отысканія меня... Но какъ бы то ни было, я очень обязанъ случаю, который позволилъ мнѣ нѣсколько минутъ провести съ вами...

— Это бываетъ рѣдко,—продолжалъ онъ, послѣ минуты молчанія,—а мнѣ хотѣлось бы еще разъ, только одинъ разъ въ жизни, услышать отъ васъ звуки Шуберта... Наши московскіе вечера уже не возвратятся; но въ душѣ моей сохранились каждый звукъ вашъ, каждое слово, и только эти звуки, эти слова и примиряютъ меня съ моею жалкою жизнью...

— Прощайте, добрый другъ мой,—перебила она, протягивая ему руку, которую онъ жадно схватилъ и цѣловалъ.— До свиданія... Когда-нибудь я исполню ваше желаніе...

Лицо ея горѣло.

— Еще одно слово! — вдругъ вырвалось у него, — вы несчастливы?

На губахъ ея показался едва замѣтный судорожный трепетъ.

— Прощайте,—повторила она, вырывая свою руку изъ его руки.—Прощайте...

Онъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ и потомъ тихо пошелъ домой, безпрестанно оглядываясь... Вдругъ въ кустахъ возлѣ самой дороги послышался шорохъ... Изъ-за куста поднялся какой-то неуклюжій исполинъ и закричалъ сиповатымъ голосомъ:

— Что... попался, молодецъ! въ чужихъ лѣсахъ дичь стрѣлять... да еще за барышнями ухаживать, ручки цѣловать, вотъ мы-те сорвемъ шею-то, погоди...

И съ этими словами исполинъ, вооруженный дубиною, бросился на учителя. Учитель однако не оробѣлъ. Онъ схватилъ одной рукой исполина за горло, а другой занесъ ружье надъ головою его...

— Что ты за человѣкъ? что тебѣ нужно?

Исполинъ, вѣроятно, не ожидалъ такого отпора, оробѣлъ и выронилъ изъ руки свою дубину.

— Ахъ, ваше высокоблагородіе! извините!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,—ей Богу ошибся... я думалъ, что это такъ какой-нибудь тутъ прохаживается... Сами знаете, слѣдъ ли здѣсь съ ружьемъ ходить всякому... а если бъ я зналъ, что это ваше высокоблагородіе, да какъ бы я осмѣлился подступить къ вамъ... Извѣстное дѣло—баринъ, куда же тутъ нашему брату холопу соваться?.. Ваше высокоблагородіе, отпустите...

— Что ты за человѣкъ?—повторилъ учитель.

— Ахъ, батюшки свѣты!.. да здѣшній, вотъ-те крестъ, здѣшній долговскій, Петра Александрыча-съ... Ихнему дяденькѣ служилъ тридцать лѣтъ, ей Богу. Меня зовутъ Антономъ. Спросите у кого угодно: всѣ Антона знаютъ... Ваше высокоблагородіе, не погубите... Дѣти... жена...

— Хорошо, я отпущу тебя; но если ты осмѣлишсья кому-нибудь, хоть двухлѣтнему ребенку пикнуть о томъ, что ты

видѣлъ меня здѣсь... тогда, братъ,—ужъ пеняй на себя. Я тебя вездѣ найду!

— Ваше высокоблагородіе... ваше высокоблагородіе! да что я за злосчастный такой, чтобъ сталъ разсказывать?.. И какая же прибыль изъ того?.. Я ничего и не видалъ; вотъ хоть провалиться сквозь землю, чтобъ языкъ отсохнулъ у меня, если я...

— Ну, смотри же!

Учитель выпустилъ Антона, и Антонъ безъ оглядки, во всю прыть пустился въ деревню.

Черезъ минуту раздался страшный лай... Стая собакъ кинулась вслѣдъ за бѣжавшимъ Антономъ...

Ольга Михайловна возвратилась домой къ самому чаю.

— Гдѣ это вы были, Ольга Михайловна?—спросила ее Прасковья Павловна.

— Я гуляла...—отвѣчала она.—Виновата... можетъ быть, заставила васъ дожидаться...

— Помилуйте, нисколько... Такъ вы до сихъ поръ гуляли?

Прасковья Павловна значительно взглянула на своего сына и на Анеточку, которая разливала чай.

Петръ Александрычъ молчалъ, но посматривалъ на жену искоса. Прасковья Павловна начала бить тактъ ложечкой по своей чашкѣ...

— Сегодня былъ прелестный вечеръ,—сказала дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей...—Вы далеко гуляли, милая Ольга Михайловна?

— Довольно далеко.

— Ахъ, какъ жаль,—я не знала, что вы идете,—а ужъ я непремѣнно навязалась бы вамъ въ компаніонки. Обожаю гулять въ сумерки!

— Зачѣмъ же навязываться?—замѣтила Прасковья Павловна.—Можетъ статься, Ольгѣ Михайловнѣ непріятно было бы гулять съ тобой; ты, душенька, можетъ, помѣшала бы ей... мечтать.

Ольга Михайловна ничего не отвѣтила на это замѣчаніе. Минуты двѣ въ комнатѣ царствовало безмолвіе, нарушаемое только всхрапываніемъ лакея въ передней. Вдругъ, среди

этой тишины, послышался отдаленный звонъ дорожнаго колокольчика, ближе и ближе, громче и громче...

— Что это значитъ?—вскрикнула Прасковья Павловна.

— Ахъ, кто бы это?—вскрикнула дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

И Петръ Александрычъ оживился... Онъ всталъ съ своего кресла и, начиная третій стаканъ чаю съ ромомъ, сказалъ:

— Ужъ не къ намъ ли?

Даже у Ольги Михайловны забилось сердце при звукахъ этого колокольчика...

Но вотъ уже раздался лошадиный топотъ, кажется, у самаго крыльца; вотъ колокольчикъ пересталъ заливаться, задребезжалъ и смолкъ.

Всѣ, кромѣ Ольги Михайловны, бросились въ переднюю...

— Здѣсь, братецъ, Петръ Александрычъ?—кричалъ кто-то на крыльцѣ.—Дома онъ?

Этотъ голосъ былъ знакомъ только Петру Александрычу; Прасковья Павловна съ Анеточкой выбѣжали изъ передней.

— Возьми сальныя свѣчи со стола да принеси поскорѣй восковыя,—сказала Прасковья Павловна, толкая въ спину лакея:—Слышишь?

Изъ передней раздались восклицанія.

— Старый пріятель, узнаешь ли меня, мон-шеръ?

— Здравствуй, братецъ! какими судьбами, откуда?

И Петръ Александрычъ ввелъ за руку пріѣхавшаго господина, одѣтаго по-дорожному. Это былъ давно извѣстный читателямъ офицеръ съ серебряными эполетами *).

— Маменька, вотъ мой хорошій петербургскій пріятель, г. Анисьевъ.

Слово петербургскій подѣйствовало магически на Прасковью Павловну и на ея Анеточку.

— Очень пріятно имѣть честь познакомиться съ вами,—произнесла Прасковья Павловна, поправляя на себѣ платокъ,—извините, что вы насъ застали по-домашнему, запросто.

---

*) См. повѣсть „Онагръ“.

— Помилуйте-съ...

Офицеръ съ серебряными эполетами поправлялъ свой хохолъ, протиралъ очки и расшаркивался. Увидѣвъ Ольгу Михайловну, онъ подлетѣлъ къ ней съ поклонами и съ комплиментами.

Прасковья Павловна и Анеточка ушли, и черезъ нѣсколько минутъ возвратились переодѣтыя. Послѣдняя навязала сырцовыя пукли, которыми она всегда украшала себя въ торжественные случаи.

— Ну, разскажи же, какъ ты здѣсь очутился?—спрашивалъ Петръ Александрычъ у офицера, сажая его къ чайному столу.

— Неожиданно, мон-шеръ, совсѣмъ неожиданно. Скоро послѣ твоего отъѣзда изъ Петербурга папенька скончался... старикъ, знаешь, мон-шеръ, послѣднее время все хирѣлъ...

— Боже мой, какое несчастіе!—воскликнула Прасковья Павловна, всплеснувъ руками...

— А не хочешь ли, братъ, вмѣсто чаю—*ромашки?* это послѣ дороги-то лучше, я полагаю...

— Какъ! ромашки? — спросила удивленная Прасковья Павловна...

— Да-съ,—это у насъ, маменька, техническій терминъ: такъ мы называемъ ромъ съ чаемъ.

Офицеръ съ серебряными эполетами засмѣялся, закрутилъ усы и сказалъ:

— Спасибо, мон-шеръ; это не дурно... Mesdames,—продолжалъ онъ,—вы позволите мнѣ закурить сигару... Не будетъ ли табачный дымъ безпокоить васъ?..

— О, нѣтъ,—проговорила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, закатывая глаза подъ лобъ,—мы всѣ привыкли къ табачному дыму.

— Но ты все еще мнѣ не сказалъ, какимъ образомъ ты здѣсь?—спросилъ актеонъ, дотрогиваясь до плеча офицера.

Офицеръ хлебнулъ ромашки, пустилъ изо рта клубъ дыма и растянулся на стулѣ.

— Очень просто, мон-шеръ,—сказалъ онъ.—Мнѣ досталось наслѣдство послѣ папеньки... Надо же все осмотрѣть

самому, принять все отъ управляющаго... Я взялъ отпускъ да и катнулъ сюда... почти мимо тебя пришлось, мон-шеръ, ѣхать, немного въ сторону; я думаю себѣ, какъ же не побывать у пріятеля?.. И я бы давно у тебя былъ, да въ Москву бѣлокаменную, знаешь, какъ попадешь,—бѣда: съ балу на балъ, съ обѣда на обѣдъ, кавалеровъ-то нѣтъ, такъ нашъ братъ петербургскій тамъ какъ сыръ въ маслѣ катается... Меня на рукахъ тамъ носили, во всѣхъ аристократическихъ домахъ принятъ былъ, мон-шеръ, ей-Богу, какъ родной... Тамъ же случился Костя... Вѣдь charmant jeune homme, надо отдать ему справедливость... съ нимъ полтора мѣсяца прожилъ, какъ одинъ день.

— Вотъ что!

Актеонъ призадумался... Слова офицера пахнули на него былою жизнью, тѣмъ временемъ, когда еще онъ блаженствовалъ въ кожѣ онагра...

— И въ Москвѣ,—продолжалъ офицеръ,—хорошенькихъ бездна. Я, знаешь, мон-шеръ, приволокнулся тамъ за одной княжной... Она извѣстна вездѣ: *юнь боте...* глаза такіе живые, такъ и бѣгаютъ... и она была ко мнѣ очень благосклонна; взяла съ меня честное слово на возвратномъ пути непремѣнно заѣхать къ нимъ.

Офицеръ затянулся.

— Ну, а ты что подѣлываешь здѣсь, мон-шеръ? а? хозяйничаешь? Славная деревенька у тебя...

Офицеръ осмотрѣлъ кругомъ комнату.

— *Се тре жоли...* разумѣется, въ деревнѣ для чего убирать великолѣпно комнаты?.. А говорятъ, въ моемъ селѣ домъ такой каменный, славный...

— Много, братецъ, тебѣ душъ досталось?

— Душъ-то немного, мон-шеръ; кажется, около 300, что-то этакъ, но денегъ бездна—это главное, папенькѣ всѣ были должны; у него такіе капиталы, что ужасъ! Хочу выйти въ отставку. Съѣзжу въ чужіе края. Надо же, мон-шеръ, свѣтъ посмотрѣть,—нельзя безъ этого. Какія устрицы были нынѣшней весной въ Петербургѣ—чудо!.. А тебѣ, мон-шеръ, всѣ наши кланяются...

Чай былъ собранъ... Офицеръ понемногу прихлебывалъ ромашку и болталъ безъ умолку.

— А что, мон-шеръ, не вспомнить ли старинку?—вскрикнулъ онъ, вскакивая со стула,—не сыграть ли въ банчикъ?

— Пожалуй.

— Если у тебя нѣтъ картъ, то я свои достану. У меня всегда есть въ шкатулкѣ на всякій случай.

— Что жъ ты, братецъ, думаешь, что мы здѣсь и въ карты не играемъ?—спросилъ актеонъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства.

— Нѣтъ, мон-шеръ, я только такъ сказалъ... Вели же все устроить какъ слѣдуетъ... Я, мон-шеръ, и усталости никакой послѣ дороги не чувствую..

— А ты надолго ли ко мнѣ пріѣхалъ?

— Дня на два, на три, мон-шеръ, если позволитъ мнѣ Ольга Михайловна и твоя маменька.

Офицеръ поклонился той и другой.

— Отчего же на такое короткое время? — сказала Прасковья Павловна,—погостите у насъ подольше. Вы насъ одушевите своимъ присутствіемъ.

— Никакъ не могу дольше, при всемъ моемъ желаніи. Въ Москвѣ и безъ того зажился, а меня ждутъ въ деревнѣ... Кто же, мон-шеръ, мечетъ? Хочешь, я буду метать... Человѣкъ, вели принести мою шкатулку.

Шкатулку принесли. Она обратила на себя всеобщее вниманіе своимъ изяществомъ... Офицеръ выкинулъ на столъ пачку новенькихъ ассигнацій синенькихъ и красненькихъ, отъ которыхъ у Петра Александрыча разгорѣлись глаза...

— Вотъ тысяча рублей, — сказалъ офицеръ, — покуда довольно... А здѣсь, мон-шеръ, наберется еще нѣсколько такихъ пачекъ.

Онъ указалъ на шкатулку, самодовольно улыбаясь.

Игра началась.

— Ахъ, какъ милъ, какъ любезенъ!.. — шептала дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, отводя Прасковью Павловну къ окну и невольно вздыхая.

— Онъ можетъ очаровать своей бесѣдой... Вотъ что зна-

читъ быть всегда въ большомъ свѣтѣ... Немудрено, что въ него княжны влюбляются. Я этому очень вѣрю.

— Ну, признаюсь тебѣ, Анеточка, — отвѣчала ей Прасковья Павловна, — такого свѣтскаго человѣка я рѣдко встрѣчала; а я-таки жила въ свѣтѣ... такъ и льется, какъ рѣка, — хоть бы въ одномъ словѣ споткнулся. А наше-то сокровище не нашлась ему ничего сказать: сидитъ себѣ да молчитъ... просто за нее стыдно! Ну, бѣдный мой Петенька, не думала я, чтобъ на него такое ослѣпленіе нашло... Признаюсь, попался, какъ куръ во щи, съ этой женитьбой.

Банкъ продолжалъ до часу. Въ этотъ вечеръ офицеръ съ серебряными эполетами проигралъ Актеону пятьсотъ рублей.

На другой день Актеонъ, чтобъ веселѣе провести время и показать своему столичному пріятелю деревенскихъ оригиналовъ, послалъ за помѣщикомъ семи душъ. Илья Иванычъ явился. Его, по обыкновенію, напоили; онъ плясалъ въ присядку, острилъ по-своему, прыгалъ на одной ножкѣ и никогда почти не былъ такъ забавенъ. Всѣ смѣялись надъ нимъ, но въ особенности офицеръ съ серебряными эполетами. Онъ налилъ въ полоскательную чашку воды, посыпалъ туда соли и перцу и поднесъ ее Ильѣ Иванычу.

— Ну-ка, любезнѣйшій,—сказалъ онъ, смѣясь,—выпейте; славный напитокъ... Это пуншъ, особымъ образомъ приготовленный, по-петербургски.

Илья Иванычъ посмотрѣлъ на офицера и на полоскательную чашку. Въ Ильѣ Иванычѣ вдругъ пробудилось что-то похожее на давно утраченное имъ чувство человѣческаго достоинства.

— Господинъ офицеръ, — сказалъ онъ, весь измѣнясь въ лицѣ, — имени и отчества вашего не имѣю чести знать, — позвольте доложить, что я не формальный шутъ, — это засвидѣтельствуетъ вамъ хозяинъ здѣшняго дома: вы ошиблись во мнѣ... я только иногда позволяю себѣ подурачиться, исполняя желаніе моихъ благодѣтелей. Моя нищета еще не даетъ вамъ право, милостивый государь, издѣваться надъ отцомъ многочисленнаго семейства, оскорблять человѣка, который старше васъ лѣтами...

На глазахъ Ильи Иваныча показались слезы... Впрочемъ, эта вспышка тотчасъ же и потухла въ немъ... Онъ боязливо посмотрѣлъ на хозяина дома, казалось, умоляя его глазами не гнѣваться за дерзкую рѣчь, невольно сорвавшуюся у него съ языка.

Офицеръ съ серебряными эполетами отскочилъ отъ помѣщика семи душъ, краснѣя поставилъ полоскательную чашку на окно, и, чтобъ скрыть свое замѣшательство, обратился къ Петру Александрычу:

— Не хочешь ли, мон-шеръ, продолжать вчерашній банчикъ?

— Изволь, братецъ, — отвѣчалъ Петръ Александрычъ.

Между тѣмъ Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, пришедши въ отчаяніе оттого, что шутка офицера кончилась такою непріятностью, напали на Илью Иваныча въ другой комнатѣ. Онѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Да какъ вы это смѣете?.. Да что вы думаете объ себѣ?.. Васъ никто въ домъ къ себѣ не будетъ пускать... Вы съ ума сошли! Знаете ли вы, что онъ прямо изъ столицы?.. Онъ тамъ въ первые дома ѣздитъ. Онъ можетъ, если захочетъ, раздавитъ васъ, какъ червяка!.. И почему вамъ было не выпить этого питья, что онъ вамъ давалъ? Не велика важность! У васъ не такой ужъ нѣжный желудокъ, не испортился бы...

Илья Иванычъ низко кланялся и просилъ прощенія.

Весь этотъ и слѣдующій день офицеръ и Петръ Александрычъ не отходили отъ карточнаго стола ни на минуту. Игра у нихъ завязалась не шуточная. Петръ Александрычъ въ два дня проигралъ шестьдесятъ тысячъ...

Это сильно его встревожило.

— Какъ же, братецъ, — сказалъ онъ перемѣнившимся голосомъ, — я не могу тебѣ теперь заплатить этихъ денегъ, — у меня нѣтъ столько...

— Все равно, мон-шеръ, все равно, послѣ: тебѣ я повѣрю... А не можешь ли ты мнѣ теперь отдать хоть немного?..

— Тысячи три... могу.

— Ну, все равно, хоть три тысячи, а на остальныя пятьдесятъ семь тысячъ ты мнѣ просто дай записку, мон-шеръ,— напиши, что взялъ ихъ у меня на сохраненіе до перваго востребованія, — вотъ и все.

Петръ Александрычъ согласился на это, и офицеръ на четвертый день рано утромъ выѣхалъ изъ села Долговки. Восторгъ Прасковьи Павловны къ офицеру въ минуту однако исчезъ, когда ей сказали, на какую сумму обыгралъ онъ ея сына.

— Ахъ, Петенька, Петенька!..—твердила она, ломая руки, — можно ли это! шутка ли, шестьдесятъ тысячъ!.. Вотъ разбойникъ какой подвернулся!

ГЛАВА VII.

Этотъ проигрышъ былъ послѣдней данью, заплаченной Петромъ Александрычемъ прошлой жизни. Онъ навсегда простился съ порывами и съ сильными ощущеніями. Съ этихъ поръ щекотали его только мелочныя страстишки и ощущеньица. «Хорошо бы сдѣлаться какою-нибудь важною чиновною особою въ уѣздѣ», думалъ онъ, или: «недурно бы съѣздить къ губернатору; его превосходительство меня ласкаетъ; пусть видятъ это другіе помѣщики». И вдругъ лѣниво подымался онъ съ своихъ креселъ, въ которыхъ обыкновенно дремалъ послѣ жирнаго обѣда, и отправлялся въ губернскій городъ. Онъ любилъ также поохотиться, для того, чтобъ пощеголять своими собаками.

Однажды такъ, Богъ знаетъ для чего, вздумалось ему показать, что онъ знаетъ толкъ въ хозяйствѣ. Призвавъ управляющаго, Петръ Александрычъ произнесъ съ важностью:

— Зимній путь ужъ установился; отправьте же поскорѣй подводы въ Москву съ надежнымъ человѣкомъ—во-первыхъ, для закупки годовой провизіи, а во вторыхъ, для того, чтобъ взять у братьевъ Бутенопъ четырехконную молотилку, вѣялку, плугъ и экстирпаторы. Это все необходимо нужно имѣть.

Управляющій, изумленный такимъ приказаніемъ, лукаво улыбнулся и произнесъ:

— Слушаю-съ.

Приказаніе Актеона было въ точности исполнено. Означенныя земледѣльческія орудія привезены и поставлены въ каретные сараи, откуда они уже никогда и не выдвигались. Въ другой разъ онъ призвалъ управляющаго и изъявилъ ему желаніе присутствовать на такъ называемыхъ посидѣлкахъ. Это послѣднее желаніе уже нисколько не показалось страннымъ Назару Яковличу... Все шло хорошо... Семенъ Никифорычъ гостилъ въ селѣ Долговкѣ по недѣлямъ и по мѣсяцамъ. Онъ, вѣроятно, пересталъ оскорбляться невнимательностію къ нему Ольги Михайловны. Петръ Александрычъ игралъ съ нимъ по маленькой въ преферансъ. Покуривая сигарку, лѣниво бросалъ онъ карты на зеленое сукно... Это было тотчасъ послѣ обѣда.

Вошедшій Ѳомка отвлекъ его вниманіе.

— Что тебѣ надобно?—спросилъ у него Петръ Александрычъ.

Ѳомка, только что возвратившійся изъ уѣзднаго города, подалъ барину письмо. Письмо это было застраховано.

— Отъ кого бы это?

Актеонъ отложилъ карты въ сторону, распечаталъ и прочелъ письмо...

«Cher ami, Петръ Александрычъ,—писалъ къ нему офицеръ,—прости, что я безпокою тебя. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ. Сдѣлай одолженіе, вышли мнѣ должныя тобою пятьдесятъ семь тысячъ черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ (адресъ мой при семъ прилагаю). Если ты къ сему сроку не вышлешь деньги, то не пеняй на меня, — я вынужденъ буду представить записку твою куда слѣдуетъ; а ты знаешь, что такого рода записки имѣютъ силу. — Еще разъ повторяю мою просьбу о деньгахъ. Не заставь меня ссориться съ тобой, mon cher. — Adieu, будь здоровъ. Поклонись отъ меня женѣ своей и маменькѣ...

Твой pour toujour

Анисьевъ».

Откуда же взять столько денегъ и въ такое короткое время? Управляющій говоритъ, что на доходы надѣяться нечего, что скоро придется кормить крестьянъ по случаю долгихъ неурожаевъ, а большіе-то доходы обѣщаетъ онъ не прежде, какъ года черезъ два.

Петръ Александрычъ нахмурился. У него денегъ оставалось немного... Онъ ужъ истратилъ нѣсколько новенькихъ ассигнацій, — нарушивъ честное слово, данное имъ самому себѣ не прикасаться ни въ какомъ случаѣ къ этимъ деньгамъ... Что дѣлать?

«Зачѣмъ, — подумалъ Петръ Александрычъ, — я далъ ему эту проклятую записку?.. Можно было бы какъ-нибудь отдѣлаться отъ него и не заплатить... А теперь бѣда!..»

— За... адумались, Петръ Александрычъ, — сказалъ Семенъ Никифорычъ, — ва...ашъ ходъ...

— Мнѣ, признаться, не до игры, — произнесъ Петръ Александрычъ и объяснилъ Семену Никифорычу причину своего безпокойства.

— Да... дѣ...ѣло не шуточное!

Семенъ Никифорычъ выпустилъ изо рта и изъ носа тучи дыма и положилъ на столъ свой коротенькій чубучокъ...

— У кого бы занять? — подумалъ вслухъ Петръ Александрычъ.

— За... нять? Мм! по... просите... у Прокофья Евдокимыча; у... у него цѣлые по... двалы денегъ, въ землю зарываетъ... ей-Богу... А... а... вось дастъ... не ровенъ часъ; онъ и... инымъ и давалъ...

— Маменька! — закричалъ Петръ Александрычъ, — пожалуйте къ намъ на совѣтъ.

— Сейчасъ, мой голубчикъ! — отвѣчала Прасковья Павловна, выходя изъ ближайшей комнаты...

— Что тебѣ посовѣтовать, мой ангелъ?.. Ахъ, Семенъ Никифорычъ! материнскому сердцу какъ пріятно слышать это... Онъ, голубчикъ мой (она указывала на сына), видитъ, что я опытнѣе его, желаю добра, онъ безъ меня ничего и не предпринимаетъ.

— Это по... похвально, — сказалъ Семенъ Никифорычъ.

Петръ Александрычъ прочелъ матери письмо, полученное имъ, и передалъ ей мысль Семена Никифорыча о займѣ денегъ у Прокофья Евдокимыча.

— Нечего дѣлать, — произнесла Прасковья Павловна вздыхая, — надо перепробовать, дружочекъ, всѣ средства... Авось этотъ скряга, гнусный старичишка, хоть одинъ разъ въ жизни покажетъ себя съ благородной стороны... Только совѣтую тебѣ, дружочекъ Петинька, поѣзжай къ нему самъ. Ты этимъ, во-первыхъ, сдѣлаешь ему честь, и кто знаетъ, можетъ это его тронетъ.

— Хорошо-съ; а что́, маменька, правду вѣдь вы говорили, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ трудно найти пріятелей, — такъ и вышло по-вашему.

Петръ Александрычъ смялъ письмо офицера въ комокъ и бросилъ подъ столъ.

— Я, другъ мой, никогда не говорю пустяковъ... Ужъ я все испытала въ жизни: такъ моимъ словамъ можно вѣрить...

На другой день рано утромъ Петръ Александрычъ облекся въ дядюшкину медвѣжью шубу, два исполина уложили его въ пошевни, Гришка присѣлъ на облучокъ, кучеръ дернулъ возжами — и лихая тройка помчала барина.

Передъ нимъ разстилались необозримыя снѣжныя равнины, среди которыхъ изрѣдка чернѣлись деревеньки, мелькали деревья, опушенныя инеемъ, да испуганныя вороны, отряхая снѣгъ съ вѣтвей, поднимались съ карканьемъ, тяжело махая крыльями, и исчезали въ отдаленіи черными точками на сѣромъ небѣ.

Въ уѣздномъ городѣ звонили къ обѣднѣ, потому что это было воскресенье... По единственной улицѣ города, на которой торчалъ неуклюжій каменный домъ между разваливающимися домиками и избами, — плыли, какъ павы, жирныя, разрумяненныя и расписанныя мѣщанки въ малиновыхъ штофныхъ тѣлогрѣйкахъ на лисьемъ мѣху; за ними выступали мужья ихъ въ синихъ сибиркахъ, шли ямщики въ засаленныхъ тулупахъ, да тащились двѣ или три старушонки въ порыжѣлыхъ салопахъ... У калитки дома, украшеннаго елкою, стоялъ приказный, облизывая губы и нѣ-

сколько пошатываясь, а далѣе мальчишки скатывались на салазкахъ съ горки, устроенной возлѣ самой проѣзжей дороги...

Отъ села Долговки до села Карташева, въ которомъ имѣлъ резиденцію богатый старичокъ, считалось слишкомъ верстъ сорокъ. Петръ Александрычъ завидѣлъ издалека цѣль своего путешествія. Село Карташево казалось въ шесть разъ болѣе уѣзднаго города, черезъ который онъ проѣхалъ, и украшалось двумя каменными церквами; это село, состоявшее изъ 1800 душъ, принадлежало разнымъ помѣщикамъ. Прокофій Евдокимычъ былъ одинъ изъ главныхъ: онъ владѣлъ въ немъ 800 душами. Прокативъ по узкой улицѣ, въ которой избы, какъ во всѣхъ старинныхъ деревняхъ, тѣсно прилѣплялись одна къ другой, кучеръ спустился на озеро, мигомъ поднялся на противоположный берегъ, повернулъ налѣво, въѣхалъ на небольшой дворикъ, обнесенный развалившимся заборомъ, и остановилъ лошадей у крыльца.

На крыльцѣ небольшого домика стояли съ разинутыми ртами и съ выпученными глазами какіе-то мальчишки въ сѣрыхъ курткахъ домашняго сукна...

— Дома вашъ баринъ? — спросилъ у нихъ Гришка, спрыгивая съ облучка.

Мальчишки молчали.

— Эй, вы, щенки! васъ спрашиваютъ. Слышите?

— Кого вамъ надо? — сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, почесываясь.

— Тятеньку, что ли?

— Какого тятеньку! пошелъ, дуракъ.

Гришка помогъ барину своему вылѣзть изъ пошевней и взбѣжалъ въ сѣни. Въ сѣняхъ у двери стоялъ чанъ съ водой и нѣсколько кадочекъ. Онъ началъ стучать въ дверь.

— Кто тамъ? — раздался грубый женскій голосъ. — Чаво надо?

— Гости пріѣхали; дома ли вашъ баринъ?

Голосъ смолкъ, и минуты черезъ три дверь, запертая изнутри желѣзнымъ засовомъ, заскрипѣла и отворилась.

— Сюда, батюшка, сюда, кормилецъ! — сказала баба, кланяясь Гришкѣ. — Кто вы такіе?

— Да здѣсь ли живетъ Прокофій Евдокимычъ? — спросилъ Петръ Александрычъ.

— Здѣсь, кормилецъ, здѣсь. Палашенька, скажи барину, что гости пріѣхали.

Баба обернулась къ дѣвочкѣ, которая выглядывала изъ-за нея.

— Погоди, кормилецъ, погоди, вотъ она сейчасъ воротится. Баринъ отвѣтъ дастъ.

Дѣвочка минутъ черезъ пять воротилась.

— Какіе гости? спрашиваетъ баринъ, — запищала она.

— Какіе же вы гости, батюшка? какъ о васъ сказать? — спросила баба, смотря на Петра Александрыча и на Гришку.

— Скажи, что пріѣхалъ помѣщикъ изъ села Долговки.

— Отколева?

— Изъ села Долговки, дура! — закричалъ Гришка.

— Долговскіе. Вишь!

Баба ушла.

Петръ Александрычъ стоялъ въ ожиданіи бабы, не снимая своего медвѣдя, потому что въ передней Прокофья Евдокимыча было несравненно холоднѣе, чѣмъ на дворѣ.

— Можетъ ли это быть? — послышался минутъ черезъ десять слабый голосъ во второй комнатѣ: — гдѣ? ты врешь...

— Врешь! чаво врать? — отвѣчала баба. — Посмотри самъ, батюшка.

Прокофій Евдокимычъ въ тепломъ, изорванномъ и истертомъ халатѣ робко взглянулъ въ переднюю.

— Петръ Александрычъ!.. — воскликнулъ онъ съ видимымъ замѣшательствомъ и запахивая полы своего халата...— Вы ли это?.. Сами безпокоились... Я не стою такой чести. Милости прошу, сударь... Извините. Лакеи мои всѣ разбѣжались, а я больной... Не осудите...

Петръ Александрычъ снялъ шубу и вошелъ въ слѣдующую комнату.

— Сюда, сюда, — говорилъ старичокъ, пожимая одной рукой руку гостя, а другой придерживая полу своего халата.

— Покорнѣйше прошу въ гостиную... Вотъ такъ, на диванчикъ.

Голыя бревенчатыя стѣны этой гостиной украшались двумя пятнами въ рамкахъ, которыя старичокъ принималъ за картины, диваномъ и нѣсколькими стульями, обитыми черной кожей.

Петръ Александрычъ смотрѣлъ на все это и не вѣрилъ глазамъ своимъ.

Едва онъ усѣлся, какъ во всѣхъ дверныхъ щеляхъ засверкали глаза; двери немного раздвинулись — и обоего пола ребятишки, «полубарченки», какъ обыкновенно звали ихъ въ домѣ, начинали высовывать изъ дверей свои головы.

— Чему я долженъ приписать честь видѣть васъ у себя?..— Старичокъ закашлялся, исподлобья посмотрѣлъ на гостя и погрозилъ ребятишкамъ, которые мгновенно скрылись. — Истинно не знаю, какъ васъ благодарить.

Старичокъ поднялся со стула и поклонился гостю. Ребятишки снова показались у дверей.

— Я давно, признаться, сбирался къ вамъ, — сказалъ Петръ Александрычъ.

— Очень благодаренъ... — Старичокъ кланялся. — Чѣмъ угостить мнѣ васъ, дорогой гость?.. Чайку не прикажете ли?.. Эй! Акулина, подай намъ чаю... да и вареньица ужъ кстати... Не правда ли, и вареньица? — повторилъ онъ, посмотрѣвъ умильно на Петра Александрыча.

— Покорно васъ благодарю... я...

— Не побрезгайте же моимъ угощеніемъ, дорогой гость!

Петръ Александрычъ не смѣлъ отказаться.

Странный напитокъ, который старичокъ принималъ за чай, былъ поданъ, и къ нему на двухъ блюдечкахъ медовое варенье, сверху посыпанное сахаромъ. Петръ Александрычъ, хлебнувъ немного изъ своей чашки и почувствовавъ нестерпимую горечь на языкѣ, поморщился.

— Вареньица-то, пожалуйста, вареньица, — говорилъ старичокъ, кашляя.

— Я къ вамъ, между прочимъ, съ небольшой просьбой,— сказалъ Петръ Александрычъ, немного заикаясь.

Старичокъ вздрогнулъ.

— Съ какой, почтеннѣйшій, съ какой? Очень радъ услужить, чѣмъ могу...

— Видите ли... мнѣ крайне нужно на годъ, или на полтора, никакъ не болѣе, пятьдесятъ семь тысячъ... Разумѣется, мы сдѣлаемъ заемное письмо; проценты...

— Пятьдесятъ семь...—Старичокъ вскочилъ со стула, озираясь кругомъ. — Боже мой!..

Онъ закашлялся и схватилъ себя за грудь.

— Да отчего жъ вы полагаете, что у меня есть такая огромная сумма?

— Я такъ думалъ... зная ваше состояніе... Повѣрьте, ваши деньги будутъ въ вѣрныхъ рукахъ.

— Вѣрнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ, ничего! — завопилъ старичокъ въ отчаяніи. — Какое состояніе у меня!.. До тѣхъ поръ, покуда я не продамъ все, что̀ имѣю, до послѣдней душонки, и не обращу всего въ деньги, — я нищій, ей Богу нищій. Неурожаи, голодъ...

Онъ опять закашлялся и началъ стонать.

— Извините меня... ради Бога, извините. Если бъ у меня было, напримѣръ, хоть три тысячи... это я такъ только говорю... у меня и ста рублей въ домѣ нѣтъ... я, чтобъ угодить вамъ, заслужить ваше вниманіе, отдалъ бы послѣдніе; клянусь сегодняшнимъ праздникомъ...

— Такъ вы никакъ не можете удовлетворить моей просьбы?..

— Для васъ... я готовъ былъ бы заложить все, что имѣю... — Старичокъ осмотрѣлъ кругомъ свою комнату. — Да у меня и вещей-то нѣтъ никакихъ... Видите ли, какъ я живу? Седьмой годъ домишко для себя собираюсь выстроить, и то не на что... А чайку-то не прикажете ли еще?

— Нѣтъ-съ, я до чаю не охотникъ. Да и къ тому же мнѣ пора ѣхать... Я долженъ еще остановиться въ городѣ у почтмейстера...

— А вареньица-то? хоть одну ложечку...

Насилу отвязавшись отъ Прокофья Евдокимыча и про-

клиная его внутренно, бросился Актеонъ въ свои пошевни и горестно произнесъ: «домой».

— Маменькѣ мое почтеніе, супругѣ! — кричалъ старикъ, высовывая въ форточку голову свою, на которую былъ напяленъ вязаный колпакъ.

Возвратясь домой, Петръ Александрычъ тотчасъ пошелъ въ комнату къ своей матери. У нея онъ нашелъ Ѳеклу Ниловну.

— Что это? ужъ ты и возвратился, голубчикъ мой! Отчего такъ скоро? — спросила Прасковья Павловна, смотря съ безпокойствомъ на сына.

Петръ Александрычъ не хотѣлъ говорить о своемъ проигрышѣ и о горестномъ результатѣ своей поѣздки при посторонней женщинѣ. Прасковья Павловна сейчасъ поняла это.

— Ангелъ мой, Петенька, — сказала она — при Ѳеклѣ Ниловнѣ ты смѣло можешь все говорить. Она любитъ тебя и принимаетъ въ тебѣ самое горячее участіе. Ѳеклу Ниловну я ни съ кѣмъ на ряду не поставлю. Это я объ ней всегда скажу и за глаза. Я знаю цѣну людямъ; я, слава Богу, въ продолженіе моей жизни умѣла найти себѣ истинныхъ друзей, — этимъ я могу гордиться. Отъ Ѳеклы Ниловны у меня нѣтъ секретовъ. Я прошу тебя быть съ ней, какъ съ родной.

— Любите меня, батюшка, — закричала въ свою очередь Ѳекла Ниловна, — прошу покорнѣйше. Ужъ вы мнѣ по матери дороги; къ тому жъ я васъ на рукахъ носила... махонькій былъ такой...

— Ну, что сказалъ тебѣ этотъ гадкій скряга? — продолжала Прасковья Павловна, прерывая рѣчь своей пріятельницы, — говори откровенно, мое сердце. Ѳекла Ниловна ужъ все знаетъ: я ей разсказала, куда и зачѣмъ ты ѣздилъ.

— Да что — плохо, маменька! Онъ увѣряетъ, что у него и ста рублей нѣтъ въ домѣ.

— Что? а? Не дослышу, батюшка.

Прасковья Павловна повторила Ѳеклѣ Ниловнѣ слова своего сына.

— Ахъ онъ проклятый грѣшникъ! — воскликнула Өекла Ниловна, всплеснувъ руками. — На краю гроба и лгать не боится. Да на томъ свѣтѣ нѣтъ и такого наказанія, какого онъ достоинъ, ей Богу; а? что? Прасковья Павловна, какъ ты думаешь?

— Правда, совершенная правда. Извергъ безчувственный! Вотъ небо-то коптитъ: ни себѣ, ни другимъ добра не приноситъ...

Впрочемъ, Петру Александрычу отъ всѣхъ этихъ восклицаній было не легче. Онъ долго думалъ, что ему предпринять, чтобъ уплатить свой карточный долгъ офицеру съ серебряными эполетами, и наконецъ рѣшился прибѣгнуть опять къ Дмитрію Васильичу Бобынину.

Дмитрій Васильичъ, тотчасъ же по пріѣздѣ офицера въ Петербургъ, узналъ о проигрышѣ Петра Александрыча. Какъ человѣкъ смѣтливый и умѣвшій извлекать изъ всего свою пользу, Дмитрій Васильичъ отправился къ офицеру и предложилъ ему вмѣсто пятидесяти семи тысячъ «невѣрныхъ», какъ говорилъ онъ, чистыми деньгами пять тысячъ. Онъ выложилъ передъ офицеромъ соблазнительную груду ассигнацій. Офицеръ подумалъ немного, посмотрѣлъ искоса на ассигнаціи и согласился на предложеніе. Тогда Дмитрій Васильичъ заставилъ офицера написать къ Петру Александрычу письмо, которое привело героя моего въ такое замѣшательство. Расчетъ Дмитрія Васильича былъ вѣренъ. Онъ предполагалъ, что Петръ Александрычъ не обойдется безъ него — и не ошибся. Онъ забралъ въ свои руки все состояніе довѣрчиваго актеона, заложивъ его имѣніе и отдавъ на бумагопрядильную фабрику; онъ, въ счетъ долга, присвоилъ себѣ его капиталъ, доставшійся ему послѣ дяди; онъ взялъ съ него новое заемное письмо въ пятьдесятъ семь тысячъ; кромѣ всего этого, онъ имѣлъ постоянныя и секретныя сношенія съ его управляющимъ. Петръ Александрычъ не могъ нахвалиться благороднымъ и добрымъ Дмитріемъ Васильичемъ...

Өекла Ниловна пробыла въ селѣ Долговкѣ болѣе двухъ недѣль и уѣхала домой неохотно, потому что сама она,

пять душъ ея и четыре лошади лишились дарового корма. Во все время пребыванія своего въ гостяхъ, Ѳекла Ниловна вставала очень рано, и всякое утро будила лѣнивыхъ дворовыхъ дѣвокъ и бабъ Петра Александрыча, приговаривая:

— Слыхано ли дѣло, вставать такъ поздно... а?.. Будь вы мои, я бы съ вами справилась... Это ни на что непохоже... — Потомъ она обращалась къ Прасковьѣ Павловнѣ:

— Что ты, матушка, не смотришь за здѣшней дворней-то? а? вѣдь кажется ты хозяйка дома... что?

— Ахъ, милая! — возражала обыкновенно Прасковья Павловна, махая рукою, — ужъ я взыскиваю, взыскиваю съ нихъ, да нѣтъ, — никакихъ силъ человѣческихъ не достанетъ. Если бъ я была настоящая хозяйка въ домѣ, тогда другое дѣло.

Ѳекла Ниловна, въ отсутствіи Прасковьи Павловны, оказывала невѣсткѣ ея величайшее вниманіе и однажды сказала ей, посмотрѣвъ на нее съ чувствомъ:

— Ахъ, родная моя, жалкая ваша участь!.. Теперь я все своими глазами видѣла. Свекровь ваша заѣстъ васъ, заѣстъ...

Въ тотъ же день Ѳекла Ниловна говорила Петру Александрычу:

— Послушайтесь моего совѣта, батюшка, не давайте свою матушку обижать никому: у меня вчужѣ сердце кровью обливается, когда я посмотрю, какъ жена ваша обращается съ нею... а?.. что?.. Простите за откровенность, я ужъ такая... что дѣлать... Мать все ближе: мать подъ сердцемъ васъ носила...

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ѳеклы Ниловны домой, въ томъ уѣздѣ, гдѣ находилась ея деревня, начали носиться слухи о связи жены долговскаго помѣщика съ учителемъ Андрея Петровича Боровикова...

Наступили святки — самое поэтическое время для русскихъ людей. Въ деревнѣ, во дворѣ и въ барскомъ домѣ всѣ пришли въ движеніе, всѣ одушевились... Вечера, посвященные на переряженье и гаданье, пролетали незамѣтно.

Для Прасковьи Павловны и для дочери бѣдныхъ, но

благородныхъ родителей безпрестанно выливали олово и воскъ... Онѣ безпрестанно разсматривали на тѣни выливавшіяся имъ фигуры.

— Посмотри, Анеточка, посмотри, — говорила Прасковья Павловна, — что тебѣ вышло. Вишь, какъ много народу. А вотъ поодоль-то стоитъ фигура, точно кавалеръ: онъ обнимаетъ дѣвицу. Увидишь, что тебѣ нынѣшній годъ выйти замужъ, вспомяни мое слово.

Накинувъ платокъ на голову, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей нѣсколько вечеровъ сряду выбѣгала на большой дворъ, не чувствуя ни малѣйшаго холода, хоть снѣгъ, сверкавшій милліонами разноцвѣтныхъ звѣздочекъ, сильно хрустѣлъ подъ ея ногами. Она подходила къ забору и, съ біеніемъ сердца произносила:

Залай, залай, собачонка, залай, сѣренькій волчокъ.

И, какъ будто послушныя ея зову, собаки начинали лаять у дома.

«Слава Богу! — думала она, — собаки лаютъ вблизи: это хорошій знакъ. Я выйду замужъ не на чужую сторону».

Въ другой разъ она вышла на улицу и долго стояла въ ожиданіи прохожаго. Наконецъ показалась какая-то фигура въ тулупѣ, вывороченномъ на изнанку. Она закричала:

— Какъ зовутъ?

— Парамономъ, — былъ отвѣтъ...

Никто дѣятельнѣе ея не принималъ участія во всевозможныхъ гаданіяхъ. Она приказывала приносить въ свою комнату куръ, снятыхъ съ насѣсти, пересчитывала балясы на крыльцѣ, говоря: «вдовецъ, молодецъ», собирала изъ прутиковъ мостикъ и клала подъ подушку, и прочее.

Вечеромъ на новый годъ старуха-няня также принялась за гаданіе. Она налила стаканъ теплой воды, распустила въ этой водѣ яичный бѣлокъ и поставила его за форточку. На утро она явилась съ этимъ стаканомъ къ Ольгѣ Михайловнѣ...

— Поздравляю тебя, матушка моя, съ новымъ годомъ,

съ новымъ счастьемъ,—сказала она ей, низко кланяясь.— Вотъ я, признаться, вечоръ загадала на тебя, родимая; посмотри, какъ хорошо тебѣ вышло.

И старуха, весело улыбаясь, показала Ольгѣ Михайловнѣ стаканъ.

— Спасибо тебѣ, няня. Что же значатъ эти фигуры?

— Участь твоя перемѣнится, матушка. Ты скоро будешь жить въ радости.

И старуха начала по-своему толковать изображенія въ стаканѣ.

— А мнѣ кажется, няня, фигура эта похожа на церковь. Можетъ быть я умру нынѣшній годъ.

— Ахъ, сударыня, сударыня! не стыдно ли тебѣ говорить этакое? Сегодня не годится имѣть такія мысли; выкинь ихъ, кормилица моя, изъ головы. Постой-ка, мнѣ давно хотѣлось кое-что шепнуть тебѣ на ушко. Послушай моихъ совѣтовъ...

Старуха отвела Ольгу Михайловну въ уголъ комнаты и осмотрѣлась кругомъ.

— Что такое, няня?

— А вотъ что, матушка: не пей ты ни чаю, ни кофею, когда разливаетъ Прасковья Павловна или эта старая барышня...

— Отчего же? — спросила Ольга Михайловна, изумленная загадочнымъ тономъ старухи.

— Да такъ, моя голубушка, ты не бойся; онѣ вреда тебѣ не сдѣлаютъ, а я все-таки тебѣ скажу къ слову. У насъ въ деревнѣ есть одна старушонка: вишь, толкуютъ, будто бы она водится съ нечистою силою, — кто ее, проклятую, знаетъ; она принесла Прасковьѣ Павловнѣ какое-то заговоренное питье, для того, чтобъ ты совсѣмъ опротивѣла мужу. Онѣ и хотятъ подливать тебѣ потихоньку этого питья въ чай. Онъ-то, мой голубчикъ, ничего не знаетъ; не вини его, матушка... Онъ любитъ тебя, да его, знаешь, сбили съ толку; а все эта барышня... охъ, змѣя подколодная! Она и Прасковью-то Павловну совсѣмъ опутала. Вѣдь ты его любишь, родная?

Няня тяжело вздохнула.

— Вѣдь ты на него не сердишься?

— Нѣтъ, нѣтъ; будь спокойна, няня.

Когда старуха вышла изъ комнаты, въ головѣ Ольги Михайловны мелькнула темная мысль, отъ которой она невольно вздрогнула.

ГЛАВА VIII.

2 іюля Ѳекла Ниловна праздновала день своего рожденія. Она хотѣла задать пиръ на славу. Еще наканунѣ прислалъ къ ней Андрей Петровичъ своихъ музыкантовъ. Съ утра начали наѣзжать къ ней въ домъ губернскіе щеголи и щеголихи. Здѣсь были всѣ наши старые знакомые, не исключая помѣщика семи душъ и учителя. Здѣсь была и Ольга Михайловна. Она не могла не пріѣхать, потому что Ѳекла Ниловна, приглашая ее, сказала:

— Покажите, мать моя, что вы нами, провинціалами, не пренебрегаете; сдѣлайте мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ... а? что? не дослышу... Будете? Вашимъ присутствіемъ я особенно интересуюсь.

Ольга Михайловна въ послѣдніе пять мѣсяцевъ очень похудѣла. Въ ея лицѣ было что-то болѣзненное, и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, смотря на нее, думала:

«Видно, столичнымъ-то красавицамъ деревенская жизнь не по-нутру: какъ она постарѣла! Да я по крайней мѣрѣ, пятью годами кажусь моложе ее!»

За обѣдомъ, передъ самой водянкой, которая замѣняла шампанское, Илья Иванычъ всталъ съ своего мѣста и, обращаясь къ хозяйкѣ, произнесъ:

Съ днемъ рожденія васъ поздравляю.
Счастія вамъ па многія лѣта желаю.
Всѣ гости за мною слѣдомъ
Благодарятъ васъ за угощеніе отличнымъ обѣдомъ,—
Въ особенности хороши были пироги;
А вы не забудьте вашего нижайшаго слуги...
Къ сему прибавляю, не тратя много словъ,
Что всѣ благодѣянія ваши вполнѣ чувствуетъ Илья Сурковъ.

Всеобщія одобренія, выразившіяся восклицаніями, смѣхомъ, рукоплесканіями, привѣтствовали стихотворца. Ѳекла Ниловна послала ему бокалъ водянки, который налила собственноручно.

Послѣ обѣда барышни начали приготовляться къ балу. Часовъ въ восемь, въ столовой, назначенной для танцевъ, спустили шторы, зажгли двѣ лампы и шесть свѣчей. Музыканты строили инструменты и потягивали пѣнникъ, смѣшанный съ водой, которымъ приказано было угощать ихъ. Разряженныя барышни начинали появляться одна за другой. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей давно сидѣла въ столовой, въ ожиданіи бала, въ ярко-пунцовомъ платьѣ, съ двумя бѣлыми перьями на головѣ, воткнутыми въ косу, и въ сырцовыхъ пукляхъ. Изъ кавалеровъ отличался болѣе всѣхъ засѣдатель съ хохломъ, во фракѣ цвѣта адскаго пламени, съ блестящими пуговицами. Взоры всѣхъ впились въ Ольгу Михайловну, когда она вошла въ танцовальную столовую. На ней было бѣлое кисейное платье безъ всякихъ украшеній; черные волосы ея, какъ всегда, падали длинными локонами до груди; въ рукѣ она держала букетъ изъ бѣлыхъ розъ.

Рѣзко отдѣлялась она отъ этого пестраго общества и должна была оскорблять собою самолюбіе каждаго изъ его членовъ. Всѣ эти барышни, барыни и кавалеры чувствовали при ней какую-то неловкость, старались скрывать ее — и оттого казались еще неловче. Они почему-то боялись Ольги Михайловны, несмотря на то, что никогда не видали ея насмѣшливой улыбки. Имъ тяжело было ея присутствіе, и они мстили ей за это по-своему. Всѣ глаза отъ нея обратились къ учителю, который до сей минуты стоялъ у дверей, никѣмъ не замѣченный. Они хотѣли привести и ее и его въ замѣшательство; но онъ скрылся въ толпѣ, а она такъ смѣло, такъ спокойно, такъ благородно смотрѣла на нихъ, что невольно заставила самыхъ смѣлыхъ барышень, самыхъ дерзкихъ барынь потупить глаза.

Балъ открылся «полонезомъ». Музыка загремѣла. Ѳекла Ниловна выступила въ первой парѣ съ Петромъ Александры-

чемъ; за нею шли Прасковья Павловна съ Семеномъ Никифорычемъ, Андрей Петровичъ съ Ольгой Михайловной, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей съ франтомъ-засѣдателемъ и такъ далѣе.

— Наша Ольга-то Михайловна и одѣться не умѣетъ прилично, — говорила Прасковья Павловна своему кавалеру, — на балѣ въ простомъ платьишкѣ; хоть бы пришпилила къ груди брошку, или что-нибудь этакое. Другой подумаетъ, что ей нечего надѣть; а повѣрите ли, шкаповъ шесть заняты ея гардеробомъ. И какія богатѣйшія вещи есть! Все это даромъ гніетъ: вотъ не въ коня-то кормъ!

Послѣ «полонеза», та самая барышня-воспитанница, которая пѣла у Андрея Петровича «Среди долины ровныя», выступила на середину столовой съ полосатымъ платкомъ, повязаннымъ черезъ плечо, и протанцовала «цыганскую».

За симъ заиграли французскій кадриль.

Франтъ засѣдатель бросился къ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Позвольте имѣть честь ангажировать васъ на кадрэль? — сказалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ. Мы станемъ напротивъ Ольги Михайловны.

— Это совершенно зависитъ отъ вашего произвола-съ.

— Ма-шеръ Ольга Михайловна, — закричала она, — позвольте мнѣ танцовать противъ васъ?

— Очень рада, — отвѣчала Ольга Михайловна, которую только ангажировалъ какой-то кирасирскій офицеръ съ рыжими усами, — дальній родственникъ Ѳеклы Ниловны, находившійся въ отпуску и проживавшій у нея въ деревнѣ.

— Скучаете по Петербургу-съ? — сказалъ кирасиръ Ольгѣ Михайловнѣ, начиная фигуру и прищелкивая шпорами.

— Очень, — отвѣчала она.

— Натуральное чувство, весьма натуральное! — продолжалъ кирасиръ, закручивая усъ. — Я хоть одинъ разъ былъ въ Петербургѣ, да, признаюсь, зато навеселился! У меня

тамъ много пріятелей гвардейцевъ и образцовыхъ, такъ они меня все таскали по баламъ и по театрамъ. Вы охотницы до театровъ?

— Большая.

— Какой тамъ отличнѣйшій актеръ Воротниковъ; какъ представляетъ, чудо!

Кирасиръ, не умолкая, любезничалъ и, по окончаніи кадриля, вышелъ въ сѣни. Въ сѣняхъ стоялъ Семенъ Никифорычъ и покуривалъ изъ своего коротенькаго чубучка. Семенъ Никифорычъ обратился къ офицеру, обтеръ рукой янтарикъ и протянулъ къ нему чубучокъ.

— Не хотите ли ку...ку...рнуть?

— Спасибо вамъ. Смерть хочется, — отвѣчалъ кирасиръ.

Онъ на-скоро затянулся и побѣжалъ опять танцовать.

Балъ блестѣлъ во всей красѣ. Въ десять часовъ по аллеямъ довольно большого сада разставили десять плошекъ и зажгли щитъ, на которомъ были изображены двѣ буквы: Ф. Н. Танцующіе и играющіе бросились изъ комнаты посмотрѣть этотъ щитъ и, полюбовавшись имъ, возвратились назадъ къ своимъ занятіямъ. На крыльцѣ остались только Ольга Михайловна и учитель. Она задумчиво обрывала листики своего букета и вдругъ, обернувшись къ нему, сказала:

— Пройдемтесь по саду.

Онъ, нѣсколько удивленный, не говоря ни слова, послѣдовалъ за нею.

Они отошли довольно далеко отъ дома; плошки кой-гдѣ и то едва-едва освѣщали густыя и мрачныя аллеи.

— Не воротиться ли намъ? — сказалъ онъ, боязливо смотря на нее.

— Зачѣмъ? — спросила она.

— Развѣ вы не замѣтили, съ какою дурно скрытою ненавистью всѣ эти люди смотрятъ на васъ? Они ищутъ только удобнаго случая, какого-нибудь малѣйшаго предлога, чтобъ съ ожесточеніемъ броситься на васъ...

Она остановилась у одной изъ плошекъ, противъ которой

стояла скамейка. Красноватый свѣтъ освѣщалъ лицо ея. Она улыбнулась.

— Развѣ вы думаете, — сказала она, — что я дорожу ихъ мнѣніемъ, боюсь ихъ злобы?.. Развѣ вы думаете, что у меня не достанетъ столько силы, чтобы презирать судъ ихъ? столько чувства человѣческаго достоинства, чтобъ не оскорбляться ихъ клеветами?

— Но вы живете между ними, — возразилъ онъ — и они могутъ жестоко отплатить вамъ за ваше явное презрѣніе... они будутъ отравлять васъ разсчитанно, медленнымъ ядомъ. Вѣдь они составляютъ общественное мнѣніе, а женщинѣ трудно бороться съ нимъ.

— Не бойтесь за меня... Пусть это мнѣніе подавитъ меня... Однимъ днемъ раньше, однимъ днемъ позже — все равно.

— Думалъ ли я когда-нибудь встрѣтить васъ, окруженную такими людьми, быть свидѣтелемъ вашихъ страданій?

— Мнѣ рѣдко удается видѣть васъ... — начала она тихимъ и трепетнымъ голосомъ. — Кто знаетъ, когда еще я увижу васъ; а мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами... Мнѣ очень тяжело — и нѣтъ образа человѣческаго вокругъ меня, никого, кто бы хоть сколько-нибудь понялъ, какъ мнѣ тяжело и горько.

Она схватила его за руку.

— Сядьте здѣсь, — продолжала она, — возлѣ меня. Да, я очень несчастлива!

Букетъ выпалъ изъ рукъ ея. Она закрыла лицо руками; потомъ приподняла голову и, какъ будто собираясь съ мыслями, сказала:

— Къ чему мнѣ скрываться отъ васъ? Я замужемъ за человѣкомъ, за котораго мнѣ приказали выйти и съ которымъ у меня нѣтъ ничего общаго, котораго я никогда не могла видѣть безъ отвращенія... Я должна сносить ежедневныя, ежеминутныя оскорбленія, насмѣшки, дерзкіе взгляды его матери, его любимцевъ, его дворни... Я вамъ не говорю о тѣхъ невольныхъ оскорбленіяхъ, которыя эти люди наносятъ мнѣ, сами того не подозрѣвая... Но слушайте; все это ничего, я перенесла бы все это...

Она остановилась; руки ея дрожали. Она нѣсколько разъ хотѣла сказать что-то и не могла. Наконецъ, послѣ долгаго усилія, едва проговорила задыхавшимся голосомъ:

— Не презирайте меня... Богъ свидѣтель, я не достойна презрѣнія... но поймите меня и пожалѣйте обо мнѣ... Я — мать и не люблю, не могу любить дитя свое... оно напоминаетъ мнѣ *его!*.. Я молилась и плакала у колыбели этого несчастнаго ребенка... и просила Бога смягчить мое сердце... я мать, и во мнѣ нѣтъ искры материнскаго чувства... этого святого чувства, которое дало бы мнѣ силу перенести всѣ бѣдствія.

Она замолчала и какъ будто ожидала его слова; но онъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ безмолвнымъ, невыговариваемымъ, — глаза его были полны слезъ...

Съ замѣтнымъ усиліемъ она встала, взяла его руку, крѣпко пожала ее и скорыми шагами пошла по аллеѣ къ дому. Бѣлое платье ея мелькнуло вдали между темными кустами.

Онъ оставался на томъ же мѣстѣ, вперивъ глаза во мракъ и ожидая, не мелькнетъ ли она еще хоть одинъ разъ... но уже ничего не было видно. Плошка, поставленная противъ скамейки, съ трескомъ догорала, освѣщая букетъ, оставленный ею.

Онъ поднялъ его и скрылся въ глубинѣ сада.

— Гдѣ же учитель-то? — кричала Ѳекла Ниловна, бѣгая по столовой, раскраснѣвшись и запыхавшись... — Гдѣ же онъ? Зачѣмъ же я его пригласила? а? что?.. Сколько дѣвицъ не танцуетъ... кавалеровъ мало... Не видалъ ли его кто? а?

— И ея здѣсь нѣтъ, — сказала на ухо Ѳеклѣ Ниловнѣ дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, многозначительно улыбаясь.

— Что? а? *ея* нѣтъ? Мм! — Видно не на шутку завелись у нихъ шуры-муры... И стыда нѣтъ, — еще ни слова бы не сказала, если бъ тамъ гдѣ-нибудь втихомолку... а то при гостяхъ, на балѣ такъ изволитъ вести себя... Бѣдный мужъ!...

ГЛАВА IX.

Праздникъ Ѳеклы Ниловны имѣлъ важныя слѣдствія... Во-первыхъ, на этомъ праздникѣ франтъ-засѣдатель по уши влюбился въ дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, узнавъ отъ глухой помѣщицы, что за нею дадутъ сорокъ тысячъ приданаго (Ѳекла Ниловна всегда прибавляла вдвое). Во-вторыхъ, послѣ этого праздника уже не одинъ уѣздъ, а цѣлая губернія заговорила о связи Ольги Михайловны съ учителемъ. Всѣ кричали:

— Этакаго у насъ еще и примѣра не бывало... Добро бы завести связь благородную, а то съ кѣмъ!.. Убила бобра!

— Да что-съ! я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ-съ, какъ они въ саду цѣловались.

— Неужели?

— Точно-съ; а она ему сказала: клянусь, говоритъ, тебѣ въ вѣчной любви... Это я слышалъ своими ушами-съ.

— А мнѣ такъ разсказывали, что Антонъ, дворовый человѣкъ Петра Александрыча, — онъ еще при покойникѣ былъ камердинеромъ, такой славный и вѣрный слуга, — подкараулилъ ихъ въ лѣсу... знаете, лѣсокъ-то возлѣ самой Долговки. Вотъ, знаете, и подкараулилъ... да вдругъ и выскочилъ изъ-за куста. Она бѣжать, а Антонъ на молодчика-то съ дубиной, да-таки препорядочно отвалялъ его.

— Удивленія достойно, какъ держитъ Андрей Петровичъ у себя въ учителяхъ такое, можно сказать, безнравственное существо...

— Добру научитъ дѣтей его!

— А я навѣрно знаю, что учитель-то хотѣлъ ее увезти на балѣ у Ѳеклы Николавны, и тройка стояла у въѣзда въ деревню; ужъ онъ, знаете, и въ телѣгу ее посадилъ, — мой человѣкъ это видѣлъ и первый поднялъ шумъ; тутъ прибѣжали, ихъ схватили да и назадъ привели.

— Не такъ изволите говорить... Тройку-то имѣлъ онъ неосторожность поставить у самаго дома и побѣжалъ за своей возлюбленной, у нихъ заранѣе было все рѣшено. А она вдругъ

заупрямилась. «Не хочу» говоритъ, а онъ, не говоря ни слова, вынулъ пистолетъ изъ кармана да и говоритъ: «Застрѣлюсь!» Она испугалась и вскрикнула. А на крикъ-то прибѣжали люди, и всѣ узнали, въ чемъ дѣло.

— Она нанесла безчестіе всему уѣзду.

— Нѣтъ-съ, цѣлой губерніи.

— Скажите, батюшка, лучше — всему женскому полу...

Около года Ольга Михайловна была предметомъ постояннаго и всеобщаго вниманія. Только что и говорили объ ней, какъ будто цѣлой губерніи рѣшительно нечѣмъ и некѣмъ было заняться кромѣ нея.

Только Прокофій Евдокимычъ отвелъ на минуту отъ нея всеобщее вниманіе: сначала продажею всѣхъ своихъ деревень за необычайно дорогую цѣну и потомъ своею смертью...

— Господи Боже мой!.. и кому онъ оставилъ свой несмѣтный капиталъ?

— Кому! — и сказать стыдно!

— Вотъ въ чьи руки переходятъ дворянскія денежки!

— А сколько у него, батюшки мои, щенковъ-то было?

— Видимо-невидимо!

— А чай и умеръ-то, грѣховодникъ, безъ покаянія... Говорятъ, у него зарыты были мѣшки съ золотомъ и съ серебромъ подъ избой, гдѣ онъ жилъ...

— И все это пошло прахомъ. А копилъ цѣлую жизнь!..

— А знаете ли, что на бѣдной Прасковьѣ Павловнѣ лица нѣтъ, — такъ мучится.

— Отъ кого?.. Отъ чего?.. Что такое?

— Разумѣется, отъ кого, отъ своей невѣстушки. Ей вѣдь извѣстно, что всѣ мы знаемъ, какъ та отличается. Каково же ей это сносить? Вѣдь она ей не чужая. Сердце-то болитъ!

— Какъ же, вѣдь невѣстка... Жаль! потеряла себя, совсѣмъ потеряла, и въ такихъ молодыхъ лѣтахъ! Худо безъ правилъ жить...

— Нечего и жалѣть объ ней, признаться...

— Отчего же?

— Она всегда важничала: такъ и показывала всѣмъ, что изъ столицы пріѣхала.

— Я прошлый годъ ее встрѣтилъ — кланяюсь, а она хоть бы для смѣху головой кивнула.

— А я спросила у нея мѣсяца три назадъ, почемъ у васъ, милая Ольга Михайловна, матерія на платьѣ? Она самымъ сухимъ образомъ отвѣчала: — Не знаю-съ. Ужъ повѣрю ли я, чтобъ она не знала почемъ? Просто, не хотѣла отвѣчать.

— А меня хоть бы когда-нибудь пригласила къ себѣ...

— Правда, что не стоитъ и жалѣть ее!

И всѣ рѣшили, чтобъ Ольгу Михайловну и не принимать, и не приглашать, и не говорить съ ней, и не подходить къ ней...

— Твое имя страдаетъ, голубчикъ! — кричала Прасковья Павловна сыну. — Что жъ ты не примешь никакихъ мѣръ? отчего же не призовешь ее и не объяснишься съ нею. Я не хочу ей ни полслова говорить... Мнѣ сказали вѣрные люди, что она и безъ того всѣмъ кричитъ, будто я притѣсняю ее, убиваю... Я ее притѣсняю!

Прасковья Павловна упала на стулъ съ крикомъ и воплемъ...

— Ахъ она злодѣйка! Моя репутація ничѣмъ не запятнана... Я вотъ сколько лѣтъ вдовой, да про меня никто дурного слова не скажетъ... Я и до старости лѣтъ дожила, имя свое сохранила... А она... Да что! Я не хочу и говорить про нее... ребенокъ боленъ, плачетъ, а она и не заглянетъ къ нему... Экое каменное сердце! Да если бъ не я, онъ, моя крошечка, давно бы умеръ!..

Однако, несмотря на крики, совѣты и даже обмороки своей матушки, актеонъ почему-то не рѣшался говорить съ своей женою, хоть явно и при всякомъ случаѣ старался показывать ей свое неудовольствіе. Они, впрочемъ, видѣлись рѣдко. Онъ проводилъ цѣлые дни съ Ильею Иванычемъ, который забавлялъ его, или съ Семеномъ Никифорычемъ, который игралъ съ нимъ въ карты, пилъ и ѣздилъ на охоту. Она часто по цѣлымъ недѣлямъ не выходила никуда изъ своей комнаты. Здоровье ея не замѣтно, но быстро разрушалось. Она уже постоянно кашляла и чувствовала боль въ груди... Крики и брань Прасковьи Павловны, раздавав-

шіеся по всему дому, такъ сильно дѣйствовали на ея нервы, что въ эти минуты она бросалась къ своей постели и прятала голову подъ подушки. Только старушка няня иавѣщала ее и приводила къ ней сына.

— Что ты не лечишься, моя кормилица? — говорила няня. — Посмотри на себя, вѣдь ты какъ свѣчка таешь... Не послать ли, матушка, за лекаркою Ѳоминишной, въ село Кривухино? Я вашимъ лекарямъ-то не вѣрю, — а она простыми травами лучше всякихъ лекарей вашихъ вылечитъ отъ всѣхъ болѣзней.

Но Ольга Михайловна не хотѣла слышать ни о лекаркахъ, ни о лекаряхъ и увѣряла няню, что чувствуетъ себя совершенно здоровою.

Между тѣмъ какъ жена худѣла, мужъ толстѣлъ съ каждымъ днемъ. Любо было смотрѣть на него за ужиномъ (ужинъ онъ предпочиталъ обѣду), когда, усѣвшись въ кожаныя дѣдовскія кресла съ высокой спинкой и съ длинными ушами, онъ снималъ салфетку съ своего прибора и, сладко улыбаясь и предвкушая ожидавшія его наслажденія, торопливо засовывалъ ее за галстукъ. Противъ него обыкновенно садилась Прасковья Павловна, съ праваго боку — дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, а съ лѣваго Семенъ Никифорычъ.

— А что, сегодня будетъ *няня?* — спрашивалъ актеонъ, облизывая губы.

— Будетъ, дружочекъ, будетъ, — отвѣтствовала маменька съ нѣжностью. — Я сама ходила на кухню присмотрѣть, чтобъ хорошенько приготовили ее. Вѣдь я знаю, мой ангелъ, чѣмъ тебѣ угодить...

Няня являлась на столѣ. Актеонъ накладывалъ себѣ полную тарелку *няни* и, опорожнивъ ее, приступалъ къ жареному поросенку.

Удовлетворивъ свой аппетитъ и выкушавъ стаканъ мадеры, Петръ Александрычъ обыкновенно прислонялся къ спинкѣ креселъ и отдыхалъ минутъ съ пять, а иногда и болѣе, смотря по надобностямъ; потомъ онъ обращался къ исполинамъ.

— А что на дворѣ, братцы?

И въ одно время раздавалось нѣсколько басистыхъ голосовъ:

— Сиверко-съ.

— Вызвѣздило.

— Замораживаетъ.

И опять наступила тишина... и актеонъ приступалъ ко второму стакану мадеры.

При окончаніи одного изъ такихъ ужиновъ, не знаю послѣ котораго стакана мадеры, Прасковья Павловна, помѣнявшись сначала взглядами съ Семеномъ Никифорычемъ, обратилась къ сыну.

— Вотъ я, дружочекъ,—начала она,—все хотѣла, да какъ-то позабыла сказать тебѣ... Ты знаешь, мое сердце, что у тебя черезполосное владѣніе по Завидовскому имѣнію съ Семеномъ Никифорычемъ? Еще покойникъ братецъ говаривалъ — я какъ теперь помню (ужъ я, ты знаешь, милый мой, лгать не стану) — что онъ владѣетъ совсѣмъ неправильно пятьюстами десятинами въ Шмелевской дачѣ... эта земля совсѣмъ отдѣльная и по всему слѣдуетъ ей принадлежать Семену Никифорычу. Братецъ хотѣлъ и укрѣиить за нимъ эту землю...

— Точно-съ, — возразилъ Антонъ, стоявшій за стуломъ Петра Александрыча, — объ этомъ нѣсколько разъ и при мнѣ дяденька изволили проговаривать-съ.

— Видишь ли, дружочекъ. И единственно только смерть помѣшала ему это сдѣлать. Ты, Петенька, даромъ, что мой сынъ, я могу сказать, благороднѣйшій человѣкъ, и къ тому же не захочешь тревожить дяденькина праха; ты, — я въ этомъ увѣрена, — не заспоришь объ этой землѣ съ Семеномъ Никифорычемъ, да и онъ вовсе не такой человѣкъ, чтобъ дѣйствовать обманами; ты его знаешь... У васъ есть съ собой планъ?

Прасковья Павловна обратилась къ Семену Никифорычу.

— Пл... планъ у меня въ карманѣ, — сказалъ Семенъ Никифорычъ съ сверкающими глазами.

— И прекрасно! Вотъ вы сами и растолкуете Петенькѣ, какъ и почему этой землей слѣдуетъ владѣть вамъ.

Семенъ Никифорычъ развернулъ передъ Петромъ Александрычемъ трехсаженный планъ и, водя по немъ указательнымъ пальцемъ, началъ объяснять заикаясь свои права.

Актеонъ долго слушалъ, ничего не понимая, и смотрѣлъ на планъ, ничего не видя.

— Да что жъ, — сказалъ онъ, — пожалуй, возьмите себѣ эту землю...

— Ну, вотъ и прекрасно! — воскликнула Прасковья Павловна... — У тебя тамъ, голубчикъ, въ Завидовкѣ столько земли, что ужъ половина такъ брошена, не обрабатывается, рукъ не достаетъ... Поскорѣй бы и купчую сдѣлать...

— Пожалуй, — сказалъ Петръ Александрычъ.

— Т... т... т...акъ вы у... у... уступаете мнѣ эту землю? — спросилъ Семенъ Никифорычъ, вытаращивъ глаза и еще не совсѣмъ вѣря своему счастію.

— Не-уже-ли жъ, — отвѣчала Прасковья Павловна, нѣсколько обидясь, — могли вы сомнѣваться въ благородствѣ моего сына?

— Нѣ...нѣ...нѣтъ. Не... не...знаю, какъ и благодарить васъ... Пе... Пе... Петръ Александрычъ...

— Поздравляю васъ, Семенъ Никифорычъ, съ пріобрѣтеніемъ, — сказала Прасковья Павловна.

— Поздравлять надо шампанскимъ, — замѣтилъ Петръ Александрычъ. — А кстати, я ужъ давно не пилъ шампанскаго... вкусъ въ немъ потерялъ. Выпьемъ-ка, Семенъ Никифорычъ, бутылочку.

— Э... это наше гу... гусарское вино, — произнесъ Семенъ Никифорычъ, — к... какъ не выпить!

На другой день Актеонъ сообщилъ своему управляющему о томъ, что онъ уступилъ 500 десятинъ земли Шмелевской дачи Семену Никифорычу.

— Помилуйте-съ, — сказалъ Назаръ Яковличъ, нахмуривъ брови, — да какъ это можно-съ? У насъ въ Завидовкѣ на 100 душъ останется всего 200 десятинъ... Крестьянамъ-то

умирать съ голода прійдется. Нѣтъ, ужъ воля ваша! Послѣ этого какіе же вы хотите доходы отъ меня требовать?

— Такъ что жъ? не отступиться же мнѣ отъ своего слова! — отвѣчалъ актеонъ. — Я вчера ужъ и бутылку шампанскаго роспилъ по этому случаю съ Семеномъ Никифорычемъ...

— Ахъ, Петръ Александрычъ! Одна деревенька оставалась не заложенная, да и ту вы хотите разорить.

— Вздоръ какой!..

— Нѣтъ-съ, не вздоръ; да и земля-то, уступленная вами, самая лучшая, хлѣбородная...

— Вы мнѣ и безъ того никакихъ доходовъ не дали во все ваше управленіе, да еще, говорятъ, хотите требовать денегъ на прокормъ крестьянъ...

— Такъ что̀ же, сударь, — возразилъ управляющій недовольнымъ голосомъ, — коли хлѣбъ не родится, вѣдь это не моя воля, а Божья...

— Отчего же другіе помѣщики все-таки получаютъ кой-какіе доходы?

— Да ужъ я давно, Петръ Александрычъ, замѣчаю, что я вамъ не нуженъ. Что жъ? я готовъ хоть сейчасъ отойти: я мѣсто себѣ всегда найду.

Прасковья Павловна подслушала этотъ разговоръ и вбѣжала въ комнату съ гнѣвомъ.

— Что жъ, другъ мой, неужели ты послѣ этихъ грубостей станешь держать его у себя? Господи Боже мой! развѣ онъ одинъ только и умѣетъ управлять имѣніями? Вотъ какое сокровище!..

— Не горячитесь, сударыня, — сказалъ управляющій, посмотрѣвъ прямо въ глаза Прасковьѣ Павловнѣ, — я, во-первыхъ, обижать себя никому не позволю, потому что я чиновникъ, а во-вторыхъ... Ну, а во-вторыхъ то... Я такъ и быть промолчу, а ужъ вы сами знаете.

Онъ поклонился Петру Александрычу и вышелъ изъ комнаты.

— Экій грубіянъ! — закричала Прасковья Павловна, притворяя дверь, въ которую вышелъ управляющій. — Отпусти его поскорѣй, другъ мой. Богъ съ нимъ! Онъ только разо-

рялъ крестьянъ... Я знаю за нимъ такія плутни, такія... ну, да я тебѣ все послѣ разскажу. Семенъ Никифорычъ у насъ свой человѣкъ въ домѣ, душевно привязанный къ тебѣ, да онъ съ охотой возьмется управлять твоими имѣніями. — Молчи только, дружочекъ, до времени... Я все это тебѣ устрою самымъ лучшимъ образомъ.

Черезъ двѣ недѣли Назаръ Яковличъ выѣхалъ изъ села Долговки и всѣ счеты и расчеты по своему управленію сдалъ по приказанію актеона Семену Никифорычу. Назаръ Яковличъ давно искалъ только предлога, чтобъ отойти отъ Петра Александрыча. Въ продолженіе своего четырехлѣтняго управленія онъ нажилъ себѣ порядочный капиталецъ и захотѣлъ самъ сдѣлаться помѣщикомъ... Онъ вскорѣ купилъ за 200 верстъ отъ села Долговки 60 душъ съ усадьбой.

Состояніе актеона близилось къ разрушенію. Съ капитала, отданнаго имъ на бумагопрядильную фабрику, онъ еще не получилъ ни гроша. Дмитрій Васильичъ Бобынинъ написалъ къ нему оскорбительное письмо за увольненіе управляющаго и настоятельно требовалъ или немедленной высылки денегъ, которыя Петръ Александрычъ былъ долженъ ему, или немедленной уступки за этотъ долгъ деревни Бекеевки; въ противномъ случаѣ угрожалъ, что начнетъ дѣйствовать по законамъ. А деревня Бекеевка была хотя и небольшая, но лучшая и выгоднѣйшая деревня Петра Александрыча! Чтобъ развязаться съ Дмитріемъ Васильичемъ, онъ долженъ былъ согласиться на уступку ему Бекеевки.

— Знаете, маменька, — говорилъ онъ, — я ужъ отъ Дмитрія Васильича ни за что въ свѣтѣ не ожидалъ такого подлаго поступка.

— Что, мой голубчикъ? — возражала Прасковья Павловна, — моя правда и вышла... Я всегда говорила тебѣ, что Дмитрію Васильичу пальца въ ротъ нельзя класть, что этакаго тонкаго обманщика и вообразить нельзя... Видишь ли, какъ твоя маменька знаетъ людей?..

— Да. Какъ вы ихъ такъ научились разбирать? Это удивительно!

— А сказать ли тебѣ пріятную новость, мое сердце?

— Какую?

— Парамонъ Астафьичъ, засѣдатель нашъ, проситъ руки моей Анеточки; онъ написалъ ко мнѣ премилое письмо по этому случаю.

— Такъ у насъ будетъ скоро свадьба, маменька?

— Надѣюсь, душа моя...

Черезъ нѣсколько времени Петръ Александрычъ, по настоянію Прасковьи Павловны, занялъ 20.000 рублей ассигнаціями у Семена Никифорыча подъ залогъ 40 душъ — и отдалъ эти деньги отъ имени своей матери въ приданое дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Не безпокойся, Петенька,—говорила Прасковья Павловна, — эти двадцать тысячъ я тебѣ отдамъ... Ужъ ты, мое сердце, положись въ этомъ случаѣ на мою совѣсть...

— Хорошо, маменька-съ; а когда же свадьба-то?

— Въ началѣ сентября, другъ мой, непремѣнно.

И вотъ сентябрь приближался... Только еще третью осень встрѣчалъ Петръ Александрычъ въ деревнѣ, а ему казалось, что онъ живетъ въ ней съ самаго младенчества. Иногда, въ годъ разъ или два, мерещились ему петербургскія лица, Невскій проспектъ, Александринскій театръ, офицеры, устрицы... и г-жа Бобынина, и г-жа Горбачева, — эти двѣ жемчужины средняго петербургскаго сословія... Но онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя всѣ эти воспоминанія.

«Да и что такое Невскій проспектъ? — мыслилъ онъ однажды, — совершенный вздоръ... И что эти красавицы? такъ только блестятъ, и больше ничего... Спрашивается: чѣмъ здѣсь хуже? Здѣсь и Агафья Васильевна въ козловыхъ башмакахъ, и Маша, у которой щечки алѣе зари утренней, и Настя... и прочее».

Вдругъ на дворѣ послышался крикъ.

«Что это значитъ?» подумалъ Петръ Александрычъ.

Онъ поднялся съ своего дивана и взглянулъ въ окно. У подъѣзда дома стояли три подводы, и на эти подводы укладывали сундуки съ приданымъ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Мужики и лакеи, стоявшіе у подводъ, во все горло смѣялись, глядя на какого-то мальчика, кото-

раго Антонъ торжественно велъ черезъ дворъ за ухо. Мальчикъ тщетно пытался вырваться отъ Антона и кричалъ.

— Что это, Наумычъ? — спросили въ одинъ голосъ Дормидошка, Ѳомка и Филька. — За что это ты, братъ, его теребишь. Вѣдь это Петька покровскій.

— Не ваше дѣло, — отвѣчалъ Антонъ съ глубочайшею важностію, — будете знать все, скоро состарѣетесь...

«Что это за мальчишка? — подумалъ Петръ Александрычъ: — странно!»

Черезъ полчаса послѣ этого Прасковья Павловна вбѣжала къ своему сыну.

— Ну, Петенька, — вскрикнула она, — приготовься, мой другъ!.. Не на радость я пришла къ тебѣ... да что дѣлать! Супруга твоя забываетъ всѣ приличія, всякую благопристойность... Она... она... ну, какъ бы ты думалъ... ну, вообрази, что можетъ быть хуже... завела переписку съ учителемъ!.. Я молчала, все молчала... да наконецъ ужъ извини... не могу... не могу... Я не говорила тебѣ до сихъ поръ, что она съ нимъ прогуливается въ рощѣ, что ужъ однажды Антонъ подкараулилъ ихъ и, кажется, учителю-то отъ него досталось... Ужъ объ этомъ, батюшка, посторонніе говорятъ, всѣ, всѣ... Я щадила только твое здоровье, потому молчала... и думала, признаюсь, что она очувствуется... Наконецъ надо же положить этому преграду... Переписка!.. Безподобно!

— Гдѣ жъ вы видѣли ея переписку? — спросилъ Петръ Александрычъ, вставъ съ дивана и пройдясь по комнатѣ...

— Гдѣ?.. гдѣ?.. А вотъ гдѣ!

Прасковья Павловна подала сыну съ особенною торжественностью какую-то записочку.

«Мнѣ открывается случай ѣхать въ чужіе края и не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Объ этомъ я получилъ третьяго дня письмо изъ Москвы... Я ѣду; мнѣ должно уѣхать отсюда... Но чувствую, что у меня недостало бы силъ уѣхать, не простясь съ вами. Въ моей горькой жизни есть нѣсколько свѣтлыхъ дней. Этими днями я обязанъ вамъ. Желаніе васъ видѣть въ послѣдній разъ пересилило мою боязнь писать къ вамъ. Простите меня за это... Мысль, что я могу подать по-

водъ этой запиской къ сплетнямъ, которыя составляютъ, кажется, весь интересъ здѣшнихъ жителей, эта мысль мучитъ меня... Съ моимъ посланнымъ напишите мнѣ одно слово въ отвѣтъ, гдѣ и когда я могу васъ видѣть».

Прочитавъ это письмо, Петръ Александрычъ положилъ его въ карманъ.

— Каково покажется?—закричала Прасковья Павловна.— Сплетни! ай-да молодчикъ!.. Пожаловалъ насъ въ сплетницы... О какихъ-то минутахъ, видишь ли, напоминаетъ ей и проситъ, чтобъ она назначила ему рандеву... Прекрасно!

Петръ Александрычъ покачалъ головой.

— Нехорошо; однако, онъ уѣзжаетъ отсюда, маменька...

— И ты вѣришь ему, голубчикъ? Это все обманъ, хитрость! имъ только хочется имѣть свиданіе. Нѣтъ, этого пропустить нельзя... и посланнаго-то надо отвадить отсюда...

— А какъ же эта записка попалась къ вамъ?

— Спасибо Антону. Мальчишка-то посланный видно дуралей; онъ встрѣтилъ Антона, да и спрашиваетъ, какъ видѣть вашу молодую барыню. А тотъ догадался, спрашиваетъ: «Зачѣмъ тебѣ?» «Такъ», говоритъ... Онъ погрозилъ ему; мальчишка-то туда, сюда, да и признался, что у него записка есть къ ней отъ учителя... Антонъ взялъ его за ухо и привелъ ко мнѣ... Впрочемъ, ты съ Ольгой Михайловной самъ какъ хочешь, такъ и дѣлайся. Мой долгъ былъ только обнаружить ея шашни, показать ея неблагодарность къ тебѣ, которому она всѣмъ обязана, а тамъ не мое дѣло. Тебѣ извѣстно, что я всѣ сношенія съ ней прекратила, а ужъ что касается до этого негодяя мальчишки, ихъ любовнаго почтальона, я велю его порядочно проучить.

Мальчикъ точно былъ высѣченъ Антономъ по приказанію Прасковьи Павловны и выпровожденъ за деревню.

Антонъ, донеся ей о точномъ исполненіи ея приказанія, стоялъ въ ея комнатѣ, какъ будто ожидая чего-то.

— Хорошо, Антонъ, спасибо!—сказала Прасковья Павловна.

Антонъ все не двигался съ мѣста.

— Что? тебѣ нужно что-нибудь?

Антонъ поклонился ей въ поясъ.

— Матушка, Прасковья Павловна, — сказалъ онъ:—осмѣлюсь утруждать васъ... Я, кажется, служилъ вамъ вѣрой и правдой, и то-есть, коли доподлинно сказать-то считалъ *васъ* всегда своей барыней... ей Богу... Не оставьте же меня старика... сами изволите знать... Жена, дѣти...

— Что жъ тебѣ, на волю хочется, Антонъ? — спросила Прасковья Павловна.

— И, матушка, какая воля... На что я старикъ пойду теперь на волю, да еще съ этакой обузой, съ женой, съ дѣтьми? Бѣда!.. Только добрыхъ людей насмѣшишь... Да и куда итти мнѣ?.. А вотъ, если бъ ваша милость была (Антонъ почесалъ затылокъ), если бъ вы пожаловали мнѣ, примѣрно, сколько-нибудь рублишекъ. Недавно, матушка, околѣла у насъ дойная, важнѣйшая была, корова, просто всю семью кормила. Заставьте за себя вѣчно Бога молить...

— Хорошо, Антонъ, изволь.

Прасковья Павловна вынула изъ своего ридикюля 10 рублей.

Вотъ, возьми покуда, а послѣ я тебѣ дамъ еще.

Антонъ поклонился и вышелъ.

— Послѣ! — ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, идя по двору.— Вотъ тебѣ и разъ! За все мое усердствіе отблагодарила краснухой. Ужъ видно моя такая доля горемычная! Хоть бы холстинки кусочекъ прибавила. Все бы отраднѣе было. Эхъ, горькая участь!

И Антонъ, махнувъ рукой, отправился въ домикъ, украшенный елкою.

ГЛАВА X.

Въ то самое время, какъ Антонъ явился съ докладомъ къ Прасковьѣ Павловнѣ, Петръ Александрычъ вошелъ въ комнату къ женѣ своей. Эта комната, въ которой онъ давно не былъ, поразила его,—такъ рѣзко отдѣлялась она отъ остальныхъ комнатъ въ его домѣ. Онъ съ страннымъ любопыт-

ствомъ смотрѣлъ на все: и на рояль, на которомъ лежала груда нотъ, и на столы, на которыхъ разбросаны были книги, и на письменный столъ ея, на которомъ стоялъ портретъ ея матери.

Ольга Михайловна сидѣла на диванѣ, закутавшись въ шаль и прислонивъ голову къ спинкѣ дивана. Она вздрогнула при скрипѣ отворившейся двери и съ изумленіемъ посмотрѣла на мужа.

Онъ поклонился ей, нахмурилъ брови и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Онъ явно хотѣлъ говорить, потому что губы его зашевелились; но слова не сходили съ языка... Онъ еще немного прошелся по комнатѣ, остановился, посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Вы очень похудѣли.

— Можетъ быть, — отвѣчала она.

— Вы больны?

— Нѣтъ, я здорова...

Петръ Александрычъ замолчалъ, открылъ одну изъ книгъ, перевернулъ страницу и потомъ кашлянулъ.

— А мнѣ нужно объясниться съ вами.

— Что вамъ угодно?

— Вотъ видите ли, я ничего вамъ не говорилъ до сихъ поръ, а мнѣ все извѣстно... По цѣлой губерніи ходятъ объ этомъ слухи. Я не хочу, чтобъ вы имѣли какія-нибудь сношенія съ этимъ учителемъ... Этого и приличіе не позволяетъ... и мое имя тутъ страдаетъ... Ужъ, можетъ, и губернаторъ, и губернаторша объ этомъ знаютъ... сами посудите, хорошо ли это?.. Я вѣдь вашъ мужъ... вѣдь на меня пальцами будутъ показывать... Ну, если губернаторъ станетъ надо мной смѣяться, что вы тогда скажете?

Ольга Михайловна грустно посмотрѣла на мужа и ничего не отвѣчала.

— И переписку завести, — продолжалъ Петръ Александрычъ: — да вѣдь это что же такое наконецъ?

— Какую переписку?

Она подняла голову.

— А вотъ... — Онъ вынулъ изъ кармана записку учителя.

— Онъ къ вамъ пишетъ записки... Вѣдь у васъ еще, кажется, мужъ не умеръ, живой передъ вами.

Ольга Михайловна вскочила съ дивана.

— Кто ко мнѣ пишетъ? Какая записка? Покажите.

— Извольте...

Она схватила записку дрожащей рукой и пробѣжала ее. Лицо ея вспыхнуло отъ негодованія.

— И вы перехватили эту записку и распечатали ее?

— Нѣтъ-съ, не я, а маменька.

— Что же вамъ угодно еще отъ меня?

— Больше ничего, какъ только высказать вамъ это... Я надѣюсь, что вы отвѣчать ему не будете.

— Нѣтъ, буду, — сказала она, смотря ему прямо въ глаза.

— Какъ?.. На что же это похоже? Что вы будете отвѣчать?

— То, что я хочу проститься съ нимъ, видѣть его въ послѣдній разъ.

— И вы мнѣ, вашему мужу, въ глаза признаетесь, что любите другого?

— Да, я люблю его, люблю, — повторила она спокойнымъ и твердымъ голосомъ, — только не такъ, какъ думаете вы и ваша маменька. Я увижусь и прощусь съ нимъ, хотя бы послѣ этого и клеветы, и оскорбленія, и презрѣніе всей вашей губерніи обрушились надо мною и подавили меня...

Петръ Александрычъ посмотрѣлъ на жену и подумалъ: «да она помѣшалась!»

Въ эту минуту вошла горничная.

— Нянюшка, — сказала она, — проситъ васъ къ себѣ, сударыня; ей сдѣлалось очень худо.

Ольга Михайловна вышла изъ комнаты, оставивъ своего супруга въ страшномъ раздумьѣ.

— Просто, — ворчалъ онъ сквозь зубы, — помѣшалась!..

Старуха-няня была уже больна недѣли двѣ, и въ продолженіе всей ея болѣзни Ольга Михайловна почти не отходила отъ ея постели.

— Что же нейдетъ моя голубушка-то Ольга Михайловна? Послали ль за ней? — повторяла больная.

Ольга Михайловна неслышными шагами подошла къ ней.

— Что съ тобой, няня? Тебѣ хуже?

— Ахъ, это ты, моя кормилица... Дай мнѣ твою ручку... Плохо, матушка, плохо... Кажется, мой послѣдній часъ пришелъ... Да и то сказать, зажилась, родимая; пора домой... Пошли, кормилица, за священникомъ, да вели привести ко мнѣ, матушка, Сашеньку-то... Послѣдній разъ посмотрѣть на него...

Дитя было приведено; вскорѣ за нимъ явился и Петръ Александрычъ.

— Спасибо тебѣ, кормилецъ, — сказала ему старуха, — что не забылъ меня...

Черезъ минуту она обратилась къ Ольгѣ Михайловнѣ.

— Послушай, матушка... ты здѣсь... Наклонись ко мнѣ... Не препоручай ничего, родимая, Антону, — шептала она, — сохрани тебя Богъ... и никому изъ дворни... кромѣ Петра... А гдѣ же мой Сашенька-то?..

— Вотъ онъ, няня.

Ольга Михайловна приподняла своего сына и посадила на кровать къ больной.

— Голубчикъ мой, милое мое дитятко... — говорила старуха, смотря на него.

— Благослови его, благослови, няня! — сказала Ольга Михайловна голосомъ, задушаемымъ слезами.

Старуха просила, чтобы ее приподняли. Въ комнатѣ было, какъ въ сумеркахъ. Сѣроватый осенній день едва проходилъ сквозь окно въ комнату умиравшей, и только слабый свѣтъ лампады, теплившейся передъ двумя образами, стоявшими у ея изголовья, освѣщалъ ея морщинистое лицо, исхудавшее отъ болѣзни.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! — сказала старуха, осѣняя дитя своей дрожащей рукой: — будь счастливъ, расти, голубчикъ, отцу и матери на утѣшеніе.

Няня поцѣловала его и заплакала.

И у Петра Александрыча показались на глазахъ слезы.

Священникъ пришелъ и причастилъ умирающую. Послѣ

причастія старуха улыбнулась и какъ будто съ большею живостью посмотрѣла на всѣхъ.

— Поздравьте же меня, — сказала она, — Господь сподобилъ меня грѣшную причаститься святыхъ таинъ.

Она нѣсколько минутъ отдохнула и потомъ начала говорить, безпрестанно останавливаясь и совсѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— У меня подъ кроватью два сундучка стоятъ да двѣ скриночки... Тамъ вещи, которыя я собирала, берегла... разныя вещи... Родныхъ у меня никого нѣтъ... я была одна, какъ перстъ... Это, матушка, Ольга Михайловна, я тебѣ оставляю... Слышишь?

— Слышу, няня... Благодарю тебя.

— Петенька! подойди же ко мнѣ...

Петръ Александрычъ подошелъ къ нянѣ.

Она собрала всѣ свои силы, крѣпко ухватила его за голову и начала цѣловать.

— Исполни просьбу твоей старухи, батюшка, послѣднюю просьбу... береги жену свою... береги ее, Петенька... Не давай ее никому въ обиду, кормилецъ... У нея нѣтъ здѣсь ни отца, ни матери... Она на чужой сторонѣ... Она добрая, она все за твоей больной няней ходила... А гдѣ ты? ты здѣсь, моя кормилица... Дай, я тебя перекрещу, — сказала няня Ольгѣ Михайловнѣ. — Прощайте всѣ, добрые люди... А гдѣ же Прасковья Павловна?..

Голосъ старухи постепенно замиралъ; она прошептала еще нѣсколько невнятныхъ словъ, раза два простонала и стихла.

Когда Ольга Михайловна вышла изъ комнаты няни, въ сѣняхъ навстрѣчу ей попалась Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Что наша старушка? — спросила послѣдняя съ участіемъ.

— Она скончалась, — отвѣчала Ольга Михайловна.

— Неужели?..

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей поднесла платокъ къ глазамъ.

— А намъ даже и не дали знать, что она въ такомъ трудномъ положеніи! — сказала Прасковья Павловна, искоса посматривая на свою невѣстку, — да и зачѣмъ? мы ходить съ Анеточкой за больными не умѣемъ, гдѣ же намъ? Мы добродѣтельными прикидываться также не можемъ. Въ притворствѣ уроковъ не брали... Учителей у насъ знакомыхъ нѣтъ; наставленій давать намъ некому...

Прасковья Павловна выходила изъ себя. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей посмотрѣла выразительно на свою благодѣтельницу и едва замѣтно покачала головой.

— Пойдемте, дружочекъ, Анеточка, простимся съ покойницей... дай ей Богъ вѣчную память! — Прасковья Павловна перекрестилась.

— Не забудьте же, душенька, Анеточка, вписать въ моемъ поминаньи рабу Божію Ѳедосью...

ГЛАВА XI.

Андрей Петровичъ, узнавъ, что его мальчикъ, посланный учителемъ въ село Долговку, былъ наказанъ, пришелъ въ ужасную ярость.

— На моего человѣка осмѣлиться руку поднять! — кричалъ онъ, ходя по комнатѣ и обращаясь къ одному изъ гостившихъ у него помѣщиковъ, — хорошо же! это не пропадетъ даромъ... Нѣтъ, любезный сосѣдушка, извините... Ну, ужъ этотъ Петръ Александрычъ, сущая баба, признаюсь... Этого я отъ него не ожидалъ. Какъ позволить себя опутать до такой степени!.. «Мать!» говоритъ... Имѣй онъ уваженіе къ матери — противъ этого ни слова, да на что же у человѣка царь-то въ головѣ? какъ же не жить своимъ умомъ?.. Притѣснили эту бѣдную Ольгу Михайловну такъ, что ни на что не похоже... выводятъ сплетни по цѣлой губерніи, разславили ее на всѣхъ перекресткахъ... да и меня вмѣшали въ эту исторію... А учитель мой человѣкъ отличный, тихій, благородный... я бы съ нимъ цѣлый вѣкъ не разстался... Ну, да

ужъ зато какой же я аттестатъ ему дамъ, чортъ возьми!.. въ золотую рамку можетъ повѣсить просто!.. Вишь, злоба какая! Осмѣлиться наказать чужого человѣка!.. Погоди, вотъ я всѣ ихъ ухищренія обнаружу; я заставлю замолчать цѣлую губернію! Да, я таковъ... со мной не шути.

Андрей Петровичъ, который въ продолженіе всей своей жизни бралъ только перо для того, чтобъ подписывать свое имя, схватилъ листъ почтовой бумаги и въ одинъ присѣстъ написалъ къ Петру Александрычу слѣдующее:

«Милостивый Государь мой после такихъ поступковъ съ вашей стороны каковъ былъ последній поступокъ съ моимъ человекомъ, который принесъ письмо отъ учителя къ вашей супруги, я не вхожу въ разсмотреніе по приказанію Вашему или вашей Матушки сдѣлано то, а имею только честь объявить вамъ, что буде хто изъ вашихъ крестьянъ либо дворовыхъ после сего покажется въ моей деревни покровкѣ новоселовкѣ тожъ то не применетъ съ нимъ последовать такоеже наказаніе коему у васъ подвѣргся мой человѣкъ — За симъ имею честь быть вашъ слуга Андрей Боровиковъ».

Письмо это не произвело сильнаго дѣйствія на Петра Александрыча; онъ даже жалѣлъ втайнѣ о нечаянной враждѣ своей съ Андреемъ Петровичемъ; зато оно чрезвычайно раздражило Прасковью Павловну.

— Ахъ онъ безсовѣстная душа! низкій человѣкъ! — восклицала она. — Ужъ не даромъ у меня всегда на сердцѣ было что-то противъ него!.. Правда, говорятъ, что все къ лучшему, теперь я вѣрю этому... Ну, если бы я выдала Анеточку за него, вѣдь онъ погубилъ бы ее, совсѣмъ погубилъ!.. У кого же намъ теперь взять музыкантовъ для сговору и для свадьбы?.. Вотъ бѣда!..

Сговоръ и свадьба должны были совершиться въ губернскомъ городѣ, гдѣ пламенный женихъ нетерпѣливо ожидалъ избранницу своего сердца. Прасковья Павловна цѣлые дни проводила въ сборахъ и приготовленіяхъ къ 26-му сентября: этотъ день назначался для выѣзда изъ села Долговки. Петръ Александрычъ приглашенъ былъ посаженнымъ отцомъ, а Ѳекла Ниловна посаженною матерью со стороны невѣсты.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей съ тѣхъ поръ, какъ торжественно была объявлена невѣстой, находилась въ меланхолическомъ состояніи. Она безпрестанно вздыхала. Ее нѣсколько тревожило, что жениха ея зовутъ Парамономъ, но зато это окончательно утвердило ея вѣру въ святочныя гаданья. Имя Парамона, какъ извѣстно читателю, впервые услышала она полтора года передъ симъ, въ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ, когда робко и трепетно выбѣгала на улицу вопрошать судьбу о своей участи.

26-го сентября, утромъ, передъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ деревни невѣста пришла къ Ольгѣ Михайловнѣ.

— Ма-шеръ, Ольга Михайловна, — сказала она, — я должна проститься съ вами и поблагодарить васъ за вниманіе ваше ко мнѣ въ продолженіе всего времени, которое я жила здѣсь. Меня только убиваетъ мысль, что болѣзнь мѣшаетъ вамъ осчастливить своимъ присутствіемъ мою свадьбу.

Произнеся это, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей скромно потупила глаза.

— Вы не сердитесь на меня, душенька? — спросила она послѣ минутнаго молчанія, взглянувъ съ чувствомъ на Ольгу Михайловну.

— За что же?

— Вы могли думать, что я была отчасти причиною непріятностей, которыя послѣднее время терпѣли вы отъ Прасковьи Павловны, а я, клянусь вамъ, всегда еще удерживала ее сколько могла, хвалила ей васъ...

— Очень вамъ благодарна.

— Мнѣ всегда такъ жалко было на васъ смотрѣть; я всегда самое искреннее участіе принимала въ васъ... Позвольте мнѣ быть увѣренной, что мы разстаемся съ вами безъ всякихъ непріятностей.

— Совершенно. Желаю вамъ всякаго счастья.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей поцѣловала Ольгу Михайловну и заплакала.

Все было готово къ отъѣзду. Прасковья Павловна, Семенъ Никифорычъ, Петръ Александрычъ и невѣста, въ салопахъ и шинеляхъ, присѣли минуты на двѣ, какъ это обыкновенно

водится, потомъ помолились; потомъ Прасковья Павловна начала рыдать и благословлять свою Анеточку; потомъ всѣ пошли къ каретѣ, гдѣ ожидали ихъ мрачный Антонъ и вѣчно цвѣтущая Агаѳья.

Въ эту самую минуту Илья Иванычъ, пріѣхавшій въ тележечкѣ на одной лошадкѣ, подбѣжалъ къ отъѣзжающимъ.

— Ахъ, Илья Иванычъ! — закричалъ актеонъ.

— Эге! Илья Иванычъ, — произнесъ Семенъ Никифорычъ.

— Илья Иванычъ! Илья Иванычъ! — пропищала Прасковья Павловна съ Анеточкой.

— Мое почтеніе-съ. А я привезъ вамъ новость-съ. Село Козмо-Демьянское, графа Воротынцева, продано совсѣмъ, съ померанцевыми деревьями-съ, съ фабрикой, съ домомъ и со всѣми угодьями за мильонъ двѣсти тысячъ-съ.

— Кому? кому? — закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Дмитрію Васильичу Бобынину.

— Вздоръ! — вскрикнула Прасковья Павловна, обомлѣвъ.

— Ей Богу-съ. Ужъ и купчая, говорятъ, совершена-съ... Да въ городѣ вы все сами узнаете.

Прасковья Павловна бросила значительный взглядъ на сына.

— А вы куда-съ ѣдете? — спросилъ Илья Ивановичъ.

— Ахъ, батюшка, да развѣ ты не знаешь? Везу отдавать замужъ Анеточку.

— Поѣдемте-ка съ нами, — сказалъ актеонъ, — какъ будетъ весело, какіе будутъ обѣды, ужины!.. — Онъ подумалъ: «Ай да Дмитрій Васильичъ! Какъ-то я выручу отъ него деньги, отданныя на филатуру?»

— Вы, Илья Иванычъ, сядете тамъ сзади, въ тарантасѣ, съ Настей и съ Машей, — замѣтила Прасковья Павловна.

— Какъ же, я женѣ и дѣтямъ ничего не сказалъ-съ! Развѣ съ моимъ мужичкомъ послать ихъ увѣдомить, что я дескать съ вами въ городъ поѣхалъ?

— И прекрасно. Такъ рѣшились?

— Рѣшился-съ.

На свадьбѣ будемъ мы отлично пировать
И молодымъ всѣхъ благъ и счастія желать.

Проговоривъ это двустишіе, Илья Иванычъ бросился къ своей телѣжкѣ, вынулъ изъ нея свой чемоданчикъ, отдалъ приказъ своему мужичку и расположился въ тарантасѣ.

Въ карету сѣла, кромѣ четырехъ господъ, Агаѳья Васильевна. Антонъ взгромоздился на козлы. Гришка сталъ на запятки. Карета двинулась, и за нею два тарантаса, нагруженные перинами, подушками и дѣвками.

Въ этотъ же вечеръ Ольга Михайловна написала къ учителю:

«Завтра утромъ я ожидаю васъ къ себѣ. Вы никого не встрѣтите. Я одна, всѣ уѣхали въ городъ».

Но съ кѣмъ послать эту записку?

Ольга Михайловна задумалась; вдругъ ей пришло на память, что умирающая няня говорила о Петрѣ. Этотъ Петръ находился подъ опалой у Прасковьи Павловны и рѣдко приходилъ въ комнаты. Ольга Михайловна велѣла позвать его къ себѣ. Онъ явился.

— Возьмешься ли ты доставить эту записку учителю, который живетъ у Андрея Петровича? — спросила она.

— Почему же нѣтъ-съ? Да лучше всего, сударыня, отдать ее покровскому крестьянину, который здѣсь проѣздомъ, у нашего мужичка, Ермолая.

— И онъ доставитъ ее?

— Какъ же-съ, непремѣнно; наказать только ему строже.

— Такъ возьми же эту записку и попроси его, чтобъ онъ доставилъ ее сегодня же, если можетъ.

— Слушаю-съ. — Петръ ушелъ.

На слѣдующее утро она встала рано и вышла въ садъ. Погода была пасмурная; сѣрыя тучи кругомъ обложили небо. Рѣзкій вѣтеръ, поднявшійся съ поля, со стономъ качалъ полуобнаженныя деревья; желтые листья грудами лежали на землѣ, утки лѣниво ныряли въ прудѣ; на полусгнившемъ и почернѣломъ заборѣ висѣло бѣлье; по крышкѣ разваливающагося дома лѣпился мохъ; ставни у многихъ оконъ сорвались съ петель и качались со скрипомъ...

Она возвратилась въ свою комнату и сѣла, въ тревожномъ ожиданіи, у окна, прислушиваясь къ однообразному стуку и

шипѣнью старинныхъ стѣнныхъ часовъ. Сердце ея ныло и замирало отъ грусти. На ней было бѣлое платье, такое же, какъ въ тотъ день, когда она увидѣла его въ первый разъ. Осунувшееся лицо ея было покрыто яркимъ румянцемъ: глаза блестѣли; грудь подымалась тяжело и неровно.

Вдругъ раздались чьи-то шаги въ тишинѣ. Кто-то всходилъ на лѣстницу. Она начала слушать.

— Это онъ! — прошептала она и пошла къ нему навстрѣчу.

— Я издалека узнала ваши шаги, — сказала она улыбаясь и протягивая ему руку. — Видите ли, какъ старые друзья ваши помнятъ васъ?

Она сѣла на диванъ и указала ему мѣсто возлѣ себя.

— Я думалъ, что ужъ болѣе не увижусь съ вами.

— О, нѣтъ, нѣтъ! вы не должны были уѣзжать, не простясь со мною... А вы скоро ѣдете? — спросила она немного измѣнившимся голосомъ...

— Черезъ два дня, — отвѣчалъ онъ.

— Черезъ два дня! — повторила она задумываясь. — Наконецъ ваше всегдашнее желаніе исполняется...

— И странно! въ эту минуту, — сказалъ онъ, — я счелъ бы величайшимъ счастьемъ, если бъ мнѣ навсегда можно было остаться здѣсь...

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Куда же вы ѣдете? — спросила она.

— Въ Италію.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! вамъ будетъ лучше тамъ... Я рада за васъ. — Она опять задумалась. — И я когда-то думала быть въ Италіи... только это очень давно...

Она улыбнулась.

— И я вижу васъ въ послѣдній разъ! — произнесъ онъ голосомъ, вырвавшимся изъ глубины болящей души.

— Въ послѣдній!

На глазахъ ея показались слезы...

— Да... я теперь начинаю вспоминать... вы когда-то желали услышать отъ меня еще разъ — Шуберта.... Теперь я могу исполнить ваше желаніе. — Она сѣла къ роялю и съ

минуту какъ будто припоминала что-то... Легкій, едва замѣтный трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу... руки прикоснулись къ клавишамъ, и раздались печально-медленные аккорды «Странника» *).

Она пѣла:

...«Тихо и грустно странствую я по жизненному пути, и вздохи безпрестанно спрашиваютъ: гдѣ же, гдѣ?

«Здѣсь солнце свѣтитъ на меня такъ холодно... цвѣтъ жизни моей вянетъ, рѣчи *ихъ*—для меня звуки пустые...

«О, гдѣ же ты, гдѣ ты, моя возлюбленная страна, такъ мной любимая, предчувствуемая и никогда мной незнаемая? Страна, столь полная надежды, — страна, гдѣ цвѣтутъ мои розы, гдѣ живутъ друзья мои, гдѣ возстаютъ мои мертвые,—страна, гдѣ говорятъ моимъ языкомъ, — о, гдѣ же ты, гдѣ ты?

«Тихо и грустно странствую я по жизненному пути, и вздохи безпрестанно спрашиваютъ—гдѣ она, гдѣ она?

«Мнѣ слышится, словно въ дуновеніи вѣтра прозвучалъ таинственный голосъ: тамъ, гдѣ нѣтъ тебя,—тамъ твое счастіе...»

Она смолкла, голова ея болѣзненно склонилась къ груди... Это была ея лебединая пѣснь. Онъ смотрѣлъ на нее, и по блѣдному лицу его ручьями лились слезы...

Отдохнувъ, она долго еще разговаривала съ нимъ о своей жизни въ Москвѣ, о чужихъ краяхъ... Наконецъ онъ всталъ со стула и взялся за шляпу.

— Вы ужъ идете?—сказала она, сжимая его руку.—Прощайте; да благословитъ васъ Богъ!.. Благодарю васъ... за все... Вамъ я обязана лучшими минутам имоей жизни...—Она едва могла договорить послѣднее слово; силы оставили се, и голова ея упала къ нему на грудь.

Минуты двѣ она была въ какомъ-то забытьи; вдругъ приподняла голову, отвела отъ глазъ свои волосы и смотрѣла на него долго и пристально, будто стараясь еще болѣе напечатлѣть въ своей памяти черты его.

— Прощайте!—повторила она,—если когда-нибудь слу-

---

*) Der Wanderer.

чится вамъ быть въ этихъ мѣстахъ, зайдите на мою могилу...

Она улыбнулась.

Онъ ничего не могъ говорить: слезы задушили его, онъ только жадно прильнулъ къ ея рукамъ въ упоеніи отчаянія...

Она проводила его до другой комнаты... потому что силы не позволяли ей итти далѣе, и сѣла у окна, которое выходило на улицу.

Онъ давно скрылся, но она все еще сидѣла у окна...

У Полицейскаго моста, часу въ 3-мъ утра, офицеръ съ серебряными эполетами и съ чернымъ султаномъ остановилъ офицера съ золотыми эполетами и съ бѣлымъ султаномъ.

— Бон-журъ, мон-шеръ, — кричалъ офицеръ съ чернымъ султаномъ, хватая почти насильно за руку офицера съ бѣлымъ султаномъ;—куда идешь? что ты сегодня дѣлаешь? отчего такъ блѣденъ?—Слышалъ новости, мон-шеръ?

— Какія?

— Сюда двѣ француженки пріѣхали, прехорошенькія, прямо изъ Парижа; я за одной изъ нихъ волочусь... она подарила мнѣ колечко съ изумрудомъ... я тебѣ послѣ покажу... Какъ она мило говоритъ: «Je vous adore!», ты не повѣришь... А, кстати, ты вѣдь зналъ Петра Александрыча Разнатовскаго... Пьеръ, такой славный ма̀лый? Я у него шаферомъ на свадьбѣ былъ. Мы еще вмѣстѣ съ нимъ кутили... я у него 100 т. выигралъ послѣдній разъ, какъ ѣздилъ къ себѣ въ деревню, знаешь?..

— Да какъ, братецъ, не знать... Ну, что же?

— И помнишь его жену, мон-шеръ? Она къ Горбачевымъ ѣздила, шармантъ персонь была!.. Она всегда такіе длинные черные локоны носила и славно вальсировала...

— Да, знаю, братецъ, что же дальше?

— Умерла съ годъ назадъ тому... я только недавно узналъ объ этомъ, мон-шеръ.

— Такъ по-твоему это тоже новость?

— Еще бы! вѣдь ты не зналъ этого! А Петръ Александрычъ, говорятъ, недавно женился, и знаешь на комъ?— трудно повѣрить... На своей горничной Агашкѣ... Мнѣ пишутъ объ этомъ изъ тѣхъ мѣстъ, мон-шеръ, гдѣ его деревня,—ей Богу!

— Неужели?..

— У него, говорятъ, всего осталось пятьдесятъ душъ. Дмитрій Васильичъ Бобынинъ чудно обработалъ его! А мы сегодня, мон-шеръ, кутимъ напропалую съ Костей и съ Петрушей. У Дюме особый обѣдъ заказали по 15 руб. съ персоны безъ вина... У него новый чудесный поваръ... О-плезиръ, мон-шеръ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

> **Я самъ по примѣру твоему, душа Тряпичкинъ, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться.**
>
> (*Ревизоръ.*)

ГЛАВА I.

Исторія дѣтства будущаго фельетониста — исторія дѣтства многихъ изъ среднихъ дворянъ. Попечительные и нѣжные родители, какъ водится, пичкаютъ въ него булки и пряники съ утра до ночи. Аппетитъ у дитяти изрядный, потому что онъ цѣлый день въ движеніи, цѣлый день бѣгаетъ по двору да гоняетъ кнутомъ дворовыхъ мальчишекъ, огрызаясь съ бабами и лакеями. Между тѣмъ, онъ кое-чему учится—и даже зубритъ (употребляя школьное выраженіе) французскіе вокабулы. Лѣтъ въ 12 онъ уже достаточно вытянулся. Попечительные и нѣжные родители (у которыхъ отъ 200 осталось только 45 заложенныхъ и перезаложенныхъ душъ) находятъ неприличнымъ держать его долѣе дома и отсылаютъ въ Москву въ пансіонъ. Въ пансіонѣ его учатъ всему понемножку и ничему не выучиваютъ; однако лѣтъ въ 15 онъ переводилъ съ французскаго на русскій довольно сносно и начинаетъ чувствовать страстишку къ чтенію. На школьной лавкѣ, потихоньку отъ гувернеровъ и учителей, перечитываетъ онъ всѣ романы

(въ переводахъ) отъ г-жъ Котенъ и Жанлисъ до Вальтеръ-Скотта включительно.

Эти романы возбуждаютъ въ немъ неопредѣленное и тревожное желаніе самому сдѣлаться сочинителемъ.

Учитель словесности — педантъ-семинаристъ — своими похвалами еще болѣе раздражаетъ въ немъ это желаніе. И герой мой, въ свободные отъ лекцій часы, сидитъ въ углу классной комнаты и тамъ на лоскуткахъ бумаги все пишетъ и написанное тщательно прячетъ отъ всѣхъ.

Однажды, когда онъ сидитъ надъ лоскуткомъ, грызетъ перо, качаетъ головой и бормочетъ что-то сквозь зубы, одинъ изъ его товарищей ловко подкрадывается къ нему и уноситъ его завѣтный лоскутокъ со стишками... Будущій фельетонистъ вскрикиваетъ отъ испуга, съ ожесточеніемъ бросается на товарища; но тотъ однимъ толчкомъ обезоруживаетъ безсильнаго поэта и убѣгаетъ отъ него съ своимъ пріобрѣтеніемъ... Черезъ двѣ минуты весь пансіонъ окружаетъ сочинителя. «У! у! сочинитель! сочинитель!»—кричатъ мальчишки, дразня его языкомъ, смѣясь и прыгая около него. Съ тѣхъ поръ ему не даютъ покоя; но, несмотря на преслѣдованіе товарищей, охота писать не оставляетъ его. Онъ постоянно пачкаетъ бумагу или читаетъ разрозненные томы русскихъ журналовъ.

Наконецъ, ожесточеніе противъ него товарищей мало-помалу прекращается: они, смѣясь надъ нимъ, не шутя пріучаются къ мысли, что онъ сочинитель. И бѣдняжка (ему почти 17 лѣтъ) нѣсколько ободряется: онъ въ подражаніе тѣмъ журналамъ, которые читалъ, хочетъ и самъ издавать журналъ для своего класса. Онъ покупаетъ для будущаго журнала прекрасную тетрадку, двѣ недѣли расписываетъ заглавный листъ, двѣ недѣли разрисовываетъ виньетку. Когда же и заглавный листъ и виньетка окончены, онъ начинаетъ думать о содержаніи своего журнала, пишетъ для него и стишки, и повѣсти, и критики... Стишки и повѣсти немного затрудняютъ его. «Подбирать риѳмы не легко, выдумывать сюжетцы для повѣстей также трудновато»—думаетъ онъ: «критика легче, а можетъ быть она мое истинное призваніе»

(эту фразу онъ, плутъ, вычиталъ въ журналѣ). Критика?.. Что если я буду когда-нибудь настоящимъ сочинителемъ? Кажется, можно сойти съ ума отъ радости, видя въ печати свои сочиненія!..» И, отдаваясь этимъ соблазнительнымъ мечтамъ, онъ—тихій и скромный мальчикъ—аккуратно и красиво переписываетъ свои сочиненія въ тетрадку. Проходятъ два мѣсяца: вся тетрадка исписана, журналъ готовъ, онъ уже переходитъ изъ рукъ въ руки. Страшная минута для издателя!.. У него замираетъ духъ..

Чѣмъ-то рѣшится его участь?.. Но надъ нимъ уже не смѣются, его читаютъ, его даже немножко похваливаютъ... Весело быть сочинителемъ!

Скоро затворническая жизнь его кончится; изъ мальчика онъ дѣлается молодымъ человѣкомъ и держитъ экзаменъ въ университетъ.

Онъ уже студентъ! Онъ вмѣсто отложныхъ воротничковъ носитъ галстукъ; онъ безъ провожатаго ходитъ по московскимъ улицамъ и бульварамъ; онъ послѣ лекцій забѣгаетъ въ лавку Пера съѣсть пирожокъ. Перспектива жизни открывается передъ нимъ: сколько соблазновъ! Театръ, слоеные пирожки, хорошенькія дѣвушки, вино и журнальныя статейки...

Молодой человѣкъ, помаленьку пользуясь жизнію, переходитъ во второй курсъ; физіономія его принимаетъ болѣе серьезное выраженіе. Онъ надѣваетъ очки, зѣваетъ на лекціяхъ, робко поглядываетъ подъ шляпки, насвистываетъ водевильные куплетцы и грезитъ о будущей литературной славѣ своей, переводя между тѣмъ, для собственнаго удовольствія, разныя мелкія повѣсти и стишки изъ французскихъ журналовъ.

Очки придаютъ ему нѣкоторую важность и рождаютъ въ немъ маленькую самонадѣянность... «А почему же мнѣ не попытаться»,—говоритъ онъ самому себѣ, поправляя очки,—«почему не попытаться отослать хоть одинъ изъ моихъ переводовъ въ журналъ. Очень вѣроятно, что и напечатаютъ... слогъ, кажется, не дуренъ... Право, отошлю!»

Письмо и статьи отосланы. Съ этой минуты болѣзнь ожи-

данія овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ... Передъ выходомъ книжки журнала онъ начинаетъ чувствовать лихорадку и біеніе сердца. Книжка вышла... Толкая и сбивая съ ногъ всѣхъ встрѣчавшихся, бѣжитъ онъ въ книжную лавку. Его узнать нельзя: онъ безъ очковъ, потъ льется ручьями по лицу его, онъ тяжело переводитъ дыханіе и, заикаясь, едва можетъ сказать сидѣльцу книжной лавки:

«Дайте мнѣ, пожалуйста... посмотрѣть... послѣдній нумеръ...»

Съ жадностію схватываетъ онъ поданную ему книжку, боязливо переворачиваетъ листъ за листомъ; руки его дрожатъ... о Боже!.. Онъ не вѣритъ глазамъ своимъ... напечатанъ, переводъ его напечатанъ!.. Онъ прочитываетъ его отъ начала до конца, потомъ отъ конца до начала.... И поправокъ не такъ много!.. Онъ любуется печатными буквами и не налюбуется. Съ трудомъ отрывается онъ отъ книжки—и возвращается домой съ неописаннымъ восторгомъ, напѣвая водевильный куплетецъ.

Участь его рѣшена окончательно. Онъ уже считаетъ себя литераторомъ и говоритъ одному офицеру, своему родственнику, пріѣхавшему въ отпускъ въ Москву изъ Харькова:

— Я, душа моя, заваленъ переводами, я вѣдь главный сотрудникъ въ журналѣ NN».

— Браво!—замѣчаетъ офицеръ, крутя усъ и прищелкивая языкомъ,—прямо въ Пушкины лѣзешь!

Студентъ не можетъ скрыть пріятной улыбки, крѣпко жметъ руку офицера и бѣжитъ къ журналисту, чтобъ начать поскорѣе пожинать литературные лавры. Журналистъ принимаетъ его съ сухою важностью, но когда молодой человѣкъ съ трепетомъ объявляетъ, что готовъ безденежно и постоянно трудиться въ его журналѣ—строгое и мудрое чело журналиста проясняется.

«Безденежно! — думаетъ журналистъ, — а, это дѣло другое!.. Этотъ молодой человѣкъ очень порядочный, по всему видно, я очень люблю этакихъ горяченькихъ новичковъ! Къ тому же переводитъ онъ такъ себѣ—ничего. Мы имъ воспользуемся...» Журналистъ мысленно прогоняетъ уже отъ себя

своего сотрудника, который бралъ съ него по 20 руб. за переводный листъ—и, обращаясь къ моему герою, съ улыбкою произноситъ:

— Не хотите ли трубочки, почтеннѣйшій? а? Я почитаю корректуру, пріищу вамъ кое-какую работу, а вы посидите покуда да покурите...

О счастіе!.. Благоговѣйно осматриваетъ молодой человѣкъ комнатку, въ которую, по его мнѣнію, допускаются только свѣтила ума, избраннѣйшіе изъ избранныхъ... Груды рукописей, книгъ, газетъ и журналовъ французскихъ и нѣмецкихъ разбросаны ио столамъ, пыльные и въ безпорядкѣ; корректуры валяются по полу. (Въ то время журналисты еще не украшали себя цвѣтами и мебелью Гамбса). Что-то таинственное и заманчивое для героя моего въ этой довольно грязной комнаткѣ журналиста. И властелинъ этой комнатки, онъ, этотъ великій человѣкъ, для котораго не существуетъ никакихъ литературныхъ тайнъ,—онъ, владѣтель этихъ бумажныхъ и пыльныхъ сокровищъ, могучій раздаватель славы и безсмертія, грозный и неумолимый судія,—сидитъ передъ нимъ, передъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ студентомъ, и ставитъ чародѣйственныя каракульки всесильнымъ перомъ своимъ на грязныхъ корректурныхъ листахъ... Дивныя минуты! Студентъ мой готовъ для этого великаго человѣка трудиться не только безденежно, онъ былъ бы радъ отдать ему собственныя деньги, если бъ онѣ у него были, за лестное позволеніе участвовать въ его журналѣ... Бѣдный фельетонистъ,—въ сію минуту жалкое орудіе презрѣнной воли своего барина, какого-нибудь торгаша-газетчика или журналиста, комокъ грязи въ предательской рукѣ его! Ты, можетъ быть, забылъ эти дни своей невинности, безкорыстныя мечты своей свѣтлой юности!..

Но къ чему отступленія?

Герой мой скоро изъ студента превращается въ кандидата; старичокъ-отецъ его умираетъ; матери его давнымъ-давно нѣтъ на свѣтѣ. Онъ круглый сирота—оиъ вольная птица и наслѣдникъ 45 заложенныхъ и перезаложенныхъ душъ. Онъ продаетъ ихъ и выручаетъ за уплатою долга 5000.

Школьныя тетради подъ столомъ, бутылка шампанскаго на столѣ; ломбардный билетъ размѣненъ.

— Чокнемся, мон-шеръ!—говоритъ онъ своему родственнику офицеру, который уже вышелъ въ отставку и женился въ Москвѣ.—Я теперь не менѣе тебя чиномъ: я кандидатъ. Не шути, братъ, со мною!

— Чокнемся, дружище, чокнемся!—со вздохомъ отвѣчаетъ отставной офицеръ, —что чины, братецъ, не въ чинахъ дѣло! Была бы воля своя. А то... (офицеръ махаетъ рукой). Не женись, Петя, не женись, милый... Напиши-ка, братецъ, куплеты противъ женитьбы. Ей Богу, напиши... а ужъ я вотъ какое тебѣ скажу за это спасибо...

Къ новому кандидату очень къ лицу его форменный фракъ съ пуфами на плечахъ, съ высокимъ воротникомъ и длинными фалдами. Блестящая пуговица сверкаетъ на его черной манишкѣ; подбородокъ его то ныряетъ въ пестрый волнистый галстукъ, то снова выскакиваетъ на его поверхность; лицо лоснится самодовольствіемъ. Комнатка его убрана съ большимъ вкусомъ. На стѣнѣ висятъ картиночки и портретцы великихъ людей. На этажеркѣ стоитъ серебряная сахарница, четыре книжки въ яркомъ переплетѣ и бумажникъ, подаренный кузиною, на которомъ стальнымъ бисеромъ по розовому полю вышито: *souvenir*... Онъ сидитъ за письменнымъ столикомъ своимъ и сочиняетъ статейку подъ заглавіемъ: Теорія и практика краснорѣчія,— глубокомысленная статейка!

Всѣ бѣдные кандидаты начинаютъ обыкновенно свое служебное поприще съ учительства. И мой молодой человѣкъ дѣлается также учителемъ.

Начальство тѣхъ заведеній, гдѣ онъ учитъ, довольно его аккуратностію. Его похваливаютъ и даютъ ему награжденіе. Слухи о его способностяхъ и главное—аккуратности распространяются по Москвѣ. Родители его ищутъ, онъ въ иныхъ домахъ получаетъ уже по десяти рублей за часъ!

Жизнь шире и шире раздвигается передъ нимъ. Иногда онъ обѣдаетъ у Яра, а послѣ обѣда играетъ у пріятеля въ

преферанчикъ и вистикъ; онъ танцуетъ на замоскворѣцкомъ балку. Онъ не пропускаетъ ни одного представленія, когда Мочаловъ играетъ въ трагедіи... А деньги выходятъ незамѣтно. Проклятыя деньги! Прощайте же вы—невинныя грезы юности! Прощайте и вы, труды безкорыстные!

«Не хочу печатать въ журналѣ ни одной строчки безъ денегъ! — думаетъ онъ, притопнувъ рѣшительно ногой. — Надо же попить да повеселиться!..»

Въ свое время и любовь идеальная приходитъ. Какъ же безъ идеальной любви? Герой мой влюбляется въ барышню, вздыхаетъ, пишетъ стишки: «къ ней» и печатаетъ ихъ; онъ, разнѣживаясь, смотритъ на милую воровку своего покоя, а отставной офицеръ подходитъ къ нему, ударяетъ его по плечу и говоритъ:—Ахъ ты, Марлинскій этакой! Ну, смотри, мечтатель!.. Держи ухо востро, братецъ, а то и не увидишь, какъ скрутятъ!..

Впрочемъ, герою моему и не нужно предупрежденія. Онъ влюбился больше для того, чтобъ только писать стишки «къ ней». У него ужъ теперь не любовь на умѣ... Ему смертельно хочется сдѣлаться редакторомъ какой-нибудь газеты, какого-нибудь повременнаго изданія. Вотъ какъ!—Эта мысль безпощадно повсюду гоняется за нимъ. Мысль хорошая! Говорятъ, будто бы точно очень лестно для самолюбія увидать въ концѣ газеты или хоть биржевого прейсъкуранта свое имя, набранное капителью! У моего молодого человѣка нѣтъ ни малѣйшей надежды выхлопотать себѣ позволеніе издавать журналъ или газету,—несмотря на то, онъ все пишетъ программы журналовъ и газетъ и все толкуетъ объ литературной добросовѣстности и благонамѣренности...

Но въ Москвѣ скоро становится ему неловко и скучно.

Тамъ нѣтъ газетъ, тамъ нѣтъ фельетонной литературы, тамъ не любятъ легкія чтенія...

— То ли дѣло Петербургъ!.. Петербургъ только и хлопочетъ о деньгахъ. Тамъ раздолье литературнымъ спекулянтамъ, шутамъ и гаерамъ... Тамъ ловкіе люди пріобрѣтаютъ великіе капиталы различными литературными продѣлками;

тамъ пользуются литературной славой господа, не написавшіе ни одной строки... Тамъ... но мало ли чего нѣтъ тамъ?

Вотъ отрывокъ изъ письма, которое авторъ Теоріи и Практики, будущій петербургскій фельетонистъ, получилъ отъ одного петербургскаго дѣйствительнаго фельетониста—своего друга.

«Да, Петя, ваша Москва деревня въ сравненіи съ нашимъ Потербургомъ... Что тебѣ безъ всякой славы и вознагражденія работать въ московскихъ журналахъ, о существованіи которыхъ у насъ и не подозрѣваютъ?—Я знаю, что ты получаешь тамъ не больше 25 руб. за оригинальный листъ, хоть и прикидываешься, плутъ, будто не берешь менѣе 150 р., а здѣсь 4.000 р. въ годъ получаетъ всякій корректоръ. Здѣсь, душа, корректурою наживаютъ себѣ славу... Я скажу тебѣ про себя, что, кромѣ жалованья, извѣстнаго тебѣ, я пользуюсь и другими невинными доходцами: всѣ кондитеры, напримѣръ, меня знаютъ; я всякій день захожу въ кондитерскія и ѣмъ даромъ просто сколько душѣ угодно; волочусь, дружокъ, безъ пощады; кремановъ меня такъ и обдаютъ и купцы, и актеры, и офицеры... Словомъ, здѣсь настоящій рай земной... Образованіе въ Петербургѣ распространено во всѣхъ классахъ: когда я иду по Невскому, то всѣ проходящіе говорятъ;—а вонъ идетъ фельетонистъ такой-то... Что, кончилъ ли ты свой водевильчикъ, который читалъ мнѣ прошлаго года, въ послѣдній пріѣздъ мой въ Москву? Нѣкоторые куплетцы у тебя, я помню, чудо! Я самъ накаталъ водевильчикъ...» и проч.

«Въ Петербургъ! въ Петербургъ!»—восклицаетъ герой мой, прочитывая эти строки... «У меня есть въ Петербургѣ знакомый журналистъ; напишу къ нему и предложу себя къ его услугамъ. Онъ человѣкъ добросовѣстный—это важное дѣло; мы съ нимъ вѣрно сойдемся... Я наживу себѣ въ нѣсколько лѣтъ капиталецъ,—заведу, можетъ быть, со временемъ свой экипажецъ, своихъ лошадокъ... А между тѣмъ и службой займусь. Въ Петербургѣ нельзя не служить... Деньги—деньгами, а чины—чинами. Одно другому не мѣ-

шаетъ... Напротивъ... Я буду принадлежать къ самой добросовѣстной литературной партіи...» и прочее...

Извѣстно, что русская литература, въ существованіи которой еще многіе очень умные люди сомнѣваются, дѣлится на партіи; говорятъ, будто бы, вслѣдствіе этого и читающая публика также раздѣляется на партіи... Къ какой же партіи принадлежите вы, мой читатель?

ГЛАВА II.

Вотъ что пишетъ герой мой къ другу своему, петербургскому фельетонисту:

«Дѣло рѣшено, душа моя, я ѣду въ Петербургъ. Мебель свою я продалъ, укладываю картинки,—боюсь, чтобъ въ дорогѣ стекла не перебились; пріищи мнѣ квартиру, mon cher; тебѣ это легко; ты со всѣми знакомъ и все знаешь. Я сошелся съ А** на выгодныхъ условіяхъ. Фельетонъ газеты будетъ въ моемъ полномъ распоряженіи. Одинъ мой знакомый пріискалъ мнѣ также мѣсто въ ** департаментѣ. Сумма, которую я буду получать, обезпечиваетъ мою жизнь, даже можно будетъ и пожуировать разъ въ мѣсяцъ. Впрочемъ, только бы мнѣ добраться до Петербурга, а деньги наживать станемъ; у меня теперь въ запасѣ три водевиля, которые я передѣлалъ съ французскаго. Пущу ихъ на петербургскую сцену, въ этихъ водевиляхъ, я тебѣ скажу по совѣсти, есть куплетцы презабористые. Надѣюсь, душа, что хотя мы фельетонисты двухъ враждебныхъ газетъ, но это не помѣшаетъ нашимъ пріятельскимъ отношеніямъ. Въ моей добросовѣстности сомнѣваться тебѣ нечего. Хочу также, голубчикъ, приняться за переводъ Шекспира стихами. Надо познакомить нашу публику съ этимъ великимъ писателемъ. Ты знаешь, что я всегда былъ шекспиріанцемъ, mon cher. Къ тому жъ переводомъ Шекспира въ стихахъ легко можно составить себѣ въ литературѣ громкое имя. Въ Петербургъ! въ Петербургъ!..

Въ Петербургѣ—то ли дѣло!
Въ Петербургѣ просто рай.
Но робѣй... Пиши лишь смѣло
Да деньжонки зашибай!

Adieu. Я твой whilst this machine is to him, какъ говоритъ Гамлетъ...»

По пріѣздѣ въ Петербургъ, фельетонистъ завивается у *Фаге*, покупаетъ галстукъ у *Чуркина*, шляпу у *Фалелѣева*, пахучія перчатки подъ вывѣскою *Оленя*, надѣваетъ синій сюртучокъ съ бранденбурами и кистями работы портного подъ вывѣскою: Au Journal, и идетъ гулять по Невскому проспекту. Въ такомъ щегольскомъ нарядѣ онъ очень хорошъ! И, вѣроятно, чувствуя это, онъ появляется въ первый разъ на поприще фельетонное подъ псевдонимомъ «свѣтскаго человѣка». Его сюртучокъ съ бранденбурами и кистями оправдываетъ смѣлость такой выходки. Дебюты фельетониста блистательны. Онъ подражаетъ игривому и остроумному языку Жанена. Вотъ выдержка изъ нихъ:

«Самая восхитительная, самая упоительная, самая новая и въ одно и то же время самая старая новость въ Петербургѣ—осень!.. О да... осень, грязная, блѣдная, холодная, сырая, безъ солнышка, съ сѣдымъ небомъ, съ сѣдыми днями, съ темными ночами...

«Въ лѣтнемъ саду грустно: желтые листья лежатъ на дорожкахъ, какъ клочки разорванной бумаги на полу, въ кабинетѣ писателя, или какъ папильотки въ будуарѣ аристократки; гуляющихъ почти нѣтъ. Лѣтній садъ весною и осенью—какая безграничная разница! Это свѣтъ и тьма, день и ночь, улыбка и слезы (осень въ Петербургѣ дождливая)... Многіе жалуются на петербургскій климатъ; но всѣмъ и каждому извѣстно, что уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ саду повсюду цвѣтутъ розы прелестныя, пышныя, роскошныя, душистыя, упоительныя; между этими розами встрѣчаются и лиліи—нѣжныя, прозрачныя, бѣлѣе каррарскаго мрамора, даже ярче русскаго снѣга, озареннаго русскимъ солнцемъ!..»

Фельетонистъ мой опредѣляется въ департаментъ.

Онъ принимается за службу ревностно; онъ приходитъ въ департаментъ первый и уходитъ послѣдній... Столоначальникъ имъ чрезвычайно доволенъ и даже, разговаривая объ немъ однажды съ начальникомъ отдѣленія, выражается про него такъ: «Это, я вамъ доложу, Иванъ Кузьмичъ, такой молодой человѣкъ... такой, что просто я вамъ скажу, ну!— если онъ будетъ все такъ продолжать... Ну, такъ тогда пойдетъ далеко, будетъ благонадежнымъ чиновникомъ».

Но увы! Мой герой не оправдываетъ надеждъ своего столоначальника... Черезъ два мѣсяца служба надоѣдаетъ ему. Онъ перестаетъ ходить въ департаментъ и, послѣ замѣчанія начальника отдѣленія о нерадѣніи, выходитъ въ отставку.

— Я вышелъ въ отставку затѣмъ,—говоритъ онъ одному своему трактирному пріятелю,—затѣмъ, мон-шеръ, чтобъ, знаешь, посерьезнѣе этакъ на свободѣ заняться литературой.

Александринскимъ театромъ фельетонистъ недоволенъ, однако онъ не пропускаетъ ни одного спектакля, отзываясь тѣмъ, будто ходитъ по должности (на послѣднее слово онъ сильно напираетъ); актеры ему не нравятся; однако онъ знакомится почти со всѣми и даже находитъ себѣ много истинныхъ друзей между ними. Онъ не только посвящаетъ себя во всѣ мелочныя закулисныя сплетни, но даже лично принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе. Этимъ отзываются всѣ его театральныя статейки. Онъ выбираетъ одного актера (съ которымъ никакъ не могъ сойтись по-пріятельски) и одну актрису (которая находится подъ гнѣвомъ его друга актера)—и этихъ двухъ онъ громитъ въ каждой своей статейкѣ во имя искусства и передъ ихъ фамиліями ставитъ обыкновенно по четыре восклицательныхъ знака въ скобкахъ. Надъ публикою Александринскаго театра онъ подсмѣивается, а между тѣмъ половина партера въ этомъ театрѣ состоитъ изъ его задушевныхъ пріятелей, хотя онъ не болѣе полугода въ Петербургѣ...

Онъ входитъ въ кресла, сбрасывая свою шинель на руки капельдинера, который кланяется ему и говоритъ съ пріятностію: «здравствуйте, батюшка, Петръ Семенычъ». Фелье-

тонистъ протираетъ очки и глаза и спрашиваетъ у капельдинера:—Что? начали?—«Нѣтъ-съ еще-съ»... Значительно улыбаясь съ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ подходитъ къ своему другу, литературному фактору, который, несмотря на совершенную безграмотность, пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ изданіемъ кое-какихъ литературныхъ пьесокъ, альманаховъ и разныхъ другого рода книжонокъ, ловко идущихъ съ рукъ.

— Здравствуй, душа,—говоритъ ему фельетонистъ, трепля его по плечу.

Факторъ оглядывается.

— А! Петя! Что это у тебя заспанные глаза?

Фельетонистъ поправляетъ очки.

— Что-то заспался, братецъ.

— Послушай-ка, Петя, знаешь...

Факторъ наклонился къ уху фельетониста и шепчетъ... Слышны только нѣкоторыя отдѣльныя слова: *кутили*; *пьяный*; *издаю*; *ее расхвалить*, *Репертуаръ*... *душка*, *мнѣ обѣщалъ*... *Пчела*... *Инвалидъ*.. Факторъ грозитъ пальцемъ фельетонисту и хохочетъ, приговаривая:—Экая ты шельма, братецъ!

Минута молчанія.

Факторъ со вниманіемъ осматриваетъ первый рядъ креселъ и потомъ стремительно обертывается къ фельетонисту:

— Петя, Петя, — посмотри-ка, кто затесался въ первый-то рядъ...

Фельетонистъ протираетъ очки.

— Ба, ба, ба! да это нашъ Максимъ Петровичъ!

Максимъ Петровичъ, или, правильнѣе, Максимъ Петровъ — книгопродавецъ — и притомъ книгопродавецъ «добросовѣстный». Такъ по крайней мѣрѣ величаютъ его «добросовѣстные» журналисты.

Мой герой, разумѣется, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, на самой короткой ногѣ съ «добросовѣстнымъ» книгопродавцемъ.

— Максимъ Петровичъ, Максимъ Петровичъ!..—бормочетъ онъ дружески, кивая ему головой и маня его рукою...

Книгопродавецъ, отягощенный галантерейностями, подходитъ къ фельетонисту и фактору, которые съ чувствомъ пожимаютъ ему руку.

— Ай да Максимъ Петровичъ! Экой франтъ! — восклицаетъ фельетонистъ, осматривая съ ногъ до головы книгопродавца... — Нечего сказать, мастеръ одѣваться.

Книгопродавецъ ухмыляется.

— Что же-съ... ничего-съ, — говоритъ онъ, пріятно обдергиваясь...

Въ эту минуту къ нимъ подходитъ офицеръ, имѣющій нѣкоторое поползновеніе къ литературѣ и сочинившій водевильчикъ. Снова взаимное пожиманіе рукъ.

Офицеръ посматриваетъ съ чувствомъ на фельетониста.

— Съ какимъ наслажденіемъ, — говоритъ ему офицеръ, — я прочелъ вашу послѣднюю статейку о бенефисѣ Толченова... Какъ живо вы это все умѣете описать и какъ это у васъ все выходитъ... такъ и льется точно вотъ какъ-будто...

Офицеръ останавливается, потому что рѣшительно не знаетъ, что сказать далѣе.

— Да-съ, — замѣчаетъ «добросовѣстный» книгопродавецъ, — ужъ они на это мастера... Прелесть какое у нихъ перо! Такъ и нижутъ-съ, ей Богу.

Глазки фельетониста принимаютъ масляное выраженіе... Онъ таетъ отъ этихъ похвалъ.

— Петръ Семенычъ, — продолжаетъ книгопродавецъ, — послѣ спектакля не зайтить ли въ ресторанчикъ?.. Выпить бы бутылочку-другую шампанскаго не мѣшало.

— Съ удовольствіемъ...

Занавѣсъ поднимается. Во время представленія факторъ значительно перемигивается съ фельетонистомъ.

Послѣ спектакля всѣ эти господа отправляются ужинать на счетъ «добросовѣстнаго» книгопродавца...

Славно и весело жить въ Петербургѣ! Петербургская жизнь сильно нравится моему фельетонисту... Особенно онъ любитъ обѣдать на счетъ литературнаго фактора и ужинать на счетъ «добросовѣстнаго» книгопродавца. Вино прекрасное и разговоры также не дурны. За этими обѣдами и ужинами

ему не разъ удавалось между прочимъ скропать нѣсколько удачныхъ куплетцевъ вмѣстѣ съ однимъ актеромъ. И куплетцамъ этимъ, говорятъ, очень аплодируютъ на сценѣ Александринскаго театра.

Фельетонистъ, кромѣ водевильчиковъ, занимается также сочиненіемъ повѣстей. Въ этихъ повѣстяхъ героини, по большей части, идеальныя и чувствительныя, омарлинизированныя дѣвицы, страстныя охотницы до поэзіи, легкія, дымчатыя, туманныя, у которыхъ волосы:

> .... съ *неистовымъ извивомъ*
> И закручены какъ сталь
> Въ безконечную спираль!

а герои — юноши бурные, стремящіеся куда-то и къ чему-то, съ клокочущими страстями; презирающіе все земное и повседневное, порывающіеся непрестанно въ высь и разсуждающіе у Излера за растегайчикомъ о высокомъ и прекрасномъ, — потягивая, по энергическому выраженію одного изъ нашихъ поэтовъ, «нервный сокъ винограда,

> ....струю кроваву
> До осушки стклянныхъ *донъ!*

Эти идеальныя дѣвицы приковываютъ обыкновенно себя къ судьбамъ этихъ бурныхъ юношей, — и повѣсти разрѣшаются трагически...

Въ первые дни своего пребыванія въ Петербургѣ, фельетонистъ очень сердится на недобросовѣстность нѣкоторыхъ петербургскихъ журналистовъ и газетчиковъ, авторитеты которыхъ основаны на двадцатипятилѣтней давности; онъ сильно бранитъ ихъ, потому что оскорбленъ ими. До него дошли слухи, что эти двадцатипятилѣтніе авторитеты называютъ его недоучившимся мальчишкой, — и онъ хочетъ жестоко отдѣлать ихъ въ какой-то статейкѣ.

Онъ пишетъ въ Москву къ пріятелю:

«По пріѣздѣ въ Петербургъ на меня, мои-шеръ, съ ожесточеніемъ накинулись Н. Н. и Ѳ. Ѳ. — Эти литературные

вампиры хотѣли высосать изъ меня всю кровь; но я славно отдѣлалъ ихъ, такъ что они надолго теперь прикусятъ язычки. Ихъ недобросовѣстность возмутительна: я благодарю Бога за то, что принадлежу къ той литературной партіи, которая пользуется уваженіемъ всѣхъ достойныхъ людей... Вчера я былъ на литературномъ вечерѣ у князя...» и проч.

Онъ пишетъ, а внутренній голосъ говоритъ ему:

«Послушай, голубчикъ, не ошибаешься ли ты, называя господъ Н. Н. и Ѳ. Ѳ. вампирами? Какіе они вампиры! они очень добрые и веселые люди и сочинители хорошіе; вѣдь они не признаютъ въ тебѣ достоинствъ потому только, что ты находишься въ работникахъ у заклятаго врага ихъ; отойди отъ него — и они примутъ тебя съ распростертыми объятіями, будутъ хвалить и восхищаться тобой и находить въ тебѣ замѣчательный талантъ... Они могутъ доставить тебѣ настоящую извѣстность, которой ты такъ давно и напрасно добиваешься»...—Фельетонистъ задумывается и закуриваетъ трубку.

«Неужели они примутъ меня съ распростертыми объятіями?—недовѣрчиво спрашиваетъ онъ у своего внутренняго голоса, пріятно усмѣхаясь. — Впрочемъ, если бы и такъ, то могу ли я теперь итти противъ самого себя, могу ли измѣнить собственнымъ мыслямъ, чувствамъ, убѣжденіямъ?»

«Сколько лѣтъ я постоянно толкую тебѣ, — отвѣчаетъ ему внутренній голосъ, — что у тебя нѣтъ ни мыслей, ни чувствъ, ни убѣжденій, а только небольшая претензія на все это да пустой и глупый идеализмъ, изъ котораго тебѣ, какъ и всѣмъ тебѣ подобнымъ, нѣтъ выхода. Ты безпрестанно толкуешь о какой-то литературной добросовѣстности. Что же такое разумѣешь ты подъ этою литературною добросовѣстностію? Сегодня ты въ наймахъ у одного журналиста и по необходимости, а не по убѣжденію, прославляешь своего хозяина; этотъ теперешній хозяинъ твой, право, ничѣмъ не выше другихъ, враговъ его, на которыхъ ты теперь такъ жестоко нападаешь; завтра ты отойдешь по обстоятельствамъ къ этимъ другимъ (знай, что по собственному безсилію ты всегда будешь жалкимъ рабомъ обстоятельствъ и

случая); завтра, говорю я, отойдешь ты къ этимъ другимъ за лишнихъ 500 рублей въ годъ, и тѣ, въ которыхъ ты въ сію минуту кидаешь полемическіе шарики, принимая эти шарики за камни, станутъ твоими кумирами, и, по приказанію этихъ новыхъ кумировъ своихъ, ты будешь называть бѣлымъ то, что называлъ за день передъ тѣмъ чернымъ, и наоборотъ. Вѣдь это тебѣ ничего не стоитъ. У тебя нѣтъ своего мнѣнія, своей воли; ты поешь, другъ мой, съ чужого голоса: ты вѣчно останешься на посылкахъ у другихъ; отними у тебя постороннюю волю, заставляющую тебя двигаться — ты сейчасъ же превратишься въ автомата, въ куклу, въ ничто»...

Фельетонистъ вскакиваетъ со стула, бросаетъ съ негодованіемъ перо, поправляетъ судорожно очки и начинаетъ ходить въ волненіи по комнатѣ. Никогда еще такъ рѣзко не говорилъ съ нимъ его внутренній голосъ.

— Нѣтъ, это ужъ ни на что не похоже! — восклицаетъ онъ, — внутренній голосъ мой просто нашептываетъ мнѣ нестерпимыя дерзости. Что въ самомъ дѣлѣ давать ему волю! Я задушу его... Такъ клеветать на меня! Ужъ будто я не имѣю своего мнѣнія и своей воли! Нѣтъ, я неспособенъ быть дезертиромъ... Я докажу это... Убѣжденія мои непоколебимы... я не...

Онъ не доканчиваетъ и только въ благородномъ гнѣвѣ затягивается и выпускаетъ изо рта тучу дыма.

«Не горячись, голубчикъ, — спокойно продолжаетъ его внутренній голосъ, — мнѣнія своего точно ты не имѣешь: ты или выкраиваешь кое-какъ свои статейки изъ чужихъ статей и послѣ неблагодарно злословишь благодѣтелей, снабжающихъ тебя новыми мыслями и новыми словами, или кропаешь статейки по заказу своихъ хозяевъ... Твои же собственныя остроумныя сочиненія мнѣ наперечетъ извѣстны: одинъ разъ ты объявлялъ публикѣ за новость, что въ Петербургѣ осень; въ другой разъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ саду цвѣтутъ розы и лиліи... въ третій»...

Фельетонистъ робко осматривается кругомъ: онъ боится,

не подслушиваетъ ли кто-нибудь его разговоръ съ внутреннимъ голосомъ...

«Не бойся,—говоритъ внутренній голосъ,—насъ никто не можетъ подслушать... Я говорю слишкомъ тихо... Все это останется между нами, — не сердись... Я тебѣ объясню нѣсколько самого тебя и твои узкія понятьица, которыя безъ опредѣленія бродятъ въ головѣ твоей. Твои толки о добросовѣстности — верхъ пошлости. Эти толки доказываютъ только твою ограниченность и неразвитость. Добросовѣстность— это изъѣзженный и избитый конекъ, на которомъ выѣзжаютъ изстари литературные гаеры и спекулянты, ломающіеся другъ передъ другомъ на литературномъ ристалищѣ на позоръ публики. Никто изъ этихъ господъ, точно такъ же какъ и ты, не имѣетъ никакихъ убѣжденій, никакихъ идей... Всѣ они только хлопочутъ о томъ, какъ бы нажить поскорѣе и побольше денегъ да зажить барами.

«Немного въ вашей литературѣ людей съ мыслями, съ убѣжденіемъ. И кто понимаетъ ихъ? Кто ихъ оцѣниваетъ? Кто ихъ знаетъ? Не завидна ихъ участь. Они изъ куска насущнаго хлѣба трудятся въ потѣ и крови, а литературные спекулянты, пользуясь ихъ трудомъ, умомъ и талантомъ, богатѣютъ, жирѣютъ, оплываютъ и пользуются славою на счетъ ихъ. Все это ты очень хорошо знаешь. Но съ этими немногими — тебѣ нечего дѣлать. Въ ихъ обществѣ нѣтъ тебѣ мѣста. Ты давно умеръ бы съ ними отъ тоски, если бы не зналъ другихъ людей, — тѣхъ, которые въ Александринскомъ театрѣ, какъ у себя дома; которые за ужиномъ въ какомъ-нибудь кафе-ресторанѣ или за обѣдомъ у «Палкина» — душа общества, которые живутъ нараспашку съ бутылкою въ одной рукѣ, съ картой въ другой... Первые— презираютъ тебя; при нихъ ты и рта не смѣешь разинуть, сидишь, нахмуривъ брови, да покуриваешь трубку, а самолюбьице твое, этотъ неугомонный червячокъ, подтачиваетъ тебя въ эти минуты, — и, скрывая свое внутреннее безпокойство, ты безпрестанно поправляешь свои очки. Вотъ откуда вывожу я начало этой привычки твоей. Послѣдніе— всегда принимаютъ тебя съ распростертыми объятіями, ты

избранный въ кругу ихъ, — ты оракулъ въ ихъ обществѣ; ты читаешь имъ свои водевильные куплетцы, свои повѣсти, и тебѣ они рукоплещутъ, у тебя они спрашиваютъ совѣтовъ... Съ первыми у тебя нѣтъ ничего общаго, съ послѣдними у тебя связь кровная и родственная. Ты не имѣешь силы воли для того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ — и жить въ человѣческомъ обществѣ. Ты заклейменъ именемъ фельетониста; и въ могилу сойдешь съ этимъ именемъ. Пойди же къ своимъ и живи съ ними... Тамъ у Излера ожидаютъ тебя литературные факторы, книгопродавцы, актеры и другіе тому подобные»...

Фельетонистъ чувствуетъ тяжесть въ головѣ и сухость на языкѣ... Онъ прохаживается по комнатѣ, поправляетъ очки, еще разъ затягивается и задумывается; чубукъ выпадаетъ изъ рукъ его.

Въ эту минуту дверь комнаты фельетониста отворяется съ шумомъ, онъ вздрагиваетъ: передъ нимъ стоитъ его другъ — литературный факторъ....

— Петя, — восклицаетъ онъ, — Петя, что это съ тобою? Ты какъ будто чѣмъ-то разстроенъ; или статейку, плутъ, сочиняешь?

— Нѣтъ... не знаю... голова немножко болитъ.

— А я къ тебѣ, Петя, съ новостію... Б. Б. Б. отказался отъ фельетона въ **... газетѣ. Вотъ бы, Петя, тебѣ на его мѣсто. Что, братецъ, ты связался съ пустымъ народомъ! Вѣдь вашей газеты никто не читаетъ, — а наша имѣетъ 3.000 подписчиковъ. Слышишь? 3.000 человѣкъ будутъ читать твой фельетонъ!.. а? ей Богу наши во всѣхъ отношеніяхъ лучше... Мы, братецъ, вѣсъ имѣемъ, — тебя будутъ въ нашей газетѣ расхваливать. Вѣдь Ѳ. Ѳ. отличный человѣкъ — и какъ живетъ весело... Столъ славный и винцо — чудо!.. Онъ ужъ у меня спрашивалъ про тебя. Я тебя съ нимъ сведу непремѣнно.

— Странно! — замѣчаетъ фельетонистъ будто про себя, — то же самое сейчасъ посовѣтовалъ мнѣ и мой внутренній голосъ.

— Кто такой? какой это внутренній голосъ?

— Нѣтъ, такъ, я не то хотѣлъ сказать.

— Ей Богу, порѣшай-ка, дружокъ. А я хоть сейчасъ съѣзжу къ Ѳ. Ѳ., скажу, что ты согласенъ перейти къ намъ: сегодня же покончимъ все... А, Петя? Ну, по рукамъ что ли?.. и денегъ будешь вдоволь получать, и все такъ мило пойдетъ. Шампанеи на такой радости хватимъ, — ну, рѣшайся.

Фельетонистъ поправляетъ очки.

— Видишь ли, душа моя, мнѣ немножко совѣстно передъ... передъ **...

— Ей Богу, и не думай, братецъ, о немъ, и не говори ему ничего; онъ и не узнаетъ, — перешелъ себѣ отъ него, да и баста... А коли притянетъ къ допросу... Ну, скажи, что... да ты самъ лучше меня выдумаешь, что сказать. По рукамъ, что ли, Петя?

— Дай, голубчикъ, подумать... Статьи я, пожалуй, начну писать для вашей газеты хоть теперь... Что же касается до полнаго согласія...

Однако черезъ нѣсколько времени фельетонистъ мой торжественно подаетъ руку фактору. Рѣшено! Труденъ только первый шагъ, а тамъ — ничего, тамъ не страшно. Фельетонистъ заключаетъ дружеское условіе съ тѣмъ газетчикомъ, котораго онъ за недѣлю передъ тѣмъ называлъ вампиромъ, — потихоньку, на цыпочкахъ перебирается въ его газету и, благословясь, начинаетъ работать на новосельѣ.

Фельетонистъ очень доволенъ своимъ новымъ бариномъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ гуляетъ и пьетъ. Онъ лицемѣритъ передъ нимъ и смотритъ ему въ глаза. Онъ ужъ безпощадно ругаетъ всѣхъ принадлежащихъ къ той литературной партіи, къ которой самъ принадлежалъ вчера. Онъ уже начинаетъ нападать на своего стараго хозяина, — сначала, правда, робко, съ нѣкоторою осторожностію, — а потомъ подбочась, съ нахальствомъ и грубостію возмутительною. Онъ выбивается бѣдный изъ всѣхъ силъ, чтобы показать свое усердіе передъ новымъ бариномъ.

Незамѣтно и постепенно онъ теряетъ стыдъ и чувство приличія — послѣднее человѣческое чувство, отдѣляющее

его отъ животнаго — и дѣлается способнымъ на все: онъ подшучиваетъ самымъ площаднымъ образомъ надъ благороднымъ труженикомъ науки, къ которому не благоволитъ его баринъ; онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и въ безграмотности литератора, скромно и безкорыстно трудящагося въ тиши своего кабинета, потому только, что тотъ не хочетъ участвовать въ изданіяхъ пріятелей его барина; онъ за сладкій пирожокъ пишетъ похвальное слово кондитеру; за десять сигарокъ восхваляетъ табачную фабрику; за фунтъ икры строитъ комплименты овощной лавочкѣ; онъ на литературной площади безсмѣнно стоитъ у дверей балагана своего хозяина и кричитъ: «къ намъ пожалуйте-съ! у насъ всѣ лучшіе товары-съ и безпристрастіе самое отличное-съ; насъ и публика любитъ; мы умнѣе и ученѣе всѣхъ; у насъ всѣ работники съ хорошими аттестатами, — а въ той лавочкѣ, что напротивъ насъ, ей Богу все невѣжды, безъ аттестатовъ; повѣрьте этому-съ, тамъ проповѣдуютъ разныя пустыя идеи... пожалуте къ намъ-съ; раскаиваться не будете-съ!»

Цинизмъ совершенно овладѣваетъ моимъ фельетонистомъ: онъ показывается не умытымъ передъ публикою, онъ лежитъ дома въ грязи... Рамы на его картинахъ съ разбитыми стеклами, по стѣнамъ гирлянды паутины, на всей мебели пыль слоями, на столѣ бутылки съ виномъ и опрокинутые стаканы; подъ столомъ карты и табачный пепелъ.

— Ты плутъ, Петя, а? Право, плутъ! — кричитъ ему актеръ, развалившійся на оборванномъ диванѣ, безъ сюртука... — Налей-ка мнѣ, канашка, еще стаканчикъ...

Но руки фельетониста дрожатъ, онъ льетъ вино мимо стакана.

Факторъ, офицеръ, сочинившій водевильчикъ, и «добросовѣстный» книгопродавецъ хохочутъ во все горло.

Офицеръ кричитъ: — Петя, я тебя непремѣнно выставлю въ моемъ новомъ водевилѣ.

А книгопродавецъ нрибавляетъ: — А мы напечатаемъ-съ вашъ водевильчикъ-съ, да еще съ политипажами-съ.

Входитъ корректоръ съ пробными оттисками.

Фельетонистъ, пошатываясь, бросается навстрѣчу къ корректору съ стаканомъ вина, вырываетъ у него листы изъ рукъ и кричитъ: — ну брось, братецъ, эту дрянь... брось все это; чокнемся-ка по-пріятельски, запросто... Винцо доброе... мы всѣ, братецъ, братья, я тебя люблю душевно...

Такого рода пирушки чаще и чаще; рѣже и рѣже фельетонъ украшается именемъ моего героя; у него глаза опухлые и вѣчно заспанные; корректуры читаются кое-какъ; въ газетѣ безчисленныя опечатки. Природная апатія фельетониста превращается наконецъ въ совершенное отупѣніе и отвратительную лѣнь... Журналистъ-вампиръ, его новый хозяинъ, выгоняетъ его изъ своей лавочки, журналистъ неумолимъ: онъ не хочетъ взять въ соображеніе прежнія заслуги своего клеврета: онъ забылъ, что бѣдняжка, не щадя себя, кувыркался передъ нимъ и передъ его пріятелями и заманивалъ прохожихъ въ его балаганъ, не жалѣя своего горла.

Куда же теперь пойдетъ мой прогнанный фельетонистъ? что ему дѣлать?.. Водевили его, поставленные на сцену, ошиканы; мебель его отдана за долги, платье изношено... Онъ въ положеніи ощипанной и заклеванной вороны въ баснѣ Крылова... Скрѣпивъ сердце, приходитъ онъ къ своему прежнему пріятелю и собутыльнику — «добросовѣстному» книгопродавцу, и униженно проситъ у него работы. Книгопродавецъ, отягченный галантерейностями, величаво стоитъ у своей конторки. Онъ, не глядя на него, бормочетъ: «послѣ зайдите-съ... теперь некогда... видите сами: я занятъ... Мнѣ не до васъ...» Впрочемъ, черезъ недѣлю онъ заказываетъ ему перевести (разумѣется за безцѣнокъ) дѣтскую книжку къ святой недѣлѣ да двѣ брошюрки: *о наивѣрнѣйшемъ средствѣ истреблять клоповъ* и проч., да *о удивительнѣйшемъ элексирѣ, отращивающемъ на плѣшинахъ густые и отличные волосы*... Такого рода сочиненія, говорятъ, у насъ очень расходятся...

«Такъ вотъ та литературная извѣстность, которой я добивался?» — говоритъ фельетонистъ, поправляя разбитые очки, перевязанные ниточкой, и вмѣсто слезъ по лицу его

катятся капли холоднаго пота; а внутренній голосъ пробуждается въ немъ послѣдній разъ, указываетъ ему на его безсиліе и ничтожество и съ злобною насмѣшкою говоритъ ему:

И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися!

Проходитъ годъ. Бездѣльно шатается по петербургскимъ улицамъ отставной фельетонистъ въ старой, забрызганной грязью шинели; клочки ваты висятъ бахромой на ея подолѣ; калоши сваливаются съ ногъ. Онъ заходитъ въ кондитерскую, садится на стулъ и дремлетъ... Шумъ и крикъ заставляютъ его очнуться. Въ комнату входятъ всѣ прежніе друзья его: литературный факторъ, офицеръ, сочинившій водевильчикъ, Б. Б. Б., снова поступившій въ званіе фельетониста на его мѣсто, водевильный актеръ и «добросовѣстный» книгопродавецъ, отягченный галантерейностями... Всѣ они очень веселы. Отставной фельетонистъ, увидя ихъ, закрываетъ лицо свое огромнымъ листомъ французской газеты и, не шевелясь, долго просиживаетъ за этими ширмами.

— Посмотри-ка, — говоритъ факторъ, прищуриваясь и толкая локтемъ Б. Б. Б., — вѣдь это, mon cher, Петя. Бѣдняжка, до чего дошелъ! на него и смотрѣть гадко!.. Гарсонъ! рюмку ликеру!..

— Толковалъ я вамъ, господа, — возражаетъ Б. Б. Б., обращаясь къ фактору, офицеру, актеру и книгопродавцу, — что въ вашемъ Петѣ никогда никакого толку не было. Онъ былъ рѣшительно неспособенъ для фельетонной работы; вѣдь для этого, господа, нужно остроуміе, ловкость, своего рода тактъ...

— А ужъ водевильчики его — признаюсь! — замѣчаетъ актеръ:

Вѣдь такіе водевили
Просто хуже всякой гили...

— Браво! браво! — восклицаетъ офицеръ. — Вотъ вамъ и начало куплетца.

Отставной фельетонистъ тихонько подкрадывается къ двери — и нечаянно натыкается на «добросовѣстнаго» книгопродавца, отягченнаго галантерейностями.—«Добросовѣстный» книгопродавецъ съ презрѣніемъ осматриваетъ его съ ногъ до головы — и потомъ подходитъ къ зеркалу и охорашивается. Съ этого дня мой герой пропадаетъ безъ вѣсти; его нигдѣ не видно: ни на улицахъ, ни въ трактирахъ, ни въ кондитерскихъ... Онъ сошелъ со сцены... На эту сцену входятъ другіе, не менѣе достойные его...

Подобныхъ русскихъ фельетонистовъ Гоголь заклеймилъ именемъ Тряпичкиныхъ. Лучшаго имени для нихъ нельзя придумать! Друзья Тряпичкиныхъ—Хлестаковы и Ноздревы.

Примѣчаніе. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1841 г. этотъ очеркъ былъ напечатанъ съ слѣдующимъ предисловіемъ:

„Автору, говоритъ Карамзинъ, надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе, то-есть какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей, но и многія историческія свѣдѣнія, умъ, образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта". Большая часть нашихъ господъ, имѣющихъ претензіи на авторство, не хлопочутъ ни о знаніяхъ, ни о вкусѣ, ни о логикѣ, полагаясь на то, что

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

И въ самомъ дѣлѣ, не мудрено! Чернь нашего общества, читающая масса избираетъ себѣ литературныхъ кумировъ; не справляясь о ихъ умѣ и свѣдѣніяхъ, она вѣритъ имъ на честное слово съ добродушіемъ истинно-умилительнымъ; она признаетъ неприкосновенными ихъ литературные авторитеты, утвержденные большею частію на давности лѣтъ; она уважаетъ литературныя имена, къ которымъ пріучился слухъ ея. Гладкій и ровный, а иногда завитой и напыщенный слогъ служитъ для нея равнымъ ручательствомъ и таланта и блестящаго воспитанія; сентенціи она предпочитаетъ мыслямъ, чувства глубокія и истинныя—фразамъ яркимъ и пустозвоннымъ. Замѣчательно, что почти всегда эта чернь оказываетъ особенное благоволе-

ніе тѣмъ „сочиненіямъ", которыя вовсе не прикасаются къ современнымъ нравамъ, или описывая ихъ по добросовѣстной ограниченности, а иногда можетъ быть и по корыстолюбивымъ умысламъ, становятся въ уровень съ общественными понятіями и мнѣніями, умышленно или не умышленно потворствуютъ общественнымъ слабостямъ и предразсудкамъ. И если изъ литературной посредственности внезапно выйдетъ человѣкъ, ознаменованный могуществомъ таланта, человѣкъ, почувствовавшій пошлость его окружающаго, оскорбленный жалкими претензіями и нелѣпыми предразсудками, которые безобразно торчатъ передъ его глазами, нашедшій безконечный источникъ комическаго тамъ, гдѣ его и не подозрѣвали,—общественная масса тотчасъ же начинаетъ враждебно смотрѣть на него, поднимаетъ тревогу и кричитъ:

...разбой, пожаръ!..
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!

Всѣхъ выдающихся изъ толпы чернь называетъ выскочками и на нихъ-то изливаетъ свою безсильную злобу, грязныя клеветы и тупыя насмѣшки. Она принимала за личное оскорбленіе „Недоросля", „Ябеду" и „Горе отъ ума",—это произведеніе, проникнутое такимъ благороднымъ юморомъ, такимъ могущественнымъ негодованіемъ! Она приняла въ наше время за личное оскорбленіе „Ревизора" и нѣкоторыя повѣсти Гоголя. Полуобразованіе черни никакъ не допускаетъ ее понять, что творцы этихъ комедій, вѣрно и мастерски схвативъ общія черты нравовъ своего времени, изъ этихъ общихъ чертъ создали свои лица. Она думаетъ, что Митрофанушка, предсѣдатель такой-то гражданской палаты („въ Ябедѣ"), Фамусовъ, Сквозникъ-Дмухановскій и другіе точно существовали и существуютъ, и что Фонвизинъ, Капнистъ, Грибоѣдовъ и Гоголь, встрѣтившись въ жизни съ этими господами, списали съ нихъ портреты и „окритиковали ихъ въ своей литературѣ". Однажды какой-то, кажется, надворный совѣтникъ, разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, что его батюшка былъ короткимъ пріятелемъ съ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, называлъ даже мнѣ (будто бы) настоящія имя, отчество и фамилію выставленнаго подъ именемъ Горича и прибавлялъ къ этому, что, по его мнѣнію, Грибоѣдовъ поступилъ не хорошо, осмѣявъ человѣка, у котораго кушалъ хлѣбъ-соль! Мало этого: есть люди, готовые въ каждой самой невинной повѣсти изъ современнаго быта, въ каждомъ легкомъ очеркѣ изъ современныхъ нравовъ узнавать не только своихъ знакомыхъ, но и самихъ себя... Странная раздражительность личности! Эти господа, пожалуй, чего добраго, видятъ себя и въ моськахъ, и въ обезьянахъ, и въ ослахъ, и во всѣхъ породахъ царства животнаго, которые такъ мастерски живописуетъ нашъ великій баснописецъ.

Любимое чтеніе ихъ—французскіе водевили, остроумно передѣлывающіеся у насъ на русскіе нравы, или тѣ романы и драмы, въ которыхъ наши „сочинители" съ такою живостью изображаютъ колоссальныя историческія лица начиная отъ Александра Македонскаго до Стеньки Разина включи-

тельно. Ни въ Александрѣ Македонскомъ, ни въ Стенькѣ Разинѣ они не находятъ уже сходства съ собственною личностью или съ личностью своихъ знакомыхъ и спокойно созерцаютъ эти колоссальныя творенія дома или громко рукоплещутъ имъ въ театрѣ.

Общественная толпа также охотница до анекдотцевъ въ родѣ слѣдующаго:

„Послѣ представленія такой-то пьесы одинъ актеръ сказалъ другому: ты хамелеонъ; тотъ же отвѣчалъ ему: а ты хмеленъ". И такими блестящими, остроумными анекдотцами наполняются такъ называемые фельетоны нашихъ газетъ и смѣсь нѣкоторыхъ повременныхъ изданій. „Посредственности! посредственности!" кричитъ чернь,—и вотъ, для удовлетворенія черни, отовсюду ползетъ въ нашу литературу эта жалкая посредственность, эти насѣкомыя: пауки, жуки, мурашки, букашки и коровки,— иныя „менѣе булавочной головки", которыми такъ любовался любопытный Крыловъ и которыхъ такъ хорошо сортировалъ Пушкинъ.

Но одна изъ самыхъ мельчайшихъ литературныхъ букашекъ, почти невидимыхъ для простого глаза, это русскій фельетонистъ—оскорбительная пародія на французскихъ фельетонистовъ, букашка, имѣющая претензію на сравненіе съ гигантомъ фельетоннаго міра—Жюль Жаненомъ.

Вотъ эта букашка, разсмотрѣнная въ микроскопъ, недавно изобрѣтенный докторомъ Донне, о которомъ вы вѣрно читали въ фельетонѣ „Journal des Débats". Вотъ монографія этого крохотнаго насѣкомаго отъ колыбели до гроба... Обнародованіемъ этой монографіи я надѣюсь услужить издателямъ той „Портретной и Біографической Галлереи", которая обѣщаетъ представить русской публикѣ собраніе прекрасныхъ портретовъ, съ жизнеописаніями всѣхъ лицъ, прославившихся въ нашемъ отечествѣ на поприщѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЛЯ.

«Тля» — насѣкомыя самыя ничтожныя; размножаютъ свой родъ въ количествѣ невѣроятномъ, живутъ большею частію въ шелухѣ, похожей на стручокъ, длиною въ пядень, которая и замѣняетъ имъ вселенную. Въ насѣкомыхъ сихъ замѣтна чрезвычайная движимость, или, если можно такъ выразиться — хлопотливость, но сія движимость, или хлопотливость, ни къ чему не служитъ, ибо онѣ вертятся все на одномъ мѣстѣ и впередъ двигаться не могутъ, а нѣкоторыя породы сихъ насѣкомыхъ можно почитать скорѣе за пупырышки растеній, чѣмъ за живыхъ насѣкомыхъ. Въ устроеніи чувственныхъ орудій, а потому чаятельно и въ образѣ чувствованія, тля, какъ и всѣ насѣкомыя, отступаютъ отъ прочихъ животныхъ весьма примѣтно, такъ что даже многіе славные мужи по старательномъ наблюденіи надъ ними почти доказали, что они лишены всѣхъ пяти нашихъ внѣшнихъ чувствъ.

(Руководство къ Естественной Исторіи *Блуменбаха*, переведенное исторіи и географіи учителями *Петромъ Наумовымъ* и *Андреемъ Теряевымъ*).

ГЛАВА I.

О томъ, какимъ образомъ распложаются на Руси сочинители.

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Пушкинъ.

Гребешковъ (а его-то похожденія я и хочу передать теперь читателю), сынъ бѣднаго помѣщика *** губерніи, лѣтъ 14 былъ привезенъ отцомъ своимъ въ Петербургъ для опредѣленія въ какое-либо изъ учебныхъ заведеній. До 13 лѣтъ

онъ, что называется, «болтался» въ деревнѣ, то-есть игралъ въ бабки съ деревенскими мальчишками, кубаремъ катался съ соломеннаго омета, гонялъ голубей, стравливалъ собакъ и обучался «разнымъ наукамъ» у семинариста Двунадесятскаго.

Во всѣхъ играхъ Николаша (имя Гребешкова) былъ «дока», потому что всѣмъ играмъ предавался онъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и терпѣть не могъ неловкихъ и неразвязныхъ мальчишекъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ немилосердно и вцѣплялся имъ въ волоса, какъ репейникъ.

— Хорошенько ихъ, Николаша, такъ имъ, щенятамъ, и надо! — говаривалъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ старый слуга отца его, небритый Ермолай, подмигивая коровницѣ Домнѣ.

— Ахъ ты, Господи, какой озорникъ! — замѣчала обыкновенна Домна, — да ты имъ, сударь, ни одного волоска па головѣ не оставишь.

— Молчи, старая хрычовка! — кричалъ Николаша, — вотъ я и до тебя доберусь.

Тутъ онъ оставлялъ мальчишекъ, которые съ визгомъ разбѣгались въ разныя стороны, и присвистывая, и загнувъ голову на бокъ, какъ пристяжная, подбѣгалъ къ коровницѣ. Дворовые люди безпрестанно приходили къ барину съ жалобами на Николашу, отъ котораго никому не было покоя. И добрый старикъ, имѣвшій привычку украшать свою рѣчь союзомъ *и*, кстати или не кстати, восклицалъ, обыкновенно качая головою:

— И вотъ ужъ непремѣнно я его взъерепеню. И родила же мнѣ Марѳа Астафьевна этакого сорванца, прости Господи!

Бывало, Двунадесятскій спрашиваетъ у Николаши урокъ по книгѣ:

— Что есть грамматика?

А Николаша смотритъ въ окно, какъ кружатъ голуби, и не слышитъ вопроса.

— Отвѣтствуйте же, Николай Николаевичъ, что есть грамматика?

— Грамматика,—отвѣчаетъ Николаша скороговоркою, все продолжая смотрѣть въ окно, — есть наука... жжж...шшш! Отстали! жжж... шшш!.. наука, которая учитъ правильно говорить и писать.

— Такъ. Но спрашивается: похвально ли во время класса заниматься голубями? А вотъ какъ я поставлю васъ на горохъ на колѣни, тогда что?

— Тогда я буду стоять на горохѣ и на колѣняхъ.

Семинаристъ въ такихъ случаяхъ не могъ удерживаться отъ улыбки и, оборотясь въ сторону и прикрывъ ротъ рукою, произносилъ вполголоса: «замысловатъ, не по лѣтамъ замысловатъ!»

Семинаристъ любилъ своего ученика, ибо Николаша, несмотря на разсѣяніе и лѣность, часто рѣзалъ уроки не переводя духу. Когда же папенька Николаши спрашивалъ у семинариста:

— И будетъ изъ этого мальчишки прокъ, и вы мнѣ напрямки объявите?

— Безъ утайки скажу, — всегда съ чувствомъ отвѣтствовалъ Двунадесятскій, — что Николай Николаевичъ не мало обѣщаетъ въ будущемъ: въ изумленіе приводитъ остроуміемъ и бойкостію соображенія. Правда, пошаливать любитъ... ну, да на это есть розги и другія исправительныя мѣры.

— И справедливо... И стало быть я счастливый отецъ? И мы его, сударь, въ люди выведемъ... и коли уменъ, такъ и доходное мѣстечко себѣ отыщетъ... а и кромѣ мѣстечка и побочные, знаете, разные такіе доходцы пріискать себѣ можетъ... И понимаете?..

Вслѣдствіе такого рѣшенія Николашу отвезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ папенька Николаши обратился къ одному генералу, бывшему своему сослуживцу и всегдашнему благодѣтелю. Николаша имѣлъ счастіе понравиться генералу, и онъ опредѣлилъ его своимъ пансіонеромъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, которое теперь уже не существуетъ.

Первое время Николаша очень тосковалъ въ пансіонѣ, гдѣ не было ни бабокъ, ни собачонокъ, ни крестьянскихъ бо-

сыхъ, грязныхъ мальчишекъ, ни соломенныхъ ометовъ. Ему дико и неловко казалось безъ маменьки, которая съ истинною материнскою любовью откармливала его въ деревнѣ различными собственнаго издѣлія сластями, пирогами и булками. Онъ часто сидѣлъ въ углу, утирая кулакомъ слезы, потому что чувствовалъ нестерпимый голодъ. Къ тому же Николаша, какъ новичокъ, долженъ былъ сносить безпрестанные насмѣшки, щелчки и побои. Часто многіе изъ его товарищей, стоя передъ нимъ, безъ устали размахивали рукой у самаго его носа, забавляясь его отчаяніемъ, и если Николаша сквозь слезы просилъ отойти отъ него, ему отвѣчали, что его не трогаютъ, что махаютъ по воздуху, а воздухъ казенный... Однажды бѣдный мальчикъ вышелъ изъ терпѣнія и препорядочно отколотилъ одного изъ самыхъ жестокихъ своихъ преслѣдователей, славившагося силой. Слухъ о такомъ подвигѣ Николаши тотчасъ распространился по всему пансіону. Съ этой минуты онъ пересталъ быть новичкомъ и даже обратилъ на себя лестное вниманіе тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые по два и по три года сидѣли въ одномъ классѣ на задней скамейкѣ, называвшейся Камчаткою, и занимались дѣланіемъ хлопушекъ, орлянкою и другими невинными играми.

Мало-по-малу Николаша совершенно сдружился съ пансіонскою жизнью, перемѣнивъ роль жертвы на палача и преслѣдуя новичковъ съ такою же безпощадностью, съ какою нѣкогда преслѣдовали его самого. Онъ пріобрѣлъ довѣренность своихъ товарищей, благосклонность нѣкоторыхъ учителей и черезъ полгода послѣ вступленія переведенъ былъ въ слѣдующій классъ.

— Славное дитя, славное! — говорилъ объ немъ учитель логики и географіи другому учителю, зажмуривая по своему обыкновенію глаза и обдергивая жилетъ: — хитрости много, способностями надѣленъ, соображеніе быстрое, рогатые и прямые силлогизмы бойко выводитъ. Повѣрь на слово, далеко пойдетъ... вспомни мое слово... Что есть логика? — спрашиваю его. Отвѣтствуетъ безъ запинки: философію можно понимать или какъ науку, или какъ способность; какъ на-

уку философію должно понимать... и такъ далѣе. Далеко пойдетъ, говорю... не удивишь, такъ услышишь...

А учитель словесности былъ въ восторгѣ отъ сочиненія Николаши, составленнаго имъ по хріи превращенной.

— Талантъ, талантъ,—разсуждалъ объ немъ учитель, растопыривъ руки и нѣсколько наморщивъ лобъ,—сила этакая, этакая мощь, этакое проглядываетъ что-то, этакое полненькое и мысли и воображеньица... Ну, разумѣется, все это еще невинные вздорцы, милыя этакія нелѣпости, но изъ него сформируется со временемъ этакій, въ какомъ-нибудь этакомъ родѣ...

И Николаша, поощряемый учителемъ словесности, незамѣтно получалъ страсть къ сочинительству. Учитель словесности пріохотилъ его къ чтенію, и Николаша съ жадностью сталъ читать потихоньку въ классахъ всѣ книги и журналы, попадавшіеся ему подъ руки. Онъ черезъ нѣсколько времени рѣшился даже отдать первые свои стишки въ пансіонскій литературный журналъ, издававшійся однимъ изъ его товарищей, который впослѣдствіи достигъ почетнаго званія фельетониста при одной изъ газетъ, и теперь, говорятъ, прекрасно описываетъ въ фельетонѣ этой газеты овощныя, помадныя лавочки, лабазы и другіе тому подобные предметы.

Романы пробудили въ Николашѣ какое-то тревожное, неопредѣленное чувство. Онъ рѣшительно перестаkъ учиться и перешелъ со второй скамейки въ Камчатку, чтобъ тамъ еще свободнѣе предаться чтенію своихъ любимыхъ писателей; а время шло помаленьку, и Николаша, самъ не зная какъ, очутился въ выпускномъ классѣ. Но отвращеніе его къ учебнымъ книгамъ и тетрадямъ доведено уже было до послѣдней степени. Пансіонъ казался ему тюрьмою, въ которую онъ посаженъ на безконечный срокъ за какое-то страшное преступленіе. Онъ вычислилъ на бумажкѣ, сколько мѣсяцевъ, дней, минутъ и секундъ остается ему пространдать въ заточеніи, и носилъ у сердца эту драгоцѣнную бумажку, съ неописанною радостью вычеркивая изъ нея дни, тянувшіеся для него мѣсяцами, и мѣсяцы, тянувшіеся годами.

Передъ самымъ экзаменомъ Николаша принялся-было учиться, но память его, утомленная еще въ низшихъ классахъ безтолковымъ заучиваньемъ наизусть, теперь совершенно отказывалась служить ему. Въ сознаніи собственнаго безсилія, онъ первый разъ заплакалъ горькими слезами, и первый разъ промелькнула въ немъ мысль, что должна быть какая-то другая наука, совсѣмъ не та, о которой толковали имъ въ пансіонѣ, и что должны быть люди, которые учатся не такъ, какъ его товарищи, для награды, а для какой-нибудь лучшей цѣли. Какая же это цѣль? Полный внутренней тревоги, онъ бросился къ первому учителю, котораго встрѣтилъ, неясно и робко передалъ ему мысль свою и съ біеніемъ сердца ожидалъ его отвѣта. Учитель какъ-то дико посмотрѣлъ на Николашу, обдернулъ свой жилетъ, зажмуривъ глаза (ибо это былъ учитель логики и географіи), и потомъ произнесъ отрывисто и съ нѣкоторымъ усиліемъ:

— Заносишься, заносишься, говорю; еще молодъ разсуждать; поживешь съ мое—все узнаешь; логика есть наука наукъ; плохо учился, плохо, повторяю, романами занимался, воображеніе разстроилъ, вольнодумства нахватался, обманулъ мои ожиданія... Приготовляйся къ экзамену, а не заносись, слышишь? Учитель приказываетъ, а ученикъ повинуется. Suum cuique... передай другимъ... Не получишь никакой награды, вспомяни мое слово.

Учитель логики и географіи не обманулся. Николашу точно выпустили безъ всякой награды. Генералъ, пристроившій его въ пансіонъ, не ограничилъ этимъ своего благодѣянія. По ходатайству генерала, тотчасъ послѣ выпуска, Николаша опредѣленъ былъ въ *** департаментъ. Генералъ былъ человѣкъ истинно-добрый. Поздравляя Николашу съ опредѣленіемъ на службу, онъ трижды поцѣловалъ его въ губы и потомъ сказалъ:

— Коли будешь служить, братецъ ты мой, вѣрой и правдой, такъ большихъ чиновъ дослужишься, генераломъ, какъ и я, будешь; а не станешь служить вѣрой и правдой — вѣкъ дуракомъ останешься.

Гребешковъ, вѣроятно вслѣдствіе этого наставленія, при-

нялся за службу съ жаромъ: онъ приходилъ въ департаментъ первый и уходилъ оттуда послѣдній. Это усердіе, а главное— отличный почеркъ его обратили на него вниманіе начальства, и ему дана была первая открывшаяся вакансія помощника столоначальника.

Однако страсть къ литературѣ, несмотря на чиновническія занятія, не оставляла Гребешкова ни на минуту. Онъ все продолжалъ писать стишки, взялъ на годъ билетъ въ библіотекѣ для чтенія Смирдина, бѣгалъ изъ департамента въ свободныя минуты прочитать въ кондитерской «Пчелку», зналъ всѣ литературныя продѣлки и сплетни и заучилъ наизусть всѣ александринскіе водевильные куплеты. Такого рода порыванія къ умственнымъ интересамъ ясно показывали, что онъ не можетъ долго пользоваться именемъ благонадежнаго чиновника. Къ тому же съ департаментскими товарищами своими онъ вовсе не водилъ дружбы, а лучшимъ пріятелемъ своимъ считалъ бывша́го учителя словесности, къ которому отъ времени до времени носилъ почитывать свои стишки и въ непогрѣшительный вкусъ котораго привыкъ какъ-то съ дѣтства безотчетно вѣровать.

— Бросьте,—говорилъ ему учитель словесности,—бросьте эти чиновническія занятія; займитесь серьезно литературой, поэзіей; у васъ талантъ; въ вашихъ стихахъ есть что-то этакое, почерпнутое изъ сердца, взятое прямёхонько вотъ отсюда (учитель указывалъ пальцемъ на лѣвый бокъ). Вы, батюшка, настроиваете душу на что-то этакое... Пора бы что-нибудь и напечатать. Почему же?.. Постойте-ка, я выберу лучшенькіе ваши стихи и отправлю къ какому-нибудь изъ журналистовъ, — вѣдь я со всѣми съ ними пріятель; за ваши стихи они будутъ мнѣ благодарны...

У Гребешкова закружилась голова отъ этихъ похвалъ, и совѣтъ бросить службу и заняться литературой глубоко палъ ему на сердце. Но тщетно онъ ожидалъ исполненія обѣщанія своего учителя; прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а стихи его не появлялись ни въ журналахъ, ни въ газетахъ. Причина этому была очень простая: учитель не зналъ ни одного изъ журналистовъ, а для приданія себѣ бо̀льшаго вѣса любилъ иногда

прихвастнуть. Отчаясь наконецъ въ его протекціи, Гребешковъ, мучимый желаніемъ видѣть имя свое въ печати, рѣшился дѣйствовать самъ по себѣ, и въ одно прекрасное утро написалъ слѣдующее письмо къ издателю какой-то газеты:

«Милостивый государь!

«Извѣстность, пріобрѣтенная вами на поприщѣ журналистики, и неотъемлемыя достоинства вашей газеты влекутъ самолюбіе каждаго образованнаго человѣка попасть въ число вашихъ сотрудниковъ. Чувствуя въ себѣ влеченіе къ поэзіи, я хотя и не имѣю чести быть лично знакомъ съ вами, но рѣшаюсь безпокоить васъ покорнѣйшею просьбою—о помѣщеніи въ вашу газету прилагаемыхъ у сего стихотвореній моихъ, если они не будутъ противорѣчить цѣли вашего изданія. Я могу также заниматься и переводами съ французскаго, на тѣхъ условіяхъ, какія вамъ будетъ угодно мнѣ назначить. Адресъ мой на оборотѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.».

Письмо это и стихи Гребешкова сдѣлали очень пріятное впечатлѣніе на издателя какой-то газеты. И онъ, прохаживаясь по своему будуару въ ермолкѣ съ золотой кисточкой, съ сигаркой во рту и съ письмомъ Гребешкова въ рукѣ, говорилъ такъ своему главному сотруднику, бросая значительные и довольные взгляды на ту стѣну, гдѣ висѣлъ его портретъ, окруженный портретами всѣхъ великихъ людей, начиная съ Сократа до Жюль-Жанена включительно.

— Стишки очень недурны, и письмо написано умно и ловко: видно, что писалъ его человѣкъ свѣтскій, образованный. Конечно, въ стихахъ видна еще неопытность пера, коекакіе промахи, но все-таки они заслуживаютъ вниманія. Надобно приласкать этого молодого человѣка и не допустить его до той шайки...

Извѣстно, что русская литература раздѣляется на нѣсколь-

ко партій, которыя враждують между собою не за внутреннія убѣжденія и идеи, а изъ того, что одна у другой хлѣбъ отбиваетъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ: я хотѣлъ сказать только, что одна литературная партія называетъ всегда другую враждебную ей партію — шайкой.

— Мы его притянемъ къ себѣ, — продолжалъ издатель какой-то газеты, указывая на письмо Гребешкова; — непремѣнно притянемъ... Послушайте, напримѣръ, вотъ начало его стиховъ...

Издатель сталъ въ позитуру и началъ декламировать:

Когда ты розовой ручонкой
Мнѣ изъ кареты шлешь привѣтъ,
Иль скачешь въ полѣ амазонкой,
И конь твой топчетъ вешній цвѣтъ.
Когда на балѣ въ вихрѣ танца
Несусь я, дивная, съ тобой,
И ты горишь красой румянца
И брызжешь страстью огневой,
Или поутру въ будуарѣ
Сидишь съ распущенной косой
Въ прозрачномъ бѣломъ пеньюарѣ
И въ пелеринкѣ голубой...

— И прочее. Очень мило! И, замѣтьте, какія неистасканныя риѳмы! Есть тутъ небольшая ошибка (издатель какой-то газеты усмѣхнулся). Дамы въ пеньюарахъ, убирая головы, не носятъ пелеринокъ; ну, да это ничего... Эти стихи непремѣнно надо помѣстить въ слѣдующемъ нумерѣ...

Ни съ чѣмъ не сравнится восторгъ видѣть впервые имя свое чётко выпечатаннымъ на страницѣ журнала или газеты! Гребешковъ вполнѣ испыталъ это въ день выхода того нумера газеты, гдѣ напечатаны были стихи его. Онъ въ этотъ день даже не пошелъ въ департаментъ, а все гулялъ по Невскому проспекту и заходилъ въ разныя кондитерскія, чтобъ посмотрѣть, читаютъ ли завѣтный для него нумеръ... И все казалось ему, что и прохаживающіеся по Невскому и сидящіе въ кондитерскихъ смотрятъ на него совсѣмъ не такъ, какъ вче-

ра, а совершенно иначе, съ особеннымъ любопытствомъ, какъ будто думаютъ: «А! вотъ господинъ-то, прекрасные стихи котораго напечатаны въ сегодняшнемъ нумерѣ газеты!»

Этотъ день былъ рѣшительнымъ днемъ въ жизни Гребешкова. Если бъ издатель какой-то газеты не обратилъ на него вниманія, онъ, можетъ быть, понемножку сталъ бы охладѣвать къ литературѣ, обратился бы съ прежнимъ жаромъ къ своей должности, и все служилъ бы, и служба обратилась бы ему въ привычку, и дослужился бы онъ до статскаго совѣтника, и женился бы, и жена бы его захотѣла быть генеральшей и, въ угодность женѣ, онъ продолжалъ бы служить, и дослужился бы до генеральства. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ бы незамѣтно свою карьеру, обезпечилъ бы на службѣ благосостояніе своего семейства, былъ бы славою и гордостью своихъ родственниковъ и заслуживалъ бы отъ общества прозваніе человѣка прекраснаго и благонамѣреннаго.

Но судьба распорядилась иначе, натолкнувъ его на издателя какой-то газеты, съ которымъ онъ познакомился вскорѣ послѣ напечатанія своихъ стиховъ. Имя его послѣ того чаще и чаще стало появляться въ газетѣ и подъ стишками и подъ разсказами; наконецъ, онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ сотрудникомъ издателя газеты и сошелся на ты со многими сочинителями, что казалось чрезвычайно лестно его самолюбію, стремившемуся къ литературнымъ почестямъ и славѣ.

Къ храму этой соблазнительной литературной славы стремился и издатель какой-то газеты всѣми помыслами возвышенной души своей...

ГЛАВА II.

О заманчивости артистической жизни.

Издатель какой-то газеты хотѣлъ непремѣнно и во что бы то ни стало добиться того, чтобъ вся Россія знала, что его зовутъ Александромъ Петровичемъ. Съ этою цѣлью онъ и на-

чалъ издавать свою газету. До изданія газеты онъ былъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ сочинитель нѣсколькихъ интермедій съ куплетами, которыя производили большой эффектъ въ залѣ Александринскаго театра, и какъ замысловатый фельетонистъ, владѣвшій тактомъ общежитія и особеннымъ даромъ объясняться въ печати съ «прекраснымъ поломъ», ловко и кстати приправляя русскую рѣчь французскими восклицаніями и фразами. Въ частной жизни онъ былъ такъ же любезенъ, какъ въ печатномъ мірѣ, и такъ же любилъ блеснуть собой въ обществѣ, какъ и въ литературѣ. Рѣшительно никто изъ русскихъ сочинителей не одѣвался лучше его. И у себя дома, и на улицѣ, и въ гостяхъ, онъ всегда походилъ на картинку, только что вырѣзанную изъ моднаго журнала. Его домашній сюртукъ изъ термоламы съ кистями, его венгерка съ брандебурами для гулянья, его узенькій свѣтло-синій фракъ съ блестящими пуговицами для вечеровъ такъ мастерски обтягивали его талію, такъ живописно рисовались на немъ, что невозможно было вдругъ рѣшить: чему слѣдовало болѣе удивляться — искусству ли его портного шить платье, или вкусу и умѣнью одѣваться того, кто носилъ ихъ? Комнаты его были такъ же изысканно убраны, какъ онъ самъ: полы натерты, столы налакированы, нигдѣ ни пылинки; на столахъ и этажеркахъ сувениры изъ бисера и изъ шелка, на стѣнахъ картины, портреты и сигарочницы на гвоздикахъ, — вездѣ симметрія, галантерейность и признаки умѣнья жить въ свѣтѣ. Въ такихъ комнатахъ рѣшительно нельзя было говорить: «сударыня» или «сударь», а непремѣнно monsieur и madame. Вѣроятно поэтому издатель какой-то газеты и не говорилъ иначе. Ничто такъ не оскорбляло его тонкаго свѣтскаго чувства, какъ грубый и неприличный тонъ, какимъ нѣкоторые изъ русскихъ сочинителей объясняются съ публикою. Такія фразы, какъ напримѣръ: «матушка сударыня почтеннѣйшая публика», «по-нашему, такъ надо рѣзать правду-матку въ глаза» — онъ не могъ слышать безъ ужаса. Болѣе всѣхъ сочинителей возмущалъ его одинъ изъ жестокихъ враговъ его, Ѳетюковъ, съ которымъ, однако, до изданія своей газеты, онъ, говорятъ,

былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ. Өетюковъ не сходилъ съ языка его; онъ въ каждомъ нумерѣ своей газеты писалъ на него статьи и послѣ каждой статьи говорилъ своимъ пріятелямъ: «чтó, каково я отдѣлалъ его? погодите, да я его непремѣнно совсѣмъ уничтожу, я докажу ему, что онъ невѣжа, безграмотный, не знаетъ свѣта, не понимаетъ никакихъ приличій...».

На литературныхъ вечерахъ издателя какой-то газеты, куда сходилась вся литературная тля его прихода, только и толковъ было, что о Өетюковѣ, да о томъ, какого сочинителя въ какомъ журналѣ разругали или расхвалили. Если же на минуту разговоръ прекращался, хозяинъ дома, какъ человѣкъ свѣтскій, чтобъ занять гостей своихъ, тотчасъ вынималъ изъ портфеля, который всегда былъ у него подъ рукою, свои новыя статейки противъ Өетюкова и начиналъ чтеніе, прерывавшееся, разумѣется, ободрительными возгласами собранія. Гребешковъ сдѣлался необходимымъ членомъ этихъ вечеровъ. Онъ болѣе всѣхъ изъявлялъ негодованіе противъ Өетюкова и болѣе всѣхъ восхищался статьями издателя какой-то газеты, не отдавая себѣ впрочемъ никогда отчета ни въ своемъ восхищеніи, ни въ своемъ негодованіи.

Число знакомыхъ Гребешкова значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ записался въ сочинители, сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ театра и поклонникомъ одной водевильной актрисы, которая была любимицею публики. — Его знакомства даже заискивали многіе изъ господъ, посѣщавшихъ Александринскій театръ. Они прекрѣпко жали ему руку и при встрѣчѣ съ нимъ всегда спрашивали: «А что, не изволили ль сочинить что-нибудь новенькое?» Все это льстило самолюбію Гребешкова, и онъ какъ-то невольно началъ считать себя человѣкомъ значительнымъ, а для того, чтобы казаться еще значительнѣе (слабость очень понятная) позволялъ себѣ иногда прихвастнуть. Хвастовство это сначала было не совсѣмъ ловко, но впослѣдствіи онъ получилъ къ нему большой навыкъ, особенно когда увидѣлъ, что всѣ вокругъ него хвастали и лгали безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Между новыми его знакомыми, которыми онъ дорожилъ,

болѣе прочихъ, были два актера Александринскаго театра, изъ которыхъ одинъ обращался съ нимъ совершенно по-дружески. Актеръ этотъ сочинялъ водевили и просилъ Гребешкова написать для своего бенефиса нѣсколько куплетовъ. Гребешковъ съ радостію исполнилъ его желаніе... Куплеты, сочиненные Гребешковымъ, произвели величайшій эффектъ и въ особенности одинъ куплетъ, начинавшійся такъ:

Нынче многіе на свѣтѣ
Ѣздятъ четверней въ каретѣ,
Задаютъ на славу балъ,
Гдѣ танцуютъ наповалъ;
А на завтра: охъ! да охъ!
Все имѣніе въ залогъ!

Этотъ куплетъ по требованію образованной публики былъ даже повторенъ четыре раза. Актеръ надулся за это на Гребешкова; но когда до актера дошли слухи, будто бы Гребешковъ во время представленія водевиля разсказывалъ, что всѣ куплеты сочинены имъ, а не актеромъ, дружбѣ ихъ началъ угрожать страшный разрывъ, ибо актеръ, въ бѣшенствѣ ударивъ кулакомъ о столъ, закричалъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ:

— Ну, чортъ возьми, попадись онъ мнѣ сейчасъ, я не отвѣчаю за себя... такую оплеуху закачу ему...

Гребешковъ былъ легокъ на поминѣ и тотчасъ послѣ этой угрозы вошелъ въ комнату актера. Разгоряченный актеръ бросился къ нему навстрѣчу... и сказалъ ему:

— А, здравствуй, душа моя. Откуда тебя нелегкое принесло?.. За тобой еще, помнится мнѣ, бутылка шампанскаго... Разопьемъ-ка ее теперь.

И онъ запѣлъ:

Ну холопа по затылку,
Дай ему скорѣй толчокъ,
Онъ слетаетъ въ погребокъ,
Принесетъ Клико бутылку...

— Кутнемъ, душенька! вѣдь мы съ тобой артисты, а артисты, знаешь, живутъ нараспашку.

— Именно, братецъ! — закричалъ Гребешковъ, бросая свой кошелекъ на столъ. — Вотъ тебѣ мой кошелекъ, Вася; бери деньги, посылай сейчасъ за шампанскимъ...

— То-есть за вдовушкой? — замѣтилъ актеръ, — за мадамъ Клико?.. да?

— Разумѣется.

— Ай-да Коля? Я было, знаешь, на тебя немножко и посерживался... коли правду сказать, да нѣтъ, не могу... ты, чортъ тебя возьми, такой добрый малый, что и сердиться-то на тебя нельзя... ей-Богу... артистъ, братецъ, нашъ братъ, бон-виванъ.

Когда шампанское было принесено и они выпили по стакану, Гребешковъ сказалъ актеру:

— Ну, братецъ, а когда же ты меня познакомишь съ Катериной Васильевной? Вѣдь это не по-пріятельски. Сколько времени ты обѣщаешь...

Катерина Васильевна была та водевильная актриса, къ поклонникамъ которой принадлежалъ Гребешковъ.

— Ужъ познакомлю, — отвѣчалъ актеръ, выпивая второй стаканъ, — сказалъ, что познакомлю — и кончено. Вотъ тебѣ слово артиста... и въ картишки, знаешь, будемъ у нея дуться. Она славная дѣвчонка, и ужъ, понимаешь, то-есть, въ фараонъ и преферансикъ—во что хочешь готова... такая охотница, что вотъ жизнь, кажется, за карты готова положить... Малиной ее, братецъ, не корми; ужъ картишки то-есть просто дороже для нея всего... Я всегда, братецъ, скажу, что мы, артисты, умѣемъ лучше жить, чѣмъ всѣ эти... одно то, что ужъ артистъ, это много значитъ... Жалованье, братецъ, первымъ сюжетамъ хорошее, ну, что ни говори, а еще сверхъ того поспектакльныя. Только всякій артистъ долженъ знать себѣ цѣну, вотъ что...

Жизнь артистовъ, въ томъ значеніи, какъ понималъ ее актеръ, сочинявшій водевили, и какъ понимаютъ ее нѣкоторые русскіе актеры, очень любопытна. Артистъ, обыкновенно,

только что открываетъ глаза утромъ, позѣвывая и потягиваясь, схватываетъ трубку, набиваетъ ее и затягивается; потомъ лѣниво принимается за засаленную тетрадь съ своей ролью, просматриваетъ ее, позѣвывая и потягиваясь, и наконецъ бросаетъ тетрадь съ досадою, проговоривъ сквозь зубы: «чтобъ чортъ ее побралъ!»; потомъ выколачиваетъ на полъ табачную золу и набиваетъ новую трубку; потомъ начинаетъ прохаживаться по комнатѣ, прихлебывая чай и посвистывая; потомъ кормитъ своего скворца, или соловья, или жаворонка, висящаго въ его кабинетѣ; потомъ отправляется на репетицію; съ репетиціи заходитъ въ ближайшій трактиръ сыграть съ маркеромъ партіи двѣ-три въ бильярдъ; изъ трактира идетъ на Невскій проспектъ, — на Невскомъ встрѣчается съ пріятелемъ, который заводитъ его въ трактиръ и потчуетъ шампанскимъ; потомъ обѣдаетъ, спитъ и отправляется съ просонья въ театръ, приговаривая: «проклятая должность!»; потомъ изъ театра ѣдетъ къ актрисѣ-пріятельницѣ перекинуть въ картишки, или отправится съ новымъ пріятелемъ ужинать и опять пить шампанское... Вино, пріятели и карты играютъ первую роль въ такъ называемой жизни артиста.

Гребешковъ скоро и глубоко проникнулся ею, и тѣхъ изъ литераторовъ, которые не вели знакомства съ актерами, называлъ анахоретами.

Артистическая жизнь мало-по-малу вовсе отвратила его отъ служебныхъ занятій.

Но въ то самое время, когда онъ совершенно потерялъ уваженіе чиновниковъ своего департамента, онъ пользовался уже большимъ значеніемъ у издателя какой-то газеты. Издатель замѣтилъ въ немъ большую смѣлость и смѣтливость — качества неоцѣненныя для сотрудника газеты или журнала и иногда поручалъ ему писать рецензіи на разныя вновь выходящія книги. Нуждаясь въ дѣятельномъ сотрудникѣ, котораго, по неопытности, онъ могъ бы обсчитывать въ случаѣ нужды при денежныхъ расчетахъ (а онъ именно Гребешкова считалъ такимъ), издатель какой-то газеты старался какъ можно сильнѣе закрѣпить свою связь съ нимъ, и потому,

придравшись къ чему-то, тиснулъ объ немъ статейку, которая начиналась такъ:

«Увы, messieurs, большая часть нашихъ писателей, выступая на литературный горизонтъ блестящими звѣздами, вмѣсто того, чтобы болѣе и болѣе пріобрѣтать свѣта и блеска, тускнѣютъ и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ съ горизонта... Хотите знать причину этого?.. Извольте, я скажу вамъ: потому что литераторы наши находятъ мало поощренія въ прекрасномъ полѣ... О, mesdames, я хочу съ вами не шутя ссориться за то, что вы почти не читаете русскихъ книгъ!.. И именно вслѣдствіе равнодушія къ русской литературѣ прелестныхъ читательницъ, у насъ такъ немного писателей, идущихъ по трудной дорогѣ усовершенствованія. Изъ молодыхъ талантовъ, такъ справедливо оцѣненныхъ въ послѣднее время образованною публикою (замѣтьте, mesdames, когда я говорю объ образованной публикѣ, я думаю объ васъ) — одинъ господинъ Гребешковъ мужаетъ съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ... У него всегда вы найдете и оригинальную, очень счастливую идею, и чувство, и какую-то даже граціозность въ выраженіи. N'est-ce pas, mesdames?.. и проч.».

Статейка эта дѣйствительно подѣйствовала на Гребешкова. Онъ принялся работать для газеты еще съ бо́льшимъ жаромъ и написалъ огромную критическую статью, въ которой наговорилъ и о среднихъ вѣкахъ, и о Людовикѣ XIV, и о Шекспирѣ, и о Байронѣ, и о Жоржъ-Зандѣ, назвавъ ее, между прочимъ, чудовищнымъ и безнравственнымъ порожденіемъ неистовой французской литературы... Надобно сказать, что Гребешковъ читалъ кое-что изъ Шекспира и Байрона, и то въ русскихъ переводахъ, а о Жоржъ-Зандѣ не имѣлъ никакого понятія и только слышалъ отъ кого-то, что она ходитъ въ мужскомъ платьѣ и куритъ сигары. Какъ бы то ни было, статья его понравилась не только большинству публики, но и самому издателю какой-то газеты, который даже приписалъ ее себѣ, потому что подъ ней не стояло ничьего имени.

Около этого времени до издателя какой-то газеты дошли очень непріятныя вѣсти, что главнаго сотрудника его Ѳетю-

ковъ переманиваетъ къ себѣ, что этотъ сотрудникъ безпрестанно бѣгаетъ къ Ѳетюкову съ различными пересказами, и что всѣ эти пересказы съ украшеніями и прибавленіями должны появиться въ печати. Надо было дѣйствовать рѣшительно. Тотчасъ же устранивъ отъ себя предателя, издатель какой-то газеты предложилъ его мѣсто Гребешкову.

— Главное,—говорилъ ему издатель,—заботьтесь о хорошемъ тонѣ въ вашихъ статьяхъ... имѣйте въ виду, что газету нашу читаютъ въ высшемъ обществѣ; поэтому никакая тривіальность у насъ не можетъ быть терпима... Почаще давайте щелчки Ѳетюкову... конечно, я почти уничтожилъ его, и лежачаго не бьютъ... но все-таки... Когда же вы будете писать театральныя статьи, то отдѣлывайте хорошенько этихъ жалкихъ водевилистовъ... Скоро, можетъ быть, пойдетъ драма Павлюкова: *Навуходоносоръ*. Павлюковъ человѣкъ хорошій, мы съ нимъ пріятели... И если я почему-нибудь самъ не буду расположенъ написать разборъ его пьесы, то попрошу васъ; начало уже у меня готово. Вотъ оно: «Съ грустію шли мы въ Александринскій театръ, зная, что Аполлонъ давно отвратилъ отъ него лицо свое, зная, что всѣ лучшіе драматическіе писатели давно не оживляютъ своими созданіями его мертвой сцены, но къ удивленію нашему» и проч...

Гребешковъ, получивъ такъ неожиданно званіе присяжнаго критика и условясь съ издателемъ въ платѣ за труды свои, которая, по его мнѣнію, должна была обезпечить его,—нѣсколько дней послѣ этого находился въ полномъ упоеніи. Онъ, какъ человѣкъ безусловно располагавшій самимъ собою (потому что отца его давно не было на свѣтѣ), подалъ въ отставку и только написалъ къ старушкѣ-матери письмо, въ которомъ старался убѣдить ее, «что онъ не созданъ для чиновническихъ занятій, что онъ имѣетъ призваніе гораздо высшее, къ поэзіи, что литературой онъ надѣется пріобрѣсти себѣ состояніе» и проч. Старушка-мать, прочитавъ это письмо, сомнительно покачала головою, положила его въ ридикюль, отправилась въ уѣздный городъ къ одному изъ чиновниковъ земскаго суда посовѣтоваться съ нимъ насчетъ своего сумасброда Николашеньки, и потомъ уже, съ помо-

щію этого чиновника, написала къ сыну отвѣтъ такого содержанія: «Ты еще почти мальчикъ, Николаша, и не годится въ твои лѣта быть безъ дѣла. Я говорила объ тебѣ съ Иваномъ Астафьичемъ, онъ человѣкъ умный и вице-губернаторъ къ нему особенно внимателенъ, и Иванъ Астафьичъ тоже сказалъ, что можно безъ дѣла избаловаться, а что поэзія не дѣло. Охъ-охъ! то-то и есть: молодо—зелено! А говоришь ты, что не рожденъ для службы, такъ это, мой другъ, пустяки; всякій рожденъ на то, чтобы служить государю и наживши службой уваженіе и деньги выйти въ отставку, а въ такихъ лѣтахъ, какъ ты, выходить въ отставку не слѣдъ...»

Но отвѣтъ этотъ, разумѣется, заставилъ только улыбнуться Гребешкова... Отставка лежала уже у него на столѣ, а въ головѣ его вертѣлись самыя соблазнительныя мечты о томъ, какъ имя его будетъ со временемъ гремѣть въ литературѣ, какъ будетъ онъ издавать свой журналъ, какія статьи будутъ въ этомъ журналѣ, сколько у него будетъ подписчиковъ... какъ онъ разбогатѣетъ, какую коляску купитъ себѣ, какой масти заведетъ лошадей...

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ онъ постоянно утѣшалъ себя такими мечтами. Однажды, когда онъ сидѣлъ за какой-то критической статьей и грызъ перо отъ недостатка внутренняго содержанія, ему вдругъ пришли на память мысли, гдѣ-то и когда-то имъ вычитанныя, — «что образованіе критики должно быть утверждено на прочномъ основаніи науки, на изученіи великихъ явленій поэзіи и жизни; что назначеніе критика высоко и священно; что онъ долженъ быть глашатаемъ истины, провозвѣстникомъ идей живыхъ и новыхъ, образователемъ и просвѣтителемъ массы; что душа его должна быть проникнута горячимъ убѣжденіемъ, святой вѣрой въ успѣхъ и совершенствованіе; что онъ поставленъ па стражѣ искусства и непрестанно обязанъ пещись, чтобъ оно не забывало своего божественнаго назначенія: всегда нести впередъ общество и обновлять силы его...» Съ смущеніемъ вникалъ Гребешковъ въ многозначительный смыслъ этихъ словъ, и его охватывало мучительное сознаніе собственнаго ничтожества и безсилія. Впервые представился ему

издатель какой-то газеты и всѣ эти сочинители, его пріятели — ничтожными, незамѣтными насѣкомыми, и онъ уже готовъ былъ бросить всѣ свои жалкія литературныя писанья, отречься отъ всѣхъ претензій на литературную славу и бѣжать куда-нибудь подальше отъ этой литературы и отъ своихъ пріятелей — учиться, учиться!

— Наше вамъ! поздравляю тебя, душа моя. Коля! — сказалъ въ эту минуту вошедшій къ нему актеръ-водевилистъ, бросая шляпу на столъ и разваливаясь на диванѣ... — Ты, говорятъ, сдѣлался великимъ человѣкомъ, братецъ, нашимъ грознымъ судіею? а? Вели-ка подать мнѣ трубку; смерть хочется затянуться, да нѣтъ ли у тебя водки: вели ужъ и водки кстати подать... Критикъ! покорно прошу! Только ты у меня смотри: пріятелей не задѣвать, а не то я тебѣ такъ ушонки надеру...

Гребешковъ не слыхалъ половины сказаннаго актеромъ. Онъ не могъ вдругъ освободиться отъ мыслей, которыя такъ неожиданно вывели его изъ состоянія всегдашняго самодовольствія и беззаботности.

— Да что жъ ты это, Коля, что съ тобой? Ты ничего не слышишь? Ужъ не хватилъ ли ты спозаранку вмѣсто чая — ромео?

Гребешкову стало стыдно своей минутной задумчивости.

— А! здравствуй, Вася, — сказалъ онъ наконецъ будто съ просонья и потянувшись, — нѣтъ, ничего, это такъ... Да, братецъ, мы критики, не шути теперь съ нами.

— Слышалъ, слышалъ!.. Для дебюта-то, душенька, нельзя ли отхватать нашего режиссера... Такая, братецъ, анаѳема, что ужасъ. Ей-Богу, катни-ка его, то-есть вотъ какъ утѣшишь...

Актеръ приложилъ руку къ губамъ, поцѣловалъ ее и потомъ сдунулъ поцѣлуй прямо въ лицо Гребешкову.

— Царапнемъ-ка, братъ, красоулю туманной, — продолжалъ актеръ, указывая на принесенную водку.

— Пожалуй, — сказалъ Гребешковъ, наливъ себѣ рюмку и выпивъ ее залпомъ.

Черезъ минуту всѣ встревожившія его мысли показались

ему сущимъ вздоромъ. Онъ не понималъ, какъ можно было хоть одну секунду усомниться въ умѣ и талантахъ издателя какой-то газеты и, постепенно погружаясь въ прежнее апатическое самодовольствіе, съ любопытствомъ началъ выслушивать разсказы актера о томъ, какъ одна актриса поссорилась съ другою на репетиціи; какъ какой-то актеръ назвалъ какую-то актрису такимъ именемъ, что и сказать нельзя; сколько онъ выпилъ за ужиномъ у пріятеля, какъ потомъ жиганулъ въ банчишку и прочее.

Занимательные разсказы актера прерваны были приходомъ молодого человѣка въ очкахъ, въ тепломъ сюртукѣ, съ шеей, обвязанной шерстянымъ шарфомъ, и съ книгами подъ мышкой.

— Кого я, боги, зрю? — заревѣлъ актеръ, пародируя одного знаменитаго трагическаго актера и возложивъ съ трагическою важностію руку на плечо вошедшаго. — А въ самомъ дѣлѣ, гдѣ это вы пропадать изволили? тысячи лѣтъ не видались, почтеннѣйшій.

— Здравствуйте, — сказалъ молодой человѣкъ, кланяясь актеру и хозяину дома...—Занятъ, ужасно занятъ... Занимаясь различными изслѣдованіями, приготовляю статью... Ну-съ, а вы, Николай Николаичъ, что подѣлываете?

— Да такъ, ничего особеннаго, все вожусь вотъ съ этими книжонками, — отвѣчалъ Гребешковъ, съ гримасой указывая на свой письменный столъ...

У молодого сочинителя, который также исправлялъ должность литературнаго сплетника, засверкали глаза...

— Съ какими это книжонками? — воскликнулъ онъ, бросаясь къ столу, быстро перебравъ всѣ лежавшія на немъ книжки и искоса взглянувъ на записки, письма и бумаги.

— И эта дребедень вамъ не надоѣла? — замѣтилъ актеръ, обращаясь къ литературному сплетнику съ ироническою улыбкою, указывая на книги:

Повѣрьте, въ книгахъ толку нѣтъ,
Холодный старецъ, отрокъ пылкій
И просто знаетъ цѣлый свѣтъ,
Что толкъ сокрыть на днѣ бутылки...

— Теперь вамъ, вѣрно, много работы, Николай Николаичъ, — продолжалъ литературный сплетникъ, не слушая актера: — впрочемъ, что жъ! за хорошую плату можно работать... Я ужасно обрадовался, когда узналъ, что вы будете писать рецензіи въ газетѣ. А слышали вы: Ѳетюковъ, говорятъ, готовитъ большую статью на Александра Петровича и объ васъ тамъ что-то такое... мнѣ это все сказывалъ Календовъ... Онъ встрѣтилъ Ѳетюкова на Невскомъ; Ѳетюковъ схватилъ его за руку, отвелъ въ сторону и говоритъ ему: «Я, говоритъ, васъ расхвалю, а ужъ ту шайку, говоритъ, отдѣлаю»; тутъ подбѣжалъ къ нимъ Пѣтушковъ... Ѳетюковъ началъ съ Пѣтушковымъ шептаться... и потомъ они вмѣстѣ пошли въ книжную лавку Лакоткова. Ѳетюковъ съ Лакотковымъ предпринимаетъ, говорятъ, какое-то новое изданіе... Что у васъ за рукопись на окнѣ?

Литературный сплетникъ подбѣжалъ къ окну.

— А васъ, говорятъ, — продолжалъ онъ, обращаясь отъ окна къ актеру, — Ѳетюковъ расхвалилъ за вашъ послѣдній водевиль и по этому случаю надѣлалъ разныхъ намековъ на Александра Петровича.

— Смѣлъ бы онъ меня не расхвалить,—замѣтилъ актеръ,— да я бы ему... я бы не знаю, что съ нимъ сдѣлалъ.

— На будущей недѣлѣ бенефисъ Скворцова. Вѣдь «Навуходоносоръ» идетъ, кажется?

— Да, разный соръ, — сказалъ актеръ, захохотавъ во все горло.

— А слышали ли вы, что третье и четвертое дѣйствіе «Навуходоносора» писалъ, говорятъ, совсѣмъ не Павлюковъ, а Недопескинъ за 1500 рублей? Только это секретъ: пожалуйста, никому не говорите. Что *вы* будете писать объ этомъ спектаклѣ, Николай Николаичъ?

— Кажется, что я...

— Ну, прощайте, мнѣ некогда, такъ, право, занятъ, надо еще зайти въ разныя мѣста... посмотрѣть одну книгу въ публичной библіотекѣ, забѣжать къ Смирдину.

— И мнѣ пора, — сказалъ актеръ, — пойдемте-ка вмѣстѣ. Прощай, Коля.

— Прощайте, господа, до свиданія, — сказалъ Гребешковъ.

Литературный сплетникъ и актеръ вышли, но сплетникъ черезъ минуту высунулъ голову въ дверь и закричалъ:

— Да, я забылъ вамъ сказать: у Ѳетюкова послѣ завтра обѣдъ; говорятъ, Лоскутовъ издаетъ собраніе различныхъ театральныхъ пьесъ и подарилъ Ѳетюкову два ящика шампанскаго за то, чтобъ онъ расхвалилъ его собраніе. Прощайте; некогда...

Сплетникъ побѣжалъ къ Павлюкову объявить ему, что о бенефисѣ Скворцова будетъ писать Гребешковъ, а Гребешковъ одѣлся и отправился на Невскій проспектъ въ свою любимую кондитерскую, подъ вывѣской прелестной турчанки, держащей въ рукѣ рюмочку съ мороженымъ, и статнаго турки, занимающагося чтеніемъ русскихъ газетъ.

ГЛАВА IV.

Драматическій писатель.

Утромъ, наканунѣ представленія «Навуходоносора», Гребешковъ у себя дома срывалъ десятирублевый банкъ, заложенный для него актеромъ-водевилистомъ, съ которымъ онъ почти не разставался. Передъ ними стояла бутылка хереса. На полу разбросаны были мѣлки, и въ разныхъ мѣстахъ кучками лежала табачная зола.

— Ты меня сегодня, кажется, облупишь, какъ липку, — говорилъ актеръ Гребешкову, начиная метать новую талію...— Проклятый этотъ крестовый хамъ... Три раза убитъ въ одну талію... Ну, а эту талію ужъ экскюзе... я тебѣ его не дамъ, ни за что не дамъ... двойка, тройка, дама...

Гребешковъ весь обратился въ зрѣніе, смотря на карты.

— Простите меня, — прошепталъ сзади его чей-то незнакомый ему голосъ, — что я, не имѣвъ удовольствія быть вамъ представленнымъ, рѣшился самъ...

Гребешковъ вздрогнулъ, вскочилъ со стула и увидѣлъ передъ собой человѣка средняго роста, полнаго, съ румяными

щеками, въ завиткахъ и съ распомаженными усами, который расшаркивался и раскланивался передъ нимъ, и въ то же время протягивалъ руку актеру.

— А-а! Павелъ Яковличъ! — сказалъ актеръ, преспокойно посмотрѣвъ на нежданнаго гостя и пожавъ протянутую ему руку: — ви бефинденъ зи зихъ?.. Что жъ, Коля, братецъ, развѣ ты не хочешь, чтобъ я докончилъ талію?

— Нѣтъ, что за вздоръ, это шутки, мы только такъ...— Гребешковъ весь вспыхнулъ и совсѣмъ смѣшался.

— Позвольте мнѣ представить себя, — продолжалъ пищать вошедшій; — я Павлюковъ, давно имѣлъ желаніе съ вами познакомиться... много наслышанъ объ васъ... впрочемъ я давно уже знакомъ съ вами заочно; ваши стихотворенія наизусть знаю. Это, я думаю, лучшія у васъ стихотворенія; всегда мысль, чувство... очень пріятно познакомиться... А съ Александромъ Петровичемъ мы старые знакомые, друзья, можно сказать.

— Очень радъ...—сказалъ Гребешковъ, запинаясь и подставляя ему стулъ... — Извините, что вы такъ застали насъ... я...

— Понимаю, понимаю, — запищалъ Павлюковъ, — вы вѣрно сегодня утромъ много занимались, напрягли, знаете, этакъ умственныя способности и потомъ захотѣли нѣсколько развлечь себя картами. Это очень понятно, я по себѣ знаю... Прошу васъ быть со мной безъ церемоніи; я человѣкъ простой, да и церемониться-то вамъ со мной казалось бы не для чего: собраты по ремеслу, промышляемъ, знаете, однимъ товаромъ.

И Павлюковъ залился-отъ полноты души дребезжащимъ и пронзительнымъ смѣхомъ.

— Ну, а вы что-съ, Василій Иванычъ? — продолжалъ онъ, обратясь къ актеру...—Что хорошенькаго подѣлываете?

— Да ничего-съ, — отвѣчалъ актеръ, наливая себѣ стаканъ хереса, — прохаживаемся по хересамъ.

Павлюковъ снова захохоталъ.

— Это понятно, очень понятно... я по себѣ сужу... знаете,

бывало, въ старину рюмка хереса, да это я вамъ скажу дороже всѣхъ тамъ этихъ нектаровъ и Богъ знаетъ чего... 37 лѣтъ пространствовалъ, батюшка, въ этомъ мірѣ, насмотрѣлся на все... да потомъ, думаю себѣ: что жъ! не цѣлый же вѣкъ бить баклуши; займусь, думаю себѣ, чѣмъ-нибудь... Литература, вѣрите ли, всегда была моя пассія; я въ жизнь свою столько томовъ перечелъ, что и счетъ потерялъ, ей Богу; а мыслишки всегда этакъ, знаете, бродили въ головѣ. Думаю, чѣмъ чортъ не шутитъ, попробую написать что-нибудь, да, знаете, по-военному, взялъ перо, скомандовалъ себѣ: скорымъ шагомъ — маршъ! Ну, а тамъ, что вышло, не мое дѣло судить: вы наши судьи, вы люди ученые, такъ вамъ и книги въ руки.

— Я всегда съ большимъ удовольствіемъ читалъ ваши произведенія, — замѣтилъ Гребешковъ.

— Очень благодаренъ вамъ (Павлюковъ съ пріятностью улыбнулся). Намъ, знаете, людямъ темнымъ, нечего гоняться за какими-нибудь превыспренними мыслями: мы беремъ предметы себѣ по плечу... Ѳетюковъ, пожалуй, и увѣряетъ, что я не имѣю никакого таланта, а я еще доставилъ ему четырехъ подписчиковъ на его журналъ, какъ честный человѣкъ... Что жъ, я добросовѣстной критики не боюсь, критикуй меня сколько хочешь, покажи мнѣ что хорошо, что дурно въ моихъ сочиненіяхъ, а то, знаете, просто ругать ни съ того ни съ сего... Что жъ это за критика?.. А я, ей Богу, еще всегда такъ хорошо отзывался о Ѳетюковѣ, а послѣ увидѣлъ, что онъ просто безсовѣстный человѣкъ, съ которымъ порядочному человѣку и дѣло имѣть стыдно.

— Порадуется же ваше сердце, — сказалъ актеръ, — Коля такъ его отлупилъ сегодня въ статьѣ своей, то-есть, просто, что называется, на всѣ корки.

И актеръ указалъ чубукомъ на Гребешкова.

— И прекрасно! — запищалъ Павлюковъ, — такъ его и надо.... Онъ самое, я вамъ скажу, зловредное насѣкомое въ нашей литературѣ; такъ бы его взять, да и раздавить, какъ червяка, ей-Богу... И вы, Николай Николаичъ, мастеръ на это, такое у васъ, знаете, ядовитое перо... Я просто лакомлюсь ва-

шими сочиненіями: столько въ нихъ ума, учености, слогъ такой...

— Ну, ужъ вы его такъ превозносите, — сказалъ актеръ,— что онъ возмечтаетъ о себѣ и чортъ знаетъ что... Не правда ли, Коля?.. А? А ужъ я когда-нибудь выставлю тебя въ водевилѣ... Право... Коли признаться, такъ я недавно и куплетецъ сочинилъ на всѣхъ васъ, рецензентовъ... хочешь спою?

И актеръ запѣлъ:

«И писатели рецензій,
Вздернувъ съ важностью носы,
Преисполнены претензій,
Всѣхъ кладутъ насъ на вѣсы...
Прощалыги-рецензенты
Вы намъ, право, ни почемъ—
Кто же вамъ вручилъ патенты,
Чтобъ судить, рядить о всемъ?...

— Браво, браво, премило!

И въ этотъ разъ Павлюковъ залился уже такимъ смѣхомъ, который болѣе походилъ на вой гончей, почуявшей звѣря, чѣмъ на обыкновенный человѣческій смѣхъ.

— Только,—запищалъ онъ черезъ минуту,—этотъ куплетъ, конечно, уже совсѣмъ нейдетъ къ Николаю Николаичу... А у меня, коли правду сказать, есть то-есть, до васъ, Николай Николаичъ, маленькая просьбица... Надобно вамъ сказать, что я написалъ драму, какъ, вѣроятно, вамъ извѣстно, — и завтра рѣшается ея участь... Конечно, эта драма не первостатейное какое-либо произведеніе, — далеко отъ этого, — но есть, знаете, также кое-что: и фантазія и мыслишки; вотъ вы сами завтра увидите... Мнѣ бы, знаете, хотѣлось одного, если вы будете писать объ ней, такъ чтобы замѣтили мысль, которую я развилъ въ ней, а эта мысль, по-моему, совершенно новая, оригинальная... Видите, я хотѣлъ показать, что и великіе люди, такъ сказать — колоссы человѣчества, причастны, знаете, всѣмъ нашимъ земнымъ страстямъ: любви тамъ, ненависти, мщенію, всему этому, знаете, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось показать, что Навуходоносоръ былъ величаішимъ политикомъ своего времени, то-есть, видите, я

подъ Навуходоносоромъ отчасти разумѣлъ, между нами сказать, Наполеона... Неловко какъ-то Наполеона прямо выводить на сцену, вы сами согласитесь...

— Конечно, — сказалъ Гребешковъ, едва удерживая улыбку, — все это, что̀ вы говорите, очень можно замѣтить въ статьѣ.

— Пожалуйста; вы этимъ много меня обяжете... публикѣ надо растолковать все это, безъ этого нельзя... А сколько я мучусь съ актерами, кабы вы знали, — совсѣмъ не такъ читаютъ стихи, какъ слѣдуетъ; напримѣръ, Навуходоносоръ у меня въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Я обтекалъ міры орлинымъ окомъ
И мыслію надъ сферами парилъ...

Здѣсь актеръ долженъ сдѣлать удареніе надъ словами: *орлинымъ окомъ*, а онъ ударяетъ на словѣ *міры*; это ужъ совсѣмъ, знаете, выходитъ не то... Ну, да что̀ будешь дѣлать?.. Радъ, по крайней мѣрѣ, что билетовъ очень не много осталось въ кассѣ: кажется будетъ полный бенефисъ... это, какъ хотите, показываетъ, что публика любитъ серьезныя вещи, имѣетъ хорошее направленіе...

Павлюковъ посмотрѣлъ на часы.

— Ай-ай!.. какъ я у васъ засидѣлся... мнѣ и на репетицію пора! Къ тому же я, можетъ быть, мѣшаю вашимъ занятіямъ... Вы, вѣрно, будете завтра у бенефиціанта послѣ спектакля?

— Непремѣнно буду, — отвѣчалъ Гребешковъ.

— Итакъ, до пріятнаго свиданія... Позвольте мнѣ рекомендовать себя въ ваше расположеніе и надѣяться на продолженіе вашего знакомства... я вечеромъ, знаете, всегда дома. Женѣ моей будетъ также очень пріятно съ вами познакомиться... Прощайте, Василій Ильичъ, до свиданія... Не безпокойтесь, Николай Николаичъ, — продолжалъ Павлюковъ, выходя въ переднюю и надѣвая шинель, — что̀ за церемоніи! мы съ вами собраты по ремеслу; а я васъ съ сынишкомъ своимъ познакомлю: такой, право, бойкій, остренькій мальчуганъ... удивительныя способности... ужъ и теперь

въ литераторы смотритъ... ну, пусть его!.. До свиданія, до свиданія.

— Вотъ чудакъ-то! — сказалъ Гребешковъ актеру, когда Павлюковъ ушелъ.

— Чудакъ! — повторилъ актеръ, выколачивая табачную золу изъ трубки, — чудакъ! просто дрянь, братецъ, пустѣйшій человѣкъ; ругаетъ Өетюкова, а передъ нимъ подличаетъ... И «Навуходоносоръ»-то его выѣденнаго яйца не стòитъ... Билеты, говоритъ, разобраны!.. да онъ одинъ взялъ полпартера для своихъ друзей клакеровъ. Знаемъ мы эти штуки-то... А чтò же, Коля? кончимъ банчишку-то; за мною вѣдь синюха... хочешь на квитъ поставить карту?

— Пожалуй...

— Чтò идетъ?

— Девятка.

— Убита... Квитъ, братецъ. Да чтò это ты, не за писанье ли приниматься хочешь?

— Надо бы, признаюсь, статейку докончить.

— Что за вздоръ! еще успѣешь... Пойдемъ лучше куда-нибудь пошататься... Смертельная тоска! А?.. одѣвайся-ка. Зайдемъ въ трактиръ, притреснемъ на билліардѣ... У меня сердце чувствуетъ, что я спущу тебѣ сегодня красненькую съ хвостикомъ... ну, да ужъ такъ и быть... хоть ты, признаться, играешь-то по-бабьи, все пропежкой, да надвижкой, а все съ тобою надо ухо востро держать... иной разъ такъ запишешь жолтаго въ среднюю съ подкатцемъ, что просто наше почтеніе! Идемъ, что ли?

— Идемъ, — сказалъ Гребешковъ; — не хочется чтò-то ничего дѣлать, такая лѣнь!

ГЛАВА V.

Театръ.

Въ день представленія «Навуходоносора», часу во второмъ послѣ полудня, въ окнѣ театральной кассы выставлена была бумажка съ извѣщеніемъ: *на сегодняшнее представленіе всѣ*

билеты разобраны. Несмотря на это, у кассы толпилось нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ. Одинъ изъ офицеровъ, въ совершенномъ отчаяніи, стучалъ въ окно.

— Да что вамъ угодно? — съ досадой закричалъ кассиръ, — видите, кажется, что билетовъ нѣтъ.

— Неужели ни одного?

— Стало-быть, ни одного, коли касса закрыта, — отвѣчалъ кассиръ, не глядя на офицера.

— Таки рѣшительно ни одного мѣстечка?

Кассиръ молчалъ.

— Послушайте, да можетъ быть въ заднемъ ряду есть кресла?

— Фу-ты, Боже мой! — говорятъ вамъ, что нѣтъ.

— Сдѣлайте милость, — продолжалъ офицеръ нѣсколько плачевнымъ голосомъ, — вотъ намъ съ нимъ только два билета. — Онъ указалъ на своего товарища.

Кассиръ, не говоря ни слова, задернулъ окно занавѣской и отошелъ прочь.

— Это ужасно обидно, монъ-шеръ, пропустить такой спектакль!.. — сказалъ офицеръ своему товарищу и, пожавъ плечами, взглянулъ на всѣхъ стоявшихъ у окна въ молчаливомъ ожиданіи.

— Несчастіе-съ; кабы знать да вѣдать, накапунѣ надо бы запастись билетикомъ, — возразилъ чиновникъ, развертывая афишу въ полтора аршина длины. — Это пьесы ужъ можно сказать-съ... должны быть презанимательнаго содержанія-съ.

— Кё феръ, мон-шеръ? Allons, — сказалъ офицеръ, не удостоивъ чиновника взглядомъ...

И вслѣдъ за офицеромъ всѣ стоявшіе у кассы, грустно посмотрѣвъ другъ на друга, разбрелись въ разныя стороны.

Бенефиціантъ, какъ видно, былъ человѣкъ смѣтливый и умѣвшій угодить публикѣ... Это доказывала афиша, которую я считаю необходимымъ передать здѣсь въ сокращеніи:

Въ первый разъ:

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ и въ семи отдѣленіяхъ, сочиненіе П. Я. Павлюкова, съ разнохарактерными танцами.

Дѣйствіе I. Отдѣленіе I.

Таинственное подземелье.

Дѣйствіе II. Отдѣленіе II.

Ураганъ страстей.

Дѣйствіе III. Отдѣленіе III.

Непостижимое видѣніе.

Дѣйствіе IV. Отдѣленіе IV.

Страшный сонъ.

Дѣйствіе IV. Отдѣленіе V.

Клокотаніе ревности.

Дѣйствіе V. Отдѣленіе VI.

Открытіе чудовищнаго заговора.

Дѣйствіе V. Отдѣленіе VII и послѣднее.

Кровавое мщеніе.

Въ первый же разъ:

КОЛОМНЯ,

или зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ.

Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Бычкова (автора водевиля: «Проказы внучки, или слѣпая бабушка»).

Въ первый же разъ.

МАРѲА ИСАЕВНА ШАРЫГИНА,

или смерть Бусурманамъ.

Патріотическое представленіе въ одномъ дѣйствіи, соч. автора патріотической драмы «Дуняша-Калмычка».

Въ первый же разъ:

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ПОМѢЩИКЪ.

Интермедія въ одномъ дѣйствіи, съ танцами: русскими, башкирскими, цыганскими, татарскими и калмыцкими.

Начало въ 6 часовъ.

И ровно въ шесть часовъ Гребешковъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ. Занавѣсъ еще не поднимался, хотя театръ уже былъ набитъ биткомъ... Публика мужского и женскаго пола была въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, отборная... Въ первомъ ярусѣ развѣвались такія удивительныя перья, пестрѣли такіе чепцы и уборы, блестѣли такіе драгоцѣнные камни, какихъ, конечно, уже нигдѣ нельзя встрѣтить кромѣ Александринскаго театра: на это онъ имѣетъ особенную привилегію. Во второмъ ярусѣ во многихъ ложахъ находилось персонъ по десяти и по пятнадцати; видно было по всему, что два или три семейства сложились вмѣстѣ, чтобъ купить одну ложу; третій, четвертый ярусы и раекъ были унизаны головами, а въ раикѣ была такая страшная давка, что попавшіеся впередъ отчаянно и недвижимо висѣли на перилахъ, подвергая жизнь свою опасности. Въ партерѣ скромно и молчаливо сидѣли возлѣ разрумяненныхъ супругъ своихъ купчики съ бородками, вытирая пестрыми носовыми платочками потъ, катившійся градомъ по лицу ихъ, ибо въ театральной залѣ была вслѣдствіе такого необыкновеннаго стеченія народа духота нестерпимая. Львы и онагры александрійскаго партера, купеческіе сынки-кутилы и разные чиновники обво-

дили небрежно ложи лорнетами и трубками сверхъестественной величины, изрѣдка бормоча сквозь зубы: «какая милочка!», «шармантъ персонь!», «бельфамъ!», «кіэ-са?» и проч. Эти представители александринской публики одѣты были въ послѣднемъ вкусѣ. — Они совершенно на дружеской ногѣ съ театральными чиновниками, знаютъ имена всѣхъ капельдинеровъ своего театра, очень смѣло разсуждаютъ о литературѣ, называютъ не иначе какъ уменьшительными именами всѣхъ молодыхъ актрисъ: Маша, Даша, Паша и прочее. Они считаютъ себя не только законодателями моды, образованными свѣтскими людьми (слова «образованный» и «образованная» не сходятъ съ ихъ языка), но также и непогрѣшительными литературными судьями, ибо постоянное посѣщеніе Александринскаго театра сильно подѣйствовало на развитіе ихъ эстетическаго чувства. Они обыкновенно приходятъ въ восторгъ отъ всѣхъ двусмысленныхъ водевильныхъ куплетовъ и заставляютъ актеровъ повторять такого рода куплеты раза по три и по четыре, бормоча сквозь зубы: «се делисьё!» Но какъ-то дико смотрятъ они на свою родную сцену, когда на нее случайно попадетъ такое произведеніе, въ которомъ съ художническою смѣлостью изображается современная жизнь. Такія слова, какъ, напр., подлецъ, болванъ, или такія выраженія, какъ, напр.: чортъ возьми, ахъ ты свинтусъ и проч., оскорбляютъ ихъ возвышенный вкусъ и ихъ свѣтскія уши, и въ такихъ случаяхъ обыкновенно, съ значительной гримасой поглядывая другъ на друга, они говорятъ: «Кес-ке-са? Сетафрё! Кель сосьетé! Откуда авторъ взялъ такихъ лицъ? Можно ли выводить такія сальности на сцену? Се мове жанръ!» Кромѣ водевильныхъ двусмысленныхъ куплетовъ они любятъ пьесы высокаго трагическаго содержанія, написанныя высокимъ слогомъ и потому заранѣе предупреждены были въ пользу «Навуходоносора» великолѣпной афишей, и съ нетерпѣніемъ ожидали поднятія занавѣса. Литературная тля, которой болѣе чѣмъ когда-нибудь набралось въ бенефисъ Скворцова, съ важностью шушукала между собою — и фельетонисты разныхъ газетъ и журналовъ, — эта тля тлей, враждебно и искоса посматривали другъ па друга... Въ первомъ

ряду креселъ находились между прочими два значительные господина горделивой осанки, поводившіе глазами съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ особенной, очень пріятной величавостью опиравшіеся на перила, раздѣлявшія партеръ отъ оркестра. Офицеровъ было также очень много... но изъ всѣхъ ихъ выдавался одинъ офицеръ — нашъ старый знакомый. Онъ перебѣгалъ съ быстротою ртути изъ одного ряда креселъ въ другой, со всѣми по-пріятельски заговаривалъ, всѣхъ толкалъ и безпрестанно что-то напѣвалъ сквозь зубы. Два раза онъ даже задѣлъ одного изъ значительныхъ, продираясь съ правой стороны на лѣвую, и пробормоталъ: Ахъ, mille pardons, на что тотъ отвѣчалъ ему однимъ изъ тѣхъ строгихъ взглядовъ, которые такъ ловко умѣютъ бросать высшіе изъ низшихъ. Офицеръ впрочемъ не замѣтилъ этого взгляда и кричалъ, подбѣгая къ какому-то штатскому франту въ гороховомъ платьѣ.

— Видишь ли, мон-шеръ, — тамъ направо въ бенуарѣ... въ лиловой шляпкѣ Наталья Ѳедоровна... красавица!.. я съ ней пріятель... Я у нея часто бываю... Какъ образована, умна! Жоржъ Занда знаетъ наизусть, mon cher, ей-Богу... Я къ ней сегодня послѣ спектакля ѣду... Черные глазки... и талія какая!.. прелесть!

— Эль э тре жоли, — отвѣчалъ гороховый господинъ.

— О-о! у! чудо! спроси у Петруши: она при немъ меня два раза поцѣловала. Приходи, мон-шеръ, въ буфетъ въ антрактѣ, а мнѣ еще нужно поговорить съ однимъ изъ нашихъ... изъ литераторовъ... я вѣдь съ ними со всѣми свой... Славный народъ, мон-шеръ. Au plaisir!

— Послушай, не свѣтренничай... вызывай Павлюкова... говорятъ, противъ него кабала,—сказалъ франтъ, удерживая офицера за фалду сюртука, — мы его вывеземъ непремѣнно... у насъ набрана такая шайка... такіе отчаянные клакеры...

— Это славно, мон-шеръ, славно... — закричалъ офицеръ, рванувшись впередъ. — Я себѣ всѣ руки отобью, честное слово... Ужъ ты меня знаешь... Непремѣнно, непремѣнно...

— Не изволите ли знать, здѣсь въ театрѣ авторъ пьесы, которую теперь будутъ разыгрывать, какъ-бишь названіе ея...

позвольте... Навуходоносоръ... Драма... Навуходоносоръ... да?..—спросилъ у Гребешкова, взглядывая на афишку, стоявшій подлѣ него господинъ съ лысиной, въ очкахъ и съ Анной на шеѣ.

— Здѣсь,—отвѣчалъ Гребешковъ,—вонъ онъ, въ первомъ ярусѣ... третья ложа съ краю...

Въ самомъ дѣлѣ, Павлюковъ сидѣлъ въ глубинѣ указанной ложи, въ которой находились двѣ дамы—его супруга и свояченица, обѣ въ цвѣтахъ и перьяхъ, двое малолѣтнихъ да еще какой-то штатскій.

— Такъ это онъ?—спросилъ господинъ съ лысиной и съ Анной, протеревъ очки и поднимаясь на цыпочки.—Скажите... молодой человѣкъ еще! Онъ вѣрно женатый?

— Да, женатъ.

— Которая же его супруга?

— Право, не знаю.

— А не изволите ли знать, это его что ли дѣтки впереди?..

— Кажется.

— Должно быть такъ!—Господинъ съ Анной и съ лысиной покачалъ головой и сказалъ про себя:—скажите, молодой еще человѣкъ!..

Павлюковъ скоро однако явился въ партерѣ. Онъ былъ въ новомъ синемъ фракѣ съ блестящими пуговицами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ накрахмаленными брыжжами, съ завитыми усами и безъ шляпы.

— Мое почтеніе, Николай Николаичъ,—запищалъ онъ, слегка коснувшись плеча Гребешкова,—ну, вотъ наконецъ наступаетъ минута... а знаете, какъ-то страшно; оно, конечно, пустое... но все, знаете... Извините, что я не останавливаюсь съ вами: некогда... спѣшу на сцену... и шляпу свою забылъ тамъ... да пора, кажется, начинать... А Александръ Петровичъ здѣсь?..

— Здѣсь... вонъ во второмъ-то ряду съ края...

— А-а!—Павлюковъ и издатель какой-то газеты дружески кивнули другъ другу головами, а Павлюковъ ука-

залъ ему издали рукою на сердце, вѣроятно желая этимъ дать знать, что у него бьется оно отъ страха и ожиданія.

Едва онъ исчезъ изъ партера, какъ оркестръ загремѣлъ... занавѣсъ взвился, и тишина совсѣмъ было водворилась, какъ вдругъ среди этой тишины раздалось щелканье орѣховъ. Весь партеръ тотчасъ же со смѣхомъ обратился наверхъ. Павлюковъ блѣднѣлъ, стоя за кулисами, и пожималъ плечами... Но когда Навуходоносоръ, въ великолѣпномъ костюмѣ, величественно появился и, медленно приближаясь къ авансценѣ, взялъ за руку друга своего Алхимереса, на которомъ былъ надѣтъ персидскій халатъ и желтыя спальныя туфли, — театръ потрясся отъ рукоплесканій.

Первое дѣйствіе прошло впрочемъ безъ особенныхъ приключеній. Къ концу этого дѣйствія явился Ѳетюковъ — низенькій и толстенькій человѣчекъ съ тульскими печатями на животѣ... Появленіе его произвело сильное дѣйствіе на всѣхъ тлей...—Ѳетюковъ! Ѳетюковъ!—шептали онѣ,—пришелъ, пришелъ... вонъ онъ. — Гдѣ? гдѣ?.. въ четвертомъ ряду креселъ... Видишь ли? — Въ самомъ дѣлѣ... Господа! Ѳетюковъ... посмотрите. — Издатель какой-то газеты взглянулъ на него съ ироническою улыбкою и потомъ перемигнулся съ Гребешковымъ.

Съ четвертаго дѣйствія шумъ и крики становились чаще и чаще, — особенно много аплодировали, когда Навуходоносоръ произнесъ, дико сверкнувъ глазами, заскрежетавъ зубами и размахнувъ рукой:

О, страшное свершится скоро дѣло!
Я міръ сей обращу въ одинъ воинскій станъ
И бездыханное Амалафриды тѣло
Низвергну со скалы въ кровавый океанъ!

Но образованная публика рукоплескала, кажется, болѣе скрежету зубовъ актера, чѣмъ этимъ словамъ. Только Кинаревичъ, одинъ изъ литературныхъ тлей, сочинявшій романы и также критики (для собственнаго своего удовольствія), маленькій человѣчекъ съ румяными и пушистыми, какъ у неоперившейся птички, щеками — недовольный во-

общё драмою Павлюкова, при этихъ словахъ Навуходоносора, сказалъ, оборотясь къ своему сосѣду:

— Вотъ хорошаго такъ нельзя не похвалить... Желаніе мести превосходно и энергически выражено авторомъ въ этихъ четырехъ стихахъ.

По окончаніи четвертаго дѣйствія Павлюковъ снова появился въ партерѣ.

— Ну что̀, какъ тебѣ нравится? — запищалъ онъ съ нѣкоторою робостію, смотря въ глаза издателя какой-то газеты. — Скажи откровенно, по-дружески, свое мнѣніе. Мнѣ пріятно узнать его, потому что ты знатокъ этого дѣла, не то, что какой-нибудь Ѳетюковъ. А публикѣ, кажется, нравится пьеса?..

— Пьеса очень хороша, — отвѣчалъ издатель какой-то газеты тономъ знатока, — очень хороша... только, знаешь, кажется, первое дѣйствіе немного длинновато... надо посократить... зато есть сцены удивительныя!.. А ты знаешь, что Ѳетюковъ здѣсь?

— Неужто?.. — Павлюковъ немного измѣнился въ лицѣ.— Гдѣ же? ради Бога, покажи...

— Вонъ направо, возлѣ полковника... видишь?..

— Да, да, да, въ самомъ дѣлѣ... вѣрно хочетъ разругать меня... Пусть ругаетъ... кто жъ его слушаетъ? Никто не захочетъ его слушать... пусть ругаетъ!..

Павлюковъ отошелъ отъ издателя какой-то газеты и началъ вертѣться около стульевъ, гдѣ стоялъ Ѳетюковъ. Ѳетюковъ тотчасъ его замѣтилъ.

— Браво, браво, почтеннѣйшій, — сказалъ онъ, относясь къ Павлюкову. — Браво, пустился на сцену? Славно, славно; доброе дѣло, да вы этакъ за поясъ заткнете насъ... а?.. Право... опасный человѣкъ... говорятъ, первую пѣсенку зардѣвшись спѣть... а?.. Ну, а вы таки смѣло на приступъ лѣзете... да, да... славно, славно!

— Вы шутите?.. — запищалъ Павлюковъ, съ пріятностью кланяясь Ѳетюкову и нѣсколько разнѣжась отъ его привѣта. — Я знаю, въ моей пьесѣ много недостатковъ; конечно, я не имѣю такого таланта... да и къ тому же нѣкоторые

актеры совсѣмъ не понимаютъ своихъ ролей... напримѣръ, Алхимересъ — этотъ характеръ прямодушный...

— Да, да, Алхимересъ, славно... молодецъ, характеръ... стихи звучные... хорошо, хорошо... мастеръ, нечего сказать, мастеръ.

Ѳетюковъ обратился къ стоявшему возлѣ него фельетонисту, взглянулъ на него съ улыбкою и потомъ продолжалъ, трепля по плечу Павлюкова:

— Сердится на меня... а право сердится; знаю, знаю, тамъ объ немъ статья какая-то была... ну, да это все вздоръ... кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ... а? Не правда ли?.. А я васъ люблю, почтеннѣйшій, тамъ вы какъ меня ни браните, люблю васъ... право... у меня сердце доброе... пусть враги тамъ что хотятъ говорятъ... вы эти литературныя сплетни не слушайте, все вздоръ... меня унизить не могутъ... я выше ихъ всегда, всегда...

— Помилуйте, да какъ васъ можно сравнить съ другими? — запищалъ Павлюковъ, смотря съ необыкновенною сладостію на Ѳетюкова. — Конечно, мнѣ показался обиднымъ отзывъ, сдѣланный обо мнѣ, но я никогда не сердился на васъ, я всегда уважалъ васъ... всякій благомыслящій литераторъ дорожитъ вашимъ мнѣніемъ; я почту себѣ за особую честь слышать ваше собственное сужденіе о моей пьесѣ...

Литературный сплетникъ, какъ-то незамѣтно очутившійся сзади Павлюкова, выслушалъ весь этотъ разговоръ съ любопытствомъ, не проронилъ изъ него ни одного слова и потомъ, значительно улыбаясь, побѣжалъ къ кресламъ, на которыхъ сидѣлъ издатель какой-то газеты.

— Вызовемъ, вызовемъ... — продолжалъ Ѳетюковъ, — надо ободрить талантъ, — статейку составимъ... непремѣнно, непремѣнно... Славную этакую статейку съ прикусочкой...

— Покорнѣйше васъ благодарю... вы мнѣ дадите средства воспользоваться вашими совѣтами...

— Только вы тамъ свели дружбу съ той шайкой... не хорошо, не хорошо...

— Нѣтъ, право, нѣтъ... какія же мои сношенія съ ними?.. никакихъ!

Но занавѣсъ поднялся, и авторъ, явно осчастливленный вниманіемъ Ѳетюкова, побѣжалъ за кулисы.

Въ четвертомъ и особенно въ пятомъ актѣ Навуходоносоръ непомѣрно свирѣпствовалъ и безъ всякой жалости таскалъ по сценѣ Амалафриду. Все это очень нравилось образованной публикѣ, и когда Навуходоносоръ завылъ голосомъ шакала надъ трупомъ ея слова, которыми заключалась драма:

Во цвѣтѣ лѣтъ я сей цвѣтокъ —
Невинности чистѣйшую лелѣю...
И чувствую, ужъ день тотъ не далекъ.
Когда и я послѣдую за нею,—

чувствительная супруга автора закрыла лицо платкомъ, — а партеръ разразился громомъ рукоплесканій и криками: «автора! автора!..»

Офицеръ, стоявшій возлѣ своего знакомаго — сочинителя двухъ знаменитыхъ повѣстей, подъ названіемъ: *Фуга Восторга* и *Хаосъ*, *или Довременное Бытіе*, закричалъ также и громче всѣхъ: «автора!»

Сочинитель «Фуги Восторга» и «Хаоса», недовольный пьесой Павлюкова, оборотясь къ офицеру, сказалъ:

— Какъ вамъ не стыдно вызывать автора за этакую гадость... Надо ему шикать...

— И въ самомъ дѣлѣ, ужасная гадость, — закричалъ офицеръ — и принялся шикать изо всей мочи. Желающихъ шикать оказалось довольно, — они ожидали только сигнала и принялись за свое дѣло такъ усердно, что ни крики, ни рукоплесканія не могли заглушить этого страшнаго для автора голоса недовольныхъ... Но въ ту минуту, когда обѣ стороны начали уже ослабѣвать отъ утомленія, авторъ съ пріятною улыбкою и съ раскраснѣвшимися щеками показался въ директорской ложѣ... «Браво, браво!» снова и громче прежняго раздались крики... и въ то же время съ другой стороны сильнѣе прежняго началось шиканье.

— Послушайте-ка, — сказалъ издатель какой-то газеты на ухо Гребешкову, когда наконецъ и авторъ и всѣ почти актеры были вызваны и успокоенная публика расходилась по театральнымъ буфетамъ и коридорамъ, — надобно этого молодчика порядкомъ отдѣлать... какъ осмѣливаться писать такія нелѣпости!..

Гребешковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на издателя.

— Вы, кажется... — замѣтилъ онъ, — говорили мнѣ...

— Да, я прежде думалъ, — перебилъ его издатель, — но вѣдь есть всему мѣра... Эти господа сдѣлаютъ изъ литературы и изъ театра чортъ знаетъ что такое... Пожалуйста, хорошенько его...

«Что бы это значило?..—подумалъ Гребешковъ, — а что-нибудь да не даромъ»...

Онъ началъ искать глазами одного изъ фельетонистовъ, чтобъ итти съ нимъ въ буфетъ, и замѣтилъ, что всѣ эти господа - сочинители, на литературныхъ вечерахъ издателя какой-то газеты отзывавшіеся съ презрѣніемъ о Ѳетюковѣ, проходя мимо его, кланялись ему съ величайшимъ почтеніемъ и какъ бы заискивали его вниманія... Все это Гребешкову казалось непонятно, потому что опытность пріобрѣтается не вдругъ, и не найдя фельетониста, — онъ въ раздумьи одинъ отправился въ буфетъ.

Страшное зрѣлище представилось Гребешкову въ буфетѣ. Тамъ отъ потолка до пола колыхались волны «жукова», застилая для глазъ всѣ предметы, — и только порою изъ этихъ табачныхъ волнъ высовывалась или голова, или рука, или носъ... Тысячи голосовъ сливались въ какой-то дикій и нестройный говоръ, вмѣстѣ съ визгомъ откупориваемыхъ бутылокъ, хлопаньемъ пробокъ, звономъ стакановъ и стуканьемъ чашекъ... Гребешковъ протеръ глаза... Передъ нимъ стоялъ гороховый франтъ, а передъ гороховымъ франтомъ юлилъ офицеръ.

— Что? кажется наша взяла? — говорилъ гороховый франтъ. — вывезли, братецъ, Павлюкова-то, — а ты сильно хлопалъ?

— Ужасъ, мон-шеръ, ужасъ! — отвѣчалъ офицеръ, — ей

Богу всѣ руки отбилъ... Да нельзя же, а вѣдь пьеса-то впрочемъ пустая, да что за бѣда, почему не похлопать? А что за публика здѣсь... Фи, мон-шеръ! это не то, что у насъ въ Михайловскомъ... Французы... Ахъ, французы, мон-шеръ... чудо, прелесть!.. я вѣдь со всѣми съ ними знакомъ... Французженки — это просто страсть моя... что за душки: я просто умираю...

— Ахъ, это вы, мосье Гребешковъ?..

Офицеръ повернулся на каблукахъ, и чуть не упалъ на Гребешкова.

— Pardon! Ну что, какъ вы нашли пьесу?.. Сет-юнь-ореръ... мерзость, — я все шикалъ... нельзя не шикать... смыслу нѣтъ... Это у насъ только могутъ быть терпимы такія нелѣпости... гдѣ жъ намъ?.. куда еще намъ!.. Въ чужихъ краяхъ не дозволили бы доиграть такую пьесу... вѣдь я былъ вездѣ... и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Неаполѣ. — Экуте, мон-шеръ.

И офицеръ ринулся въ сторону за какимъ-то бариномъ, а Гребешковъ спросилъ себѣ чаю съ ромомъ и отправился въ другую комнату. Въ комнатѣ, въ которую вошелъ онъ, у стола, уставленнаго бокалами, засѣдали пять или шесть извѣстныхъ сочинителей и съ жаромъ и съ важностью также разсуждали о драмѣ Павлюкова. Между ними находился и литературный сплетникъ.

— Это непонятное дѣло, — говорилъ сочинитель «Фуги Восторга» и «Хаоса», допивая свой бокалъ, — какъ можно писать историческія драмы, не изучивъ предварительно исторіи... Исторія — это краеугольный камень, канва, по которой вышиваетъ фантазія свои узоры; а спрашивается, какъ же можно вышивать безъ канвы?

— Нѣтъ, позвольте, — замѣтилъ Кинаревичъ, вставъ съ своего мѣста и приподнявшись па цыпочки: — я полагаю, — не знаю, можетъ быть мое сужденіе и несправедливо, впрочемъ, каждый можетъ имѣть свое мнѣніе, — я полагаю, что прежде всего драматическому писателю необходимо изучить сердце человѣческое... Это важнѣе всего. Я замѣтилъ уже это въ одной изъ моихъ критическихъ статей, по поводу

разбора одной драматической пьесы... Я нахожу, что «Навуходоносоръ» ревнуетъ Амалафриду безъ всякой причины, — тѣмъ болѣе, что Алхимересъ...

— Помилуйте, все это мелочныя замѣчанія, — сказалъ худощавый и бѣлокурый фельетонистъ: — надобно искать мысли въ пьесѣ... Какая мысль въ «Навуходоносорѣ?..»

Кинаревичъ закусилъ губы и вспыхнулъ... Онъ надѣленъ былъ болѣе всѣхъ тлей щекотливымъ и мелочнымъ сочинительскимъ самолюбіемъ и оттого безпрестанно оскорблялся.

— Конечно, — произнесъ онъ перемѣнившимся голосомъ, обращаясь къ фельетонисту: — мои замѣчанія мелочныя... я, можетъ быть, не имѣю такихъ обширныхъ свѣдѣній, какъ вы, и не сужу такъ рѣзко обо всемъ. Вы ужъ опытный критикъ и пользуетесь такою извѣстностью, а мои маранья никто не читаетъ. Куда же, помилуйте, намъ гоняться за вами?..

Литературный сплетникъ наклонился къ уху сочинителя «Фуги Восторга» и началъ что-то нашептывать ему.

Въ эту минуту подошелъ къ нимъ Гребешковъ.

— А, здравствуй, братецъ, — сказалъ сочинитель «Фуги», взглянувъ на Гребешкова, — не хочешь ли? И онъ налилъ ему бокалъ шампанскаго. — У меня въ горлѣ совсѣмъ пересохло отъ этой драмы и голова разболѣлась; а шампанское, братецъ, знаешь, освѣжаетъ... Совѣтую тебѣ... Ну ужъ драма!.. Странное дѣло! вѣдь у насъ все поднимаются на ходули: писалъ бы тамъ себѣ разсказцы, повѣстцы, а то нѣтъ, куда!..

Кинаревичъ вздрогнулъ при словахъ: «повѣстцы и разсказцы» и искоса посмотрѣлъ на сочинителя «Фуги Восторга».

— А у меня, братецъ, — продолжалъ сочинитель «Фуги»: — теперь письменный столъ заваленъ книгами, фоліантами, я роюсь, отыскиваю, изучаю... голова такъ работаетъ, воображеніе опережаетъ мысли, мысль сталкивается съ воображеніемъ... Такая, мон-шеръ, умственная возня идетъ здѣсь (сочинитель указалъ на свою голову) — ужасъ!.. Мнѣ хочется что-нибудь написать изъ эпохи крестовыхъ походовъ... Да послушай-ка, Гребешковъ, на одно слово... Онъ отвелъ его къ сторонѣ. — Нѣтъ ли, мон-шеръ, у тебя 10

рублей? Позабылъ свой бумажникъ дома... Одолжи, пожалуйста...

Гребешковъ далъ ему деньги и хотѣлъ было итти...

— Мое почтеніе, давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть! — сказалъ, останавливая его, Кинаревичъ. — Я слышалъ, *вы* нынче изволите заниматься критиками въ газетѣ Александра Петровича?

— Да-съ.

— Тяжелая работа! Я ее испыталъ очень хорошо... Я самъ два года сряду занимался разборомъ всѣхъ выходящихъ у насъ книгъ по разнымъ частямъ... Добросовѣстнымъ рецензентомъ быть весьма трудно; разбираемую книгу я считаю непремѣннымъ долгомъ прежде всего прочесть отъ доски до доски, какая бы она ни была, потомъ обдумать какъ составить на нее рецензію — и послѣ этого уже приступить къ ея составленію. Я никогда не позволялъ себѣ въ своихъ рецензіяхъ никакихъ личностей... По моему мнѣнію, это неблагородно, ибо лицо автора для меня всегда священно... Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь... Всякій имѣетъ свое сужденіе.

Кинаревичъ выиулъ изъ кармана табакерку и понюхалъ, самодовольно и значительно взглянувъ въ потолокъ.

— Какая у васъ славная табакерка! — сказалъ Гребешковъ, — позвольте посмотрѣть.

Кинаревичъ подалъ Гребешкову табакерку и улыбнулся. На крышкѣ табакерки была изображена очень искусно дама въ шнуровкѣ, надѣвающая башмакъ на ногу...

— Вотъ какія у васъ штучки! — замѣтилъ Гребешковъ, также улыбаясь...

— Да, я, признаюсь вамъ, люблю прекрасный полъ. Когда посмотришь на хорошенькое дамское личико, такъ сейчасъ какъ-то и вдохновеніе почувствуешь... Я, когда описывалъ въ моемъ послѣднемъ романѣ сцены эротическія, такъ все смотрѣлъ на эту табакерку. — Теперь я отдыхаю; на прошедшей недѣлѣ прочелъ послѣднія корректуры моего романа... Изданьице вышло недурное... мнѣ книгопродавцы, правду сказать, давали за него 2,500 рублей, да я не взялъ,

напечаталъ на свой счетъ... Вы мнѣ позволите прислать вамъ экземпляръ?

— Очень вамъ благодаренъ...—Гребешковъ допилъ свой стаканъ чая и хотѣлъ было итти, но сочинитель съ пушистыми щечками какъ будто не замѣтилъ его движенія...

— Конечно,—продолжалъ онъ,—можетъ быть, мои произведенія и не заслуживаютъ чтенія, я не принадлежу къ аристократическимъ писателямъ... Что жъ дѣлать, вѣдь не всѣмъ же быть первыми!

— Помилуйте... ваши сочиненія... я всегда... извините меня, спѣшу въ кресла... я думаю, ужъ началась вторая пьеса.

Гребешковъ все это проговорилъ очень скоро, поклонился Кинаревичу и съ біеніемъ сердца побѣжалъ въ партеръ. Онъ боялся пропустить первую сцену въ водевилѣ: «*Зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ*», потому что въ этой сценѣ должна была появиться Катерина Васильевна...

— Извините; можетъ быть я васъ задержалъ, обезпокоилъ моимъ разговоромъ,—кричалъ вслѣдъ Гребешкову Кинаревичъ, нѣсколько обиженный быстрымъ его удаленіемъ, но Гребешковъ не слыхалъ ничего. Онъ былъ уже далеко.—Едва онъ, запыхавшійся, сѣлъ въ кресла, какъ Катерина Васильевна, въ простомъ ситцевомъ платьицѣ и передничкѣ, прекраснѣе чѣмъ когда-либо выбѣжала изъ-за кулисъ, въ мгновеніе ока очутилась у самой рампы, обвела побѣдоноснымъ и проницательнымъ взоромъ партеръ и запѣла,—съ невинностью потупивъ глазки.

Мнѣ шестнадцать только лѣтъ,
Я еще не знаю свѣтъ,
Отчего же сердце бьется,
Стонетъ и изъ груди рвется?
Сердце! сердце! дай отвѣтъ—
О нѣтъ, о нѣтъ!..

И страшный громъ прокатился по залѣ, сопровождаемый дикимъ стономъ—и минутъ пять не умолкали «браво» и «фора!» Казалось, груди издававшихъ эти дикіе стоны должны были разорваться на части отъ полноты восторга. Но всѣхъ

болѣе стучали, кричали и стонали Гребешковъ, офицеръ да одинъ сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ молодой поэтъ, написавшій къ Катеринѣ Васильевнѣ сорокъ четыре стихотворенія и три раза чуть было не застрѣлившійся отъ безнадежной любви къ ней. Но окончаніи водевиля опять раздались крики: «автора!» и опять крики эти смѣшались съ шиканьемъ, потому что водевилисты Пѣтушковъ и Курочкинъ роздали даромъ кресла нѣкоторымъ своимъ пріятелямъ, съ тѣмъ, чтобъ они непремѣнно ошикали новое произведеніе смертельнаго врага ихъ, Бычкова. Впрочемъ, Бычковъ, желавшій во что бы то ни стало прослыть писателемъ, сочинялъ не самъ, потому что плохо зналъ грамоту и не могъ написать двухъ строчекъ, — а всѣ водевили, дававшіеся на сценѣ и печатавшіеся въ «Репертуарахъ и Пантеонахъ» подъ его именемъ, — принадлежали собственно какому-то франту, который писалъ за деньги что угодно и для кого угодно. Это была одна изъ закулисныхъ и литературныхъ тайнъ, извѣстная только немногимъ избраннымъ.., Бычковъ былъ человѣкъ незастѣнчивый и не боялся враговъ. Несмотря на шиканье, онъ, такъ же, какъ и Павлюковъ, выставилъ изъ директорской ложи свою полную, довольную и плѣшивую голову, которая закивала публикѣ, пріятно улыбаясь; затѣмъ четыре раза сряду вызывали Катерину Васильевну, а за нею еще трехъ актеровъ, и въ томъ числѣ актера, сочинявшаго водевили.

Во время представленія «Марѳы Исаевны Шарыгиной», когда на сценѣ раздавались крики: «Одна русская баба стоитъ тысячи басурмановъ...» «Ну кто изъ васъ противъ меня? я русскій, я однимъ кулакомъ сшибу десятокъ нехристей...» и тому подобныя патріотическія выходки, и когда Гребешковъ и вся утомленная публика зѣвали, просидѣвъ пять часовъ сряду въ душной театральной залѣ, актеръ, сочинявшій водевили, очень кстати появился въ партерѣ для развлеченія Гребешкова.

Онъ подсѣлъ сзади его на пустое кресло...

— Ну, Коля, —сказалъ онъ на ухо Гребешкову, — какъ я усталъ! Ты не повѣришь, мочи нѣтъ и чортъ знаетъ,

что-то все усы отклеивались. Ужъ я ихъ поддерживалъ, поддерживалъ... нѣтъ, канальство, не держатся!.. Ты, я думаю, — замѣтилъ... а?.. усталъ, братецъ, ужасно? Роль-та, знаешь, пустая, да бѣготни много... Для подкрѣпленія силъ я ужъ, знаешь, хватилъ сейчасъ въ буфетѣ рюмочку алегромадерато... А замѣтилъ ты, какъ мы цѣловались съ Катинькой?..

— Что про тебя и говорить — счастливецъ! — замѣтилъ Гребешковъ.

— Да, я было и забылъ тебѣ сказать... Она просила меня, чтобъ я тебя послѣзавтра утромъ привезъ къ ней...

Гребешковъ при этихъ словахъ подпрыгнулъ на креслахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?..

— Разумѣется, въ самомъ дѣлѣ, а не шутя... Послѣзавтра ровно въ часъ я явлюсь за тобой, и мы отправляемся къ ней...

«Вотъ блаженство-то...» думалъ Гребешковъ, потирая руки.

— Ну, а ты смотри, братъ, распиши объ ней въ газетѣ разные этакіе турусы на колесахъ... Не ударь себя лицомъ въ грязь.

— Не безпокойся, братецъ; такая статья будетъ, что ты всѣ пальчики оближешь... да и безъ того нельзя не хвалить ее... Это такая актриса...

— Да, послушай, душа моя, для бо̀льшаго, знаешь, эффекта задѣнь какъ-нибудь кстати Кавалерскую, и отчеши ее... Вотъ тогда ужъ разодолжишь Катерину Васильевну...

Актеръ проговорилъ съ Гребешковымъ до самаго окончанія «Мареы Исаевны Шарыгиной». Когда занавѣсъ опустился, два голоса въ райкѣ закричали было по привычкѣ «автора...» Но партеръ отвѣчалъ на этотъ крикъ хохотомъ, несмотря на все уваженіе, которое онъ питалъ къ имени знаменитаго сочинителя «Дуняши-Калмычки» или «Параши-Сибирячки».

Было уже половина перваго, и Гребешковъ, не дожидаясь интермедіи, отправился съ другимъ своимъ актеромъ къ бенефиціанту.

У бенефиціанта было очень весело: пили много, и нѣ-

сколько человѣкъ, поднявъ Павлюкова на руки, подбрасывали къ потолку съ криками «ура!..» Павлюковъ одинъ выпилъ двѣ бутылки шампанскаго... Онъ былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи, перецѣловалъ рѣшительно всѣхъ ирисутствовавшихъ и, обнимая Гребешкова, пищалъ:

— Я добрый человѣкъ... сердце у меня открыто... полюби меня... Что тамъ ни говори, а «Навуходоносоръ» вещь хорошая... Нравственная пьеса, нравственность—главное... остальное все чепуха... такъ и скажи въ своей статьѣ, что нравственность и мысль... и Ѳетюковъ просто говоритъ, чудо, говоритъ, драма... Мы помирились съ нимъ... Былъ врагъ мой... что жъ такое врагъ?.. Онъ просилъ прощенія у меня... Я добрый человѣкъ... а Александръ Петровичъ—мой другъ...

Но издатель какой-то газеты, несмотря на то, что былъ также навеселѣ, очень сердито поглядывалъ на Павлюкова и явно старался избѣгать его объятій и ласкъ. Офицеръ, явившійся къ бенефиціанту безъ приглашенія, чокался со всѣми сочинителями, называлъ всѣхъ мон-шерами и разсказывалъ, что онъ въ Парижѣ съ первѣйшими писателями находился въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ, что они полюбили его какъ родного, и что всѣ они пьютъ лафитъ - ольдекопъ, а шампанскаго никто изъ нихъ не пьетъ.

Гребешковъ возвратился домой въ шесть часовъ утра. Онъ легъ въ постель не раздѣваясь; голова его кружилась, туманъ застилалъ глаза, а въ этомъ туманѣ танцовала передъ нимъ Катерина Васильевна.

ГЛАВА VI.

Актриса.

Весь слѣдующій день онъ промечталъ о ней, и потому не могъ написать ни одной строчки, хотя факторъ типографіи настоятельно требовалъ оригинала для газеты; а ночь провелъ въ самыхъ упоительныхъ грезахъ, ибо снилось ему, что онъ уже ея счастливый любовникъ, что она говоритъ

ему «ты», обвиваетъ его своей длинной, шелковой косой, сгорая любовію смотритъ ему въ очи, и прочее. Сонъ облекъ для него Катерину Васильевну во восевозможную поэтическую роскошь, которой, конечно, она не имѣла наяву. Катерина Васильевна, занимавшая амплуа первыхъ водевильныхъ любовницъ, была средняго роста, хорошо сложена, имѣла высокую грудь бѣлизны снѣжной, небольшіе глазки неопредѣленнаго цвѣта, быстро перебѣгавшіе изъ одного ряда креселъ въ другой и, при всемъ этомъ, вертлявость въ манерахъ, часто переходившую за черту приличія. Она была не безъ сценическаго дарованія, потому что ловко могла пропѣть куплетецъ, кстати умѣла поднять и опустить глазки, надуть губки, нахмуриться или пріятно улыбнуться; но тамъ, гдѣ требовалось обнаружить хотя какое-нибудь чувство, она вдругъ измѣнялась, дѣлала сантиментальные глазки, начинала говорить нараснѣвъ и пронзительно вскрикивала. Вообще въ игрѣ ея замѣтно было отсутствіе образованія и чувства. Несмотря на это, просвѣщенная публика, принимавшая ея вертлявость за грацію, а вскрикиванье за чувство, награждала ее всегда самыми яростными рукоплесканіями. Слухи объ образѣ жизни ея были различные: одни говорили о ней, какъ о примѣрной добродѣтели, другіе напротивъ, отзывались о ея поведеніи очень рѣзко и подсмѣивались надъ легковѣріемъ и простотою первыхъ. Трудно было рѣшить, кому вѣрить, тѣмъ болѣе, что и поэтъ, написавшій къ ней сорокъ четыре стихотворенія, въ которыхъ онъ называлъ ее невинной голубицей, ангеломъ чистѣйшей красоты и проч., вѣроятно, оскорбленный невниманіемъ ея къ его поэтическому жару, въ сорокъ пятомъ своемъ стихотвореніи называлъ ее:

Безчувственной, увядшей красотой,
Незнающей любви возвышенно-святой!

Достовѣрно извѣстно было только то, что Катерина Васильевна принимала гостей своихъ съ одинаковою привѣтливостію и ласкою, не отличая никого изъ нихъ; что актеръ-

водевилистъ былъ у нея домашнимъ человѣкомъ; что она имѣла большую страсть къ картамъ и косточкамъ и любила бранить актрису Кавалерскую, съ успѣхомъ дебютировавшую въ одной изъ ея ролей.

Гребешковъ, хотя, можетъ быть, и не считалъ Катерины Васильевны невинной голубицей, однако почувствовалъ сильное біеніе сердца у ея двери, когда актеръ, дернувъ за ручку колокольчика, сказалъ ему:

— Вотъ, братецъ, мы, наконецъ, и у Катерины Васильевны... Славная, братецъ, дѣвочка; вотъ ты увидишь! Настоящая, знаешь, артистка, безъ всякой церемоніи, ври ей сколько хочешь, о чемъ ни попало; веселая такая...

Какая-то старушонка, въ ситцевомъ платьѣ и въ чепцѣ, отворила имъ дверь, осмотрѣла съ ногъ до головы Гребешкова и пробормотала актеру:

— А! здравствуй, Вася... я тебя и не узнала совсѣмъ.

— Отчего же это, матушка, Арина Савельевна?—спросилъ актеръ.—Кажется, не такъ давно видѣлись?.. А что, Катерина Васильевна дома?

— Дома, дома... — и старушонка все искоса посматривала на Гребешкова...

Актеръ ввелъ Гребешкова въ комнату, которая была что-то среднее между будуаромъ и гостиной. Тутъ стояло огромное трюмо въ великолѣпной рамѣ изъ орѣховаго дерева, два дивана, обитые шелковой матеріей, столъ и краснаго дерева этажерки, на которыхъ разбросаны были разныя бронзовыя игрушки, фарфоровые и стеклянные флаконы. Всѣ эти вещи, поднесенныя въ подарокъ актрисѣ разными лицами, были разставлены въ безпорядкѣ и покрыты слоемъ пыли. На столѣ, передъ диваномъ, лежала кружевная манишка и рядомъ съ нею — засаленная и растрепанная книга подъ заглавіемъ «Непостижимая».

— Катерина Васильевна, гдѣ вы?—закричалъ актеръ, увидя, что въ комнатѣ никого не было. — Я къ вамъ гостя привелъ.

— Иду, иду... — послышался голосокъ, и въ ту же секунду сосѣдняя дверь отворилась, и Катерина Васильевна,

блѣдная, въ бѣломъ, не одинъ разъ уже, впрочемъ, надѣванномъ пеньюарѣ, завернутая въ турецкую шаль, предстала взорамъ своего тайнаго обожателя.

— Имѣю честь вамъ представить,—сказалъ актеръ полусерьезнымъ, полушуточнымъ тономъ,—моего лучшаго друга, Николая Николаича Гребешкова, который горѣлъ нетерпѣніемъ съ вами познакомиться...

И потомъ продолжалъ, указывая на него пальцемъ:

— Вотъ онъ — сей грозный критикъ нашъ
И страстный обожатель — вашъ!

Гребешковъ покраснѣлъ, а Катерина Васильевна пробормотала: какой вздоръ!—и потомъ сказала, обращаясь къ гостю.

— Очень рада съ вами познакомиться; садитесь, пожалуйста.

— Ну, а я, покуда онъ вамъ будетъ строить различные комплименты, набью себѣ трубочку, да и затянусь.

— Ужъ будто вы безъ трубки и жить не можете... какой, право!.. — Она отвернулась отъ актера и сказала Гребешкову:—Впрочемъ, не хотите ли и вы трубки?

— Нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю... Что это вы читаете? — Гребешковъ взглянулъ на книгу, лежащую на столѣ...—«Непостижимая»... Вамъ нравится эта книга?

— Да, я люблю все непостижимое,—сказала актриса, сдѣлавъ сантиментальные глазки.

— Потому что вы сами непостижимая,—замѣтилъ актеръ, подмигнувъ Гребешкову, — позвольте поцѣловать вашу ручку...

Актеръ подошелъ къ Катеринѣ Васильевнѣ, противъ воли схватилъ ея ручку и поцѣловалъ.

— Какой несносный! Можете себѣ представить, что онъ мнѣ такъ надоѣдаетъ, что это просто ужасть!

— Полно-те, Катерина Васильевна, притворяться-то,—говорилъ актеръ, набивая трубку.—Это все штучки! Я вѣдь знаю, что вы меня любите.

— Вотъ еще, право! Слышите, какой самонадѣянный!..

Актриса бросилась на диванъ и выставила свою маленькую ножку, на которую Гребешковъ бросилъ пламенный взглядъ.

— А вы были третьяго дня въ театрѣ?—спросила она у Гребешкова.

— Какъ же, былъ-съ, — отвѣчалъ онъ, нѣсколько ободрясь, — я не пропускаю ни одного спектакля, въ которомъ вы играете.

— Покорно васъ благодарю за комплиментъ.

— Это не комплиментъ, потому что тотъ, кто сколько-нибудь понимаетъ искусство, не можетъ не восхищаться вашей игрой...

— А говорятъ, —сказала она, взглянувъ на актера и улыбаясь.—Кавалерская лучше меня играетъ; ее, вонъ, расхваливали до небесъ въ какомъ-то тамъ журналѣ.

— Помилуйте!—вскрикнулъ Гребешковъ,—васъ смѣть сравнивать съ нею!..—Онъ началъ разбирать игру Кавалерской и умѣлъ представить ее въ самомъ смѣшномъ видѣ.

Катерина Васильевна была въ восторгѣ и хохотала отъ души.

Она въ продолженіе получаса, какъ будто движимая вдохновеніемъ, безъ умолку все разсказывала разные анекдоты о Кавалерской. Повидимому, Кавалерская для нея была то же, что Ѳетюковъ для издателя какой-то газеты.

— А вотъ, погодите,—сказалъ актеръ,—онъ ее такъ отканифолитъ въ своей статьѣ, что она прижметъ хвостъ.

— Ахъ, ради Бога не нужно!.. (Актриса сдѣлала сантиментальные глазки.) Она узнаетъ, что я съ вами знакома, подумаетъ еще, что я васъ научила писать противъ нея. Она и безъ того ужасть какія пики мнѣ дѣлаетъ!

Катерина Васильевна подняла голову нѣсколько вверхъ и остановила свой взглядъ на бронзовыхъ часахъ, стоявшихъ на каминѣ...

— Боже мой! ужъ скоро два часа. Хороша хозяйка, а я васъ ничѣмъ не потчую... Хотите кофею?

— Разумѣется, —сказалъ актеръ.

— Не безпокойтесь, я не васъ спрашиваю...

— Да я не за себя, а за него отвѣчаю.

— Вотъ еще безподобно, за другихъ отвѣчать!..—Маменька, маменька!—закричала актриса.

Старушка въ чепцѣ показалась въ дверяхъ.

— Сварите намъ пожалуйста кофею.

— Чего?

— Говорятъ вамъ, кофею....

— Кофею! ну, а я думала чаю.

— Вотъ еще, чаю! Кто жъ теперь пьетъ чай въ это время? Да и что это, маменька, какъ натопили? вѣдь мочи нѣтъ, такая теплынь...

Катерина Васильевна сбросила съ себя шаль.

— Что за натопили! совсѣмъ не натопили!—ворчала старушонка, выходя изъ комнаты и взглянувъ исподлобья на Гребешкова.

— Арина Савельевна сегодня не въ духѣ, — сказалъ актеръ.

— Да когда она бываетъ въ духѣ?—возразила съ досадою Катерина Васильевна.

Черезъ нѣсколько времени кофе былъ поданъ толстою и растрепанной дѣвкой. За нею старушонка въ чепцѣ принесла въ корзинкѣ сухари и крендели.

— Покушайте крендельковъ,—проговорила она Гребешкову, поднося къ нему корзинку,—извините, батюшка, имени и отчества вашего не знаю, а крендельки славные, сдобные, вотъ мы прежде брали въ другой булочной... знаете, вотъ тамъ на углу... нѣмецкій булочникъ... ну ужъ тамъ такіе скверные, даромъ, что нѣмецъ; а это мы теперь беремъ у другого... Возьмите-ка вотъ и сухарикъ,—и сухарики хорошіе.

— Ахъ, маменька, —сказала Катерина Васильевна, нѣсколько измѣняясь въ лицѣ,—что вы пристали съ вашими сухарями? поставьте корзинку на столъ.

— Ну, слава Богу, и не такъ ужъ сдѣлала... что жъ! что за бѣда, почему не поподчивать?..—Ворчанье старушонки было прервано звономъ колокольчика въ передней; она по-

ставила корзинку на столъ, прошептала себѣ подъ носъ,— вотъ и еще какого-то Богъ даетъ...—и поплелась въ переднюю.

Черезъ минуту раздался крикъ:

— Арина Савельевна, Арина Савельевна! какъ ваше здоровье?.. А я все объ васъ вспоминалъ, давно не видались, соскучился безъ васъ, все на балахъ, знаете, верчусь вездѣ, танцую съ хорошенькими, ей-Богу, совсѣмъ замучили меня; вѣдь я вездѣ въ высшемъ обществѣ; а у насъ тамъ ужасъ, что такое, всякій день ппры такіе...

— Ахъ, ты балагуръ этакій!—проворчала старуха, схватывая за руку офицера (ибо это былъ онъ) и ведя его въ гостиную.

— Вотъ вамъ еще гость; это мой фаворитъ!—Старушонка потрепала офицера по лицу.

Офицеръ пожалъ руку Катеринѣ Васильевнѣ, три раза повернулся на каблукахъ, захохоталъ и закричалъ, обнимая старушонку за талію:

— Арина Савельевна меня ужасно любитъ; мы съ ней друзья.. А вы что-то похудѣли, Катерина Васильевна, ей-Богу! Впрочемъ, это вамъ къ лицу... честное слово... Мосье Гребешковъ, вотръ санте? здравствуй, Базиль... Что новенькаго въ литературѣ?.. Катерина Васильевна, сколько я вамъ книгъ привезу на будущей недѣлѣ! пропасть! серьезныя разныя такія; я вѣдь знаю, что вы любите все въ этакомъ родѣ.

— Какъ же-съ, вотъ какъ разъ и угадали! Напротивъ, я люблю романы.

— Да, да, романы! я знаю, что вы охотница до романовъ... Романовъ я привезу вамъ бездну и переводныхъ и оригинальныхъ, какихъ угодно... Вѣдь мнѣ всѣ книгопродавцы пріятели.

Покуда офицеръ болталъ и вертѣлся передъ Катериной Васильевной, старушонка въ чепцѣ, облокотясь о косякъ двери, не спускала съ него глазъ и ворчала про себя:

— Вишь какой, балагуръ какой, право!

Вслѣдъ за офицеромъ явился сочинитель «Фуги Восторга» и «Хаоса, или Довременнаго бытія». Онъ отпустилъ нѣ-

сколько любезностей Катеринѣ Васильевнѣ и потомъ, обратясь къ Гребешкову, къ актеру и офицеру, завелъ рѣчь о теоріи искусствъ, и по своему обыкновенію такимъ заносчивымъ языкомъ, который понять рѣшительно не было никакой возможности. Несмотря на это, офицеръ безпрестанно вскрикивалъ: «Именно такъ. Ну конечно... Я всегда это думалъ...»

Гребешковъ не слушалъ сочинителя «Фуги» и разговаривалъ съ актрисой, а актеръ затягивался и пускалъ изо рта кольца дыма... Наконецъ ему до того надоѣли разсужденія сочинителя «Фуги» и «Хаоса», что онъ, подойдя къ нему и ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Ну, братецъ, баста; довольно! надоѣлъ, да и обѣдать хочется. Я думаю сегодня хватить въ Старо-палкинскій.

Сочинитель «Фуги», иронически улыбаясь, посмотрѣлъ на актера.

— Что, мон-шеръ, не любишь головоломныхъ разговоровъ? Нѣтъ? Тебѣ бы все что-нибудь посущественнѣе... Оно, конечно, хорошо пообѣдать имѣетъ свою прелесть... Въ Старо-палкинскій, такъ въ Старо-паликинскій,.. я очень радъ.

— Коля, маршъ-ка съ нами!—сказалъ актеръ Гребешкову.

— Хорошо, только мнѣ прежде надо зайти въ книжную лавку Локоткова—за книгами.

— Ну, что жъ, братецъ, и мы зайдемъ съ тобой.

— И я, и я съ вами, господа!—закричалъ офицеръ, вскочивъ со стула.—Легранъ славный рестораторъ, я у него прежде всякій день обѣдалъ; онъ ужасно меня любитъ... Какія у него Pigeon à la crapaudine, чудо! чудо! нынче это модное блюдо... Всѣ ѣдятъ Pigeon à la crapaudine, рѣшительно всѣ!

Катерина Васильевна, провожая своихъ гостей, взглянула на Гребешкова съ особенною пріятностью и сказала ему:

— Не забывайте меня; я всегда рада буду васъ видѣть, слышите? пріѣзжайте ко мнѣ когда-нибудь послѣ спектакля чай пить. Пожалуйста.

Когда они вышли въ переднюю, Гребешковъ крѣпко сжалъ руку актера.

— Какіе у нея глаза!—сказалъ онъ,—какая ножка.

— А ты не знаешь, братецъ,—возразилъ актеръ,—какіе я куплетцы сочинилъ къ ея ножкамъ; послушай-ка—

Въ ней все восторгъ, все восхищенье.
Она блистаетъ красотой,
Умомъ и сердца добротой,
А ножки — такъ мое почтенье!

Къ лицу одѣться, и взглянуть,
Какое чудное умѣнье!
И что за станъ и что за грудь...
А ножки—такъ мое почтенье!

— Постой-ка, Вася,—сказала Арина Савельевна, удерживая актера за шинель, когда уже всѣ гости вышли на лѣстницу,—кого это ты приводилъ-то съ собой, а? что онъ, чиновникъ что ли какой, или изъ купеческихъ? богатый, что ли?

— Нѣтъ, сочинитель, матушка... Прощайте, некогда.

Актеръ догналъ своихъ пріятелей, и всѣ они вмѣстѣ отправились къ книгопродавцу Локоткову.

— Вишь убѣжалъ какъ сумасшедшій,—ворчала старушонка, запирая дверь,—и слова-то путнаго отъ него не добьешься. Экой пострѣлъ проклятый!

ГЛАВА VII.

Книгопродавецъ.

Еще до сихъ поръ у дверей многихъ книгопродавцевъ нашихъ, какъ у лавокъ Щукина-двора, стоятъ мальчишки въ сибиркахъ, подвязанныхъ кушаками, для того, чтобъ, по дикому обычаю, надоѣдать проходящимъ своимъ безсмысленнымъ визгомъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте сюда-съ!—пищатъ мальчишки, указывая руками на двери,—сюда-съ, здѣсь-съ, у насъ самыя лучшія книги-съ, какія пожелаете-съ, карты-съ, глобусы-съ, атласы-съ,—все есть-съ, что угодно-съ!

Эти пискуны-мальчишки, подрастая, переходятъ отъ дверей въ лавку и употребляются обыкновенно хозяиномъ или приказчикомъ на разсылки, потомъ выучиваются кое-какъ грамотѣ и пріучаются помаленьку вести счеты; потомъ поступаютъ въ приказчики и, несмотря на зоркость и тонкость хозяина, крадутъ понемногу книги и препорядочно обсчитываютъ его, и въ нѣсколько лѣтъ составляя себѣ крошечный капиталецъ, сами открываютъ лавчонку, составленную изъ краденныхъ книгъ. Проторговавъ года два-три, они изъ гостинаго двора переходятъ на толкучій и исчезаютъ тамъ въ толпѣ мелкихъ продавцевъ... Тѣ же изъ нихъ, кто половчѣе, поддерживаетъ себя и долѣе, ибо находятъ себѣ покровителя въ какомъ-нибудь газетчикѣ или журналистѣ. Выгодно сбывая свои залежалыя произведенія такимъ книгопродавцамъ, газетчикъ обыкновенно начинаетъ прославлять въ своей газетѣ ихъ аккуратность, очень хорошо зная, что они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обманываютъ легковѣрную публику; но обманъ рано или поздно открывается, публика лишаетъ своей довѣренности прославленныхъ газетчикомъ книгопродавцевъ, и они все-таки не избѣгаютъ толкучаго рынка.

Локотковъ былъ представителемъ такого рода книгопродавцевъ.

— Ахъ-съ, Николай Николаичъ-съ, мое почтеніе-съ!—произнесъ онъ скороговоркою, бросившись навстрѣчу къ Гребешкову, за которымъ вошли въ лавку его пріятели,—милости просимъ-съ... Какъ въ своемъ здоровьѣ-съ, Николай Николаичъ-съ?

И Локотковъ, лицо котораго въ то время, когда онъ говорилъ, безпрестанно дергалось, а вѣки моргали, послѣ каждаго слова кланялся Гребешкову и вмѣстѣ съ этимъ еще какъ-то особенно изгибался.

— Здравствуйте... какъ поживаете?—сказали ему въ одинъ голосъ Гребешковъ и сочинитель «Фуги» и «Хаоса».

— Слава Богу, живемъ-съ, помаленьку-съ... Вотъ-съ новыя книжечки-съ, Николай Николаичъ-съ, не угодно ли посмотрѣть-съ?.. вотъ-съ... Михайла Васильевичъ, какъ

вы-съ...—Локотковъ подскочилъ къ сочинителю «Фуги»,—давно васъ не видать-съ... ей Богу-съ, сочиняете-съ вѣрно что-нибудь-съ... фантазіи-съ какія-нибудь-съ, этакія-съ...

— Послушайте же вы, милостивый государь, вамъ я говорю, кажется!—закричалъ Локоткову какой-то усастый господинъ, стоявшій посрединѣ лавки подбоченясь фертомъ,—слышите ли? впередъ быть честнѣе; то-то...—И онъ погрозилъ книгопродавцу пальцемъ.

— Ей Богу-съ, виноватъ-съ... Ѳедоръ Иванычъ! (Локотковъ обернулся къ своему приказчику, стоявшему у конторки) какъ же вы это такъ не досмотрѣли?.. Непріятная исторія-съ, Николай Николаичъ-съ, вотъ-съ имъ продали-съ книжку-съ съ вырѣзанными листами-съ... Извините-съ, случайно; только единственно по недосмотру-съ... Впрочемъ-съ сейчасъ перемѣню-съ.

— То-то по недосмотру... я этого знать не хочу... по недосмотру!.. платятъ, кажется, деньги, а не щепки... на то есть глаза, чтобы смотрѣть всѣ листы... По недосмотру!

— А не прикажете ли-съ, вотъ-съ... я сейчасъ велю-съ завернуть, если пожелаете-съ... новый романчикъ вышелъ-съ... отличное сочиненіе-съ: *Любовь, или сердце женщины*, такъ называется-съ... только что сегодня поступилъ-съ въ продажу-съ, отличный-съ, можно сказать-съ.

Книгопродавецъ схватилъ съ прилавка книжку и поднесъ ее усастому господину.

Усастый господинъ посмотрѣлъ на обертку и сказалъ, пошевеливъ усами:

— Вздоръ, братецъ, какой-нибудь... дребедень... Да на чорта ли мнѣ это?.. Любовь тамъ какая-то... что я стану съ этою любовью дѣлать?.. Ужъ можно по заголовку видѣть, что чушь...

— Отчего же это, милостивый государь, вамъ угодно выводить такія заключенія о книгѣ, о которой вы не имѣете ни малѣйшаго понятія?..

Тоненькій и дрожащій отъ оскорбленія голосокъ, произнесшій эти слова, и маленькая, румяная фигурка Кинаревича, вдругъ очутившаяся передъ дебелымъ усачомъ и при-

поднявшаяся отъ негодованія на цыпочки, съ вопросительнымъ взглядомъ,—была до того смѣшна, что, при видѣ ея, Гребешковъ и актеръ едва удержались, чтобъ не захохотать во все горло. Кинаревичъ сидѣлъ доселѣ въ уголку съ книгой, никѣмъ незамѣченный, и появленіе его поразило всѣхъ неожиданностію, исключая усастаго господина.

Усастый господинъ равнодушно посмотрѣлъ внизъ, чтобъ разсмотрѣть фигурку, грозно растопырившуюся передъ нимъ, провелъ рукой по усамъ, крякнулъ, откашлянулся и сказалъ:

— А вамъ, сударь, какое дѣло до моихъ заключеній? развѣ я къ вамъ относился?..

Усастый господинъ сдѣлалъ шагъ впередъ и повторилъ громче:

— Развѣ я къ вамъ относился?

Кинаревичъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Милостивый государь,—сказалъ онъ тономъ пониже,— милостивый государь, я только замѣтилъ вамъ... я думалъ, что нельзя судить такъ рѣзко о книгѣ, которую не знаешь...

Пушистое личико Кинаревича горѣло, и губы его дрожали.

— Замѣтили! думали!—повторилъ усастый господинъ,-тономъ еще повыше. — Ну, что вы замѣтили? Что такое? Тутъ нечего и замѣчать; видно, что вздорная книжонка.

И усастый господинъ съ пренебреженіемъ швырнулъ ее на прилавокъ; Кинаревичъ вздрогнулъ, судорожное и безсильное отчаяніе, вмѣстѣ съ злостію, изобразилось въ его маленькихъ, оловянныхъ глазкахъ...

— Я и вамъ и всѣмъ наотрѣзъ скажу, — продолжалъ усастый господинъ, — что всѣ сочиненія, которыя нынче выходятъ, не стоятъ полушки. Какіе сюжеты берутъ, напримѣръ? а? всякой этакой вздоръ: любовишки, тамъ, интрижки, вздохи да охи разные: поучительнаго, такъ-сказать, для нравственности, чтобы солиднаго чего-нибудь, касательнаго ума и сердца... гдѣ это найдешь? только умничаютъ, больше ничего; пишутъ сатиры на провинціаловъ, а чѣмъ эти сатирики-то лучше насъ грѣшныхъ, спрашивается? чѣмъ?.. а?..

Ничѣмъ, просто ничѣмъ,—ужъ извините, хоть бы тутъ всѣ сочинители собрались, такъ я и имъ то же въ глаза скажу.

Усастый господинъ кивнулъ головою книгопродавцу, изогнувшемуся передъ нимъ чуть не до земли, и присвистывая вышелъ изъ книжной лавки...

— Николай Николаичъ-съ, слышали-съ?..—сказалъ книгопродавецъ, засмѣявшись изъ приличія въ руку, — вотъ какъ-съ отдѣлалъ-съ всѣхъ сочинителей, то-есть, какой, ей-Богу, этакой забавникъ-съ... А вашему-то романчику-съ... то-есть, смѣхъ да и только-съ... досталось больше всего-съ... Проказники какіе-съ... ей-Богу-съ.

— Что жъ такое моему роману?—сказалъ Кинаревичъ, заикаясь отъ негодованія!—это какой-то дуракъ, необразованный мужикъ... да онъ и не объ одномъ моемъ романѣ говорилъ... а вы слушали его развѣся уши? Этакихъ людей на цѣпь сажаютъ... и смѣшного тутъ ничего нѣтъ. Чему жъ вы смѣетесь?..

Кинаревичъ отеръ съ своего лба крупныя капли холоднаго пота, обернулся назадъ и, увидѣвъ передъ собою Гребешкова и сочинителя «Фуги», поклонился имъ въ замѣшательствѣ.

— Вотъ, — продолжалъ онъ жалобно, оправляясь и отряхиваясь, какъ птичка, облитая водою; — *вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!*.. Слышали вы, что кричалъ здѣсь этотъ невѣжда? Пиши послѣ этого для такой публики!..

— Сет-юнь ореръ! — вскрикнулъ офицеръ.

— Послушай-ка, Коля, — сказалъ актеръ, — а вѣдь этотъ господинъ съ усами чудесное лицо?.. Посмотри, если я его не отшлифую въ первомъ водевилѣ, который буду писать.

— Николай Николаичъ-съ...—говорилъ, между тѣмъ, книгопродавецъ Гребешкову, отведя его въ сторону, — есть маленькій секретецъ-съ до васъ, ей-Богу-съ... слова два на ушко-съ... просьбица, то-есть, касательно-съ... Лучше-съ пойдемте-съ туда ко мнѣ-съ, въ комнатку-съ... при всѣхъ нельзя-съ, ей- Богу... секретецъ-съ...

Книгопродавецъ ввелъ Гребешкова въ чуланчикъ, примыкавшій къ книжной лавкѣ. Въ этомъ чуланчикѣ находились

небольшой столъ, покрытый грязною салфеткой; на столѣ нечищенный, желтой мѣди, вѣчно дымящійся самоваръ, чайникъ и два стакана, да еще енотовая шуба книгопродавца, висѣвшая у замасленной стѣны на гвоздикѣ.

— Николай Николаичъ-съ, чайку-съ, сдѣлайте одолженіе-съ, — сказалъ Локотковъ, взявшись за ручку чайника: — выкушайте-съ стаканчикъ-съ... удостойте-съ... чаекъ-съ хорошій, по десяти рублей фунтикъ-съ беру... Ей-Богу... съ ромомъ не прикажете ли-съ?

— Нѣтъ, спасибо, — сказалъ Гребешковъ, — я не хочу чаю.

— Ну, такъ-съ подовыхъ, Николай Николаичъ-съ... прикажете-съ, горяченькихъ-съ, сейчасъ пошлю-съ мальчишку-съ... Алешка, Алешка!

— Мнѣ ничего не нужно; мы идемъ сейчасъ обѣдать, и я зашелъ только сказать вамъ, чтобъ вы мнѣ сегодня непремѣнно прислали тѣ книжки, о которыхъ я писалъ къ вамъ. Знаете?.. Я хочу ихъ отдѣлать порядкомъ.

— То-есть, тѣ-съ? да-съ, знаю-съ... на расправу-съ... къ вамъ-съ?.. къ вамъ-съ?.. Понимаю-съ, понимаю... хорошенички ихъ, этакъ, знаете-съ... по дѣломъ-съ, ей-Богу-съ. Ну-съ, Николай Николаичъ-съ, а касательно-съ моихъ-то-съ, моихъ-то-съ изданьицъ-съ, вѣроятно, замолвите-съ словечко-съ, вѣдь точно, сочиненія-съ, можно сказать-съ, фундаментальныя-съ, ей-Богу-съ, сами вотъ увидите-съ... слогъ такой-съ, какъ бисеромъ-съ словно нанизано-съ, первѣйшій слогъ-съ... Клянусь вамъ-съ!

— Какія это изданія? — спросилъ Гребешковъ, какъ будто не догадываясь, о чемъ книгопродавецъ велъ рѣчь.

— Какъ какія-съ? да вотъ-съ: Вѣрнѣйшій способъ-съ плѣнять прекрасный полъ, да еще, какъ бишь ее-съ: Вотъ фокусъ, такъ фокусъ! или игра въ карты безъ проигрыша...— Безподобныя книжки-съ... золотымъ перомъ написаны-съ... Оно конечно-съ, какъ для кого-съ, а для провинціи-съ, Николай Николаичъ, объяденье-съ. Сдѣлайте одолженіе-съ, ужъ вы объ нихъ этакъ какъ-нибудь-съ скажите-съ, словомъ-съ, этакую-съ рекомендацію, ужъ вы тамъ сами знаете какъ-съ.

— Нѣтъ, ужъ извините, — сказалъ Гребешковъ, — похва-

лами такимъ книжонкамъ можно какъ разъ уронить газету въ мнѣніи публики.

— Никогда-съ, клянусь, никогда-съ... Ну, а ужъ если вы не хотите похвалить-съ, такъ въ такомъ случаѣ знаете-съ, Николай Николаичъ-съ, лучше-съ промолчите-съ объ нихъ-съ, ей-Богу-съ.

— Хорошо, хорошо.

— Гребешковъ! да куда ты, мон-шеръ, забился?—кричалъ сочинитель «Фуги», отворяя дверь въ чуланъ...—Э-ге? да у васъ здѣсь секреты?

— Нѣтъ-съ, такъ-съ, ничего-съ; было дѣльцо-съ до Николая Николаича-съ.

Сочинитель «Фуги» вытащилъ Гребешкова изъ чулана въ книжную лавку, и книгопродавецъ послѣдовалъ за ними...

— Я понимаю, — сказалъ сочинитель «Фуги» книгопродавцу, — зачѣмъ вы водили туда Гребешкова...—уговаривать его, чтобъ онъ не ругалъ какія-нибудь изданныя вами книжонки. Чтó, угадалъ?.. А вамъ не стыдно издавать всякую дрянь?.. Дѣльныхъ и умныхъ сочиненій, небойсь, не покупаете?

— Покорно васъ благодарю-съ... умныя-то по-вашему книжки-съ лежатъ-съ на полкахъ, вонъ извольте-съ взглянуть: ихъ никто не покупаетъ-съ, а дрянь-то, слава Богу, расходится-съ лучше умнаго-съ. За дрянь-то я заплачу двадцать пять рублей-съ ассигнаціями-съ, а выручу пятьсотъ-съ... вотъ что-съ. Тотъ-съ не болванъ, кто наровитъ себѣ въ карманъ... — И книгопродавецъ вкрадчиво взглянулъ на автора «Фуги» и принужденно засмѣялся.

— Петръ Петровичъ великій плутъ! — сказалъ актеръ, дружески ударивъ по плечу книгопродавца.

— Это ничего-съ, пусть плутъ-съ, честные-то немного наживутъ-съ въ нынѣшнемъ свѣтѣ-съ, знаемъ мы это-съ, честность, оно хорошо, знаете-съ, только какъ говоришь-съ объ ней въ фантазіяхъ, такъ сказать-съ, а тамъ, изволите видѣть-съ, то-есть, провались я сквозь землю-съ, если это не правда-съ, съ этою честностью-съ въ нашемъ дѣлѣ-съ концы съ концами-съ не сведешь, ей-Богу, не лгу-съ.

Книгопродавецъ снова засмѣялся въ руку.

— А что правда, то правда, господа! — замѣтилъ актеръ.

— Се-тре вре! — закричалъ офицеръ.

— Конечно, всякій можетъ имѣть свое мнѣніе, — возразилъ Кинаревичъ, — противъ этого ни слова; но я полагаю, что честность должна быть краеугольнымъ камнемъ человѣческой жизни, ея основою.

— Нѣтъ-съ, ужъ тамъ какъ вы-съ не извольте-съ, — сказалъ книгопродавецъ, почесывая затылокъ, — а съ нашимъ товаромъ-съ честность тамъ этакая-съ, что вы ни говорите-съ, это, то-есть, повѣрите ли-съ, лучше-съ возьми суму-съ, да и пойди по міру-съ.

Кинаревичъ пожалъ плечами и грустно покачалъ головкою, взглянувъ на книгопродавца.

Между тѣмъ Гребешковъ разсматривалъ его новый романъ.

— Прекрасное изданіе, — замѣтилъ Гребешковъ, повертывая книгу въ рукѣ.

— А вы развѣ не изволили получить отъ меня экземплярчикъ? — спросилъ Кинаревичъ, боязливо и подозрительно посмотрѣвъ на Гребешкова. — Или можетъ-быть вы не обратили на него вниманія? Я еще конечно не пользуюсь въ литературѣ славою... я...

— Меня сегодня утромъ не было дома; вѣроятно книжку принесли безъ меня, — сказалъ Гребешковъ, кланяясь Кинаревичу и пожавъ ему руку.

— Я, въ моемъ романѣ, — продолжалъ Кинаревичъ, — какъ вы сами изволите увидѣть, если удостоите только его прочтеніемъ, изобразилъ все какъ есть въ природѣ и жизни и, признаюсь, не придерживался обычая нѣкоторыхъ сочинителей смотрѣть на людей съ одной смѣшной стороны: напротивъ, я старался преимущественно обращать вниманіе читателя на явленія прекрасныя и утѣшительныя. Я не поставляю себѣ за честь быть Гомеромъ кондитерскихъ и Невскаго проспекта и выставлять пошлыя карикатуры. Можетъ быть, конечно, мой романъ не понравится какому-нибудь журнальному крикуну, выгнанному студенту, который не имѣетъ никакихъ правъ

быть критикомъ и ни о чемъ не отзывается съ похвалою, да я о его мнѣніи мало забочусь. Я анализировалъ въ моемъ романѣ сердце женщины и доказывалъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что безмятежное, семейное счастье съ милой и нѣжной подругой выше всего на свѣтѣ.

— Вздоръ, братецъ! ромъ да деньги выше всего на свѣтѣ, а деньги, потому что безъ нихъ нельзя купить рому.

Кинаревичъ, нѣсколько оскорбленный, обратился, чтобъ взглянуть, кто такъ невѣжливо перервалъ его рѣчь, и увидѣлъ передъ собою своего пріятеля Скворевича. Скворевичъ былъ невысокаго роста, но очень коренастый, съ рѣзкими манерами и грубымъ голосомъ. Онъ славился въ литературѣ своими стихотвореніями, которыя, по выраженію одного остроумнаго фактора, всегда употреблялись «на затычку», то-есть когда не хватало оригинала для пополненія страницы. Ко всему этому Скворевичъ имѣлъ сердце доброе и любилъ Кинаревича за то, что онъ, по его выраженію, умѣлъ жить въ свѣтѣ, то-есть, потчивалъ всегда гостей своихъ чаемъ не просто, а съ ромомъ. Кинаревичъ также любилъ Скворевича за то, что Скворевичъ охотно выслушивалъ его произведенія, прихлебывая ромъ съ чаемъ и отъ поры до времени приговаривая: «Не дурно, братецъ... хорошо... брависсимо... славно» и т. п.

— Ну, какъ, дружочекъ, пресмыкаешься? — сказалъ Скворевичъ Кинаревичу, когда тотъ обратился къ нему.— Ужъ повторяю тебѣ, какъ ты ни хмурься, а ромъ важнѣе всего.

— Ты вѣчно съ своими плоскими шуточками! — произнесъ съ важностью Кинаревичъ.

— Какъ поживаете, какъ попиваете, милостивые государи? — продолжалъ Скворевичъ, обращаясь ко всѣмъ и не обращая вниманія на пискъ своего пріятеля. — А я что-то не въ своей тарелкѣ послѣ вчерашняго ужина. Надобно вамъ сказать, что меня нелегкое понесло на литературную вечеринку къ Колѣнцеву... Зоветъ, зоветъ, думаю, почему же не пойти? Что жъ? За ужиномъ, какъ бы вы думали, онъ вздумалъ разсадить насъ по литературнымъ рангамъ... Кукушкина посадилъ на первомъ мѣстѣ и передъ нимъ лафитъ въ 12 рубликовъ бутылку, а меня на конецъ стола, да передо мной под-

сунулъ... чего бы вы думали? медокъ въ рубль десять копѣекъ, знаете! этакъ съ сандальчикомъ... Каковъ молодчикъ? Да чѣмъ я хуже какого-нибудь Кукушкина? Хоть бы двухъ съ полтиннымъ ямайскимъ лоделаванцемъ уважилъ... ну тогда еще все можно было бы стерпѣть.

При этихъ словахъ всѣ слушающіе расхохотались, а актеръ, погрозивъ Скворевичу, воскликнулъ:

— Эхъ, узнаю тебя, душа! Ромовикъ, отчаянный ромовикъ! Нашего ноля ягода!

— Валеріанъ Антонычъ-съ, — проговорилъ книгопродавецъ, кашляя отъ смѣха, — такъ бутылочку-то-съ въ рубликъ поставилъ передъ вашимъ-съ приборомъ-съ?...

— Да съ вами-то я, почтеннѣйшій, не о бутылочкѣ буду говорить, — отвѣчалъ Скворевичъ, подходя къ книгопродавцу, — а о деньгахъ... Когда же вы отдадите наконецъ за 20 экземпляровъ моихъ стихотвореній, которые я вамъ давалъ на комиссію? а? когда?

Улыбающаяся физіономія книгопродавца измѣнилась въ одну секунду, и глаза его вопросительно вытаращились...

— Насчетъ чего-съ?.. — сказалъ онъ скороговоркою.

— Деньги за мои 20 экземпляровъ, — твердо повторилъ Скворевичъ.

— То-есть касательно-съ того-то-съ? экземпляровъ-то-съ?

— Ну да, касательно экземпляровъ.

— Вашихъ-съ книгъ-съ? то-есть сочиненій... стихотвореній, я хотѣлъ сказать-съ.

— Что вы глухи, что ли? Давайте мнѣ деньги за проданные вами 20 экземпляровъ моихъ стихотвореній. Слышите?

— Да-съ, тѣ-то самые-съ, что на комисіи-то были-съ? да-съ... 20 что ли экземпляровъ-съ?

— 20-ть; вотъ ваша расписка, смотрите.

Книгопродавецъ бѣгло взгляиулъ на росписку.

— Такъ стало быть двадцать-съ? Очень хорошо-съ... надо посмотрѣть-съ... непремѣнно-съ, Валеріанъ Антонычъ-съ, непремѣнно-съ.

— Чего непремѣнно?

— Надо то-есть справочку-съ этакую навести-съ, всѣ ли,

то-есть точно-съ проданы-съ... Өедоръ Иванычъ (книгопродавецъ обратился къ приказчику), слышите-съ?

— Хорошо-съ, справимся, — отвѣчалъ приказчикъ.

— Да вы мнѣ полгода назадъ тому говорили, что всѣ 20 экземпляровъ проданы и что у васъ деньги готовы... Что же это такое? — закричалъ Скворевичъ, ударивъ кулакомъ о прилавокъ.

— Полгода-съ? то-есть шесть мѣсяцевъ-съ назадъ тому-съ, говорилъ-съ? Нѣтъ-съ, Валеріанъ Антонычъ-съ, вы ошиблись, повѣрьте-съ... Кажется-съ, три или четыре экземплярчика проданы-съ, не упомню-съ до точности-съ, три или четыре-съ; впрочемъ, не безпокойтесь, помилуйте-съ, деньги-съ что-съ! пустяки-съ; за деньгами дѣло не станетъ-съ, только справочку-съ навести-съ... Денекъ другой-съ потерпите-съ, Валеріанъ Антонычъ-съ, сдѣлайте одолженіе-съ, потерпите-съ; полное удовлетвореніе получите-съ, ей-Богу-съ...

— Ну, два дня пожалуй... Будьте свидѣтелями, господа, два дня, а ужъ долѣе не стану терпѣть ни полсекунды.

— Важная новость... здравствуйте, господа!..—сказалъ въ эту минуту вбѣжавшій въ лавку литературный сплетникъ,— важная новость!

— Какая, какая? — спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Неужели не слыхали? Кукушкинъ разсорился съ Өетюковымъ за статейку Өетюкова «Всякая всячина, или всѣмъ сестрамъ по серьгамъ», которая напечатана была въ третьягоднишнемъ нумерѣ. Тамъ, вѣдь, знаете, есть между прочимъ намекъ о томъ, что Кукушкинъ придерживается крѣпкихъ напитковъ... вотъ, знаете, Кукушкинъ написалъ къ нему письмо, говоритъ, я не потерплю такихъ дерзостей... слово за слово... неугодно ли, говоритъ, вамъ со мною объясниться.

— Объясниться?.. вотъ какъ! — воскликнули всѣ.

— Божусь вамъ... Өетюковъ ужасно струсилъ, просилъ у него извиненія, и на-дняхъ, говорятъ, явится статья, въ которой онъ превознесетъ Кукушкина до небесъ, назоветъ его первымъ русскимъ писателемъ, нашимъ Шиллеромъ, Гёте, Вальтеръ-Скоттомъ; въ это дѣло вмѣшался Колючкинъ: онъ безпрестанно ѣздилъ отъ Өетюкова къ Кукушкину, отъ Ку-

кушкина къ Ѳетюкову; наконецъ сегодня утромъ торжественно помирили ихъ. Ужъ они обнимались и, говорятъ, пили шампанское... Ѳетюковъ читалъ Кукушкину свою статью о немъ, и тотъ пришелъ отъ нея въ восторгъ...

— Да вѣрно ли это? — спросили всѣ.

— Ей Богу, клянусь вамъ.

Литературный сплетникъ проговорилъ это скороговоркою и бросился къ прилавку обнюхивать книги.

— А что, господа? — сказалъ актеръ, — вѣдь ужъ пора бы и червяка заморить. Скворевичъ, ты съ нами что ли?

— Да развѣ такъ, для компаніи, братецъ: ѣсть-то мнѣ не хочется, потому что я вплотную позавтракалъ; такихъ, знаешь, алгвазиловъ запустилъ въ желудокъ ... двѣ преогромнѣйшія, братецъ, колбасы съ чеснокомъ.

— Ѣсть тебя никто не заставитъ, — сказалъ актеръ, — а мы козырнемъ, знаешь, лоделаванцу.

— Ну, умныя рѣчи, братецъ, пріятно и слышать, — воскликнулъ Скворевичъ, обратясь ко всѣмъ и ударивъ по плечу актера. — Отъ лоделаванца мы никогда не отказываемся...

И всѣ эти господа, исключая Кинаревича и литературнаго сплетника, отправились къ Палкину. Дорогою Скворевичъ жаловался на какого-то журналиста, который, по его словамъ, разругалъ его стихотворенія безъ всякой причины:

— Я вѣдь, — говорилъ онъ, — никогда не трогалъ его. Что жъ я ему сдѣлалъ? За что онъ меня первый задираетъ? Это просто подло! Удивляюсь, какъ не имѣть никакой честности въ душѣ, никакого благородства!

— И, братецъ, чему тутъ удивляться? — возразилъ актеръ, — онъ всѣхъ ругаетъ; ему и не растолкуешь, что такое значитъ честность.

Передъ обѣдомъ сочинитель «Фуги», Скворевичъ и актеръ выпили четыре рюмки рома, двѣ, какъ они говорили, начерно и двѣ набѣло. Гребешковъ также послѣдовалъ ихъ примѣру.

Въ половинѣ обѣда офицеръ, безпрестанно перебивавшій всѣ разговоры и хваставшій безъ всякаго милосердія, закричалъ:

— Гарсонъ, три бутылки шампанскаго!

Половой уже двинулся, чтобъ исполнить его приказаніе, но онъ шепнулъ ему такъ, что никто не замѣтилъ:

— Покуда довольно, братецъ, одной. Слышишь?

Когда наступила минута денежнаго расчета и актеръ вынулъ свой бумажникъ, чтобъ заплатить за себя, сочинитель «Фуги» подошелъ къ нему.

— Послушай, душа моя, — сказалъ онъ, наклоняясь къ актеру, — заплати, пожалуйста, и за меня. Я тебѣ завтра отдамъ.

— Пожалуй, братецъ, — отвѣчалъ актеръ во все горло и нѣсколько покачиваясь на стулѣ, — заплатить я заплачу, только, видишь ли, я тебя накормилъ обѣдомъ, а ты меня хочешь отпотчивать завтракомъ. Это вѣдь не совсѣмъ-то мнѣ выгодно.

Сочинитель «Фуги» очень равнодушно, какъ будто слова эти вовсе не относились къ нему, отвернулся отъ актера и запѣлъ:

— Тра-ла-ла-ла...

Затѣмъ пировавшіе гурьбой вышли изъ трактира, съ криками: «извозчикъ!» и, разсѣвшись попарно на извозчикахъ, гуськомъ потянулись куда-то.

ГЛАВА VIII,

изъ которой можно усмотрѣть, до какой гибели доводитъ страсть къ сочинительству.

Двѣ статьи Гребешкова о романѣ Кинаревича и о бенефисѣ Скворцова произвели величайшее волненіе между литературными тлями. Статьи эти точно написаны было довольно бойко и даже не безъ остроумія. Впрочемъ издатель какой-то газеты, имѣвшій привычку, вѣроятно, для приданія себѣ большей важности, исправлять всѣ статьи своего сотрудника, въ рецензіи его на романъ Кинаревича вставилъ нѣсколько собственныхъ разсужденій касательно любви и прекраснаго по-

ла... Автора романа онъ назвалъ между прочимъ *жалкимъ пигмеемъ, который берется за предметы не по своимъ силамъ,* замѣтилъ, что *пониманіе любви дастся только немногимъ избраннымъ,* что *любовь — это стонъ горлицы, бѣшеный каскадъ, льющійся по фибрамъ сердца, жгучія иглы, пробѣгающія по всему тѣлу и разрушающія органическую систему,* и потомъ, по своему обыкновенію, обращаясь къ *прелестнымъ читательницамъ,* объявилъ имъ, что *ихъ сердецъ, увы! не защищаютъ даже эластическіе корсеты отъ стрѣлъ милаго шалуна, съ крылышками и съ колчаномъ за спиною.* Въ статьѣ о бенефисѣ Скворцова издатель какой-то газеты прибавилъ только намекъ, что третье и четвертое дѣйствіе «Навуходоносора» сочинены не Павлюковымъ, что *лицо Навуходоносора совсѣмъ не драматическое, а скорѣе эпическое и что скоро мы изложимъ свое мнѣніе о драмѣ вообще...* Гребешковъ ни мало не сердился на всѣ эти поправки и вставки, тѣмъ болѣе, что издатель какой-то газеты не измѣнилъ ни одной буквы на томъ мѣстѣ его статьи, гдѣ говорилось объ игрѣ Катерины Васильевны. Катерина Васильевна была, разумѣется, превознесена Гребешковымъ до небесъ. Она, «артистка въ высокомъ и благородномъ значеніи этого слова,—говорилъ онъ, — артистка, которая сдѣлала бы честь любому европейскому театру. Игра ея исполнена граціи, одушевленія, чего-то невыразимо-прелестнаго... Во всѣхъ роляхъ она мила до обожанія... Запоетъ ли она, и ея свѣжій, серебряный, гармоническій голосокъ проникаетъ до глубины сердца; задумается ли она, облокотясь на свою маленькую ручку, смотрите, какое чудное выраженіе въ глазахъ ея; улыбнется ли — какая поэзія въ улыбкѣ!.. Она несравнима, незамѣнима... Какая-то г-жа Кавалерская вздумала было дебютировать въ одной изъ ея ролей, и тутъ-то мы поняли безконечную разницу между словами: *артистка* и *актриса*»... и прочее.

Катерина Васильевна была восхищена этими похвалами, Она начала оказывать Гребешкову самое лестное вниманіе, безпрестанно приглашала его къ себѣ, и онъ, какъ другъ его актеръ-водевилистъ, сдѣлался неизбѣжнымъ лицомъ въ ея го-

стиной. Зато Гребешковъ пріобрѣлъ себѣ двухъ жесточайшихъ враговъ въ Павлюковѣ и Кинаревичѣ. Павлюковъ послѣ разбора «Навуходоносора» перестал даже кланяться съ Гребешковымъ и съ издателемъ какой-то газеты, разсказывалъ объ ихъ частной жизни разные неприличные анекдоты и уже явно приставалъ къ шайкѣ Ѳетюкова, который, отдавая отчетъ о «Навуходоносорѣ», привѣтствовалъ такъ своего новаго клеврета:

«Признаюсь, лучше «Навуходоносора» я ничего не видалъ на нашей сценѣ. Именемъ всѣхъ друзей искусства, умоляю васъ, почтеннѣйшій Павелъ Яковлевичъ, продолжать трудиться на драматическомъ поприщѣ. Вашъ первый опытъ блистателенъ. Вы рѣшительно знатокъ человѣческаго и въ особенности женскаго сердца, и къ тому же мастеръ владѣть стихомъ. Это я вамъ скажу, несмотря ни на какія личныя отношенія. Правда выше всего; я всегда былъ тѣхъ мыслей, что если мы спиной обернемся къ правдѣ, то, прошу не прогнѣваться, и почтеннѣйшая публика обернется къ намъ спиною. А отъ васъ, Павелъ Яковлевичъ, наша сцена въ правѣ надѣяться многаго. Если вы удалитесь отъ всѣхъ литературныхъ партій, запретесь въ свой кабинетъ, какъ я, да будете только слушаться своего сердца, да своей фантазіи, такъ васъ можно заранѣе поздравить съ великими успѣхами въ будущемъ. Пусть враги мои чернятъ и позорятъ меня — Богъ съ ними! а публика знаетъ, что я всегда первый радуюсь появленію новаго таланта и первый привѣтствую его, какъ патріотъ и страстный любитель отечественной литературы».

— Вотъ, — пищалъ Павлюковъ, указывая на статью Ѳетюкова, — это лестный для меня отзывъ благомыслящаго и добросовѣстнаго литератора, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ; это не то, что маранье какихъ-нибудь дрянныхъ и безграмотныхъ писачекъ, надъ мнѣніями которыхъ всѣ смѣются.

Но какъ ни сильно было ожесточеніе Павлюкова противъ издателя какой-то газеты и его сотрудника, — оно не могло сравниться съ бѣшенствомъ, въ которое пришелъ Кинаревичъ послѣ рецензіи на его романъ. Блѣдный, дрожащій отъ негодованія, онъ быстро ходилъ по комнатѣ, рвалъ роковой

для него листокъ, топталъ лоскутки ногами и называлъ Гребешкова — Николашкой.

— Такъ я пигмей, — восклицалъ онъ: — пигмей!.. безсмысленный мальчишка!.. неучъ!.. Я покажу ему, я докажу имъ, кто я... я напишу на нихъ такую статью, отъ которой у нихъ сдѣлаются корчи и судороги... да... я выведу ихъ на чистую воду... У меня дуренъ слогъ?.. а у нихъ какой слогъ?.. Они писать не умѣютъ, первыхъ правилъ грамматики не знаютъ... Они...

Кинаревичъ, обезсиленный гнѣвомъ, упалъ въ кресла. Черезъ минуту онъ немедленно поднялся, еще нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, ударилъ себя рукою въ лобъ и написалъ слѣдующее письмо къ Гребешкову:

«Милостивый государь!

«Покорно прошу возвратить мнѣ съ симъ посланнымъ экземпляръ полученнаго вами отъ меня моего романа: *Любовь или сердце женщины*. Прочитавъ рецензію вашу на него, я къ удивленію моему, встрѣтилъ въ ней такія фразы и слова, которыя автору нельзя иначе принять, какъ за личное оскорбленіе. Предоставляю вамъ, милостивый государь, размыслить, можетъ ли благородный человѣкъ переносить хладнокровно такого рода оскорбленія? кажется, мы должны объясниться другъ съ другомъ за которой-нибудь изъ городскихъ заставъ. Жду вашего отвѣта

Кинаревичъ».

Черезъ полтора часа Кинаревичъ получилъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ:

«Книжку вашу возвращаю вамъ. Объясняться же съ вами за городской заставой вовсе не считаю необходимымъ. Если бъ всѣ безталанные писатели, на которыхъ я пишу въ газетѣ рецензіи, вздумали требовать отъ меня объясненій за городскими заставами, то я бы долженъ былъ по нѣскольку разъ въ день

ѣздить за городъ, а это невозможно, ибо я имѣю, какъ вамъ извѣстно, срочныя занятія, отъ которыхъ отказываться не могу да и не намѣренъ.

Гребешковъ».

Кинаревичъ, прочитавъ эту записку, судорожно смялъ ее въ рукѣ и проговорилъ задыхаясь:

— Трусъ! презрѣнный трусъ!.. Я убью его сейчасъ же. И онъ вскочилъ со стула, но черезъ нѣсколько минутъ отложилъ это кровавое намѣреніе и просто принялся писать на Гребешкова статейку, изъ которой вышла цѣлая брошюра подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о томъ, что такое въ наше время рецензенты». Брошюрку эту онъ напечаталъ на свой счетъ и нѣсколько поуспокоился, увѣривъ себя, что она принесетъ неисчислимыя пользы русской литературѣ.

Впрочемъ, спокойствіе это было непродолжительно. Всѣ журналы и газеты, какъ будто сговорясь, подняли на смѣхъ и романъ и брошюрку. Кинаревичъ совершенно потерялся; онъ недѣли двѣ не выходилъ изъ дома, не пускалъ къ себѣ никого и въ припадкѣ отчаянія безпрестанно разговаривалъ съ самимъ собою. Съ утра до ночи занятый мыслью, какъ отомстить врагамъ своимъ журналистамъ, онъ наконецъ придумалъ для этого необыкновенное средство и подалъ на нихъ жалобу въ какое-то присутственное мѣсто. Разумѣется, просьба эта была оставлена безъ вниманія. Кинаревичъ не шутя сдѣлался боленъ, пушистыя и румяныя щечки его поблѣднѣли, а въ оловянныхъ глазахъ показался странный блескъ...

— Это ничего, ничего, — говорилъ онъ однажды Скворевичу, часто навѣщавшему его во время болѣзни, — я напишу, вотъ ты увидишь, такое колоссальное произведеніе, которое подавитъ всѣхъ этихъ жалкихъ крикуновъ, завистниковъ моего таланта. Въ головѣ моей шевелится теперь такая ядовитая сатира на нихъ...

— И, братецъ, — перебилъ Скворевичъ, прихлебывая ромъ, — охота же тебѣ... Что, братецъ, съ ними связываться; плюнь на нихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!..— Кинаревичъ схватилъ съ своего стола

гипсовую статуйку какого-то великаго мужа, бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами. — Вотъ я какъ раздавлю ихъ!

Скворевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Кинаревичъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и началъ бормотать безсмысленныя и невнятныя рѣчи, указывая на гипсовые обломки... Онъ былъ въ жару. Скворевичъ уложилъ его въ постель и послалъ за докторомъ. Когда докторъ явился, больной принялъ его за какого-то журналиста, злобно бросился на него и потомъ, отступивъ шагъ назадъ и поднявъ руку вверхъ, началъ читать ему наизусть отрывокъ изъ своей брошюрки на рецензентовъ.

Докторъ ѣздилъ къ нему всякій день, прописывалъ лѣкарства, но больному не было лучше. Помѣшательство его усиливалось быстро. Къ тому же у него не оказалось ни гроша, ибо послѣднія деньги онъ употребилъ на изданіе своей брошюры, и Скворевичъ, самъ нуждавшійся въ деньгахъ, покупалъ ему лѣкарство на свой счетъ и почти не отходилъ отъ него.

Но по прошествіи мѣсяца докторъ за неплатежъ денегъ отказался лѣчить больного. Тогда Скворевичъ началъ хлопотать о помѣщеніи его въ домъ умалишенныхъ. Хлопоты Скворевича, послѣ многихъ препятствій, увѣнчались успѣхомъ; онъ нанялъ карету и повезъ несчастнаго своего пріятеля въ его послѣднее убѣжище.

Кинаревичъ не подозрѣвалъ, куда везутъ его. Во время пути онъ былъ тихъ и печаленъ.

— Что я имъ сдѣлалъ? что я имъ сдѣлалъ? — говорилъ онъ, схватывая за руку Скворевича. — Я съ дѣтства чувствовалъ призваніе къ литературѣ... я всего себя хотѣлъ посвятить ей... Кто же сказалъ, что у меня нѣтъ таланта? Ты не вѣрь этому... Объ этомъ распускаютъ слухи враги мои. Они составили противъ меня заговоръ; въ этомъ заговорѣ, скажу тебѣ по секрету, замѣшанъ весь Петербургъ. Они распускаютъ слухи, будто я не литераторъ. Я... я не литераторъ! Слышишь ли? Я литераторъ, божусь тебѣ, я литераторъ, я пишу повѣсти, романы, критики... Я призванъ для того, чтобъ возвысить русскую литературу; имъ не уничтожить

меня — нѣтъ!... Я стану издавать журналъ, стану писать на нихъ статьи въ каждомъ нумерѣ, да я, если захочу, сотру ихъ съ лица земли однимъ взмахомъ пера!

Скворевичъ молчалъ. Никогда ему не было такъ тяжело, какъ въ эту минуту. Пасмурное осеннее небо, мелкій дождикъ, болѣе похожій на туманъ, по сторонамъ дороги ветхіе заборы и палисадники, обнаженныя деревья, да между ними дачи съ наглухо заколоченными окнами и человѣкъ, сидѣвшій возлѣ него со впалыми щеками, съ безсмысленнымъ взглядомъ и съ безсмысленными рѣчами, — все это какъ-то необыкновенно на него подѣйствовало. Онъ, можетъ быть, первый разъ въ жизни тяжело вздохнулъ и, махнувъ рукою, прошепталъ:

— Охъ, скучно! —Но если бъ могъ понять Скворевичъ, какой ядовитой и горькой ироніей на него былъ этотъ бѣднякъ, помѣшавшійся на литературѣ и возбуждавшій въ немъ такое состраданіе, — онъ, вѣрно, вздохнулъ бы еще тяжелѣе.

Однако, на возвратномъ пути, тяжесть нѣсколько отлегла отъ сердца Скворевича. Онъ сказалъ самому себѣ:

— А что, не выпить ли этакъ цѣлительнаго ямайскаго лоделаванца?—и заѣхалъ въ «Марьину Рощу» на петергофской дорогѣ.

ГЛАВА IX.

А о томъ, что заключается въ этой главѣ, читатель увидитъ изъ ея содержанія.

Не любитъ русскій человѣкъ ни о чемъ задумываться. Поднимется ли ненарокомъ изъ глубины души его вопросъ, зародится ли въ немъ сомнѣніе, — онъ душитъ ихъ въ самомъ зародышѣ. Заставитъ ли его кто-нибудь заглянуть въ самого себя, приведетъ ли въ минутное сознаніе, высказавъ ему горькую и рѣзкую истину, — онъ уже смотритъ на того, какъ на врага, какъ на нарушителя своего покоя. Обезпечивъ, по возможности, свои матеріальныя потребности, онъ

живетъ себѣ безъ размышленія и безъ отчета, и если иногда, отъ нечего дѣлать, вздумаетъ повраждовать съ окружающею его дѣйствительностью, то сейчасъ же снова примиряется съ нею, упрекая себя за свою смѣлость.

Гребешковъ, какъ настоящій русскій человѣкъ, безсознательно отдался тому обществу, въ которое забросила его случайность. И хотя, по натурѣ своей, онъ былъ, можетъ быть, выше всѣхъ окружавшихъ его, по внѣшности ничѣмъ отъ нихъ не разнился; только часто душила его непонятная ему тоска, и въ эти минуты онъ пилъ, а товарищи его кричали ему: «Браво! Ай-да питухъ! Ну, братецъ, честь тебѣ и слава!..» Онъ никогда не могъ возвыситься до благороднаго, сознательнаго страданія, которое носитъ въ груди своей только человѣкъ съ убѣжденіями и вѣрованіями. Онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій, — да и откуда ему было взять ихъ? Онъ жилъ привычкою, не видя комической стороны окружавшаго его общества. Правда, съ нѣкотораго времени онъ началъ подсмѣиваться надъ издателемъ какой-то газеты и даже отзывался о немъ съ презрительною жалостью, но не потому, чтобъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ немъ смѣшное, а просто отъ досады, что тотъ дурно платилъ ему за труды. Въ безпрерывномъ ожиданіи отъ него денегъ, Гребешковъ долженъ былъ безпрестанно занимать — и скоро задолжалъ всѣмъ своимъ пріятелямъ. Издатель какой-то газеты также не совсѣмъ хорошо сталъ отзываться о Гребешковѣ, въ особенности послѣ того, какъ убѣдился, что обсчитывать его было невозможно. Къ тому же издатель пріобрѣлъ себѣ новыхъ друзей и сотрудниковъ въ двухъ семипаристахъ, Благосиловѣ и Коментаторовѣ, которыхъ онъ почти не выпускалъ отъ себя, прочитывая и перечитывая имъ свои статейки. Семинаристы, разумѣется, слушали его разиня рты, а онъ съ самодовольствіемъ улыбался и послѣ каждаго періода останавливался на минуту и восклицалъ: «Каково?»

Между тѣмъ, Ѳетюковъ, узнавъ черезъ литературнаго сплетника объ отношеніяхъ издателя какой-то газеты къ Гребешкову, однажды при встрѣчѣ съ Гребешковымъ на улицѣ, пожалъ ему руку и сказалъ:

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій! у васъ талантъ, славно пишете, славно... Только вы попали въ такую шайку, которая, знаете... вотъ сейчасъ, вѣрьте мнѣ, сейчасъ вотъ и совратитъ васъ съ пути... да, да!.. Вамъ, я думаю, Богъ знаетъ что натолковали обо мнѣ? а?.. Чудовищемъ меня представили? а?.. Вы бы, почтеннѣйшій, къ намъ перешли; мы васъ бы сейчасъ оцѣнили, тиснули бы объ васъ статейку: имя бы себѣ пріобрѣли, вся бы Россія узнала о васъ...

Гребешкову хотя почему-то и казалось не совсѣмъ ловко связываться съ Ѳетюковымъ, однако, поблагодаривъ его за лестное къ нему вниманіе, онъ сказалъ, что подумаетъ о его предложеніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ разрыва съ издателемъ какой-то газеты, Гребешковъ волею или неволею, все-таки долженъ былъ, для поддержаиія своего существованія, прибѣгнуть къ покровительству Ѳетюкова.

Катерина Васильевна была къ Гребешкову попрежнему очень внимательна. Она уже обращалась съ нимъ совершенно запросто, посвятила его во всѣ закулисныя тайны и безусловно управляла его мнѣніемъ. Оттого въ театральныхъ отчетахъ Гребешкова, писавшихся подъ вліяніемъ ея и актера-водевилиста, всѣ ихъ друзья, безталантные актеры и акрисы, были всегда превозносимы, а враги, изъ которыхъ многіе обладали замѣчательнымъ сценическимъ дарованіемъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовались. Вообще, не только театральныя, но и литературныя рецензіи Гребешкова стали отличаться явною недобросовѣстностью: онъ часто расхваливалъ въ газетѣ пошлыя книжонки, издаваемыя книгопродавцемъ Локотковымъ, ибо, по увѣренію литературнаго сплетника, получалъ отъ Локоткова по 25 рублей ассигнаціями за каждую расхваленную книжонку. И едва ли это не было справедливо, потому что Гребешковъ, безпрестанно нуждавшійся въ деньгахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ играть въ карты и косточки на вечерахъ Катерины Васильевны, готовъ былъ добывать деньги, не разбирая средствъ. Для бенефиса ея онъ вмѣстѣ съ актеромъ написалъ водевиль, въ которомъ она, играя роль свѣтской кокетки высшаго общества, не сходила со сцены, и по мнѣнію знатоковъ своего театра, была «восхи-

тительна». Вообще бенефисъ Катерины Васильевны удался какъ нельзя болѣе. Ей платили двойныя и тройныя цѣны, а одинъ старичокъ, изукрашенный дорогими перстнями, кольцами и цѣпями и съ нѣкотораго времени посѣщавшій ее очень часто, прислалъ ей за свое кресло тысячу рублей. Кромѣ того, послѣ каждаго пріѣзда къ ней этого старичка, у нея являлась какая - нибудь вещь рублей въ двѣсти, въ триста и даже дороже. Катерина Васильевна обращалась съ старичкомъ очень ласково, драла его за уши, когда онъ, весь растаявъ, дрожащими и сморщенными губами цѣловалъ ея бѣленькія ручки, и обыкновенно называла его папашей. Но въ совершенномъ восторгѣ отъ него была Арина Васильевна, которой онъ подарилъ шелковой матеріи на платье.

Гребешковъ ненавидѣлъ этого волокиту - старичка, и вообще ему не нравилось то, что въ гостиной Катерины Васильевны и по утрамъ и по вечерамъ всегда вертѣлись гости. Болѣе года былъ онъ знакомъ съ нею, и во все продолженіе этого времени ни разу не имѣлъ случая объяснить ей наединѣ свои чувства.

Однако, разъ вечеромъ (это было вскорѣ послѣ ея бенефиса), онъ, къ удивленію своему, наконецъ засталъ ее одну... Она лежала на кушеткѣ въ своей уборной, тускло освѣщенной свѣтомъ алебастровой люстры. Ножки ея были открыты, рѣсницы опущены, волосы длинными буклями упадали на полуобнаженную грудь. У Гребешкова сильно забилось сердце, когда онъ взглянулъ на нее.

— Вы спите, Катерина Васильевна? — сказалъ онъ, подходя къ ней.

Она взглянула на Гребешкова, не перемѣняя своего положенія, и едва замѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу ея.

— А! это вы? Нѣтъ, не сплю; я нездорова...

— Что съ вами? — спросилъ Гребешковъ, садясь на стулъ возлѣ нея и съ участіемъ смотря ей въ глаза.

— Ничего... голова болитъ.

— Что же вы не пошлете за докторомъ?

— Вотъ еще! И такъ пройдетъ.

— Да у васъ, кажется, жаръ? — продолжалъ Гребешковъ, взявъ ея руку и слегка пожавъ ее.

— Ахъ, оставьте меня. Ну, жаръ такъ жаръ... Эка важность!

— Помилуйте, съ вами нельзя говорить сегодня. Вы такъ сердиты.

— Скажите, пожалуйста! Вотъ безподобно! Выдумайте еще что-нибудь.

Катерина Васильевна, сказавъ это, посмотрѣла на дверь и съ безпокойствомъ стала къ чему-то прислушиваться. Казалось, какая-то мысль очень тревожила ее. Гребешковъ былъ удивленъ ея страннымъ обращеніемъ съ нимъ. Онъ никакъ не могъ понять причину ея холодности и разсѣянности.

— Я первый разъ добился счастія видѣть васъ наединѣ, — сказалъ онъ, посмотря на нее съ особеннымъ чувствомъ, — а вамъ какъ будто непріятно это...

Онъ остановился и продолжалъ черезъ минуту съ замѣтною робостью:

— Быть же наединѣ съ женщиною, которую любишь... это... это...

Гребешковъ не находилъ словъ.

— Это, я думаю, очень пріятно, можно себѣ представить! — перебила Катерина Васильевна, не глядя на него.

— Но любить безъ взаимности...

Катерина Васильевна вскочила съ кушетки, улыбнулась и, присѣдая передъ своимъ обожателемъ, пропѣла водевильный куплетъ:

Любви взаимной наслажденье
Кто никогда не испыталъ,
Того вся жизнь—одно мученье,
Увы! тотъ не жилъ,—а страдалъ.

Гребешковъ разсердился за эту шутку.

— Вы прекрасно поете, — сказалъ онъ, закусивъ губу.

— Не дурно-съ, — отвѣчала актриса, — немножко получше Кавалерской...

Она еще что-то хотѣла сказать, но остановилась и вздрогнула, потому что въ другой комнатѣ послышался стукъ.

— Вы сегодня какъ-то необыкновенно странны, — замѣтилъ Гребешковъ и съ досадою началъ бить тактъ ногою.

— Постойте, постойте... тише! — Актриса заглянула въ дверь сосѣдней комнаты: — нѣтъ, это мнѣ показалось...

— Что же вамъ показалось? Вы, можетъ быть, ждете кого-нибудь и я мѣшаю вамъ?

— Мнѣ показалось, что кто-то былъ въ той комнатѣ, — отвѣчала она съ замѣшательствомъ, отходя отъ дверей; — вы находите, — продолжала она, обращаясь къ Гребешкову, — будто я какъ-то необыкновенна что ли, а я нахожу, что вы сегодня ни на что не похоже что такое... ужасть, какой смѣшной...

Слова ея были прерваны звономъ колокольчика въ прихожей. Катерина Васильевна бросилась къ Гребешкову и схватила его за руку.

— Ради Бога, — проговорила она, — подите въ мою спальню, а оттуда пройдите въ переднюю черезъ коридоръ... ко мнѣ пришелъ одинъ человѣкъ, знаете, съ которымъ мнѣ нужно переговорить кое объ какихъ дѣлахъ... Пожалуйста; я жду васъ завтра... у меня никто не будетъ, слышите?

И съ этими словами она почти насильно втолкнула Гребешкова въ свою спальню. Онъ вышелъ оттуда въ неосвѣщенный коридоръ, изъ котораго дверь была отворена въ переднюю, и увидѣлъ мелькнувшую мимо двери сухощавую тѣнь старичка.

— Э-ге! — подумалъ Гребешковъ, начиная приходить въ себя и ощупью спускаясь по лѣстницѣ. Онъ уже занесъ ногу на послѣднюю ступеньку, какъ вдругъ почувствовалъ, что его схватили за шинель.

— Кто тутъ? — спросилъ Гребешковъ, испугавшись.

— Это я! я, милостивый государь, — отвѣчалъ кто-то заикаясь.

— Кто вы? что вамъ надобно?

— А! вы не узнаете меня?..

— Да какъ же вы хотите, чтобы я узналъ васъ? Здѣсь не видно ни зги. Выйдемте на улицу.

— Извольте, выйдемте.

— Такъ это вы? — сказалъ Гребешковъ, увидѣвъ передъ собою, при тусkломъ свѣтѣ фонаря, тощую фигуру поэта, написавшаго къ Катеринѣ Васильевнѣ 44 стихотворенія: — Боже мой! да что вы здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы меня остановили?

— Зачѣмъ я остановилъ васъ! — воскликнулъ поэтъ, отстегнувъ шинель и размахнувъ рукой, — зачѣмъ я остановилъ васъ? И вы спрашиваете? Я давно караулилъ васъ здѣсь... Я зналъ, что она принимаетъ васъ наединѣ, я зналъ все... Она только разыгрываетъ роль невинности, она... но что и говорить объ ней? Я дѣлалъ ей благородныя предложенія, хотѣлъ жениться на ней... а вы... вы должны со мною стрѣляться...

— Полноте, батюшка, что съ вами? за что намъ стрѣляться? Кто вамъ сказалъ, что она влюблена въ меня? Она насъ съ вами не полюбитъ; у нея расчетъ вѣрнѣе: она полюбила, знаете, этого старичка, какъ бишь его...

— Знаю... знаю... не-уже-ли?..

Послѣднія слова Гребешковъ произнесъ съ насмѣшкой и негодованіемъ. Замѣтно было, что Катерина Васильевна сильно оскорбила его самолюбіе.

— Я васъ могу увѣрить.

— Вы... вы смѣетесь надо мной?

— Нисколько! Да развѣ вы не видали, что его карета теперь стоитъ у ея подъѣзда? развѣ вы не знаете, что онъ у нея всякій день сидитъ по два, по три часа?

— Въ самомъ дѣлѣ? Стало быть, я обманывался... Хорошо же! я... я напишу на нее такіе стихи, такіе...

— А я все думалъ, что вы пользуетесь ея благосклонностью... я думалъ...

— Напрасно вы думали! А вмѣсто того, чтобъ стрѣляться, пойдемте-ка лучше въ «Фениксъ» напьемтесь чаю; я вамъ много поразскажу о ней...

— Съ большимъ удовольствіемъ-съ.

Поэтъ протянулъ Гребешкову руку въ знакъ примиренія, и они отправились въ «Фениксъ».

Этотъ вечеръ заставилъ Гребешкова опредѣлить свои отношенія къ Катеринѣ Васильевнѣ. Его любовныя мечты и восторги исчезли, и, посердясь на нее дня три, онъ началъ потомъ ходить къ ней попрежнему, но уже не за тѣмъ, чтобы вздыхать и дѣлать ей страстные глазки, а чтобъ какъ-нибудь повеселѣе провести время, поболтать съ пріятелями, поиграть въ карточки и выпить пуншу, который Арина Савельевна приготовляла отлично. Между тѣмъ обстоятельства его становились день ото дня хуже. Долгъ его отъ огромныхъ процентовъ скоро возросъ до трехъ тысячъ, а эта сумма была слишкомъ значительна для человѣка, у котораго все имущество заключалось въ шкафѣ съ русскими книгами да еще въ самой необходимой домашней мебели. Кредиторы не давали ему покоя, а издатель какой-то газеты, съ котораго слѣдовало ему получить тысячъ до трехъ, присылалъ ему по 10 и по 15 рублей. Гребешковъ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія. Онъ объявилъ издателю, что если не получитъ отъ него тотчасъ же всѣхъ денегъ, то рѣшительно отказывается отъ сотрудничества въ его газетѣ.

— Что жъ, вы этимъ меня пугать вздумали? — возразилъ ему издатель какой-то газеты, — развѣ васъ ужъ никто замѣнить не можетъ? Газета моя, позвольте вамъ замѣтить, держится не вами, а мною. Деньги же я вамъ отдамъ, но сію минуту вы не можете ихъ отъ меня требовать. На это надобно имѣть законные документы, а развѣ я вамъ давалъ ихъ?..

Гребешковъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ.

— Вы, кажется, просто не хотите мнѣ заплатить ихъ, — сказалъ онъ, презрительно посмотрѣвъ на издателя какой-то газеты, который недвижимо стоялъ передъ нимъ подбочась, и разодѣтый какъ восковая кукла, выставленная на окнѣ магазина для образчика моды.

Гребешковъ разгорячился, наговорилъ издателю много непріятныхъ истинъ, и они разстались другъ съ другомъ врагами.

Вскорѣ послѣ этого издатель какой-то газеты тиснулъ въ своемъ листкѣ статейку подъ названіемъ «Микроскопъ», которая была наполнена намеками на Гребешкова и начиналась такъ:

«Наша литература въ жалкомъ состояніи, съ грустью признаемся мы... Est-il possible? вѣроятно воскликнутъ милыя читательницы: — а вы заставляете насъ заниматься русской литературой. Прекрасно!» — Позвольте, mesdames, вы слишкомъ скоры въ вашихъ заключеніяхъ. Есть многіе русскіе писатели, которые, право, заслуживаютъ вашего воздушнаго вниманія. Вы найдете въ ихъ сочиненіяхъ и легкій, образованный языкъ, и свѣтскія познанія, и новыя мысли,— но берегитесь сочинителей молодыхъ и неопытныхъ, которые скропаютъ какой-нибудь пустой водевильчикъ, какіе-нибудь стишки, или напишутъ какую-нибудь повѣсть à la Жоржъ Зандъ,—и воображаютъ, что они уже великіе писатели. Такихъ сочинителей развелось у насъ къ несчастію очень много. Они могутъ писать, объ этомъ ни слова, но не иначе, какъ подъ надзоромъ опытнаго литератора, который даетъ имъ мысли, совѣты, исправляетъ ихъ сочиненія. Безъ руководителя и наставника эти господа становятся смѣшны, жалки, мелки, какъ букашки (pardon! за сравненіе), которыхъ невозможно разсмотрѣть даже въ микроскопъ...» и проч.

Только одной литературной тли да Гребешкову было понятно, на кого направлены эти намеки. Въ груди Гребешкова закипѣло мщеніе. Онъ написалъ статью, въ которой обнаружилъ различныя не совсѣмъ чистыя и ему одному только извѣстныя литературныя продѣлки издателя какой-то газеты, и отправился съ этою статьею къ Ѳетюкову, въ полной увѣренности, что Ѳетюковъ приметъ ее съ восторгомъ, сейчасъ же велитъ напечатать въ своемъ изданіи и сдѣлаетъ его своимъ постояннымъ сотрудникомъ. Но Ѳетюковъ, къ удивленію Гребешкова, обошелся съ нимъ очень холодно и не принялъ его статьи, ссылаясь на то, будто поставилъ себѣ за правило не допускать въ свое изданіе личностей. Гребешковъ не зналъ, что издатель какой-то газеты давно, тайно отъ него, велъ переговоры съ Ѳетюковымъ о мирѣ черезъ литератур-

наго сплетника, потому что вознамѣрился, за недостаткомъ подписчиковъ, передать свою газету какому-пибудь безкорыстному любителю литературы. И въ то время, какъ Гребешковъ явился къ Өетюкову съ своею статьею, миръ этотъ уже былъ заключенъ и договорныя условія съ обѣихъ сторонъ подписаны. Издатель какой-то газеты, въ силу мирнаго договора, долженъ былъ при передачѣ своей газеты поставить въ непремѣнную обязанность новому издателю, чтобы всѣ творенія Өетюкова безъ исключенія были постоянно расхваливаемы въ газетѣ, а Өетюковъ съ своей стороны обязался между прочимъ ни подъ какимъ предлогомъ не принимать къ себѣ въ сотрудники Гребешкова и не иначе, какъ съ самой дурной стороны отзываться о его сочиненіяхъ, гдѣ бы таковыя ни показались: отдѣльно или въ журналахъ. Послѣ этого издателю какой-то газеты оставалось только передать свое изданіе. И черезъ нѣсколько времени онъ передалъ его, и притомъ на очень выгодныхъ условіяхъ, одному сочинителю, который пожелалъ издавать журналъ во-первыхъ, какъ онъ говорилъ, для того, чтобъ водворить нравственность въ литературѣ, а во-вторыхъ, для того, чтобъ не праздно проводить время.

Такимъ образомъ, сложивъ съ себя званіе издателя газеты, Александръ Петровичъ сдѣлался попрежнему сотрудникомъ и другомъ Өетюкова, разсчитавъ, что послѣднее гораздо выгоднѣе. И Өетюковъ, съ свойственною ему ловкостью и тонкостью, напечаталъ объ этомъ великомъ литературномъ событіи слѣдующее объявленіе:

«Спѣшу извѣстить почтеннѣйшую публику, что извѣстный и по справедливости уважаемый ею литераторъ Александръ Петровичъ Д**, трудившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ изданіи, а потомъ самъ издававшій свою газету, изъявилъ нынѣ желаніе снова быть нашимъ постояннымъ сотрудникомъ. Мы часто послѣднее время ссорились съ Александромъ Петровичемъ, перестрѣливались другъ съ другомъ въ журналахъ, — я (Антонъ Өетюковъ) писалъ много несправедливаго противъ него (грѣшенъ и торжественно въ этомъ каюсь!). Александръ Петровичъ въ свою очередь писалъ мно-

го несправедливаго противъ меня (увѣренъ, что и онъ послѣдуетъ моему примѣру и принесетъ въ этомъ столь же чистосердечное покаяніе передъ публикою); но несмотря на все это, мы въ тайнѣ питали другъ къ другу истинное уваженіе. Мы съ нимъ не боги, а смертные — и, слѣдовательно, какъ всѣ смертные, не безъ слабостей. Что дѣлать! между нами пробѣжала черная кошка — и вотъ мы съ нимъ поссорились, да и помирились. Пословица говоритъ правду, «милые бранятся, только тѣшатся»; Александръ Петровичъ готовитъ для нашего изданія много статей чрезвычайно любопытныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ онъ читалъ мнѣ — и, признаюсь. я не могъ надивиться его таланту самыя обыкновенныя вещи разсказывать мило, ловко, остроумно, заманчиво. Талантъ, необыкновенный талантъ!.. Передъ нимъ самъ Жюль Жаненъ покажется пустымъ и вздорнымъ болтуномъ».

Послѣ этого объявленія въ фельетонѣ изданія Ѳетюкова появилась статейка Александра Петровича: «Панорама русской литературы», въ которой говорилось все о Ѳетюковѣ и о великихъ услугахъ, оказанныхъ имъ русскому языку. Такъ-то закрѣпили снова узы дружбы передъ лицомъ умиленной публики эти два сочинителя, которые такъ долго и такъ страшно враждовали другъ съ другомъ. Примѣры нерѣдкіе въ современной литературѣ! Александръ Петровичъ, при передачѣ своей газеты, не забылъ Гребешкова и прислалъ ему деньги, которыя былъ долженъ, обсчитавъ его впрочемъ рублей на двадцать. Гребешковъ до того обрадовался этимъ деньгамъ, что и не замѣтилъ недочета: онѣ пришлись ему очень кстати, потому что онъ только по милости своихъ знакомыхъ, къ которымъ ходилъ обѣдать, не умеръ съ голоду. Уплативъ нѣкоторые изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ долговъ своихъ, онъ оставилъ себѣ 200 рублей и отправился на вечеръ къ Катеринѣ Васильевнѣ, намѣреваясь попытать свое счастье. Здѣсь надобно замѣтить, что Катерина Васильевна съ тѣхъ поръ, какъ Гребешковъ пересталъ быть театральнымъ критикомъ, замѣчательно измѣнила съ нимъ свое обращеніе и начала смотрѣть на него съ тою небрежною холодностью, съ какою мы обыкновенно смотримъ на лю-

дей совершенно безполезныхъ намъ. Даже другъ его, актеръ-водевилистъ, сталъ отзываться о немъ очень невыгодно и уже гораздо рѣже посѣщалъ его, особенно съ того дня, какъ Гребешковъ занялъ у него деньги. «Что, братецъ, — говорилъ актеръ одному фельетонисту, — Гребешковъ, братецъ, дрянью оказался... Жалко смотрѣть на него, ей Богу. У всѣхъ занимаетъ деньги, никому не платитъ, и у меня взялъ рублей сто... Мы, артисты, братецъ, люди добрые, — проситъ... ну, отказать какъ-то совѣстно, а послѣ и раскаешься, что далъ — да ужъ поздно. Въ карты съ нимъ играть нельзя, что съ него возьмешь?.. Сущая голь, братецъ!

Гребешковъ, видя охлажденіе къ нему Катерины Васильевны и актера - водевилиста, началъ заискивать ихъ вниманія и оттого еще болѣе терялъ въ ихъ мнѣніи. Онъ явился къ Катеринѣ Васильевнѣ немного навеселѣ. Въ этотъ вечеръ у нея собралось много гостей, и актеръ-водевилистъ заложилъ для нихъ тысячу рублей банку «собственно то-есть для плезиру», какъ онъ выражался. Изъ этихъ тысячи рублей только двѣсти принадлежали актеру, а остальные Катеринѣ Васильевнѣ, что было, впрочемъ, тайною для гостей. У стола, на которомъ актеръ металъ банкъ, сидѣли и стояли понтирующіе въ разныхъ положеніяхъ. Тутъ были два актера и одинъ танцоръ, Скворевичъ, Павлюковъ, нашъ знакомый офицеръ, театральный чиновникъ да литературный сплетникъ, который хотя не участвовалъ въ игрѣ, но съ величайшимъ любопытствомъ слѣдилъ за таліею. Катерина Васильевна сидѣла возлѣ банкомета и впивалась глазами въ карты, то вспыхивая, то блѣднѣя. Любопытно было слѣдить за игрою ея физіономіи, на которой ощущенія восторга, радости, досады и отчаянія поочередно смѣнялись съ какою-то дикою быстротою. Гребешковъ вошелъ въ игорную комнату никѣмъ незамѣченный, исключая литературнаго сплетника, и остановился сзади стула хозяйки. Когда талія кончилась, онъ поздоровался съ Катериною Васильевною и поцѣловалъ ея ручку...

— А! — сказала Катерина Васильевна, очень серьезно посмотрѣвъ на него, — какими это судьбами? откуда?

При этихъ словахъ всѣ играющіе вдругъ взглянули на Гребешкова. Актеръ-водевилистъ, тасуя колоду, повернулъ голову назадъ и сказалъ ему: «наше вамъ почтеніе-съ». Скворевичъ, при видѣ его, присвистнулъ и, подмигнувъ, многозначительно щелкнулъ по воротнику своего сюртука, на что Гребешковъ отвѣчалъ ему утвердительно, крякнувъ. Павлюковъ посмотрѣлъ на Гребешкова съ выраженіемъ негодованія, закрутилъ въ кольцо свой накрашенный усъ, наклонился къ уху театральнаго чиновника и сталъ ему что-то нашептывать, а офицеръ закричалъ во все горло:

— Бонжуръ, мосье Гребешковъ, аншапте де ву вуаръ... а мы здѣсь видите ли какъ отличаемся! Я смертельно люблю играть въ банкъ, банкъ это просто страсть моя. Въ чужихъ краяхъ я въ одинъ вечеръ проигрывалъ по 25.000. Одинъ разъ, впрочемъ, я выигралъ у англичанина — славный былъ такой малый, мы съ нимъ были друзья, и я теперь съ нимъ переписываюсь, такъ у него я выигралъ тысячъ шестьдесятъ...

— Это ты, братецъ, видно въ чужихъ краяхъ только такіе куши ставишь, — замѣтилъ банкометъ, — а здѣсь этакъ прохаживаешься по середнему на двугривенничкахъ да на пятиалтынничкахъ...

— Что жъ, мон-шеръ, — перебилъ его офицеръ, — я вовсе не расположенъ сегодня играть; я только такъ пошалить захотѣлъ, а спроси у кого хочешь, какъ я играю; да я вотъ на-дняхъ у князя Арнаутова выигралъ 2000.

— Знаемъ мы, братецъ, что ты выигрываешь по двѣ тысячи безъ двухъ нулей, знаемъ...

— Ну вотъ и пошли спорить, — сказала актриса, — очень нужно... Слышите? мечите лучше банкъ... что тутъ разговаривать!..

— Новая талія... кому угодно-съ?

— Идетъ двойка — десять рублей... — произнесъ Гребешковъ вполголоса, положивъ карту на столъ дрожащей рукою.

Катерина Васильевна съ оскорбляющимъ удивленіемъ осмотрѣла Гребешкова съ ногъ до головы.

— То-есть десять рублей на мѣлокъ? — возразилъ банкометъ улыбаясь и покашливая.

— Нѣтъ, братецъ, не на мѣлокъ, а на ассигнаціи.

И Гребешковъ прикрылъ карту ассигнаціей.

— Эй, братъ, лучше препроводи ее опять въ карманъ; а то вѣдь я ее царапну, тогда тебѣ будетъ плохо: къ родителямъ придется отписывать.

При этихъ словахъ на многихъ лицахъ показалась улыбка, а Павлюковъ, безъ всякой церемоніи, залился своимъ пронзительнымъ смѣхомъ.

— Оставь свои шуточки, сдѣлай одолженіе, — сказалъ Гребешковъ, — я съ тобой не шучу...

Талія началась, десятка была убита.

— Что, Николай Николаичъ? Не правъ я? Десяточка-то, если не ошибаемся, приказала долго жить.

Въ слѣдующую талію Гребешковъ поставилъ двѣ карты по 10 рублей — и обѣ онѣ были убиты. Онъ разгорячился и сталъ удвоивать куши. Когда, по расчету Катерины Васильевны, банкъ былъ въ выигрышѣ около тысячи пятисотъ рублей, кромѣ проигрыша Гребешкова, она незамѣтно толкнула банкомета локтемъ. Банкометъ дометалъ талію, сказалъ, что онъ бастуетъ, и приступилъ къ расчету. Получивъ со всѣхъ слѣдующія ему деньги, онъ наконецъ обратился къ Гребешкову...

— Счетъ, кажется, вѣренъ, братецъ? съ тебя слѣдуетъ ровно восемьсотъ ассигнаціями...

— Восемьсотъ? — повторилъ Гребешковъ, измѣняясь въ лицѣ, — восемьсотъ?.. Вотъ сто восемьдесятъ, а остальные... остальные... я тебѣ отдамъ послѣ... у меня нѣтъ съ собой...

— Да вѣдь мы, братецъ, на чистоганъ играли, а не на фуфу!.. — возразилъ актеръ, вставъ съ своего стула и посмотрѣвъ Гребешкову прямо въ глаза. — Господа, — продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ, — кажется мы на чистоганъ играли?

— Гм! я думаю, что не на орѣшки, — пропищалъ Павлюковъ, свысока поглядывая на Гребешкова.

— То-то-съ. По-нашему, коли нѣтъ денегъ, такъ лучше не играй.

— Я заплачу тебѣ остальные завтра, на-дняхъ...—Гребешковъ совершенно смутился.

— На-дняхъ?.. а сколько дней, братецъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты обѣщалъ мнѣ отдать сто рублей, которые долженъ?..

— Туда же лѣзетъ играть! — сказала Катерина Васильевна одному изъ гостей, — а за душой нѣтъ ни гроша; кабы выигралъ, такъ, небойсь, не отказался бы отъ денегъ.

— Тише, — замѣтилъ гость, — онъ стоитъ возлѣ насъ...

— Экая важность! Удивительно! Да пусть его слышитъ.

Гребешковъ точно слышалъ всѣ слова Катерины Васильевны. На блѣдномъ лицѣ его выступили красныя пятна. Скворевичу стало жаль его...

— Что, въ самомъ дѣлѣ, ты присталъ къ нему, — сказалъ онъ, подходя къ актеру. — Ну, твои деньги не пропадутъ... онъ тебѣ заплатитъ.

— Знаемъ мы эти платежи! — воскликнулъ актеръ и, засвиставъ, вышелъ въ другую комнату... Катерина Васильевна послѣдовала за нимъ... Она подошла къ нему и начала что-то говорить ему съ большою горячностью, размахивая руками.

Между тѣмъ офицеръ подбѣжалъ къ Гребешкову...

— Послушайте, если у васъ нѣтъ денегъ, я могу вамъ дать на-дняхъ сколько хотите... двѣ тысячи, четыре тысячи... Я могу у банкира взять, если недостанетъ... вѣдь мнѣ всѣ банкиры пріятели. У меня такой кредитъ, что вы себѣ представить не можете. Одинъ банкиръ хотѣлъ, чтобъ я женился на его дочери... шармантъ персонь, какъ мила! поетъ, играетъ на арфѣ, на фортепіано, на всѣхъ инструментахъ; за нею четыре милліона приданаго, но мнѣ хочется, знаете, составить партію съ связями, познатнѣе...

Офицеръ говорилъ съ четверть часа, не умолкая, а Гребешковъ не слыхалъ ни полслова изъ его разсказа. Наконецъ, освободясь отъ офицера, Гребешковъ взялся за шляпу и хотѣлъ уйти незамѣтно, пользуясь отсутствіемъ Катерины Васильевны, но въ ту самую минуту, какъ онъ сдѣлалъ шагъ къ передней, она вошла въ комнату и закричала:

— Маменька, маменька! велите подавать ужинать, да принесите водки, слышите?

— Сейчасъ несу, сейчасъ, — проворчала Арина Савельевна изъ передней и между тѣмъ выпила рюмочку травнику.

— Катерина Васильевна!—сказалъ актеръ-водевилистъ,— вѣдь Скворевичъ-то не пьетъ водки: велите подать ему бутылочку романеи.

— Вотъ другъ-то, — замѣтилъ Скворевичъ, потрепавъ актера по затылку, — а еще говорятъ, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ друзей нѣтъ...

— Маменька, подайте рому! — закричала Катерина Васильевна, подходя къ дверямъ передней.

Гребешкову никакъ нельзя было уйти потихоньку. Онъ молча поклонился Катеринѣ Васильевнѣ, которая сказала ему отрывисто: «прощайте-съ», и вышелъ въ переднюю, преслѣдуемый насмѣшливыми взорами Павлюкова и актеровъ.

— До свиданія, братецъ, — сказалъ Скворевичъ, провожая Гребешкова, — до свиданія; а жаль, что ты не остаешься ужинать.—Скворевичъ вздохнулъ и крѣпко пожалъ ему руку. — Мы вмѣстѣ бы прошлись по лоделаваицу...

— Спасибо тебѣ! — отвѣчалъ Гребешковъ, котораго не могло не тронуть участіе Скворевича, — я что-то не очень здоровъ. Прощай.

— Бѣдный Гребешковъ! — воскликнулъ литературный сплетникъ, — онъ совсѣмъ потерялся... Знаете, какъ онъ поссорился съ Александромъ Петровичемъ, онъ побѣжалъ тотчасъ къ Ѳетюкову, чуть въ ногахъ у него не валялся, все просилъ, чтобъ тотъ принялъ его въ сотрудники. Это при мнѣ было... Какія клеветы онъ распускалъ на Александра Петровича, повѣрить нельзя, а вѣдь всѣмъ былъ обязанъ ему. Вотъ что значитъ не имѣть никакихъ правилъ... А жаль Гребешкова, очень жаль!

— Ну ужъ есть чего жалѣть, признаюсь! — сказала Катерина Васильевна.

— И онъ думалъ, — пропищалъ Павлюковъ, — что Ѳетюковъ его возьметъ въ сотрудники. Его! да что онъ такое? Онъ и писать-то не умѣетъ: ни въ одной статьѣ его нѣтъ

смысла, просто человѣческаго смысла. А Ѳетюковъ человѣкъ съ многосторонними свѣдѣніями; ученый и тонкій человѣкъ... Онъ выбирать людей умѣетъ...

— Ужасъ, что дѣлается въ нашей литературѣ! — закричалъ офицеръ. — Во Франціи такъ это совсѣмъ другое: вѣдь я тамъ былъ, я вотъ вамъ раскажу все какъ тамъ это... Я тамъ въ кафе со всѣми литераторами каждый день видался... Жюль-Жаненъ мнѣ говорилъ... Вѣдь онъ, знаете, умнѣйшая голова!.. Онъ...

— Пойдемте ужинать, — сказала Катерина Васильевна.

— Пойдемте, пойдемте!..—Офицеръ бросился къ Катеринѣ Васильевнѣ, схватилъ ее за руку и потащилъ въ столовую.

За ними послѣдовали всѣ гости.

ГЛАВА X.

Заключеніе.

На другой день Катерина Васильевна объявила актеру-водевилисту, что она не велитъ болѣе пускать къ себѣ Гребешкова «ни за какія блага въ мірѣ».

— И дѣльно! — возразилъ актеръ, — что за прибыль знаться съ такими скалдырниками!

— Слышите, маменька, — сказала Катерина Васильевна, обращаясь къ Аринѣ Савельевнѣ, — когда бы *онъ* ни пришелъ, — говорить, что меня нѣтъ дома. Смерть не люблю его! Такой, право, противный. И въ физіономіи у него есть что-то такое, самое низкое.

— Именно, — замѣтилъ актеръ, — у него никакого чувства нѣтъ, и притомъ такая безталантность, что ужасъ... даже безнравственность, я вамъ скажу, вотъ что. Двухъ стишковъ порядочно скропать не умѣетъ, а вѣдь туда же лѣзетъ въ писатели... и еще мои куплеты выдаетъ за свои. Вишь какой гусь! А вотъ постой: крылья-то мы ему пообрѣжемъ. У меня въ той части, гдѣ онъ живетъ, знакомый квартальный Гаврила

Гаврилычъ — славнѣйшій малый, добросердечный этакой... Я съ нимъ переговорю объ этомъ дѣльцѣ.

— Ахъ, вотъ бы славно, кабы устроить такую штуку! — воскликнула Катерина Васильевна.

— Ну, да за что же его не пускать? — ворчала Арина Савельевна: — онъ такой тихой, совсѣмъ не буянъ.

— Ужъ, пожалуйста, маменька! ужъ сдѣлайте одолженіе! Это совсѣмъ не ваше дѣло. Не пускайте, да и кончено. Вотъ и все тутъ.

Впрочемъ, всѣ эти мѣры предосторожности, которыя принимала Катерина Васильевна противъ посѣщеній Гребешкова, были напрасны, потому что онъ и безъ того не хотѣлъ къ ней показываться болѣе послѣ вечера, описаннаго мною въ предшествовавшей главѣ. Съ актеромъ - водевилистомъ онъ также прекратилъ всѣ сношенія и даже старался избѣгать встрѣчи съ нимъ на улицѣ, боясь, чтобъ тотъ не напомнилъ ему о долгѣ и о проигрышныхъ деньгахъ.

Лишенный, наконецъ, всѣхъ средствъ къ существованію и удостовѣрясь на опытѣ, что литературой деньги пріобрѣтаются не такъ легко, какъ ему казалось сначала,—Гребешковъ можетъ статься снова и съ радостью поступилъ бы на службу. Но объ этомъ нечего было думать, ибо единственный покровитель его — генералъ, не хотѣлъ и слышать объ его имени съ тѣхъ поръ, какъ Гребешковъ, увлекаемый литературною славою, такъ безразсудно и опрометчиво оставилъ службу.

Итакъ, о службѣ Гребешкову нечего было думать. Что было ему дѣлать? Терзаемый различными, весьма горестными размышленіями, онъ рѣшился отправиться съ предложеніемъ своихъ услугъ къ тому знаменитому сочинителю, который на закатѣ дней своихъ занялся изданіемъ журнала, во-первыхъ, для водворенія въ литературѣ нравственности, а во-вторыхъ, для того, чтобъ не праздно проводить время. Знаменитый сочинитель принялъ Гребешкова очень ласково, однако съ тѣмъ благороднымъ чувствомъ личнаго превосходства, съ какимъ обыкновенно у насъ на Руси господинъ, имѣющій значительный чинъ, принимаетъ господина, не

имѣющаго значительнаго чина. Онъ объявилъ Гребешкову, что въ сотрудникахъ не нуждается; что въ газетѣ его принимаютъ участіе все люди солидные, опытные, заслуженные литераторы, въ извѣстныхъ уже лѣтахъ, съ извѣстными правилами. Потомъ, вздыхая, прибавилъ, что литература въ наше время, къ величайшему прискорбію людей благомыслящихъ и благонамѣренныхъ, приняла совершенно безнравственное направленіе, что молодые писатели пренебрегаютъ обрабатываніемъ своего слога, не изощряютъ своего вкуса изученіемъ старинныхъ отечественныхъ писателей, въ которыхъ, къ стыду нашего времени и ко всеобщему позору, осмѣливаются даже находить недостатки — и кто же? какіе-то недоучившіеся студенты, наглые и безсовѣстные крикуны, не имѣющіе ученыхъ патентовъ, уличные бродяги безъ чина... Въ заключеніе, знаменитый сочинитель очень краснорѣчиво распространился о томъ, что вообще молодые писатели не изъявляютъ никакой аттенціи и уваженія къ старшимъ по чину и по лѣтамъ литераторамъ, и занимаются литературой единственно изъ корыстныхъ цѣлей, что ясно доказываетъ растлѣніе нравовъ и прочее.

Гребешковъ вышелъ отъ знаменитаго сочинителя, намѣревавшагося водворить нравственность въ литературѣ, и, самъ не зная куда, побрелъ по тротуару. Онъ взглянулъ на свой истертый сюртукъ, на свою истасканную шинель, махнулъ рукой и съ видомъ человѣка, которому нечего терять, прошепталъ:

— Ну, будь, что будетъ!

— Куда это вы, почтеннѣйшій, идете такимъ Манфредомъ? — закричалъ Гребешкову съ улыбкою бѣлокурый и подслѣповатый стихотворецъ, съ утра до ночи шатавшійся по всѣмъ петербургскимъ трактирамъ съ своими пріятелями и во все горло разсуждавшій съ ними о своихъ стихахъ, о Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ. — Куда это вы? — И бѣлокурый, подслѣповатый стихотворецъ, который впрочемъ былъ болѣе извѣстенъ въ кондитерскихъ и въ трактирахъ, нежели въ литературѣ, заградилъ Гребешкову дорогу длинными своими руками...

— Ахъ, здравствуйте, — сказалъ задумчиво Гребешковъ,— а вы куда?

— А я иду къ Локоткову, хочу продать ему свои стихотворенія. Вы вѣдь не читали моей послѣдней русской баллады? какъ вамъ она нравится?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Очень недурная вышла штучка, очень удалась мнѣ. Вотъ начало, послушайте:

> **Олегъ сидѣлъ, раздумья полный,**
> **Надъ разыгравшейся рѣкой,**
> **И опѣнившіяся волны**
> **Слѣдилъ съ глубокою тоской.**
> **Мечты въ душѣ его кипѣли;**
> **Онъ думалъ: «Славный мой народъ,**
> **Но управлять имъ тьмы заботъ».**
> **А птички беззаботно пѣли**
> **Въ ближайшей рощѣ...**

Гребешковъ не слушалъ стихотворца. Онъ думалъ: а что, не зайти ли и мнѣ къ Локоткову? не дастъ ли онъ мнѣ какой-нибудь работы? не добуду ли я черезъ него хоть сколько-нибудь деньжонокъ? И Гребешковъ вдругъ схватилъ за руку разгорячившагося стихотворца.

— Пойдемте вмѣстѣ къ Локоткову,—сказалъ онъ, прерывая его декламацію, — и мнѣ къ нему нужно зайти...

— Очень радъ, пойдемте, — отвѣчалъ стихотворецъ: — а какъ вамъ нравится моя баллада?

— Чудесные стихи, превосходные...

И стихотворецъ, ободренный похвалою Гребешкова, продолжалъ декламировать свою балладу всю дорогу до самаго гостинаго двора, гдѣ находилась лавка Локоткова. Въ лавкѣ стихотворецъ нашелъ своего пріятеля, съ которымъ тотчасъ же заговорилъ о своихъ стихахъ, а Гребешковъ, избавясь отъ него и увидѣвъ, что хозяинъ лавки занимался разборомъ книгъ въ задней комнатѣ, отправился къ нему, впрочемъ, не безъ сердечнаго трепета.

— Что это вы здѣсь подѣлываете?—сказалъ онъ, подходя къ книгопродавцу.

Книгопродавецъ довольно равнодушно взглянулъ на Гребешкова и произнесъ, по своему обыкновенію, моргая вѣками:

— Такъ-съ, ничего-съ, товарецъ кое-какой-съ, то-есть, немножко этакъ поразобрать-съ надобно-съ.

— Гм!..—Гребешковъ, закусивъ губу и нѣсколько потупивъ глаза, объявилъ книгопродавцу, что имѣетъ до него маленькую просьбицу, что желалъ бы заняться какой-нибудь работой, переводомъ или чѣмъ-нибудь этакимъ...

— Ну такъ что же-съ?.. — возразилъ книгопродавецъ, не глядя на него.

— Я думалъ, что нѣтъ ли у васъ какой-нибудь работы?

— Да-съ, то-есть, у меня-съ? работы извѣстно-съ какъ не быть-съ; только вѣдь я большой платы не могу дать-съ...

Книгопродавецъ зналъ обстоятельства Гребешкова и, какъ торгашъ смѣтливый, хотѣлъ его поприжать немножко.

— Нынче, извѣстно, Николай Николаичъ-съ, деньги въ сапожкахъ ходятъ-съ... торговля плохая-съ... А работы какъ не быть-съ! Вотъ-съ, пожалуй, возьмите-съ перевести новый романчикъ-съ Пальдекока-съ... говорятъ, безподобнѣйшій-съ, этакъ животики надорвать отъ смѣху можно-съ, ей Богу-съ... Переведите-съ, а мы уже тамъ въ цѣнѣ условимся-съ... Цѣна извѣстная-съ...

— То-есть, какъ извѣстная?—спросилъ Гребешковъ измѣняющимся голосомъ.

— Тамъ ужъ увидимъ-съ... Я васъ не обижу-съ, переведите только-съ...

— Однако, сколько, напримѣръ, вы намѣрены дать?

— Сколько-съ?.. Вы сами знаете-съ, что у Пальдекока-съ частички-съ тоненькія-съ, ефирныя, можно сказать-съ; у другого сочинителя-съ такъ одна часть-съ поздоровеннѣе-съ его четырехъ-съ... и переводить-то его-съ, то-есть, просто вы сами знаете-съ, ничего не стоитъ-съ: онъ вотъ такъ легко пишетъ-съ, какъ словно будто-съ по-русски-съ, ей Богу-съ... Рубликовъ пятьдесятъ, извольте-съ, можно дать-съ...

— Какъ! за переводъ цѣлаго романа?—воскликнулъ Гребешковъ въ отчаяніи.

— Цѣна хорошая-съ,—отвѣчалъ хладнокровно книгопро-

давецъ.—У меня-съ прошлаго года-съ, можетъ, знаете-съ, Антонъ Ермолаичъ-съ Колышкинъ-съ за 25 рубликовъ отчесалъ романчикъ-съ, ей Богу-съ; а вѣдь переводитъ-съ ей Богу-съ такъ-съ, что ужъ запятой не пропуститъ-съ, по всѣмъ правиламъ грамматики-съ...

Гребешковъ долго торговался съ книгопродавцемъ и наконецъ условился перевести романъ, назначенный имъ, за семьдесятъ пять рублей.

— И такъ-съ, по рукамъ-съ...—сказалъ книгопродавецъ, протягивая Гребешкову свою руку.

— По рукамъ!—возразилъ Гребешковъ.—Только вы мнѣ дайте задатку рублей хоть 20. Мнѣ очень нужны деньги...

— 20 нельзя-съ, Николай Николаичъ-съ, а два цѣлковенькихъ-съ извольте-съ, съ моимъ удовольствіемъ-съ...

Нечего было дѣлать—и Гребешковъ отправился домой съ двумя цѣлковыми. Съ этой минуты онъ поступилъ въ разрядъ тѣхъ безыменныхъ и темныхъ сочинителей и переводчиковъ, которыхъ, полгода тому назадъ, самъ немилосердно преслѣдовалъ по долгу критика. Такого рода сочинители и переводчики всегда состоятъ по особымъ порученіямъ у книжнаго торгаша и дѣлаются его рабами изъ черстваго куска насущнаго хлѣба. Они переводятъ, по его приказанію, всякія книжонки, идущія съ рукъ, составляютъ для него различныя шарлатанскія объявленія и брошюрки: *о самоновѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ способѣ истребленія насѣкомыхъ и всякихъ домашнихъ гадинъ*: *о удивительномъ и доселѣ никому еще неизвѣстномъ средствѣ выращиванія на плѣшинахъ волосъ и приданіи имъ особой мягкости и лоска*; они сочиняютъ новые заголовки на старыя давно забытыя и залежавшіяся книжонки, покупаемыя книжнымъ торгашомъ у сочинителей по 10 и 5 копеекъ мѣдью за экземпляръ и пускаемыя имъ въ продажу за совершенно новыя сочиненія; они передѣлываютъ на русскіе нравы французскія повѣсти для дѣтей и различныя физіологіи, которыя книжный торгашъ издаетъ обыкновенно къ новому году и къ свѣтлому празднику съ лубочными картинками, величая эти лубочныя картинки въ своихъ объявленіяхъ: «роскошнѣйшими политипажными рисунками».

Гребешковъ продалъ всю свою мебель, которая состояла изъ шести стульевъ, дивана, зеркала и кое-какихъ русскихъ книгъ, и переѣхалъ отъ Владимірской на Пески, гдѣ нананялъ небольшую комнатку, или вѣрнѣе каморку, за 20 рублей въ мѣсяцъ. Но до переѣзда своего онъ долженъ былъ дать заемное письмо актеру-водевилисту, своему прежнему другу.

Деньги, получаемыя Гребешковымъ за различные переводы и передѣлки, едва доставали ему на пропитаніе... Къ тому же и эти деньги онъ получалъ отъ Локоткова съ величайшими затрудненіями и по мелочи, иногда по три и по два двугривенныхъ. Часто Гребешковъ долженъ былъ съ тощимъ желудкомъ по цѣлымъ днямъ сторожить Локоткова въ его лавкѣ, ибо книжный торгашъ имѣлъ привычку прятаться отъ тѣхъ, кому былъ долженъ. Въ одинъ изъ такихъ дней Гребешковъ поймалъ его на улицѣ...

— Ради Бога,—сказалъ онъ, хватая Локоткова за рукавъ шубы:—что вы со мной дѣлаете? Мнѣ нечего ѣсть, мнѣ стыдно показаться на улицу, потому что, видите, платье мое все износилось...

— Да-съ, то-есть, насчетъ платья-съ?—возразилъ Локотковъ:—конечно-съ... У меня-съ есть знакомый портной-съ: онъ вамъ-съ пожалуй-съ сработаетъ сюртучокъ-съ, важнѣйшій будетъ сюртучокъ-съ, а ужъ мы тамъ съ нимъ сочтемся-съ.

Гребешковъ принужденъ былъ согласиться на предложеніе Локоткова.

— Идемте же къ вашему портному сейчасъ...

— Я думаю ужъ лучше завтра-съ, Николай Николаичъ-съ; сегодня некогда-съ, ей Богу, завтра-съ...

— Нѣтъ, не завтра, сію минуту,—произнесъ Гребешковъ рѣшительно.—Я знаю ваше завтра.

И онъ почти насильно потащилъ Локоткова къ портному.

Но терпѣніе Гребешкова истощалось, здоровье его съ каждымъ годомъ становилось слабѣе, нищета доводила его до отчаянія, и онъ, не находя никакого выхода изъ этого состоянія, какъ и всегда, искалъ забвенія въ винѣ. Онъ по-

степенно началъ охладѣвать къ литературѣ; но еще порою, перебирая листки газеты или журнала, въ которыхъ превозносили какого-нибудь прежняго его пріятеля, вмѣстѣ съ нимъ выступившаго на литературное поприще, онъ измѣнялся въ лицѣ, какъ чиновникъ, прочитавшій въ газетѣ о новомъ награжденіи сослуживца, перегнавшаго его по службѣ. Съ особеннымъ негодованіемъ отзывался Гребешковъ о фельетонистахъ и критикахъ.

— И отчего этимъ людямъ такое счастіе?—говорилъ онъ обыкновенно:—чѣмъ они лучше меня? Я ужъ, вѣрно, такъ же, какъ они, умѣлъ бы наполнять столбцы фельетоновъ и библіографій... Нѣтъ! ужъ видно моя такая несчастная судьба!..

Большую часть времени Гребешковъ проводилъ въ одномъ русскомъ трактирѣ, куда Локотковъ водилъ иногда угощать различныхъ критиковъ и фельетонистовъ, до которыхъ у него была «нуждица», какъ онъ выражался. Гребешковъ не безъ цѣли принадлежалъ къ постояннымъ посѣтителямъ этого трактира: онъ въ послѣднее время, вѣроятно, отъ большой практики, сдѣлался довольно порядочнымъ бильярднымъ игрокомъ и, вслѣдствіе этого, вмѣсто литературы, едва не рѣшился прокармливать себя бильярдомъ. Маркеръ, съ которымъ онъ обращался по-дружески, свелъ его съ неизмѣннымъ членомъ бильярдной, съ какимъ-то господиномъ въ синей венгеркѣ, съ бронзовыми цѣпями на жилетѣ, съ длинными усами и въ спальныхъ мягкихъ сапогахъ, котораго звали другіе господа его пріятели—люди весьма странной наружности и какого-то подозрительнаго сословія, — «Турухтаномъ Турухтанычемъ». Турухтанъ Турухтанычъ принялъ Гребешкова подъ свое покровительство и прочелъ ему чрезвычайно любопытную лекцію о томъ, что такое жисть и какъ можно невиннымъ манеромъ пощечиться на счетъ неопытности ближняго, заманивая различныхъ невинныхъ пташекъ въ бильярдныя тенета... Сначала образъ мыслей Турухтана Турухтаныча привелъ Гребешкова въ содроганіе, и долго не рѣшался онъ примѣнять къ практикѣ его теорію, долго боролся съ соблазномъ; наконецъ нищета и почти го-

лодъ заставили его рѣшиться почти на все. Онъ сталъ ловить двухъ купеческихъ сынковъ, которые ежедневно кутили въ трактирѣ, то-есть выпивали по нѣсколько бутылокъ теплаго шампанскаго въ табачномъ чаду, при освѣщеніи, состоявшемъ изъ четырехъ сальныхъ, оплывшихъ и нагорѣлыхъ свѣчей, воткнутыхъ въ старинные жирандоли, и при звукахъ органа, наигрывавшаго національныя пѣсни. Старанія Гребешкова скоро увѣнчались успѣхомъ, и купеческіе сынки, однажды послѣ обѣда, попались въ сѣти, разставленныя имъ, и проиграли Гребешкову рублей до трехсотъ. Такой успѣхъ, конечно, поощрилъ бы его къ дальнѣйшимъ подвигамъ, но около этого времени Турухтанъ Турухтанычъ и его пріятели, господа подозрительнаго сословія, были, по подозрѣнію въ кражѣ, захвачены полиціей. Это происшествіе сильно подѣйствовало на Гребешкова; онъ пересталъ ходить въ трактиръ и не шутя призадумлся о своемъ положеніи. Петербургъ съ его Невскимъ проспектомъ, русская литература съ Ѳетюковымъ и ея карманными интересами, русскій трактиръ съ его бильярдомъ, органомъ и сальными свѣчами въ грязныхъ жирандоляхъ, все это ему страшно опротивѣло. Эта безобразная и безсмысленная жизнь, налагавшая на Гребешкова постепенно свою разрушительную печать, еще не совсѣмъ умертвила въ немъ чувство достоинства человѣческаго, и, вѣроятно, въ одну изъ такихъ минутъ, когда оно пробудилось въ немъ, онъ написалъ къ своей матери письмо слѣдующаго содержанія:

«Матушка!

«Простите меня. Я виноватъ передъ вами безъ оправданія. Я безсовѣстно обманывалъ васъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я увѣрялъ васъ, будто совершенно обезпечилъ свое содержаніе литературными трудами, будто я получаю отъ литературныхъ трудовъ своихъ гораздо болѣе, нежели когда-нибудь могъ надѣяться получить на службѣ... И вы перестали безпокоиться, добрая матушка, о моей участи, ибо въ чистую душу вашу не могло закрасться подозрѣніе, что сынъ вашъ лжетъ, безстыдно лжетъ. Вы не хотѣли, чтобъ

я выходилъ въ отставку; но я ослушался васъ и вышелъ въ отставку. Чувствую, что я не достоинъ вашего прощенія, но все-таки я у ногъ вашихъ. Сжальтесь надо мною!.. Я здѣсь одинъ, безъ друзей, безъ покровителей, преслѣдуемый кредиторами, ежеминутно рискующій быть посаженнымъ въ тюрьму или умереть отъ голода и холода. До послѣдней крайности я скрывалъ отъ васъ мое страшное положеніе. Я убѣгалъ отъ васъ, какъ отъ своей совѣсти, и для поддержанія своего существованія прибѣгалъ къ мѣрамъ, недостойнымъ человѣка... И всему этому причина безумная моя страсть къ литературѣ! Я думалъ, матушка, что люди, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, должны быть благороднѣе, возвышеннѣе и просвѣщеннѣе другихъ; но они... Впрочемъ, зачѣмъ говорить вамъ объ нихъ? Прочь отъ этой литературы! прочь отъ этихъ артистовъ и литераторовъ!.. Какъ страшно я запятналъ себя, увлекаемый собственнымъ безразсудствомъ и обольщаемый ихъ примѣрами!

«О, если бъ я могъ быть сію минуту въ деревнѣ, у ногъ вашихъ! Но это невозможно; я долженъ около 4,000; кредиторы угрожаютъ мнѣ тюрьмою... Я, можетъ быть, никогда не увижу васъ. Простите и благословите меня!»

Недѣли черезъ четыре послѣ отсылки этого письма Гребешковъ получилъ отъ своей матери 4,000 рублей, при слѣдующемъ письмѣ:

«Сынъ мой и другъ мой Николашенька прежде всего прощаю тебя и посылаю тебѣ мое заочное благословеніе а дурно ты сдѣлалъ что отъ матери скрывалъ свои худыя обстоятельства—вотъ тебѣ мой ангелъ 4,000 рублей они лежали въ приказѣ общественнаго призрѣнія и туда еще положены отцомъ твоимъ упокой Господи его душу, помолись за упокой его души, а онъ положилъ эти деньги на случай твоей женитьбы и отъ тебя велѣлъ это скрывать а я потому свято и хранила его моего голубчика волю а теперь видя тебя въ такихъ обстоятельствахъ думала, что надо тебя спасти, заплати скорѣй свои долги не заживайся въ Петербургѣ ради Бога милое дитя мое потому что тамъ у васъ такіе соблазны что молодой человѣкъ какъ разъ можетъ

погибнуть а сейчасъ пріѣзжай ко мнѣ. Да брось ты всѣ эти книги въ печку отъ нихъ вся и бѣда. Пріѣдешь сюда будешь помогать матери въ хозяйствѣ обнимаю тебя моего ангела и цѣлую а объ деньгахъ напиши получилъ ли и скоро ли будешь къ намъ да на дорогу запасись теплымъ платьемъ дѣло идетъ къ осени здоровье дороже всего на свѣтѣ...»

Гребешковъ нѣсколько разъ перечитывалъ эти строки и, обливая ихъ слезами, прижималъ къ губамъ своимъ.

— Матушка, добрая матушка!—шепталъ онъ.—Нѣтъ, я недостоинъ любви твоей!..

И долго потомъ не выпускалъ онъ изъ рукъ этого драгоцѣннаго для него письма; иногда казалось ему, что все это сонъ, одинъ отрадный сонъ, что нѣтъ ему выхода изъ его бѣдственнаго состоянія, и тогда судорожно схватывалъ онъ пакетъ съ деньгами и жадно смотрѣлъ на пачки ассигнацій, потому что никогда еще такой огромной суммы не бывало передъ его глазами.

Черезъ нѣсколько дней онъ, къ великому изумленію своихъ кредиторовъ, расплатилъ всѣ долги свои, не исключая и денегъ, проигранныхъ актеру-водевилисту.

Когда Гребешковъ отдавалъ актеру-водевилисту эти деньги, актеръ посмотрѣлъ на него съ особеннымъ чувствомъ и сказалъ, ударивъ его раза три по спинѣ:

— Эхъ, душенька, такъ ужъ ты непремѣнно ѣдешь въ деревню?

— Да, непремѣнно.

— И скоро?

— Скоро.

— Ну, такъ, братецъ, надо нарѣзаться на твоихъ проводахъ. Я тебѣ, пожалуй, и куплетики сочиню на отъѣздъ. Вѣдь я тебя смерть люблю, Коля. Намъ, артистамъ, и стыдно бы, казалось, ссориться другъ съ другомъ. И за что, братецъ? Я всегда говорилъ, что мы вотъ какъ будто рождены другъ для друга!..

Утромъ, въ день отъѣзда своего, Гребешковъ, у котораго, за расплатою долговъ, осталось всего 300 рублей, вспомнилъ, что Локотковъ долженъ ему рублей до ста, и отправился

къ нему въ лавку попытать счастія. Но, къ удивленію Гребешкова, лавка была запечатана.

«Что это значитъ?» подумалъ Гребешковъ.

— Мое почтеніе! — сказалъ Гребешкову литературный сплетникъ, пробѣгавшій въ эту минуту по гостиному двору.— Что это, васъ, кажется, удивляетъ, что Локоткова лавка запечатана? Помилуйте, да не-уже-ли вы не знаете? Онъ третьяго дня посаженъ въ тюрьму за долги.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ей-Богъ. А вы слышали, что Кукушкинъ назвалъ Ѳетюкова публично подлецомъ, и они теперь опять въ страшной ссорѣ. Кукушкинъ пишетъ статью противъ Ѳетюкова, а Ѳетюковъ противъ Кукушкина. Впрочемъ, вѣдь это, я думаю, не надолго; за бутылкой шампанскаго опять помирятся и опять станутъ хвалить другъ друга. Какъ вы думаете?

И литературный сплетникъ, сказавъ это, засмѣялся отъ души и во все горло.

— Да, вотъ чуть было не забылъ: Павлюковъ написалъ новую историческую драму въ пяти дѣйствіяхъ: «Благородный Россіянинъ X вѣка». Говорятъ, ее будутъ давать на театрѣ. Кстати о театрѣ: вы слышали, что Катерина Васильевна выходитъ замужъ?

— Не-уже-ли? за кого?—спросилъ Гребешковъ, вытаращивъ глаза.

— Да къ ней послѣднее время все ѣздилъ какой-то господинъ Максетычинъ: онъ ужасно волочился за нею и все говорилъ: «Катишь—это славный кусочекъ, и смертельно, канашка, влюблена въ меня, то-есть такъ влюблена, просто какъ кошка... Женюсь на ней, непремѣнно женюсь». Мы думали, что онъ шутитъ, анъ вотъ и въ самомъ дѣлѣ женится.

— Такъ Катерина Васильевна будетъ госпожа Максетычина? Вотъ какъ!

— Да-съ, не шутите съ нею... Ну, а вы чего-нибудь но пишете ли новенькаго? Васъ давно нигдѣ не видно, вы совсѣмъ пропали...

— Я ѣду сейчасъ въ деревню.

— Какъ въ деревню? зачѣмъ?

— Совсѣмъ на житье.

— Вы шутите? А литература-то?

— Богъ съ вами и съ вашей литературой! Мнѣ хочется отъ нея куда-нибудь подальше...

Вечеромъ, часа за два до захожденія солнца, Гребешковъ подпрыгивалъ уже, сидя на телѣгѣ. Тройка несла его во весь духъ; версты, какъ частоколъ, мелькали въ его глазахъ. Никогда онъ не дышалъ такъ легко и свободно. Далеко, далеко развивалась передъ нимъ большая дорога, и не было конца ей, потому что горизонтъ все убѣгалъ отъ нея дальше и дальше. И все легче и легче становилось Гребешкову по мѣрѣ удаленія его отъ Петербурга. Образы Ѳетюкова, издателя какой-то газеты, Павлюкова, книжнаго торгаша, Катерины Васильевны, литературнаго сплетника, офицера, актера-водевилиста и Турухтана Турухтаныча постепенно блѣднѣли въ воображеніи его и наконецъ слились въ какую-то нестройную, безобразную массу. Изъ глубины души его, почуявшей пробужденіе, поднимались другія видѣнія, обвѣвавшія его свѣжестью и благоуханіемъ. Ему мерещился тамъ, въ таинственной и желанной дали, вправо отъ чернѣющихся и вросшихъ въ землю избушекъ, на косогорѣ маленькій деревянный домъ, склонившійся на бокъ отъ ветхости и облитый пурпуромъ вечерней зари; у порога этого домика старушка, въ нетерпѣливомъ ожиданіи смотрящая на дорогу; передъ домомъ, въ палисадникѣ, двѣ рябины, отягченныя плодами, а окрестъ его поля, желтѣющія жнивою, да лѣсокъ на горизонтѣ... И въ ту минуту, когда онъ весь проникнулся этой картиной, ямщикъ его пріостановилъ коней, заломилъ шляпу на бекрень и затянулъ:

Не бѣлы-то снѣги...

Удаленіе Гребешкова съ литературнаго поприща не было замѣчено публикою. Оно, вѣроятно, не было бы замѣчено и его собратами, если бы литературный сплетникъ не поста-

рался бы тотчасъ же разгласить о встрѣчѣ своей съ Гребешковымъ и о разговорѣ съ нимъ.

Ѳетюковъ и его сотрудникъ — бывшій издатель какой-то газеты, продолжаютъ подвизаться попрежнему, съ удивленіемъ однако замѣчая, что толпа ихъ поклонниковъ рѣдѣетъ. Павлюковы, сочинители «Фугъ и Хаосовъ» и имъ подобные, не переводятся; они безпрестанно появляются на литературномъ поприщѣ подъ разными именами.

И до тѣхъ поръ вся эта тля не переведется въ русской литературѣ, покуда эта литература не возвысится до сознанія, покуда она не пойметъ всей важности и святости своего назначенія. Уже она пережила свой баснословный періодъ, когда въ ней вмѣсто русскихъ свирѣпствовали — Россы, вмѣсто вѣтровъ, — дули бореи и вѣяли зефиры, вмѣсто морей ярились понты, а солнце представлялось въ видѣ огнистаго коня, который

Летитъ по воздуху и ржетъ...

Уже миновала пора ея дѣтскихъ, напыщенныхъ, реторическихъ восторговъ и чувствительныхъ вздоховъ — и появляются среди нея люди, которые, «сквозь видимый міру смѣхъ и невидимыя слезы», начинаютъ вглядываться въ окружающую ихъ дѣйствительность. Уже нестройные и безсмысленные крики литературныхъ тлей заглушаетъ иногда громкое и могучее слово человѣка съ убѣжденіемъ.

Это пробуждающееся сознаніе въ благородныхъ ея представителяхъ привѣтствуютъ всѣ, лелѣющіе въ груди своей свѣтлое предчувствіе будущаго... Къ нему, къ этому будущему устремимъ всѣ наши помыслы! Да будетъ оно всегда передъ очами нашими. Да проникнутся сердца наши вѣрованіемъ въ великій и мудрый законъ прогресса. Золотой вѣкъ, который слѣпое преданіе отыскивало въ прошедшемъ — впереди насъ...

Еще лежитъ на небѣ тѣнь.
Еще далекъ прекрасный день;
Но благъ Господь, онъ знаетъ срокъ,—
Онъ вышлетъ утро на востокъ!

БАРЫНЯ.

Ай барыня, барыня,
Сударыня, барыня...
(*Лакейская пѣсня*).

Слово «барыня» принадлежитъ исключительно только русскому языку. Это слово невозможно перевести ни на какой другой языкъ.

У насъ два главныхъ класса мелкихъ барынь: барыни столичныя и провинціальныя. Какъ два величественныя дерева (говоря возвышеннымъ слогомъ), роскошно развѣтвившіяся, красуются онѣ въ безпредѣльномъ царствѣ русскомъ. Столичныя барыни раздѣляются на московскихъ и петербургскихъ. Москва храмъ настоящаго барства. Московскія барыни отличаются хлѣбосольствомъ, благотворительностію, чувствомъ національной гордости и безобразіемъ экипажей. Онѣ живутъ среди великолѣпныхъ воспоминаній и благоговѣйно вдыхаютъ въ себя пыль прошедшаго, окруживъ себя въ настоящемъ моськами и воспитанницами, — моськами, которыхъ онѣ кормятъ и ласкаютъ; воспитанницами, которыхъ кормятъ и попрекаютъ кормомъ. Онѣ доживаютъ свой вѣкъ, раскладывая гран-пасьянсъ и разсказывая о своихъ благодѣяніяхъ. Петербургъ — источникъ барства мелкаго, чиновнаго. Въ петербургскихъ барыняхъ оригинальнаго мало. Онѣ съ утра до ночи бредятъ княгинями и графинями, которыхъ встрѣчаютъ на гуляньяхъ и на балахъ дворянскаго собранія. Онѣ помѣшаны на свѣтскости, о которой не имѣютъ ни

малѣйшаго понятія. Онѣ задаютъ балы и вечеринки, оканчивающіеся прескверными ужинами. Всѣ онѣ говорятъ пронзительно и имѣютъ рѣзкія манеры. У всѣхъ у нихъ грязныя переднія, дочки — невѣсты, сыновья чиновники или офицеры, кареты и коляски, запряженныя еле движущимися четвернями; за каретами лакеи въ заштопанныхъ ливреяхъ съ фантастическими гербами и съ засаленными аксельбантами, и по нѣскольку сотъ душъ крестьянъ, заложенныхъ въ заемномъ банкѣ или въ опекунскомъ совѣтѣ съ надбавочными. Провинціальныя барыни раздѣляются на деревенскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ. Объ нихъ надобно говорить или много, или ничего. Объ нихъ когда-нибудь послѣ.

Съ той поры, какъ дочки барышни выходятъ замужъ — онѣ получаютъ названіе молодыхъ барынь, а маменьки ихъ — старыхъ барынь.

Старыя барыни — представительницы отживающаго поколѣнія барынь. Молодыя барыни — представительницы новаго поколѣнія барынь. Между отцвѣтшимъ и цвѣтущимъ поколѣніемъ разница не слишкомъ рѣзкая, однако шагъ впередъ сдѣланъ. Вмѣстѣ съ бѣльемъ и платьемъ въ приданое дочекъ поступаютъ обыкновенно лакеи и дѣвки. Прислуга старыхъ барынь начинаетъ искоса смотрѣть на прислугу молодыхъ барынь. Отсюда начало розмолвокъ между этими двумя поколѣніями.

Вообще барыни начинаютъ формироваться около тридцати лѣтъ. Съ минуты брака до тридцатилѣтняго возраста онѣ въ состояніи переходномъ: въ этотъ промежутокъ времени привычки барышни борются съ возникающими привычками барыни. Къ тридцати годамъ самостоятельное чувство барыни побораетъ нѣкоторыя сантиментальныя наклонности и простодушныя понятія барышни.

Всѣ барыни въ Россіи относятся другъ къ другу въ слѣдующемъ порядкѣ.

Московская барыня выступаетъ впереди и кричитъ во все горло, что «Москва сердце Россіи, что въ Москвѣ Иванъ-Великій и царь-пушка». Петербургская смотритъ на нее

насмѣшливо, говоритъ: «се дроль, способу нѣтъ, какая провинціалка!» и порывается столкнуть ее съ перваго мѣста. Обѣ онѣ, какъ «столичныя штучки», взираютъ съ снисходительною гримасою на губернскую барыню. Губернская созерцаетъ съ умиленіемъ московскую и въ особенности петербургскую, едва удостоивая своего покровительства уѣздную или мелкопомѣстную, которая съ должнымъ смиреніемъ кланяется ей въ поясъ—и между тѣмъ искоса бросаетъ спесивые взгляды на стоящую поодаль, разряженную и разрумяненную купчиху съ черными зубами, ворча съ негодованіемъ: «извольте видѣть, какъ разодѣта! будто барыня какая!»

Моя героиня — барыня петербургская. Съ нею я былъ коротко знакомъ и за достовѣрность ея исторіи могу поручаться.

Она родилась въ 1783 году, за четыре года до полученія отцомъ ея, при отставкѣ, бригадирскаго чина, и наречена въ св. крещеніи Пелагеей. Извѣстно, что бригадирскій чинъ былъ у насъ въ тѣ блаженные годы вершиною честолюбія, какъ теперь, напримѣръ, генеральскій чинъ, но не въ томъ дѣло, обратимся къ моей героинѣ.

Бригадиръ прохаживается по комнатѣ въ пудремантелѣ и въ гусарскихъ сапожкахъ безъ кисточекъ. Онъ поправляетъ кошелекъ косы своей и улыбаясь смотритъ на дочь, которая кричитъ и бѣгаетъ вокругъ него.

— Догоню, догоню, Палаша!

Бригадиръ топаетъ ногами, отчего пудра сыплется на его лицо; потомъ онъ беретъ Палашу на руки, цѣлуетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни.

— Ну, а извѣстно ли тебѣ, Палаша, — спрашиваетъ онъ у четырехлѣтней дочери, — извѣстно ли тебѣ, сколько у тебя душъ крестьянъ? что?... не знаешь, дурочка? Триста чистоганомъ, незаложенныхъ!.. Смѣшно? Гм! Смѣйся! Это называется невѣста, это не то, чтобы... Бригадирская дочь, и триста душъ! Кушъ значительный, канальство! У матери твоей, я тебѣ скажу, и половины этого не имѣлось, когда она вышла за меня замужъ.

— Однако покойница маменька (вѣчная ей память) всегда жила барыней, — возражаетъ бригадирша, — ужъ про это нельзя сказать. Бывало, кто къ ней ни пріѣдетъ, сейчасъ говоритъ: вы, Елена Ивановна, настоящая барыня. И, правду сказать, она любила показать себя: у нея одной дворни было тридцать человѣкъ, — и я, благодарю моего Бога, не знаю, стоила или не стоила, но счастлива была на жениховъ. Всѣ дѣвицы завидовали мнѣ: коллежскихъ и надворныхъ и премьеръ-майоровъ много сваталось за меня.

— Знаю, знаю, — перебиваетъ бригадиръ съ самодовольствіемъ, — ну, а ты предпочла меня всѣмъ имъ, хоть я былъ тогда еще и не Богъ знаетъ какая штука. Дѣвицы дурны, Матрена Ивановна; имъ лишь бы смазливое личико, а тамъ до этого до всего (бригадиръ водитъ рукою по груди) и до чиновъ имъ дѣла нѣтъ. Впрочемъ, тебѣ и на этотъ счетъ, полагаю, нечего теперь раскаяваться.

Бригадиръ самодовольно улыбается и, смотрясь въ зеркало, одною рукою держитъ Палашу, а другою очищаетъ со лба пудру тупымъ серебрянымъ ножичкомъ.

— Что грѣхъ на душу брать, Петръ Максимычъ, лгать не для чего, — ты чина теперь не малаго, живемъ мы душа въ душу. Чего же больше! Одно горе — дѣтокъ много померло; зато вотъ Господь послалъ намъ утѣшеніе — нашу Палашеньку.

Бригадирша вздыхаетъ.

— Далъ бы Богъ только на своихъ глазахъ пристроить ее за хорошаго, солиднаго человѣка.

— Пристроится, пристроится, не заботься! Съ хорошимъ приданымъ въ дѣвкахъ не засидится... Что, Палаша, правду я говорю?

— Да-съ.

— Къ тому же она у насъ родилась въ сорочкѣ... Что ни говори, Матреша, — она не по годамъ умна. Вѣдь теперь ужъ смекаетъ, что бригадирская дочка и наслѣдница села Брылина — покорно прошу!.. Палаша, посмотри-ка, кто идетъ.

— Бабушка.

— Да, баловница твоя. Небось, весело?

Дверь отворяется медленно и торжественно. Входитъ старушка, опираясь на высокую камышевую трость. Старушка въ атласномъ капотѣ брусничнаго цвѣта съ таліею подъ мышками, въ башмачкахъ съ высокими каблуками и съ зонтикомъ на глазахъ. Старушка останавливается среди комнаты, кладетъ руки на золотой набалдашникъ своей трости и ворчитъ, качая головой:

— Не умѣете обращаться съ ребенкомъ... Спусти ее съ колѣнъ, Петруша.

Бригадиръ повинуется.

— Какъ можно такъ близко держать дитя къ лицу? пудра, сохрани Богъ, засоритъ ей глазки... Охъ-охъ! сами-то вы еще дѣти... Палашенька, поди ко мнѣ. Хочешь гостинцу, милочка?

И старушка вынимаетъ изъ безконечнаго кармана, устроеннаго въ ея капотѣ, изюмъ и сахарныя булки.

Бабушка сама воспитываетъ Палашу. Она кормитъ ее съ утра до вечера и безпрестанно повторяетъ: «ну что, голубчикъ мой, сыта ли ты? не хочешь ли еще чего-нибудь, дружочекъ? Мать небось объ тебѣ не позаботится. Съ голоду готовы уморить ребенка!» Когда дитя рветъ листы въ адресъ-календарѣ папенькиномъ и когда няня отнимаетъ у нея книгу, бабушка вскрикиваетъ на няню съ гнѣвомъ:— Что ты дура! не отнимай у нея книжку, пусть ее, голубчикъ мой, забавляется; ребенокъ дороже книжки!

Палашѣ семь лѣтъ. Бабушка въ день рожденія внучки даритъ ей куклу, а Петръ Максимычъ беретъ ее за щеку и говоритъ:

— А я тебѣ скоро сдѣлаю подарочекъ... такъ, подарочекъ... угадай какой?—Что, не угадала? азбуку съ картинками, дурочка. Хочешь учиться?

— Что это ты, Петенька, съ ума сошелъ: ребенка за щеку беретъ! у нея кожа дѣтская, нѣжная, какъ разъ сыпь сдѣлается. Что это за ласки,—помилуй скажи?

— Вѣдь я, маменька, чуть дотронулся до нея,—замѣчаетъ

бригадиръ...—Онъ обращается къ Палашѣ:—Хочешь учиться, Палаша?

— Что это ты, сударь, такое говоришь? я не разслышу.— Бабушка прикладываетъ руку къ уху.

— Я говорю, маменька, что ей пора и за азбуку сѣсть.

— За азбуку? это что еще ты выдумалъ? Слыхано ли дѣло, этакаго ребенка за книгу сажать! Успѣетъ и наукамъ вашимъ выучиться; время еще не ушло.

— Ей семь лѣтъ, маменька. Она побаловалась ужъ довольно.

— Семь? Присчитывай, батюшка! Всего шесть. Что такое въ самомъ дѣлѣ? Она, слава Богу, не мѣщанка,—дворянской фамиліи; она теперь смотритъ какъ княжеское дитя; приданое будетъ, мать хозяйству научитъ. Чего же еще? Не съ неба звѣзды ей хватать! Не въ мадамы вы ее прочите! Я, можно сказать, всѣми была уважаема и любима, а вѣкъ свой прожила безъ книгъ вашихъ.

Впрочемъ, черезъ полгода Палашу сажаютъ за азбуку, а на столъ кладутъ прутъ.

— Будешь хорошо учиться,—говоритъ ей Матрена Ивановна,—гостинцу дамъ, а если нѣтъ—розгу. Ну, начнемъ благословясь.

Учебныя занятія Палаши, къ величайшему ся удовольствію, всякій разъ прерываются бабушкой.

— Но довольно ли ребенку-то учиться?—говоритъ она своей невѣсткѣ,—вы ее совсѣмъ замучаете.

— Я ее только сію минуту посадила за книги, маменька.

— Эхъ у васъ больно что-то долги минуты!—Бабушка поводитъ носомъ по комнатѣ.—И здѣсь сыростью, кажется, пахнетъ. Она этакъ того гляди занемочь можетъ. Пусть ее, моя душечка, побѣгаетъ по солнышку...

Проходитъ два года. Въ домѣ смолкаетъ стукъ каблуковъ бабушкиныхъ. Старушка лежитъ на возвышеніи, покрытая парчевымъ покровомъ; голосъ осипшаго дьячка раздается въ головахъ ея. «Бабушка умерла»—говорятъ Палашѣ. Палаша думаетъ, что ее некому будетъ такъ часто кормить сластями, и горько плачетъ; но любопытство скоро пере-

силиваетъ ея горесть. Она смотритъ: около катафалка посыпаютъ ельникъ, съѣзжаются гости, суетятся лакеи и дѣвки. Маменька Палаши взвизгиваетъ и падаетъ на ступеньки катафалка; барыни стонутъ и бросаются къ ней; папенька всхлипываетъ. Всѣ подходятъ къ бабушкѣ и цѣлуютъ ее; няня поднимаетъ Палашу и также подноситъ ее къ бабушкѣ. Палаша опять плачетъ, няня твердитъ ей,—«нишни, голубушка; нишни, мое сердце» и сама заливается. Стонъ, визгъ и крикъ. Гробовщикъ прилаживаетъ крышу гроба.

Бабушку увезли, ельникъ изъ столовой вымели, катафалкъ убрали; на мѣстѣ катафалка—столъ для гостей; на немъ конфеты и ягоды. Маменька, папенька и гости возвращаются. Маменька ужъ не стонетъ: она бѣгаетъ на кухню отвѣдывать кушанья; папенька ужъ не всхлипываетъ: онъ пробуетъ вина. Всѣ садятся за столъ, всѣ кушаютъ съ аппетитомъ, пьютъ съ чувствомъ. Блюдамъ конца нѣтъ.

Двѣ недѣли послѣ этого Палаша наслаждается полной свободой. Маменька не учитъ ее, «оттого что,—говоритъ она,—надо оправиться мнѣ отъ тяжкой потери; тошнехонько! ничто на умъ нейдетъ; словно, какъ на сердцѣ камень». Няня послѣ похороннаго стола всякій день опохмеляется, по ея словамъ—«съ горя». Пользуясь такими обстоятельствами, дитя съ утра до вечера бѣгаетъ на дворѣ съ замасленными и оборванными крѣпостными дѣвчонками.

Черезъ двѣ недѣли въ одно утро Палаша въ комнатѣ у маменьки. Вдругъ является человѣкъ высочайшаго роста, облеченный въ длинный сюртукъ. Этого страннаго человѣка называютъ семинаристомъ.

Матрена Ивановна говоритъ семинаристу.

— У меня до тебя покорнѣйшая просьба, мой милый, касательно моей дочери: она ужъ, видишь, дѣвчонка-то на порѣ,—время бы за нее, этакъ, серьезно приняться...

Здѣсь можетъ быть кстати замѣтить, что воспитаніе барышни 50 лѣтъ назадъ тому было несравненно проще, чѣмъ теперь. Основы тогдашняго воспитанія барышни были: русская грамота и домашнее хозяйство. Основы воспитанія барышни нашего времени: французскій языкъ, фортепіано

и танцы. Высшая похвала для тогдашней барышни заключалась въ слѣдующихъ словахъ: «да какая она, сударь, я вамъ скажу, хозяйка!»—Высшая похвала для барышни нашего времени заключается въ слѣдующей фразѣ: «какъ славно она говоритъ, мон-шеръ, по-французски и какъ хорошо держится, чудо что за турнюра,—отлично воспитана!..»

— Читаетъ она прытко,—продолжаетъ Матрена Ивановна,—да ты самъ знаешь, что ей ужъ и за письмо надо приняться, ну, а у меня почеркъ-то бабій да и учена-то я безъ затѣй, на мѣдныя деньги.

Семинаристъ—учитель Палаши. Онъ ходитъ два раза въ недѣлю: одинъ разъ онъ учитъ Палашу чистописанію, а другой грамматикѣ и священной исторіи.

Успѣхи Палаши превосходятъ ожиданія родителей.

Петръ Максимычъ въ восторгѣ.

— Ай да пузырь мой!—говоритъ онъ, гладя дочь по головѣ...—Признаюсь, Матреша, этого я никакъ не могъ ожидать отъ нея; никакъ!.. А каковъ нашъ семинаристъ! Молодецъ, нечего, право, сказать.

— Знаешь ли, Петръ Максимычъ, сестрица Арина Купріяновна берется учить ее по-французскому и на фортепьянѣ и ариѳметикѣ.

— Хорошо. Почему жъ... пусть учится. Мы съ тобой, правду сказать, Матреша, обошлись и безъ французскаго діалекта, но коли у дѣвочки есть охота къ ученью,—я не прочь.

Три часа въ день назначаются Палашѣ на уроки: остальное время она или съ куклами, или съ приставленными къ ней для забавы дѣвчонками, или играетъ съ маменькой въ дурачки и въ свои козыри. Палаша любитъ слушать, когда маменька разсуждаетъ съ гостями о людскихъ недостаткахъ вообще и о недостаткахъ своихъ пріятельницъ въ особенности. Палаша переимчива: маменька ссорится съ своими знакомыми и родственницами,—она ссорится съ своими куклами, маменька бранитъ своихъ лакеевъ и дѣвокъ,—она бранитъ своихъ дѣвчонокъ. А время идетъ, и воспитаніе Палаши близится къ концу. Палаша уже стыдится играть въ куклы. Ея

станъ вытягивается, ея формы круглѣютъ, ея понятія расширяются. Она уже пишетъ четко, хоть не совсѣмъ правильно, дѣлаетъ два первыя правила ариѳметики, кое-какъ разбираетъ французскія книги; подъ руководствомъ тетеньки Арины Купріяновны танцуетъ экосезъ и матрадуръ и поетъ съ аккомпанементомъ:

Стонетъ сизый голубочекъ и проч.

или:

Не свѣти ты мѣсяцъ ясно
И не мучь мой духъ тоской,
Вспоминая мнѣ всечасно,
Что любезной нѣтъ со мной....

Но всего лучше ей нравится пѣсенка:

Всего богатства міра
На что, на что вы мнѣ,—
Когда со мной Темира
И съ нею мы однѣ?

Она чаще всего поетъ ее, и грудь ея при этихъ словахъ колышется, и порой волненіе овладѣваетъ ею при томныхъ звукахъ нѣжной пѣсенки.

Палашѣ 18 лѣтъ.

Палаша читаетъ Яшеньку и Жеоржету, или приключеніе двухъ младенцевъ, обитающихъ на горѣ, Таинства Удольфскія и Эстеллу, пастушескій романъ. Всѣ эти книги найдены ею случайно въ кладовой за ларемъ съ мукою. Она, впрочемъ, не находитъ удовольствія ни въ чувствительности Флоріана и Дюкре-Дюмениля, ни въ ужасахъ Радклифъ. Ей пріятнѣй сидѣть подъ окномъ и смотрѣть на статныхъ офицеровъ, которые, посвистывая, проходятъ или проѣзжаютъ мимо ея по улицѣ. Шесть лѣтъ просиживаетъ Палаша у окна. Сколько обманутыхъ ожиданій! сколько тревогъ напрасныхъ! сколько даромъ потраченнаго олова и воску на святкахъ!

Однажды послѣ обѣда Матрена Ивановна вяжетъ чулокъ, безпрестанно спуская петли, а Палаша приноситъ ей Новѣйшую и полную поваренную книгу, собранную изъ весьма достовѣрныхъ и безчисленными опытами изслѣдованныхъ домашнихъ записокъ, въ пользу и употребленіе особамъ, любящимъ экономію, съ присовокупленіемъ, и проч.

— На чемъ, бишь, мы остановились вчера, Палаша?

— На говяжьемъ небѣ съ обливкою, маменька.

Матрена Ивановна откладываетъ чулокъ въ сторону.

— Видишь ли, Палашенька,—говоритъ она,—какихъ кушаньевъ, подумаешь, не бываетъ на свѣтѣ; а хозяйкѣ все знать надлежитъ, какъ и что, и также препорцію во всемъ. Такія книжки полезны и не совращаютъ сердца, какъ другія. Конечно, ты будешь жить барыней, но и барынѣ надо имѣть на все свой глазъ, а на холопье племя плохая надежда.

Наставленія доброй матери прерываются приходомъ господина небольшого роста, курносаго и лысаго, съ накрахмаленными треугольниками, закрывающими по полущекѣ, и съ Владиміромъ 4-й степени величины сверхъестественной. Этотъ господинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нравственныхъ и благоразумныхъ людей, у которыхъ глаза всегда закрыты, а ротъ всегда открытъ.

Палаша приподнимается, краснѣетъ и роняетъ книгу.

Господинъ приходитъ въ замѣшательство, извиняется и поднимаетъ книгу.

— Едва ли я не помѣшалъ,—говоритъ онъ,—своимъ приходомъ вашимъ занятіямъ, Матрена Ивановна. Не во-время гость хуже татарина.

Господинъ скромно и почтительно улыбается, потупляя глаза.

— И-и-и, Василій Карпычъ! что это, отецъ мой, ты выдумалъ!—восклицаетъ Матрена Ивановна:—такимъ, какъ вы, гостямъ, сударь, мы всегда рады. Я умѣю цѣнить дружественное расположеніе, Василій Карпычъ.

Матрена Ивановна вздыхаетъ.

— Теперь не то, что бывало! Въ нынѣшнемъ свѣтѣ, что

другое развѣ, прости Господи, а хорошаго человѣка днемъ съ огнемъ не отыщешь.

Василій Карпычъ также вздыхаетъ и потомъ обращается къ Палашѣ.

— Чтеніемъ изволили заниматься, Пелагея Петровна?

Палаша кусаетъ ногти.

— Да-съ.

— Романъ или какое другое сочиненіе?

— Батюшка, Василій Карпычъ, что это ты? Сохрани Богъ! она у меня романовъ не читаетъ. Чему доброму въ романахъ научишься? Тамъ вѣдь только куры да амуры. Приличное ли это занятіе для благородной дѣвицы?

— Вы всегда,—замѣчаетъ Василій Карпычъ,—прекрасно и здраво разсуждаете, Матрена Ивановна; истинно пріятно васъ слушать. Разсуждай такъ всѣ, тогда было бы совсѣмъ иначе.

— Что за романы!—продолжаетъ Матрена Ивановна:—я вамъ скажу про себя, Василій Карпычъ, какъ я была вотъ въ ея годы, я и возьми разъ книжку съ братцова стола. Братецъ, Андрей Ивановичъ, все бывало читаетъ книжки. Вы помните его? Вѣдь балагуръ былъ покойникъ? Ахъ, я на своемъ вѣку перенесла-таки потерь, батюшка!.. Вотъ, знаете, я и возьми книжку, а книжка-то съ картинками. Что жъ бы вы думали? глядь-поглядь назадъ, а покойница матушка, дай ей Богъ царство небесное! стоитъ за мною... Боже ты мой! какъ она притопнетъ, сударь, ногой; какъ выхватитъ у меня книжку, да въ печку,—я такъ и обомлѣла,—спасибо, тогда съ дѣтьми обращались попросту, не ионынѣшнему и бивали насъ, сударь, ну да зато, слава Богу, людьми вышли.

— Такъ это нравоучительная книга у васъ, Пелагея Петровна?—спрашиваетъ Василій Карпычъ.

— Нѣтъ-съ.

— Пріучаю ее къ хозяйству, Василій Карпычъ,—перехватываетъ Матрена Ивановна,—она вѣдь ужъ у меня невѣста... Эта книжка поварская и кондитерская,—прекрасная книжка! Отецъ ей сдѣлалъ презентъ въ рожденіе. Она по ней и

варенье сама варитъ, и кремъ изъ ягодъ дѣлаетъ, и сухарики къ чаю... Какъ бишь они называются, Палаша?

— Бискотины, маменька-съ.

— И еще есть какое-то другое названіе?

— Сухарики съ филейными узлами.

— Да, вотъ извольте видѣть, еще съ филейными узлами. Вишь какія хитрости! А какъ они приготовляются?

Палаша краснѣетъ.

— Ну, скажи же, дурочка, не краснѣй. Василій Карповичъ свой человѣкъ.

Палаша говоритъ, точно читая по книгѣ, только нѣсколько запинаясь:

— Берется четвертая часть осьмухи муки, въ середкѣ дѣлается яма... въ нее положить надо двѣ ложки мармелады...

— Двѣ-съ?—перебиваетъ Василій Карпычъ.

— Да-съ, и сахару... кусокъ величиною въ яйцо, все вмѣстѣ мѣсится съ тремя яичными бѣлками, потомъ... тѣсто раскатать и рѣзать надо филейными узелками... потомъ положить его на мѣдный листъ и печь въ вольной печи... покуда зарумянятся-съ.

— Вотъ, сударь, какъ! Мы сегодня васъ, Василій Карпычъ, за чаемъ попотчуемъ нашимъ издѣльемъ.

Самоваръ шипитъ на столѣ; Палаша разливаетъ чай; Василій Карпычъ обмакиваетъ въ чашку сухарикъ съ филейными узлами и нѣжно смотритъ на Палашу и говоритъ ей:

— Безподобные сухари! такъ сами, можно сказать, во рту и таютъ. Пріятно имѣть у себя въ домѣ такую хозяйку.

И хорошенько сообразивъ свои обстоятельства и пообдумавъ о неудобствахъ холостой жизни, Василій Карпычъ черезъ годъ рѣшается просить у Петра Максимыча и у Матрены Ивановны руки Пелагеи Петровны .«Она уже дѣвица солидная, — думаетъ Василій Карпычъ,—не слишкомъ молода и не стара, къ тому же изъ нравственнаго семейства. Все это, кажется, необходимо должно упрочить семейное счастіе». Петръ Максимычъ, послѣ долгаго совѣщанія съ Матреной

Ивановной, даетъ Василію Карпычу слово за себя и за дочь и потомъ поздравляетъ Палашу съ женихомъ.

— Ужъ я предчувствовала,—говоритъ Матрена Ивановна, что Господь пристроитъ ее въ этотъ годъ. Да и помнишь, Петръ Максимычъ, я приносила тебѣ показывать, какъ ей олово-то вылилось. Точно теперь вижу: двѣ фигуры, мужская вотъ точно Василій Карпычъ, и подаетъ женской фигурѣ руку.

— Мужская фигура, маменька, была съ усами,—отвѣчала Палаша.

— Съ усами! экой вздоръ! чего не выдумаешь!

Палаша—идеалъ русской невинности. Она не имѣетъ еще никакого опредѣленнаго понятія о мужѣ и его главныхъ обязанностяхъ, но ей по какому-то неопредѣленному чувству хочется имѣть мужа помоложе и въ офицерскомъ мундирѣ. Она, сидя у окна, особенно подмѣтила одного офицера, который впослѣдствіи протанцовалъ съ нею экосезъ въ дворянскомъ танцовальномъ собраніи. Этотъ офицеръ—герой своего времени. Онъ превысокаго роста, съ курчавыми волосами и длинными усами, пристяжная его завивается въ кольцо, онъ щекотитъ ее кнутомъ и самъ управляетъ ею съ ловкостью изумительною. Никто ловче его не мечетъ штосъ; никто искуснѣе не пускаетъ изо рта кольца дыму; никто не барышничаетъ выгоднѣе его лошадьми.

Палаша знаетъ, что мужъ съ женой цѣлуются (она видитъ, какъ папенька цѣлуетъ маменьку), и ей лучше хочется цѣловать усатаго и удалого офицера, чѣмъ лысаго и скромнаго чиновника. Впрочемъ, она не слишкомъ удивлена и огорчена выборомъ папеньки и маменьки. Она даже радуется, когда узнаетъ, что ей станутъ шить приданое, что она будетъ жить сама по себѣ барыней, что женихъ ея столбовой дворянинъ и владѣлецъ 291-й души.

Наканунѣ свадьбы Матрена Ивановна долго о чемъ-то важномъ шопотомъ разсуждаетъ съ дочерью, но къ сожалѣнію подслушать материнскихъ наставленій нѣтъ возможности...

Свадьба парадная. Невѣста плачетъ больше по обычаю, чѣмъ по чувству, Матрена Ивановна заливается... Гостей не

сосчитать. Женихъ въ мундирѣ съ улыбкой. Онъ сидитъ съ молодой за столомъ, установленномъ конфетами, свѣчами и фруктами. Оба они не шевелятся. Музыка гремитъ... Шампанское льется въ уста, поздравленія истекаютъ изъ устъ; маменька съ папенькой въ заднихъ комнатахъ мѣряютъ вѣнчальныя свѣчи; раскрываются карточные столы; посажонный отецъ Палаши—генералъ со звѣздой, смотритъ съ чувствомъ на зеленое сукно и говоритъ: «обновимъ». Начинаются танцы; часа три за полночь.

На слѣдующее утро Палаша превращается въ Пелагею Петровну. Она сидитъ задумавшись въ чепцѣ. Василій Карпычъ подходитъ къ ней въ новомъ шелковомъ халатѣ и въ новыхъ торжковскихъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ. Онъ смотритъ на жену съ нѣжностью и цѣлуетъ ей ручку. Его лысина по утру свѣтится ярче обыкновеннаго, потому что онъ не успѣлъ еще зачесать волосъ съ затылка. Пелагея Петровна смотритъ на него робко и не краснѣетъ.

— Итакъ я могу уже назвать себя вполнѣ счастливымъ, Палаш... Пелагея Петровна?—говоритъ Василій Карпычъ.

Пелагея Петровна смотритъ на него исподлобья и молчитъ.

Василій Карпычъ улыбается.

— Поцѣлуйте меня, Пелагея Петровна.

Онъ протягиваетъ къ ней руки и губы.

— Полноте-съ.

Пелагея Петровна, краснѣя, вырывается отъ него и убѣгаетъ.

Сначала оно, конечно,—думаетъ Василій Карпычъ,—немного дико; ну, а потомъ, натурально, привыкнетъ.

Пелагея Петровна всякій день примѣряетъ наряды, выѣзжаетъ съ визатами, смотритъ въ театрѣ «Днѣпровскую Русалку». Все для нея ново и заманчиво. Она почти прыгаетъ отъ радости.

Василій Карпычъ смотритъ на нее и говоритъ про себя:

— Настоящая козочка.

Медовый мѣсяцъ проходитъ незамѣтно; а за нимъ и другой, и третій. Пелагея Петровна начинаетъ привыкать къ

своему новому состоянію. Она зоветъ Василія Карпыча Васенькой; она тихо подкрадывается къ нему, когда онъ занимается дѣлами, цѣлуетъ его въ лысину и говоритъ:

— Мы поѣдемъ сегодня въ театръ, дружочекъ?

У Василія Карпыча выпадаетъ перо изъ рукъ: онъ сдергиваетъ очки съ носу; онъ сажаетъ Пелагею Петровну на колѣни и шепчетъ въ волненіи:

— Изволь; поѣдемъ, милочка... Поѣдемъ.

Въ другой разъ она печальна; глаза ея заплаканы. Василій Карпычъ ходитъ около нея въ безпокойствѣ:

— Что это съ тобой, мое сердце, скажи пожалуйста?

— Ничего.

— Какъ ничего? да ты на себя не похожа, а?

— Съ чего это вы взяли? Кажется, все такая же.

— Что же ты, милочка, сердишься? Не болитъ ли у тебя что-нибудь? Скажи, не скрывайся... Поѣдемъ ли мы вечеромъ къ Ульянѣ Михайловнѣ, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, я не могу ѣхать; вы какъ хотите.

— Отчего же ты не можешь?

— Потому что у меня мигрень. Къ тому же я не хочу быть одѣта хуже какой-нибудь Степаниды Ивановны.

— Какъ хуже? Съ чего же ты это взяла, милочка?

— А съ того, что у меня нѣтъ такихъ вещей, какъ у нея. Прошедшій разъ такъ всѣ и ахали отъ ея желтой шали, а я сидѣла, съ позволенія сказать, какъ оплеванная.

— Ну, милочка, отчего же... Если тебѣ такъ хочется желтой шали, я не прочь. Не хмурься, мой ангелъ...

При послѣднихъ словахъ лицо Пелагеи Петровны начинаетъ свѣтлѣть. Она восклицаетъ: въ самомъ дѣлѣ, папаша?—и бросается къ мужу на шею...

Благосклонная и разсудительная читательница вѣрно не потребуетъ отъ меня, чтобы я слѣдилъ за каждымъ днемъ моей героини. Пусть воображеніе ея дополняетъ пропуски, расцвѣчаетъ блѣдныя мѣста и изъ этихъ очерковъ созидаетъ картину.

Черезъ годъ послѣ женитьбы, а можетъ быть нѣсколько и пораньше, Василій Карпычъ начинаетъ убѣждаться въ исти-

нѣ, конечно, допотопной, но въ которой всѣ мы, читатель мой, убѣждаемся слишкомъ поздно—въ великой истинѣ, что розы не бываютъ безъ шиповъ. Пелагея Петровна иногда по цѣлымъ днямъ не говоритъ съ нимъ, а если и говоритъ, то очень колко; ея требованія увеличиваются съ каждою недѣлею и начинаютъ превышать средства Василія Карпыча; у нея открываются истерическіе припадки—страшная болѣзнь для небогатыхъ и чувствительныхъ мужей.

Между тѣмъ тотъ самый удалый и усатый офицеръ, котораго Пелагея Петровна подмѣтила еще въ дѣвицахъ, знакомится съ Васильемъ Карпычемъ. Онъ ѣздитъ къ нему въ домъ чаще и чаще.

Усы у него какъ смоль черные и завитые въ кольца, взглядъ пронзительный, ястребиный; ротъ точно кухонная труба—вѣчно дымящій. Онъ крутитъ усъ, поводитъ глазами и разсказываетъ о своей силѣ и геройствѣ.

У Пелагеи Петровны альбомъ. Въ этомъ альбомѣ стишки и картинки. Вотъ крестъ, сердце и якорь; вотъ цвѣтокъ и бабочка; вотъ храмъ амура въ лѣску, а подъ нимъ надпись:

Крылатому божку все въ свѣтѣ покоренно,
Онъ былъ нашъ царь, иль есть, иль будетъ непремѣнно.

Пелагея Петровна подаетъ альбомъ офицеру. Она проситъ его написать ей что-нибудь въ память. Офицеръ улыбается и говоритъ:

— Наше дѣло, сударыня, рубиться или стрѣлять. Вотъ если бы вы приказали, напримѣръ, выстрѣлить мнѣ изъ пистолета въ сердце туза шагахъ хоть въ пятидесяти этакъ, ну, тогда я отвѣчу за себя, а стишки писать я, признаться, не мастеръ. Впрочемъ, для васъ (онъ беретъ альбомъ), такъ и быть, смастерю два-три стишка не хуже другихъ.

Онъ пишетъ въ альбомѣ:

Время жизни скоротечно
Должно въ радости прожить,
Что же дѣлать, ну конечно
Все смѣяться и любить.

И скоротечно время точно льется радостно для Пелагеи Петровны. Она выѣзжаетъ въ гости ежедневно; если же иногда остается дома, то посылаетъ за своей знакомой—бѣдной дѣвицей лѣтъ сорока, которая мастерица гадать въ карты.

— Александра Андреевна, душенька, погадайте мнѣ,— говоритъ Пелагея Петровна пришедшей дѣвицѣ.

— Извольте, сударыня, съ удовольствіемъ, — отвѣчаетъ дѣвица. — На васъ прикажете загадать?

— Да, на меня.

— Вы вѣдь червонная дама?

— Червонная.

Дѣвица раскладываетъ карты и качаетъ головой въ задумчивости.

— Скажите, пожалуйста,—говоритъ дѣвица:—какое вамъ, можно сказать, особенное счастье... Большой интересъ: вѣрно изъ деревни... при очень пріятномъ письмѣ... правда, будутъ маленькія непріятности... вотъ отъ этой отъ пиковой дамы, впрочемъ, это ничего... сейчасъ пройдутъ... на-дняхъ вы услышите самую радостную вѣсть и опять интересъ... объ васъ все думаетъ какой-то трефовый король...

Пелагея Петровна улыбается.

— Какой же это такой? я никакого трефоваго короля, кажется, не знаю.

— Такъ выходитъ по картамъ... изволите видѣть: всѣ мысли его устремлены на васъ... ему какое-то препятствіе, однако онъ не боится его...

— А что значитъ эта пиковая десятка?—огорченіе?

— Напротивъ, будто вы не изволите знать, что означаетъ эта карта.

Дѣвица потупляетъ глаза.

— Вотъ исполненіе всѣхъ вашихъ желаній... а трефовый-то король, извольте посмотрѣть: просто-таки не отходитъ отъ васъ.

Пелагея Петровна смѣется.

— Спасибо вамъ, душенька. Не погадаете ли вы мнѣ ужъ и на кофеѣ?..

Приносятъ кофейную гущу...

Два года какъ Пелагея Петровна замужемъ, а власть ея надъ мужемъ неограничена. Она полная хозяйка въ домѣ... Наконецъ она беременна!

Услышаны молитвы добраго Василія Карпыча. Еще онъ никогда не былъ такъ веселъ, даже при награжденіи орденомъ, даже при полученіи чина...

— Что-то Богъ дастъ!—спрашиваетъ самого себя Василій Карпычъ:—сынишку или дочушку? а въ самомъ дѣлѣ, что лучше: сынокъ или дочка?

Онъ задумывается и потомъ обращается къ женѣ.

— Душенька, ты чего хочешь,—сына или дочку?

Пелагея Петровна краснѣетъ.

— Полно-те, что это...

— Нѣтъ, не шутя, скажи, мой другъ.

— Я хочу дочь.

— Гм! а я такъ сынка.

— Мальчики всѣ шалуны,—говоритъ Пелагея Петровна:— съ мальчиками и справляться трудно, на нихъ и надежда плохая; ихъ, какъ ни ласкай—они все за двери смотрятъ: дочь же всегда при матери.

— Это вздоръ, мое сердце. Богъ съ ними съ этими лоскутницами. Сынъ издержекъ такихъ не требуетъ.

— Лоскутницы? какое милое слово вы сочинили! Гдѣ это вы слышали такое слово?.. У васъ все на умѣ издержки: это на мой счетъ. Кажется я немного издерживаю, не разоряю васъ...

Пелагея Петровна вскакиваетъ со стула и выходитъ изъ комнаты, хлопая дверью. Она удаляется къ себѣ и плачетъ. Матрена Ивановна, мать Пелагеи Петровны, застаетъ ее въ слезахъ и поднимаетъ ужасный шумъ въ домѣ.

— Слыхано ли дѣло,—кричитъ она,—бранить беременную женщину. Экой извергъ!

— Маменька... маменька...—начинаетъ смущенный Василій Карпычъ.

— И слушать, сударь, ничего не хочу!—восклицаетъ Матрена Ивановна, затыкая уши.—Она у меня привыкла къ деликатному обращенію, воспитана была по-барски...

Однако несмотря на желаніе имѣть дочь, Пелагея Петровна разрѣшается сыномъ. Она не въ духѣ, она принимала бы и поздравленія равнодушно, если бы барыни, подравляющія ее, не клали бы къ ней подъ подушку червонецъ, завернутый изъ деликатности въ бумажку, на зубокъ новорожденному. Василій Карпычъ въ торжествѣ. Онъ, потирая руки, думаетъ: «Пріятно быть отцомъ, ей Богу пріятно. И такъ именно какъ я хотѣлъ: мальчикъ! люблю мальчиковъ, дѣвочки — совсѣмъ другое...»

На крестинахъ множество гостей. Воспріемники: генералъ и генеральша; младенца нарекаютъ Петромъ, въ честь дѣдушки. Повивальная бабушка въ парадномъ чепцѣ обходитъ гостей съ бокалами и съ поклонами. Гости отпиваютъ по четверти бокала и, судорожно пожимаясь, кладутъ на подносъ красненькія, синенькія и цѣлковые, послѣ чего отправляются къ зеленымъ столамъ, въ надеждѣ возвратить въ карманъ свои невольныя пожертвованія.

Ровно черезъ годъ повторяется тотъ же самый праздникъ въ домѣ Василія Карпыча и съ тѣми же китайскими церемоніями. Пелагеѣ Петровнѣ Богъ даетъ дочку. Дочку, па общемъ родственномъ совѣщаніи, хотятъ наречь Матреной— въ честь бабушки, но Пелагея Петровна видѣла во снѣ, какъ разсказываетъ она, «какого-то старичка; старичокъ всякій разъ грозилъ ей пальцемъ и говорилъ: нареки новорожденную дочь свою Любовью, слышишь?—и потомъ исчезалъ».

Петруша—фаворитъ папеньки, Любочка—фаворитка маменьки. Отсюда начало новыхъ неудовольствій у папеньки съ маменькой.

Въ самый годъ рожденія Любочки французъ врывается въ предѣлы Россіи. Онъ въ Москвѣ... Петербургскія барыни въ ужасѣ. Василій Карпычъ читаетъ Пелагеѣ Петровнѣ журналъ:

«Кровожадный, ненасытимый опустошитель, разорившій Европу отъ одного конца до другого, не перестаетъ ослѣплять всѣхъ своимъ кощунствомъ и лжами, стараясь содѣлать малодушныхъ и подлыхъ сообщниковъ своихъ еще малодушнѣе и подлѣе, если то возможно. Внемли, коварный притѣс-

нитель, внемли и трепещи, не одно потомство станетъ судить козни и злодѣйства твои, современники судятъ ихъ...»

Пелагея Петровна содрогается отъ этихъ громовыхъ строкъ. Офицеръ съ черными усами и съ ястребинымъ взглядомъ, оставшійся сначала въ Петербургѣ съ запаснымъ эскадрономъ, посылается въ дѣйствующую армію. Онъ гремитъ саблей, крутитъ усъ и говоритъ:

— Вотъ я ихъ, щелкоперыхъ французовъ, погоди! И до самого-то голубчика доберусь.

Но судьба, видно, спасая до времени Наполеона, опредѣляетъ офицеру остаться въ Петербургѣ. Ему кто-то наступаетъ на ногу гдѣ-то въ тѣснотѣ и не извиняется. Онъ вызываетъ грубіяна на дуэль и даетъ промахъ, а противникъ оставляетъ его на мѣстѣ.

Надежды супруга на уменьшеніе домашнихъ расходовъ не сбываются, а года—и еще какіе года!—идутъ своимъ чередомъ, а между тѣмъ чело добраго Василія Карпыча «какъ черепъ голый». Пелагея Петровна, несмотря на прибавившіяся издержки отъ умноженія семейства, кричитъ:

— Я хочу, чтобы у меня (она перестаетъ говорить у насъ) въ домѣ все было на барской ногѣ!—и наряжается еще пуще прежняго, хотя ей гораздо за 30 лѣтъ.

Послѣ Пелагеи Петровны главные распорядители въ домѣ: новый дворецкій Илья и горничная Даша. Илья надзираетъ за порядкомъ и ничего не дѣлаетъ. Его зовутъ Ильей Назарычемъ. У него своя комната, енотовая шуба, пестрые атласные жилеты и бисерный шнурокъ на часахъ. Даша лѣтъ 32-хъ; она солитъ грибы, варитъ варенья, приготовляетъ наливки и водки; ходитъ за барыней и съ барскаго плеча получаетъ капоты и платья; бранится съ остальными дѣвками, которыя бѣгаютъ въ затрапезныхъ платьяхъ безъ чулокъ и называютъ Дашу—Дарьей Ивановной. Послѣ дворецкаго Ильи она вообще пользуется безпредѣльною довѣренностью барыни. По вечерамъ, раздѣвая барыню, Даша передаетъ ей все узнанное ею въ продолженіе дня дома и у сосѣдей, а по утрамъ, одѣвая ее, досказываетъ то, чего не успѣла передать вечеромъ. Дашѣ дозволяется грубить барину, пить

по воскресеньямъ наливку, принимать къ себѣ гостей и проч. Дашу всѣ ненавидятъ въ домѣ, исключая барыни. Дашу всѣ боятся, не исключая и барыни.

Маменька и папенька Пелагеи Петровны умираютъ. Пелагея Петровна перестаетъ танцовать. Характеръ ея установился: она играетъ въ карты, нюхаетъ табакъ, ничего не начинаетъ въ понедѣльникъ; не садится за столъ, гдѣ тринадцать приборовъ; не входитъ въ ту комнату, гдѣ три свѣчи; въ отчаяніи, если кто при ней просыпалъ соль за обѣдомъ, и проч. Она очень уважаетъ одну барыню, генеральшу, которая слыветъ въ своемъ кругу необыкновенно добродѣтельной женщиной. У генеральши дни по вторникамъ— и Пелагея Петровна не пропускаетъ ни одного вторника. Генеральша любитъ экономію, карты и нюхательный табакъ. Она, кромѣ дохода съ двухъ каменныхъ домовъ, получаетъ доходъ съ своихъ вторниковъ отъ картъ. Она, по обыкновенію, сама потчуетъ гостей картами: въ одной рукѣ у нея игра нераспечатанная, а въ другой нѣсколько потертая, хотя всѣ гости увѣрены, что эта игра сейчасъ только распечатана ею. Такимъ образомъ у нея остается въ запасѣ отъ каждаго стола по одной игрѣ. Она знаетъ именины и рожденье всѣхъ гостей, играющихъ у нея по вторникамъ въ карты, и принимаетъ родственное участіе въ посторонних домашнихъ обстоятельствахъ. Пелагея Петровна называетъ генеральшу своимъ истиннымъ другомъ и во всемъ пользуется ея совѣтами, хотя исподтишка посмѣивается надъ ея скупостью. Петербургскія барыни начинаютъ кричать про Пелагею Петровну: «Ахъ, какая милая! ахъ, какая пріятная! ахъ, какая любезная! ахъ, какая добрая! ахъ, ахъ!» и проч. Василій Карпычъ закладываетъ въ ломбардъ свои 290 душъ. Онъ жалуется на неумѣренные расходы и замѣчаетъ, что «ему скоро придется дѣлать деньги». Пелагея Петровна сердится и возражаетъ попрежнему: «Я барыня; я хочу жить по-барски; изъ одной амбиціи не захочу быть хуже другихъ» и проч.

— Но, милый другъ, — говоритъ Василій Карпычъ женѣ, — я не пикнулъ бы о расходахъ, если бы имѣніе наше

не было разорено. Тебѣ извѣстно, что твои смоленскіе мужики послѣ бестіи француза до сихъ поръ справиться не могутъ.

— До сихъ поръ! Не понимаю. Просто надо старосту смѣнить. Флегошка ужасный мошенникъ; объ этомъ и маменька покойница всегда говорила. Увеличить оброкъ, такъ и доходы прибавятся. Вы просто безпечны. Нечего баловать мужиковъ-то: что на нихъ смотрѣть! Намъ теперь надо думать объ учителяхъ для дѣтей, надо нанять гувернантку для Любочки. Я хочу, чтобъ мои дѣти были въ самомъ лучшемъ кругу, чтобъ они блестѣли.

Пелагея Петровна въ тотъ же день говоритъ генеральшѣ.

— Вы не повѣрите, Анна Михайловна, какъ трудно нынче сыскать хорошую гувернантку. Съ дѣтьми, я вамъ скажу, столько хлопотъ, такая коммиссія! И то надо имъ и другое. Я вѣдь не такъ какъ другія матери, вы это знаете; другимъ матерямъ и горя мало, у другихъ и сердце не болитъ, а я ужъ не могу.

— Знаю, матушка, знаю, — возражаетъ добродѣтельная генеральша, — ты примѣрная мать!

Пелагея Петровна вздыхаетъ.

— Теперь вотъ заботишься объ нихъ и ночи не спишь, а утѣшеніе-то еще Богъ знаетъ когда будетъ.

— Правда твоя, матушка, правда.

— Не знаете ли вы, Анна Михайловна, гдѣ бы мнѣ достать этакую гувернантку, чтобъ и нравственность была, и на фортепьяно могла давать уроки, и по-французски бы говорила — это первое условіе, ну и гулять чтобы ходила съ дѣтьми.

— Постой, матушка, — вотъ что мнѣ пришло на умъ, кабы у Авдѣя Сергѣича переманить гувернантку.

— Да можетъ очень дорогая?

— Нѣтъ, онъ платитъ ей рублей 300, не то 400. Дѣвица хорошая, въ разговоры съ гостями не вмѣшивается, — сидитъ или съ дѣтьми, или въ уголку, — свое мѣсто знаетъ. Погоди, я тебѣ, матушка, обработаю это дѣльце.

Гувернантку переманили. Она говоритъ Любочкѣ: тене ву

друатъ, даетъ ей и Петенькѣ уроки на фортепіано, учитъ ихъ по-французски, географіи, исторіи и ариѳметикѣ. Пелагея Петровна довольна ею и держитъ ее въ приличномъ отъ себя отдаленіи.

— Вене иси, — говоритъ ей Пелагея Петровна, — что это у Любочки прыщикъ на лбу?

— Не знаю-съ.

— Какъ же не знаете? Кому же это и знать, какъ не вамъ? Вы должны за дѣтьми хорошенько смотрѣть. Ужъ это, милая, ваша отвѣтственность.

Любочка рѣзвится, бренчитъ на фортепьяно, кое-какъ болтаетъ по-французски и беретъ уроки у танцмейстера. Она въ рожденье маменьки приходитъ утромъ къ ея постели, поздравляетъ ее и говоритъ наизусть басню La cigale et la fourmi, а вечеромъ при гостяхъ танцуетъ по-русски въ сарафанѣ.

— Это сюрпризъ, — говоритъ восхищенная маменька, обращаясь къ гостямъ.

Петенька пресмирный, онъ плохо танцуетъ, онъ совсѣмъ не можетъ разбирать ноты, его способности ограничены.

Любочка безпрестанно ласкается къ маменькѣ, Петруша вообще не ласковъ, и Пелагея Петровна нерѣдко повторяетъ при немъ:

— Какъ же не любить Любочку больше? она ласковое дитя, — а не даромъ говорятъ, что ласковое телятко двѣ матки сосетъ.

Впрочемъ всѣ единогласно находятъ, что у Петруши почеркъ бойкій. Въ день именинъ папеньки онъ подноситъ ему стихи на почтовомъ листѣ, поздравляетъ его и потомъ начинаетъ эти стихи декламировать наизусть.

Въ день ангела священный
Тебѣ, родитель незабвенный, и проч.

Василій Карпычъ растроганъ. Онъ обнимаетъ сына и даритъ гувернанткѣ ситцу на платье. Дашѣ завидно, что на гувернанткѣ обнова, и она начинаетъ коситься на гувер-

нантку и грубить ей; она даже въ одинъ вечеръ намокаетъ барынѣ, что баринъ слишкомъ привѣтливо смотритъ на мамзель и божится, что ситецъ, подаренный бариномъ мамзели, стоитъ рубли два аршинъ. Даша достигаетъ своей цѣли. Ея доносъ дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на Пелагею Петровну. Пелагея Петровна съ этой минуты преслѣдуетъ гувернантку и скоро отказываетъ ей отъ мѣста, пріискавъ заранѣе другую, подешевле...

Утро. Пелагея Петровна кушаетъ кофе. Цвѣтъ лица ея померанцовый, и подъ глазами легкая тѣнь. Даша входитъ.

— Учитель пришелъ, сударыня.

— Французъ! ну такъ мнѣ что за дѣло: пусть его идетъ къ дѣтямъ. (Надо замѣтить, что французскій учитель давно нанятъ для дѣтей).

— Нѣтъ, сударыня, новый учитель, такъ по-русски прекрасно говоритъ, должно быть русскій.

— А-а! пусть подождетъ. Я сейчасъ выйду. Каковъ онъ, Даша?

— Изъ себя недуренъ, сударыня, такой плотный, высокій.

Черезъ четверть часа Пелагея Петровна выходитъ къ учителю. Цвѣтъ ея лица сливочный, а на щекахъ розы.

Учитель лѣтъ 27-ми, во фракѣ съ высокимъ воротникомъ, на рукавахъ пуфы, талія на затылкѣ, фалды ниже колѣнъ, на шеѣ высокій волосяной галстукъ, грудь прикрыта черной атласной манишкой со складками, въ серединѣ манишки яхонтъ, панталоны узенькія и безъ штрипокъ, сапоги со скрипомъ. Онъ франтъ и изъ семинаристовъ. При видѣ Пелагеи Петровны учитель дѣлаетъ шагъ назадъ и кланяется краснѣя.

— Васъ Николай Лукичъ прислалъ ко мнѣ?

Учитель вынимаетъ изъ кармана пестрый фуляръ, отряхаетъ его и сморкается.

— Точно такъ-съ. Онъ-съ.

Пелагея Петровна смотрится въ зеркало и опускается на стулъ.

— Садитесь пожалуйста, — говоритъ она учителю, показывая на другой стулъ.

Учитель спотыкается и садится.

— Вы откуда?

— Я изъ Харькова-съ; теперь состою здѣсь въ званіи учителя.

— Гм!.. мнѣ нужно приготовить сына моего для поступленія въ гимназію; ему 13 лѣтъ. Кстати, вы займетесь и съ дочерью моей географіей и другими науками. Мнѣ Николай Лукичъ говорилъ, что вы всѣмъ наукамъ можете обучать?

Учитель съ педагогическою мрачностью поводитъ бровями.

— Почему же-съ? Я преподаю дѣтямъ не только пріуготовительныя, элементарныя такъ сказать науки, но и высшія, напримѣръ: реторику, алгебру, геометрію, также всеобщую исторію и географію, по принятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ руководствамъ, статистику—по Гейму или по Зябловскому, это почти все равно, разница не велика-съ... ну и латинскій языкъ тоже! безъ него въ гимназію поступить нельзя, необходимо пройти склоненія и отчасти спряженія. Латинскій языкъ есть фундаментъ или лучше сказать корень всѣхъ языковъ, онъ образуетъ вкусъ, ибо всѣ лучшіе классическіе писатели на латинскомъ языкѣ писали. Вотъ Виргилій, Цицеронъ...

— Да знаю, знаю... А почемъ вы за урокъ берете?

Учитель кусаетъ губы и потупляетъ глаза.

— Обыкновенно... цѣна извѣстная-съ: за два часа по пяти рублей.

— По пяти рублей! А мнѣ Николай Лукичъ, кажется, сказалъ, что по два съ полтиной?

— Нѣтъ-съ, какъ можно-съ.

Учитель приподнимается со стула нѣсколько обиженный.

— Право, кажется, пять рублей дорого. Я французу пять рублей плачу. Вѣдь ихъ не Богъ знаетъ какимъ наукамъ обучать. Иное дѣло, если бъ они были побольше, я бы ни слова не сказала, а то вы сами посудите...

— Въ такомъ возрастѣ, сударыня, руководить дѣтскими способностями или лучше сказать развивать въ нихъ зерно талантовъ—это, я вамъ скажу, еще труднѣе.

Учитель пятится назадъ.

— Такъ вы ничего дешевле не возьмете?

— Нѣтъ-съ. Мое почтеніе.

Учитель хочетъ итти.

— По крайней мѣрѣ не можете ли вы два съ половиной часа заниматься съ ними вмѣсто двухъ?

— Это собственно опредѣлить нельзя-съ, иногда долѣе, иногда ровно два часа, смотря какъ...

— Ну ужъ нечего дѣлать. Признаюсь вамъ, я дорожу только рекомендаціей Николая Лукича...

Василій Карповичъ возвращается изъ должности.

— Что, душечка, былъ учитель?

— Да. Я съ нимъ кончила. Съ завтрашняго дня будетъ ходить. Только вообрази, какъ дорого, по пяти рублей за два часа, и ни полушки не хотѣлъ уступить. Такой, право! Но видно сейчасъ, что очень ученый, только, знаешь, всѣ эти ученые пречудаки. У нихъ у всѣхъ пресмѣшныя манеры.

— Оно, конечно, по пяти рублей... впрочемъ что жъ дѣлать!

— Ужъ, я думаю, не взять ли учителя попроще. Право... ну когда будутъ постарше, тогда разумѣется...

— Куда ни шло, душечка!—Василій Карпычъ махаетъ рукой.—Что какой-нибудь рубль или два жалѣть, зато умнѣе будутъ...

Петруша поступаетъ въ гимназію.

— Видишь ли, — говоритъ Василій Карпычъ женѣ и родственникамъ,— хорошо, что мы согласились взять этого учителя. Онъ не дешевъ, такъ; но зато старателенъ, и нечего сказать, мастеръ своего дѣла. Петруша славно выдержалъ экзаменъ — объ этомъ мнѣ самъ директоръ сказывалъ.

Учитель продолжаетъ давать уроки Любашѣ. Онъ уже проходитъ съ нею реторику.

Онъ говоритъ ей о качествахъ, принадлежностяхъ, свойствахъ, дѣйствіяхъ и страданіяхъ, замѣчая, что положеніе предмета можетъ быть величественное, прелестное, живописное и смѣшное.

— Возьмемъ примѣръ хоть прелестнаго.

— Чижъ обращается къ зяблицѣ:

И ей со вздохомъ и слозами,
Носокъ повѣся, говоритъ...

Вы сейчасъ чувствуете, что это выражено прелестно... Не правда ли?

— Да-съ, чувствую, — отвѣчаетъ Любочка.

— Ну... теперь образецъ величественнаго. Баккаревичъ сказалъ: «Россія одѣянна лучезарнымъ сіяніемъ, въ неприступномъ величіи, златовидный шеломъ осѣняетъ чело ся и проч.» Это напримѣръ величественно и выражено возвышеннымъ слогомъ, ибо, какъ увидимъ далѣе, слогъ раздѣляется на простой, среднiй и возвышенный. Проза, изволите видѣть, по противоположности стихамъ и отчасти періодамъ, есть способъ писать, повидимому, безъ всякихъ правилъ, наудачу, безъ всякаго отчету. Кто не имѣетъ никакого слога, тотъ пишетъ прозою, то-есть prosoluta oratione; но кто знаетъ мѣру стиховъ и соразмѣрность періодовъ, по чувству и вкусу, заимствуя нѣчто отъ обоихъ, того проза бываетъ изящною или прекрасною и фигуральною, что увидимъ ниже, говоря о тропахъ и фигурахъ. Къ слѣдующему классу извольте-съ выучить первыя строфы изъ оды: «Россу по взятіи Измаила».

Въ 18 лѣтъ Любочка оканчиваетъ курсъ. Учителю отказываютъ, не доплативъ ему рублей пятьдесятъ изъ слѣдующихъ за уроки.

Любочка дѣвица вполнѣ образованная. У нея между прочимъ пріятный голосокъ. Она безъ всякаго посторонняго пособія выучилась пѣть: «Талисманъ» и «Ты не повѣришь, ты не повѣришь, какъ ты мила». Когда Любочка поетъ, гостьи-барыни, говорящія и не говорящія по-французски, повторяютъ:

— Шарманъ!

А Пелагея Петровна бьетъ рукой тактъ и восклицаетъ въ порывѣ материнскаго восторга:

— Се жоли!

Мамснька вывозитъ Любочку на танцовальные вечера, въ театры, въ концерты, къ фокусникамъ, къ акробатамъ. Любочка съ нею на всѣхъ гуляньяхъ, на всѣхъ процессіяхъ печальныхъ и радостныхъ, на парадахъ и разводахъ. Любоч-

ку въ теченіе шести лѣтъ прокатываютъ ежедневно по Невскому проспекту въ коляскѣ или каретѣ, запряженной четвернею, которую кормятъ овсомъ черезъ день, по случаю дороговизны овса. Любочка съ маменькой извѣстны всему Петербургу. Любочка всегда вытянутая какъ струнка и съ лорнетомъ въ рукѣ: она близорука и цѣлый день все говоритъ о княжнахъ и графиняхъ. Въ продолженіе шести лѣтъ Любочкѣ прибавился только одинъ годъ. Она остановилась на двадцатомъ году. Пелагея Петровна питаетъ непримиримую ненависть ко всѣмъ матерямъ, у которыхъ дочери-невѣсты, и злословитъ ихъ немилосердно. Шесть лѣтъ сряду, она какъ паукъ раскидываетъ вокругъ дочери тонкую паутину и усиливается ловить жениховъ, какъ мухъ. Александра Андреевна — дѣвица гадальщица, все попрежнему раскладываетъ карты и говоритъ, что «Любовь Васильевнѣ выходитъ по картамъ женихъ милліонеръ».

Отъ дѣвокъ и отъ лакеевъ Пелагея Петровна переходитъ къ дочери. Любочка говоритъ:

— Maman, полноте сердиться.

— Нельзя, мой другъ, будешь сама хозяйкой, вспомнишь свою мамашу. Ты знаешь, что я не прихотница, что у меня сердце доброе, да съ ними ангельскаго терпѣнія недостанетъ... Поцѣлуй меня, мой другъ... Постой-ка, пройдись... какъ на тебѣ хорошо платье сидитъ, безподобная эта матерія грогрень, смертельно люблю ее... она такая пышная — прелесть! только держись, душа моя, попрямѣе: вотъ такъ. Пойдемъ ко мнѣ въ комнату... Сядь, дружочекъ, возлѣ меня.

Пелагея Петровна смотритъ на дочь и подозрительно улыбается.

— Что вы это, maman, улыбаетесь? — спрашиваетъ Любочка.

— А ты и не подозрѣваешь, плутовка! — Пелагея Петровна грозитъ пальцемъ. — Ты побѣду одержала, Любочка, поздравляю.

— Надъ кѣмъ, maman?

— А кто съ тобой вчера три раза танцовалъ?

Любочка краснѣетъ.

— Фи, maman, quelle idée!

— Ничего, другъ мой, я за то не браню. Онъ мнѣ очень нравится, такой бельомъ и прекрасныя манеры, къ тому же штабсъ-капитанъ гвардіи... А о чемъ онъ съ тобой говорилъ?

— Ужъ я и забыла... о чемъ бишь? о погодѣ, спрашивалъ, много ли я танцую, часто ли бываю въ театрѣ, люблю ли книги читать.

— И только?

— Только-съ.

— Право?.. Ты должна быть съ матерью откровенна. Мать лучшій другъ нашъ и лучшій совѣтникъ.

— Ей Богу ничего больше не говорила, maman.

— То-то же. Да, мой другъ, я тебѣ все сбираюсь сказать: ты танцуешь прекрасно, я на тебя все вчера смотрѣла, — только будь поразвязнѣе, посвободнѣе въ движеніяхъ. Тебѣ надо взять кого-нибудь за образецъ въ манерахъ... вотъ, напримѣръ — эту княжну, что мы встрѣчаемъ на Невскомъ, — замѣть, какая у нея турнюра и копируй. Подражать хорошему не стыдно, дружочекъ... или... чего ближе? Юлія Карловна: у нея такіе самые свѣтскіе пріемы — какъ взойдетъ, какъ взглянетъ. Зато ужъ прошлое лѣто на дачѣ и возвысили ее... Всѣ самыя знатныя дамы брали ее за руку. — Примѣчай, милая моя, какъ она держитъ себя.

— Слушаю, maman.

Любочка цѣлуетъ ручку у маменьки.

Петенька кончаетъ курсъ въ гимназіи. Папенька опредѣляетъ его въ департаментъ. Петенька необыкновенно трудолюбивъ и въ короткое время заслуживаетъ лестныя похвалы со стороны начальства. Несмотря на это, Пелагея Петровна вѣчно недовольна имъ.

— Удивляюсь тебѣ, Петенька, — говоррить она, — ничто тебя не занимаетъ, что́ бы должно занимать въ твои лѣта, напримѣръ, балы, собранія, этотъ свѣтскій блескъ. Мнѣ просто за тебя стыдно: войти не умѣешь, какой-то сгорбленный, на молодого человѣка совсѣмъ не похожъ; я и старше тебя, да прошедшій разъ въ лѣтнемъ саду сижу на скамейкѣ съ Любочкой, вдругъ подходитъ къ намъ дама прекрасно

одѣтая, самаго лучшаго тона и спрашиваетъ у меня, показывая на Любочку: что это сестрица ваша? Нѣтъ, я говорю, дочь. Она такъ и ахнула и вѣрить не хотѣла. А ты только что изъ школы вышелъ, а выглядишь лѣтъ тридцати. И танцовать до сихъ поръ не умѣешь, путаешься во французской кадрили. Вѣдь тебѣ горя мало, а все это падаетъ на мать; мать, говорятъ, не умѣла воспитывать.

— Что жъ дѣлать? я, маменька, не люблю танцовать, — возражаетъ Петенька.

— Прекрасно! И не стыдится признаваться въ этомъ! Ну, что объ тебѣ станутъ говорить въ свѣтѣ? и что у тебя за знакомство такое? какіе-то живописишки и всякая дрянь. Нѣтъ чтобы завести знакомство хорошее, приличное своему званію. Посмотри, какъ другія дѣти утѣшаютъ своихъ родителей, а ты — ты чѣмъ меня до сихъ поръ утѣшилъ? Какое пожертвованіе сдѣлалъ для матери? Просила въ военную службу итти — не пошелъ: въ чернилахъ, небось, лучше мараться! Никакихъ высокихъ чувствъ у тебя нѣтъ, ты какой-то флегма, совсѣмъ не въ меня родился.

— Я, кажется, стараюсь вамъ угождать, маменька.

— Чѣмъ, батюшка? чѣмъ? позвольте узнать. Желала бы я, чтобъ ты посмотрѣлъ на сына Анны Николаевны: этотъ, можно сказать, утѣшаетъ свою мать — такъ и сидитъ цѣлый день съ ней и глазъ съ нея не спускаетъ, голубчикъ. Это нравственность! Малѣйшія желанія матери предупреждаетъ. Говоритъ, маменька-голубушка, у меня, говоритъ, нѣтъ своей воли, я, говоритъ, дѣлаю только то, что вамъ угодно. Надъ такими дѣтьми и благословеніе Божіе. У меня вчужѣ глядя на него сердце радуется... и не знаю, право, чѣмъ Анна Николаевна лучше другихъ Богу угодила!

— Маменька, я службой занятъ, я не могу быть такъ часто при васъ. Вы это знаете.

— И не требую, батюшка! Богъ съ тобой. Если твои бумаги тебѣ дороже матери...

— Какъ же это можно, маменька?

— Почему же? Нынче дѣти стали умнѣе родителей, они

сами лучше обо всемъ разсуждаютъ, нынче сплошь да рядомъ яйца курицу учатъ....

По воскресеньямъ у Пелагеи Петровны танцы. Штабсъ-капитанъ, протанцовавшій три раза съ Любочкой, играетъ на этихъ вечерахъ первую роль. Иногда для этихъ вечеровъ Пелагея Петровна занимаетъ по двѣсти и по триста рублей у знакомыхъ, потому что у нея нѣтъ ни копейки. Къ Пелагеѣ Петровнѣ раза три въ недѣлю является торговка. Торговка эта толстая, низенькая, съ прыщами на носу. У нея Пелагея Петровна забираетъ товары въ долгъ для себя и для дочери. Торговка за все беретъ втрое и дѣлится, по полученіи денегъ, съ Дашей.

— Ильинишна, что это такое? — спрашиваетъ Пелагея Петровна у торговки, вынимая изъ груды гроденаплей и ситцевъ листъ, кругомъ исписанный.

— Это, матушка, ерестръ жениховъ. У насъ часто купеческія вдовы и дѣвицы интересуются женихами, да и изъ благородныхъ нынче много спрашиваютъ.

Пелагея Петровна смѣется и смотритъ на дочь. Любочка краснѣетъ.

— Что вы, матушка, смѣетесь, да у меня женихи не шваль какая-нибудь, — все чиновные и съ орденами — и Любовь Васильевнѣ вашей изъ этого ерестра не стыдно выбрать любова. Право, почитайте-ка, сударыня.

Пелагея Петровна читаетъ съ насмѣшливой улыбкой:

1) Надворный Совѣтникъ Козма Егорычъ Жданковъ 43 лѣтъ. Исправляетъ должность Начальника отдѣленія въ ** Департаментѣ; имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ; ордена Св. Анны 3 степени, Св. Владиміра 4 и Св. Станислава на шеѣ. Пользуется казенной квартирой, имѣетъ все домашнее обзаведеніе и получаетъ около 2500 ежегодно, кромѣ денежныхъ награжденій.

2) Коллежскій Совѣтникъ Купреянъ Иванычъ Наливочкинъ, 56 лѣтъ, Правитель канцеляріи въ **, у него знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, Анна на шеѣ, Владиміръ въ петлицѣ, квартира казенная, жалованья 3000, денежныя награжденія черезъ два года. Представленъ къ ко-

ронѣ на Анну. Вдовецъ. Послѣ покойной жены имѣетъ слѣдующія вещи, а именно:

1) Лисій салопъ съ большимъ воротникомъ. 600 р.
2) Подушекъ пуховыхъ для двухъ-спальней постели 6, въ чехлахъ изъ розоваго демикотону; наволочки къ нимъ декосовыя, съ фалбарами 3 перемѣны, — считая по умѣренной цѣнѣ . . . . 225 р.
3) Одѣяло для двухъ-спальней же постели стеганое атласное. . . . . 100 р.

— Какія глупости!

Пелагея Петровна, улыбаясь, бросаетъ реестръ.

— Что за глупости, сударыня, — перебиваетъ торговка, — а вотъ здѣсь (она беретъ реестръ и водитъ пальцемъ) противъ каждой фамиліи отмѣчено, какихъ они желаютъ имѣть невѣстъ, сколько приданаго. Козьма Егорычъ — этотъ, что первый въ спискѣ, — прекрасный, я вамъ скажу, баринъ, балагуръ такой, а ужъ чистоплотный, франтъ, — какія у него манишки, жилеты...

Торговка обращается къ Любочкѣ.

— Вамъ, Любовь Васильевна, женишка-то пора, ей Богу, — только я знаю, вамъ все военные нравятся? Охъ ужъ вы мнѣ, барышни!

Любочка молчитъ и отворачивается отъ торговки съ неудовольствіемъ.

А торговка права. Любочка мечтаетъ въ эту минуту о штабсъ-капитанѣ.

Штабсъ-капитанъ человѣкъ образованный. Онъ читаетъ Поль-де-Кока, знаетъ наизусть множество водевильныхъ куплетовъ и рукописныхъ стишковъ и начало второй части «Кавказскаго Плѣнника». Онъ въ восторгѣ отъ Марлинскаго и говоритъ, что хотя Пушкинъ послѣднее время исписался, но все еще *иль фе де жоли веръ*. Штабсъ-капитанъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, которые никогда не старѣются, потому что довольны всѣмъ на свѣтѣ и болѣе всего довольны сами собою. Въ полку его называютъ умнымъ малымъ и

славнымъ товарищемъ; въ обществѣ любезнымъ кавалеромъ. Пелагея Петровна души въ немъ не слышитъ. Она говоритъ про него Петенькѣ, который произведенъ въ столоначальники:

— Вотъ это я называю образцовый молодой человѣкъ! Если бы у меня былъ такой сынъ, я считала бы себя вполнѣ счастливой. Онъ умѣетъ найтиться со всѣми, нигдѣ себя не уронитъ. Съ дамами говоритъ о нарядахъ, о балахъ; съ дѣловыми людьми объ дѣлахъ, съ сочинителями объ учености.

Штабсъ-капитанъ женится на Любочкѣ, полагая, что за ней въ приданое дадутъ душъ 400 или 500 и получаетъ всего только 80 и то заложенныхъ. Пелагея Петровна, отдавая дочь, воображаетъ, что у штабсъ-капитана 700 душъ, а на повѣрку оказывается всего 200 и то разоренныхъ. Начинаются ссоры между маменькой, дочкой и зятемъ. Василій Карпычъ умираетъ въ чинѣ статскаго совѣтника, оставляя болѣе ста тысячъ въ долгу. — Его имѣнія продаютъ съ аукціоннаго торга.

Петруша говоритъ маменькѣ, что ея дѣла разстроены, что ей надобно жить умѣреннѣе: продать все лишнее, какъ-то: экипажъ, лошадей, отпустить прислугу, нанять небольшую квартиру и прочее.

Пелагея Петровна мечется на диванѣ, кричитъ и плачетъ:

— Вотъ до чего я дожила! Сынъ, сынъ даетъ мнѣ на старости лѣтъ наставленія какъ жить! Ты меня убить хочешь, злодѣй! Утѣшенія еще отъ васъ не видала, хотя всю жизнь мою вамъ пожертвовала, а теперь должна пить отъ васъ горькую чашу... Отпустить лошадей! Что жъ мнѣ, пѣшкомъ прикажешь ходить?.. Я жила барыней вѣкъ свой и не хочу равняться съ какой-нибудь подлой нищей. Хорошъ сынокъ! Вмѣсто того, чтобы утѣшить маменьку въ тяжкой потерѣ, вмѣсто того, чтобы сказать: голубушка маменька, живите какъ жили при папенькѣ, а я съ своей стороны буду помогать вамъ,—онъ, безсовѣстный человѣкъ, изволитъ читать мнѣ наставленія объ умѣренности... Что тебѣ за дѣло до моего состоянія? Развѣ я просила у тебя денегъ? я кормила тебя на свой счетъ, неблагодарный... Отпустите лошадей, прислугу! какъ у тебя языкъ поворотился сказать мнѣ это?

Пелагея Петровна упадаетъ на мягкій диванъ, стонетъ и требуетъ доктора. За докторомъ посылаютъ, но докторъ не ѣдетъ—«потому что,—говоритъ онъ,—мнѣ за три года за визиты не заплачено, а даромъ ѣздить не намѣренъ. У меня лошади сѣна требуютъ, а за сѣно нынче по рублю за пудъ берутъ».

Петруша неподвижно стоитъ у дивана, на которомъ лежитъ его мать. У него слезы смѣшиваются съ холоднымъ потомъ. Его впалыя щеки болѣзненно блѣдны.

Вскорѣ послѣ этого Петруша принужденъ переѣхать на казенную квартиру. Пелагея Петровна на свободѣ живетъ еще роскошнѣе прежняго, и, какъ всегда, дворецкій Илья и горничная Даша пользуются ея неограниченною довѣренностью. Съ истиннымъ другомъ своимъ, съ генеральшей, она побранилась за картами и говоритъ про нее: «Это, можно сказать, самая низкая женщина». Съ дочерью и съ зятемъ она въ явной враждѣ, сына видѣть не хочетъ. Любимая тема ея разговора, когда къ ней соберутся барыни, бранить своихъ дѣтей.

— Прости Господи согрѣшеніе! — говоритъ она, — лучше бы Господь прибралъ ихъ. Они меня преждевременно въ гробъ сведутъ.

Пелагея Петровна обращается къ барынямъ:

— Если бы не вы, мои родныя...

Пелагея Петровна всхлипываетъ.

— Я не знала бы что дѣлать въ моемъ одиночествѣ.

Барыни подносятъ платки къ глазамъ и хоромъ повторяютъ:

— Ахъ, Пелагея Петровна, да какъ тебя бросить, — насъ Богъ бы бросилъ; у насъ сердце изныло, глядя на тебя, матушка. Отъ своихъ дѣтей этакую участь терпѣть! слыхано ли это! какихъ злодѣевъ, подумаешь, нѣтъ на свѣтѣ!..

Проходитъ еще годъ. Пелагеѣ Петровнѣ рѣшительно нечѣмъ жить.

Она впадаетъ въ совершенную нищету. Кредиторы не отступаютъ отъ нея, и она отдаетъ имъ свою смоленскую деревню.

Даша (давно получившая вольную за свою службу) и дворецкій Илья (выкупленный Пелагеею Петровною) отходятъ отъ нея. Дворецкій Илья записывается въ цехъ и открываетъ лавочку. Говорятъ, у него порядочный капиталъ.

Пелагея Петровна занемогаетъ, Петруша перевозитъ ее къ себѣ.

— Нѣтъ, матушка, — говоритъ ей старуха, ухаживающая за нею. — Нѣтъ, нечего грѣха на душу брать, Петръ Васильевичъ хорошій человѣкъ и любитъ васъ.

— Еще бы,—возражаетъ Пелагея Петровна,—родной сынъ, да чтобъ не любилъ! Куда жъ бы онъ тогда годился.

И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пелагея Петровна умираетъ на рукахъ сына. Онъ проситъ у казначея впередъ свое жалованье — и на эти деньги устраиваетъ похороны матери на барскую ногу.

Любочка пріѣзжаетъ на выносъ, но на кладбище не можетъ ѣхать, потому что очень разстроена. Одинъ Петруша, въ сопровожденіи старухи, ходившей за больной, да нѣсколько любительницъ похоронъ провожаютъ гробъ Пелагеи Петровны.

И въ послѣднее жилище, какъ настоящую барыню, ее отвозятъ четвернею.

Погребеніе кончается. Смерть—великая примирительница. Петруша входитъ на ступеньки катафалка и глядитъ на мать съ мучительною скорбью. Дьяконъ возглашаетъ: «во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшей рабѣ твоей... и сотвори ей вѣчную память!» И хоръ повторяетъ грустно и торжественно: «вѣчная память!»

Петруша прижимается къ холодной рукѣ усопшей и обливаетъ ея руку горькими слезами.

Петруша возвращается съ похоронъ пѣшкомъ на свою квартиру. Тяжело ему. У него не выходитъ изъ головы искаженное страданіями лицо умершей, кладбище въ лѣсу, полуобнаженномъ осенними бурями, и драка нищихъ за брошенныя имъ деньги. Еще въ ушахъ его раздаются звуки погребальнаго пѣнія, стукъ гробового молота и вопли какой-то женщины надъ давно заросшею могилою... Первый разъ про-

буждается въ немъ внутреннiй голосъ. Первый разъ ясно представляется ему его прошедшее. Онъ спрашиваетъ самого себя:

— Неужели это жизнь?

И вслѣдъ за этимъ страннымъ вопросомъ у него рождаются другiе, еще страннѣе.

Стѣнные часы бьютъ шесть.

Онъ вздрагиваетъ. Какъ скоро прошло время! Онъ смотритъ на свою комнату. Вотъ его письменный столъ, а на столѣ сѣрая бумага, съ ярлыкомъ къ докладу... къ завтрашнему утру ему надо приготовить, по порученiю начальника отдѣленiя, нѣсколько бумагъ, не терпящихъ отлагательства. Онъ садится къ столу и пишетъ:

«На почтеннѣйшее отношенiе Вашего Высокопревосходительства имѣю честь»... и прочее.

БАРЫШНЯ.

«. . . . . Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала?
«А я такъ за уши драла?»
— А я такъ пряникомъ кормила?
(*Евгеній Онѣгинъ*).

ГЛАВА I.

Вступленіе.

Моя барышня — настоящая барышня. Отъ нея безъ ума маменька и папенька... Но прежде надо сказать, что такое маменька. Маменька — простая, добрая и толстая русская барыня. Отъ нея въ свое время были также безъ ума папенька и маменька, — папенька богатый помѣщикъ, извѣстный во всей губерніи суровостью и крутостью нрава, знаменитый псовый охотникъ. Маменька — добрая и слабая женщина, которая не имѣла никакой власти въ домѣ и дрожала отъ страха при видѣ своего супруга съ вѣчно нахмуренными бровями и вѣчно вооруженнаго арапникомъ. (Впрочемъ, она никогда не жаловалась на свою участь — и въ самыя горькія минуты своей жизни разсуждала такъ: «На то онъ мнѣ мужъ, чтобъ съ меня взыскивать... И законъ мнѣ велитъ ему повиноваться»). Бывало, глядя на свою Лизу съ невыразимою нѣжностью и гладя ее по курчавой головкѣ, она говорила: «Не хочешь ли покушать чего-нибудь, ненаглядное мое сокро-

вище?..» И потомъ съ безпокойствомъ прибавляла: «Похудѣла ты что-то у меня, душенька... Мало ты совсѣмъ кушаешь... Вотъ тебѣ пирожокъ, я испекла его своими руками...» И въ дрожащихъ звукахъ ея голоса сколько было чувства и любви!

Чѣмъ болѣе такого рода матери любятъ дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе онѣ ихъ кормятъ. Бывали примѣры на Руси, что матери изъ любви закармливали дѣтей своихъ до болѣзни или до смерти. Странное выраженіе любви!..

Бабушка моей барышни не хлопотала о воспитаніи своей дочки. «Что мучить ребенка по пустому!—говорила она,—добро бы еще мальчикъ, — ну, мальчику еще куда ни шло, а дѣвочкѣ вовсе не слѣдъ пичкать голову разными вздорами; только чтобъ у нея чувство было — это главное, да чтобъ была доброй женой и хорошей хозяйкой, а на остальное на все наплевать. Я вѣкъ свой прожила безъ ученья, благодаря Бога...»

Дѣдушка еще менѣе хлопоталъ о ея воспитаніи. Дѣдушка любилъ свою дочку, потому что она иногда служила для него развлеченіемъ въ свободное отъ охоты время. Онъ тѣшился ею, какъ тѣшился своими лягавыми и гончими.

Однажды, навеселѣ, окруженный ватагою полупьяныхъ пріятелей, онъ неожиданно съ охоты нагрянулъ домой... Дома продолжалась попойка. Шумъ, крикъ, гамъ. Весь домъ ходилъ ходенемъ. Уже шутъ Васька, давно мертвецки пьяный, въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ и съ шлемомъ на головѣ, валялся на полу; уже два гостя еле держались на стульяхъ и готовы были послѣдовать примѣру Васьки. Вдругъ дѣдушка, въ шестой разъ наполнивъ позолоченный старинный кубокъ, закричалъ зычнымъ голосомъ:

— Малой!.. — И всѣ малые вздрогнули при этомъ голосѣ. — Позвать сюда барыню и сказать ей, чтобъ, молъ, она привела съ собою барышню, что будутъ-дескать пить за ихъ здоровье. Слышишь?

Пять сѣдыхъ исполиновъ въ одно мгновеніе бросились изъ комнаты исполнять приказаніе барина.

Барыня явилась.

— А гдѣ же Лиза? — вскрикнулъ баринъ, косо взглянулъ на жену...

— Лиза, Иванъ Васильичъ, почиваетъ, — отвѣчала жена, — уже болѣе двухъ часовъ, какъ няня уложила ее въ постельку... У нея, у бѣдняжки, цѣлый день болѣла головка...

— Вздоръ! принести ее сюда!

Она вышла изъ залы и черезъ нѣсколько минутъ снова явилась, неся на рукахъ четырехлѣтнюю дѣвочку, которая хныкала и терла ручонками заспанные глаза. На глазахъ матери дрожали слезы...

— Ну, давай ее сюда ко мнѣ на руки!..

Мать хотѣла что-то возразить, но слова замерли на языкѣ ея, и она безмолвно повиновалась.

Иванъ Васильичъ, охвативъ дочь лѣвою рукою, въ правую руку взялъ бокалъ, поднялъ его и, обведя взоромъ собраніе, произнесъ:

— А теперь мы выпьемъ за здоровье моей наслѣдницы, да чуръ выпивать до дна.

— Лизаветѣ Ивановнѣ многая лѣта! — Онъ самъ выпилъ кубокъ и опрокинулъ его, какъ будто для доказательства, что въ немъ не осталось ни капли.

— Многая лѣта, многая лѣта! — хоромъ затянули гости, осушая свои бокалы.

Дѣвочка со сна, испуганная этими криками и видя вокругъ себя все незнакомыя лица, начала вырываться изъ рукъ отца и плакать...

— Тсс! У меня на рукахъ не смѣть ревѣть... Ну, кланяйся и благодари гостей.

Иванъ Васильичъ поставилъ Лизу на столъ, загроможденный стаканами и бутылками, и наклонилъ ея голову сначала направо, потомъ налѣво.

— Слышишь, Лизавета, — продолжалъ Иванъ Васильичъ, — у меня смотри... у меня ни-ни!.. Ну, хочешь подброшу?

Онъ ущипнулъ дочь за щеку и въ самомъ дѣлѣ схватилъ ее на руки, чтобъ подбросить...

— О, Бога ради! — простонала несчастная мать, бросаясь къ Ивану Васильичу, чтобъ выхватить ребенка изъ рукъ его. — Въ своемъ ли ты умѣ? Ты навѣкъ ее можешь сдѣлать уродомъ...

— Прочь, баба! — загремѣлъ Иванъ Васильичъ, съ сердцемъ оттолкнувъ жену и высоко, какъ мячикъ, подбросилъ Лизу почти къ самому потолку, при общемъ и единодушномъ хохотѣ.

Мать вскрикнула и закрыла глаза руками.

Но Лиза уже была въ объятіяхъ отца...

— Ну, чего испугалась? — сказалъ Иванъ Васильичъ, обратясь къ женѣ, — чего глаза-то закрыла? Не понимаешь что ли, что я играю съ ребенкомъ? Охъ вы мнѣ, нѣженки!.. Ну возьми ее да отправляйтесь на свою половину, а насъ оставьте погулять...

Мать съ быстротою молніи схватила Лизу, крѣпко прижала къ груди своей и выбѣжала изъ комнаты.

Такого рода сцены повторялись не разъ. Лиза, благодаря Бога, не сдѣлалась уродомъ. Лиза, оставленная на произволъ природы, росла и наливалась, какъ здоровый плодъ, не по лѣтамъ, а по часамъ... Въ шестнадцать лѣтъ она была завидная невѣста, — настоящая русская красавица: и круглa, и бѣла, и румяна. Станъ ея, можетъ статься, былъ немножко толстоватъ, но это потому, что она никогда не нашивала корсета. Образованіе ея было окончено. Она въ ариѳметикѣ дошла до дѣленія и умѣла по-русски читать и писать. Первыя три правила ариѳметики ей пригодились въ жизни за вистомъ и за преферансомъ; умѣнье читать не послужило ни къ чему, потому что кромѣ «Новѣйшей и полнѣйшей стряпухи» она не имѣла ни случая, ни потребности читать книжки... Зато она помогала матери варить варенье, дѣлать желе и пастилу. Она вообще обнаруживала хозяйственные таланты, и по особенному способу приготовляемая ею яблочная пастила скоро прославила ее въ цѣлой губерніи.

Отецъ, глядя на нее, съ самодовольствомъ обыкновенно говаривалъ:

— Эка пышка!

И потомъ, обращаясь къ своему гостю и указывая на дочь, прибавлялъ:

— Что, дружище, кажется, не ударилъ себя лицомъ въ грязь? а? Дѣвочка-то я тебѣ скажу! Оно все бы, конечно, сынишка лучше, да впрочемъ... Съ мальчишками возни много. Куда съ ними дѣнешься? Что такое нынѣшнее воспитаніе? Куда оно годится?.. Дѣвчонку, по крайней мѣрѣ, сбылъ съ рукъ, да и концы въ воду. Выйдетъ замужъ, такъ и отрѣзанный ломоть. Это что? (онъ снова указывалъ на дочь), это вѣдь такой товаръ, что дома не залежится...

Иванъ Васильичъ былъ правъ. Въ двадцать три года Лиза вышла замужъ за отставного майора, Евграфа Матвѣича Ветлина, человѣка отлично добронравнаго, съ брюшкомъ, и страстнаго охотника до всего съѣстного вообще и до яблочной пастилы въ особенности. Лиза переѣхала въ губернскій городъ. Лиза изъ уѣздной барышни сдѣлалась губернской барыней и завелась своимъ хозяйствомъ. Иванъ Васильичъ вскорѣ послѣ ея брака скончался отъ удара, покушавъ за ужиномъ не въ мѣру и тотчасъ же послѣ ужина разсердясь за что-то не въ мѣру на своего буфетчика. А жена его черезъ годъ послѣдовала за нимъ; тоска по мужѣ свела ее въ могилу. «И побранить-то меня теперь некому», часто говорила она, заливаясь слезами. Мысль о будущихъ внучкахъ поддерживала еще немного ея существованіе; но неисповѣдимымъ судьбамъ угодно было, чтобъ Лизавета Ивановна забеременѣла не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ ея смерти. Старушка умирала спокойно, тихо, въ полномъ сознаніи, что она, по мѣрѣ силъ своихъ, исполняла на землѣ долгъ христіанки, то-есть была всегда послушною и вѣрною женою и доброю матерью... Она пріобщилась за часъ до своей смерти... это было въ теплый и тихій майскій вечеръ... Окна ея спальни, выходившія въ садъ, были открыты... Весенній воздухъ, растворенный запахомъ черемухи, освѣжалъ лицо умиравшей, потухавшая заря освѣщала комнату своимъ яркимъ румянцемъ... Лизавета Ивановна сидѣла на стулѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ и прислонясь лицомъ къ подоконнику.

Супругъ стоялъ близъ нея, заложивъ пальцы за обшлага своего сюртука, и безпрестанно говорилъ супругѣ: «полноте-съ, полноте-съ», — а слезы такъ и катились по его доброму и взрытому рябинами лицу. Старушка подозвала ихъ къ себѣ, поцѣловала и благословила; Евграфъ Матвѣичъ произнесъ всхлипывая: «Маменька, будьте покойны касательно Лизаветы Ивановны; я все употреблю, повѣрьте, чтобъ сдѣлать ихъ счастливыми...» (Евграфъ Матвѣичъ, несмотря на то, что былъ женатъ два года, никакъ не могъ говорить женѣ ты). И онъ, произнеся этотъ обѣтъ, не удержался и зарыдалъ. Старушка сказала слабѣющимъ голосомъ: «Не плачьте, мои голубчики, я иду къ моему Ивану Васильичу...» Послѣднее слово старушки было имя ея мужа.

Послѣ смерти ея супруги погрустили, поплакали, и — пораздумавъ немножко, занялись устройствомъ своихъ дѣлъ. Покойный Иванъ Васильичъ былъ разоренъ псами, на имѣніи было пропасть долгу. Супруги, посовѣтовавшись, продали большую половину имѣнія, уплатили долгъ, и оставили только въ своемъ владѣніи одно село Ивановское, Брыскую-Топь-тожъ.

— Распоряжайтесь всѣмъ по своей волѣ, — говорила Лизавета Ивановна мужу, — но ужъ это село оставьте неприкосновеннымъ. Въ немъ родилась я, въ немъ и умереть хочу. Тутъ лежитъ прахъ моихъ родителей. Такъ, если бъ мы его продали, насъ бы громомъ убило да и люди въ глаза бы намъ наплевали.

Умилительно было видѣть картину домашней жизни Лизаветы Ивановны въ первые года замужества. Супруги, казалось, созданы были другъ для друга.

Они ни въ чемъ не противорѣчили другъ другу, такъ сходны были ихъ понятія и образъ мыслей... Только однажды и то нечаянно супругъ огорчилъ супругу. Лизавета Ивановна вязала чулокъ, Евграфъ Матвѣичъ раскладывалъ гранъ-пасьянсъ. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— А знаете, голубчикъ, вѣдь то, о чемъ я загадалъ, вышло...

Онъ всегда звалъ супругу голубчикомъ, а она звала его голубошкой или дружочкомъ.

— А о чемъ вы загадали, дружочекъ?

— Будто ужъ вы не догадываетесь?

Евграфъ Матвѣичъ пришелъ въ замѣшательство и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, не догадываюсь.

— Насчетъ того, понимаете?

— Насчетъ чего?

Евграфъ Матвѣичъ наклонился къ уху Лизаветы Ивановны и сказалъ шопотомъ:

— Насчетъ того, голубчикъ, чѣмъ насъ Богъ обрадуетъ — сынкомъ или дочкой.

Лизавета Ивановна въ свою очередь пришла въ замѣшательство и покраснѣла.

— Что же вышло? — робко прошептала она, — сынокъ или дочка?

— Сынокъ.

— Неужто сынокъ?.. Такъ, стало-быть, вамъ бы хотѣлось сынка?

— Признаюсь откровенно.

— Отчего же сынка? Ну, а если будетъ дочка, такъ, стало-быть, вы ее и любить не станете?

— Какъ же это можно? За какое вы чудовище меня принимаете? Чтобъ я не любилъ свое дитя!.. А видите ли, сынка я натурально больше потому желаю, что это по моей части... Я бы его самъ обучалъ... всему, чему слѣдуетъ... и опредѣлилъ бы его въ тотъ полкъ, въ которомъ самъ началъ службу...

Воображеніе Евграфа Матвѣича разыгралось... маленькіе, сонные глазки его одушевились... Онъ продолжалъ:

— И вышелъ бы онъ въ офицеры... этотъ клопъ-то, котораго вы на рукахъ носили... Представьте себѣ: офицеръ, со шпагой и съ эполетами и въ шарфѣ!.. ну, словомъ, офицеръ въ полной формѣ, какъ слѣдуетъ!.. Этакій молодецъ рослый, плечистый!..

— Чтобъ я отдала его въ военную службу! — вскрикнула

Лизавета Ивановна.—Сохрани Господи!.. Чтобъ онъ въ походъ пошелъ да чтобъ его на сраженіи убили!..

Евграфъ Матвѣичъ посмотрѣлъ на супругу съ упрекомъ.

— Такъ чѣмъ же ему быть, съ позволенія сказать, приказной строкой, что ли, чтобъ у него руки были въ чернилахъ измараны?.. Какъ же это можно!

— И по штатской службѣ можно до большихъ чиновъ дослужиться,—возразила Лизавета Ивановна.

— Какихъ чиновъ ни дослуживайся, а все штатскій...—замѣтилъ Евграфъ Матвѣичъ.

— Нѣтъ, лучше вы мнѣ и не говорите!—возразила Лизавета Ивановна,—ужъ какъ вы хотите, а сынъ нашъ пойдетъ по штатской части.

ГЛАВА II.

Рожденіе барышни и ея дѣтство.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора Лизавета Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочкою.

— Ну, что, Пелагея Ильинишна, что Богъ далъ?—въ одинъ голосъ закричали дворовыя дѣвки, бросаясь навстрѣчу старухи-няни.

— Нишните, голубушки, нишните... Охъ, всѣ косточки разломило... устала... дайте отдохнуть.

Няня сѣла на стулъ.

— Помучилась, моя сердечная, да и насъ-то помучила. Ну, да теперь слава Богу.

— Да скажите, Пелагея Ильинишна, что же Богъ далъ?

Дѣвки съ любопытствомъ обступили няню и смотрѣли на нее вытараща глаза. Няня перевела духъ и произнесла:

— *Барышню.*

— А что, Пелагея Ильинишна,—замѣтила Матреша, которая была побойчѣе, покрасивѣе и почище другихъ,—а вы намъ все говорили, что по всѣмъ вашимъ примѣтамъ будетъ барченокъ... Вотъ вамъ и барченокъ!..

— Ужъ ты мнѣ, быстроглазая!.. Пелагея Ильинишна! Пелагея Ильинишна! Языкъ-то безъ костей, такъ все пустяки мелетъ... Барченокъ!..—И потомъ няня продолжала, какъ будто про себя. — Слава Богу, маменьку вынянчила, такъ вотъ теперь дочку привелось нянчить.

Въ этотъ же вечеръ, съ радости, старуха порядочно выпила, такъ что уже не могла показаться въ комнаты; она дремала въ людской у стола, нѣсколько покачиваясь и безпрестанно облизывая губы... Дѣвки, стоя вокругъ стола, поддразнивали ее, подсмѣивались надъ нею и потомъ пересмѣхались между собою. А она безпрестанно повторяла сквозь зубы и какъ будто сквозь сонъ:

— Зубоскалки вы проклятыя... чего это обрадовались?.. зубоскалки...

— Что? не угодила я вамъ, голубушка? — шептала Лизавета Ивановна своему супругу слабымъ голосомъ, — вѣдь вамъ хотѣлось сынка?

— А Богъ съ нимъ, съ сыномъ! — отвѣчалъ супругъ, съ лицомъ, сіявшимъ радостью. — Я и дочку буду любить, голубчикъ, такъ же, какъ любилъ бы сына... Еще за сына, можетъ быть, мы бы ссорились (Евграфъ Матвѣичъ, произнося это дурное слово, старался какъ можно пріятнѣе улыбнуться); а объ дочкѣ у насъ споровъ не будетъ... Дочка по вашей части...

Крестины праздновались съ шумомъ... Воспріемникъ новорожденной былъ губернаторъ: воспріемницею — вице-губернаторша... Новорожденную нарекли Катериной, въ честь отцовой тетки. Гости за обѣдомъ были необыкновенно любезны. Они безпрестанно повторяли:

— Красавица у васъ будетъ дочка, Лизавета Ивановна! безприданница... И здоровенькая такая, Богъ съ нею!

Вице-губернаторша была любезнѣе всѣхъ гостей... Она, по крайней мѣрѣ, разъ пятнадцать повторила:

— У васъ, милая Лизавета Ивановна, дочка, а у меня сынокъ... Вотъ вамъ и женихъ съ невѣстой.

Обѣдъ былъ на славу и продолжался часовъ пять сряду. Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна, какъ истинно-рус-

скіе люди, отличались хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Евграфъ Матвѣичъ самъ не сидѣлъ за столомъ, а все ходилъ около стола и угощалъ гостей, приговаривая: «сдѣлайте одолженіе, еще кусочекъ...» и кланялся. Лизавета Ивановна повторяла дамамъ то же.

Къ концу обѣда нѣсколько пробокъ съ шумомъ полетѣли въ потолокъ...

— Вотъ и артиллерійское ученье начинается, — остроумно замѣтилъ, крутя високъ, одинъ изъ гостей, отставной поручикъ. Другой гость балагуръ (изъ семинаристовъ), замѣнявшій старинныхъ шутовъ съ шлемами и бубенчиками, всталъ и, обратясь къ Евграфу Матвѣичу и Лизаветѣ Ивановнѣ, съ поднятымъ бокаломъ произнесъ:

День восторга, восхищенья—
Вашей дщери днесь крещенье!
Всѣ несутъ къ вамъ поздравленья.
На Парнасѣ девять музъ
Превозносятъ вашъ союзъ...
Родилась десята муза
Отъ прекраснаго союза.
Веселитесь и ликуйте,
День сей дивный торжествуйте!
Веселися домъ Евграфе.
Веселися, но не въ мале!

Стихотвореніе было длинное. Въ немъ заключалась тонкая и лестная похвала родителямъ, въ особенности же воспріемникамъ, которыхъ семинаристъ между прочимъ величалъ «знаменитыми сановниками и представителями христіанскаго человѣчества». Оно оканчивалось слѣдующимъ пятистишіемъ:

Хоть ода нѣсколько быть-можетъ и слаба,
Безъ реторическихъ прикрасъ, безъ ухищренья,
Но да не взыщется съ нижайшаго раба
За искреннее чувствъ живѣйшихъ выраженье.

Когда семинаристъ кончилъ и выпилъ бокалъ, обведя взоромъ собраніе... страшный шумъ рукоплесканій, хохотъ и одобрительные крики потрясли столовую... А семинаристъ,

положа руку на сердце, кланялся низко на всѣ стороны и повторялъ съ самодовольною улыбкою:

— Не достоинъ, не достоинъ!..

Послѣ обѣда, когда всѣ гости вышли изъ столовой и разбрелись по другимъ комнатамъ, въ то время, какъ лакеи собирали со стола, доѣдая и долизывая барскіе остатки, няня, какъ старшая въ домѣ, подъ предлогомъ надзора за людьми, все прохаживалась кругомъ стола и допивала оставленное въ стаканахъ и рюмкахъ вино... Вечеромъ же, въ людской, при собраніи всей дворни, подплясывая и прищелкивая руками, напѣвала:

Ай люли, ай люли,
Ай вы люшеньки мои!

И вся дворня каталась со смѣха, приговаривая:

— Ай-да Ильинишна! ну-ка еще... Вотъ такъ... порастряси-ка старыя кости!..

Но обратимся къ барышнѣ.

Вотъ она—моя барышня, румяное и полное дитя, ей полтора года, но ее еще не отняли отъ груди—вотъ она—на рукахъ у заплывшей жиромъ кормилицы, которую разъ десять въ день поятъ чаемъ и безпрестанно кормятъ селедками. Кормилица обыкновенно по буднямъ носитъ толстую рубашку, ситцевый сарафанъ и ситцевую шапочку на головѣ, а по воскресеньямъ и по праздникамъ—непремѣнно камлотовый сарафанъ, обшитый галуномъ, кисейную рубашку и бархатный кокошникъ... Барышня только что перестала плакать, еще у нея не обсохли слезы на глазахъ... Кормилица вытираетъ ей глазки и носикъ и приговариваетъ:

— Безстыдница этакая... ну, что разревѣлась-то? а вонъ ужо трубочистъ придетъ и съѣстъ тебя.

Дитя подымаетъ визгъ отъ страха и жмется къ кормилицѣ... Кормилица стращаетъ его розгами, —дитя еще пуще плачетъ. На его визгъ и плачъ прибѣгаютъ маменька, папенька и няня.

Маменька кричитъ:

— Ну, такъ и есть, опять раздразнила ребенка! Не умѣешь ты, мужичка этакая, обращаться съ барскимъ дитятей. Не плачь, ангельчикъ мой, не плачь... А посмотри, вотъ бобо, душенька.

Папенька кричитъ;

— Охъ вы мнѣ! изорудуете вы ее... Каточекъ, Каточекъ, посмотри на меня... Гдѣ папа? А-а!.. вотъ папа...

Няня кричитъ жалобнымъ голосомъ:

— Что это съ тобой, лапочка ты моя, что съ тобой приключилось... Ужъ не зубки ли?.. Покажи-ка.

Няня всовываетъ палецъ въ ротикъ дитяти и потомъ обращается къ барынѣ:

— Вотъ, посмотрите, матушка, у нея тутъ, у моей голубушки, зубокъ прорѣзывается.

Вслѣдъ за няней маменька и папенька всовываютъ свои пальцы въ ротикъ дитяти, чтобъ ощупать зубокъ.

— Вѣстимо къ зубкамъ плачетъ,—замѣчаетъ кормилица,—отчего жъ ей больше плакать?

Около ребенка шумъ и крикъ; ребенка затормошили, и ревъ его раздается по всему дому...

— Да гдѣ же эти всѣ дѣвчонки?—вскрикиваетъ маменька,—пошлите ихъ... Палашка! Дашка! Машка!..

Дѣвчонки прибѣгаютъ.

— Вотъ я васъ! Гдѣ вы тамъ бѣгаете? постойте...

— Дитя плачетъ, вамъ и горя мало,—перебиваетъ папенька...

— Вы забыли свою должность... забыли, что надо утѣшать ребенка,—продолжаетъ папенька.

Испуганныя дѣвчонки становятся въ рядъ и начинаютъ прыгать и кувыркаться передъ барышней.

Барышню отняли наконецъ отъ груди... Кормилицу удалили, чтобъ барышня отвыкла отъ нея и перестала тосковать; но кормилица, пріученная къ барскому столу и къ различнымъ удобствамъ въ барскомъ домѣ, въ надеждѣ, что авось ее снова призовутъ къ барышнѣ, если барышня будетъ больно скучать по ней, старается нарочно показываться ей на глаза. Когда няня несетъ ее на рукахъ по двору, кор-

милица становится на дорогѣ, пригорюнясь, и качая печально головой, приговариваетъ, такъ, чтобъ дитя слышало ея голосъ:

— Отняли отъ меня мое красное солнышко... Похудѣла ты безъ меня, моя касаточка; уморятъ они тебя, мою ласточку...

Дитя, увидѣвъ кормилицу, рвется къ ней. Начинается ссора между кормилицей и няней. Няня жалуется на кормилицу барынѣ. Барыня наконецъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, запрещаетъ приближаться кормилицѣ къ барскому двору.

Между тѣмъ барышня уже начинаетъ ходить и бѣгать. Какая радость для родителей! Къ ней приставлены, кромѣ няни, еще двѣ дѣвки, которыя должны неотлучно находиться при ней, чтобъ дитя не упало и не расшиблось. И если немного выпившая няня и полусонныя дѣвки не доглядятъ и дитя ушибется объ уголъ дивана или стола и заревetъ, маменька въ ту же секунду вдругъ выскакиваетъ какъ будто изъ-подъ пола. Ея звонкій и пронзительный голосъ пробуждаетъ растрепанныхъ и полусонныхъ дѣвокъ, которыя привыкли преспокойно спать подъ визгъ барышни.

— Гдѣ у васъ глаза-то? Няня—старый человѣкъ, нянѣ нельзя за ребенкомъ вездѣ усмотрѣть... ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ... а вы что? только спятъ да ѣдятъ цѣлый день... А вотъ я васъ, подождите.

Дѣвки, впрочемъ, не боятся угрозъ барыни, потому что эти угрозы никогда не приводятся ею въ исполненіе. У барыни доброе сердце.

— Ничего, моя маточка,—продолжаетъ барыня, гладя по лицу дочку,—ничего... Вишь стулъ какой гадкой!.. плюнь на него, душенька... Ударь его хорошенько... Вотъ такъ... Какъ онъ смѣлъ мою Катеньку? Вотъ мы его!..

Барышню кормятъ разъ до шести въ день, и, несмотря на это, маменька безпрестанно повторяетъ:

— Что это, нянюшка, мнѣ кажется, Катенька сегодня что-то мало кушала? Здорова ли она?

— Ребенокъ много требуетъ пищи въ эти лѣта,—говоритъ

папенька, — ребенка надо больше кормить, такъ онъ расти лучше будетъ...

Няня съ этимъ совершенно согласна. Она всегда ужинаетъ въ дѣтской въ то время, когда дѣвки укладываютъ барышню почивать, и, несмотря на то, что у барышни претугой животикъ, няня всегда еще покормитъ ее изъ своихъ рукъ или гречневой кашкой, или кислой капусткой, или тюрей.

— Ничего, лучше заснетъ, — говоритъ няня, — что смотрѣть-то на барыню въ самомъ дѣлѣ? Накрошитъ ребенку бѣлаго хлѣбца въ бульонъ да и думаетъ, что ребенокъ будетъ сытъ этимъ... Наша пища лучше, отъ нашей пищи она будетъ здоровѣе. Кушай, голубушка, Христосъ съ тобой.

Если же дитя на другой день сдѣлается нездорово и барыня спрашиваетъ у няни:

— Отчего бы это она нездорова, няня?

Няня отвѣчаетъ:

— Да вѣрно съ глазу, матушка. Ничего, не безпокойся. Вотъ погоди. Я ее слизну ужо вечеркомъ, какъ мыть буду *)..

— А, можетъ, это къ росту, няня?

— А, можетъ, сударыня, и къ росту.

Барышня дѣлается толстымъ, тяжелымъ и сырымъ ребенкомъ. Она растетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину. Она, играя съ своими забавницами дѣвчонками, безпрестанно на нихъ сердится за то, что онѣ лучше ея бѣгаютъ, за то, что онѣ смѣютъ обгонять ее... И потомъ на нихъ же жалуется маменькѣ, а маменька при ней же и вскипится на бѣдныхъ дѣвчонокъ:

— Да какъ вы, негодницы, смѣете обижать барышню? да я вамъ за это ушонки надеру! Да развѣ вы не чувствуете съ кѣмъ играете? да развѣ вы не помните, что она госпожа ваша?..

---

*) Операція слизыванія производится слѣдующимъ образомъ: когда ребенка вымоютъ въ корытѣ, няня обыкновенно поводитъ три раза языкомъ по его спинѣ, начиная отъ затылка... и потомъ собранную на языкѣ сырость сплевываетъ черезъ корыто.

Способности барышни развиваются туго: ее закормили. И папенька, и маменька, и няня, и гости, и дѣвки, и лакеи, и дѣвчонки—всѣ ей только и твердятъ о гостинцахъ да объ лакомствахъ.

— Хочешь полакомиться, хочешь бомбошекъ? — спрашиваетъ ее маменька по нѣскольку разъ въ день.

— Катенька-то вся въ васъ, дружочекъ,—продолжаетъ Лизавета Ивановна, обращаясь къ мужу,—ужъ такая жадная до яблочной пастилы, что ужасть!

Если Катенька капризничаетъ и плачетъ, ей няня говоритъ:

— Перестань же плакать. Утри глазки. А тому гостинца не дадутъ, кто будетъ плакать!

Если ею довольны, то или маменька или папенька непремѣнно скажутъ ей:

«Вотъ ты сегодня умница. За это тебѣ сейчасъ дадутъ гостинца».

Гости, имѣющіе какую-нибудь нужду до папеньки, въ угодность ему, всегда возятъ дочкѣ гостинцы...

И Катя спрашиваетъ у нихъ:

— А скоро ли вы опять къ намъ пріѣдете? а скоро ли вы опять мнѣ гостинцевъ привезете?..

— Вишь, какая интересанка!—замѣчаетъ папенька, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ и смотря съ любовію на дочку.—Ухъ, будетъ плутъ дѣвка!..

— Катенька, хочешь быть моей невѣстой? — говоритъ гость, сажая ее къ себѣ на колѣни.—Я тебя буду кормить всякій день конфетами, сладкими пирожками и вареньемъ.

— Хочу,—отвѣчаетъ Катя.

— Ужъ она у насъ такая сластена! — восклицаетъ маменька.

Катя охотница играть въ куклы. У нея есть кукла-барышня и есть кукла-дѣвка. У нея есть кукла-женихъ и есть кукла-невѣста, и женихъ все кормитъ невѣсту гостинцами.

Нельзя сказать, чтобъ маменька не хлопотала о ея гарде-

робѣ: передничкамъ, платьицамъ, панталончикамъ счету нѣтъ, несмотря на это Катя никогда не бываетъ чисто одѣта.

— Что это, няня, какой на ней грязный пердничекъ?— говоритъ папенька.

— Что же, батюшка, дѣлать, вѣдь на нее не напасешься чистаго, ну, натурально, дитя рѣзвится, бѣгаетъ на травкѣ, иной разъ поваляется и на пескѣ посидитъ; дѣтское, глупое дѣло...

Евграфъ Матвѣичъ большой охотникъ до садоводства. Онъ самъ развелъ небольшой садикъ. Этотъ садикъ расположенъ симметрически (у Евграфа Матвѣича страсть къ симметріи). Деревья въ садикѣ подстрижены въ видѣ вазъ, шаровъ и треугольниковъ. Дорожки усыпаны желтымъ пескомъ: ни одна травка не смѣетъ расти тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Отъ этого садика, аккуратно приглаженнаго, вычищеннаго и выглаженнаго, всѣ въ восторгѣ. Евграфъ Матвѣичъ самъ любуется имъ, какъ игрушкой, и горе тому, кто въ этомъ садикѣ сорветъ листочекъ или цвѣточекъ! Онъ даже не на шутку однажды раскричался на свою Лизавету Ивановну, когда та, гуляя съ нимъ въ садикѣ, оторвала, въ разсѣянности, вѣтку отъ куста... Но Катѣ позволяется все. Такова безпредѣльная любовь Евграфа Матвѣича къ дочери! Катя безнаказанно рветъ цвѣты и ломаетъ сучья кустовъ.

Когда Евграфъ Матвѣичъ съ супругой живутъ въ деревнѣ, Катя, часто смотря изъ окна дѣтской вдаль на лугъ, пестрѣющій цвѣтами, и на играющихъ на этомъ лугу дѣвчонокъ, говоритъ нянѣ:

— Няня, я хочу туда, къ этимъ дѣтямъ.

— И, барышня, барышня!—отвѣчаетъ няня, качая головою,—чего ты только не выдумаешь? Мало тебѣ здѣсь, что ли, мѣста бѣгать по саду или по двору? Мало, что ли, у тебя здѣсь забавницъ? Ну, что тебѣ дѣлать въ полѣ? Тамъ только простые, деревенскіе ребятишки, грязные, а ты барское дитя, тебѣ нечего тамъ дѣлать съ ними.

Палашка — одна изъ дворовыхъ дѣвчонокъ, забавляющихъ барышню, пользуется особенно ея милостію. Палашка ея фаворитка. Барышня даже даетъ ей гостинцы, и если

это случается при нянѣ, няня обыкновенно говоритъ Палашкѣ:

— Ну, что жъ ты, дура, стоишь? Кланяйся барышнѣ да цѣлуй ея ручку...

А родители иногда, смотря на это, восклицаютъ въ умиленіи:

— Что это, какое у нашей Катеньки доброе сердце!

Но разъ какъ-то, играя, Палашка вздумала поцѣловать барышню. Барыня увидѣла это, всплеснула въ ужасѣ руками и бросилась къ нянѣ:

— Помилуй, няня, что это такое? да на что это похоже? да какъ же это ты позволяешь дѣвчонкѣ, простой дѣвчонкѣ, цѣловать барышню? Какъ же ты ее не остановишь? Какъ же она, мерзкая, такъ смѣетъ забываться?

И потомъ она продолжала, обратясь къ Палашкѣ:

— Съ чего ты, этакая дрянь, взяла, что ты можешь цѣловать барышню? Что, ты ей ровня, что ли? А знаешь ли ты, что за это я велю тебя выгнать въ людскую, чтобъ ты и глазъ въ барскія комнаты не смѣла показывать?.. Ты должна, дура, чувствовать, кого ты забавляешь.

ГЛАВА III.

Воспитаніе барышни.

Барышнѣ минуло шесть лѣтъ.

Пора моей барышнѣ и за азбуку приниматься.

И въ самомъ дѣлѣ, папенька уже купилъ ей азбуку съ картинками.

— Вотъ видишь ли, душенька, — говоритъ ей папенька, указывая на картинки,—вотъ буква А... видишь ли арбузъ? Вотъ Е—елка; а Э, другое, навыворотъ, Этна, огнедышащая гора... Видишь, вотъ огонекъ изъ нея выходитъ?.. Хорошія картинки? а?

Барышня выхватываетъ книжку изъ рукъ папеньки и бѣжитъ показать картинки нянѣ. Черезъ недѣлю отъ этой

азбуки остаются цѣлыми только три листика. Папенька покупаетъ другую азбуку. И другую, и третью, и четвертую, и даже пятую постигаетъ та же участь. Впрочемъ, по уничтоженіи шестой, моя барышня, надо отдать ей справедливость, начинаетъ читать по складамъ.

— А что, голубчикъ,—говоритъ Евграфъ Матвѣичъ своей супругѣ,—намъ объ Катенькѣ-то надо хорошенько подумать. До сихъ поръ она все училась у насъ шутя, играючи, а теперь ей пора посерьезнѣе заняться. Какъ ты объ этомъ думаєшь?

— Да не рано ли будетъ?—возражаетъ Лизавета Ивановна,—вѣдь еще время не ушло, вѣдь она еще у насъ совсѣмъ ребенокъ. Пусть ее, моя пташечка, еще немножко побѣгаетъ.

Евграфъ Матвѣичъ качаетъ головою.

— Оно точно, коли признаться, и по-моему немного рано; однако посмотри, голубчикъ, вѣдь губернаторскія-то дочки въ ея лѣта уже болтаютъ по-французски.

Лизавета Ивановна задумывается.

Евграфъ Матвѣичъ продолжаетъ:

— Какъ ни думай, а Катеньку надо воспитать намъ какъ слѣдуетъ. Она у насъ одна, единственное сокровище; для нея намъ ужъ ничего жалѣть не приходится. Нынче, напримѣръ, безъ французскаго языка и обойтись нельзя. Что дѣлать! время такое. Посмотришь, дѣвчонки еще отъ земли не видно, еще и по-своему-то говорить не умѣетъ, а ужъ по-французски стрекочетъ,—настоящая чечотка!

Лизавета Ивановна печально вздыхаетъ.

Евграфъ Матвѣичъ опять продолжаетъ:

— Въ прошедшій понедѣльникъ у предводителя мы разговорились съ Никаноромъ Григорьичемъ о томъ, о семъ; онъ между прочимъ и говоритъ мнѣ: «Не имѣете ли намѣренія отдать вашу дочку въ институтъ? Мою, говоритъ, я отвожу непремѣнно на слѣдующую зиму...»

— Въ институтъ!—вскрикиваетъ Лизавета Ивановна,—въ институтъ! Чтобъ я мою Катеньку отдала въ институтъ, чтобъ

я разсталась съ моимъ ангеломъ! Да я лучше соглашусь заживо лечь въ могилу, чѣмъ разстаться съ нею!

— Полноте, голубчикъ, Христосъ съ вами! Кто вамъ говоритъ объ этомъ? Я и самъ ни за какія блага не рѣшился бы на это... Единственную дочь отдать изъ дома! Слыханное ли это дѣло! Да развѣ у меня каменное сердце?

— Къ чему же вы и упоминали объ институтѣ?

— Позвольте, вы мнѣ не дали докончить. Никаноръ-то Григорьичъ и говоритъ мнѣ: ну, а если вы не желаете, говоритъ, отдать въ институтъ, такъ, вѣроятно, вамъ понадобится гувернантка? И посовѣтовалъ мнѣ для этого заглядывать въ «Московскія Вѣдомости». По «Московскимъ», говорятъ, «Вѣдомостямъ» часто выписываютъ очень хорошихъ гувернантокъ. Я, говоритъ, самъ для однихъ своихъ родственниковъ выписалъ такимъ образомъ отличнѣйшую гувернантку и за дешевую цѣну.

— Ну, это другое дѣло. Безъ гувернантки ужъ, конечно, нельзя обойтись,—замѣчаетъ Лизавета Ивановна.

— Ахъ!—восклицаетъ Евграфъ Матвѣичъ,—какое трудное дѣло воспитаніе дѣтей въ нынѣшнее время! Голова кругомъ пойдетъ, какъ подумаешь объ этомъ!

Необходимость гувернантки рѣшена.

И съ этой минуты Евграфъ Матвѣичъ постоянно и внимательнѣе, чѣмъ когда-нибудь, началъ прочитывать «Московскія Вѣдомости».

Однажды онъ остановился на слѣдующемъ объявленіи:

«Молодая дѣвица, благороднаго происхожденія, изъ русскихъ, но знающая въ совершенствѣ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и отчасти итальянскій, и свободно объясняющаяся на первыхъ трехъ языкахъ, также могущая обучать и первоначальнымъ правиламъ музыки, сама играющая на фортепіано и на арфѣ, притомъ имѣющая о себѣ одобрительные аттестаты отъ особъ, заслуживающихъ довѣріе, желаетъ опредѣлиться въ какой-либо благородный домъ гувернанткою или собесѣдницею за весьма умѣренную плату. Она соглашается и на отъѣздъ въ провинцію или за гра-

ницу. Спросить объ ней на Плющихѣ, въ приходѣ Николы на Пометномъ Вражкѣ, въ домѣ подъ № такимъ-то».

«Да это просто кладъ!—подумалъ Евграфъ Матвѣичъ.—Четыре языка въ совершенствѣ знаетъ, да еще при этомъ и музыкѣ обучаетъ... Покорно прошу! Да еще сверхъ того и русская... и молодая дѣвица; можетъ, еще хорошенькая...

Добрый Евграфъ Матвѣичъ какъ-то странно улыбнулся и покраснѣлъ, какъ будто какая-нибудь не совсѣмъ скромная мысль промелькнула въ головѣ его. Онъ, въ отсутствіе супруги, иногда позволялъ себѣ поглядывать на хорошенькихъ; впрочемъ, внутренно упрекалъ себя за это и всякій разъ со вздохомъ говорилъ самому себѣ: «что это, какъ подумаешь-то, какъ слабъ человѣкъ!»

Евграфъ Матвѣичъ раза три или четыре прочиталъ заманчивое объявленіе, не вѣря глазамъ своимъ, отмѣтилъ сначала ногтемъ, потомъ карандашомъ, потомъ чернилами и, наконецъ, опрометью бросился съ листомъ газеты къ своей Лизаветѣ Ивановнѣ.

Когда Лизавета Ивановна прочла строки, указанныя ей супругомъ, она сказала:

— Все это хорошо, дружочекъ, да только я боюсь, не вѣтреница ли это какая-нибудь. Вишь, тутъ сказано, что молодая...

— Отчего же? можетъ быть и не вѣтреница. Часто и изъ молодыхъ встрѣчаются очень скромныя.

Супруги долго трактовали объ этомъ предметѣ и, наконецъ, рѣшились выписать «молодую дѣвицу, знающую въ совершенствѣ четыре языка и играющую на фортепьянѣ и на арфѣ».

Черезъ мѣсяцъ она была привезена.

Ей на лицо казалось лѣтъ за двадцать за семь. Она была ни хороша, ни дурна, но полна. Говоря, имѣла привычку закатывать глаза подъ лобъ; вмѣсто *р* произносила *л*, изъяснялась языкомъ нѣсколько книжнымъ и, по всѣмъ примѣтамъ, очень желала нравиться.

Евграфъ Матвѣичъ съ перваго взгляда остался ею доволенъ.

Лизавета Ивановна замѣтила, что она слишкомъ жеманна.

Евграфъ Матвѣичъ возразилъ, что это еще ничего не доказываетъ, что может быть она всегда жила въ знатныхъ домахъ; а извѣстно, что въ знатныхъ домахъ всегда особенныя манеры и совсѣмъ другое обращеніе, нежели въ среднемъ кругу. И точно: гувернантка чрезъ нѣсколько времени объявила полковницѣ, что она все жила въ Москвѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, что ее вездѣ любили и обращались съ нею, какъ съ родственницей; что она никогда не разсталась бы съ домомъ княгини Кугушевой, если бъ только князь Кугушевъ не вздумалъ ей однажды объясниться въ любви; что послѣ такого оскорбительнаго для ея чести поступка со стороны князя Кугушева она уже никакъ не могла оставаться въ его домѣ; что она обо всемъ тотчасъ же разсказала княгинѣ; что княгиня, разставаясь съ нею, заливалась слезами и говорила: «я никогда не забуду васъ, милая Любовь Петровна!»; что она вездѣ, гдѣ ни жила, старалась главное—дорожить своей репутаціей, потому что она беззащитная дѣвушка и притомъ круглая сирота; что ея родители нѣкогда были очень богаты и потому воспитывали ее самымъ блестящимъ образомъ, но потомъ, по особенному какому-то несчастію, вдругъ лишились всего; что она вслѣдствіе этого, рѣшилась скитаться по чужимъ домамъ для того, чтобъ содержать своихъ стариковъ; что они, умирая, называли ее безпримѣрной дочерью и прочее, и прочее.

Лизавета Ивановна до того была тронута этимъ разсказомъ, что даже прослезилась. Она сказала потомъ мужу:

— Послушайте, голубушка, ужъ намъ надо обращаться съ нею не такъ, какъ съ простою гувернанткою; вѣдь она изъ дворянокъ... Правда, сначала она показалась мнѣ немного жеманною... ну, это точно оттого, что она, должно быть, привыкла тамъ, въ знатномъ кругу, къ этакому обращенію; но нравственность у ней прекрасная, и она такъ мило, такъ солидно обо всемъ разсуждаетъ... Да надобно сказать ей, дружочекъ, чтобъ она какъ можно нѣжнѣе и деликатнѣе обращалась съ Катенькой и не слишкомъ вдругъ

налегла на нее, чтобъ, знаете, этакъ исподволь пріучала къ наукамъ, а то вѣдь бѣда: дитя съ непривычки и захворать можетъ.

— Когда же прикажете начать наши занятія съ мамзель Катринъ?—спросила гувернантка у Лизаветы Ивановны дней черезъ пять послѣ своего пріѣзда.

— Погодите еще немножко, моя милая,—отвѣчала Лизавета Ивановна,—не торопитесь. Вы еще съ дороги немножко поотдохнете, а ребенокъ покуда къ вамъ поприглядится да попривыкнетъ.

Утромъ, въ тотъ день, въ который барышнѣ назначено было начать ученье, маменька, сопровождаемая папенькой и няней, явились въ учебную комнату съ образомъ Казанской Божіей Матери. Маменька была въ волненіи, глаза ея были красны. Она осѣнила Катю образомъ и проговорила голосомъ торжественнымъ, полнымъ слезъ и дрожащимъ отъ чувства:

— Пусть она, пресвятая и пречистая Дѣва, наставитъ тебя на всякую истину и на всякое добро! Приложись душенька.

Катя, а за нею и гувернантка, приложились къ образу.

Тогда маменька поставила образъ на столъ, покрытый чистою салфеткою, и сказала:

— Помолимся же теперь за ея успѣхи.

И всѣ начали молиться.

По окончаніи молитвы маменька взяла Катю за руку и подвела къ гувернанткѣ.

— Вотъ вамъ, Любовь Петровна, моя Катя. Прежде всего, прошу васъ, не будьте къ ней слишкомъ взыскательны и строги. А коли она въ чемъ-нибудь проштрафится, относитесь прежде ко мнѣ. Мы вмѣстѣ и подумаемъ, какъ бы ее исправить. А ты, душенька (Лизавета Ивановна обратилась къ дочери) должна во всемъ слушаться свою наставницу и стараться заслужить ея любовь... Ну, теперь благослови тебя Богъ!

Маменька перекрестила Катю и поцѣловала ее.

— Учись, Катюша, прилежно,—сказалъ папенька и также перекрестилъ ее и поцѣловалъ.

Затѣмъ няня подошла къ своей питомицѣ, обняла ее и зарыдала надъ нею, какъ надъ умирающею.

Затѣмъ разревѣлась Катя и, вслѣдствіе этого, долго не могла приняться за урокъ.

Гувернантка занималась съ Катей только по утрамъ, и во время этихъ занятій маменька обыкновенно по нѣскольку разъ взглядывала изъ полурастворенной двери и обыкновенно говорила:

— А что̀, Любовь Петровна, не довольно ли?.. Мнѣ кажется, у Кати сегодня что-то головка горяча; да и она, моя крошечка, всю ночь была безпокойна. Не отложить ли лучше урокъ до завтра?

Если не болѣзнь, то выискивается какой-нибудь другой предлогъ для освобожденія Кати отъ ученья. Умъ маменьки чрезвычайно хитеръ и изобрѣтателенъ въ этомъ случаѣ.

Когда маменька и папенька спрашивали у гувернантки:

— Ну, что̀, милая Любовь Петровна, успѣваетъ ли наша Катенька? довольны ли вы ею?

Гувернантка, какъ дѣвица тонкая и хитрая, обыкновенно отвѣчала:

— Я вамъ скажу по совѣсти, что такого понятливаго. благонравнаго и милаго дитяти я еще и не видала. Вотъ и у княгини Кугушевой Наденька прекрасный ребенокъ: но ее, по способностямъ, и сравнить невозможно съ вашей Катечкой. Ваша Катечка — феноменъ! Признаюсь, я ни къ одной еще изъ моихъ воспитанницъ не была такъ привязана, какъ къ ней. Въ продолженіе года она сдѣлала такіе успѣхи во французскомъ языкѣ, что просто невѣроятно!

Своимъ поведеніемъ и въ особенности такими похвалами Кати, повторявшимися очень часто, гувернантка пріобрѣла совершенную довѣренность и любовь ея родителей.

Гувернантка обладала замѣчательнымъ даромъ слова, то-есть сплетничала немилосердно. Надобно замѣтить, что Лизавета Ивановна, несмотря на доброту своего сердца, чувствовала также нѣкоторое поползновеніе къ сплетнямъ, по-

добно всѣмъ барынямъ, и поэтому находила несказанное удовольствіе въ обществѣ Любови Петровны. Гувернантка получила значеніе въ домѣ. Она завела между дворовыми дѣвками двухъ фаворитокъ: Машку и Соньку, и приняла подъ свое покровительство одного лакея, Ѳомку, который въ особенности подольщался къ ней,—объявивъ остальнымъ дѣвкамъ и лакеямъ войну непримиримую. На этихъ остальныхъ она безпрестанно наговаривала и жаловалась то барину, то барынѣ. Дворня пришла въ волненіе... Дѣвки передрались и перессорились между собою, лакеи грозились отдубасить Ѳомку и называли его *шиматономъ*.

Няня ненавидѣла гувернантку (няни вообще ненавидятъ гувернантокъ) и приходила въ ужасное негодованіе при одномъ ея имени.

— И говорить-то о ней не хочу. Вотъ ей — тьфу! (няня плевала). Ея дѣло только каверзничать... да вотъ погоди ты у меня! (няня грозила пальцемъ). Я выведу твои шашни на чистую воду. Дай срокъ! Будешь ты у меня съ офицерами перемигиваться.

Но няня слишкомъ увлеклась личною враждою и, подобно всѣмъ нянямъ, не отдавала должной справедливости гувернанткѣ.. А моя барышня точно была ей обязана многимъ. Успѣхи Кати во французскомъ языкѣ не были подвержены ни малѣйшему сомнѣнію... Она утромъ, цѣлуя ручку папеньки, лепетала: бонжуръ, папа; вечеромъ, прощаясь съ маменькой и обнимая ее, говорила: бонюи, маманъ... Она выучила наизусть двѣ басни Лафонтена и бренчала на фортепіанахъ качучу, ежеминутно впрочемъ сбиваясь съ такту,—и всякій разъ при гостяхъ по приказанію родителей, пробормотавъ эти двѣ басни, садилась за фортепіано. И гости—знающіе и незнающіе по-французски, имѣющіе музыкальное ухо и неимѣющіе его, всякій разъ отъ этого бормотанья и бренчанья приходили въ восторгъ совершенно одинаковымъ образомъ, и родители всякій разъ, глядя на Катю млѣющими глазами, гладили ее по головѣ и потомъ говорили, указывая на гувернантку:

— Всѣмъ этимъ она обязана Любови Петровнѣ...

Катя также выучилась плясать съ шалью и по-русски, но плясала при гостяхъ только въ торжественные случаи, то-есть въ именины и рожденье родителей...

И тогда обыкновенно раздавались со всѣхъ сторонъ одобрительные возгласы, смѣшанные съ рукоплесканіями. У Евграфа Матвѣича въ такихъ случаяхъ, отъ удовольствія показывались слезы на глазахъ, и онъ, толкая гостя и указывая ему на дочь, говорилъ:—Ну, посмотри, Яковъ Иванычъ, какъ мило, какъ ловко... а плечиками-то какъ поводитъ!..

Глядя на всѣ эти штуки, губернскія барыни кричали въ одинъ голосъ:

— Ну, ужъ касательно чего другого — мы не знаемъ, а надо отдать справедливость Лизаветѣ Ивановнѣ, что она очень, очень мило воспитываетъ свою дочку. Даже можно сказать блестящимъ образомъ.

Гувернантка и нѣжные родители называли Катю всегда послушнымъ ребенкомъ... Впрочемъ, гувернантка отзывалась такъ о своей питомицѣ только при гостяхъ и при нѣжныхъ родителяхъ; а наединѣ очень часто, выведенная изъ терпѣнія капризами Кати, бормотала сквозь зубы:—У! мерзкая дѣвчонка, если бъ моя воля—я такъ бы тебя выдрала!..

И въ самомъ дѣлѣ, моя барышня любила иногда покапризничать.

Если гость говорилъ Катѣ:

— Здравствуйте, Катенька, пожалуйте ручку.

Катя непремѣнно начинала ломаться и пищала:

— Не хочу, оставьте меня...

И тогда или папенька, или маменька, или оба они въ одинъ голосъ восклицали:

— Катечка, душенька! что это такое? Это не хорошо, это стыдно... дай сейчасъ Петру Антоновичу ручку...

И потомъ, обращаясь къ гостю, маменька и папенька замѣчали:

— Не понимаемъ, что это сдѣлалось сегодня съ Катей: она у насъ обыкновенно такая послушная...

Вице-губернаторшу Господь благословилъ дочками кромѣ

Коли — Катенькина жениха — у нея есть Петя, Наташа, Даша, Анеточка, Вѣрочка, Дунечка. И вице-губернаторша часто со всѣмъ семействомъ на цѣлый день пріѣзжаетъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Въ эти дни подымается въ домѣ страшный шумъ, пискъ и визгъ, гувернантки и няньки бѣгаютъ за дѣтьми изъ одной комнаты въ другую. И среди этого шума, писка и визга раздаются крики:—Прене гардъ, мамзель Натали или мамзель Аннетъ, ву томбре.—Что это ты, сударыня, выдумала? развѣ можно бить братца?.. Ахъ ты пакостница этакая! а вотъ я маменькѣ скажу!..—Катя цѣлуетъ Колю и спрашиваетъ у папеньки:

— Папа, вѣдь это мой женихъ?

— А развѣ ты Сергѣю-то Яковлевичу измѣнила?—возражаетъ папенька.—Помнишь, ты хотѣла выйти за него замужъ, а онъ обѣщалъ тебѣ много конфетъ и пирожковъ.

— Не хочу его,—пищитъ Катя сквозь слезы,—онъ гадкій, рябой; мой женихъ не онъ, а Коля.

— Что жъ, Лизавета Ивановна,—говоритъ съ пріятностію вице-губернаторша, тасуя карты,—пора, я думаю, подумать и объ ихъ свадьбѣ? Какъ вы думаете? Приготовляйте-ка невѣстѣ приданое.

Всѣ смѣются.

Барышня замѣтно начинаетъ подрастать, способности ея помаленьку изощряются. Прежде для нея существовали только гостинцы, теперь для нея однихъ гостинцевъ мало: ее начинаютъ занимать и платьица и платочки... Она одѣваетъ свою куклу-фаворитку въ шелковое платье, втыкаетъ въ голову цвѣты и говоритъ дѣвочкѣ, играющей съ нею: — Видишь ли, Палашка, она поѣдетъ на балъ танцовать, — тамъ будутъ офицеры...

Роковое слово: «офицеры» уже произнесено барышнею!

Она такъ часто слышитъ это слово отъ всѣхъ, въ особенности отъ гувернантки и отъ ея фаворитки Соньки.

Гувернантка, напримѣръ, наряжается; фаворитка Сонька затягиваетъ ей корсетъ и говоритъ:

— Барышня, надѣньте сегодня пунцовое платье... оно ужа-

сти какъ къ вамъ идетъ... Сегодня еще можетъ быть у насъ кто-нибудь да будетъ...

— А которое ко мнѣ больше идетъ, Соня: голубое или пунцовое?

— Пунцовое, барышня, къ вамъ не въ примѣръ больше идетъ, да и ихной любимый цвѣтъ пунцовый.

— А ты почему знаешь?

— Да ужъ я знаю-съ.

Сонька потупляетъ глаза.

— Ахъ, да, я и забыла...—Гувернантка грозитъ горничной пальцемъ.

Сонька усмѣхается и вдругъ подбѣгаетъ къ окну...

— Барышня, барышня... офицеръ!

— Офицеръ?.. (Гувернантка накидываетъ на себя платочекъ и бросается къ окну)...

— Ахъ, какой хорошенькій, Соня!—Да это, кажется, Маккавеевъ... посмотри, какая у него ножка... Ну, только талія у него хуже, чѣмъ у Валуева... гораздо хуже...

Всякій разъ, когда къ Евграфу Матвѣичу являлись офицеры, гувернантка смотрѣла на нихъ или въ щелку двери, или въ замочную скважину... и сердце ея сильно билось, если между ними красовался одинъ бѣлокурый, высокій, курчавый и съ большимъ носомъ.

Этотъ офицеръ вообще почему-то нравился многимъ губернскимъ барышнямъ и въ особенности одной, которую очень любила Лизавета Ивановна... Гувернантка, узнавъ это, возненавидѣла ее, начала употреблять всѣ мѣры, чтобъ поссорить ее съ Лизаветой Ивановной — и наконецъ достигла своей цѣли. И добрая Лизавета Ивановна, которая создана была, чтобъ жить со всѣми въ ладу, быть привѣтливой и ласковой ко всѣмъ, и къ дурнымъ и къ хорошимъ людямъ, — вдругъ прекратила всякія сношенія съ своей лучшей пріятельницей, къ величайшему удивленію не только ея, но и всего губернскаго города...

Лизавета Ивановна была совершенно, какъ говорится, ослѣплена гувернанткой и даже не замѣчала того, что гувернантка въ присутствіи ея бросала очень странные и не со-

всѣмъ скромные взгляды на Евграфа Матвѣича, отъ которыхъ онъ приходилъ всегда въ волненіе и замѣшательство. Къ чести Евграфа Матвѣича надо замѣтить, что онъ всегда умѣлъ побороть въ себѣ всякую искусительную мысль, которая порою случайно забѣгала въ его облысѣвшую голову... Къ тому же онъ всегда чувствовалъ необыкновенную робость, если ему случалось быть наединѣ съ женщиною.

Однажды подъ вечеръ, въ отсутствіе своей Лизаветы Ивановны, онъ встрѣтился съ гувернанткою въ темномъ коридорѣ...

— Ахъ, кто это здѣсь? — вскричала гувернантка, притворясь испуганной.

— Ничего, ничего-съ, не пугайтесь; это я-съ...—проговорилъ Евграфъ Матвѣичъ дрожащимъ голосомъ.

— Это вы, Евграфъ Матвѣичъ?

— Да-съ.

— А у меня, вообразите, такъ и замерло сердце! Мнѣ показалось, что кто-то чужой.

— А вы куда изволите итти?

— Я иду къ себѣ въ комнату.

— Къ себѣ въ комнату-съ?

Евграфъ Матвѣичъ колеблющимися шагами приблизился къ гувернанткѣ.

— А вы куда? — спросила она его шопотомъ.

— Я-съ... я-съ... я такъ здѣсь искалъ человѣка-съ... Фильку...

Евграфъ Матвѣичъ пришелъ въ неописанное замѣшательство и вдругъ закричалъ:

— Позвольте поцѣловать-съ вашу ручку!.. — схватилъ ручку Любви Петровны, крѣпко прижалъ ее къ губамъ своимъ и потомъ, какъ будто преслѣдуемый кѣмъ, изо всѣхъ силъ пустился бѣжать къ себѣ въ кабинетъ, оставивъ Любовь Петровну въ совершенномъ недоумѣніи и изумленіи. Съ этихъ поръ онъ явно старался избѣгать встрѣчи съ нею въ коридорѣ.

Когда Катѣ минуло одиннадцать лѣтъ, гувернантка объявила папенькѣ и маменькѣ, что для ея питомицы необходимо теперь нанять учителей, которые бы обучали ее высшимъ наукамъ, что она высшія науки преподавать не можетъ, а

будетъ попрежнему заниматься съ ней языками (закону Божію уже давно обучалъ ее отецъ діаконъ). Любовь Петровна замѣтила между прочимъ, что у вице-губернаторскихъ дочерей гувернантка сама по себѣ, а учителя кромѣ того сами по себѣ и что ужъ это всегда такъ водится въ хорошихъ домахъ...

— А коли это нужно, такъ противъ этого мы спорить не будемъ, — сказала Лизавета Ивановна. — Мы не захотимъ, чтобъ наша Катенька въ чемъ-пибудь отстала отъ другихъ...

Потомъ она обратилась къ мужу и прибавила:

— Ужъ это, дружочекъ, твоя забота нанять учителей, какихъ нужно. Я въ этомъ дѣлѣ — сторона.

Учителя математики, исторіи и рисованія тотчасъ же были паняты по рекомендаціи инспектора губернской гимиазіи.

Преподаваніе же россійской словесности взялъ на себя тотъ самый пьяный семинаристъ, который за обѣдомъ на крестинахъ барышни произнесъ торжественную оду...

— Вы не смотрите на то, что онъ шутъ, — обыкновенно говорилъ объ немъ Евграфъ Матвѣичъ,—онъ точно-что ломается, кривляется, всякій вздоръ болтаетъ, да это все не мѣшаетъ ему быть ученымъ... поговорите-ка съ нимъ серьезно, просто книга, заслушаешься; а ужъ о стихахъ и толковать нечего — стихи ему ни по чемъ, на какой хотите предметъ задайте — онъ вамъ такъ и начнетъ безъ запинки рѣзать. Не будь онъ горькій пьяница, не пей онъ запоемъ, да это былъ бы просто драгоцѣнный человѣкъ и, можетъ быть, пошелъ бы далеко!..

Въ продолженіе двухъ лѣтъ учителя постоянно даютъ уроки барышнѣ. Два года проходятъ незамѣтно.

Я не могу навѣрно сказать, до какой степени она успѣла въ высшихъ наукахъ, подъ руководствомъ пьянаго семинариста, учителей, нанявшихся по сходной цѣнѣ, и гувернантки, которая перемигивалась съ офицерами; но барышня значительно округлилась и выросла въ эти два года. Ей уже четырнадцать лѣтъ, а на лицо кажется даже болѣе. Она уже затянута въ корсетъ, она уже закатываетъ глаза подъ лобъ, по примѣру своей гувернантки, и знаетъ, какой цвѣтъ идетъ

къ лицу и какой не идетъ; она уже прочитала два романа Поль-де-Кока, которые валялись въ комнатѣ ея гувернантки... Она уже въ именины папеньки протанцовала два или три французскія кадрили съ офицерами и сказала маменькѣ:

— Ахъ, maman! когда у насъ будетъ еще балъ? Я такъ люблю танцовать!

Маменька и папенька не могутъ достаточно ею налюбоваться и говорятъ другъ другу:

— Вотъ подъ старость-то будетъ намъ утѣшеніемъ!

И все идетъ своимъ чередомъ въ домѣ Евграфа Матвѣича: только Лизавета Ивановна стала въ послѣднее время замѣчать, что гувернантка держитъ себя уже черезчуръ вольно; что на танцовальныхъ вечерахъ она совершенно забываетъ о существованіи своей воспитанницы и такъ и носится въ танцахъ сломя голову съ офицерами; что на послѣднемъ балѣ (на именинахъ Евграфа Матвѣича) она вдругъ исчезла изъ танцовальной залы и что ее вездѣ искали и не могли отыскать... Все это показалось Лизаветѣ Ивановнѣ страннымъ. И она стала внимательнѣе слушать разсказы няни о разныхъ подвигахъ гувернантки.

— Ахъ, няня! — восклицала Лизавета Ивановна, — да неужели же это правда?

А няня возражала:

— Убей меня Богъ, матушка, пусть лучше у меня языкъ отсохнетъ, если я лгу... Коли мнѣ не вѣришь, спроси у Евдокима. Онъ все своими глазами видѣлъ...

Но Лизавета Ивановна все еще сомнѣвалась. Она не легко разставалась съ своими убѣжденіями, хотя всѣ ея убѣжденія никогда ни на чемъ не основывались... «Да какъ же,—думала она, — я всегда считала Любовь Петровну прекрасной, скромной дѣвушкой, а теперь она вдругъ сдѣлалась дурная?..» Однако черезъ нѣсколько времени гувернанткѣ отказали отъ дома.

— Да нѣтъ, этого быть не можетъ...

Это происшествіе сильно подѣйствовало на Лизавету Ивановну; она не шутя призадумалась, тяжело вздохнула и сказала Евграфу Матвѣичу:

— Вотъ, голубушка, думали ли вы, что она такого сраму намъ надѣлаетъ?.. Вотъ подлинно въ чужую душу не влѣзешь. Вотъ ужъ истинно говорятъ, что чужая душа потемки.

Няня недолго пережила гувернантку.

Вскорѣ послѣ смерти няни и происшествія съ гувернанткой Евграфъ Матвѣичъ, по покровительству одной значительной особы, которая приходилась ему сродни, получилъ весьма выгодное мѣсто въ Петербургѣ...

Лизавета Ивановна вѣкъ готова была не покидать этихъ мѣстъ, гдѣ она родилась, выросла и начала старѣться, гдѣ все было такъ знакомо, такъ близко ея сердцу; гдѣ каждый шагъ пробуждалъ въ ней воспоминаніе ея дѣтства и молодости, гдѣ, наконецъ, заключалась ея святыня — прахъ родителей.

За недѣлю до отъѣзда своего въ Петербургъ Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна задали прощальный обѣдъ въ своемъ селѣ Ивановскомъ, а въ день отъѣзда, тотчасъ послѣ обѣдни и напутственнаго молебна, пошли на кладбище. Когда Лизавета Ивановна поравнялась съ могилами своихъ родителей, она схватила дочь за руку.

— Здѣсь лежатъ твой дѣдушка и твоя бабушка,—сказала она рыдая, — помолись, Катенька, поклонись въ землю, проси ихъ благословенія...—Она хотѣла сказать еще что-то, но слезы задушили ее.

Когда ее подняли, она крѣпко сжала руку мужа и произнесла, указывая па могилу:

— Если я умру на чужой сторонѣ, не оставляйте меня тамъ... Ради Бога не оставляйте... Пусть мой прахъ будетъ лежать здѣсь, въ родной землѣ, возлѣ ихъ праха... Не разлучайте насъ...

ГЛАВА VI.

Барышня невѣста.

Сначала Лизаветѣ Ивановнѣ и Евграфу Матвѣичу показалось дико въ Петербургѣ. Лизавета Ивановна, между прочимъ, долго не могла привыкнуть къ мысли, какъ въ одномъ

домѣ могутъ помѣщаться по нѣскольку семействъ, совершенно незнакомыхъ другъ съ другомъ, и съ безпокойствомъ спрашивала Евграфа Матвѣича: «кто это, дружочекъ, живетъ съ нами стѣна объ стѣну? да хорошіе ли это люди? да нѣтъ ли въ нашемъ домѣ какой-нибудь сволочи, какихъ-нибудь дурныхъ женщинъ?» Ей также очень непріятно было, что въ Петербургѣ плохи кладовыя и ледники и что въ квартирахъ нѣтъ никакого хозяйственнаго устройства: ни чуланчиковъ, ни полочекъ... «Ужъ тутъ нечего и думать о хозяйствѣ, — со вздохомъ замѣчала она, — какое тутъ хозяйство, безъ удобства и безъ простора: здѣсь люди живутъ какъ сельди въ боченкѣ!» Глядя на пятиэтажные дома, она обыкновенно говорила: «Да это настоящее вавилонское столпотвореніе! Долго ли тутъ до грѣха?..» Невскій проспектъ совсѣмъ ей не нравился. Что это такое? Экой Содомъ! Экая гибель народу! — твердила она, — и не въ примѣръ еще хуже, чѣмъ у насъ на ярмаркѣ... того и гляди, что или съ ногъ сшибутъ, или лошади задавятъ, или дышломъ убьетъ!» И потомъ обыкновенно прибавляла, глядя въ окно: «одно только меня здѣсь, на нашей квартирѣ, и радуетъ, что, по крайней мѣрѣ, храмъ Божій передъ глазами: только черезъ дорогу перейти». Между прочимъ, Лизавета Ивановна находила еще, что въ Петербургѣ народъ грубый, необразованный, что когда идешь по улицѣ, то никто посторониться не хочетъ, и вниманія никакого не обращаетъ; что въ Петербургѣ никому до нея нѣтъ дѣла, никто и знать ее не хочетъ, тогда какъ въ своемъ губернскомъ городѣ она лицо почтенное, всѣми уважаемое и что тамъ на улицѣ передъ нею всѣ шапки снимаютъ. Но весной и лѣтомъ Лизаветѣ Ивановнѣ особенно было тяжко и грустно... Весной и лѣтомъ Петербургъ ей казался просто нестерпимымъ, потому что въ это время всегда живѣе воскресали въ ея памяти и безконечное поле, волнующееся рожью, и лѣсъ, дышащій смолистой, благоуханною свѣжестью, тотъ лѣсъ, въ которомъ она, бывало, собирала грибы; и рѣчка съ крутыми и живописными берегами, въ которой деревенскіе мальчишки ловили раковъ, и гумно, гладкое, уставленное скирдами хлѣба, и рядъ почернѣлыхъ избъ,

и плетень при въѣздѣ въ деревню, и праздничные хороводы крестьянскихъ дѣвокъ, и заунывная пѣсня мужика, возвращающагося съ барщины... Все, все... Сердце Лизаветы Ивановны такъ и ныло, такъ и разрывалось при этихъ воспоминаніяхъ. Что касается до Евграфа Матвѣича, онъ находилъ много хорошаго въ Петербургѣ. Ему нравились, напримѣръ, блестящіе магазины Невскаго проспекта, и онъ часто останавливался передъ ними и думалъ: «пустая роскошь, а для глазъ пріятно». Еще ему нравился въ Петербургѣ турецкій табакъ дюбекъ Саркиса Богосова, по 5 рублей фунтъ; но болѣе всего нравились ему Милютины лавки. «Тутъ все,—разсуждалъ Евграфъ Матвѣичъ самъ съ собою, — что душа проситъ: и балыкъ, какъ янтарь, и фруктъ сочный, румяный, и окорокъ провѣсной, жирный, и кіевское варенье, и пастила яблочная, и сыръ швейцарскій со слезой, и икра зернистая свѣжая, и лукъ шпанскій, и эти масляныя рыбки въ жестяныхъ коробкахъ... какъ бишь ихъ... ну, да словомъ сказать, все, все!..

И онъ, бывало, никогда не проходилъ мимо Милютиныхъ лавокъ, непремѣнно зайдетъ въ свою знакомую лавку и отвѣдаетъ то того, то другого: то солененькаго, то сладенькаго, то кисленькаго, полюбуется то тѣмъ, то другимъ; понюхаетъ то то, то другое, спроситъ:

— А это, братецъ, что у тебя такое въ баночкѣ?

— Мармолатъ, ваше превосходительство.

— Ну, а тамъ, вонъ направо, въ бочкѣ-то?

— Виноградъ, ваше превосходительство.

— А! дай-ка, братецъ, кисточку винограда. Ну, а вонъ, въ углу-то... четвертая отъ угла банка... это что такое?..

И Евграфъ Матвѣичъ, по обыкновенію, долго не отводилъ страстныхъ очей отъ всѣхъ этихъ жестянокъ, склянокъ, баночекъ и бочекъ и, при каждомъ посѣщеніи лавки, отыскивалъ въ ней что-нибудь новенькое, что-нибудь замѣчательное.

Покорясь необходимости и помаленьку устроясь, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна нашли нужнымъ продолжать воспитаніе дочери. Они наняли для нея танцмейстера, компаньонку, которая называла себя француженкой, а была изъ

нѣмокъ и могла давать уроки на фортепіано, и учителя русскаго для всѣхъ наукъ.

Въ семнадцать лѣтъ воспитаніе Кати было совершенно окончено. По-французски хотя она и не говорила отлично, но могла поддержать обыкновенный разговоръ, танцовала очень недурно, вальсировала довольно легко и разыгрывала на фортепіано бальные танцы довольно бѣгло. Чего же больше?

Итакъ наступила торжественная минута въ жизни моей барышни. Ее надобно было вывозить въ свѣтъ.

Какой-то приговоръ произнесетъ свѣтъ надъ моею барышнею?

Лизавета Ивановна, разумѣется, вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ познакомилась со многими дамами такъ называемаго средняго круга. Для нея это была горькая необходимость, жертва, которую она безропотно приносила дочери нѣжно любимой, ибо въ обществѣ всѣхъ этихъ петербургскихъ барынь, отпускающихъ французскія фразы, безпрестанно толкующихъ о княгиняхъ и о графиняхъ, о послѣднихъ модахъ и о хорошемъ тонѣ, Лизаветѣ Ивановнѣ было тяжело и неловко. Она не умѣла принимать участія въ ихъ тонкихъ и любезныхъ разговорахъ, не вмѣшивалась въ ихъ прекрасныя разсужденія о нравственности и приличіи, не могла сочувствовать ни ихъ интересамъ, ни ихъ сплетнямъ. Безмолвно слушала она этихъ барынь и, смиренно сознавая собственное ничтожество, только удивлялась ихъ уму и образованію. Ее поддерживали и выручали въ самыя критическія минуты карты, потому что всѣ эти умныя и свѣтскія барыни, подобно моей Лизаветѣ Ивановнѣ, были охотницы играть въ преферансъ по десяти копеекъ мѣдью.

Лизаветѣ Ивановнѣ хотѣлось пристроить свою Катеньку за хорошаго и солиднаго человѣка. Это очень понятно: вѣдь не вѣкъ же ей было сидѣть подъ крылышками папеньки и маменьки. Зачѣмъ же и на воспитаніе барышень тратятся родители, какъ не для того, чтобъ этимъ воспитаніемъ приманивать жениховъ? И Лизавета Ивановна очень справедливо разсуждала, какъ разсуждаютъ всѣ маменьки, что только вывозя дочку въ свѣтъ можно надѣяться устроить ея участь:

но она, по простотѣ своей, никогда не рѣшилась бы прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ отчаянныя петербургскія маменьки для сбыванія съ рукъ своихъ дочекъ. Ей не пришло бы, напримѣръ, въ голову заставлять дочь кокетничать и употреблять всѣ роды соблазновъ передъ какимъ-нибудь безпутнымъ богачомъ, оттого только, что тотъ однажды, и то нечаянно, навелъ въ театрѣ лорнетъ на ихъ ложу; она не стала бы разглашать по всему городу, что ея дочь выходитъ за г-на N. N., когда г. N. N. и не думаетъ о ея дочери, и не рѣшилась бы поддерживать своего кредита въ магазинахъ именемъ этого г-на N. N.; она не могла бы обѣщать жениху своей дочери и капиталы и деревни въ приданое, а послѣ брака объявить зятю и дочери, что она покуда, къ сожалѣнію, ничего не можетъ дать имъ, а что, со временемъ, если позволятъ обстоятельства, и прочее, да еще въ довершеніе всего заставить легковѣрнаго зятя заплатить за вѣнчальное платье...

Все это казалось Лизаветѣ Ивановнѣ просто несбыточнымъ, и она говорила съ свойственнымъ ей простосердечіемъ:

— И вѣрить не хочу, чтобъ были на свѣтѣ такія матери...

Но обратимся къ барышнѣ. Ужъ близка рѣшительная и желанная минута ея жизни. Сегодня балъ у одной изъ тѣхъ генеральшъ, съ которыми знакома ея маменька. Балъ!.. О блаженство. На этомъ балѣ она первый разъ предстанетъ Свѣту! Сердце ея бьется и замираетъ; ей мерещится то золотой, то серебряный эполетъ; передъ ней уже, кажется, трепещутъ аксельбанты... ахъ, какъ она любитъ аксельбанты! Ей слышатся порою звуки вальса и бренчанье шпоръ... А часы идутъ такъ медленно, досадные часы!.. А ужъ бальное платье готово... вотъ оно виситъ на стулѣ; и какое платье, если бъ вы видѣли! и какъ обрисовываетъ роскошныя ея формы! Парикмахеръ-французъ уже причесалъ ее; на ея темныхъ волосахъ бѣлая роза... Барышня то посидитъ на стулѣ и помечтаетъ, то подбѣжитъ въ волненіи къ зеркалу...

Маменька и папенька въ такой же тревогѣ, какъ и она.

— А что, хорошо ли, голубчикъ, будетъ одѣта наша Ка-

тенька? — спрашиваетъ съ безпокойствомъ папенька у маменьки.

— Не знаю, дружочекъ, — отвѣчаетъ вздыхая маменька,— но на ней будетъ все хорошее и дорогое; все, кажется, такъ, какъ слѣдуетъ; а впрочемъ, Богъ знаетъ...

Вотъ, наконецъ, барышня совсѣмъ одѣта... Боже мой! какая у нея талія! Но она еле дышитъ, бѣдная барышня.

Маменька уже нѣсколько разъ осмотрѣла ее съ ногъ до головы. И папенька начинаетъ ее осматривать.

— Мило, мило,—замѣчаетъ генералъ,—да только мнѣ кажется, грудь-то ужъ очень открыта. Прилично ли это?

— Ахъ, папа, —восклицаетъ барышня,—какіе вы смѣшные; да вѣдь *всѣ* такъ носятъ...

Балъ великолѣпный. Все, какъ водится: и въ залѣ накурено одеколономъ, и лампы горятъ довольно ярко, и много генераловъ военныхъ и штатскихъ со звѣздами, и музыка гремитъ, и мороженое разносятъ, и расплывшіяся барыни въ чепцахъ сидятъ кругомъ стѣнъ, и барышни, нарядныя и перетянутыя, прыгаютъ подъ музыку съ офицерами. Царицы бала — двѣ дочери хозяйки, Sophie и Lise, полненькія и бѣленькія, съ томными глазками. Онѣ слывутъ красавицами; отъ нихъ съ ума сходятъ мои пріятели-офицеры и о существованіи ихъ знаютъ даже въ высшемъ свѣтѣ... Штатскихъ немного, человѣкъ пять, да и то одинъ изъ нихъ не танцуетъ, а ходитъ по комнатамъ, безпрестанно зѣвая (хотя ему зѣвать совсѣмъ не хочется), и иногда приставляетъ къ глазу лорнетъ, съ равнодушной и нѣсколько презрительной гримасой посматривая на барынь, на барышень, на кавалеровъ, на потолокъ и на стѣны. Онъ всѣмъ хочетъ показать, что случайно попалъ въ это общество, которое гораздо ниже его... Говорятъ, будто этотъ господинъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ высшему свѣту — чтò мудренаго! Не даромъ же хозяйка дома болѣе всѣхъ ухаживаетъ за нимъ.

Ослѣпленная и пораженная блескомъ бала, барышня робко вступила въ залу.

«Ахъ, сколько здѣсь офицеровъ! — подумала она. —Ахъ какъ здѣсь должно быть весело!» Но она не смѣла ни на кого

взглянуть. Она проходила черезъ залу, покраснѣвъ и потупивъ головку. И взгляды всѣхъ обратились на нее, какъ на лицо новое...

— Это еще что такое? Кто это такая? — спросила глухая и брюзгливая старуха-барыня у своей сосѣдки, показывая на барышню и неблагосклонно осматривая ее съ головы до ногъ въ лорнетъ.

(У брюзгливой старухи-барыни пять дочерей, — пять! и ни одна не замужемъ!)

— Кто же это такая, матушка?.. а?

— Это, кажется, дочь Ветлиной, —закричала ей на ухо сосѣдка...

— Какая жирная! — пробормотала себѣ подъ носъ старуха. — Какъ раскормили ее!..

(У брюзгливой старухи-барыни всѣ пять дочерей тонки, какъ спички.)

— Ахъ, ma chère, — говоритъ одна барышня другой барышнѣ, смотря на мою барышню прищурясь,—взгляни Бога ради, какъ она затянута... Бѣдная! на нее смотрѣть жалко... Вотъ ужъ не понимаю, что за охота такъ тянуться...

А барышня, говорящая эти слова, сама до того затянута, что ей нѣтъ никакой возможности наклониться; въ продолженіе бала ей уже дѣлалось три раза дурно.

— А что? ель не па маль,— толкуютъ между собою офицеры о барышнѣ.

— Такъ, живетъ себѣ.

— А каковы плечики-то!

— И очень... Только Таня, кажется, немножко повыше ея...

Одинъ изъ офицеровъ ангажируетъ барышню... Она подаетъ ему руку, и рука ея дрожитъ...

Лизавета Ивановна не спускаетъ глазъ съ Кати... Лизавета Ивановна даже отказалась отъ преферанса...

Евграфъ Матвѣичъ и играетъ въ карты, но онъ не покоенъ. Онъ часто вскакиваетъ изъ-за картъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Катя.

А Катя такъ счастлива! Она безпрестанно танцуетъ; на

мазурку ангажируетъ ее какой-то штатскій. Это ей немножко досадно. Она не любитъ штатскихъ...

Штатскій, танцовавшій съ нею мазурку, — хотя не франтъ, но одѣтъ очень аккуратно и прилично: въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ желтыхъ перчаткахъ. Онъ небольшого роста, имѣетъ круглое и румяное лицо, съ котораго не сходитъ пріятная и почтительная улыбка... Онъ говоритъ необыкновенно вѣжливо и, говоря, всегда наклоняетъ свой станъ немного впередъ. Всѣ знакомыя дамы безъ памяти его любятъ, потому что онъ никогда не бываетъ лишнимъ въ домѣ. Не достаетъ ли, напримѣръ, кавалера для танцевъ, нуженъ ли тремъ старымъ генеральшамъ четвертый для преферанса, — хозяйка дома ужъ непремѣнно подбѣгаетъ къ нему съ просьбой или съ карточкой, и онъ всегда выручаетъ ее изъ бѣды... Его всѣ называютъ примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ. Имѣя не болѣе двадцати семи лѣтъ, онъ уже исправляетъ должность начальника отдѣленія и имѣетъ чинъ надворнаго совѣтника. Онъ изъ нѣмцевъ, хотя по-нѣмецки говоритъ плохо; нѣмцевъ совсѣмъ не любитъ и ведетъ знакомство больше съ русскими. Его даже зовутъ не Карломъ Карлычемъ и не Иваномъ Иванычемъ, а Александромъ Петровичемъ. Превосходный чиновникъ, обладающій въ высшей степени терпѣніемъ и трудолюбіемъ, строгій и взыскательный съ подчиненными, онъ имѣетъ слабость казаться человѣкомъ свѣтскимъ и большой охотникъ до барышень, хотя барышни вообще терпѣть его не могутъ. Съ той минуты, какъ его произвели въ надворные совѣтники, онъ началъ помышлять, какъ бы завести надворную совѣтницу, и ему непремѣнно хочется, чтобъ за будущей надворной совѣтницей было по крайней мѣрѣ 2000 душъ крестьянъ или полтораста тысячъ капитала.

Когда мазурка кончилась, Александръ Петровичъ довелъ барышню до ея маменьки и почтительно поклонился той и другой.

— Что, вы, я думаю, устали? — сказала ему привѣтливо Лизавета Ивановна. — Шутка ли, мазурка-то вѣдь больше двухъ часовъ длилась.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Александръ Петровичъ, закусивъ нижнюю губу и изъ вѣжливости нѣсколько покачнувшись впередъ: — эти часы показались мнѣ однимъ мгновеніемъ.

Онъ бросилъ бѣглый, но значительный взглядъ на барышню и, снова почтительно поклонясь, исчезъ въ толпѣ.

— Какой пріятный молодой человѣкъ! — сказала Лизавета Ивановна дочери, поправляя ей брошку. — Онъ, по мнѣ, лучше всѣхъ этихъ, которые танцовали съ тобою.

— Фи, маменька! — вскрикнула дочь. — Онъ противный!

Вскорѣ послѣ мазурки, когда барышня совсѣмъ остыла, маменька увезла ее домой. Папенька, увидѣвъ приготовленіе къ ужину и форель, которую втаскивали въ столовую на огромномъ блюдѣ, не утерпѣлъ и остался ужинать...

За ужиномъ нѣсколько офицеровъ расположились около барышень... Другіе же, охотники попить, сѣли за особенный столъ. Послѣ ужина по обыкновенію еще немного потанцовали и гораздо свободнѣе, чѣмъ передъ ужиномъ — наконецъ всѣ разъѣхались.

Два франта, сходя съ лѣстницы, говорили между собою:

— А что, душа моя, ты Лизистъ или Софистъ?

— Разумѣется, мон-шеръ, Софистъ, хоть, впрочемъ, я и не охотникъ до софизмовъ...

Въ это время уже барышня почивала — и снилось ей, будто она, озираясь кругомъ съ біеніемъ сердца, выдернула бѣлое перо изъ султана и цѣловала его.

Первый шагъ въ свѣтъ былъ сдѣланъ — и уже съ этихъ поръ барышня только и грезила о балахъ, маскарадахъ, театрахъ и нарядахъ. Она познакомилась со всѣми барышнями своего круга — и взяла себѣ за образецъ одну, которая была очень богата и за которой бѣгали молодые люди толпами. Изъ застѣнчивой и даже робкой барышня незамѣтно превратилась въ развязную и бойкую. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, она умѣла прикинуться величайшей скромницей. Она совершенно взяла въ руки маменьку и папеньку и дѣлала изъ нихъ все, что хотѣла. Ея комнату уставили диванами и кушетками Гамбса. Она разложила у себя на столахъ кип-

секи и книги; она сдѣлалась страстною охотницей до французскихъ стишковъ и, читая ихъ, обыкновенно отмѣчала карандашомъ или ногтемъ тѣ строфы, которыя ей больше нравились, въ надеждѣ, что авось либо онъ (онъ былъ кирасирскій офицеръ) раскроетъ книжку и остановится на строфахъ, отмѣченныхъ ею. Она смѣялась надъ тѣми барышнями, которыя читали русскія книги и восхищались Бенедиктовымъ. Она знала всѣ выпушки и петлички на мундирахъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и рисовала офицеровъ, но только однихъ кавалерійскихъ, въ различныхъ видахъ: и верхомъ, и на дрожкахъ, и въ саняхъ, и въ каретахъ, и въ колябскахъ... Она почти каждую недѣлю ѣздила во французскіе спектакли и возила съ собою маменьку, которая, не понимая ни слова, зѣвала, смотря на сцену.

— Да не съѣздить ли намъ, Катюша, когда-нибудь въ русскій театръ? — сказала ей однажды Лизавета Ивановна.

— Какая гадость, maman! Да кто же изъ порядочныхъ ѣздитъ въ русскій театръ? Коли вы хотите, такъ поѣзжайте однѣ, а ужъ я ни за что не поѣду.

— Ну, какъ тебѣ угодно, — отвѣчала Лизавета Ивановна, — ты знаешь, что я одна безъ тебя ужъ никуда не поѣду.

Если на вечерѣ вдругъ моей барышнѣ дѣлалось скучно, или потому, что тамъ не было кирасирскаго офицера, или потому, что онъ слишкомъ много говорилъ съ другой барышней, она подходила къ карточному столу, за которымъ сидѣла ея мать.

— Maman, скоро вы кончите?

— Нѣтъ еще, душенька, вотъ сейчасъ, только передъ твоимъ приходомъ безъ двухъ въ червяхъ осталась...

— У меня голова болитъ, я не могу больше оставаться здѣсь. Поѣдемте домой.

— Что это съ тобой? не простудилась ли ты?

Лизавета Ивановна смотрѣла на дочь съ безпокойствомъ.

— Погоди немножко, мой другъ... нельзя же мнѣ не докончивши игры встать изъ-за стола...

— Ужъ этотъ несносный преферансъ! Какъ хотите, ма-

менька, я вамъ говорю, что не могу ждать... мнѣ можетъ сдѣлаться дурно...

Лизавета Ивановна приходила въ смущеніе и не знала, что дѣлать, но въ такихъ случаяхъ обыкновенно являлся выручить ее обязательный Александръ Петровичъ и доигрывалъ за нее партію.

Однажды случилось совершенно наоборотъ. На одномъ вечерѣ Лизавета Ивановна сдѣлалась нездоровою въ то время, какъ дочь ея танцовала мазурку съ кирасирскимъ офицеромъ.

Лизавета Ивановна подошла къ дочери.

— Другъ мой, Катенька, — сказала она ей, — мнѣ что-то нездоровится... Поѣдемъ!..

— Вотъ еще, маменька! — отвѣчала Катя. — Я не могу ѣхать прежде окончанія мазурки. Вы вѣчно лишаете меня всѣхъ удовольствій...

Лизавета Ивановна не произнесла ни слова. Она вышла изъ залы, не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія дочери, прошла нѣсколько комнатъ, не зная зачѣмъ, и очутилась въ комнатѣ, въ которой никого не было. Слезы закапали у нея изъ глазъ.

«Не-уже-ли ей не жалко меня? — подумала она. — Неужели она меня не любитъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ, — ей не любить меня, — меня!.. ни я, ни отецъ, кажется, ни въ чемъ ей не отказываемъ, исполняемъ ея малѣйшія желанія, для нея живемъ сверхъ состоянія, — а она еще говоритъ, что я лишаю ее всѣхъ удовольствій!..»

Но никто, — ни хозяйка дома, ни гости, ни барышня не видали слезъ Лизаветы Ивановны. Лизавета Ивановна едва дождалась окончанія мазурки, такъ ей было тяжело, а въ передней, несмотря на то, что едва стояла на ногахъ, сама укутывала дочь, говоря:

— Дай, я тебя закрою хорошенько, чтобъ какъ-нибудь вѣтеръ на тебя не пахнулъ... Видишь, какая ты горячая. Долго ли тутъ простудиться?

И, странное дѣло! всѣ ласки, вся заботливость матери были только въ тягость моей барышнѣ. Она часто съ своими

пріятельницами подсмѣивалась надъ матерью, въ обществѣ стыдилась ея и думала:

«Это ни на что не похоже, какія манеры у маменьки! Я вѣчно должна за нее краснѣть».

Да не подумаютъ, что у барышни было жестокое сердце и что она въ самомъ дѣлѣ не любила своей маменьки. Сердце у нея было нѣжное, какъ вообще у всѣхъ барышень, потому что, во время представленія чувствительной французской пьесы, она подносила платокъ къ глазамъ и приходила въ разстройство отъ малѣйшей бездѣлицы. Что же касалось до любви ея къ маменькѣ, въ этомъ смѣшно было бы и сомнѣваться.

Съ папенькой моя барышня обращалась поласковѣе, нежели съ маменькой, въ особенности если ей нужно было выпросить у папеньки денегъ сверхъ тѣхъ, которыя онъ выдавалъ ей ежемѣсячно на булавки. Впрочемъ, она исподтишка надъ папенькой посмѣивалась такъ же, какъ и надъ маменькой. Ихъ предразсудки казались ей грубы и странны, хотя барышня сама любила иногда пококетничать предразсудками... Она морщилась, напримѣръ, когда кто-нибудь иодносилъ ей за столомъ солонку или предлагалъ булавку.

Иногда барышня ѣздила въ церковь вмѣстѣ съ маменькой и съ папенькой, но она не молилась такъ искренно, такъ усердно, какъ молились ея родители. Она кушала постное только на первой и на послѣдней недѣлѣ великаго поста, и то въ это время чувствовала себя нездоровою и говорила, что ея желудокъ не можетъ переносить грубаго постнаго кушанья.

Она любила гадать на Рождествѣ—гаданье она не считала предразсудкомъ. Вмѣстѣ съ своей горничной она выливала олово или жгла бумагу на подносѣ, а потомъ смотрѣла, какія изъ олова или изъ жженой бумаги выходили на тѣни фигуры. Выходили всегда офицеры съ султанами, въ саняхъ или въ колясках, а вдали церковь. И горничная всегда замѣчала барышнѣ:

— Вотъ, барышня, вы ужъ непремѣнно выйдете нынѣшній годъ замужъ за военнаго.

Однако пророчество горничной не сбывалось. Пять зимъ

сряду барышня выѣзжала въ свѣтъ, и ни одинъ изъ ухаживавшихъ за нею офицеровъ не думалъ за нее свататься. Кирасиръ болѣе всѣхъ за нею приволакивался, и говорили, будто барышня писала къ нему раздушенныя записочки на французскомъ языкѣ (съ орѳографическими ошибками) и получала отъ него таковыя же; будто... ну, да можно ли вѣрить сплетнямъ? Извѣстно было навѣрное только, что послѣ кирасира ей очень нравился конно-егерь, затѣмъ гусаръ, а послѣ гусара уланъ.

Лѣто она любила даже болѣе, нежели зиму, потому что лѣтомъ на дачѣ такъ пріятны прогулки въ саду, при лунѣ... Ей хотѣлось также очень ѣздить верхомъ, но касательно верховой ѣзды ея воля не могла восторжествовать надъ волей родителей.

— И слышать не хочу объ этомъ, — кричалъ папенька, — что за безстыдство такое дѣвицѣ ѣздить верхомъ... Это ни на что не похоже...

— Отчего же, папа? И княжны и графини ѣздятъ. Отчего же мнѣ не ѣздить?..

— Замолчи! сдѣлай одолженіе, замолчи! Ты знаешь, что я тебѣ ни въ чемъ ие противорѣчу. Уступи же мнѣ хоть въ чемъ-нибудь. Пожалуй, коли хочешь, это мой капризъ, ну да исполни же хоть капризъ папенькинъ.

Добрый Евграфъ Матвѣичъ начиналъ немного сердиться.

Тогда Лизавета Ивановна обращалась къ нему:

— Полно, дружочекъ, полно, не тревожь себя; она не будетъ ѣздить верхомъ. Сохрани ее Господи отъ этого! Она совсѣмъ этого и не хочетъ; вѣдь это она такъ только пошутила.

— Совсѣмъ не пошутила, — шептала барышня себѣ подъ носъ.

Съ дачей барышня всегда разставалась почему-то со слезами. За день до переѣзда она обыкновенно отправлялась гулять для того, чтобъ проститься съ садомъ и съ паркомъ, заходила во всѣ бесѣдки, на колоннахъ писала карандашомъ французскіе стишки, втыкала въ деревья булавочки, клала въ чугунныя и мраморныя вазы бантики и ленточки и прочее.

Приличіе и мода — сдѣлались цѣлью ея жизни. Къ приличію и къ модѣ она стремилась всѣми силами души своей. Приличіе и мода обратились для нея въ несокрушимое вѣрованіе и убѣжденіе.

— Ахъ, папа, или ахъ, maman! — толковала она ежедневно, — да какъ это можно, да это не принято, да надъ этимъ будутъ смѣяться въ свѣтѣ, да это не въ модѣ. И, въ такихъ случаяхъ, она всегда ссылалась на авторитетъ дамъ и дѣвицъ высшаго свѣта, которыхъ знала поименамъ, хотя видѣла ихъ только въ театрахъ и на гуляньяхъ.

Маменька и папенька, смотря па свою Катю, находили, можетъ быть, въ ней много такого, что имъ очень не нравилось. Но они никогда не сердились на нее, не упрекали ее ни за что и думали: «Что жъ дѣлать? Она, голубушка, въ этомъ не виновата... Ужъ измѣнить этого нельзя. Нынче ужъ свѣтъ таковъ! Нельзя же ей не соображаться съ свѣтскими обычаями...»

Ни папенькѣ ни маменькѣ не нравилась большая часть молодыхъ людей, ѣздившихъ къ нимъ въ домъ.

— Нѣтъ, это не то, что было въ наше время! — говорилъ со вздохомъ папенька, глядя на нихъ.

— Они всѣ вѣтрогоны, — прибавляла маменька, — куда же имъ быть хорошими и добрыми мужьями!

Но и папенькѣ и мамеигькѣ — обоимъ имъ очень приходился по сердцу молодой надворный совѣтникъ, исправляющій должность начальника отдѣленія.

Они отзывались о немъ, какъ отзывались всѣ пожилые люди — съ отличной стороны:

— Александръ Петровичъ кроткій, благонравный человѣкъ и пойдетъ далеко; одно только жаль — нѣмецъ...

Александръ Петровичъ познакомился съ Евграфомъ Матвѣичемъ и Лизаветою Ивановной вскорѣ послѣ того времени, какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ ихъ дочь на балѣ и протанцовалъ съ нею мазурку. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно являлся къ нимъ въ домъ по воскресеньямъ, постоянно игралъ въ преферансъ съ Лизаветой Ивановной по двѣ копейки серебромъ (потому что Лизавета Ивановна только въ гостяхъ

играла по десяти копеекъ мѣдью) и постоянно устремлялъ кроткіе и сладкіе взоры на барышню, хотя она постоянно не обращала на него никакого вниманія, называла его, какъ всегда, противнымъ или досаднымъ и подсмѣивалась надъ нимъ вмѣстѣ съ офицеромъ. Послѣ полуторагодового знакомства онъ рѣшился однако просить ея руки у папеньки и у маменьки. Папенька и маменька приняли его предложеніе очень благосклонно, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что они принуждать дочери не могутъ, что они считаютъ это грѣхомъ и что, если ихъ дочь съ своей стороны изъявитъ согласіе, то они съ своей стороны будутъ этому очень рады и даютъ на бракъ полное свое благословеніе.

Когда папенька и маменька призвали барышню къ себѣ и объявили ей такую важную для нея новость — она сначала заплакала, потомъ зарыдала, потомъ захохотала; съ ней сдѣлался истерическій припадокъ... Маменька и папенька перепугались, сами заплакали, а на другой день объявили Александру Петровичу, что она еще не думаетъ о бракѣ, но что, вѣроятно, со временемъ, когда она съ нимъ (то-есть съ Александромъ Петровичемъ) короче ознакомится и увидитъ его достоинства, то не пожелаетъ себѣ лучшаго мужа; что молодыя дѣвушки — дуры; что онѣ сами своего счастья не знаютъ; что постоянство и терпѣніе — города берутъ, и прочее..

Александру Петровичу нечего было говорить о терпѣніи. Онъ бросился на шею къ Евграфу Матвѣичу, поцѣловалъ ручку Лизаветы Ивановны и сказалъ, что онъ терпѣть и ждать будетъ сколько имъ угодно, лишь бы только его поддерживала лестная надежда — удостоиться чести вступить съ ними въ родство.

И несмотря на то, что моя барышня совсѣмъ перестала говорить съ нимъ, узнавъ о его намѣреніяхъ, — Александръ Петровичъ показывалъ, что онъ ни мало не оскорбляется этимъ, и продолжалъ на нее смотрѣть по обыкновенію кротко и сладко.

Такъ прошло пять лѣтъ, Александръ Петровичъ попрежнему являлся къ Евграфу Матвѣичу и Лизаветѣ Иванов-

нѣ каждое воскресенье и попрежнему игралъ съ Лизаветой Ивановной въ преферансъ по двѣ копейки серебромъ... А между тѣмъ его произвели въ коллежскіе совѣтники и утвердили въ должности начальника отдѣленія. А между тѣмъ, барышня очень измѣнилась въ продолженіе этого времени: похудѣла и потеряла надежду выйти замужъ за офицера, хотя все еще поглядывала неравнодушными глазами на улана...

Въ началѣ шестого года (считая съ перваго ея выѣзда на балъ) она стала чрезвычайно ласково обращаться съ Александромъ Петровичемъ и къ концу этого года торжественно объявила родителямъ, что, убѣдясь въ его постоянствѣ и, главное, желая сдѣлать имъ угодное, она готова выйти за него замужъ. Въ послѣдніе годы ей запала въ голову мысль, что можно быть женой и не любя мужа; оставаться же вѣчно дѣвушкой — неловко и неудобно. Къ тому же она часто слышала отъ одной изъ своихъ пріятельницъ такого рода фразу:

— Ахъ, mesdames, вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть мужа дурака, такъ чтобъ я могла имъ вертѣть, какъ пѣшкой.

И въ ту же самую минуту, какъ барышня объявила родителямъ свое согласіе на бракъ съ Александромъ Петровичемъ, воображенію ея предстала отличная карета съ великолѣпными козлами и съ гербомъ, четверня лошадей вороныхъ съ сѣрыми наперекосокъ, вѣнчальное и визитныя платья, и шляпки, и чепчики...

Александръ Петровичъ просіялъ, сдѣлавшись женихомъ. Онъ все цѣловалъ ручку невѣсты и думалъ: «Правду говоритъ пословица: терпи, казакъ, атаманъ будешь!..»

Благословляя дочь къ вѣнцу, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна, какъ водится, плакали навзрыдъ. Свадьба праздновалась великолѣпно. Александръ Петровичъ стоялъ подъ вѣнцомъ въ мундирѣ съ богатымъ шитьемъ на воротникѣ. У него въ карманѣ былъ ломбардный билетъ въ 150,000 рублей ассигнаціями — цѣль его желаній. Къ тому же, тесть и теща, улыбаясь, дали ему замѣтить, что у нихъ нѣтъ дру-

гой наслѣдницы, кромѣ ихъ милой и ненаглядной Катеньки— и все, что останется послѣ ихъ смерти, принадлежитъ ей одной...

Здѣсь и кончается собственно исторія барышни, потому что, какъ видите, барышня превращается въ барыню. Остается досказать очень немногое.

Евграфъ Матвѣичъ скончался черезъ годъ послѣ брака дочери, и неутѣшная Лизавета Ивановна, разумѣется, тотчасъ переѣхала въ домъ зятя, отдавъ свое село Ивановское Брысскую-Топь тожъ (впрочемъ уже заложенное) въ его распоряженіе. Четыре года только прошло со смерти ея милаго Евграфа Матвѣича, —а она смотритъ совсѣмъ старухой. Ее ничто не утѣшаетъ кромѣ внучекъ, которымъ она вполнѣ замѣняетъ мать... Здоровье ея хилѣетъ съ каждой минутой, глаза бываютъ часто красны, говорятъ, будто отъ слезъ,— и она уже не играетъ болѣе въ преферансъ. Катерина Евграфовна веселѣе, чѣмъ когда-нибудь. Она всякій день или на балѣ, или въ театрѣ... Александръ Петровичъ облысѣлъ и похудѣлъ; его щеки ввалились, и на нихъ нѣтъ признака бывшаго румянца. Одинъ мой знакомый нынѣшнею осенью встрѣтилъ его въ ломбардѣ... Онъ бралъ деньги изъ капитала, чтобъ по приказанію жены абонировать ложу въ бельэтажѣ на итальянскую оперу.

Лизавета Ивановна часто съ грустью смотритъ на зятя и думаетъ, тяжело вздыхая:

— Какъ онъ перемѣнился, голубчикъ! Отчего же Катя огорчаетъ его? Отчего же она мало занимается своими дѣтьми?.. Отчего же она, моя Катя, часто забываетъ свою старуху мать? Развѣ она не видитъ, что мнѣ ужъ недолго остается погостить здѣсь?..

Отчего? отчего?..

Но я не берусь разрѣшать всѣ эти вопросы.

Не разрѣшите ли вы ихъ, мой читатель, или вы, моя читательница?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАЯЦЪ.

Можно бы написать большую книгу объ авторскомъ самолюбіи вообще и о сочинительскомъ самолюбіи въ особенности.

Первому бываютъ подвержены люди съ талантомъ; второму — посредственность и бездарность. Въ обоихъ случаяхъ, эта страсть — источникъ величайшихъ страданій для одержимыхъ ею. Впрочемъ, талантъ, какъ бы ни былъ болѣзненно-раздражителенъ, всегда имѣетъ свои минуты торжества, которыя, по возможности, ослабляютъ ѣдкую силу страданія отъ неудачъ или отъ несправедливыхъ приговоровъ, внушаемыхъ пристрастіемъ и невѣжествомъ. Но когда бездарный человѣкъ, одержимый бѣсомъ сочинительства, въ то же время исполненъ раздражительнаго самолюбія, которое, будучи въ заговорѣ съ его безвкусіемъ и невѣжествомъ, убѣждаетъ его въ томъ, что его произведенія превосходны и единодушно порицаются всѣми только по недоброжелательству, зависти и ослѣпленію: тогда взору наблюдателя представляется явленіе столько же жалкое и страшное внутри, сколько смѣшное и комическое снаружи. Подобныя явленія подлежатъ изслѣдованію и психолога и врача. Задорный писака — истинный мученикъ, онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и вездѣ, во всемъ видитъ злыя противъ него намѣренія. Вы сказали при немъ, что не любите читать: онъ обидѣлся; другой сказалъ при немъ, что не хотѣлъ бы быть литераторомъ: онъ обидѣлся; третій сказалъ при немъ, что не любитъ романовъ и повѣстей: онъ обидѣлся; четвертый похвалилъ при

немъ какое-нибудь новое произведеніе (не его разумѣется): онъ обидѣлся... Несчастный! его мучитъ всякій чужой успѣхъ, его терзаетъ появленіе всякаго замѣчательнаго сочиненія, всякаго замѣчательнаго таланта; онъ завидуетъ даже славѣ первоклассныхъ европейскихъ поэтовъ!.. А въ «своей литературѣ» онъ играетъ роль *зайца*, котораго всѣ травятъ изъ одного удовольствія травить. Выйдетъ плохое сочиненіе, совсѣмъ не имъ написанное: его сравниваютъ съ тѣмъ или другимъ изъ его сочиненій. Имя его вѣчно, кстати и некстати, подъ перомъ рецензентовъ. То онъ издаетъ сочиненіе за сочиненіемъ, то на время примолкаетъ, выжидаетъ и вдругъ, думая, что всѣ забыли его старые грѣхи, смѣшитъ журналы и публику изданіемъ новаго жалкаго дѣтища своей бѣдненькой фантазіи. Видя, что всѣхъ не задобришь, онъ выбираетъ одинъ изъ наиболѣе насмѣхавшихся надъ нимъ журналовъ—и начинаетъ льстить ему некстати въ своихъ сочиненіяхъ; но неумолимый журналъ тѣмъ больше издѣвается надъ нимъ... Что дѣлать? Бѣднякъ рѣшается самъ сдѣлаться критиканомъ и рецензентомъ. «Меня бранили, — говоритъ онъ, — буду же и я бранить другихъ». Но ему въ то же время хочется казаться безпристрастнымъ, и онъ считаетъ долгомъ своимъ хоть что-нибудь да похвалить во всякой вздорной книжонкѣ. Впрочемъ, по сочувствію бездарности, онъ хвалитъ только одно посредственное, ничтожное и осуждаетъ только геніальное и талантливое, да ужъ развѣ что-нибудь очень безсмысленное и безграмотное. Но онъ осуждаетъ «съ легкою ироніею», а въ самомъ дѣлѣ сонно, вяло, плоско, съ беззубыми остротами и пошлыми шуточками. Однакожъ, и это ему не удается. Рецензій его не принимаетъ ни одинъ журналъ; онъ издаетъ ихъ отдѣльными тетрадками, которыя доставляютъ обильную пищу насмѣшливости журналовъ, а сами не идутъ, не раскупаются... Чудакомъ овладѣваетъ отчаяніе: изъ полемическаго рыцаря печальнаго образа онъ становится полемическимъ Orlando Furioso. Ему остается одно: найти пріютъ въ какомъ-нибудь изданіи. Наконецъ — о радость! издатель какого-нибудь литературнаго сора, видя въ нашемъ *зайцѣ* большой полемическій задоръ,

предлагаетъ ему безвозмездно трудиться въ своемъ изданіи. Несчастный заяцъ радъ и самъ платить послѣднія деньжонки, чтобъ только печатали его статейки, даромъ же онъ готовъ работать съ плеча день и ночь. Издатель тоже радъ ему: онъ употребляетъ его даромъ и только поправляетъ его статьи. Самолюбивый заяцъ блѣднѣетъ и дрожитъ за всякое вычеркнутое или поправленное слово; но прошлыя неудачи дѣлаютъ его поневолѣ уступчивымъ; лишь бы не отняли у него возможность бранить тѣхъ, которые такъ долго смѣялись надъ нимъ, — онъ готовъ переносить отъ своего хозяина все... Но зато трепещите вы, враги его! Онъ ужъ больше не говоритъ о безпристрастіи, о справедливости... Но, увы! враги его, которыхъ онъ думалъ видѣть подъ своими ногами, уничтоженныхъ, умирающихъ, — его враги опять весело смѣются, потому что ничего нѣтъ смѣшнѣе и пріятнѣе, какъ безсильная злоба, какъ пухлое изверженіе надувшейся бездарности... Что же будетъ дѣлать заяцъ, когда убѣдится въ своемъ безсиліи? что ожидаетъ его несчастнаго?.. Да, это любопытный типъ, драгоцѣнный предметъ для литературно-физіологическаго очерка съ картинками подъ названіемъ: «Литературный Заяцъ»...

ЭСКИЗЫ.

Изъ портретной галлереи Ив. Панаева.

Я и литературой занимаюсь тоже.
(Хлестаковъ въ «Ревизорѣ»).

Въ 26 № Демутовской гостиницы, что у Полицейскаго моста, остановился очень полный помѣщикъ въ венгеркѣ, пріѣхавшій въ Петербургъ къ Рождеству, по порученію супруги своей, для закупки чепца послѣдняго фасона въ магазинѣ г-жи Тринклеръ и какой-то двуличневой матеріи, съ атласнымъ отливомъ, о которой было объявлено въ модахъ при «Библіотекѣ для Чтенія». Помѣщикъ этотъ человѣкъ образованный: онъ выписываетъ журналы, по большей части такого рода, къ которымъ прилагаютъ модныя или другія картинки, играетъ въ вистъ и преферансъ съ сосѣдями; охотится, крутитъ усы, потому что онъ штабсъ-капитанъ въ отставкѣ и имѣетъ въ Петербургѣ хорошее знакомство. 29-го декабря 1840 года онъ пригласилъ къ себѣ гостей на вечеръ. Гости съѣхались. Двѣ Анны 2-й степени, два Станислава 2-й, одинъ Владиміръ 4-й, господинъ величественной наружности, съ улыбкой, выражающей благородное сознаніе въ собственномъ превосходствѣ, и молодой человѣкъ, необыкновенно застѣнчивый. Общество, какъ видите, вообще очень пріятное, настоящее петербургское. Комната гостиницы средней величины: два ломберныхъ стола, четыре зажженныя стеариновыя свѣчи, чемоданъ полураскрытый подъ диваномъ, нѣсколько деревянныхъ ящиковъ въ углахъ,

да еще третій круглый столъ передъ диваномъ, и на немъ сигары, карты, афиши и разныя объявленія. Все въ безпорядкѣ, какъ обыкновенно въ нумерахъ для пріѣзжающихъ. Разговоръ живой и занимательный.

— Позвольте спросить, много по вашему министерству представленій къ празднику? — спросилъ господинъ съ Анной у господина съ Станиславомъ.

Сухощавый и длинноногій господинъ съ Станиславомъ, передернувъ бровями, отвѣчалъ:

— Нѣтъ-съ, нельзя сказать; въ истекшемъ году было гораздо болѣе, особенно по части денежныхъ награжденій. Илья Иванычъ Недалековъ, напримѣръ, получилъ денежное, окромя ордена.

— Неимовѣрное счастье-съ по службѣ этому Ильѣ Иванычу, даже просто что-то непостижимое-съ, — замѣтилъ другой господинъ съ синей бородкой и съ жидовскими ухватками.

Господинъ съ Владиміромъ вздохнулъ и обратился къ помѣщику:

— Ахъ! то ли дѣло ваше житье, Сергѣй Никифорычъ, — сказалъ онъ, — совершенное, безмятежное уединеніе, — не то, что наше столичное: ни суеты никакой, ни отвѣтственности...

— И точно славное житье! — возразилъ помѣщикъ, остановясь посреди комнаты и подбочась, — я бы и носу не показалъ въ вашъ Петербургъ, да жена... — При этомъ онъ началъ крутить усы.

— Впрочемъ, есть-таки и дѣлишки кой-какія, а то бы зачѣмъ меня нелегкая принесла сюда? На улицахъ у васъ толкотня, давка; ни къ чему приступа нѣтъ; магазинщики — невѣжи, — да я ужъ одного изъ нихъ порядкомъ проучилъ. Видишь, французъ не понимаетъ по-русски! — Да какъ же онъ смѣетъ не понимать по-русски, когда онъ въ русскомъ царствѣ находится?

— Именно, эти французы таковы-съ, — началъ господинъ съ синей бородкой. — Я на-дняхъ зашелъ къ парикмахеру-съ на Невскій, парикъ свой немножко поправить-съ, и говорю хозяину, показывая на голову: вотъ, я говорю, поправить надо; а онъ—что́ бы вы изволили думать-съ?—посмотрѣлъ на меня

да и сказалъ: «Послѣ, мусье!» А на мнѣ, какъ и теперь, былъ орденъ. Что же я за мусье? Ужъ точно можно сказать, что дерзкій народъ, на нихъ и суда нѣтъ-съ.

Господнн величественной наружности не говорилъ ни слова.

Онъ смотрѣлъ въ потолокъ, нѣсколько презрительно поводилъ языкомъ за губами и значительно прищуривалъ глаза.

— Что, милостивые государи, въ вистикъ или въ преферансикъ? — воскликнулъ помѣщикъ. — У васъ въ Петербургѣ нынче во что играютъ?

— Преферансъ болѣе въ модѣ, — сказалъ господинъ съ Анною.

— Но я, воля ваша, придерживаюсь старинки, — возразилъ длинноногій господинъ съ Станиславомъ, — вистъ — игра, болѣе или менѣе требующая головной работы; тутъ умственныя способности въ напряженіи; а преферансъ игра самая пустая.

— Всѣ-то ваши игры пустыя! — и, говоря это, помѣщикъ подносилъ карты гостямъ.

— Я вѣдь, Сергѣй Никифорычъ, по маленькой, — сказалъ господинъ съ Анной.

— И я тоже по маленькой, — произнесъ господинъ съ Владиміромъ. — Я полагаю, лучше въ вистикъ?

— Конечно-съ.

— Что это за игры?—продолжалъ помѣщикъ:—помнишь ли, Андрей Яковличъ, какъ мы въ походѣ въ штосикъ, бывало? а? Все прошло, братецъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ женился, и я только въ вистъ да въ преферансъ играю.

Помѣщикъ вздохнулъ.

Господинъ величественной наружности, къ которому относилась эта рѣчь, поморщился или улыбнулся — этого нельзя было въ точности замѣтить.

— Смѣшно и вспоминать объ этихъ глупостяхъ, — отвѣчалъ онъ, обращаясь къ помѣщику и избѣгая мѣстоимѣній въ разговорѣ:—на все есть время. Теперь мнѣ не до штосиковъ, — я заваленъ дѣлами, и такими дѣлами, которыя ми-

нистръ поручилъ собственно мнѣ... Я иногда долженъ видѣться съ нимъ, три раза въ день. Вчера онъ мнѣ сказалъ: «Я только на васъ и надѣюсь, просто на однихъ на васъ». Тутъ ужъ, господа, не пойдетъ на умъ штосикъ, какъ вы думаете?

Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

При словѣ: «министръ» всѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣли сначала другъ на друга, потомъ на господина величественной наружности.

— А ты будешь играть, Андрей Яковличъ?

— Нѣтъ, я почти совсѣмъ не играю.

— Эхъ, эхъ, эхъ! — воскликнулъ помѣщикъ, — все-то на свѣтѣ измѣняется: вѣдь четыре года только не былъ въ Петербургѣ, а покорно прошу — какія перемѣны! И пріятелей-то не узнаешь, и улицы какъ будто новыя, и освѣщеніе газовое, и дома такіе огромные и высокіе, что въ иной тысячъ пять душъ помѣстится — цѣлая шереметевская вотчина... Андрей Яковличъ, да вѣдь четыре года тому назадъ ты игралъ въ вистикъ?

— Четыре года! — выразительно повторилъ, улыбаясь, господинъ величественной наружности, у котораго замѣтно коробилось лицо при каждомъ *ты* помѣщика, относившемся къ нему.

— Что же четыре года? много ли это времени? Я, право, не знаю, какъ у васъ въ столицѣ, а я такъ въ деревнѣ гонялся за зайцами и не замѣтилъ, какъ пролетѣли эти четыре года. Право, братъ, у стараго пріятеля не грѣхъ иногда и въ картишки перекинуть. Впрочемъ, я тебя не неволю, какъ ты себѣ хочешь, — или можетъ статься у васъ въ большомъ кругу не въ тонѣ играть?.. Вѣдь я ото всего, другъ сердечный, отсталъ въ своемъ захолустьи. Что же вы тамъ, разговорами что ли больше занимаетесь?

— Нѣтъ-съ, извините, — сказалъ господинъ съ Анной: — карты во всеобщемъ употребленіи; кто не умѣетъ играть въ карты, тому и носу, я вамъ скажу, нельзя показать въ обществѣ, тотъ торчитъ у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу.

— Я изрѣдка играю, но только въ большую, — протяжно

произнесъ господинъ величественной наружности:—съ недѣлю тому я игралъ въ вистъ по 200 рублей роберъ, и такъ счастливо, что одинъ мой пріятель статсъ-секретарь, сидѣвшій возлѣ меня, говоритъ: «мнѣ кажется у тебя, mon cher, сама фортуна за пазухой».

Гг. съ Анною и Станиславомъ засмѣялись, а Владиміръ, съ картой въ рукѣ, подойдя къ синей бородкѣ, прошепталъ ей на ухо, поведя глазомъ на господина величественной наружности: — Не изволите знать, кто это такой?

— Не могу сказать-съ, только возвышенная физіономія. Странно, впрочемъ-съ, что у него нѣтъ никакого ордена.

— Многіе нынче, Матвѣй Иванычъ, надѣваютъ ордена только въ экстренные случаи. Иногда отъ этого можно попасть въ такой лабетъ—и человѣка значительнаго принять такъ, за какого-нибудь, ничего нѣтъ мудренаго: на лбу вѣдь ни у кого не написано ни чина, ни фамиліи. Осторожность въ нынѣшнее время—главное!

— Что же, господа? принимайтесь за дѣло,—кричалъ помѣщикъ, вытаскивая изъ огромнаго кармана своей венгерки кисетъ съ табакомъ.—Столъ готовъ, мѣлки важные, только записывай...—Онъ началъ набивать свою огромную дорожную трубку съ коротенькимъ чубучкомъ и продолжалъ:

— А мы—люди праздные—между тѣмъ поболтаемъ кое о чемъ. Не правда ли, Андрей Яковличъ?

Закуривъ трубку, помѣщикъ подсѣлъ къ господину величественной наружности. Въ эту минуту безмолвный и застѣнчивый молодой человѣкъ, доселѣ никѣмъ незамѣченный, нѣсколько разъ кашлянулъ.

— Видишь, усѣлся тамъ въ уголку, какъ красная дѣвушка,—сказалъ помѣщикъ, обращаясь къ закашлявшемуся молодому человѣку:—и слова не вымолвилъ. Что это ты кашляешь? Не простудился ли, Вася?

Молодой человѣкъ, когда на него обратили вниманіе, неловко пошевельнулся на своемъ стулѣ, весь вспыхнулъ и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ-съ, это такъ-съ.

— Рекомендую тебѣ, Андрей Яковличъ,—продолжалъ по-

мѣщикъ, указывая чубукомъ на молодого человѣка: — это сынъ моего закадычнаго пріятеля и сосѣда деревенскаго, — малый добрый; есть у него, впрочемъ, кое-какія коловратныя мысли, да это еще по молодости, недавно изъ Москвы пріѣхалъ сюда опредѣляться на службу, а обучался въ университетѣ.

Молодой человѣкъ, раскланиваясь, покраснѣлъ еще болѣе прежняго.

Господинъ величественной наружности наклонилъ немного свою голову въ отвѣтъ на поклонъ его и сказалъ, улыбаясь, помѣщику:

— Стоитъ только пообжиться немного въ Петербургѣ, такъ коловоротныя мысли какъ разъ исчезнутъ. Я знаю многихъ московскихъ молодыхъ людей, которые пріѣхали сюда съ такимъ сумбуромъ въ головѣ, что Боже упаси: толковали о разномъ вздорѣ, — о гуманизмѣ, о направленіи вѣка... они всѣ тамъ помѣшаны на философіи. Но горячку ихъ здѣсь какъ рукой сняло, и теперь они сдѣлались такіе любезные, ровные, милые молодые люди, танцуютъ до упаду безъ всякихъ претензій, работаютъ въ департаментахъ славно. На свободѣ-то оно, конечно, хорошо сочинять разныя теоріи да отвлеченности, вдаваться въ поэзію,—другимъ нечѣмъ заняться, а у насъ, батюшка, проза; чистая проза безъ всякой примѣси.

— Прекрасное и здоровое разсужденіе!—замѣтилъ вполголоса господинъ съ Анной своему партнеру съ Владиміромъ.

— Помилуйте, да у васъ дама самъ шесть козырей, а вы не козыряете, вѣдь мы маленькій шлемъ могли бы сдѣлать. На что же это похоже?

— Виноватъ, заслушался,—да нельзя: славно говоритъ.

— Потерять отъ этого шлемъ! — ворчалъ господинъ съ Владиміромъ,—шлемъ!

Молодой человѣкъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, слушая господина величественной наружности; лицо его попеременно то краснѣло, то блѣднѣло, губы шевелились: но онъ не могъ выговорить ни одного слова отъ застѣнчивости и вертѣлъ въ рукахъ носовой платокъ. Очень пріятное положеніе!

— Андрей Яковличъ,—говорилъ помѣщикъ:—ты со всѣми въ связи и съ министромъ, какъ сказываешь, свой человѣкъ, и съ разными стасъ-секретарями. Сыщи-ка, братецъ, юношѣ-то мѣстечко; отецъ его человѣкъ небогатый; я тебѣ за это спасибо скажу, да еще къ будущему Рождеству моченыхъ яблокъ пришлю; вѣдь я знаю, супруга твоя до нихъ охотница, а у васъ здѣсь не умѣютъ мочить яблокъ, какъ должно.

— Помилуйте, Сергѣй Никифорычъ!—жалобно воскликнулъ молодой человѣкъ, вытирая крупныя капли пота, проступившія у него на лбу. Моченыя яблоки, обѣщанныя за его опредѣленіе, привели бѣдняжку въ совершенное отчаяніе.

— Ничего, Вася, ничего... ужъ ты, пожалуйста, не церемонься и молчи, это не твое дѣло.

— Я съ большимъ удовольствіемъ постараюсь сдѣлать, что могу,—сказалъ господинъ величественной наружности:—я увѣренъ, что *мою* просьбу министръ уважитъ; но объ этомъ только надобно сказать директору, а я съ директоромъ на пріятельской ногѣ; мы всегда другъ у друга разъ въ недѣлю обѣдаемъ.

— И прекрасно! и дѣло въ шляпѣ! Вотъ видишь ли, Вася, пословица-то не лжетъ: старый другъ—лучше новыхъ двухъ.

— Но зачѣмъ безпокоить такими просьбами...—едва слышно проговорилъ молодой человѣкъ.

— Говорятъ тебѣ, Вася, толкомъ: молчи... Послушай, Андрей Яковличъ, гдѣ здѣсь достать хорошаго кнастера? Отецъ его просилъ меня купить нѣсколько картузиковъ. Онъ вотъ, видишь ли, служа въ пѣхотныхъ полкахъ въ Выборгѣ, взялъ привычку курить кнастеръ,—а по мнѣ такъ это скверный табачишка!..

— Право, не знаю.

Господинъ величественной наружности взялъ со стола какое-то объявленіе и началъ его небрежно просматривать.

— А, это объявленіе на журналы,—сказалъ онъ, бросая листокъ.

— Да, братецъ. А на какіе бы подписаться, я все думаю.

Какъ ты посовѣтуешь? вѣдь тебѣ это должно лучше быть извѣстно?

— Я давно не читаю русскихъ журналовъ. У меня едва достаетъ время на англійскіе и французскіе *ревю*. Наши журналы всѣ и скучны и...

— Ну, нѣтъ, воля твоя, этого нельзя сказать,—перебилъ помѣщикъ.—Иногда попадаются и анекдотцы хорошіе, и водевили забавные. Мы съ женой надъ однимъ... какъ бишь его... забылъ названіе... взапуски хохотали... ну, это смерть моя, терпѣть не могу. Они тамъ промежь себя что хочешь толкуй, да публикѣ-то какое до этого дѣло?

— Хороша ученость въ нашихъ журналахъ!—замѣтилъ господинъ величественной наружности, поправляя яхонтовую застежку на массивной золотой цѣпочкѣ, живописно расположенной на его бархатномъ жилетѣ вишневаго цвѣта.

— Я разъ нечаянно развернулъ такъ, не помню какой-то журналъ, и прочелъ, что у французовъ не было философовъ. Эти господа журналисты забыли бездѣлицу—Декарта и Мальбранша! Я такъ ужъ не забуду Декарта: я надъ нимъ 8 лѣтъ сидѣлъ, не поднимая головы.

— Все это еще ничего-съ,—скромно возразилъ господинъ съ синей бородкой,—а вотъ что обидно: тамъ въ журналахъ помѣщаются, такъ сказать, оскорбительныя для человѣческой чести личности-съ. И на меня была недавно написана сатира. Я ужъ хотѣлъ жаловаться-съ. Конечно, у меня знакомство хорошее и репутація моя составлена: мнѣ это повредить не можетъ, да оно все, какъ хотите, щекотливо. И сочинителя-то я еще ребенкомъ зналъ, ей Богу-съ, человѣкъ безъ всякой солидности, разговариваетъ больше о пустякахъ-съ и все по Невскому бѣгаетъ.

— Охота же вамъ, Матвѣй Иванычъ, Богъ знаетъ что на свой счетъ принимать,—перебилъ помѣщикъ,—мало ли что сочинители выдумываютъ, на то они и сочинители. Они, извѣстно, насмѣшники.

Господинъ величественной наружности едва замѣтно улыбался.

— Какъ же ты мнѣ посовѣтуешь, Андрей Яковличъ,— продолжалъ помѣщикъ:—на какой журналъ подписаться? а? Я, братецъ, хочу подмахнуть на два: на «Репертуаръ»,— это, я тебѣ скажу, безподобный журналъ, да и на «Энциклопедическій» кстати, — говорятъ и онъ съ будущаго года опять пойдетъ. Странно только, что объ немъ вотъ въ этомъ объявленіи вмѣстѣ съ другими журналами не упомянуто.

Господинъ величественной наружности закусилъ нижнюю губу.

— Да, «Репертуаръ» точно занимательнѣе другихъ,—сказалъ онъ:—утомясь отъ занятій, отъ головной работы, съ удовольствіемъ иногда можно перелистывать его.

— Вѣдь и вообще, кажется,—замѣтилъ длинноногій господинъ, тасуя карты:—всѣми этими сочиненіями, собственно говоря, хорошо позабавиться въ свободные часы отъ службы. Это, такъ сказать, десертъ послѣ обѣда, безъ котораго и обойтись можно.

— Но я, признаюсь, хотѣлъ бы, чтобъ у насъ былъ журналъ дѣльный,—продолжалъ господинъ величественной наружности:—дѣльный въ полномъ смыслѣ слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстный, безпристрастный.

— Да вотъ, — запищалъ тоненькимъ голосомъ господинъ съ Анной, пересмотрѣвъ свои карты: — съ будущаго года въ Петербургѣ станетъ издаваться какой-то новый журналъ, — тотъ ужъ, обѣщаютъ, будетъ совершенно добросовѣстный и безпристрастный.—При этомъ даже застѣнчивый молодой человѣкъ не могъ выдержать: онъ засмѣялся, покраснѣлъ и спряталъ лицо свое въ носовой платокъ.

— Журналъ долженъ имѣть разнообразіе, — говорилъ господинъ величественной наружности, — это первое условіе; второе, чтобы онъ имѣлъ направленіе чисто-практическое; всѣ философическія и теоретическія бредни въ сторону... практика и практика. Она только и можетъ принести истинную пользу Россіи... Конечно, повѣсти нельзя не помѣщать въ журналѣ, но повѣсти должны быть коротенькія.

— Отчего же, братецъ? — перебилъ помѣщикъ, — съ этимъ

я не согласенъ. Я люблю повѣсти, особенно веселыя, и жена моя тоже ихъ очень любитъ... Ну, печальныя — ни слова: эти такъ Богъ съ ними. Въ жизни и безъ этого много слезъ, да еще отъ книгъ плакать, — нѣтъ, ужъ покорный слуга!

— Стишки, — декламировалъ господинъ величественной наружности, — вовсе не должны быть въ журналѣ, потому что теперь всѣ пишутъ преплохіе стишки, да и вообще писать стихи въ XIX вѣкѣ — анахронизмъ.

— Стишковъ точно хоть бы и не было, — возразилъ помѣщикъ, — не велика будетъ потеря; иное дѣло куплетцы водевильные, — безъ нихъ нельзя, братецъ. Есть вѣдь чудо какіе. Я въ «Репертуарѣ», кажется, читалъ куплетецъ объ усахъ — и помѣщикъ расправилъ свои усы: — какъ бишь его, я наизусть помнилъ:

Что усы твои, усы...

ахъ, чортъ возьми, позабылъ, а безподобный куплетецъ.

Застѣнчивый молодой человѣкъ, выслушавъ мнѣніе господина величественной наружности о стишкахъ, грызя ногти и заикнувшись раза два или три, осмѣлился замѣтить, что Байронъ и Пушкинъ принадлежатъ XIX вѣку, что они писали стихами и не считались однакоже анахронизмами.

— Да, конечно, но я собственно говорю о послѣднихъ годахъ, — возразилъ господинъ величественной наружности: еще лѣтъ восемь тому назадъ были стишки...

— Помилуйте-съ,—перебилъ молодой человѣкъ:—еще недавно появился у насъ въ литературѣ истинный и глубокій поэтическій талантъ. Вы, можетъ быть, не читали его стихотвореній? позвольте мнѣ,—я знаю нѣкоторыя наизусть.

И робость его мгновенно исчезла; онъ, какъ бы движимый непреодолимою силою вдохновенія, вдругъ вскочилъ со стула и съ сверкающими глазами, съ разгорѣвшимся лицомъ началъ читать одно стихотвореніе. Молодой человѣкъ позабылъ, гдѣ онъ и кто его слушатели. Онъ, бѣдный, былъ очень смѣшонъ и жалокъ въ эту минуту. Господинъ величествен-

ной наружности, лицо котораго приняло выраженіе рѣзко ироническое, перебиралъ табакъ въ своей табакеркѣ.

Помѣщикъ, позѣвывая, соскабливалъ ногтемъ пятно со стѣны.

Господинъ съ Анной, игравшій въ карты, говорилъ другому съ Владиміромъ.

— Этотъ молодой человѣкъ мило декламируетъ.

А господинъ съ Владиміромъ отвѣчалъ ему:

— Не дурно-съ, только слишкомъ изъ себя выходитъ.

Окончивъ стихи, молодой человѣкъ съ участіемъ посмотрѣлъ на своихъ слушателей, какъ бы желая прочесть на лицахъ ихъ, заронилась въ ихъ души хотя малѣйшая искра восторга, одушевлявшаго его.

— Стихи хороши, но не совсѣмъ выдержаны,—замѣтилъ господинъ величественной наружности:—есть кое-какіе грамматическіе промахи.—Въ эту минуту онъ думалъ:

— Эге! да на этого молодчика плоха надежда по службѣ: онъ поэзію слишкомъ горячо къ сердцу принимаетъ.

Молодой человѣкъ молча опустился на стулъ: онъ почувствовалъ весь комизмъ своего положенія, онъ понялъ, какъ некстати и глупо обнаружилъ свой юношескій жаръ, свое кипучее чувство... Какъ провинившееся дитя, онъ смиренно притаился въ уголокъ и ужъ не произнесъ ни одного слова въ продолженіе цѣлаго вечера.

— Такъ мы говорили о журналѣ,—началъ опять господинъ величественной наружности: да.—На отдѣленіе наукъ должно быть преимущественно обращено вниманіе журналиста.

— И, братецъ, это ей Богу напрасно! — закричалъ помѣщикъ.

— Наукамъ мы въ школѣ учились, да изъ этого мало толку вышло, а теперь на старости лѣтъ учиться поздно: статейки же по части сельскаго хозяйства не мѣшаетъ; ихъ всегда съ любопытствомъ прочтешь.

— Позвольте-съ, — замѣтилъ господинъ съ синей бородой,—для столичныхъ жителей это не имѣетъ-съ интереса.

— Критика должна заниматься серьезными книгами, а не романами и повѣстями.

— Серьзными?—возопилъ помѣщикъ,—да кто же, братецъ, станетъ читать твои серьезныя критики? Я какъ увижу, что статейка чуть посерьезнѣе, такъ и листовъ не разрѣзываю.

— Разборы книгъ надобно поручить такимъ людямъ, у которыхъ головы логически образованы. Смѣсь тоже важная статья. Въ смѣси могутъ быть статьи по части политической экономіи, по части...

— Въ смѣси-то анекдотцевъ побольше. Я ничего такъ не люблю, какъ небольшіе анекдотцы: это просто страсть моя. Послѣ обѣда книгу въ руки, кожаную подушку подъ голову... анекдотецъ за анекдотцемъ, такъ незамѣтно и глаза слипнутся, да съ часикъ другой и соснешь.

— Анекдотцы, именно анекдотцы!—хоромъ повторили всѣ.

— Только вотъ что неудобно нынче,—продолжалъ помѣщикъ:—книжки такія толстыя, что держать невозможно, рука отекаетъ.

— Это правда,—сказалъ господинъ величественной наружности, захохотавъ очень громко:—вотъ еще одна изъ причинъ, почему нашихъ журналовъ не беру въ руки.

Когда вистъ кончился, длинноногій господинъ, выигравшій 5 р. 20 к., въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа подошелъ къ столу, на которомъ лежали объявленія и афишки.

— Неужели-съ,—произнесъ онъ, разсматривая объявленія о журналахъ:—неужели-съ это все журналы на 1841 годъ? Боже мой, да сколько ихъ! Къ чему бы, казалось, еще новые издавать? И старыхъ-то, я полагаю, еще многіе не прочли-съ.

— А знаете ли, господа,—сказалъ помѣщикъ, выколачивая свою трубку:—по моему мнѣнію всѣ эти журналы и книги для того только и сочиняютъ, чтобы съ насъ деньги обирать. Ей Богу такъ.

— Да, именно такъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Господинъ величественной наружности взялъ свою шляпу и, отговорясь важными дѣлами, докладомъ, который ему на-

добно приготовить къ слѣдующему дню, и еще чѣмъ-то, раскланялся и вышелъ.

— Ну, что съ тобой дѣлать!—говорилъ помѣщикъ, провожая его:—а все это, братецъ, проклятое честолюбіе, ей Богу честолюбіе... Не забудь же о моемъ молодомъ человѣкѣ, я пришлю его къ тебѣ.

— Непремѣнно,—пробормоталъ господинъ величественной наружности, надѣвая свою шубу.

Помѣщикъ возвратился къ остальнымъ гостямъ.

— Идетъ въ гору!—сказалъ онъ, будто про себя и потряхивая головою.

— Да кто это такой, Сергѣй Никифорычъ?—спросили у него гости почти въ одинъ голосъ.

— Это, изволите видѣть, чиновникъ по особымъ порученіямъ при...

— Голова, нечего сказать!—замѣтилъ господинъ съ Анной:—видно сейчасъ, что изъ ученыхъ.

— Онъ! о, да, я вамъ скажу, онъ все знаетъ: о чемъ ни заговорите съ нимъ, его ни на чемъ не собьешь: я вѣдь служилъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Боекъ-съ, боекъ!—воскликнулъ господинъ съ Владиміромъ.

Когда гости разъѣхались, помѣщикъ тотчасъ затушилъ стеариновыя свѣчи и подумалъ:

— Радъ душевно, что почти устроилъ Васю: у меня какъ гора съ плечъ свалилась; теперь малый-то перестанетъ бить баклуши. Обрадую же я отца его; я думаю старикашка мой такъ и зальется слезами. Спасибо Андрею Яковлевичу, спасибо,—и вѣрно онъ ему славное мѣсто доставитъ.

Послѣ этого помѣщикъ легъ спать и по обыкновенію спалъ до утра безъ просыпа... Когда господинъ величественной наружности возвратился домой, онъ сказалъ своему лакею:

— Послушай, Антошка, если ко мнѣ будетъ приходить молодой человѣкъ такой худощавый, средняго роста, отъ Сергѣя

Никифорыча, который остановился у Демута, то говорить, что меня дома нѣтъ! Слышишь?

— Слушаю-съ.

Послѣ этого господинъ величественной наружности легъ почивать, но онъ провертѣлся на постели до самаго утра, а заснуть никакъ не могъ, потому что все размышлялъ о томъ, получитъ ли онъ къ новому году Владиміра 3 степени и удастся ли ему лишить мѣста одного своего товарища по службѣ, который иногда заслонялъ его собою...

Цѣна 1 р. 50 к.